Фрэнк Герберт

ЕРЕТИКИ ДЮНЫ

Еретики Дюны
Фрэнк Герберт

Аннотация
Фрэнк Герберт. Еретики Дюны

Аннотация

Спустя полторы тысячи лет после катастрофы и великого исхода из Старой Империи на родину возвращаются потомки переселенцев. Они несут с собой странные пугающие технологии и опасные идеи, способные снова ввергнуть мир в хаос…

Фрэнк Герберт
Еретики Дюны

Frank Herbert
HERETICS OF DUNE
Печатается с разрешения Herbert Properties LLC и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.
© Frank Herbert, 1984
© Перевод. А. Анваер, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Когда я писал «Дюну»…

…то был совершенно свободен от мыслей об успехе или провале книги. Единственное, что меня занимало, — это сам процесс творчества. Прежде чем сесть за стол, чтобы сплести воедино все нити сюжета, я потратил шесть лет на серьезную исследовательскую работу. Труд над книгой потребовал от меня высочайшей сосредоточенности.

Повествование было призвано исследовать миф о мессии.

Мне хотелось взглянуть на обитаемую планету как на некую энергетическую машину.

Проникнуть в тесную взаимосвязь политики и экономики.

Исследовать ловушки, которые таят в себе абсолютные предсказания.

Книга должна была стать лекарством, помогающим осознать, что может произойти от взаимодействия упомянутых факторов.

В моей книге аналогом нефти является питьевая вода, запасы которой истощаются с каждым годом.

Это был экологический роман, но я не мог замыкать себя в столь тесные рамки, — в романе описаны судьбы людей, их жизнь и человеческие

ценности. Мне постоянно приходилось держать в голове все линии сюжетной канвы.

Для прочего просто не оставалось места.

После первой публикации сообщения издателей были скудными, и как выяснилось позже, не вполне точными. Критики были беспощадны. Двенадцать издателей вернули мне рукопись. Не было никакой рекламы. Что-то тем не менее происходило… Но что?

В течение двух лет книжные магазины и отдельные читатели завалили меня письмами с одним-единственным вопросом: «Где можно купить книгу?» Во Всемирном Каталоге появилась хвалебная статья. Мне звонили и спрашивали, не основал ли я новый религиозный культ.

Я отвечал, что ни в коем случае не собирался этого делать.

Постепенно я начал осознавать, что мой роман имеет успех. К тому времени, когда были закончены первые три тома «Дюны», у меня уже не было сомнений в том, что это популярная книга — одна из самых популярных в истории. Мне говорили, что во всем мире было продано больше десяти миллионов экземпляров. Теперь мне чаще всего задают следующий вопрос: «Что означает для вас этот успех?»

Вопрос этот меня удивляет. Честно признаться, я не рассчитывал на неудачу. Передо мной стояла задача, и я выполнял ее. Некоторые части «Мессии Дюны» и «Детей Дюны» были написаны до того, как я закончил «Дюну». Книги постепенно обрастали плотью, но суть оставалась прежней. Я — писатель, и я писал. Успех означал только одно — теперь я мог уделить писательству больше времени.

Оглядываясь назад, я понимаю, что инстинктивно выбрал совершенно правильную тактику. Нельзя писать ради успеха. Это отвлекает от творчества. Если ты занят делом, то надо делать только его, а мое занятие — писать.

Между мною и читателем существует неписаное соглашение. Если человек приходит в книжный магазин и платит за мой роман заработанные тяжким трудом деньги, то я просто обязан доставить ему удовольствие, хотя мой долг перед ним превышает то, что я в состоянии дать.

Таковы были мои искренние намерения.

Фрэнк Герберт

Суть большинства учений скрыта – эти учения предназначены не для того, чтобы освобождать, но для того, чтобы ставить пределы. Никогда не спрашивай «Почему?». «Как?» и «Почему?» неумолимо приводят к парадоксам. «Как?» загоняет вас в ловушку бесчисленных причин и следствий. И те и другие отрицают бесконечность.

Апокрифы Арракисад

— Разве не говорила тебе Тараза, что мы имели дело с одиннадцатью Дунканами Айдахо? Нынешний — двенадцатый. — Облокотившись на парапет третьего этажа, пожилая Преподобная Мать Швандью произнесла эти слова с задумчивой горечью. Внизу, на небольшой лужайке в одиночестве играл мальчик. Яркое полуденное солнце планеты Гамму, отражаясь от белых стен двора, наполняло воздух сияющим светом; казалось, что на маленького гхола направлен луч солнечного зайчика.

Имели дело! — подумала Преподобная Мать Луцилла. С большим трудом заставив себя коротко кивнуть, она подивилась холодности и небрежности в выборе выражений, столь характерных для Швандью. *Мы использовали все свои ресурсы;*

пришлите нам еще!

Мальчику на лужайке можно было дать около двенадцати стандартных лет, но внешность, скорее всего, была обманчивой — у гхола еще не пробудилась исходная память. В этот момент ребенок поднял глаза и взглянул на женщин. Мальчик был коренаст и крепок, взгляд его казался прямым и мужественным. Глаза сверкнули из-под шапки курчавых, словно каракуль, черных волос. Желтое весеннее солнце отбрасывало от фигурки ребенка короткую тень. Кожа мальчика загорела до черноты, но сдвинувшийся от движения край синего комбинезона открыл очень светлую кожу.

— Эти гхола не только очень дороги, они еще и в высшей степени опасны для нас, — продолжала Швандью. Ее голос был лишен какого бы то ни было выражения и эмоций, и это придавало ему еще больше властности. То был голос Преподобной Матери Наставницы, обращающейся к ученице, и Луцилла лишний раз вспомнила, что Швандью была одной из немногих, кто решался открыто протестовать против проекта гхола.

Тараза предупреждала: «Она постарается переиграть тебя».

— Достаточно с нас одиннадцати неудач, —

проговорила Швандью.

Луцилла посмотрела на покрытое морщинами лицо Швандью и внезапно подумала: *Когда-нибудь я тоже стану старой и мудрой. Возможно, что и власть моя в Бене Гессерит будет не меньшей.*

Швандью была маленькой тщедушной женщиной, возраст которой выдавали многочисленные отметины, полученные на трудной службе в Общине Сестер. Во время обучения Луцилла узнала, что обычная черная накидка Швандью скрывает тощее морщинистое тело, которое видели только служанки и предназначенные для нее мужчины. Рот Швандью был излишне широк, нижнюю губу окаймляли морщины, избороздившие выступающий вперед подбородок. Манеры женщины были отрывисты, речь краткой, что многие из новичков расценивали как признак гнева. Глава Убежища Общины на Гамму была более скрытной, чем все остальные Преподобные Матери.

Более чем когда-либо Луцилле захотелось побольше узнать о проекте гхола. Однако Тараза четко очертила границу, дальше которой не следовало ступать: «Не следует доверять Швандью в том, что касается безопасности гхола».

— Мы полагаем, что тлейлаксианцы сами

убили большинство из предыдущих одиннадцати, — продолжала между тем Швандью. — Это само по себе кое-что да значит.

Подражая манере Швандью, Луцилла ждала, не проявляя никаких эмоций. Всем своим видом она желала сказать: «Возможно, я намного моложе тебя, Швандью, но и я тоже являюсь полноправной Преподобной Матерью». Не поворачивая головы, Луцилла чувствовала, как Швандью сверлит ее взглядом.

Швандью видела голографический портрет Луциллы, но женщина во плоти и крови сильно ее смутила. Луцилла прошла, без сомнения, блестящую подготовку. Ярко-синие проницательные глаза очень шли к ее овальному лицу. Капюшон абы был откинут назад, открывая каштановые волосы, скрепленные у висков гребнем и рассыпавшиеся по спине. Даже глухая накидка не могла скрыть выступающей округлой груди. Луцилла происходила из генетической линии, созданной для материнства, и действительно родила уже троих детей для Общины, причем двоих от одного и того же супруга. Да, настоящая колдунья с каштановыми волосами, полной грудью и предрасположенностью к материнству.

— Ты почти ничего не говоришь, — сказала

Швандью, — это означает, что Тараза расположила тебя против меня.

— Есть ли у тебя основания полагать, что убийцы попытаются убить двенадцатого гхола? — спросила Луцилла.

— Они уже делали это.

Очень странно, что при мыслях о Швандью в голову приходит слово «ересь», подумала Луцилла. Может ли среди Преподобных Матерей быть еретичка? Религиозному оттенку этого слова, казалось, не было места в контексте Бене Гессерит. Как вообще может возникнуть религиозное еретическое течение среди людей, все устремления которых направлены на манипулирование всеми вещами?

Луцилла вновь обратила свое внимание на гхола, который, улучив момент, прошелся колесом вдоль периметра лужайки и снова вернулся под балкон. Мальчик остановился и посмотрел вверх.

— Как он хорошо крутится, — насмешливо произнесла Швандью. Старушечий голос не смог скрыть затаенную злобу.

Луцилла метнула быстрый взгляд на Швандью. *Ересь.* Здесь неуместно слово «раскол». Понятием *оппозиция* нельзя было выразить все чувства,

которые сейчас бушевали в старой женщине. Эти эмоции могли потрясти самые устои Бене Гессерит. Бунт против Таразы, против Верховной Преподобной Матери? Немыслимо! Верховная Мать обладала прерогативами монарха. Выслушав все советы, она принимала решение, которое было обязательным для всех Сестер Общины.

— У нас нет времени на создание новых проблем! — воскликнула Швандью.

Смысл ее слов был совершенно ясен. Люди из Рассеяния продолжали возвращаться, и намерения некоторых из них угрожали Общине Сестер. *Почтенные Матроны!* Как это словосочетание напоминает титул Преподобной Матери.

Луцилла запустила пробный шар:

— Ты думаешь, что нам стоит сосредоточить свое внимание на проблеме этих Почтенных Матрон из Рассеяния?

— Сосредоточить? Ха! У них нет и тени нашей власти. Они не проявляют никакой доброй воли и здравого смысла. Они не обладают меланжей, а это именно то, что они хотят получить от нас, — обладание Пряностью.

— Возможно, — согласно кивнула Луцилла. Аргумент показался ей слабоватым.

— Верховная Мать Тараза, забыв здравый

смысл, носится с этим гхола, — снова заговорила Швандью.

Луцилла промолчала. Проект гхола задел старую, давно умолкнувшую было струну Общины Сестер. Сама возможность, пусть даже отдаленная, возродить Квисатц Хадераха, порождал в рядах Сестер страх и ненависть. Пробудить к жизни останки червеобразного тирана! Это было крайне опасно.

— Этот гхола не должен попасть на Ракис ни при каких обстоятельствах, — злобно пробормотала Швандью. — Пусть Червь спит.

Луцилла снова посмотрела на ребенка-гхола. Мальчик отвернулся от парапета, но что-то в его осанке говорило о том, что он понимает, что Преподобные Матери обсуждают его, и ждал вынесения вердикта.

— Без сомнения, ты понимаешь, что тебя призвали именно потому, что он еще очень юн, — сказала Швандью.

— А я и не слышала, что именно у таких детей сильнее всего выражен импринтинг, — с мягкой иронией произнесла Луцилла, понимая, что ирония эта не ускользнет от внимания Швандью и будет неправильно истолкована. Бене Гессерит давно научился управлять сотворением, воспи-

тал блестящие кадры — это управление стало специальностью Общины Сестер. Швандью сейчас, должно быть, думает о том, что любовью надо пользоваться, но всячески ее избегать. Аналитики Общины знали, в чем кроются корни любви. Этот вопрос был исследован в самом начале их пути, но Сестры не осмелились искоренить это чувство в тех, на кого пытались влиять. Неукоснительное правило гласило: будьте терпимы к любви, но сами берегитесь ее. Знайте, что любовь внедрена в самые глубинные структуры человеческого существа, являясь надежной основой непресекающегося продолжения рода. При необходимости ее надо использовать, внушать людям любовь друг к другу, а потом использовать в интересах Общины Сестер, зная, что эти люди связаны неразрывными узами, практически недоступными стороннему наблюдателю. Но при наличии знаний эти нити можно с успехом использовать, заставляя любящих исполнять нужный танец под неосознанную ими самими музыку.

— Я не предполагала, какую мы совершаем ошибку, подвергая это создание импринтингу, — сказала Швандью, неверно поняв молчание Луциллы.

— Мы делаем то, что нам приказано делать, —

значительно произнесла Луцилла. Пусть Швандью думает по этому поводу что ей заблагорассудится.

— Следовательно, ты не возражаешь против отправки этого гхола на Ракис, — сказала Швандью. — Интересно, стала бы ты так упорствовать, если бы знала подноготную всей истории?

Луцилла глубоко вздохнула. Неужели сейчас ей расскажут все, что связано с созданием многочисленных гхола Дункана Айдахо?

— На Ракисе живет маленькая девочка по имени Шиана Браф, — заговорила Швандью. — Она обладает способностью управлять гигантскими червями.

Луцилла попыталась сдержать внезапно проснувшуюся тревогу. *Гигантские черви. Не Шаи-Хулуд. Не шайтан. Гигантские черви.* Наконец-то появились наездники, оседлавшие червей, предсказанные Тираном!

— Это не пустая болтовня, — проговорила Швандью, недовольная затянувшимся молчанием Луциллы.

Это действительно не пустая болтовня, подумала Луцилла. *Но ты называешь вещи согласно их описательным ярлыкам, а не по их мистическому смыслу. Гигантские черви. На самом-то деле ты*

думаешь о Тиране, Лето II, чей бесконечный сон продолжается в виде перлов сознания каждого такого червя. Во всяком случае, мы верим в это.

Швандью кивнула головой в сторону ребенка на лужайке.

— Как ты думаешь, этот гхола сможет повлиять на девочку, управляющую червями?

Наконец-то мы сбросили личину, подумала Луцилла, но вслух произнесла другое:

— Не чувствую никакой потребности отвечать на этот вопрос.

— А ты действительно осторожна, — сказала Швандью.

Луцилла выгнула спину и потянулась. *Осторожна? Да, в самом деле!* Тараза говорила ей: «Во всем, что касается Швандью, действуй со всей возможной осторожностью, но быстро. Временной промежуток, в течение которого мы можем достичь успеха, весьма узок».

Но в чем заключается этот успех? — подумала Луцилла. Она искоса взглянула на Швандью.

— Я не понимаю, каким образом тлейлаксианцы смогли убить одиннадцать этих гхола. Как они сумели преодолеть нашу защиту?

— Теперь у нас есть башар, — ответила Швандью. По ее тону чувствовалось, что она сама не

верит в то, что говорит.

Напутствуя Луциллу, Верховная Мать Тараза сказала: «Ты — импринтер. Прибыв на Гамму, ты сама кое в чем разберешься. Но для выполнения своей миссии тебе не обязательно знать весь замысел».

— Ты только подумай о цене! — произнесла Швандью, неприязненно глядя на гхола. Мальчик в это время полз по лужайке, хватаясь за пучки травы.

Луцилле было совершено ясно, что цена здесь ни при чем. Гораздо важнее было открытое признание в неудаче. Община Сестер не имела права расписаться в собственном бессилии. Жизненно важно было другое — импринтер был прислан достаточно рано. Тараза понимала, что импринтер увидит обстановку и частично в ней разберется.

Костлявой рукой Швандью указала на ребенка, который снова вернулся к своим одиноким играм, бегая и кувыркаясь на лужайке.

— Политика, — проговорила старуха.

Нет никакого сомнения, что именно политика Сестер лежит в основе ереси *Швандью,* подумала Луцилла. Вся интрига внутренних противоречий состояла в том, что именно Швандью стала руководителем Убежища здесь, на Гамму. Те, кто

осмеливался противостоять Таразе, предпочитали не отсиживаться в тени.

Швандью обернулась и посмотрела в лицо Луцилле. Сказано было уже достаточно. Того, что они обе сказали и услышали, было довольно для тренированного сознания воспитанниц Бене Гессерит. Капитул тщательно проверил кандидатуру Луциллы, прежде чем прислать ее на Гамму.

Луцилла почувствовала, что старуха внимательно изучает ее, но не позволила ей коснуться того глубинного ощущения цели, на которое каждая Преподобная Мать опирается в минуты потрясения. *Вот так. Пусть она повнимательнее ко мне приглядится.* Луцилла повернулась лицом к Швандью, на губах молодой женщины заиграла приветливая улыбка, в то время как взгляд блуждал по крыше дома напротив.

В этот момент на крыше появился человек в военной форме, вооруженный тяжелым лазерным ружьем. Он внимательно взглянул на женщин, потом перевел взгляд на мальчика.

— Кто это? — спросила Луцилла.

— Патрин, доверенный помощник башара, — ответила Швандью. — Утверждает, что он всего лишь ординарец, но надо быть слепым идиотом, чтобы в это поверить.

Луцилла внимательно пригляделась к мужчине. Итак, это Патрин. Тараза говорила, что он уроженец Гамму. На эту должность его пригласил сам башар. Этот худощавый блондин был слишком стар, чтобы служить простым солдатом, однако башар самолично вызвал его из отставки и приказал нести службу.

Швандью заметила ту неподдельную озабоченность, с которой Луцилла перевела взгляд с Патрина на маленького гхола. Да, если для охраны Убежища призвали башара, значит, жизни гхола угрожала нешуточная опасность.

Луцилла не стала скрывать своего внезапного удивления.

— Почему… именно он…

— Таков приказ Майлса Тега, — ответила Швандью, назвав башара по имени. — Игры мальчика — это тренировка. Его мышцы должны быть подготовлены к тому моменту, когда восстановится его истинное «я».

— Но ведь он не выполняет даже простейших упражнений, — возразила Луцилла. Ее собственные мышцы непроизвольно напряглись, вспомнив давнюю тренировку.

— Мы не делимся с этим гхола таинствами Общины, — сказала Швандью. — Практически

все остальное из сокровищницы наших знаний окажется в его распоряжении. — По ее тону было ясно, что Преподобная Мать сама считает эти аргументы весьма спорными.

Луцилла действительно возразила:

— Но ведь никто всерьез не думает, что этот гхола может стать Квисатц Хадерахом.

В ответ Швандью только пожала плечами.

Луцилла принялась молча размышлять. Может ли произойти трансформация этого гхола в мужской вариант Преподобной Матери? Сможет ли этот Дункан Айдахо заглянуть туда, куда не осмеливается взглянуть ни одна Преподобная Мать?

Швандью заговорила. Ее голос был больше похож на звериный рык.

— Замысел этого проекта… был задуман очень опасный план. Они могут совершить ту же самую ошибку… — она осеклась.

Они, подумала Луцилла. *Их гхола.*

— Я отдала бы все, что угодно, за то, чтобы знать, какую позицию занимают в этом деле иксианцы и Говорящие Рыбы, — сказала Луцилла.

— Говорящие Рыбы! — Швандью тряхнула головой, негодуя от одной только мысли об остатках гвардии, которая когда-то служила только и исключительно Тирану. — Они верят в истину и

справедливость.

Горло Луциллы на мгновение сдавила спазма, но она быстро взяла себя в руки. Швандью осталось сделать лишь один шаг, чтобы открыто высказать свою оппозицию. Однако она командует здесь. Правила политики просты: те, кто противится какому-либо проекту, должны отслеживать его, чтобы прервать при первых же тревожных признаках. Но там, внизу на лужайке, находится истинный гхола Дункан Айдахо. Сравнительный клеточный анализ, и Вещающие Истину подтвердили это.

Приказ Таразы был ясен и краток: «Ты должна научить его любви во всех ее формах».

— Он еще так юн, — произнесла Луцилла, не отрывая взгляда от маленького гхола.

— Да, юн, — согласилась Швандью. — Я полагаю, что пока тебе придется пробудить в нем детский ответ на материнскую привязанность. Потом… — Швандью пожала плечами.

На лице Луциллы не дрогнул ни один мускул. Воспитанницы Бене Гессерит обязаны повиноваться приказам. *Я — импринтер. Поэтому…* Приказ Таразы и тренировка импринтера предполагали вполне определенный ход событий.

Вслух Луцилла сказала совсем иное:

— Есть одна женщина, очень похожая на меня и говорящая моим голосом. Я подготовлена по ее образу. Могу я узнать, кто она?

— Нет.

Луцилла промолчала. Она не ожидала откровенности, но многие не раз отмечали удивительное сходство Луциллы со Старшей Матерью Охранительницей Дарви Одраде. Несколько раз Луцилла слышала, как ей вслед говорили: «Вылитая Одраде в молодости». Обе — Луцилла и Одраде — происходили от Атрейдесов, в их генетической линии были возвратные скрещивания с потомками Сионы. Эти гены не были монопольной собственностью Говорящих Рыб! Однако *память других,* заключенная в сознании Преподобной Матери, при всей своей линейной избирательности и ограниченности женскими образами, давала все же важный ключ к пониманию громадных очертаний проекта гхола. Луцилла, которая в своем опыте опиралась на маску Джессики, заложенную в генетический материал Общины около пяти тысяч лет назад, теперь ощутила страх перед этим источником. Во всем чувствовался знакомый до боли паттерн. Луцилла ощутила такую обреченность, что стала машинально читать Литанию против страха,

которой ее научили при первом посвящении в ритуалы Общины Сестер.

«Я не должна бояться. Страх — убийца разума. Страх — это маленькая смерть, несущая с собой полное отупение. Я встречу свой страх лицом к лицу. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет, я обращу свой внутренний взор на его путь. Там, где прошел страх, не остается ничего. Остаюсь только я».

К Луцилле вновь вернулось спокойствие.

Почувствовав это, Швандью позволила себе немного расслабиться. Луцилла не была тупицей, *особой* Преподобной Матерью, с пустым титулом и лишенной способности действовать, не приводя в замешательство Сестер. Луцилла была настоящей, от нее трудно было скрыть реакцию, даже если это реакция другой Преподобной Матери. Что ж, очень хорошо, пусть она знает все о противодействии Швандью этому идиотскому и опасному проекту!

— Я не думаю, что их гхола доживет до поездки на Ракис, — сказала Швандью.

Луцилла сделала вид, что пропустила эти слова мимо ушей.

— Расскажи мне о его друзьях, — попросила она.

— У него нет друзей, только учителя.

— Когда я познакомлюсь с ними? — Она задержала взгляд на Патрине, который стоял с ружьем на изготовку, опершись на низкий столбик парапета противоположной крыши. Внезапно потрясенная Луцилла поняла, что Патрин внимательно наблюдает за ней. Патрин — вестник башара! Швандью несомненно все видела и понимала. *Мы следим за ним!*

— Полагаю, что прежде всего ты хотела бы познакомиться с Майлсом Тегом, — сказала Швандью.

— И не только с ним.

— Может быть, тебе стоит сначала наладить контакт с самим гхола?

— У меня уже есть с ним контакт. — Луцилла кивнула в сторону мальчика, который снова неподвижно стоял посреди замкнутого дворика и внимательно смотрел на женщин. — Он умеет думать.

— Я могу полагаться только на доклады других, — сказала Швандью, — но на их основании я подозреваю, что этот является самым мыслящим из всей серии.

Луцилла с трудом подавила дрожь, которая охватила ее от той готовности к насилию, которая

просквозила в словах старухи. В них не было даже намека на то, что мальчик внизу принадлежит к роду человеческому.

Пока Луцилла размышляла, на небо, как и обычно в этот час, набежали тучи. Над Убежищем задул холодный ветер, взметая вихри на внутреннем дворе. Мальчик отвернулся и принялся бегать по траве, стараясь движениями сохранить тепло.

— Куда он уходит, чтобы побыть одному? — спросила Луцилла.

— По большей части в свою комнату. Несколько раз он пытался бежать, но мы убедили его в бесплодности попыток.

— Должно быть, он ненавидит нас всей душой.

— Я в этом уверена.

— Я должна немедленно положить этому конец.

— Естественно, импринтер никогда не должен сомневаться в своих способностях преодолеть ненависть.

— Я много думала о Геазе, — Луцилла понимающе посмотрела на Швандью, — и нахожу достойным удивления, что вы позволили ей допустить такую ошибку.

— Я никогда не вмешиваюсь в естественный

процесс обучения гхола. Если кто-то из учителей оказывает ему особое внимание, то это не моя проблема.

— Привлекательный ребенок, — сказала Луцилла.

Они еще некоторое время постояли у парапета, наблюдая за тренировочной игрой гхола Дункана Айдахо. Обе Преподобные Матери думали о Геазе, одной из первых учительниц, прибывших сюда для осуществления проекта гхола. Отношение Швандью не отличалось особой сложностью: *Миссия Геазы была обречена на неудачу.* Луцилла же думала иначе: *Швандью и Геаза сильно усложнили мою задачу.* Ни одна из женщин ни единым жестом не выдала этих мыслей, которые подтверждали их верность своим взглядам.

Наблюдая за ребенком, Луцилла по-новому оценила то, чего в действительности сумел достичь Тиран Бог-Император. Лето Второй использовал бесчисленные копии этих гхола на протяжении огромного срока в тридцать пять тысяч лет. В течение этого срока гхола беспрерывно сменяли друг друга. Да и сам Бог-Император Лето Второй не был просто слепой силой природы. Он был величайшим джаггернаутом человеческой истории, изменявшим все на свете: социальные

системы, естественную и противоестественную ненависть, формы правления, ритуалы (запретительные и предписывающие), религиозные привычки и религиозные переживания. Сокрушающая длань Тирана коснулась всего, в том числе и Бене Гессерит.

Лето Второй называл это Золотым Путем, и выдающейся фигурой на этом пути всегда была копия Дункана Айдахо. Луцилла изучала донесения Бене Гессерит — возможно, самые лучшие образчики этого жанра во всей обитаемой вселенной. Даже сегодня на большинстве старых имперских планет новобрачные разбрызгивают воду на восток и на запад, произнося на местных языках: «Пусть твое благословение вернется к нам от нашего приношения, о Бог Бесконечной Силы и Бесконечной Милости».

Когда-то этот ритуал был прерогативой Говорящих Рыб и их покорного воле Императора священства — это усиливало послушание и почитание Божества. Но феномен начал жить собственной жизнью и постепенно превратился в навязчивость, охватившую все слои общества. Даже самые сомневающиеся верующие говорили: «Ну что ж, во всяком случае, от этого не будет никакого вреда». То было достижение, перед

которым в благоговейном ужасе преклонялись даже изощренные конструкторы религий из Защитной Миссии Бене Гессерит. Тиран сумел превзойти их на этом поприще. Даже теперь, спустя полторы тысячи лет после смерти Тирана, Сестры были бессильны развязать узел этого достижения Лето Второго.

— Кто отвечает за религиозное воспитание ребенка? — спросила Луцилла.

— Никто, — ответила Швандью. — Кому это надо? Если он при пробуждении автоматически усвоит свой исходный образ, то вместе с ним он усвоит и религиозные идеи. Если надо, то мы будем разбираться именно с ними.

Тем временем мальчик закончил свои упражнения. Не удостоив женщин взглядом, он покинул двор через расположенные слева широкие двери. Патрин, тоже не взглянув на Преподобных Матерей, тотчас же покинул свой пост.

— Пусть тебя не вводит в заблуждение простое поведение людей Тега, — сказала Швандью. — У них глаза на затылке. Мать, родившая Тега, была, как тебе известно, одной из нас. Он учит, что с этими гхола лучше не иметь дела!

Взрыв – это сжатие времени. Существует точка зрения, что в какой-то степени все доступные наблюдению изменения во вселенной являются взрывными по своей природе; в противном случае они были бы незаметны. Медленные изменения гладкого континуума, при их достаточно медленном темпе, остаются незамеченными наблюдателем из-за краткости времени, имеющегося в его распоряжении. Поэтому на основании своего опыта я могу сказать, что видел изменения, которые остались незамеченными.

Лето II

Освещенная утренним солнцем женщина, стоявшая перед столом, за которым сидела Верховная Преподобная Мать Альма Мавис Тараза, была высокой и грациозной. Длинная черная аба, ниспадавшая сверкающим водопадом с плеч до самого пола, не могла скрыть гибкости и изящества движений ее обладательницы.

Подавшись вперед, Тараза просматривала закодированные шифром Бене Гессерит записи, которые проецировались сейчас на поверхность стола и предназначались только для ее глаз.

На поверхности стола появилась надпись

«Дарви Одраде», после чего последовала краткая биография, которую Тараза знала уже во всех подробностях. Подобный тайный дисплей служил нескольким целям — он обеспечивал напоминание необходимых для работы деталей, позволял выиграть время в необходимых случаях, когда можно было сделать вид, что разглядываешь записи, кроме того, такой журнал позволял принять окончательное решение в случае, если в ходе беседы всплывали какие-либо негативные факты.

Одраде родила для Бене Гессерит девятнадцать детей, сообщили Таразе проплывающие перед глазами буквы. Все дети были рождены от разных отцов. В этом не было бы ничего необычного, но даже при самом пристальном взгляде нельзя было сказать, что столь частые роды сказались на фигуре Одраде. Черты лица носили отпечаток врожденной надменности, которую подчеркивали длинный нос и острые выдающиеся скулы. Все черты словно спускались вниз, указывая на узкий вытянутый подбородок. Рот, однако, был полным и чувственным, обещая страсть, которую Одраде умела обуздывать.

Мы всегда можем положиться на гены Атрейдесов, подумала Тараза.

Занавеска затрепетала на ветру, и Одраде, оглянувшись, посмотрела на нее. Женщины находились в малом зале утренних приемов Таразы — элегантно обставленном помещении в зеленых тонах. Контрастом выделялось лишь кресло арктически белого цвета, на котором восседала Тараза. Сводчатое окно выходило на восток, в сад и на лужайку; вдалеке виднелись заснеженные вершины гор Планеты Капитула.

Не отрывая взгляда от стола, Тараза заговорила:

— Я очень рада, что вы обе — ты и Луцилла — приняли назначение. Это сильно облегчает мою задачу.

— Я очень хочу познакомиться с Луциллой, — сказала Одраде, глядя сверху вниз на голову Таразы. Говорила Дарви глубоким и нежным контральто.

Тараза откашлялась.

— В этом нет никакой необходимости. Луцилла — один из наших лучших импринтеров. Естественно, каждая из вас подверглась идентичной процедуре освобождения от условностей, чтобы подготовить вас к вашей миссии.

В небрежном тоне Таразы было что-то оскорбительное, и только привычка к длительному

общению с ней удержала Одраде от открытого негодования. Отчасти оно было вызвано словами «освобождение от условностей», догадалась Одраде. Предки Атрейдесов росли бунтарями, готовыми восстать из-за одного слова. Казалось, вся женская память Одраде была освобождена от оков и предоставлена подсознанию, свободному от всяких рациональных понятий.

Только либералы могут по-настоящему мыслить. Только либералы являются интеллектуалами. Только либералы способны понять нужды своих современников.

Сколько порока заключали в себе эти слова! — подумала Одраде. Какое требовательное и капризное «эго» прячется за этой словесной завесой.

Одраде напомнила себе, что Тараза, несмотря на свой оскорбительно-небрежный тон, употребила слово «свобода» в его исконном католическом смысле. Обобщающее образование Луциллы было тщательно скопировано с образования, полученного Одраде.

Тараза удобно откинулась на спинку кресла, но по-прежнему не отрывала взгляд от поверхности стола. Свет из восточного окна падал ей прямо на лицо, отбрасывая тень от носа и подбородка.

Маленькая женщина немногим старше Одраде, Тараза до сих пор сохранила следы красоты, которая делала ее одной из лучших селекционерок, особенно в случаях с трудными производителями. Лицо было замечательно красивым — удлиненный овал с мягкой округлостью щек. Черные волосы, уложенные в высокую прическу, были гладко зачесаны назад с высокого лба. Говорила она почти не раскрывая рта, демонстрируя потрясающее владение мимикой. Ни один человек не мог избежать притяжения глаз Таразы. Синева радужки соперничала с синевой склер. В целом лицо Верховной Преподобной Матери представляло собой маску учтивости, за которой тщетно было пытаться разглядеть какие-либо эмоции.

Тем не менее Одраде хорошо понимала состояние духа Верховной Преподобной Матери. Вот сейчас она что-то пробормочет. Словно повинуясь этому тайному приказу, Тараза действительно что-то тихо пробурчала.

Верховная Мать напряженно думала, читая на дисплее биографические данные Одраде. Многие пункты этой биографии привлекали ее пристальное внимание.

Это было обнадеживающим признаком. Тараза

не верила в такую мифическую вещь, как некая благодетельная сила, охраняющая человечество. Главными, заслоняющими по значимости все остальное, были для Таразы Защитная Миссия и Община Сестер. Все, что служило целям этих организаций, пусть даже махинации давно умершего Тирана, можно было считать благом. Все остальное было злом. Нашествие женщин из Рассеяния — этих чужаков, которые именовали себя Почтенными Матронами, — было воистину злом — пришельцам нельзя было доверять ни на йоту. Единственными надежными людьми для Таразы были члены Бене Гессерит, даже те Преподобные Матери, которые стояли в открытой оппозиции — именно эти люди были ее последним резервом, именно им и только им можно было доверять.

По-прежнему не глядя на Одраде, Тараза заговорила:

— Знаешь, что при сравнении тысячелетий, прошедших до эпохи Тирана, с временем, протекшим после его смерти, поражает резкое уменьшение числа крупных конфликтов. Со времени смерти Тирана количество таких конфликтов составляет менее двух процентов от числа конфликтов в предшествующие эпохи.

— Насколько нам это известно, — поправила

Верховную Мать Одраде.

Тараза быстро взглянула на Одраде и снова опустила глаза.

— Что?

— Мы не знаем, сколько войн произошло вне известных нам пределов. Есть ли в твоем распоряжении статистика Рассеяния?

— Конечно нет.

— Смысл твоих слов заключается в том, что Лето удалось усмирить нас, — сказала Одраде.

— Ну, если тебе угодно так считать, — протянула Тараза и уставила маркер в какое-то место на невидимом Одраде дисплее.

— Может быть, в этом есть некоторая заслуга нашего возлюбленного башара Майлса Тега или его талантливых предшественников? — спросила Одраде.

— Мы специально подбирали этих людей.

— Я не вижу смысла в этой военной дискуссии, — заявила Одраде. — Какое отношение она имеет к нашей проблеме?

— Есть люди, которые думают, что мы хотим совершить отвратительный переворот, чтобы вернуть мир к состоянию, в котором он пребывал до Тирана.

— Вот как, — Одраде презрительно сжала губы.

— Некоторые группы Заблудших Созданий продают оружие любому, кто хочет или может его купить.

— А конкретно?

— На Гамму рекой течет самое современное и сложное оружие и нет никаких сомнений в том, что тлейлаксианцы разрабатывают еще более отвратительные его образцы.

Тараза откинулась на спинку кресла, помассировала виски и заговорила тихим, почти задумчивым голосом:

— Мы полагаем, что принимаемые нами великие решения зиждутся на высоких принципах.

С этим Одраде была согласна, она и сама давно это поняла.

— Сомневается ли Верховная Мать в праведности Бене Гессерит?

— Сомневаюсь? О нет. Но я испытываю какую-то фрустрацию и подавленность. Мы всю жизнь не покладая рук работаем ради этих чистых целей, но чего мы достигаем в конце? Мы видим, что многие дела, которым мы посвятили всю свою жизнь, явились результатом мелких решений, родившихся в результате стремления их авторов к личному комфорту, решений, которые не имеют в своей основе ничего общего с теми

высокими идеалами, для осуществления которых мы живем и трудимся. В действительности же ставкой являлись светские рабочие соглашения, удовлетворявшие мелкие потребности тех, кто реально мог принимать решения.

— Я слышала, что ты называешь это политической необходимостью, — сказала Одраде.

Тараза взяла себя в руки и заговорила, не отрывая взгляда от дисплея на столе:

— Если мы позволим себе застыть в своих суждениях, то это будет означать угасание Бене Гессерит.

— В моей биографии ты не найдешь мелких корыстных решений, — заявила Одраде.

— Я ищу в ней слабости, темные пятна.

— Их ты тоже не найдешь.

Тараза с трудом удержала улыбку. Она поняла смысл этого эгоцентричного замечания: Одраде хотелось уколоть Верховную Мать. Одраде была хороша тем, что, проявляя, казалось бы, искреннее нетерпение, хранила при этом полное спокойствие и умение ждать практически до бесконечности.

Увидев, что Тараза не реагирует на ее колкости, Одраде последовала ее примеру — погрузилась в безмятежное ожидание — спокойное, размерен-

ное дыхание, ясный и трезвый ум. Давным-давно в школах Бене Гессерит Одраде научили делить прошлое и настоящее на два самостоятельных, одновременно движущихся потока. Наблюдая непосредственное окружение, она умела собирать воедино фрагменты и осколки прошлого и рассматривать их как бы на экране, расположенном на фоне настоящего.

Работа памяти, подумала Одраде. Некоторые необходимые вещи надо изгнать и уложить на дно памяти. Уничтожить барьеры. Когда все остальное становится скучным и пресным, остается ее запутанное детство.

Было время, когда Одраде жила как большинство детей: в доме вместе с мужчиной и женщиной, которые, если и не были ее настоящими родителями, выступали в данном случае in loco parentis. Все ее знакомые сверстники жили в таких же условиях. У всех этих детей были *папы* и *мамы*. Иногда работал только папа, но бывали случаи, когда на работу ходила мама. Мама Одраде не ходила на работу и сидела дома с ребенком, что избавило девочку от забот приходящей няни. Позже Одраде узнала, что ее биологическая мать заплатила большую сумму денег для того, чтобы надежно спрятать ребенка женского пола

и одновременно иметь возможность не терять ее из виду.

— Она спрятала тебя у нас потому, что очень любила тебя, — объяснила приемная мать, когда Одраде была достаточно взрослой, чтобы понять это. — Поэтому тебе не надо никому рассказывать, что не мы твои настоящие родители.

Еще позже Одраде поняла, что любовь не имела к этому никакого отношения. Преподобные Матери никогда не руководствовались в своих действиях такими приземленными мотивами, а биологическая мать Одраде была Сестрой Бене Гессерит.

Вся эта история была открыта Одраде по заранее разработанному плану. Ее имя Одраде. Дарви ее называли те, кто не пытался внушить ей любовь и не сердился на нее. Сверстники, естественно, сократили это прозвище до Дар.

Не все, однако, шло по исходному плану. Одраде хорошо помнила узкую койку в комнате, оживленной изображениями животных и фантастическими ландшафтами на пастельно-голубых стенах. Весной и летом белые занавески лениво шевелились от дуновений утреннего ветерка. Одраде помнила, как она прыгала на кровати — вверх-вниз, вверх-вниз. То была замечательная

игра, прыгая, девочка заливалась веселым, счастливым смехом. Вот во время очередного прыжка ее ловят чьи-то сильные руки, мужские руки — вот и лицо мужчины — круглое, с маленькими усиками, которые касаются ее лица. Дарви хихикает от щекотки. Во время прыжков койка билась о стену, и в этих местах оставались выбоины.

Одраде с удовольствием обыгрывала эти воспоминания, неохотно сбрасывая их в поток рационального. Отметина на стене. Следы смеха и радости. Насколько важно было то, что обозначали эти мелкие вещи.

Странными были мысли о папе. Эти мысли, как и последние воспоминания о нем, не были ни радостными, ни счастливыми. Бывали моменты, когда он становился желчным и раздражительным, предупреждая маму, чтобы она не слишком «лезла в это дело». На лице его при этом отражалась угрюмая подавленность. В таком настроении голос его становился резким и лающим. Мама затихала, в глазах ее застывало беспокойство. Одраде чувствовала это беспокойство и страх — ее охватывала неприязнь к мужчине. Но женщина лучше знала, как поступать с ним в подобных случаях — она целовала его в шею и шептала на ухо нежные слова, поглаживая его по щеке.

Аналитику-проктору Бене Гессерит стоило немалого труда вытравить из сознания Одраде эти древние «естественные» эмоции. Но даже теперь остатки их все еще присутствовали в душе Одраде и от них надо было избавиться. Но все равно Дарви отдавала себе отчет в том, что старые чувства не исчезли полностью.

Наблюдая за тем, как Тараза просматривает ее биографические данные, Одраде силилась понять, видит ли Верховная Мать какие-либо темные пятна.

Они наверняка знают, что сейчас я вполне могу справиться с эмоциями, которые так волновали меня в те давние времена.

Как же давно это было. Однако следовало признать, что образы мужчины и женщины, жившие в глубинах памяти, были связаны с существом Одраде столь прочными нитями, что полностью разорвать их было невозможно, особенно память о маме.

Оказавшись в экстремальной ситуации, Преподобная Мать, родившая Одраде, спрятала дочь у этих людей на Гамму по причинам, которые были ей до сих пор не вполне ясны. Одраде не испытывала злобы по отношению к матери, понимая, что им обеим это было необходимо, чтобы

выжить. Единственная проблема возникла из-за того факта, что приемная мать одарила Одраде чувством, которому не доверяли Преподобные Матери, — любовью.

Когда за Одраде прибыли Преподобные Матери, приемная мать не стала сопротивляться разлуке со *своим* ребенком. Две Преподобные приехали в сопровождении многочисленных прокторов — мужчин и женщин. Одраде потребовалось долгое время для того, чтобы понять значение этого трагичного поворотного момента. Женщина в глубине души всегда знала, что час разлуки неизбежно настанет. То был лишь вопрос времени. Только когда дни сложились в шесть стандартных лет, женщина начала надеяться, что девочка останется с ней навсегда.

Но вот явились Преподобные Матери со своими сильными слугами. Они ничего не забыли — Сестры Бене Гессерит выжидали удобного и безопасного момента, чтобы удостовериться, что никакой охотник не преследует запланированного потомка Дома Атрейдес.

Одраде видела, как приемной матери вручили большую сумму денег и как женщина швырнула деньги на пол. Но из ее уст не вырвалось ни одного слова протеста. Взрослые люди понимают, что

у кого власть — у того и сила.

Зажатые в самых потаенных уголках души чувства встрепенулись, и Одраде вспомнила, как женщина, не издав ни единого звука, села на стул с высокой прямой спинкой, стоявший у окна, и принялась молча, обхватив себя руками, раскачиваться взад и вперед, словно онемев от горя.

Пользуясь Голосом, изощренными уловками, курением одурманивающих трав и подавляющим авторитетом, Преподобные Матери заманили Одраде в ожидавший на улице экипаж.

— Ты уезжаешь очень ненадолго. Нас послала за тобой твоя настоящая мать.

Одраде чувствовала, что это ложь, но любопытство пересилило. *Моя настоящая мать!*

Одраде так и запомнила навсегда свою единственную настоящую мать: женщина с помертвевшим от горя лицом сидит на стуле с высокой спинкой и, обхватив себя руками, раскачивается взад и вперед, стараясь унять невыносимую душевную боль.

Позже, когда Одраде заговорила о возвращении к той женщине, Преподобные Матери включили ее опыт в курс подготовки Сестер Бене Гессерит.

«Любовь приводит к несчастью. Любовь — очень древняя сила, и в давние времена она

сыграла свою роль в сохранении рода человеческого. Но с тех пор утекло много воды, и теперь любовь не нужна для выживания вида. Запомните ошибку этой женщины и ее боль».

Став подростком, Одраде несколько модернизировала свои мечты. Она действительно вернется после того, как станет полноценной Преподобной Матерью. Она вернется и найдет ту любящую женщину, несмотря на то, что не знает никаких ее имен, кроме «мамы» и «Сибии». Одраде помнила, как взрослые, смеясь, называли маму Сибией.

Мама Сибия.

Однако Сестры распознали ее мечты и добрались до их источника, включив и его в свои уроки.

«Мечты и фантазии суть первое пробуждение того, что мы называем параллельным потоком. Это исключительно важный инструмент рационального мышления. С помощью этого инструмента ты сможешь очистить разум и сделать его пригодным для более качественного мышления».

Параллельный поток.

Одраде внимательно вгляделась в лицо Таразы, сидевшей за столом, залитым ярким утренним светом. Детская травма должна быть встроена

в реконструированное вместилище памяти. Все это происходило очень давно на Гамму, планете, которую после Великого Голода и Рассеяния восстановили люди с Дана, Дана, который в те дни носил название Каладан. Одраде полностью овладела своей способностью к рациональному мышлению, воспользовавшись памятью других, которая затопила ее сознание во время мучительного испытания Пряностью, — испытания, после которого она стала полноценной Преподобной Матерью.

Параллельный поток… Фильтр сознания… Другие памяти.

Какими мощными орудиями снабдили ее Сестры! Какими опасными орудиями. Все эти чужие жизни, прятавшиеся до поры за занавесом сознания, были инструментом выживания, а отнюдь не средством удовлетворения праздного любопытства.

Тараза заговорила, не отрывая глаз от текста, который проплывал перед ее глазами:

— Ты слишком глубоко зарываешься в памяти других людей. Это лишает тебя энергии, которая должна быть использована более целесообразно.

Верховная Мать вперила в Одраде пристальный взгляд своих синих глаз.

— Временами ты доходишь до пределов переносимости плоти. Это может привести тебя к преждевременной смерти.

— Я очень осторожна в употреблении Пряности, Преподобная.

— И продолжай в том же духе. Меланжи надо принимать ровно столько, насколько ты хочешь проникнуть в прошлое.

— Ты нашла мои пятна?

— Гамму!

Одно это слово стоило длинной речи.

Одраде все поняла. Дело было в той неизбывной травме потерянных лет на Гамму. Это было отвлечение, которое необходимо искоренить и сделать приемлемым для разума.

— Но меня посылают на Ракис, — попыталась возразить Одраде.

— Чтобы посмотреть, насколько хорошо ты помнишь изречения, касающиеся умеренности. Вспомни, кто ты!

Я Одраде, подумала женщина.

В школах Бене Гессерит не употребляли первых имен, во время перекличек назывались вторые имена. Подруги и знакомые воспринимали этот обычай и в обиходе обращались друг к другу тоже только по вторым именам. Воспитанницы рано

начинали понимать, что употребление первого, тайного, интимного имени есть способ заманить человека в ловушку привязанности.

Тараза, которая была на три класса старше Одраде, получила задание «опекать молоденькую девочку», естественно, под пристальным наблюдением опытных учителей.

«Опека» заключалась в присмотре за младшими, но суть ее была гораздо глубже — в обучении лучших воспитанниц с помощью старших сверстниц, с которыми у опекаемых складывались более тесные, чем с учителями, отношения. Тараза, имевшая доступ к досье своей подшефной, начала называть девушку Дар. Та в ответ стала называть свою опекуншу Тар. Постепенно эти два сокращения стали настолько часто произноситься вместе, что слились практически в одно имя — Дар и Тар. Преподобные Матери, узнав об этом, упрекнули девочек за столь дерзкую игру, но и сами они время от времени, забавляясь, произносили их имена вместе.

Вот и сейчас Одраде взглянула на Таразу и произнесла:

— Дар и Тар.

Улыбка тронула краешки губ Таразы.

— Интересно, что такое может содержаться в

моем досье, чего бы ты и так не знала наизусть? — спросила Одраде.

Тараза откинулась на спинку кресла, подождала, когда оно изменит конфигурацию, приспособившись к новому положению тела, и, положив руки на стол, взглянула на более молодую женщину.

В сущности, она не столь уж моложе меня, подумала Верховная Мать.

Однако со времен школы Тараза думала об Одраде только как о девочке, которая учится в младшей группе. Это навсегда проложило между ними пропасть, которую они не смогли преодолеть, несмотря на то, что миновали многие годы.

— Будь осторожна вначале, Дар, — предостерегающе произнесла Тараза.

— Эта программа началась так давно, что о начале не может быть и речи, — ответила Одраде.

— Но ты только начинаешь заниматься этим проектом, — возразила Тараза. — Собственно, мы все сейчас стоим у самых истоков дела, к которому не осмеливались приступать раньше.

— Могу ли я сейчас изучить все материалы, касающиеся проекта гхола?

— Нет.

Вот так. Весь этот высокий диспут и необходи-

мость «понимать свою роль» были перечеркнуты одним-единственным словом. Но Одраде действительно все поняла. Капитул Бене Гессерит заложил основы функционирования ордена много тысячелетий назад, и эти принципы практически не изменились. Подразделения Бене Гессерит были разделены жесткими вертикальными и горизонтальными барьерами, представляя собой изолированные группы, которые подчинялись приказам, исходившим сверху, из единого командного пункта, к которому сходились нити из разделенных ячеек ордена. Обязанности (которые, скорее, следовало бы назвать «предписанными ролями») выполнялись внутри изолированных друг от друга ячеек. Действующие в одной ячейке не знали о других исполнителях, которые работали над той же проблемой в соседних ячейках.

Но я же знаю, что в параллельной ячейке работает Преподобная Мать Луцилла, подумала Одраде. *Это логический ответ.*

Она осознала необходимость. Такая структура была заимствована у древних, глубоко законспирированных революционных организаций. Члены Бене Гессерит всегда смотрели на себя, как на перманентных революционеров. Совершаемая

ими революция была на время приостановлена в период правления Тирана Лето II.

Приостановлена, но не повернута вспять и не подавлена, напомнила себе Одраде.

— Скажи, видишь ли ты какую-либо опасность и угрозу для Сестер в том деле, к которому ты приступаешь? — спросила Тараза.

Это было одно из *особых* требований Таразы, отвечать на которые Одраде привыкла, не тратя лишних слов и не подыскивая долгих объяснений, — это могло и подождать. Она быстро ответила:

— Самое худшее случится, если мы не сможем действовать.

— Мы рассудили, что дело может оказаться опасным, — сухим, отчужденным тоном произнесла Тараза. Она не любила будить в Одраде этот талант. Женщина обладала врожденным даром чувствовать ситуации, угрожающие безопасности Общины Сестер. Этот неуправляемый дар она унаследовала от Атрейдесов, которые вообще обладали многими опасными талантами. В папке досье Одраде стояла специальная отметка: «Следует внимательно следить за потомством». И за ними следили — двое из детей Одраде были без лишнего шума преданы смерти.

Мне не следует пробуждать сейчас талант Одраде, подумала Тараза, *даже на единое мгновение.*

Правда, искушение сделать это было нестерпимо.

Тараза выключила дисплей на столе и внимательно посмотрела в глаза Одраде.

— Даже если ты найдешь идеального партнера, ты не должна скрещиваться с ним без нашего разрешения. Ты не смеешь этого делать, находясь вдалеке от нас.

— Это была ошибка моей биологической матери, — сказала Одраде.

— Ее ошибкой было то, что о ее скрещивании узнали!

Одраде и раньше слышала это суждение. У линии Атрейдесов было свойство, требовавшее неусыпного внимания повелительниц скрещивания. То был, конечно, дикий талант. Одраде знала об этом — дикий талант Атрейдесов привел к рождению Квисатц Хадераха и Тирана. Чего же теперь ищут повелительницы скрещивания? Неужели теперь их подход стал чисто негативным? Никаких опасных скрещиваний! Сама Одраде после рождения не видела ни одного из своих детей, что, впрочем, не считалось странным в

Общине Сестер. Не видела она и записей в своем генетическом файле. В этих делах Бене Гессерит действовал с надлежащей конспирацией.

Кстати, мне запрещали пользоваться доступом к чужой памяти!

Одраде нашла пустые пространства в своей памяти и открыла их. Вероятно, только Тараза и еще две Преподобные Матери — члены Совета (скорее всего, Беллонда и еще одна престарелая Преподобная Мать) имели доступ к файлам скрещивания.

Неужели Тараза и другие поклялись до самой смерти не раскрывать эту ценнейшую информацию аутсайдерам? Но в конце концов это был точно выверенный ритуал, позволявший сохранить генетическую преемственность в случае, если занимающая ключевое положение Преподобная Мать умрет вдали от своих Сестер, лишенная шансов проследить все заключенные в ней жизни. Этот ритуал часто использовался во времена правления Тирана. Какие же ужасные были эти времена! Как страшно было сознавать, что все революционные ячейки прозрачны для беспощадного взора Тирана! Чудовище! Одраде знала, что Сестры никогда не тешили себя иллюзией того, что Лето воздержался от уничтожения

Бене Гессерит лишь из верности своей бабке, госпоже Джессике.

Ты здесь, Джессика?

Одраде почувствовала какое-то внутреннее волнение. То была неудача одной из Преподобных Матерей: «Она позволила себе влюбиться!» Такая малость и такие катастрофические последствия. Тридцать пять столетий тирании!

Золотой Путь. Бесконечность? Что сказать о тех бесчисленных триллионах несчастных, разлетевшихся по вселенной? Какую опасность и угрозу таили в себе те Потерянные, которые теперь возвращались домой?

Словно читая мысли Одраде, Тараза заговорила:

— Вернувшиеся из Рассеяния уже здесь… и ждут своего часа, чтобы нанести удар.

Одраде услышала скрытый аргумент. С одной стороны, это опасно, но с другой… с другой, это потрясающе заманчиво. Так много великих неизвестных в этом грозном уравнении. Община Сестер с ее талантами, подогретыми на протяжении тысячелетий благодатной меланжей, — чего не может она сделать с таким неисчерпаемым запасом необработанного человеческого материала? Стоит только подумать о неисчерпаемом

генофонде пришельцев! Сколько талантов прилетело из бесчисленных галактик в то время, как они могли быть навеки утрачены для целей великого скрещивания!

— Невежество порождает величайшие ужасы, — сказала Одраде.

— И величайшие амбиции, — продолжила Тараза.

— Так я отправляюсь на Ракис?

— Непременно. Я нахожу, что ты пригодна для выполнения задачи.

— Или ты все же не станешь меня назначать?

Это было продолжением их старой пикировки, которая началась еще в школьные годы. Тараза, однако, сразу поняла, что Одраде действует не вполне осознанно. Слишком многое переплелось в памяти этих двух женщин: Дар и Тар. На это стоило посмотреть!

— Помни о своей верности, — проговорила Тараза.

Наличие кораблей-невидимок создает возможность безнаказанного уничтожения этих планет. Можно, например, направить на такую планету астероид или поразить ее население неким сексуальным извращением – в таком случае люди начнут сами уничтожать друг друга. Почтенные Матроны, по всей видимости, предпочитают последнее.

Анализ Бене Гессерит

Со своего места во дворе Дункан Айдахо внимательно следил за наблюдавшими за ним людьми. Первый — Патрин, но его можно было не принимать в расчет. Но напротив Патрина стояли Преподобные Матери, а они действовали Дункану на нервы своим вниманием. Айдахо взглянул на Луциллу. *Новенькая,* подумал он. Эта мысль наполнила его странным волнением, от которого он избавился, выполнив комплекс упражнений.

Дункан исполнил три части тренировки, предписанной Майлсом Тегом, и вскользь подумал о том, что Патрин непременно доложит Майлсу об успехах мальчика. Дункан любил Тега и старину Патрина, чувствуя, что это отношение взаимно. Однако появление в Убежище новой Преподобной Матери сулило какие-то интерес-

ные изменения. Во-первых, она моложе всех других. Во-вторых, эта женщина не прятала от него глаз, как это делали все другие Преподобные Матери, — это был неотъемлемый признак принадлежности к ордену Бене Гессерит. Например, при первом знакомстве с Швандью он встретился со взглядом глаз, спрятанных за контактными линзами, скрывавшими пристрастие к Пряности. Белки глаз были подернуты мелкой сеточкой кровеносных сосудов, что придавало глазам выражение усталости. От одной из служанок Убежища Дункан слышал, что линзы Швандью носила, кроме всего прочего, из-за того, что страдала врожденным наследственным астигматизмом — то была плата за другие достоинства, которые она передала своим потомкам.

В то время эти слова были лишены для Дункана большого смысла, но он навел справки в библиотеке, хотя сведения, которые он нашел, были неполными и отрывочными. Сама Швандью уклонилась от ответов на вопросы мальчика, но по поведению учителей Айдахо понял, что рассердил Преподобную своим любопытством. Это было типично для Швандью — срывать свой гнев на других.

В действительности, как думалось мальчику,

Швандью рассердилась на него за прямой вопрос — не является ли она сама его биологической матерью.

Теперь же Дункан уже давно знал, что он — человек в своем роде особенный и отличный от других. В разветвленных коридорах Убежища Бене Гессерит было несколько мест, куда ему не разрешалось входить. Мальчик нашел, однако, способы обойти эти запреты и сквозь толстые стекла дверей и окна сумел разглядеть охрану и большие пространства земли, которые легко простреливались продольным огнем из расположенных здесь же дотов. Майлс Тег сам научил мальчика пользе такого расположения дотов.

Сейчас планета называлась Гамму, но когда-то она называлась Гьеди Один, но человек по имени Гурни Халлек переименовал ее. Все это очень древняя история. Древняя и очень скучная. От грязи этой планеты до сих пор исходил слабый запах горького масла, столь характерного для Гьеди времен, предшествовавших Дану. Все изменилось, как рассказывали учителя, за те тысячи лет, что на планете культивируют специальные растения. Айдахо и сам видел вокруг Убежища густые заросли хвойных деревьев.

Продолжая исподволь наблюдать за Преподоб-

ными Матерями, Айдахо несколько раз прошелся колесом, играя напряженными гибкими мышцами, как его учил Майлс Тег.

Тег преподавал способы защиты планеты от вторжения. Вокруг Гамму вращались по орбитам наблюдательные спутники. Семьям членов экипажей запрещалось жить на борту этих спутников, что и служило залогом бдительности наблюдателей. Где-то среди межзвездных кораблей курсировали в космосе корабли-невидимки, экипажи которых целиком состояли из людей башара и Сестер Бене Гессерит.

— Я бы никогда не принял этого назначения, если бы не получил всех необходимых полномочий по организации обороны, — объяснял Тег.

Дункан понял, что именно *он* был этим таинственным назначением. Убежище было создано только для того, чтобы оберегать его, Дункана Айдахо. Спутники-наблюдатели и корабли-невидимки были частью системы, созданной Тегом для эффективной обороны Убежища.

Все это было частью военного образования, элементы которого казались Дункану странно знакомыми. Изучая способы расположения участков обороны планеты, Дункан уже заранее знал, как следует располагать в космическом

пространстве средства защиты. Вся система была очень сложна, но ее элементы — просты и легко поддавались усвоению. Это, например, касалось мониторинга состояния атмосферы и состава сыворотки крови обитателей планеты. Везде были врачи, нанятые Бене Гессерит.

— Болезни — это оружие, — сказал Дункану Тег, — и защита от него должна быть тщательно подготовлена.

Тег очень резко отзывался о пассивной обороне. Он называл ее «пережитком осадной ментальности, которая, как известно, веками порождала смертельно опасную слабость».

Когда Тег начинал говорить о военных науках, Дункан весь превращался во внимание. Патрин и книги в библиотеке подтверждали, что ментат башар Майлс Тег на протяжении длительного времени был и оставался большим авторитетом в этой области для Общины Сестер Бене Гессерит. Патрин часто рассказывал мальчику о своей службе с Тегом, и последний неизменно представал в этих рассказах истинным героем.

— Подвижность — ключ к военному успеху, — учил Тег. — Если ты засел в форте, пусть даже этот форт имеет размеры целой планеты, то в конечном счете ты все равно окажешься уязвимым

для противника.

К Гамму Тег относился без особой нежности.

— Я вижу, ты уже знаешь, что это место раньше называлось Гьеди Один. Здесь правили Харконнены, которые научили нас кое-каким полезным вещам. Теперь благодаря им мы знаем, каким жестоким может быть человеческое существо.

Вспомнив эти слова, Айдахо взглянул на Преподобных Матерей у парапета и понял, что в эту минуту они обсуждают его.

Я — назначение этой новой женщины?

Дункан терпеть не мог, когда за ним следят, и от души надеялся, что эта новая Преподобная Мать даст ему время побыть наедине с самим собой, прежде чем приступит к выполнению своего задания. Впрочем, она не выглядела жестокой. Новенькая совсем не похожа на Швандью.

Продолжая выполнять упражнения, Дункан непрестанно повторял про себя свою сокровенную литанию: *Проклятая Швандью! Проклятая Швандью!*

Швандью он ненавидел с девятилетнего возраста — уже целых четыре года, и полагал, что она не догадывается о его ненависти. Наверняка она уже забыла о том инциденте, который воспламенил ненависть Дункана.

Ему едва исполнилось девять, когда он ухитрился проникнуть в туннель, ведущий в один из дотов. В полутемном туннеле пахло плесенью и сыростью. Мальчик успел выглянуть наружу через бойницу дота, прежде чем его обнаружили и препроводили внутрь Убежища.

Это своеволие обернулось для Дункана жесткой лекцией Швандью — фигуры таинственной и страшной, человека, приказы которого должны исполняться неукоснительно и беспрекословно. Он и теперь продолжал так о ней думать, хотя уже давно знал о существовании Голоса, Повелевающего Голоса, с помощью которого Сестры Бене Гессерит могли сломить волю любого неподготовленного слушателя.

Ей надо подчиняться.

— Ты подверг дисциплинарному взысканию целое подразделение, — сказала тогда Швандью. — Эти люди будут жестоко наказаны.

Это было самое страшное из всего того, что она сказала. Дункан любил многих из охранников и частенько играл с ними, и теперь его друзьям повредит его самовольная отлучка в дот.

Айдахо знал, что значит быть наказанным.

Проклятая Швандью! Проклятая Швандью!

После нотации Швандью Дункан опрометью

бросился к главному инструктору, Преподобной Матери Тамалейн — похожей на колдунью старухе с холодными, отчужденными манерами, снежно-белой шапкой волос над узким сухим и морщинистым лицом. Он попросил инструктора рассказать, какому именно наказанию подвергнут его друзей. Как ни странно, Тамалейн задумалась на мгновение, а потом заговорила сухим, скрипучим голосом:

— Наказание? Ну, ну…

Они сидели в тесной учительской рядом с большим залом, готовность которого к занятиям Тамалейн лично проверяла каждый вечер. В учительской была масса сложных и разнообразных приборов для записи и хранения информации, и Дункан предпочел бы учительскую библиотеке, но мальчика не пускали одного в эту святая святых. В комнате, под потолком которой плавали многочисленные светящиеся шары, было очень светло. Когда Дункан вошел, Тамалейн оторвалась от занятий, связанных с подготовкой его завтрашнего урока.

— Каждое наказание принимает форму некоего священного празднества, — заговорила Тамалейн. — Охранники, несомненно, понесут суровое наказание. Очень суровое.

— Празднество? — озадаченно спросил Дункан.

Тамалейн в своем крутящемся кресле повернулась лицом к Дункану и посмотрела ему в глаза. В ярком свете блеснул оскал ее искусственных металлических зубов.

— Для наказанных история всегда принимает дурной оборот, — сказала она.

Дункан отшатнулся при слове «история». Это был сигнал. Тамалейн приготовилась преподать мальчику еще один урок. Страшный и скучный урок.

— Наказание Бене Гессерит должно быть таким, чтобы его невозможно было забыть.

Дункан внимательно смотрел на старческий рот Тамалейн и вдруг понял, что ее слова основаны на собственном болезненном опыте. Ему, кажется, предстоит узнать нечто интересное!

— Наши наказания несут в себе неизбежный урок, — продолжала Тамалейн. — И этот урок страшнее, нежели простая физическая боль.

Дункан сидел на полу возле ее ног, и снизу Сестра Тамалейн казалась огромной, зловещей, одетой в черное фигурой.

— Мы не наказываем смертельными муками, — говорила между тем Преподобная Мать. — Этот урок припасен для Преподобных Матерей, кото-

рые проходят испытание Пряностью.

Дункан кивнул. В библиотечных книгах упоминалось об испытании Пряностью — этом ритуале посвящения в Преподобные Матери.

— Тем не менее большие наказания очень болезненны, — говорила женщина. — Они болезненны и в эмоциональном плане. Та эмоция, которую мы возбуждаем, является главной эмоцией для основной слабости наказываемого, тем самым мы усиливаем воздействие наказания.

Слова Преподобной Матери наполнили Дункана огромным, неопределенным страхом. Что они собираются сделать с его охраной? Он не мог говорить, да в этом и не было нужды, Тамалейн еще не закончила свой монолог.

— Наказание всегда заканчивается десертом, — сказала она и хлопнула себя по коленям.

Десертом? Ах да, она же говорила что-то о празднестве. Это часть торжественного банкета. Но разве банкет может быть наказанием?

— Это не настоящий банкет, это, если можно так выразиться, идея банкета, — сказала Тамалейн. Рука, похожая на птичью лапку, описала в воздухе окружность. — Десерт наступает иногда очень неожиданно. Наказуемый уже думает: *Ах, кажется, я наконец прощен!* Ты понимаешь?

Дункан отрицательно покачал головой. Нет, он ничего не понял.

— Наступает самый сладостный момент, — снова заговорила Тамалейн. — Ты прошел самые болезненные повороты банкета и наконец наступил миг, которым ты можешь насладиться. *Но!* В тот момент, когда ты откусываешь, как тебе кажется, самый лакомый кусок, наступает самое мучительное, то, ради чего и затевался весь банкет. Наступает понимание того, что наслаждения не будет. Действительно не будет. Это и есть конечная боль наказания Бене Гессерит. Суть его заключена в уроках нашей Общины.

— Но что именно она сделает с этими охранниками? — вырвалось у Дункана.

— Я не могу сказать, в чем будут заключаться конкретные элементы наказания того или иного человека. Мне нет нужды это знать. Могу только сказать, что каждый понесет свое наказание.

Больше Тамалейн не произнесла ни слова и снова вернулась к составлению урока на завтра.

— Мы поговорим с тобой завтра, — сказала Тамалейн на прощание. — О постановке ударений в словах разговорного галахского.

Никто, даже Тег и Патрин, не смог ответить на вопрос Дункана о том, в чем будет состоять

наказание. Даже охранники, с которыми он встретился, отказались обсуждать с ним то, что их ожидало. Некоторые коротко отреагировали на его откровения, и никто больше не играл с ним. Наказанные не простили его, это было ясно как день.

Проклятая Швандью! Проклятая Швандью!

Да, именно тогда в его душе зародилась глубокая ненависть к ней. Она приняла на себя ненависть ко всем ведьмам и колдуньям мира. Неужели новая Преподобная Мать будет такой же, как старые?

Проклятая Швандью!

Он спрашивал саму Швандью, за что наказаны охранники. Она ответила после недолгого раздумья:

— Твое пребывание на Гамму опасно. Есть люди, которые хотят нанести тебе вред.

Дункан не спросил, за что. Это было еще одно табу — на такие вопросы никто никогда не отвечал. Никто, даже Тег, хотя само его присутствие говорило о том, что опасность действительно существовала.

А ведь Майлс Тег был ментатом, который наверняка знает ответы на множество и более сложных вопросов. Дункан часто видел, как загорались

глаза старика, когда он своими мыслями бродил в далеких краях и временах. Но ментат не отвечал на вопросы мальчика.

— Почему мы здесь, на Гамму?

— От кого ты меня защищаешь? Кто хочет нанести мне вред?

— Кто мои родители?

Реакцией на эти вопросы было молчание, лишь иногда Тег говорил:

— Я не могу ответить на эти вопросы.

Искать ответы в библиотеке было бессмысленно. Дункан понял это, когда ему было еще восемь лет и когда главным инструктором была смененная Преподобная Мать Луран Геаза — она была не такая древняя, как Швандью, но и ей, по прикидкам Дункана, было никак не меньше ста лет.

По его требованиям библиотека выдавала сведения только об истории Гамму/Гьеди, о Харконненах — их царствовании и падении и о военных доблестях Тега. Эти битвы были не слишком кровавы — не зря Тега называли «непревзойденным дипломатом». Однако, идя от одной даты к другой, Дункан проследил историю Бога-Императора и укрощения своего народа. Этот период истории овладел умом и душой мальчика на многие недели. Он нашел в архивах библио-

теки старую карту и спроецировал ее на стену. Бесстрастный голос комментатора за кадром рассказал, что в этом месте был командный пункт Говорящих Рыб, покинутый во время Рассеяния.

Говорящие Рыбы!

Как страстно желал Дункан жить в то славное время и служить мужчиной-советником в этой женской армии, солдаты которой беззаветно поклонялись великому Богу-Императору.

Жить на Ракисе в те дни!

Тег на удивление охотно говорил о Боге-Императоре, всегда называя его Тираном. Запрет с этой темы был снят, и информация о Тиране рекой полилась на Дункана.

— Я когда-нибудь увижу Ракис? — спросил както Дункан у Геазы.

— Тебя и готовят для жизни на Ракисе, — был ответ.

Он поразил Дункана. Все, чему его учили об этой планете, предстало перед мальчиком в новом свете.

— Почему я буду там жить?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

С новым рвением Дункан принялся за свои изыскания о таинственной планете с ее несчастным культом Шаи-Хулуда и Расщепленным Бо-

гом. *Черви!* Бог-Император превратился в червей. Эта идея наполнила душу Дункана небывалым благоговейным ужасом. В этом действительно было нечто, достойное искреннего почитания. Что заставило человека претерпеть такую страшную метаморфозу?

Дункан знал, что думает охрана и другие люди в Убежище по поводу Ракиса и ядра тамошнего священства. Насмешки и издевательские замечания сказали мальчику все лучше, чем самые пространные лекции.

— Вероятно, мы никогда не узнаем об этом полной правды, но знаешь, парень, поверь мне, это не религия для солдата, — заявил Дункану Тег.

Эту мысль подытожила Швандью:

— Ты должен знать о Тиране, но не обязан разделять его религию. Презирай ее, она ниже твоего достоинства.

Каждую свободную минуту Дункан тратил на то, чтобы узнать что-то новое об интересующем его предмете. Айдахо прочитал Священную Книгу Расщепленного Бога, Охранную Библию, Оранжевую Католическую Библию и даже Апокрифы. Он узнал о давно исчезнувшем Бюро Веры и «Перле, который есть Солнце Понимания».

Сама идея червей буквально околдовала Дун-

кана. Какие они большие! Самый большой экземпляр, растянувшись, сможет достать от одного конца Убежища до другого. До времен Тирана люди ездили верхом на червях, но теперь священники Ракиса запретили делать это.

Дункана захватили отчеты об археологической экспедиции, которая открыла примитивный потайной дворец Тирана на Ракисе. Место, где он находился, называется Дар-эс-Балат. На отчете руководителя экспедиции Хади Бенотто стояла пометка: «Запрещено священством Ракиса». Номер файла, где располагались материалы Бенотто, имел длинный номер, а его содержание заворожило юного Айдахо.

— Значит, в каждой частице нынешних червей таится кусочек сознания Бога-Императора? — допытывался Дункан у Геазы.

— Да, так говорят, — ответила Преподобная Мать. — Но даже если это и правда, то в нынешних червях нет сознания и души Тирана, который сам говорил, что его ожидает вечный сон.

На каждом уроке мальчику читали специальную лекцию, в которых учителя Бене Гессерит объясняли ему суть религиозных учений. В процессе занятий всплыли изречения: «Девять дочерей Сионы» и «Тысяча сыновей Айдахо».

Встретившись с Геазой, мальчик спросил:

— Мое имя тоже Дункан Айдахо. Что это может значить?

Геаза всегда двигалась так, словно ее тяготило сознание своей неудачи — голова ее постоянно клонилась вниз, а водянистые глаза вечно уставлены в пол. Встреча произошла вечером в длинном коридоре, ведущем в зал практических занятий. Услышав вопрос, Преподобная Мать заметно побледнела.

Она ничего не ответила, но Дункан не отставал:

— Я являюсь потомком Дункана Айдахо?

— Ты должен спросить об этом Швандью, — выдавила из себя несчастная Геаза.

Это был до боли знакомый ответ, и мальчик разозлился. Она сказала это только затем, чтобы заткнуть ему рот и прекратить дальнейшие расспросы. Швандью, однако, оказалась более откровенной, чем он рассчитывал.

— В тебе течет та же кровь, что и в Дункане Айдахо.

— Кто мои родители?

— Они давно умерли.

— Как они умерли?

— Я не знаю, мы получили тебя, как сироту.

— Тогда почему есть люди, которые хотят нанести мне вред?

— Они боятся того, что ты можешь сделать.

— В чем же заключается то, что я могу сделать?

— Учи свои уроки. Ты все узнаешь, когда придет время.

Заткнись и учись. Тоже вполне знакомый ответ.

Он подчинился, потому что знал, что дальнейшее упорство ни к чему не приведет. Дверь захлопнулась, Преподобная больше ничего не скажет. Теперь любознательность мальчика имела другую пищу — сообщения времен Великого Голода и Рассеяния, информация о невидимых дворцах и межзвездных кораблях, которые никто не мог выследить, даже люди, обладавшие мощнейшим предзнанием. Из этих источников мальчик и узнал, что потомки Дункана Айдахо и Сионы, этих древних людей, которые служили Богу-Императору, тоже были невидимы пророкам и обладателям предзнания. Даже Гильд-навигаторы, погруженные в глубочайший меланжевый транс, не могли чувствовать присутствия этих людей. В отчетах было сказано, что Сиона происходила из тщательно селекционированного рода

Атрейдесов, а Дункан Айдахо был гхола.

Гхола?

Он перерыл всю библиотеку в поисках толкования диковинного слова. Оно оказалось сухим и бесстрастным: *Люди, выращенные из трупных клеток в бродильных чанах в тканях аксолотлей на планете Тлейлаксу.*

Бродильные чаны с аксолотлями?

«Тлейлаксианское приспособление для воспроизведения живых людей из трупных клеток».

Опишите гхола, потребовал Айдахо.

«Невежественная плоть, лишенная исходной памяти. См. «Чан с аксолотлями».

В свои десять лет Дункан научился читать между строк и слышать информацию в многозначительном молчании. Он все понял из того, что решились открыть ему Преподобные Матери. На него словно снизошло откровение. Он знал! Ему было только десять лет, но он знал!

Я — гхола!

Он не помнил чан с аксолотлями, не помнил, как росли его клетки, из которых формировался младенец. Первым воспоминанием был образ Геазы, которая достает его из колыбели. Во взрослых глазах неприкрытое любопытство, сменившееся обычной настороженностью.

Получалось, что информация, которой его так неохотно снабжали обитатели Убежища, и данные библиотеки постепенно сложились в конкретный образ, и этим образом был он сам.

— Расскажи мне о Бене Тлейлаксу, — потребовал он у каталога библиотеки.

— Это народ, который делится на лицеделов и хозяев. Лицеделы — это стерильные, как мулы, люди, которые подчиняются хозяевам.

Зачем они сделали со мной это?

Приборы библиотеки вдруг стали отчужденными, от них явственно пахнуло опасностью. Айдахо испугался не того, что перед ним снова возникнет глухая стена, он боялся, что на этот раз получит ответ.

Почему я столь важен для Швандью и других?

Он чувствовал, что они водят его за нос — все, даже Тег и Патрин. Чем можно оправдать то, что из клеток мертвого человека делают гхола?

Следующий вопрос он задал после долгих раздумий и колебаний.

— Может ли гхола вспомнить, кто он?

— Это можно сделать.

— Каким образом?

— Существует психологическая идентичность гхола с набором исходных психологических

ответов и реакций, которую можно включить, используя травму.

Но это же совсем не ответ!

— Но каким образом это можно сделать?

В этот момент в диалог вмешалась Швандью, которая явилась в библиотеку без предупреждения. Значит, что-то в его вопросах насторожило Преподобную Мать!

— В свое время тебе все станет ясно, — сказала она.

Она снизошла до разговора с ним. В этом чувствовались явные несправедливость и неискренность. Что в его сознании сказало Айдахо, что он несет в себе больше человеческой мудрости, чем те, кто претендует на верховенство. Его ненависть к Швандью разгорелась с новой силой. Она стала персонификацией всех тех, кто мучил его, не давая ответов на естественные вопросы.

Но сейчас его воображение было воспламенено. Он овладеет своей исходной памятью! Он почувствовал, что это правда. Он вспомнит своих родителей, свою семью, друзей… и врагов.

Айдахо тотчас спросил об этом Преподобную Мать:

— Вы изготовили меня из-за моих врагов?

— Ты уже научился молчанию, — ответила

женщина. — Положись на это умение.

Очень хорошо! Именно так я и буду бороться с тобой, проклятая Швандью. Я буду молчать и учиться. Я не стану показывать тебе свои истинные чувства.

Она ему покровительствует. Ничего, скоро она перестанет это делать. Он победит их всех своей наблюдательностью и своим молчанием. Дункан выбежал из библиотеки и юркнул в свою комнату.

События последующих месяцев утвердили мальчика в уверенности, что он — гхола. Даже ребенок понимает, когда вокруг него происходит что-то необычное. Дункан иногда видел через забор других детей, которые гуляли по периметру ограды Убежища. Те дети ходили по дороге, смеялись и громко окликали друг друга. К этим детям не подходили взрослые и не заставляли их выполнять суровые обязанности, которые приходилось выполнять Дункану. Никакая Преподобная Мать Швандью не распоряжалась мельчайшими аспектами жизни гуляющих на воле детей.

Результатом этого открытия явилось большое изменение: Луран Геаза была отозвана и больше не вернулась в Убежище.

Она не должна была допустить, чтобы я узнал

о гхола.

Истина, как объяснила Швандью, стоя у парапета и наблюдая за Айдахо, Луцилле в первый же день ее прибытия на Гамму, была несколько сложнее.

— Мы знали, что этот момент неизбежно наступит. Он узнает о существовании гхола и задаст свои вопросы.

— Мне кажется, что давно наступило время для того, чтобы образованием мальчика занялась сама Преподобная Мать. Думается, что назначение Геазы было ошибкой.

— Ты спрашиваешь моей оценки? — огрызнулась Швандью.

— Твои суждения настолько совершенны, что не могут быть оспорены? — заданный тихим голосом вопрос Луциллы прозвучал как звонкая пощечина.

Швандью замолчала почти на минуту. Собравшись с мыслями, она заговорила:

— Геаза говорила, что этот гхола сумел внушить ей любовь. Уезжая, она плакала и говорила, что будет очень скучать по мальчику.

— Разве ее не предупреждали об этом?

— Геаза не проходила наших тренировок.

— Итак, в тот момент вы заменили ее на Тама-

лейн. Я не знаю ее лично, но мне известно, что она довольно стара.

— Да, довольно стара.

— Как он отреагировал на удаление Геазы?

— Он спросил, куда она исчезла, но мы не ответили.

— Чего сумела достичь Тамалейн?

— На третий день ее пребывания здесь он спокойно заявил ей: «Я ненавижу тебя. Это именно то, чего от меня ждали?»

— Так быстро?

— Сейчас он наблюдает за нами и думает: «Я ненавижу Швандью. Буду ли я ненавидеть эту новенькую?» Но при этом он видит, что ты не похожа на остальных старых ведьм. Ты молода. Он поймет, что это очень важно.

Люди живут лучше всего, когда каждый знает свое место, когда каждый знает, какое именно место он занимает в общей схеме вещей и чего он может достичь. Уничтожьте это место и вы уничтожите личность.

Учение Бене Гессерит

Майлс Тег не хотел назначения на Гамму. Мастер-оруженосец, приставленный к ребенку-гхола? Даже к такому ребенку, как этот, с накрученными вокруг него историями. Это было совершенно нежелательное вторжение в отлаженную пенсионную жизнь Тега.

Но… он всю жизнь был военным ментатом на службе у Бене Гессерит и не мог позволить себе рассчитать возможность неповиновения.

Quis custodiet ipsos custodes?

Кто будет охранять самих охраняющих? Кто проследит, чтобы стражи не напали на тех, кого они призваны оберегать?

Этот вопрос Тег на протяжении жизни обдумывал не один и не два раза. Ответом на этот вопрос стали главные принципы верности Тега Общине Бене Гессерит. Ты можешь говорить о Сестрах что угодно, но им никто не сможет отказать в постоянстве при достижении цели. Это качество

было достойно восхищения.

Это была моральная, то есть нравственная цель, особо подчеркивал для себя Майлс.

Нравственная цель Бене Гессерит полностью соответствовала принципам самого Тега. То, что это были принципы Бене Гессерит, к которым сам Тег был кондиционирован, не подлежало никакому сомнению. Рациональное мышление, а у ментатов не бывает другого, могло привести только к такому заключению.

Тег переварил догмат и пришел к сути: если человек последует этим принципам, то вселенная станет лучше. Вопрос о справедливости не ставился при этом на повестку дня. Справедливость, правосудие… Правосудие требует обращения к закону, а он подобен ветреной дамочке, подверженной капризам и предрассудкам тех, кто вводит закон в действие. Нет, здесь вопрос заключался в честности, а это гораздо более глубокая материя. Человек, которого судят, должен сознавать, что с ним поступают честно.

Для Тега утверждение «буква закона должна быть соблюдена» таило в себе опасность, угрожающую самим основам его убеждений. Честность требовала соглашения, предсказуемого постоянства, и превыше всего — верности друг другу всех

членов иерархии сверху донизу. Руководство, следующее таким принципам, не нуждается во внешнем контроле. Ты выполняешь свой долг, потому что это правильно. И ты не слепо подчиняешься, потому что эта правда предсказуемо верна. Ты делаешь что-то, потому что правота составляет суть настоящего момента действия. Ясновидение и предзнание не имели с этим ничего общего.

Тег знал о репутации Атрейдесов, как людей, способных к надежному предзнанию, но высказывания каких-то гномов и теснящихся в памяти не укладывались в картину его вселенной. Ты принимаешь вселенную такой, какой ты ее видишь, и применяешь свои принципы там, где можешь. Абсолютные приказы в такой иерархии всегда выполняются беспрекословно. Не то чтобы Тараза говорила об абсолютном приказе, но таковы были правила игры.

— Ты идеально подходишь для выполнения этой задачи.

Он прожил долгую жизнь, занимал высокие посты и на пенсию его проводили с большим почетом. Тег знал, что он стар, медлителен, но, даже зная о неминуемо приближавшейся немощи, он ощутил, что зов долга всколыхнул его и

придал стремительность его движениям, хотя ему потребовалось усилие, чтобы подавить в себе желание сказать «нет».

Назначение исходило лично от Таразы. Могущественная начальница всего (включая и Защитную Миссию) выделила из всех именно его. Это сделала не просто Преподобная Мать, но Верховная Преподобная Мать.

Тараза лично прибыла в его тихое жилище в Лернеусе. Он был польщен такой честью и не скрывал от себя этого. Она появилась у его ворот без предупреждения, сопровождаемая лишь двумя слугами и небольшой охраной, в которой Тег узнал некоторые лица. Когда-то он обучал их боевому мастерству. Тараза выбрала интересный момент для приезда. Утром, сразу после завтрака. Без сомнения, она знала распорядок его жизни и то, что в лучшей форме он находится именно в это время. Она хотела, чтобы при встрече он проявил все свои способности в полной мере.

Патрин, бывший ординарец Тега, провел высокую гостью в восточное крыло, в небольшое уютное помещение, обставленное добротной, но грубой мебелью. Всем было известно отвращение Тега к мещанскому комфорту. С угрюмым лицом Патрин ввел Таразу, одетую в черную накидку,

в комнату. Тег сразу понял, какие настроения обуревают Патрина. Постороннему наблюдателю длинное, бледное лицо ординарца, изборожденное глубокими старческими морщинами, могло показаться неподвижной бесстрастной маской, но Тег безошибочно прочитал все, что было написано в глубоких морщинах вокруг рта и в выражении стариковских глаз. По пути сюда Тараза сказала Патрину нечто, что расстроило и взволновало старого воина.

Сквозь огромный, во всю восточную стену проем открывался великолепный вид на луга, плавно спускавшиеся к деревьям, окаймлявшим берег реки. Тараза на мгновение остановилась, чтобы полюбоваться мирной панорамой.

Не ожидая приказа, Тег нажал кнопку, и проем бесшумно прикрыла тяжелая, во всю стену, раздвижная дверь. Включились плавающие светильники. Тег рассчитал, что разговор будет сугубо конфиденциальным и отдал распоряжение Патрину:

— Будь любезен, проследи, чтобы нас не беспокоили.

— Этот приказ отдан людям на Южной Ферме, сэр, — ответил Патрин.

— Проследи за этим лично. Ты и Фирус прекрас-

но понимаете, что я хочу сказать.

Входная дверь захлопнулась за Патрином чуть громче, чем следовало, и это тоже не ускользнуло от внимания Тега.

Тараза прошлась по комнате и осмотрелась.

— Зеленая известь, — сказала она. — Мой любимый цвет. У твоей матери был отменный вкус.

От этого небрежного замечания на душе у Тега потеплело. Он страстно любил этот дом и эту землю. Их семья жила в этом доме всего три поколения, но успела оставить свой след в доме. Многие комнаты остались такими, какими они были при матери.

— Это очень надежно любить дом и землю, — сказал Тег. — Они не предают.

— Особенно мне всегда нравились огненно-рыжие ковры в зале и витражи над входной дверью, — продолжала Тараза. — Этот витраж, по-моему, настоящая старина.

— Мне кажется, вы приехали сюда не для того, чтобы обсуждать отделку дома, — произнес Тег.

Тараза усмехнулась.

У нее был высокий, почти визгливый голос, которым она, тренированная Сестра Бене Гессерит, научилась пользоваться с неподражаемым совершенством и потрясающим эффектом. Этому

голосу было практически невозможно сопротивляться, даже если Тараза произносила, как сейчас, ничего не значащие фразы. Тегу приходилось видеть ее на Совете Бене Гессерит. Она выглядела могущественной и величественной, умея убедить всех в своей правоте. Всегда было видно, что любую проблему она рассекает своим острым умом, прежде чем принять важное решение. Вот и теперь за потоком, казалось бы, пустых фраз чувствовалось, что Преподобная Мать приняла какое-то очень важное и нелегкое решение.

Тег указал рукой на обтянутое зеленым чехлом кресло у левой стены. Тараза взглянула на кресло, снова осмотрелась и подавила улыбку.

В этом доме не было решительно никаких удобств вроде анатомических кресел. Тег был окружен стариной, да и сам был предметом старинного антиквариата. Она уселась в предложенное кресло, оправила накидку и выжидательно посмотрела на Тега, который усаживался в кресло напротив.

— Мне очень жаль, что приходится отрывать тебя от заслуженного отдыха, башар, — начала Тараза, — но, к несчастью, обстоятельства не оставили мне иного выбора.

Тег, расслабившись и положив свои длинные

руки на подлокотники кресла, сидел в ожидании, всем своим видом говоря: «Заполняй мой ум данными». Ментат, готовый к расчетам.

Эта поза повергла Таразу в легкое смятение. Тег все еще выглядел почти царственно — высокий человек с крупной головой, увенчанной гривой седых волос. Тараза знала, что до трехсот стандартных лет ему не хватает всего четырех. Учитывая, что стандартный год был на двадцать часов короче, чем природный, можно было сделать скидку, но служба Бене Гессерит — это не сахар, и Тараза не могла не испытывать уважения к этому человеку. На Теге была надета легкая серая форма, неброские брюки и китель, белая рубашка с распахнутым воротом обнажала морщинистую шею. На поясе золотом блеснул какой-то предмет, это был орден «Солнце с лучами», полученный башаром перед уходом в отставку. Насколько все же этот Тег утилитарен, сделал из ордена пряжку для ремня! Это вселило уверенность в Преподобную Мать. Тег поймет ее проблемы.

— Могу я попросить воды? — спросила Тараза. — Мы проделали долгое и утомительное путешествие, а последний участок преодолели на твоем транспорте, который следовало поменять

еще лет пятьсот назад.

Тег поднялся с кресла, подошел к стене, отодвинул в сторону панель, достал из шкафчика бутылку ледяной воды, стакан и поставил их на столик перед Таразой.

— У меня есть меланжа, — сказал он.

— Благодарю, — отказалась Преподобная, — у меня достаточно своей.

Тег сел на свое место, и Тараза только теперь заметила, как скованно он движется. Хотя для своего возраста он был, пожалуй, еще очень ловок и подвижен.

Тараза налила себе полстакана и залпом выпила воду, затем с преувеличенной медлительностью поставила стакан на столик. Как обратиться к нему? Манеры поведения Тега не могли ввести ее в заблуждение. Он не желал снова выходить на службу, аналитики предупреждали об этом Преподобную. Находясь в отставке, Тег проникся нешуточным интересом к сельскому хозяйству. Его сад в Лернеусе стал образцом агрономической науки и экспериментальной площадкой.

Она подняла глаза и принялась, не скрывая этого, изучать Тега. Широкие плечи лишь подчеркивали тонкую талию. Он все еще ведет активную жизнь. Длинное лицо с резко выступающими

скулами — типичный Атрейдес. Тег, не таясь, посмотрел в глаза Преподобной Матери, словно требуя внимания, но не отказываясь выслушать то, что будет угодно сказать Таразе. Тонкие губы растянулись в улыбке, обнажив ровные белые зубы.

Он чувствует, что мне очень неловко, подумала она. *Проклятие! Он такой же слуга Бене Гессерит, как и я!*

Тег не стал прерывать течение ее мыслей вопросами. Его манеры оставались безупречными, он смотрел на Таразу с некоторым любопытством, смешанным с отчужденностью. Преподобная Мать напомнила себе, что это обычное поведение ментата, в котором не надо искать никакого скрытого смысла.

Внезапно Тег поднялся, подошел к столику возле кресла, в котором сидела Тараза, и остановился в ожидании, скрестив руки на груди и глядя на Преподобную сверху вниз.

Таразе пришлось повернуться вместе с креслом, чтобы заглянуть в глаза Майлсу. *Будь он проклят!* Тег не собирался ни на йоту облегчить ее задачу. Все Экзаменующие Преподобные Матери в один голос утверждали, что Тега очень трудно усадить для серьезного разговора. Он предпочитал стоять,

показывая свою безупречную военную выправку и глядя на собеседника с высоты своего роста. Никакая Преподобная Мать не могла сравниться с ним в росте — больше двух метров. Эта черта, утверждали аналитики, отражала протест Тега (возможно, неосознанный) против подавляющей власти Общины Сестер. Однако больше этот протест, если он был, никак не отражался на поведении Тега. Майлс оставался самым надежным командиром из всех, которые когда-либо служили Общине.

В мире людей, разделенном на многочисленные общественные слои, часто, несмотря на простые названия этих слоев, возникали большие сложности, и в таких ситуациях надежные военные ценились на вес меланжи и даже дороже. Религии и всеобщая память об имперской тирании всегда незримо присутствовали на любых переговорах, но это были экономические силы, которые делали погоду, но в каждой счетной машине находилась графа для *военных денег*. Этот факт незримо присутствовал на любых деловых переговорах, и так будет всегда, пока нужда не перестанет поддерживать на плаву торговую систему нашего мира. Всегда нужны особенные вещи (Пряность или продукты техно-

логии Икса), нужда в специалистах (в ментатах и докторах Сукк), да мало ли других повседневных потребностей может возникнуть; для каждой из них существует рынок: трудовых ресурсов, строителей, конструкторов, землеустроителей, художников, экзотических удовольствий…

Ни одна законодательная система не в состоянии охватить все это сложное множество и объединить его в единое целое. Этот факт делает необходимым присутствие арбитра с мощными кулаками. Сестры навсегда попали в эту паутину экономики, приняв на себя некую роль, и Майлс Тег прекрасно это знал и понимал. Понимал он и то, что его снова извлекли на свет для особой необходимости, как извлекают из кармана разменную монету. Нравится ему эта роль или нет, не интересовало участников торга.

— Мне кажется, что у тебя нет семьи, которая могла бы тебя здесь удерживать, — заговорила Тараза.

Тег ничего не ответил, ожидая продолжения. Да, его жена умерла тридцать шесть лет назад. Дети давно выросли, и все, за исключением одной дочери, давно покинули родительское гнездо. У него много личных связей, но нет никаких обязательств. Это верно.

Тараза напомнила Тегу о его безупречной многолетней службе Общине Сестер и упомянула о некоторых его успехах на этом поприще. Тараза понимала, что эти похвалы не повлияют на его решение, но знала, что они помогут ей создать более доверительную атмосферу для дальнейшего, очень важного разговора.

— Тебе приписывают некое поразительное фамильное сходство, — сказала она.

Тег склонил голову на миллиметр.

— Твое сходство с Первым Лето Атрейдесом, дедом Тирана, поистине замечательно, — продолжала Тараза.

Тег ничем не выразил своего отношения к этим словам. Это были всего лишь данные, которые и без того хранились в его обширной памяти. Он знал о своих генах, унаследованных от Атрейдесов. Он видел свое сходство с Лето Первым, глядя на портрет герцога в капитуле Общины Сестер. Это было странное ощущение — Тега тогда не покидало впечатление, что он смотрится в зеркало.

— Ты немного повыше, — проговорила Тараза.

Тег продолжал безмолвно взирать на Преподобную Мать с высоты своего роста.

— Черт возьми, башар, — взорвалась Тараза, — неужели ты даже не хочешь попытаться

помочь мне?

— Это приказ, Верховная Мать?

— Нет, это не приказ!

Тег медленно обнажил в улыбке зубы. Сам факт, что Тараза позволила себе вспылить в его присутствии, говорил о многом. Она бы не стала делать этого перед людьми, которых не считала достойными доверия. И, без сомнения, она не позволила бы себе такого поведения перед людьми, которых считала просто пешками.

Тараза выпрямилась в кресле и улыбнулась в ответ.

— Все верно, — сказала она. — Ты живешь здесь себе в радость, Патрин сказал, что ты очень расстроишься, если я призову тебя на службу. Могу заверить тебя, что только ты способен помочь нам выполнить наши планы.

— Какие планы, Верховная Мать?

— Мы воспитываем на Гамму гхола Дункана Айдахо. Ему почти шесть лет и он готов к получению военного образования.

Тег слегка округлил глаза.

— Это будет очень тяжелая служба, — сказала Тараза, — но я хочу, чтобы ты как можно скорее приступил к его профессиональной подготовке и защите.

— Все дело в моем сходстве с герцогом Атрейдесом, — произнес Тег. — Вы хотите использовать меня для того, чтобы восстановить его исходную память?

— Да, через восемь или десять лет.

— Так долго? — Тег покачал головой. — Почему на Гамму?

— Согласно нашему заказу, тлейлаксианцы слегка изменили его наследственную прана-бинду. Его рефлексы будут развиваться со скоростью, характерной для нашего времени. Гамму… исходный Дункан Айдахо родился и воспитывался на этой планете. Из-за изменений в его клеточной наследственности все остальное должно быть как можно ближе к первоначальным обстоятельствам.

— Для чего вы это делаете? — Тег заговорил тоном ментата, обрабатывающего информацию.

— На Ракисе обнаружили девочку, которая способна управлять червями. Там мы и используем нашего гхола.

— Вы хотите их скрестить?

— Сейчас я обращаюсь к тебе не как к ментату. Нам нужны твои военные знания и внешность настоящего Лето. Ты знаешь, как восстановить его исходную память, когда для этого настанет

срок.

— Таким образом, вы хотите, чтобы я был при нем Мастером Оружия?

— Ты полагаешь, что это понижение в должности для человека, который столько лет был Верховным Башаром наших Вооруженных сил?

— Верховная Мать, вы приказываете, и я повинуюсь. Но я не приму эту должность, если мне не поручат командовать всей обороной Гамму.

— Приказ об этом уже подготовлен, Майлс.

— Вы всегда понимали, как работает мой ум.

— И я всегда была уверена в твоей верности.

Тег резко отошел в сторону и остановился, размышляя.

— Кто будет обеспечивать связь?

— Беллонда из отдела Записей, та же Беллонда. Лона обеспечит тебя надежным шифром для обмена посланиями с нами.

— Я подготовлю список людей, — сказал Тег. — Мои старые товарищи и их дети. Я хочу, чтобы они находились на Гамму к моменту моего прибытия.

— Ты не думаешь, что некоторые из них откажутся?

Его взгляд ясно сказал: «Не говори глупостей!»

Уловив этот взгляд, Тараза усмехнулась и

подумала: *Вот этому мы хорошо научились у первоначальных Атрейдесов. Командовать так, чтобы пробуждать преданность и верность.*

— Набором людей займется Патрин, — продолжал Тег. — Я знаю, что он не примет официальное назначение, но я хочу, чтобы ему платили жалованье полковника и оказывали соответствующие почести.

— Ты, естественно, будешь восстановлен в звании Верховного Башара, — сказала она. — Мы…

— Нет, у вас есть Бурцмали. Мы не станем ослаблять его, поставив над ним его старого начальника.

Она изучающе посмотрела на него.

— Мы еще не утвердили Бурцмали в должности и…

— Это мне хорошо известно. Мои старые товарищи держат меня в курсе относительно политики Общины Сестер. Но и вы, и я, Верховная Мать, прекрасно знаем, что это вопрос времени. Бурцмали — самый лучший кандидат.

Таразе осталось только согласиться с Тегом. Это было чем-то большим, чем назначением военного ментата. Это было назначение Тега. Внезапно Преподобную поразила одна мысль.

— Так, значит, ты знал о нашем споре в Со-

вете! — обвиняюще заговорила она. — И ты допустил, чтобы я…

— Верховная Мать, если бы я думал, что вы произвели на Ракисе очередное чудовище, то сказал бы об этом без обиняков. Вы доверяете моим решениям, а я доверяю вашим.

— Будь ты проклят, Майлс, мы просто слишком долго не виделись, — Тараза встала. — Меня успокоит одно сознание того, что мы снова в одной упряжке.

— Упряжка, — повторил он. — Восстановление меня в звании башара по особым поручениям — вот что нужно. Когда об этом доложат Бурцмали, не возникнет глупых вопросов.

Тараза достала из складок накидки пачку листов ридулианской бумаги и протянула ее Тегу.

— Я уже подписала эти документы. Заполни пропуск имени о назначении и восстановлении в звании. Все остальное там есть — проездной документ, полномочия и все прочее. Ты будешь подчиняться лично мне и никому больше. Ты — мой башар. Это ты понимаешь?

— Разве я не был всегда вашим башаром?

— Теперь это важнее, чем когда бы то ни было. Храни гхола как зеницу ока и как следует учи его. Это твоя единственная и главная ответствен-

ность на сегодня. Я защищу тебя в этом вопросе от кого бы то ни было.

— Я слышал, что на Гамму распоряжается Швандью.

— Я же сказала — от кого бы то ни было. Не доверяй Швандью.

— Понимаю. Не пообедаете ли вы с нами? Моя дочь…

— Прости, Майлс, но у меня совершенно нет времени. Сразу же по прибытии я пришлю сюда Беллонду.

Тег проводил высокую гостью до порога, поговорил со своими учениками из ее охраны и проследил за отъездом. Экипаж уже ждал Верховную с включенным двигателем. Машина была совершенно новой, очевидно, они привезли ее с собой. При этой мысли Тег почувствовал себя очень неуютно.

Какая спешка!

Тараза приехала к нему лично, выполняя задачу простой посыльной, зная, что значит для него ее личное присутствие. Ее приезд должен был многое ему открыть. Прекрасно зная всю подноготную деятельности Ордена Бене Гессерит, Тег понимал, что откровение состояло именно в том, что сейчас произошло. Спор на Совете имел го-

раздо более глубокую подоплеку, чем ту, которую предполагали информаторы Майлса.

Ты — мой башар.

Тег бегло просмотрел кипу полномочий и свидетельств, оставленную Таразой. Все верно — ее личная печать и подпись на месте. Такое доверие только усилило его беспокойство.

Не доверяй Швандью.

Он сунул бумаги в карман и отправился разыскивать Патрина. Его надо успокоить и смягчить. Надо будет обсудить с ним, кого привлечь для выполнения задания. Тег начал перечислять в уме некоторые имена. Предстоит опасное дело. Для его выполнения надо отобрать лучших людей. Проклятье! Все имение придется оставить на Фируса и Димелу. Как много всяких мелочей! Шагая по имению, он чувствовал, как участился его пульс.

Проходя мимо охранника, одного из своих старых солдат, Тег на мгновение остановился.

— Мартин, отмени на сегодня все мои встречи. Найди мою дочь и скажи, чтобы она пришла в мой кабинет.

По дому и имению поползли слухи. Слуги и члены семьи, узнав, что к хозяину приезжала та самая Верховная Мать, постарались оградить

Тега от повседневных мелочей, поместив между ним и делами некий защитный экран. Старшая дочь Димела оборвала его речь, когда Майлс попытался рассказать ей о подробностях своих агрономических экспериментов.

— Отец, прекрати, я ведь уже давно не ребенок!

Они сидели в маленькой теплице, примыкавшей к кабинету Тега. На углу стола на подогревателе стояли остатки обеда. За подносом к стене был прислонен блокнот Патрина.

Тег бросил на дочь пронизывающий взгляд. Димела во всем, исключая рост, была точной копией своего отца. Слишком угловатой для своего пола, что, однако, не помешало ей удачно выйти замуж. У Димелы и Фируса было трое детей.

— Где Фирус? — спросил Тег.

— Следит за посадками на Южной Ферме.

— Ах да, Патрин говорил об этом.

Тег улыбнулся. Ему очень нравилось, что его дочь отказалась принять клятву Общины Сестер и предпочла выйти замуж за уроженца Лернеуса, оставшись в доме отца.

— Единственное, что я поняла, так это то, что тебя снова призывают на службу, — сказала Димела. — Это опасное назначение?

— Ты разговариваешь со мной в точности как твоя мать, — сказал Тег.

— Значит, это опасно. Черт бы их побрал, ты ведь и так очень много для них сделал!

— Выходит, что еще не все.

Она отвернулась и пошла навстречу Патрину, который в это время вошел в дальнюю дверь теплицы. Тег услышал реплику дочери:

— Чем старше он становится, тем больше в нем самом появляется от Преподобной Матери!

Но чего еще могла она от меня ожидать? — подумал Тег.

Сын Преподобной Матери, рожденный ею от мелкого служащего Объединения Самых Передовых и Честных Торговцев, он вырос в доме, каждое движение в котором совершалось в унисон с биением сердца Бене Гессерит. Это стало ясно Тегу еще в ранней юности, когда положение отца в межпланетной торговой сети пошатнулось, потому что мать не хотела, чтобы он там работал.

Этот дом оставался собственностью матери вплоть до ее смерти, которая последовала через год после смерти отца. Отпечаток ее вкуса до сих пор господствовал в обстановке.

Перед Тегом остановился Патрин.

— Я вернулся за своим блокнотом, — сказал он. — Вы добавили какие-нибудь имена?

— Да, несколько. Просмотри список и подправь его.

— Слушаюсь, сэр! — с залихватски веселым лицом Патрин зашагал по имению, похлопывая по ноге блокнотом.

Он тоже все чувствует, подумал Тег.

Он снова оглянулся. Этот дом до сих пор оставался домом матери. И это после всех тех многих лет, что он прожил здесь, успев воспитать целую семью! О да, это он построил теплицу, но его кабинет был когда-то личными покоями матери.

Джейнет Роксбраф из лернейских Роксбрафов! Мебель, убранство — все выдержано в ее стиле! Тараза все это прекрасно видела. По мелочам Тег и его жена кое-что изменили, но ядро дома осталось неизменным. Во всем была видна железная рука Джейнет Роксбраф. Что тут можно сказать, в ее жилах текла кровь Говорящих Рыб! Как ценна была она для Общины Сестер! Странно только, что она вышла замуж за Лоши Тега и всю жизнь прожила с ним в этой дыре. Этот факт невозможно было понять, если не знать о том, как срабатывали спустя многие поколения селекционные планы Бене Гессерит.

Они снова это сделали, подумал Тег. *Я жил все это время в своем флигеле, не зная, что живу только для того, чтобы дождаться этого момента.*

Не религия ли самовольно взяла себе патент на творение всего и вся на протяжении всех этих тысячелетий?

Вопрос Тлейлаксу из речей Муад'Диба

Воздух Тлейлаксу был кристально чист, неподвижен и напоен прохладой. Он, этот необыкновенный воздух, был частью холодного утра, частью вызывающего страх ощущения чего-то неотвратимо надвигающегося, словно за стенами Бандалонга притаилась сама жизнь — алчная и предвкушающая. Эта жизнь не двинется, однако, с места, прежде чем не получит разрешающий сигнал. Махай, Тилвит Вафф, Мастер Мастеров наслаждался этим часом дня. Глядя на город через открытое окно, махай отчетливо осознавал свою безграничную власть над ним. Он еще раз мысленно повторил себе это. Источник страха был ясен — никто не мог знать, что образуется из этого таинственного резервуара жизни, притаившейся за стенами Бандалонга: как далеко распространилась цивилизация Тлейлаксу, зародившаяся некогда здесь, в Бандалонге.

Его народ ждал этого часа много тысячелетий. И сейчас Вафф лелеял в душе этот момент, наслаждался им, желая, чтобы он длился вечно. Только ради этого момента народ перенес беды правле-

ния Пророка Лето Второго (не Бога-Императора, а только лишь Пророка, посланника Божьего!), прошел сквозь Голод и Рассеяние, терпел унижения от ничтожеств — но пройдя все эти муки и страдания, народ Тлейлаксу терпеливо копил силы и накопил их для этого вожделенного мига.

Мы дождались своего часа, Пророк!

Город, раскинувшийся под высоким окном Ваффа, казался главной опорой всей конструкции Тлейлаксу. Другие планеты, подчиненные Тлейлаксу, города, связанные с Бандалонгом неразрывными переплетающимися узами и уповающие на его Бога, ждали сигнала, и этот сигнал скоро прозвучит. Для мощного космического рывка соединили свои силы лицеделы и машейхи. Близок конец тысячелетиям ожидания.

Теперь Вафф думал об этом ожидании, как о долгом, затянувшемся начале.

Да, так и будет. Глядя на застывший в ожидании город, Вафф кивнул сам себе. С самого начала, с самого момента возникновения столь обширного, разветвленного, сложного и грандиозного плана Бене Тлейлаксу прекрасно отдавал себе отчет в том, что временами этому плану будет грозить катастрофа, что придется пройти сквозь горькие потери, унижения и необходимость подчиняться.

Все это и многое сверх того действительно было, за несколько тысячелетий притворства Бене Тлейлаксу создал настоящий миф.

«Порочные, злокозненные, отвратительные, грязные тлейлаксианцы! Глупые тлейлаксианцы! Предсказуемые тлейлаксианцы! Высокомерные тлейлаксианцы!»

Даже верные слуги Пророка пали жертвой этого мифа. Одна плененная Говорящая Рыба кричала в этой самой комнате в лицо Великому Мастеру: «Долгое притворство создает настоящую реальность! Вы действительно стали мировым злом!» Они убили ее, и Пророк ничего не смог поделать.

Как мало все эти чужаки понимали самоограничение Тлейлаксу. Высокомерие? Но пусть они примут в расчет, сколько тысячелетий приходилось тлейлаксианцам ждать часа своего восхождения.

Spannungsbogen!

Слово древнего, давно умершего языка само собой скатилось с языка Ваффа. Тетива лука! Как сильно надо натянуть лук, прежде чем отпустить тетиву? Чем сильнее она будет натянута, тем с большей силой стрела поразит цель!

— Машейхи ждали дольше других, — прошептал Вафф. Здесь, в надежной тиши своей башни,

он осмелился еще раз произнести это слово: — Машейхи.

Кровли крыш засверкали в лучах восходящего тлейлаксианского солнца. В городе пробуждалась жизнь. Вафф полной грудью вдохнул воздух, наполненный родными сладковато-горькими запахами, и закрыл окно.

Этот момент уединенного наблюдения придал Ваффу чувство обновленности. Отойдя от окна, он облачился в белый почетный халат, которому были обязаны поклоняться все домели. Накидка совершенно скрыла приземистое тело Ваффа, он чувствовал себя так, словно на нем надеты доспехи.

Доспехи Бога!

— Мы — народ Ягиста, — напомнил Мастер своим советникам прошлой ночью. — Все остальные — лишь граница. Только с одной-единственной целью мы питали миф о нашей слабости и злокозненности. Только с одной. И даже Бене Гессерит поверил нашей игре!

Советники, а их было девять, сидевшие в подземном зале — сагре, — понимающе улыбнулись. То было суждение в духе гхуфран, они знали это. Стезя, которую определил для себя Тлейлаксу, всегда была ложем, поддерживавшим праведный

цветок гхуфрана.

Правда заключалась даже в том, что Вафф, самый могущественный из всех тлейлаксианцев, не мог покинуть свой мир и снова вернуться в него без унизительной процедуры возвращения в гхуфран, для чего надо было молить о прощении за контакты с чужаками и осквернение их грехами. Выход за пределы мира и пребывание среди повиндах могло растлить даже самых сильных. Хасадары, которые надзирали за порядком на границах и охраняли селамлик женщин, могли заподозрить в грехопадении любого, в том числе и Ваффа. Да, он принадлежал народу и кехлю, но должен был доказывать это каждый раз после того, как покидал пределы родины или посещал селамлик, чтобы оставить там свое семя.

Вафф пересек комнату и остановился возле большого зеркала, рассматривая свою закутанную в накидку фигуру. Для людей повиндах — он хорошо это понимал — Вафф был всего лишь коротышкой ростом не более полутора метров. Волосы, глаза и кожа имели сероватый тусклый оттенок. На овальном лице выделялся крошечный ротик и выступающие острые зубы. Лицеделы могли имитировать его наружность и рассыпаться по приказу машейхов, но ни одного

машейха или хасадара нельзя было ввести в заблуждение относительно подлинности Мастера. Одурачить можно было лишь легковерных повиндах.

За исключением Бене Гессерит!

При одном воспоминании лицо Ваффа искривилось в злобной гримасе. Ничего, эти ведьмы скоро будут иметь дело еще с одним лицеделом.

Никто еще так хорошо не овладел генетическим языком, как Бене Тлейлаксу, успокоил себя Вафф. Мы имеем полное право называть этот язык «языком Бога», ибо Бог дал нам силу разгадать его.

Вафф шагнул к двери и остановился в ожидании утреннего звонка. У Ваффа не было слов, чтобы описать всю гамму чувств, которые в этот момент обуревали его. Время развертывалось перед ним, как бесконечный свиток. Он не спрашивал себя, почему Послание Пророка было услышано только ими — приверженцами Бене Тлейлаксу. Это дело Бога, и в этом смысле Пророк был лишь Его дланью, заслуживавшей преклонения только потому, что Пророк был Его Вестником.

Ты приготовил их для нас, о Пророк.

А этот гхола на Гамму, нынешний гхола, воистину стоил столь долгого ожидания.

Прозвучал утренний колокол, и Вафф вышел в зал. Ему навстречу поднялись фигуры в таких же белых одеждах. Все направились на балкон приветствовать восходящее солнце. Сейчас Вафф — махай и абдель своего народа — мог олицетворять весь Тлейлаксу.

Мы — воплощение законов Шариата, последние во вселенной.

Только в наглухо закрытых покоях своих братьев маликов мог он высказать вслух свои мысли, но знал, что их разделяют все, кто его окружает. Работа этой мысли воплотилась в делах и поступках машейхов, домелей и лицеделов. Парадокс родственных уз и социальной идентичности, который пропитывал весь кхель — от первого машейха до последнего домеля, вовсе не казался парадоксом Ваффу.

Все мы работаем во имя одного и того же Бога.

Лицедел под маской домеля низко поклонился и распахнул дверь на балкон. Вафф, выйдя на балкон во главе своей многочисленной свиты, едва заметно улыбнулся, узнав лицедела. Всего-навсего домель! Это была родственная шутка, но лицеделы не были родными. Они были лишь конструкциями, инструментами, орудиями, как гхола, который сейчас пребывает на Гамму. Все

они — орудия, созданные посредством Божьего языка, на котором могут говорить только машейхи.

Вместе со всеми, кто вышел с ним на балкон, Вафф совершил обряд поклонения солнцу. Он испустил клич абделя и услышал, как этот крик отозвался в самых отдаленных уголках города.

— Солнце не есть Бог! — выкрикнул Вафф.

Нет, солнце — это всего лишь символ бесконечной силы и милости Бога — еще один инструмент, еще одно орудие. Вафф чувствовал себя очищенным после ночного погружения в гхуфран и утреннего ритуала — то было подлинное обновление. Теперь можно считать законченным поход к повиндах. Братья по вере шли впереди, пока мастер шествовал по внутреннему коридору к движущемуся переходу, который доставил его в центральный сад, где должны были ждать советники.

Это был очень удачный поход к повиндах, подумал Вафф.

Каждый раз, покидая внутренние покои Бене Тлейлаксу, Вафф чувствовал себя так, словно совершал лашкар, военный поход, целью которого была месть, реванш, который его люди называли Бодалом. Это слово всегда писали с большой

буквы и держали в тайне, Бодал утверждался в умах с помощью гхуфрана и кхеля. Так вот, этот последний лашкар был весьма успешным.

Вафф спустился в центральный сад, освещенный солнечными лучами с помощью системы призматических отражателей, установленных на крышах окрестных домов. Посередине сада виднелся выложенный щебнем круг, в середине которого бил, переливаясь на солнце, небольшой фонтан. Фонтан был окружен оградой из белого камня, по одну сторону ее находилась лужайка. Она была расположена на таком расстоянии от фонтана, чтобы на ней было прохладно, но чтобы брызги воды не долетали до присутствующих и не мешали ведущемуся вполголоса серьезному разговору. На подстриженной зеленой траве располагались десять узких скамей из древнего пластика — девять были расставлены полукругом, а впереди него помещалась десятая, точно такая же скамья.

Остановившись на краю лужайки, Вафф с удивлением отметил, что никогда прежде зрелище этого великолепного места не доставляло ему такого наслаждения. Скамьи были темно-синего цвета, цвета, присущего материалу, из которого они были сделаны. Столетия употребления

оставили на скамьях следы — полукруглые углубления на подлокотниках и на сиденьях, где бесчисленные седалища тоже оставили свой весомый след. Однако цвет сидений оставался нетронутым — глубокая синева ласкала глаз.

Вафф уселся на предназначенную для него скамью и впился глазами в сидевших напротив советников и принялся обдумывать слова, которые должен был сейчас произнести. Тот документ, который он принес из своего последнего лашкара и ради которого был, собственно говоря, затеян поход, пришелся как нельзя более кстати. Само его название, не говоря уже о содержании, служило истинным посланием для Тлейлаксу.

Из внутреннего кармана Вафф извлек тонкую пластинку ридулианского хрусталя. На лицах девяти советников сразу же отразился повышенный интерес, не уступавший его собственному. Кроме интереса, лица советников выразили ожидание. Все они уже читали в кхеле этот документ: «Манифест Атрейдесов». В их распоряжении была целая ночь для обдумывания этого манифеста. Теперь настало время обсуждения. Вафф положил документ себе на колени.

— Я предлагаю распространить этот документ как можно шире, — произнес Вафф.

— Без изменений? — спросил Мирлат, советник, который больше всех занимался вопросами трансформации гхола. Мирлат, в этом нет сомнения, претендовал на должности махая и абделя. Вафф внимательно посмотрел на тяжелую, широкую нижнюю челюсть советника, отметив хрящевые выросты, свидетельствовавшие о солидном возрасте Мирлата — ему было уже несколько сотен лет.

— В том самом виде, в каком он попал к нам в руки, — отпарировал Вафф.

— Это опасно, — возразил Мирлат.

Вафф повернул голову вправо, и его детский профиль вырисовывался теперь перед глазами советников на фоне белой ограды фонтана. *Рука Господня на моей стороне!* Небо над его головой было словно отполированное, похожее на искусственный свод, воздвигнутый в старые времена над Бандалонгом, самым древним городом Тлейлаксу, для защиты первопроходцев от суровых условий новой планеты. Лицо его оставалось мягким и вкрадчивым, когда Вафф снова повернул его к советникам.

— Для нас это совершенно не опасно, — сказал он.

— Это только ваше мнение, — проговорил

Мирлат.

— Тогда давайте выслушаем все мнения, — сказал Вафф. — Надо ли нам бояться Икса и Говорящих Рыб? Естественно, нет. Они уже давно наши, хотя и не подозревают об этом.

Вафф помолчал, давая советникам возможность осмыслить его слова. Все они, впрочем, знали, что новые лицеделы заседали в Высших Советах Икса и Говорящих Рыб, и никто до сих пор не обнаружил подмены.

— Гильдия не выступит против нас и не станет вредить нам, потому что мы единственный источник меланжи для нее, — сказал Вафф.

— Тогда зачем многие из Досточтимых Матрон вернулись из Рассеяния? — потребовал ответа Мирлат.

— Мы будем иметь с ними дело, если этого потребуют обстоятельства, — произнес Вафф. — И в этом нам помогут потомки нашего народа, которые добровольно отправились в страны Рассеяния.

— Время действительно кажется наиболее подходящим, — пробормотал один из советников.

Вафф посмотрел в его сторону — Торг Младший. Что ж, один голос в его поддержку уже обеспечен.

— Но Бене Гессерит! — воскликнул Мирлат.

— Я думаю, что Досточтимые Матроны уберут этих ведьм с нашего пути, — сказал Вафф. — Они уже перегрызлись между собой, как звери в цирке.

— Что будет, если найдут автора этого манифеста? — спросил Мирлат. — Что будет тогда?

Несколько голов наклонились в знак согласия, и Вафф подумал, что этих придется переубеждать.

— В наши дни опасно называться Атрейдесом, — проговорил Вафф.

— Везде, за исключением, вероятно, Гамму, — согласился с Ваффом Мирлат. — А документ подписан именем Атрейдеса.

Как странно, подумал Вафф. Представители ОСПЧТ на конференции повиндах, ради которой, собственно говоря, он и покинул внутреннюю планету Тлейлаксу, утверждали то же самое. Но в большинстве своем люди из ОСПЧТ были закоренелыми атеистами и смотрели на религию с подозрением, понимая, что имя Атрейдесов является мощным религиозным орудием. Беспокойство ОСПЧТ было почти ощутимым.

Сейчас Вафф снова представил себе эту реакцию.

— Этот наймит ОСПЧТ, будь проклята его безбожная душа, прав, — настаивал между тем на своем Мирлат. — Документ очень коварен.

С Мирлатом надо будет поработать, подумал Вафф. Он взял в руку документ и вслух прочитал первую строчку:

— В начале было слово, и слово было «Бог».

— Это прямо взято из Оранжевой Католической Библии, — сказал Мирлат. И снова несколько голов встревоженно кивнули в знак согласия.

Вафф обнажил в улыбке свои мелкие зубы.

— Вы хотите предположить, что среди повиндах найдутся люди, которые подозревают о существовании Шариата и машейхов?

Как приятно было говорить эти слова открыто, здесь, в самом сокровенном мире Тлейлаксу, среди единомышленников, где древний язык сохранился в обиходе во всей своей первозданной чистоте. Неужели Мирлат и другие всерьез полагают, что Атрейдесы способны подорвать основы Шариата?

Вафф повторил этот вопрос вслух и увидел, как его советники озабоченно нахмурились.

— Неужели среди вас найдется хотя бы один, кто верит, что повиндах может знать, как мы пользуемся языком Божьим?

Вот так! Пусть они хорошенько задумаются! Каждый из них провел некоторое время, пробуждаясь от пребывания в плоти гхола. Этот Совет был непрерывным даже в своей телесной оболочке — такого не удавалось достичь ни одному народу. Мирлат, например, видел Пророка собственными глазами. Скиафал говорил с самим Муад'Дибом! Научившись сохранять плоть и восстанавливать память, они создали вечное правительство, сосредоточившее в своих руках небывалую мощь, которая могла быть ограничена только в том случае, если бы потребовалась всюду. Только ведьмы сумели достичь чего-то подобного, создав необъятное хранилище памяти, из которого могли непрерывно черпать нужные сведения. Они продвигались вперед с устрашающей осторожностью, приходя в ужас от того, что могут создать еще одного Квисатц Хадераха!

Вафф сказал все это своим советникам и добавил:

— Время действий настало.

Никто не возразил, и Вафф продолжил:

— Этот манифест написан одним человеком. Это показывает независимая экспертиза. Мирлат?

— Написано одним человеком и этот человек

— Атрейдес, в этом нет ни малейшего сомнения, — согласился на этот раз Мирлат.

— Все это подтвердила и конференция повиндах, — произнес Вафф. — Согласился даже Гильд-навигатор третьей ступени.

— Но этот единственный человек — автор манифеста — создал нечто такое, что возбудит сильнейшую реакцию среди многих народов, — снова начал возражать Мирлат.

— Разве мы когда-нибудь подвергали сомнению талант Атрейдесов к разрушению? — вопросил Вафф. — Когда повиндах показали мне этот документ, я понял, что Бог посылает нам знак.

— Ведьмы все еще отрицают свое авторство? — подал голос Торг Младший.

С какой готовностью он со всем соглашается, подумалось Ваффу.

— Каждая религия повиндах была озадачена этим манифестом, — сказал Вафф. — Всякая вера, кроме нашей, осталась в подвешенном состоянии.

— Какая тяжкая проблема! — съязвил Мирлат.

— Но об этом знаем только мы, — возразил Вафф. — Кто еще может хотя бы подозревать о существовании Шариата?

— Гильдия, — ответил Мирлат.

— Они никогда никому не говорили об этом и не скажут. Они прекрасно знают, чем мы им ответим.

Вафф взял с колен пачку листков и снова приступил к чтению:

— «Нашу вселенную пронизывают силы, которые мы не в состоянии познать. Мы видим тени этих сил, когда они проецируются на экран нашего сознания и становятся доступными нашему наблюдению, но познать природу их мы все равно не можем. Мы не понимаем их».

— Атрейдес, который это написал, знает о Шариате, — пробормотал Мирлат.

Вафф, сделав вид, что ничего не слышит, продолжал читать:

— «Понимание нуждается в словах для выражения. Некоторые вещи не могут быть сведены к словам. Есть вещи, которые надо испытать бессловесно».

Осторожно, словно реликвию, Вафф опустил листы на колени. Тихо, так тихо, что собеседникам пришлось наклониться вперед или приложить ладонь к уху, чтобы слышать, Вафф произнес:

— Это говорит о том, что наша вселенная волшебна. Это говорит о том, что все произвольные формы преходящи и подчинены магическим

изменениям. Наука привела нас к такой интерпретации, поскольку поставила нас на ту дорогу, с которой мы не можем свернуть.

Вафф дал возможность своим словам отзвучать и в наступившей тишине снова заговорил:

— Ни один Ракисский священник Разделенного Бога и ни один другой повиндахский шарлатан не может этого принять. Только мы знаем это, поскольку наш Бог — магический Бог, и мы говорим на его языке.

— В авторстве обвинят нас, — сказал Мирлат. Говоря это, Мирлат судорожно оглядывался по сторонам. — Нет! Я вижу это и прекрасно понимаю, о чем вы говорите.

Вафф сохранил молчание. Он видел, что советники вспоминают о своем суфийском происхождении, вспоминают Великую Веру и экуменизм Дзенсунни, который и породил Бене Тлейлаксу. Люди этого кхеля знали о Богом данных фактах своего происхождения, но поколения секретности уверили их, что ни один повиндах не разделяет этого знания.

В сознании Ваффа возникли слова: *«Допущения, основанные на понимании, содержат веру в абсолютную почву, на которой, подобно растениям, растущим из семян, произрастает все сущее».*

Понимая, что его собеседники тоже вспомнили этот катехизис Великой Веры, Вафф напомнил им и напутствие Дзенсунни.

— За такими допущениями находится вера в слова, о сути которых никогда не задумываются повиндах. Об этом спрашивает только Шариат и мы.

Члены Совета одновременно кивнули в знак согласия.

Вафф тоже слегка наклонил голову и продолжал:

— Само высказывание о том, что существуют вещи, которые нельзя описать словами, потрясает основы мироздания, в котором слова являются символами Высшей Веры.

— Яд повиндах! — в один голос воскликнули советники.

Теперь победа обеспечена и ее оставалось только закрепить последним ударом. Вафф спросил:

— В чем заключается кредо Суфи-Дзенсунни?

Они не могли произнести ответ вслух, но мысленно вспомнили одно и то же: *Для того чтобы достигнуть с'тори, не требуется никакое понимание. С'тори существует без слов и даже без имени.*

Через мгновение все они подняли головы и

обменялись понимающими взглядами. Мирлат взял на себя произнесение тлейлаксианской клятвы:

— Я могу произнести слово «Бог», но это будет не мой Бог, это будет шум, который не более силен, чем любой другой шум.

— Теперь я вижу, — заговорил Вафф, — что вы все ощутили власть, которая буквально упала нам в руки вместе с этим документом. Среди повиндах уже циркулируют миллионы и миллионы его копий.

— Кто это делает? — спросил Мирлат.

— Какая разница? — отпарировал Вафф. — Пусть повиндах гоняются за этими людьми, ищут их, проклинают в своих проповедях. С каждым таким действием повиндах будут придавать словам манифеста свежую силу.

— Но разве нам не стоит также проповедовать против этого документа? — спросил Мирлат.

— Только если этого потребуют обстоятельства, — сказал в ответ Вафф. — Остерегайтесь! — он хлопнул пачкой листов по коленям. — Повиндах сосредоточили свою осведомленность очень узкой целью, и в этом заключается их главная слабость. Мы должны позаботиться о том, чтобы с этим манифестом ознакомилось как можно

больше людей во всей вселенной.

— Чудо нашего Бога — наш единственный мост, — единодушно произнесли советники.

Все они, подумал Вафф, *восстановили в душе веру.* Это было легко сделать. Ни один машейх не разделял глупости повиндах, которые жаловались: «Бесконечна Твоя милость, Господи, но почему я?» В одной такой фразе повиндах утверждает веру в бесконечность, и тут же ее отрицает, даже не понимая всей своей глупости.

— Скитал, — произнес Вафф.

Самый молодой с детским лицом советник, сидевший в дальнем углу слева, с готовностью подался вперед.

— Вооружите правоверных, — приказал Вафф.

— Я не перестаю удивляться тому, что Атрейдесы дали нам в руки столь мощное оружие, — сказал Мирлат. — Как могло случиться, что Атрейдесы всегда хватаются за идеал, за которым готовы последовать миллионы и миллионы людей?

— То не Атрейдесы, то Бог, — ответил Вафф. Он воздел руки и произнес заключительную ритуальную фразу:

— Машейх собрался в келье и восчувствовал Бога.

Вафф закрыл глаза и дождался, пока советники покинут сад. *Машейх!* Как сладостно называть себя в кхеле таким именем, говоря на языке исламизма, на котором не говорят другие тлейлаксианцы, не присутствующие в Совете; этого языка не знают даже лицеделы. Нигде, ни в Вехте Джандолы, ни в самых далеких пределах Ягистов Тлейлаксу, не было ни одного живого повиндах, который знал бы тайну этого языка.

Ягист, подумал Вафф, поднявшись со скамьи. *Ягист, земля непокорных.*

Ему показалось, что документ вибрирует у него в руках. Этот манифест — то самое, за чем миллионы повиндах пойдут навстречу своей судьбе.

Сегодня меланжа, а завтра горькая грязь.

Ракисский афоризм

Шел третий год пребывания девочки Шианы у жрецов Ракиса. Она лежала, вытянувшись во весь рост, на гребне изогнутой дюны и пристально всматривалась в утреннюю даль, откуда раздавался приглушенный, но мощный шорох. Свет призрачно серебрил горизонт плотной дымкой. Песок хранил ночную прохладу.

Шиана знала, что из своей, окруженной водой башни, километрах в двух за ее спиной, за ней внимательно наблюдают жрецы, но это нисколько не беспокоило девочку. Сотрясение песка, которое она ощущала всем телом, требовало всего ее внимания.

Этот очень велик, подумала она. *Не меньше семидесяти метров. Очень большой и красивый червь.*

Прохладный и скользкий защитный костюм плотно облегал ее тело. Этот костюм не имел ничего общего с тем древним «на тебе, убоже, что мне негоже», который она носила до того, как жрецы взяли ее под свою опеку. Девочка была очень благодарна священникам за этот удобный костюм и за мягкую, толстую пурпурно-белую

накидку, надетую поверх костюма. Но больше всего ей нравилось волнение и возбуждение от самого пребывания в Пустыне. Богатое, ни с чем не сравнимое ощущение наполняло ее в такие моменты.

Жрецы не понимали, что происходит здесь, в Пустыне. Шиана знала это. Они были обыкновенные трусы. Она оглянулась через плечо и увидела блики солнца, отражавшиеся от линз подзорных труб.

Девочка выглядела старше своих лет, высокая, стройная, смуглая, с выжженными солнцем волосами. Сейчас она ясно представляла себе, что именно видят жрецы в свои подзорные трубы.

Они видят, что я делаю то, чего они никогда не осмелятся сделать. Они видят меня на пути Шайтана. Я выгляжу очень маленькой, а Шайтан — очень большим. Они уже видят его.

Усилившийся шорох сказал девочке, что скоро она и сама увидит гигантского червя. Шиана не думала о приближающемся чудовище, как о Шаи-Хулуде, Боге песков, как ежедневно пели жрецы, совершая ритуал в честь поклонения жемчужинам Лето II, которые содержались в теле каждого ребристого властелина Пустыни. Шиана думала о червях, как о тех, «кто пощадил меня».

Она называла их Шайтанами.

Но теперь они принадлежали ей.

Это отношение с червями началось немногим более трех лет назад, когда ей едва исполнилось восемь стандартных лет, в месяц Игат по старинному календарю. Ее деревня относилась к числу бедных, пионерское поселение, построенное задолго до того, как в Пустыне появились совершенные защитные барьеры, каналы и кольцевые протоки Кина… Шайтан избегал воды, но песчаные форели в скором времени перенесли от деревни всю воду. Драгоценную влагу в водных ловушках приходилось возобновлять каждый день, чтобы восстанавливать барьер.

В то утро, а оно было как две капли воды похоже на сегодняшнее, холод ночи точно так же щекотал ноздри, а горизонт был покрыт такой же плотной серебристой призрачной дымкой. Деревенские ребятишки с раннего утра вышли в пустыню в поисках меланжи, которую черви оставляли, проходя поблизости от деревни. Меланжи, которую они нашли в тот раз — несмотря на инфляционное падение цен, — вполне могло хватить на кирпичи для возведения третьего слоя Защитной стены водной ловушки.

Каждый из детей, вышедших на поиски, кроме

того, что искал Пряность, стремился обнаружить и следы какой-нибудь древней фриженской крепости. Теперь от этих сиетчей остались только жалкие развалины, но и они представляли собой надежную защиту от Шайтана. Ходили легенды, что в некоторых развалинах сиетчей сохранились тайники с несметными сокровищами меланжи. Каждый деревенский житель мечтал о такой находке.

Шиана, одетая в заплатанный защитный костюм и грязную, засаленную накидку, направилась на северо-восток, по направлению к туманному облаку, клубившемуся над великим городом Кином, с его роскошной богатой влагой, избыток которой поднимался в знойный воздух и разносился ветром.

Искать полоски меланжи в песке было в основном делом обоняния, поэтому приходилось постоянно принюхиваться, оставляя где-то на окраине сознания все посторонние звуки, в том числе и угрожающий шорох, который предупреждал о приближении Шайтана. Мышцы ног сокращались автоматически, поддерживая неровный, случайный «пустынный» шаг, звук которого сливался с прочими звуками песков.

Поначалу Шиана не услышала криков. Этот

дикий визг непостижимым образом слился с шелестом песка барханов, которые закрывали от девочки вид на родную деревню. Но постепенно звук достиг ее сознания, и она поняла, что слышит крик, на который невозможно не обратить внимания.

Кричали много голосов одновременно!

Шиана забыла о предосторожности — неровном шаге и пустилась бежать с быстротой, на которую оказались способными ее детские мышцы. Она мигом взлетела вверх по склону бархана и бросилась вперед, туда, откуда раздавались страшные вопли. Она поспела как раз вовремя, чтобы увидеть, почему пресекся последний крик.

Ветер и песчаные форели прогрызли огромную дыру в защитном барьере, который прикрывал деревню. Этот провал отличался от вала по цвету. В это отверстие проник дикий червь. Гигантская, обрамленная языками пламени пасть все теснее сжималась вокруг людей и хибарок.

Шиана видела последних оставшихся в живых, которые еще шевелились в центре этого разрушения, в пространстве, которое было уже полностью очищено от домишек и остатков водной ловушки. Даже в этот момент некоторые люди пытались вырваться из страшного кольца

и убежать в пустыню. Среди этих людей был и ее отец. Но не спасся никто. Огромная пасть поглотила всех, прежде чем сровнять с землей последние остатки деревни.

От некогда цветущей деревни остался лишь дымящийся песок — Шайтан показал, что бывает с теми, кто осмеливается отвоевывать полоски земли у червя. Это место было теперь так же пустынно, как и до того, как на него ступила нога первого поселенца.

Шиана судорожно вздохнула, как и подобает доброй дочери Пустыни, носом, чтобы сберечь влагу, и скользнула взглядом вдоль горизонта, стараясь отыскать других детей, но возле дальнего конца деревни были видны извилистые следы червя. Не было видно ни одного человека. Она закричала, ее голос одиноко и высоко прозвучал в сухом знойном воздухе, но никто не отозвался.

Она осталась совершенно одна.

Охваченная трансом, Шиана направилась по гребню бархана туда, где только что находилась ее родная деревня. Внезапно в ноздри девочке ударил резкий запах корицы. Только теперь до нее дошло, что именно случилось. По злой иронии судьбы деревня была построена на скоплении пре-Пряности. Когда это скопление

созрело, то случился взрыв меланжи и явился Шайтан. Каждый ребенок знает, что червь не может устоять перед взрывом Пряности.

Шиану охватили ярость и отчаяние. Не думая ни о каких последствиях, она стремглав спустилась с дюны и кинулась к Шайтану, которого догнала в тот момент, когда он повернул в Пустыню подальше от влажной ловушки, возле которой оказался, привлеченный Пряностью. Ничего не соображая, Шиана пробежала вдоль хвоста, вспрыгнула на него и побежала вперед вдоль длинной ребристой спины. Остановившись возле горба, она опустилась на колени и принялась молотить кулачками по нечувствительной коже.

Червь остановился.

В этот момент гнев уступил место ужасу. Шиана перестала бить червя. Спустя мгновение, до нее дошло, что она дико кричит. Ее наполнило тоскливое, невыносимое чувство одиночества. Она даже не помнила, как оказалась здесь. Шиана понимала только одно — она находится на спине у червя, и это открытие преисполнило ее страхом.

Между тем червь продолжал неподвижно лежать на песке.

Шиана не знала, что делать. В любой момент червь мог перевернуться на спину и раздавить

ее или стремительно зарыться в песок, и тогда Шиану засосало бы в образовавшуюся воронку.

Внезапно по телу червя — от кончика хвоста до того места, где находилась девочка, — прошла волна дрожи. Червь двинулся вперед. Развернувшись широкой дугой, он набрал скорость и понесся на северо-восток.

Шиана всем телом прильнула к червю и судорожно вцепилась в кольцо, выступавшее на спине зверя, боясь, что он в любую секунду может зарыться в песок. Что ей тогда делать? Но червь и не думал никуда зарываться. Прошло несколько минут — червь продолжал нестись по прямой линии через дюны, и Шиана обрела способность соображать. Она знала, что на червях можно ездить верхом, но она знала также и то, что священники Разделенного Бога запрещали такую езду. Но Устное Предание и письменная история гласили, что в древние времена фримены путешествовали верхом на червях. Фримены ездили на червях, стоя во весь рост, удерживаясь на звере с помощью палки с крюком на конце. Священники объявили, что это делалось до того, как Лето II разделил свое сознание с Богом Пустыни. После этого запрещалось все, что могло нанести хоть малейший урон Лето II, расщепленному на

множество маленьких кусочков.

С поразившей воображение Шианы скоростью червь продолжал мчаться на северо-восток, к окутанному дымкой Кину. Великий город вырисовывался на пустынном горизонте, словно мираж. Складки поношенной накидки Шианы хлопали на ветру о заплатанный во многих местах защитный костюм. Пальцы, вцепившиеся в ведущее кольцо червя, занемели от напряжения. Порывы ветра доносили до Шианы запах корицы, опаленного камня и озона, который выделялся от усиленной работы червя.

Кин впереди вдруг обрел четкие очертания.

Священники увидят меня и придут в ярость, подумала Шиана.

Девочка узнала передовую линию барьеров, за которыми высились арки акведука. Над последним высились террасы садов и ажурный легкий силуэт гигантской водной ловушки. За этими сооружениями виднелся храмовый комплекс, окруженный собственным водным барьером.

Дневной переход по открытому песку был преодолен меньше чем за один час!

Родители и соседи часто ходили в Кин торговать или веселиться на танцах, но Шиану брали с собой только два раза. Лучше всего она запомни-

ла танцы и следовавшие за ними драки. Размеры города Кина поразили ее воображение. Как много домов! Как много людей! Такому городу не страшен никакой Шайтан.

Однако червь и не думал останавливаться, а продолжал нестись вперед и вперед, казалось, что он сейчас снесет и канал, и акведук. Город стремительно приближался, нависая сверху всей своей громадой. Страх был подавлен очарованием. Шайтан не собирался останавливаться!

Червь остановился внезапно и резко.

Системы трубок канала находились не более чем в пятидесяти метрах перед разверстой пастью червя. Шиана чувствовала коричный запах дыхания червя и приглушенный рокот страшной тепловой машины, которая безостановочно работала у него внутри.

До девочки вдруг дошло, что путешествие окончено. Шиана не спеша отпустила кольцо, медленно разжав пальцы. Она встала, в любой момент ожидая, что червь возобновит движение. Однако Шайтан продолжал лежать неподвижно. Девочка очень осторожно отодвинулась от спасительного кольца и соскользнула вниз, на песок. Немного постояла. Сдвинется ли червь с места? Мелькнула смутная мысль, что неплохо было бы

перепрыгнуть через канал, но какое-то очарование удерживало девочку возле червя. Скользя ступнями по взрыхленному песку, Шиана двинулась к морде червя, к его страшной пасти. За хрустальными зубами, в глубине чрева бушевало пламя — были хорошо видны его рвущиеся наружу языки. Девочку обдала волна аромата Пряности — сухой, жаркий аромат корицы.

Ею вновь овладел приступ ярости, как тогда, когда она, не помня себя, спустившись с дюны, набросилась на червя с кулаками.

— Будь ты проклят, Шайтан! — закричала Шиана, потрясая кулачками перед пастью зверя. — Что плохого мы тебе сделали?

Шиана помнила, что именно такими словами ругала червя ее охваченная яростью мать, когда червь уничтожил их сад. Шиана никогда не сомневалась в том, как следует обращаться к червю, его имя — Шайтан, это имя въелось в ее детское подсознание, и ярость матери была объяснимой и понятной. Жители деревни принадлежали к самым бедным слоям нищего основания пирамиды ракисского общества… Эти люди прежде всего верили в Шайтана, и только потом в Шаи-Хулуда. Черви — это просто черви, если не хуже. В открытой пустыне нет справедливости. Там везде

подстерегает опасность. Нищета и страх перед священниками заставляли людей выходить в дюны, но ими двигало то же злое упрямство, которое было столь характерно для древних фрименов.

Правда, на этот раз Шайтан победил.

До сознания Шианы дошло, что она встала на смертельно опасную тропу. Смутно она понимала, что ведет себя, как сумасшедшая. Много позже, когда уроки учителей из Общины Сестер несколько отточили ее восприятие, она поняла, что в тот страшный момент ею двигал страх одиночества. Она подсознательно желала, чтобы Шайтан убил и ее, чтобы она присоединилась к своим мертвым.

Под чревом червя раздался громкий скрежет.

Шиана едва не подавилась криком.

Медленно, затем все быстрее и быстрее, червь начал отползать назад, затем повернулся и, набирая скорость, понесся в Пустыню, рядом с проложенным им следом. Скрежет и свист этого страшного движения постепенно затихал. До сознания Шианы донеслись теперь и другие звуки. Она подняла глаза к небу. Девочку накрыла тень орнитоптера священников, который спускался с неба, издавая хлопающий громкий звук. Блестя на солнце металлическими частями, машина

устремилась вслед за червем.

Вот теперь Шианой овладел более знакомый страх.

Священники!

Она снова поискала взглядом орнитоптер. Машина развернулась и, вернувшись, приземлилась на площадку ровного песка, укатанного громадным телом червя. В нос ударил запах машинного масла и едкое облако паров горючего. Машина была похожа на насекомое, сидевшее на песке и готовое ужалить.

С резким щелчком откинулась дверца.

Шиана выпрямилась и расправила плечи. Что ж, ее поймали. Она знала, что ее ждет. Никто не мог передвигаться по воздуху, кроме священников. Только они имели право летать на орнитоптерах. Они могли проникать всюду и видеть все.

Из машины вышли два роскошно одетых — в расшитых золотом и отороченных пурпуром белых накидках — священника и побежали к девочке, увязая ногами в песке. Приблизившись настолько, что Шиана ощутила запах пота и мускусный запах меланжи, исходивший от их одежд, они опустились перед девочкой на колени. Священники были молоды, но как и все

священники, имели мягкие черты лица, нежные ухоженные руки и совершенно не думающие о потере влаги. Ни у одного из них не было под накидкой защитного костюма.

Тот, который стоял слева, вперил свой взор в глаза Шианы и заговорил:

— Дитя Шаи-Хулуда, мы видели, как твой Отец принес тебя из Его страны.

Эти слова не имели для Шианы никакого смысла. Священники — это люди, которых можно только бояться. Ее родители и все взрослые, которых она знала, запечатлели этот страх всеми своими словами и поступками. У священников были орнитоптеры. Священники могли скормить человека Шайтану за малейшее прегрешение или просто по своему капризу. Примеров тому было великое множество.

Шиана отпрянула и лихорадочно оглянулась. Куда бежать?

Тот, который заговорил, умоляюще воздел руку.

— Останься с нами.

— Вы плохие! — голос Шианы стал хриплым от избытка чувств.

Оба священника распростерлись на песке лицом вниз.

Вдалеке, в окнах башни блеснули линзы оптических приборов. Шиана заметила этот блеск. Она знала, что означают эти блики. Священники всегда наблюдают за людьми в своих городах. Как только увидишь такой блик, надо сразу же начинать вести себя прилично, быть «хорошей».

Чтобы унять дрожь, Шиана сцепила перед собой руки. Она посмотрела направо, потом налево, потом на распростершихся на песке священников. Что-то в этой картине было не так.

Уткнувшись лицами в песок, священники дрожали от страха и чего-то ждали. Никто из них не произносил ни слова.

Шиана не имела ни малейшего представления, как реагировать на такое странное поведение. Восьмилетняя девочка не могла сразу переварить крах всех своих прежних представлений. Она знала, что ее родителей и всех соседей поглотил Шайтан. Она видела это своими глазами. Однако тот же Шайтан принес ее сюда, не отправив в свою страшную печь. Он пощадил ее.

Это слово она хорошо понимала. *Пощадил.* Это слово ей объяснили, когда она пела танцевальную песню.

Шаи-Хулуд, пощади нас!
Избавь нас от Шайтана…

Медленно, не желая рассердить простертых перед ней священников, Шиана начала ритмично двигаться в такт ритуальному танцу. Вспомнив мелодию, она разжала руки и развела их в стороны, не прекращая движений. Стоя на месте, она высоко поднимала ноги. Тело ее начало вращаться — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Девочку начал охватывать экстаз танца. Длинные каштановые волосы разметались и покрыли ее лицо.

Священники отважились поднять головы. Странный ребенок показывал им Танец! Они хорошо знали эти движения. Танец Умиротворения. Она просила Шаи-Хулуда простить свой народ. Она просила Бога простить *их!*

Они посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, снова встали на колени. Они принялись хлопать в ладоши, чтобы незаметно привлечь внимание танцовщицы. Они ритмично хлопали, выводя в такт хлопкам древний напев:

Наши отцы ели манну в пустыне,
В жарких песках, где свирепствуют бури!

Священники не обращали внимания ни на что, кроме ребенка. Это было стройное создание с небольшими крепкими длинными мышцами,

тонкими руками и ногами. Накидка и защитный костюм изобличали невероятную бедность. Выступающие плоские скулы отбрасывали тень на оливково-смуглое лицо. Глаза карие, в волосах выгоревшие на солнце пряди. В ее чертах проглядывало стремление природы экономить драгоценную воду — узкие нос и подбородок, высокий лоб, большой рот, тонкие губы и длинная шея. Она выглядела точь-в-точь как фримены на портретах, найденных в святая святых — в сокровищах Дар-эс-Балата. Ну конечно же! Так выглядеть может только дитя Шаи-Хулуда.

Она, кроме того, отлично танцует. Ни один чужеродный убыстряющийся ритм не мог помешать ее движениям. Ритм был, но он был длинным, и его рисунок не повторялся в течение сотни движений. Девочка продолжала танцевать, а между тем солнце поднималось все выше и выше. Был почти полдень, когда, выбившись из сил, Шиана упала на песок.

Священники поднялись с колен и всмотрелись в Пустыню, куда ушел Шаи-Хулуд. Танец не позвал его назад. Они были прощены.

Так началась новая жизнь Шианы.

В своих апартаментах старшие священники на повышенных тонах до хрипоты спорили о де-

вочке. Наконец, не придя ни к какому решению, они направили это дело на рассмотрение Верховному Священнику Хедли Туэку. Встретились они в зале малой конгрегации — Туэк и шесть Высших Советников. Высеченное в скале изображение Лето II — человеческое лицо на теле червя — одобрительно взирало на Совет со стены. Туэк сел на каменную скамью, найденную в одном из древних сиетчей. По преданию, на этой скамье сидел сам Муад'Диб. На одной из ножек до сих пор сохранилось изображение ястреба Атрейдесов.

Советники расселись на меньшие, современные, скамьи лицом к Верховному.

Верховный Священник имел впечатляющую внешность: шелковистые седые волосы, тщательно расчесанные, ниспадали на плечи. Волосы обрамляли широкое, властное лицо с твердо очерченным ртом и массивным подбородком. У Туэка были необычные глаза — естественный цвет белков сочетался с интенсивной синевой зрачков. Кустистые, неподстриженные седые брови оттеняли глаза.

Советники представляли собой довольно пестрое собрание. Отпрыски старинных священнических семейств, они несли в сердцах твердую веру в то, что дела пошли бы гораздо лучше, если

бы на месте Туэка восседал *он.*

Тощий, костлявый, лицом напоминающий кувшин, Стирос добровольно взял на себя роль оппозиционера.

— Она всего лишь нищая бабенка из Пустыни, прокатившаяся на Шаи-Хулуде. Это запрещено, и девчонку надо примерно наказать.

Стиросу ответили сразу несколько голосов:

— Нет, нет, Стирос! Ты неправильно это понимаешь! Она же не стояла на Шаи-Хулуде, как это делали древние фримены! Кроме того, у нее не было палки с крюком или…

Стирос в ответ старался перекричать остальных.

Дело застопорилось намертво. Туэк видел — голоса разделились поровну — три на три, при этом толстый гедонист Умфруд ратовал за «осторожный подход».

— Она никак не могла направлять шествие Шаи-Хулуда, — спорил Умфруд. — Мы все видели, как она сошла на песок и безбоязненно говорила с Ним.

Да, они все видели это, либо непосредственно, либо в записи на голофото, которое было заботливо сделано с помощью специальной аппаратуры. Бездомная пустынная нищенка или нет, но она

безбоязненно встретилась с Шаи-Хулудом и говорила с Ним. И Шаи-Хулуд не поглотил ее. Действительно нет. По команде ребенка Шаи-Хулуд послушно уполз обратно в Пустыню. Бог-Червь покорился маленькой девочке.

— Мы испытаем ее, — сказал Туэк.

На следующий день, ранним утром орнитоптер, управляемый двумя священниками, которые первыми встретились с Шианой, доставил девочку в Пустыню, подальше, туда, где ее не могло бы видеть население Кина. Священники привели Шиану на вершину одной из дюн и привели в действие старый фрименский механизм — тампер, — который, ритмично ударяя по песку, служил орудием вызова червя. Священники спешно погрузились в орнитоптер и зависли на большой высоте, наблюдая за происходящим. В двадцати метрах от тампера они оставили Шиану, которая только теперь осознала, что сбылись ее худшие предчувствия.

Явились два червя. Это были не самые большие из всех, которых приходилось видеть священникам — всего по тридцать метров в длину. Один из червей наклонился над тампером и заглушил его. После этого черви, как по команде, одновременно развернулись и двинулись вперед, остановив-

шись в шести метрах от Шианы.

Девочка стояла, не пытаясь сопротивляться, прижав руки к бокам. Священники сделали то, что должны были сделать, — они скормили ее Шайтану.

Сидя в орнитоптере, священники, как зачарованные, следили за разворачивающимися событиями. Камеры транслировали происходящее в апартаменты Верховного Священника в Кине, где за событием наблюдали не менее зачарованно. Впрочем, такую картину им приходилось видеть не впервой. Это было стандартное наказание, удобный способ удалить еретика из среды горожан или священства или наказать ведьму. Но все они впервые видели в качестве жертвы ребенка, и какого ребенка!

Черви двинулись дальше и остановились на этот раз всего в трех метрах от Шианы.

Покорившись своей судьбе, девочка и не думала спасаться бегством. Скоро, думала Шиана, она окажется вместе со своими родителями и друзьями. Когда черви остановились, на смену ужасу пришел гнев. Эти сволочи священники оставили ее здесь! Она слышала, как над головой рокотал орнитоптер. Воздух вокруг был напоен запахом Пряности. Она резко подняла вверх руку,

указывая на зависший орнитоптер.

— Идите, ешьте меня! Они хотят именно этого!

Священники не могли слышать ее слов, но прекрасно видели жест и то, что девочка что-то говорит бого-червям. Этот жест не мог означать для священников ничего хорошего.

Черви, однако, не двигались.

Шиана опустила руку.

— Вы убили моего отца и мою мать! — обвиняющим тоном крикнула она. Подойдя ближе, она погрозила червям кулаком.

Черви отступили, сохранив прежнюю дистанцию.

— Если я не нужна вам, то можете убираться! — она махнула рукой в сторону Пустыни.

Черви послушно отступили и развернулись.

Ошеломленные священники проследили за тем, как черви бросились в Пустыню и погрузились в песок в километре от дюны. Только тогда они отважились спуститься, охваченные страхом и трепетом. Они взяли с собой дитя Шаи-Хулуда, посадили ее в орнитоптер и доставили обратно в Кин.

Посольство Бене Гессерит в Кине к вечеру составило подробный отчет о происшедшем и направило его в Капитул на следующее утро.

Наконец это свершилось!

Проблема с некоторыми способами ведения войны (и Тиран превосходно знал это, поскольку использовал в своем уроке) заключается в том, что они уничтожают все моральные ценности у восприимчивых субъектов. При таком способе ведения войны пострадавшие, но выжившие, возвращаются домой, а мирное население не в состоянии даже представить, что могут натворить вернувшиеся с войны солдаты.

Учение Золотого Пути: Архивы Бене Гессерит

Это было одно из самых ранних воспоминаний Майлса Тега: вся семья сидит за обеденным столом. Майлсу было в то время семь лет, но тот эпизод намертво врезался в его память. Рядом с ним сидел его младший брат Сабин. Столовая в лернейском особняке украшена свежесрезанными полевыми цветами, желтоватый свет заходящего солнца рассеивается старинными занавесями. Ярко-синие обеденные приборы с серебряной каймой. Лакеи за спинками стульев, готовые услужить при первом же знаке. Впрочем, матери было некогда заниматься такими мелочами, она практически постоянно бывала в

отъезде по поводу разных заданий. Учитель Бене Гессерит не имел права рассеивать свое внимание по пустякам.

Джейнет Роксбраф-Тег, сидя во главе стола, придирчиво следила за тем, чтобы все было на своем месте, не без успеха играя роль великосветской дамы. Лоши Тег, отец Майлса, всегда смотрел на это, как на причуду, с некоторым насмешливым изумлением. Это был худощавый мужчина с высоким лбом, лицом настолько узким, что казалось, будто глаза немного выпячиваются в стороны. Его черные волосы были превосходным контрастом светлым волосам супруги.

На фоне приглушенного позвякивания столовых приборов в атмосфере, наполненной благоуханием обильно приправленного специями супа эду, звучал голос матери, которая инструктировала отца, как вести себя с домогательствами Вольного Торговца. Стоило Джейнет произнести слово «Тлейлаксу», как Майлс насторожился. Его только недавно просветили о том, что на свете существует Бене Тлейлаксу.

Даже Сабин, который много лет спустя пал от руки отравителя на Ромо, слушал с таким вниманием, на какое только способен четырехлетний мальчик. Сабин… Как он поклонялся

и боготворил своего старшего брата. Видя, что Майлс слушает мать, Сабин тоже превратился в слух. Оба мальчика сидели, сохраняя полное молчание.

— Этот человек работает на тлейлаксианцев, — сказала леди Джейнет. — Я чувствую это по его голосу.

— Я никогда не сомневался в твоей способности чувствовать такие вещи, — согласился с женой Лоши Тег. — Но что я должен делать? У него подлинные кредитные карты и он хочет купить…

— Заказ на рис в этот момент совершенно не важен. Никогда не допускай даже мысли о том, что лицедел ищет то, о чем говорит.

— Я уверен, что он не лицедел. Он…

— Лоши! Я знаю, что ты прилежно учился этому ремеслу и можешь за километр отличить лицедела от обычного человека. Я согласна с тем, что Вольный Торговец не из них. Лицедел остался в его корабле. Они же знают, что я здесь.

— Они, конечно, знают, что тебя им не одурачить. Да, но…

— Стратегия тлейлаксианцев всегда вплетена в целую сеть стратегий, и каждая из них может оказаться настоящей. Они научились этому у нас.

— Моя дорогая, если мы в данном случае имеем

дело с тлейлаксианцами, а я не подвергаю сомнению твое суждение, то немедленно возникает вопрос о меланже.

Леди Джейнет слегка наклонила голову в знак одобрения. Действительно, даже Майлс знает о связи тлейлаксианцев с Пряностью. Да, именно это обстоятельство придавало Тлейлаксу непреодолимое очарование в глазах Майлса. На каждый миллиграмм меланжи с Ракиса в чанах Тлейлаксу производили тонны Пряности. Спрос на меланжу породил невиданное предложение, и даже Космическая Гильдия была готова встать на колени перед такой мощью.

— Да, но рис… — начал было Лоши Тег.

— Мой дорогой супруг, Бене Тлейлаксу не слишком-то нуждаются в рисе понги, да еще в нашем секторе. Они требуют его для перепродажи. Нам надо выяснить, кому в действительности нужен этот рис.

— Другими словами, ты хочешь сказать, что я должен тянуть время, — сказал Лоши.

— Именно так. Ты превосходно сделаешь то, что требуется. Не давай Вольному Торговцу говорить ни «да» ни «нет». Некоторые люди, воспитанные в традициях лицеделов, оценят такую тонкость.

— Мы выманим лицедела из корабля, а ты в это

время наведешь справки в других местах.

Супруги обменялись понимающими взглядами.

— Он не сможет обратиться к другому поставщику в этом секторе, — вставил Лоши Тег.

— Он будет изо всех сил противиться прямой конфронтации, — заговорила леди Джейнет, стуча ладонью по столу. — Тяни, тяни и еще раз тяни. Ты должен выманить лицеделов из корабля.

— Но они, конечно, все поймут.

— Да, мой дорогой, и это очень опасно. Ты должен встретиться с ним только на нашей территории и при наличии надлежащей охраны.

Майлс припомнил, что в тот раз отцу действительно удалось выманить лицеделов с корабля. Мать водила его тогда к видеофону, и мальчик видел сцену допроса. В этой комнате, стены которой были обиты медными листами, отец заключил сделку, которая принесла ОСПЧТ громадные комиссионные, а отцу приличный бонус.

Тогда Майлс впервые в жизни увидел лицеделов: два маленьких тщедушных человечка, похожие, словно близнецы. Круглые лица, практически лишенные подбородков, приплюснутые носы, крошечные рты, черные, похожие на пуговицы, глаза и белые коротко подстриженные

волосы, торчащие, как щетина щетки. Одеты они были как Вольные Торговцы — в черные туники и брюки.

— Это иллюзион, Майлс, — сказала мать. — Иллюзион — это их путь. Представление иллюзий для достижения вполне реальных целей — так работают тлейлаксианцы.

— Как фокусники в Зимнем шоу? — спросил Майлс, не отрывая взгляда от фигурок на экране видеофона.

— Это очень похоже, — согласилась с сыном мать. Она тоже следила за происходящим на экране, одной рукой обняв Майлса за плечи, словно стремясь защитить его.

— Сейчас ты видишь зло, Майлс. Изучи его хорошенько. Лица, которые ты видишь, могут измениться в мгновение ока. Эти люди могут стать выше и массивнее. Они могут стать похожими на твоего отца настолько, что только я смогу заметить подмену.

Майлс безмолвно округлил губы. Он внимательно уставился на экран и прислушался. Отец в это время с жаром объяснял, что цены, установленные ОСПЧТ на рис понги, снова взлетели вверх.

— Но вот что самое ужасное, — продолжала

между тем мать. — Есть новые лицеделы, которые, коснувшись плоти своей жертвы, могут взять у нее часть памяти.

— Кусок их настоящего сознания? — спросил Майлс.

— Не совсем так. Нам кажется, что они забирают некий отпечаток памяти, этот процесс похож на голографию. Они до сих пор не догадываются, что мы знаем об этом.

Майлс все понял. Он не должен был ни с кем об этом говорить, даже с отцом и матерью. Она научила его, как в Бене Гессерит хранят тайны. Майлс внимательно следил за фигурками на экране.

Слова отца не производили видимого впечатления на лицеделов, но было видно, как их глаза блестят все ярче и ярче.

— Как они стали злом? — спросил Майлс.

— Они коммунальные существа, их породили без определенной формы. Сейчас они приняли такую форму только из-за меня. Они знают, что я наблюдаю за ними, и приняли свою нейтральную, коммунальную форму. Следи за ними внимательно.

Майлс с напряжением склонил голову набок и внимательно всмотрелся в экран, изучая лицеде-

лов. Они выглядели совершенно бесцветными и беспомощными.

— У них нет чувства своего «я», — снова заговорила мать. — У них есть только инстинкт самосохранения, и то он действует только до тех пор, пока их хозяева не прикажут им умереть.

— А они это делают?

— Они проделывали это множество раз.

— Кто их хозяева?

— Мужчины, которые редко покидают планеты Бене Тлейлаксу.

— У них есть дети?

— У лицеделов не бывает детей, они мулы, стерильны. Но их хозяева могут скрещиваться и давать потомство. Мы взяли несколько экземпляров, но их отпрыски очень странные создания. Родилось несколько женщин, но мы не смогли добраться до их предковой памяти.

Майлс нахмурился. Он знал, что его мать принадлежит Бене Гессерит. Знал он и то, что Преподобные Матери несут в своем сознании огромную предковую память, охватывающую тысячелетия существования Общины Сестер. Знал он и кое-что о селекционном замысле Общины. Преподобные Матери подбирали определенных мужчин, от которых надо было получить потомство.

— Как выглядят женщины Тлейлаксу? — спросил Майлс.

Это был умный вопрос, и мать почувствовала гордость за сына. Да, вполне возможно, что леди Джейнет родила ментата. Женщины, участвовавшие в селекционной программе, были правы относительно генетического потенциала Лоши Тега.

— Никто никогда не видел женщин Тлейлаксу вне их родных планет, — ответила леди Джейнет.

— Они существуют или их заменяют чаны?

— Они существуют.

— Среди лицеделов есть женщины?

— По их собственному выбору они могут быть либо мужчинами, либо женщинами. Внимательно присмотрись к ним. Они знают, что делает твой отец, и очень злятся.

— Они не причинят ему вреда?

— Нет, не осмелятся. Мы приняли меры предосторожности. Смотри, у того, который слева, сжались челюсти. Это признак их гнева.

— Ты сказала, что они ком… коммунальные существа.

— Да, они подобны в этом отношении пчелам или муравьям. У них нет представления о своем

образе. Поскольку они лишены самооценки, то к ним не приложимы никакие моральные нормы. Ничему из того, что они говорят или делают, нельзя доверять.

Майлс содрогнулся.

— Нам так и не удалось найти у них хотя бы что-то похожее на какой бы то ни было моральный кодекс, — продолжала леди Джейнет. — Они — это плоть, превращенная в автомат. Они ничего не оценивают и никогда не сомневаются. Они порождены только для того, чтобы подчиняться своим хозяевам.

— Им приказали явиться сюда и купить рис?

— Точно так. Им приказали купить рис и они могут купить его только в этом секторе.

— Они должны купить его только у отца?

— Он их единственный источник. Вот сейчас, сынок, они расплачиваются с ним меланжей, ты видишь?

Майлс увидел, как один из лицеделов достал из стоявшего на полу кейса связку длинных палочек оранжево-коричневой Пряности и передал ее отцу.

— Цена оказалась гораздо выше той, на которую они рассчитывали, — прокомментировала расчет леди Джейнет. — Теперь будет очень про-

сто проследить цепочку.

— Как?

— Обанкротится тот, кто нанимал этот корабль. Нам кажется, мы знаем, кто является покупателем. Но, кто бы он ни был, мы скоро точно это узнаем, а потом будет очень несложно узнать, что в действительности было здесь предметом торга.

После этого леди Джейнет принялась перечислять признаки, по которым можно на вид и на слух отличить лицедела от настоящего человека. Это были трудноуловимые признаки, но Майлс тотчас вник в суть дела. Мать даже сказала, что, пожалуй, он сможет стать ментатом… или не простым ментатом.

Незадолго до своего тринадцатого дня рождения Майлс Тег был направлен в специальную школу, расположенную в крепости Бене Гессерит на Лампадас, где подтвердили оценку матери. Ей было послано сообщение:

«Вы прислали нам воина ментата, на которого мы так рассчитывали».

Тег увидел эту записку только после смерти матери, когда разбирал ее вещи. Вид этих слов, написанных на ридулианском хрустале с оттиснутой внизу печатью Капитула, произвел на Тега странное впечатление смещения времени.

Память перенесла Тега в Лампадас, где за годы учения любовь и благоговение перед матерью трансформировались в преклонение перед Общиной Сестер, что и задумывалось с самого начала. Он сам пришел к пониманию этого только во время прохождения курса подготовки ментатов, но понимание мало что изменило. Как бы то ни было, но оно еще крепче привязало его к Бене Гессерит. Понимание подтвердило, что уповать он может только на Бене Гессерит. К тому времени он понял, что Община Сестер — Бене Гессерит — самая могущественная организация, равная по мощи Космической Гильдии, превосходящая Совет Говорящих Рыб — наследниц великой империи Атрейдесов, и ОСПЧТ. Сила Бене Гессерит уравновешивала притязания Фабрикаторов с Икса и организации Бене Тлейлаксу. Представление о могуществе Бене Гессерит давало то, что Община сохранила свою власть, хотя тлейлаксианцы научились выращивать меланжу в своих чанах, сведя на нет монополию Ракиса на Пряность, а мастера Икса начали делать машины, которые уничтожили монополию Космической Гильдии. К тому времени Майлс Тег уже превосходно знал историю. Гильд-навигаторы были уже не единственными, кто мог прокладывать трассы сквозь

складки пространства — за одно мгновение в нашей галактике и еще за несколько секунд — в удаленных.

Учителя школы Сестер мало что утаили от Майлса. Например, ему открыли, что он является потомком Атрейдесов. Это откровение было необходимо, поскольку Майлс должен был пройти несколько испытаний. Сестры, это было совершенно очевидно, испытывали его на обладание предзнанием. Мог ли он, подобно Гильд-навигаторам, знать о наличии смертельных ловушек? Майлс не прошел этот тест. Его испытывали на обнаружение помещений и кораблей-невидимок. Нет, Тег был слеп, как и все простые смертные. Правда, на этот раз ему давали огромные дозы Пряности, и он почувствовал пробуждение своего истинного «я».

— Это зарождение твоего сознания, — так назвала Сестра-учительница это ощущение, когда Тег попросил объяснений по поводу этого странного чувства.

Какое-то время вселенная в свете нового осознания казалась Майлсу магической. Осознание было сначала окружностью, потом превратилось во всеохватывающий шар. Произвольные формы оказались преходящими. Майлс впадал в состо-

яние транса без предвестников и совершенно неожиданно для себя до тех пор, пока Сестры не научили его контролировать это явление. Учителя придали ему способности святого и мистика, он приобрел навык очерчивать руками круги, следуя очертаниям своего сознания.

В конце курса обучения его осознание пришло в гармонию с расхожими ярлыками обыденного мира, но ощущение чуда, посетившее Майлса в самом начале пути, осталось. Эта память стала для него источником силы в самые трудные моменты жизни.

После того как Тег принял должность Мастера Оружия при гхола, его чудесная память помогала ему все чаще и чаще. Особенно полезной она оказалась во время первой беседы с Швандью в Убежище Гамму. Их первая беседа состоялась в кабинете Преподобной Матери. В помещении с металлическими блестящими стенами было множество хитроумных приборов с клеймом Икса. Даже кресло, в котором сидела Швандью, — сидела на фоне окна, чтобы собеседник не мог видеть ее мимики, — даже это кресло с изменяемой формой было изготовлено на Иксе. Тег был вынужден сесть на кресло-собаку, хотя Швандью было хорошо известно отвращение Тега к униже-

нию любой формы жизни.

— Тебя выбрали для этой цели только потому, что ты очень похож на классического дедушку, — заговорила Швандью. Яркий солнечный свет образовывал венец вокруг ее головы, покрытой капюшоном. *Это было сделано обдуманно!* — Твоя мудрость заслужит тебе любовь и уважение ребенка.

— Естественно, я не могу быть фигурой отца.

— Тараза считает, что ты идеально подходишь на роль деда. Мне известно о твоих почетных шрамах, полученных на службе, и это для нас очень большая ценность.

Эти слова лишь подтвердили вывод, сделанный ранее ментатом Майлсом Тегом: *Они запланировали это очень давно. Они вывели специальную породу для этого. И меня они получили тоже в результате селекции. Я — часть их далекоидущих планов.*

В ответ Майлс сказал только одно:

— Тараза ожидает, что это дитя станет великим воином, когда постигнет свою сущность.

Швандью молча посмотрела на Майлса, потом заговорила:

— Ты не должен отвечать на его вопросы о том, что такое гхола, если вдруг он столкнется с этим

словом. Ты сам даже не произноси этого слова в его присутствии до того, как получишь на это мое разрешение. Мы снабдим тебя всеми необходимыми данными о гхола, чтобы ты мог достойно исполнять свои обязанности.

Подчеркнутой холодностью Майлс постарался придать особое значение своему ответу:

— Возможно, Преподобной Матери неизвестно, что я специально занимался гхола, которых изготовляют на Тлейлаксу. Кроме того, я встречался с ними в битвах.

— И ты полагаешь, что достаточно осведомлен о серии Айдахо?

— Айдахо имеют репутацию блистательных военных стратегов, — ответил на это Тег.

— Тогда, вероятно, Верховный Башар не осведомлен о других свойствах нашего гхола.

В ее голосе явственно прозвучало плохо скрытое издевательство. И кое-что еще, ревность и плохо скрытый гнев. Мать Тега учила своего сына читать ее истинные мысли сквозь маски. Это было запретное знание, и Тег тщательно его скрывал. Он притворно съежился и пожал плечами.

Было, однако, ясно, что Швандью прекрасно знает, что Тег — Верховный Башар Таразы. Все точки над «i» были расставлены.

— По требованию Бене Гессерит, — продолжала между тем Швандью, — тлейлаксианцы внесли некоторые изменения в эту серию гхола Айдахо. Они модернизировали его нервно-мышечную систему.

— Без изменения исходной личности? — вопрос был задан наудачу. Тегу просто хотелось выяснить, насколько далеко зайдет Швандью в своей откровенности.

— Он гхола, а не продукт клонирования!

— Я понимаю.

— В самом деле? Тогда ты понимаешь, что на всех ступенях воспитания он должен получать полный тренинг прана-бинду.

— Приказ Таразы звучит недвусмысленно, и мы обязаны беспрекословно его исполнить.

Швандью, не пытаясь больше скрывать гнев, подалась вперед.

— Тебя попросили обучать гхола, чья роль в некоторых планах может представлять для нас большую опасность. Мне кажется, что ты не имеешь даже отдаленного представления о том, что собираешься воспитывать.

Что собираешься воспитывать, подумал Тег. Не *кого.* Этот гхола никогда не будет *кем* для Швандью и всех других, кто выступает против Та-

разы. Возможно, что он не будет *кем* ни для кого до тех пор, пока не обретет истинную сущность исходного Дункана Айдахо.

Теперь Тег ясно видел, что Швандью утаивает нечто гораздо большее, нежели какие-то сведения о гхола. Она находится в активной оппозиции, как и предупреждала его Тараза. Швандью — враг, и приказ Таразы звучал совершенно недвусмысленно:

— Ты будешь оберегать ребенка от любой возможной угрозы.

Прошло десять тысяч лет с тех пор, как Лето II начал свой метаморфоз, превратившись из человека в песчаного червя Ракиса, а историки до сих пор спорят о его мотивах. Было ли это стремление к долгой жизни? Он прожил десять жизней, если считать среднюю продолжительность жизни равной тремстам стандартным годам, но примите во внимание цену, которую он за это заплатил. Было ли это соблазном власти? Его называют Тираном не без основания, но что принесла ему эта власть, если рассматривать ее с точки зрения человеческого могущества? Хотел ли он спасти человечество от него самого? На этот вопрос дают ответы его собственные слова, найденные при раскопках в Дар-эс-Балате, но я не могу принять эти объяснения. Было ли какое-то воздаяние, о котором нам мог бы поведать только его личный опыт? Этот вопрос, поскольку мы не имеем точных свидетельств, остается спорным. Нам остается только признать сам факт и сказать: «Он сделал это!» Нельзя отрицать только сам физи-

ческий факт.

Метаморфоз Лето II Десятитысячная годовщина Речь Гауса Андауда

Вафф еще раз почувствовал, что совершает лашкар. На этот раз ставки были высоки, как никогда. Досточтимая Матрона из Рассеяния потребовала его присутствия. Повиндах из повиндах! Потомки Тлейлаксу из Рассеяния рассказали ему все, что смогли узнать об этих ужасных женщинах.

— Гораздо более ужасные, чем Преподобные Матери из Бене Гессерит, — говорили тлейлаксианцы.

И гораздо более многочисленные, напомнил себе Вафф.

Тем не менее он не слишком доверял вернувшимся из Рассеяния потомкам Тлейлаксу. Их акцент был странным, еще более странны их манеры, и кроме того, Вафф сомневался, что они соблюдают ритуалы. Как можно было принять этих людей в Великий Кхель? Сколько гхуфрана потребуется, чтобы очистить их после стольких столетий отступничества? Очень сомнительно, чтобы они хранили таинства Тлейлаксу на протяжении жизни нескольких поколений.

Они больше не были братьями маликами, но, к сожалению, именно они были единственным

источником информации о возвращающихся Заблудших. А какие они приносили с собой откровения! Взять хотя бы откровения, касающиеся гхола Дункана Айдахо. Эти сведения стоили риска осквернить злом повиндах.

Встреча с Досточтимыми Матронами была назначена на предположительно нейтральной территории — на иксианском корабле-невидимке, вращавшемся на малой орбите вокруг гигантской газовой планеты в одной из истощенных солнечных систем старой Империи. Сам Пророк выкачал последние ресурсы из этой системы. Среди экипажа иксианского корабля-невидимки было множество новых лицеделов, но Вафф потел от страха, вступая на борт космолета. Если эти Досточтимые Матроны действительно более ужасны, чем Сестры Бене Гессерит, то, может быть, они смогут обнаружить присутствие лицеделов?

Выбор места встречи вызвал большое напряжение на Тлейлаксу. Безопасно ли это место? Вафф успокаивал себя тем, что при нем находится два скрытно провезенных ружья, которые никто никогда не видел за пределами срединных планет Бене Тлейлаксу. Оружие представляло собой шедевр оружейного искусства — в рукавах Ваф-

фа были спрятаны два миниатюрных арбалета, стрелявших дротиками. В течение многих лет Вафф тренировался в стрельбе, и теперь выстрел отравленной стрелой не требовал никакого участия сознания — все действия были доведены до отточенного автоматизма.

Стены помещения были покрыты панелями из меди, что говорило о защите от шпионских приспособлений иксианцев. Но какие еще устройства могли разработать люди Рассеяния вне пределов иксианской технической цивилизации?

Неуверенной походкой Вафф вошел в помещение. Досточтимая Матрона была уже на месте, сидя в кожаном кресле.

— Вы будете называть меня так же, как меня называют другие: Досточтимая Матрона, — приветствовала Ваффа женщина.

Его предупреждали об этом, поэтому Вафф поклонился и произнес:

— Досточтимая Матрона.

В ее голосе не было никаких намеков на скрытую силу. Низкое контральто с обертонами говорило о привычке к самоограничению. Женщина выглядела как атлет или акробат, который давно уже не выступает и выглядит заторможенным и медлительным, хотя на деле сохранил

навыки и мышечный тонус. Натянутая кожа лица, выступающие скулы. Тонкие губы придавали ей высокомерный вид и, когда женщина произносила слова, казалось, что они обращены сверху вниз к мелким ничтожествам.

— Ну, проходите и садитесь, — проговорила она, указав рукой на кожаное кресло напротив.

Вафф уловил рядом с собой какой-то тонкий шипящий свист. Они остались наедине! На ней надето следящее устройство. Вафф разглядел даже конец провода, вставленный в левое ухо женщины. Его метательные орудия были защищены и отмыты против подобных локаторов, арбалеты специально выдерживали в ванне при температуре — 340 градусов по Кельвину в течение пяти стандартных лет, но достаточно ли этого?

Вафф медленно опустился в указанное кресло.

Глаза Досточтимой Матроны были прикрыты оранжевыми контактными линзами, что придавало им звериное выражение. Что ж, она действительно выглядела устрашающе. А ее одежда! Красные леопарды под темно-синей накидкой. Поверхность накидки была украшена каким-то подобием жемчуга, что придавало ей сходство с арабеской и драконом одновременно. Женщина сидела в кресле, как на троне, положив

на подлокотники свои похожие на лапы животного руки.

Вафф оглядел помещение. Его люди осматривали ее вместе с иксианскими рабочими и представителями Досточтимых Матрон.

Мы все сделали наилучшим образом, подумал он и постарался расслабиться.

Досточтимая Матрона рассмеялась.

Вафф посмотрел на нее со всем спокойствием, на какое был в этот момент способен.

— Сейчас вы меня проверяете, — обвиняющим тоном заговорил Вафф. — Вы говорите себе, что располагаете огромными ресурсами, которые можете использовать против меня, некие тонкие и мощные инструменты, которые подкрепят ваши приказания.

— Не стоит говорить со мной в таком тоне, — слова были произнесены совершенно бесстрастно, но в них было столько яда, что Вафф едва не съежился.

Он взглянул на мускулистую ногу женщины и на темно-красную ткань леопарда, которая, казалось, стала ее второй кожей.

Время встречи было согласовано так, чтобы оба чувствовали себя в наилучшей форме, для этого пришлось подрегулировать их суточные ритмы.

Тем не менее Вафф чувствовал себя не в своей тарелке, казалось, что его позиция ущербна. Что, если все истории его информаторов соответствуют действительности и у этой женщины есть оружие?

Она улыбнулась холодной и жестокой улыбкой.

— Вы пытаетесь меня запугать, — сказал Вафф.

— И добилась в этом успеха.

Ваффа охватил гнев, однако он сумел сдержаться и заговорил совершенно спокойно:

— Я прибыл сюда по вашему приглашению.

— Надеюсь, вы сделали это не для того, чтобы вступить со мной в конфликт, который вы, без всякого сомнения, проиграете.

— Я прибыл сюда, чтобы выковать узы, которые нас свяжут, — ответил он. *Что им от нас надо? Нет сомнения, что им что-то надо.*

— Какие узы могут быть между нами? — спросила она. — Разве можно строить здание на зыбком фундаменте? Ха! Соглашения очень легко можно нарушить, что все и делают довольно часто.

— На какой предмет мы будем торговаться? — спросил Вафф.

— Торговаться? Я не торгуюсь. Меня интересует гхола, которого вы сделали для ведьм.

В ее тоне не было ничего особенного, но сердце Ваффа забилось чаще.

В один из периодов, когда он сам был гхола, Вафф обучался у ментата-перебежчика. Способности ментата были недоступны Ваффу, и кроме того, объяснения требовали слов. Им пришлось убить этого повиндаха-ментата, но в том опыте было нечто ценное. Вспомнив тот эпизод, Вафф едва не поморщился от отвращения, но вспомнил и нечто полезное.

Нападай и используй те данные, которые порождает нападение!

— Вы не предлагаете мне ничего взамен! — громко произнес он.

— Компенсация зависит от моего расположения, — проговорила женщина.

Вафф скорчил презрительную гримасу.

— Вы что, вздумали играть со мной?

Матрона оскалила в ухмылке белые звериные зубы.

— Вы не переживете моей игры, да этого и не требуется.

— То есть я должен зависеть от вашей доброй воли?

— Зависимость! — произнося это слово, она скривилась от отвращения. — Зачем вы продаете

ведьмам этих гхола, а потом убиваете их?

Вафф сжал губы и промолчал.

— Вы каким-то образом изменили структуру гхола, хотя и сохранили способность восстанавливать первоначальную память, — заговорила женщина, не дождавшись ответа.

— Как много вы знаете! — это была отнюдь не издевательская насмешка, и Вафф испугался, что непроизвольно выдал себя. *Шпионы!* У нее шпионы среди ведьм! Нет ли таких шпионов и на Тлейлаксу?

— На Ракисе есть девочка, которая фигурирует в планах ведьм, — сказала Досточтимая Матрона.

— Откуда это вам известно?

— Нам известен каждый шаг ведьм, они ничего не могут от нас скрыть! Вы думаете о шпионах, но не понимаете, насколько длинны наши руки!

Вафф пришел в смятение. Она что, может читать его мысли? Это новое достижение Рассеяния? Дикий талант, вырвавшийся из-под контроля человеческой цивилизации?

— Как вы изменили гхола? — спросила женщина.

Голос!

Вафф, даже вооруженный против этой хитрости своим учителем ментатом, едва не выпалил

ответ. Эта Досточтимая Матрона обладала силой ведьм! Как это неожиданно. Этого ждешь от Преподобной Матери и соответствующим образом готовишься. Ваффу потребовалось мгновение, чтобы восстановить душевное равновесие и прийти в себя. Он сцепил руки и прижал их к подбородку.

— У вас очень интересные источники, — сказала она.

На лице Ваффа появилось простодушное выражение. Он хорошо знал, каким обезоруживающе невинным созданием может выглядеть.

Нападай!

— Мы знаем, как многому вы научились у Бене Гессерит, — сказал он.

Лицо женщины на мгновение исказилось от ярости.

— Они ничему нас не научили!

Вафф понизил голос, сообщив ему некую игривость и юмор.

— Нет, речь, конечно же, не идет о сделке.

— Разве? — она, кажется, действительно удивилась.

Вафф опустил руки.

— Ну же, Досточтимая Матрона. Вы интересуетесь этим гхола. Вы говорите об обстановке на

Ракисе. Для чего вам нужны мы?

— Нам надо от вас очень мало, и с каждой минутой ваша ценность становится все меньше и меньше.

Вафф почувствовал в ее ответе космический холод логической машины. От нее не пахло ментатом, но от общения с этой женщиной мороз идет по коже. *Она способна убить меня прямо сейчас!*

Где она прячет оружие? Да и нужно ли оно ей? Ему очень не нравился вид ее мускулистых ног, мозолистых рук и охотничий блеск звериных оранжевых глаз. Догадывается ли она (а может быть, знает) о том, что у него в рукавах?

— Мы столкнулись с проблемой, которая не может быть разрешена логическим путем, — сказала она.

Потрясенный Вафф уставился на собеседницу. Такое мог сказать только мастер Дзенсунни! Он и сам говорил себе это не один раз.

— Вы, вероятно, не рассматривали такую возможность, — снова заговорила она. Было такое впечатление, что ее слова постепенно снимают маску с ее лица. За всеми этими уловками Вафф вдруг увидел счетную машину. Неужели она принимает его за косолапого недоумка, годного

только на то, чтобы собирать всякий мусор?

Прикинувшись озадаченным и сбитым с толку, он спросил:

— Как же можно решить эту проблему?

— Естественный ход вещей все расставит по своим местам, — ответила она.

Вафф продолжал смотреть на женщину в притворном смятении. В ее словах не было никакой откровенности. Но кое-какие намеки все же были!

— Ваши слова совершенно запутали меня.

— Человечество стало бесконечным, — ответила она. — Это истинный дар Рассеяния.

Вафф попытался скрыть волнение, которое вызвали эти слова.

— Бесконечная вселенная, бесконечное время — все может случиться, — произнес он.

— Ах вы, умненький маленький манекен, — сказала она. — Каким образом одно относится к другому? Это не логично.

Сейчас она выглядела как какой-нибудь древний вождь Джихада Слуг, которые стремились избавить человечество от искусственного интеллекта. Эта Досточтимая Матрона — весьма странный анахронизм.

— Наши предки для решения логических задач

прибегали к помощи компьютеров, — вставил он. *Пусть теперь она проглотит это!*

— Вы же и без меня знаете, что компьютеры лишены бесконечной памяти.

Ее слова снова смутили его. Неужели она и правда умеет читать мысли? Было ли это формой мозгового импринтинга? То, что тлейлаксианцы смогли сделать с лицеделами и гхола, другие могут делать с неменьшим успехом. Он сосредоточился на иксианцах и их машинах зла. Машинах повиндах!

Досточтимая Матрона обвела взглядом помещение.

— Вы не думаете, что мы зря доверяем иксианцам? — спросила она.

Вафф затаил дыхание.

— Мне кажется, что вы не вполне им доверяете, — сказала она. — Ну, ну, малыш. Я предлагаю тебе свою добрую волю.

С некоторым опозданием Вафф начал подозревать, что она пытается вести себя по-дружески и честно. Она действительно оставила свою гневную угрожающую позу злобного превосходства. Информаторы Ваффа из числа Заблудших говорили, что Досточтимые Матроны принимают сексуальные решения вполне в духе Бене

Гессерит. Почему она пытается выглядеть соблазнительной? Но ведь она только что *поняла* и продемонстрировала слабость логики.

Все это так сбивает с толку!

— Наш разговор идет по кругу, — сказал он.

— Совсем наоборот. Круги замыкают. Круги ограничивают. Человечество больше не ограничено никаким замкнутым пространством и может расти беспредельно.

Вот куда она опять клонит! Он заговорил, с трудом ворочая пересохшим языком:

— Говорят, что надо смириться с тем, чего не можешь изменить.

Она подалась вперед, уставившись в его лицо своими оранжевыми глазами.

— Вы смирились с неизбежностью окончательной катастрофы Бене Тлейлаксу?

— В таком случае я бы не приехал сюда.

— Когда отказывает логика, в ход идут другие инструменты.

Вафф усмехнулся.

— Не смейте меня дразнить!

Вафф поднял руки в умиротворяющем жесте.

— Какой инструмент предложит Досточтимая Матрона?

— Энергию!

Ее ответ удивил его.

— Энергию? В какой форме и как много?

— Вы требуете логического ответа, — сказала она.

Вафф с грустью подумал, что ошибся — она не мастер Дзенсунни. Досточтимая Матрона только играла словами на бахроме алогичного, прикрывая этой словесной игрой свою безупречную логику.

— Гнилая сердцевина уничтожает весь плод, — с горечью произнес он.

Казалось, она пропустила мимо ушей этот пробный шар.

— В глубинах любого человека вполне достаточно энергии, которую надо осмелиться освободить, — сказала она и поднесла свой костлявый палец к кончику носа.

Вафф откинулся на спинку кресла, переждав, пока она опустит руку.

— Разве не то же самое говорили в Бене Гессерит, прежде чем произвести на свет Квисатц Хадераха? — спросил он.

— Они утратили контроль и над собой, и над ним, — насмешливо произнесла Матрона.

Она опять использует логику, оперируя с алогичным, подумал Вафф. Как много сказала она

ему этими своими оговорками. Можно даже набросать эскиз истории этих Досточтимых Матрон. Дело было так: одна из *природных* фрименских Преподобных Матерей с Ракиса отправилась в Рассеяние. Самые разные люди спасались в то время Великого Голода и сразу после него на кораблях-невидимках. Такой корабль оставил где-то в дальнем далеке семя, посеянное ведьмой. И вот теперь это семя вернулось в виде этой охотницы с оранжевыми глазами.

Она еще раз решила опробовать на нем Голос и спросила:

— Что вы вложили в этого гхола?

На этот раз Вафф был готов к вопросу и попросту отмахнулся от него. Эту Досточтимую Матрону необходимо утихомирить или убить, если представится такая возможность. Он очень многое узнал от нее, но нельзя сказать, какие сведения она выудила у него и что ей удалось понять. Кто знает, какие таланты сокрыты в этом костлявом теле.

Это сексуальные чудовища, говорили информаторы. *Они покоряют мужчин силой своего пола.*

— Какое малое представление ты имеешь о том, какую радость я могу тебе доставить, — сказала она. Ее голос сжимал его, словно кольца

свистящего кнута. Какое искушение! Как соблазнительно!

Надо было защищаться, Вафф заговорил:

— Скажи мне, зачем…

— Мне не нужно ничего тебе говорить!

— Но тогда не состоится сделка, — в его голосе звучала неподдельная грусть. Эти корабли-невидимки засадили вселенную всякой гнилью. Вафф ощутил на своих плечах тяжкий груз необходимости. Что, если он не сможет убить ее?

— Как ты смеешь предлагать сделку Досточтимой Матроне? — возмутилась она. — Знаешь ли ты, что это мы устанавливаем цену?

— Я же не знаю, как вы работаете, Досточтимая Матрона, — сказал Вафф. — Но по вашему тону я понимаю, что оскорбил вас.

— Извинение принято.

Не предполагалось никаких извинений! Он смотрел на женщину вкрадчивым ласковым взглядом. Как много можно вывести из устроенного ею представления, основываясь на его тысячелетнем опыте. Вафф проанализировал все, что ему удалось выяснить. Эта женщина из Рассеяния явилась к нему только для того, чтобы добыть необходимую ей информацию. Следовательно, у нее нет других источников. В ее

действиях начинало проступать отчаяние. Оно хорошо замаскировано, но оно есть. Ей нужно либо опровержение, либо подтверждение обоснованности своих страхов.

Как она сейчас похожа на хищную птицу, вцепившуюся костлявыми лапами в ручки кресла! Плод гниет с сердцевины. Он сказал это, но она не услышала. Ясно, что расколотое на атомы человечество продолжает взрываться в Рассеянии Рассеяния. Люди, которых представляет эта Досточтимая Матрона, не изобрели способов обнаружения кораблей-невидимок. Да, это обстоит именно так. Она охотится за кораблями-невидимками точно так же, как ведьмы из Бене Гессерит.

— Вы ищете способ свести к нулю преимущества кораблей-невидимок, — сказал он.

Это высказывание явно потрясло ее, она не ожидала услышать ничего подобного из уст похожего на эльфа человечка, сидевшего перед ней. Он увидел, как по ее лицу, сменяя друг друга, прошли волны страха, гнева и решимости, прежде чем оно снова оделось в маску хищника. Но она знала. Она знала, что он все видел.

— Именно это вы вложили в своего гхола, — сказала она.

— Это то, что хотят видеть в нем ведьмы из Бене

Гессерит, — солгал Вафф.

— Я вас недооценила, — сказала она. — У вас со мной получилось то же самое?

— Я так не думаю, Досточтимая Матрона. Селекционная схема, которая вас породила, воистину ужасна. Думаю, что вы можете взмахнуть ногой и убить меня прежде, чем я успею моргнуть глазом. Ведьмы не играют в одной с вами лиге.

Ее черты смягчились в довольной улыбке.

— Будет ли Бене Тлейлаксу служить нам по доброй воле или по принуждению?

Он даже не пытался скрыть ярость.

— Ты предлагаешь нам рабство?

— Это один из выборов, который вы сможете сделать сами.

Вот сейчас он сделает с ней все, что захочет. Высокомерие — это ее слабость. Напустив на себя покорность, он спросил:

— Что прикажете мне делать?

— Ты возьмешь с собой в качестве гостей двух молодых Досточтимых Матрон. Они будут скрещены с тобой и научат тебя… экстазу.

Вафф два раза глубоко и медленно вздохнул.

— Ты стерилен? — спросила она.

— Только наши лицеделы — мулы, — она и так давно это знает. Это знают все.

— Ты называешь себя мастером, но до сих пор не научился владеть собой, не говоря уже о других.

Я умею делать это гораздо лучше тебя, сука! Я, кроме того, называюсь машейхом, а это уничтожит тебя.

— Две Досточтимые Матроны, которых я посылаю, разведают все, что им надо в Тлейлаксу, и вернутся ко мне с подробным рапортом, — сказала она.

Он вздохнул в притворном негодовании.

— Эти молодые женщины хорошенькие?

— Досточтимые Матроны! — поправила она его.

— Это единственное имя, которым они пользуются?

— Если они и захотят поделиться с тобой своими именами, то сделают это только по своему желанию, но не по твоему.

Она наклонилась в сторону и ударила костяшками пальцев по металлическому полу. *В ее руках плавится металл,* подумал Вафф. *Она может пробить железную стену.*

Дверь отворилась, и в помещение вошли две женщины, одетые точно так же, как и его Досточтимая Матрона. Темные накидки были скромнее, и сами женщины были гораздо моло-

же. Вафф внимательно всмотрелся в их лица. Обе ли они… Он постарался скрыть свою радость, но не смог. Ничего страшного. Старшая подумает, что он восторгается красотой младших. По признакам, известным только ему одному, он увидел, что одна из новоприбывших — лицедел. Удалось совершить удачную подмену и эти растяпы из Рассеяния не смогли ничего заметить! Тлейлаксианец благополучно прошел испытание. Будут ли ведьмы Бене Гессерит так же слепы, когда получат своего гхола?

— Я вижу, что ты согласен со своей ролью и ты будешь за это вознагражден, — сказала старшая Досточтимая Матрона.

— Признаю вашу силу, Досточтимая Матрона, — сказал он, и это была правда. Он склонил голову, чтобы скрыть решимость, блеснувшую в его глазах.

Старшая женщина сделала знак двоим молодым приблизиться.

— Эти двое будут везде тебя сопровождать. Их самый легкий каприз — строгий приказ для тебя. Обращаться с ними надо со всем уважением и почестями.

— Конечно, конечно, Досточтимая Матрона, — все еще держа голову склоненной, Вафф поднял

вверх обе руки, словно приветствуя прибывших женщин и изображая полную покорность. Из каждого рукава со свистом вылетели дротики. Выпустив их, Вафф дернулся в сторону, но недостаточно быстро. Старшая Досточтимая Матрона выбросила вперед правую ногу и ударила Ваффа в левое бедро. Удар опрокинул Ваффа в кресло.

Это было последнее действие в жизни Матроны. Дротик, вылетевший из левого рукава, поразил ее в шею, влетев в широко открытый от удивления рот. Наркотический яд пресек любую попытку вскрикнуть. Другой дротик — из правого рукава — попал в правый глаз настоящей молодой Досточтимой Матроне. Сообщник Ваффа — лицедел добил молодую ударом ножа в горло.

Через мгновение на полу лежало два бездыханных тела.

Вафф, с трудом преодолевая боль, встал с кресла и выпрямился. Бедро болело нестерпимо. Окажись он на миллиметр ближе, она сломала бы ему ногу. Он понял, что ее реакция не была опосредована центральной нервной системой — это был чисто мышечный рефлекс, как у насекомых. Над постановкой такого рефлекса стоит подумать!

Лицеделка, прислушиваясь, встала у входа в по-

мещение. Она отступила в сторону и дала дорогу еще одному лицеделу под личиной иксианского гвардейца.

Пока Вафф массировал ушибленное бедро, лицеделы раздевали мертвых женщин. Иксианский гвардеец приложился лбом ко лбу старой Досточтимой Матроны. После этого все произошло в мгновение ока. Не было никакого иксианца — в помещении находились только две Досточтимые Матроны — старая и молодая. Вошел еще один псевдоиксианец и скопировал молодую Матрону. Вскоре от мертвых тел остался только пепел, который сложили в мешок, и один из лицеделов спрятал его под накидкой.

Вафф внимательно осмотрел помещение. Сделанное им открытие потрясло его до глубины души. Такое высокомерие было возможным только потому, что за спиной Досточтимой Матроны стояла сила настолько мощная, что об этом страшно было даже думать. Эту силу надо прозондировать. Он поманил к себе лицедела, который скопировал старуху.

— Ты скопировал ее?

— Да, Мастер. Ее бодрствующая память была еще жива, когда я копировал.

— Передай ей, — он показал рукой на того, кто

был иксианским гвардейцем. Лицеделы коснулись друг друга лбами на несколько мгновений и разошлись. Этого было достаточно.

— Все сделано, — доложила старшая.

— Сколько еще копий этих Досточтимых Матрон мы сделали?

— Четыре, Мастер.

— Никто из них не обнаружен?

— Никто, Мастер.

— Эти четверо должны вернуться на родину убитых Досточтимых и разузнать о них все, что возможно. Один из них должен вернуться и рассказать все, что ему удастся узнать.

— Это невозможно, Мастер.

— Невозможно?

— Они отрезали себя от своих источников. Так они работают, Мастер. Это новая ячейка, они обосновались на Гамму.

— Но мы, конечно же, можем…

— Простите нас, Мастер. Координаты их родины в Рассеянии хранились на борту корабля-невидимки и были стерты.

— Выходит, что их следы полностью утрачены? — в голосе Ваффа прозвучало недовольство.

— Полностью, Мастер.

Катастрофа! Это было похуже перестрелки.

— Никто не должен знать о том, что мы здесь сделали, — пробормотал он.

— От нас об этом никто не узнает, Мастер.

— Какие у них таланты? В чем их сила? Быстро!

— В них есть все, чего можно ожидать от Преподобных Матерей Бене Гессерит, кроме их меланжевой памяти.

— Вы уверены?

— Нет никакого намека на нее. Как вы знаете, Мастер, мы…

— Да, да, я знаю, — он жестом приказал лицеделу помолчать. — Но старая была настолько надменной, настолько…

— Простите нас, Мастер, но время поджимает. Эти Досточтимые Матроны усовершенствовали искусство секса настолько, что опередили в этом деле всех других.

— Значит, то, что говорили нам наши информаторы, — правда?

— Они вернулись к старинному тантрическому искусству и развили свои способы сексуальной стимуляции, Мастер. С помощью этого оружия они завоевывали поклонение своих последователей.

— Поклонение, — выдохнул Вафф. — Превос-

ходят ли они селекционных женщин Общины Сестер?

— Досточтимые Матроны уверены в этом, Мастер. Мы можем пока…

— Нет! — Маска эльфа была сброшена, и перед лицеделами снова возник их господин, их Мастер. Лицеделы покорно склонили головы. Внезапно в глазах Ваффа вспыхнули веселые искорки. Вернувшиеся из Рассеяния тлейлаксианцы говорили правду! Он доказал это обыкновенным импринтингом, дав при этом своему народу новое непобедимое оружие!

— Какие будут приказания, Мастер?

Вафф снова надел маску эльфа.

— Мы вплотную займемся этими проблемами, когда вернемся на Тлейлаксу, в Бандалонг. Но до этого времени даже Мастер не может отдавать приказы Досточтимым Матронам. Вы мои хозяева до тех пор, пока на нас смотрят чужие глаза.

— Конечно, Мастер. Мне следует довести ваш приказ до остальных?

— Да, а приказы мои таковы: этот корабль-невидимка никогда не должен вернуться на Гамму. Он должен исчезнуть без следа, и никто из экипажа не должен остаться в живых.

— Это будет сделано, Мастер.

Технология, наряду с другими областями человеческой деятельности, отличается склонностью инвесторов избегать какого бы то ни было риска. При малейшей возможности исключается всякая неопределенность. Инвестиции капитала следуют этому правилу, поскольку люди вообще предпочитают предсказуемость. Лишь немногие понимают, насколько разрушительной она может стать, ограничивая вариабельность и делая население исключительно уязвимым по отношению к капризам вселенной, которая очень часто неудачно бросает кости.

Оценка планеты Икс, Архив Бене Гессерит

На следующее утро после первого испытания в Пустыне Шиана, проснувшись, увидела вокруг своей постели множество фигур в белых одеждах.

Жрецы и жрицы.

— Она проснулась, — сказала одна из жриц.

Шиану охватил страх. Она натянула одеяло до подбородка и уставилась на жадно рассматривающих ее людей. Неужели они опять хотят оставить ее в Пустыне? Эту ночь она провела в

мягкой постели на чистейших простынях, каких она ни разу не видела за все восемь лет своей короткой жизни. Но при этом Шиана понимала одно: что бы ни делали священники — они всегда поступают двусмысленно. Этим людям ни в коем случае нельзя доверять.

— Ты хорошо спала? — спросила жрица, заговорившая первой. Это была седовласая пожилая женщина с лицом, обрамленным белым капором с пурпурной оторочкой. Старческие глаза были водянистыми, но очень живыми, отличаясь голубым цветом весеннего неба. Маленький вздернутый нос над узким ртом и выступающим подбородком.

— Ты хочешь поговорить с нами? — не унималась женщина. — Меня зовут Кания. Я — твоя ночная сиделка. Помнишь? Это я помогала тебе лечь в постель.

Голос женщины был по крайней мере ободряющим. Шиана села на постели и подобревшими глазами взглянула на обступивших ее людей. Они явно чего-то боялись. Обоняние дочери Пустыни хорошо улавливало феромоны пота. Шиана просто чувствовала: *Этот запах означает страх.*

— Вы думали, что сможете причинить мне вред, — сказала девочка. — Зачем вы это сде-

лали?

Люди вокруг переглянулись, оцепенев от ужаса.

Зато Шиана мгновенно избавилась от страха. Она почувствовала, что порядок вещей изменился и что причиной этого стало вчерашнее испытание в Пустыне. Она вспомнила, как услужлива была эта пожилая женщина… Кания? Вчера вечером она буквально пресмыкалась перед ней. Со временем Шиане предстояло узнать, что любой человек, который хотя бы один раз пережил твердое решение умереть, приобретает новое эмоциональное равновесие. Страх стал преходящим явлением. Ощущение было необыкновенно интересным.

Голос Кании дрожал, когда она отважилась заговорить:

— Честное слово, дитя мое, мы не хотели причинить тебе вред.

Шиана одернула и поправила одеяло на коленях.

— Меня зовут Шиана, — это была вежливость Пустыни, ведь Кания назвала свое имя. — Кто эти люди?

— Их отошлют прочь, если ты не хочешь их видеть… Шиана.

Кания указала рукой на женщину с цветущим лицом, одетую в точности как Кания.

— Всех, кроме, разумеется, Альгозы — она твоя дневная служанка, — добавила Кания. При этих словах Альгоза присела в глубоком реверансе.

Шиана взглянула на пухлое водянисто-полное лицо в нимбе светлых кудрявых волос. Потеряв интерес к Альгозе, Шиана резко перевела взор на мужчин. Они следили за ней с напряженным вниманием, полуприкрыв веки, некоторые дрожали от скрытого подозрения. Запах страха в этой группе был особенно силен.

Священники!

— Прогоните их прочь, — Шиана махнула рукой в сторону священников. — Они харам!

Это было уличное ругательство для обозначения самого злого и низкого, что есть в мире.

Потрясенные священники отпрянули.

— Убирайтесь! — приказала Кания. На ее лице против воли отразилось злое и одновременно озорное выражение. Кания не имела никакого отношения к этим тварям — воплощениям зла. Но все эти священники, которые торчали тут и глазели на Шиану, явно заслуживали прозвища «харам». Должно быть, они сделали что-то очень противное Богу, коли он послал им в наказание

эту маленькую жрицу! В это Кания верила очень охотно; священники редко обходились с ней так, как она этого заслуживала.

Словно побитые собаки, священники, пятясь и подобострастно кланяясь, покинули покои Шианы. Среди тех, кто вышел в холл, был историк и стилист Дорминд, смуглый человек, вечно над чем-то размышляющий. Если его посещала какая-то идея, то он вгрызался в нее, словно стервятник в падаль. Когда дверь за ними закрылась, Дорминд сказал своим компаньонам, что имя Шиана — это современная форма древнего имени Сиона.

— Всем вам известно место Сионы в истории, — сказал он. — Это она служила Шаи-Хулуду в его превращении из человека в Разделенного Бога.

Стирос, морщинистый старый священник с тонкими темными губами и светлыми водянистыми глазами, заинтересованно взглянул на Дорминда.

— Это в высшей степени любопытно, — сказал он. — Устное Предание утверждает, что Сиона была орудием превращения Одного в Многое. Шиана. Ты думаешь…

— Не будем забывать, что в переводах собственных слов Бога, выполненных Хади Бенотто,

Шаи-Хулуд часто упоминает имя Сионы, — вмешался в разговор другой священник.

— И не всегда одобрительно, — напомнил им Стирос. — Вспомните ее полное имя: Сиона ибн-Фуад аль-Сейефа Атрейдес.

— Атрейдес, — прошептал один из священников.

— Надо очень внимательно к ней присмотреться, — подвел итог Дорминд.

В холл стремительно вошел молодой вестник, который, обнаружив в толпе Стироса, подошел к нему.

— Стирос, — сказал он, — вы должны немедленно очистить холл.

— Почему? — В голосах оскорбленных священников звучало неподдельное негодование.

— Ее приказано переселить в апартаменты Верховного Священника, — ответил вестник.

— По чьему приказу? — потребовал ответа Стирос.

— Так приказал самолично Верховный Священник Туэк, — ответил посланник. — Там были слушания, — молодой человек махнул рукой в ту сторону, откуда явился.

Все сразу поняли, о чем идет речь. Помещения можно переделать так, чтобы звуки оттуда на-

правлялись в определенные места, где сидели подслушивающие.

— Что они слышали? — требовательно спросил Стирос. Его старческий голос дрожал от волнения.

— Она спросила, отвели ли ей лучшие апартаменты. Сейчас все готово к ее переезду, и она больше не должна видеть никого из вас.

— Но что должны делать мы? — поинтересовался Стирос.

— Изучать ее, — ответил Дорминд.

Холл был очищен в течение нескольких минут, и все священники тотчас принялись изучать Шиану. То, чем они начали заниматься, отложилось в их сознании на долгие годы. Новый распорядок, который сложился вокруг Шианы, произвел изменения, которые ощутили в самых отдаленных уголках влияния Разделенного Бога. Два слова произвели это изменение: «Изучайте ее».

Как она наивна, думали священники. Курьезно наивна. Однако она умела читать и проявила недюжинный интерес к священным книгам, которые имелись в апартаментах Туэка, точнее сказать, теперь в ее апартаментах.

Наступившее изменение умиротворило и примирило всех — от высших до низших. Туэк

переехал в квартиру своего первого помощника, и процесс пошел дальше. Лучшие производители одежды ожидали появления Шианы, чтобы снять с нее мерку. Для нее сшили самый красивый и лучший защитный костюм.

Люди начали избегать историка-стилиста Дорминда. Он подстерегал священников, хватал их за пуговицы и принимался рассказывать историю прежней Сионы, словно это могло пролить какой-то свет на нынешнюю носительницу древнего имени.

— Сиона была подругой Святого Дункана Айдахо, — напоминал Дорминд всем, кто желал его слушать. — Их потомки живут теперь повсеместно.

— В самом деле? Простите, что я не могу больше слушать вас, но у меня неотложное дело.

Поначалу Туэк проявлял по отношению к Дорминду большую терпимость. История была интересна, а ее уроки поучительны.

— Бог послал нам еще одну Сиону, — говорил Туэк. — Скоро все должно проясниться.

Дорминд уходил, но вскоре снова возвращался с новыми подробностями прошлого.

— Отчеты из Дар-эс-Балата представляются теперь в совершенно ином свете, — говорил

Дорминд Верховному Священнику. — Не стоит ли нам подвергнуть дитя новым испытаниям и сравнениям?

Дорминд обычно накидывался на Верховного сразу после завтрака. Остатки еды еще стояли неубранными на балконном столике. Через открытое окно доносился шум из апартаментов Шианы.

Туэк предостерегающе прикладывал палец к губам и говорил приглушенным голосом:

— Священное Дитя по своей воле собирается в Пустыню.

Поднявшись на балкон, он, указывая рукой в юго-западном направлении от Кина, говорил:

— Очевидно, что-то интересует ее в тех краях или, я бы сказал, призывает ее.

— Мне говорили, что она часто пользуется словарями, — сказал Дорминд. — Это, конечно, не может быть…

— Не обманывайся на этот счет, — отмахнулся Туэк. — Она просто проверяет *нас.*

— Но, лорд Туэк, она задает Альгозе и Кании совершенно детские вопросы.

— Ты хочешь выпытать мое суждение по этому поводу, Дорминд?

С некоторым опозданием историк понял, что

переступил рамки дозволенного. Он замолчал, но выражение его лица было красноречивее любых слов, которые застыли у него на устах.

— Бог послал ее к нам, чтобы искоренить зло, которое проникло в ряды непосвященных, — произнес Туэк. — Иди! Молись и спроси себя, не проникло ли это зло в тебя самого.

Как только Дорминд удалился, Туэк вызвал помощника.

— Где Священное Дитя?

— Она ушла в Пустыню, лорд, чтобы общаться со своим Отцом.

— На юго-запад?

— Да, лорд.

— Увезите Дорминда подальше на восток и воткните в песок несколько тамперов, чтобы он никогда больше не вернулся.

— Дорминда, лорд?

— Дорминда.

Даже после того как Дорминд попал в пасть Бога, священники продолжали выполнять его напутствие: изучали Шиану.

Шиана тоже не оставалась в долгу и, в свою очередь, изучала их.

Постепенно, настолько постепенно, что она и сама не заметила, когда именно это произошло,

но Шиана в один прекрасный момент вдруг осознала свою огромную власть над окружающими. Сначала это была просто игра, как это бывает в День Детей, когда взрослые прыгают на задних лапках, не зная, как угодить ребенку, выполняя его самые нелепые капризы. Но вскоре выяснилось, что удовлетворяется любой, именно любой каприз.

Она потребовала на обед редкий фрукт?

Ей подносили этот фрукт на золотой тарелке.

Она заметила в дальнем конце улицы какого-то ребенка и потребовала, чтобы этот ребенок составил ей компанию в игре?

Ребенка тотчас привозили в храмовые апартаменты Шианы. Когда страх и потрясение проходили, ребенок обычно начинал играть, и за этой игрой пристально следили священники и жрицы. Невинные забавы, беготня по саду на крыше и дикие вопли — все было предметом наблюдения и тщательного анализа. Восхищение случайного товарища по играм было в тягость Шиане, и она редко просила привести ей одного и того же ребенка для этой цели. Она предпочитала узнавать все новые и новые сведения от других товарищей по играм.

Священники не смогли достичь согласия в

оценке безвредности таких встреч. Новых друзей старались подвергать тщательной проверке до тех пор, пока Шиана, увидев это, не рассердилась на своих стражей.

Слух о Шиане с неумолимой неизбежностью распространился по Ракису и за пределами планеты. В Общине Сестер накапливались рапорты и сообщения. Годы проходили в автократической рутине — священники продолжали ублажать любопытство Шианы, а любопытству этому, казалось, не будет пределов. Никто из слуг не расценивал это как обучение: Шиана учила священников Ракиса, а они учили ее… Сестры Бене Гессерит сразу отметили эту особенность и начали наблюдать за девочкой с удвоенным вниманием.

— Она находится в хороших руках. Пусть она остается там до тех пор, пока не созреет для нас, — приказала Тараза, — будьте готовы защитить девочку и постоянно держите меня в курсе дела.

Шиана так и не открыла священникам тайну своего истинного происхождения, как и не сказала им, что Шайтан сделал с ее семьей и соседями. Это было частное дело их двоих — ее и Шайтана. Девочка думала, что ее молчание — плата за безопасность.

Привлекательность некоторых вещей, однако, потускнела в ее глазах. Она стала реже наведываться в Пустыню. Любопытство все еще оставалось, Шиане становилось ясно, что ответ на мучивший ее вопрос: почему Шайтан щадит ее, надо искать не в открытых песках. И хотя она знала, что на Ракисе расположены посольства многих держав, шпионы Бене Гессерит в окружении Шианы доносили, что она не проявляет ни малейшего интереса к Общине Сестер. Для того чтобы еще больше уменьшить этот интерес, были разработаны специальные успокаивающие ответы на детские вопросы Шианы.

Послание Таразы наблюдателям на Ракис было прямым и недвусмысленным: «Поколения приготовления стали годами очищения. Мы выступим только в подходящий момент. Теперь больше нет никаких сомнений в том, что это тот самый ребенок».

Насколько я могу судить, за всю историю человечества реформаторы принесли людям гораздо больше несчастий, чем все остальные силы, вместе взятые. Покажите мне человека, который говорит: «Надо сделать то-то и то-то!», а я покажу вам голову, полную порочных намерений, которые не имеют другого выхода. Вот что мы всегда должны делать: искать естественный поток и сливаться с ним!

Преподобная Мать Тараза, Запись частного разговора, BG File GSXXMAT9

Жаркое солнце Гамму, поднимаясь все выше и выше над горизонтом, очищало затянутое тучами небо, вбирая в себя ароматы травы и леса и слизывая с листьев утреннюю росу.

Дункан Айдахо стоял у раскрытого Запретного Окна, вдыхая пряные ароматы. Этим утром Патрин сказал ему: «Тебе уже пятнадцать лет и ты можешь считать себя мужчиной. Ты больше не ребенок».

— Сегодня мой день рождения?

Разговор происходил в спальне Дункана, куда разбудивший его Патрин принес стакан апельсинового сока.

— Я не знаю, когда твой день рождения.

— У гхола бывают дни рождения?

Патрин промолчал в ответ, соблюдая строгий запрет говорить с гхола о гхола.

— Швандью говорит, что ты не имеешь права отвечать на такие вопросы.

Патрин заговорил с явным смущением в голосе:

— Башар желает, чтобы твои утренние занятия были перенесены на послеобеденное время. Он хочет, чтобы ты пока поупражнял ноги и колени.

— Но я уже делал эти упражнения вчера!

— Я просто выполняю приказ башара. — Патрин взял пустой стакан и оставил Дункана одного в комнате.

Айдахо быстро оделся. Его уже ждут к завтраку в столовой. *Будь они все прокляты!* Очень ему нужен их завтрак! Чем занимается башар? Почему он не смог вовремя начать занятия? *Упражнения для ног и коленей!* Это просто отговорка, башар выполняет какое-то другое поручение, вот и вся разгадка. Дункан был вне себя от гнева. Подойдя к Запретному Окну, он подумал: *Пусть накажут этих проклятых охранников!*

Запахи, которые он ощутил, показались зна-

комыми, но он не мог определить их точное местоположение на окраинах сознания. Он знал, что это его память. В ней было что-то пугающее, но одновременно и магнетическое — словно прогулка по краю отвесной скалы или открытое неповиновение Швандью. Правда, он никогда не ходил по краю пропасти и не выказывал открытого неповиновения Преподобной Матери, но мог легко себе это представить. Один взгляд на голофото тропинки над пропастью заставлял его сердце трепетать от страха. Что касается Швандью, то он легко мог представить себе ее гнев и опять испытывал непреодолимый страх.

В моем сознании обитает кто-то еще, подумал Дункан.

Даже не в сознании, скорее, в теле. Он чувствовал в себе чужой опыт так, словно только что проснулся с твердой уверенностью, что видел сон, но никак не может припомнить его содержание. Этот сон взывал к знанию, которым Дункан не мог обладать.

Однако он обладал им.

Например, он знал названия растений, запахи которых сейчас вдыхал, хотя этих названий не было в записях библиотеки.

Запретное Окно было таковым потому, что из

него открывался вид на равнину за пределами Убежища, и кроме того, это окно можно было распахнуть. Впрочем, оно бывало открытым часто — для вентиляции. До окна Дункан добирался через перила балкона, соскользнув вниз по печной трубе склада. При этом мальчик научился делать это так осторожно, что не производил ни малейшего шума ни на балконе, ни на складе, ни на трубе. В очень раннем возрасте Дункан понял, что люди, прошедшие школу Бене Гессерит, могут угадывать то или иное событие по едва заметным признакам. Он и сам научился кое-чему от Майлса Тега и Луциллы.

Стоя в тени верхнего коридора, Дункан внимательно рассматривал лес, покрывавший горные склоны. Вид леса был неотразим. Вершины позади него казались волшебными. Легко можно было представить себе, что по этим скалам никогда не ступала нога человека. Как хорошо было бы заблудиться в этом лесу, быть только наедине с собой и не терпеть присутствия чужих людей, живущих рядом. Быть одиноким странником.

Тяжко вздохнув, Дункан отвернулся от великолепного вида и прежним потайным путем вернулся в свою комнату. Только оказавшись в надежных стенах своей комнаты, Дункан при-

знался себе, что сделал это еще раз, и никто не будет наказан за это приключение. Наказания и боль, с ними связанная, висели вокруг запретных мест, словно мистическая аура, но они лишь заставляли Дункана соблюдать осторожность, когда он нарушал правила.

Он не любил думать о боли, которую причинит ему Швандью, если обнаружит его возле Запретного Окна. Но никакая боль не заставит его заплакать, сказал он себе. Он никогда не плакал — даже тогда, когда с ним проделывали самые отвратительные трюки. Он просто смотрел на Швандью ненавидящим взором, одновременно усваивая новый урок. Для него, впрочем, уроки Швандью сводились к одному: довести до безукоризненного совершенства способность передвигаться незамеченным, невидимым, неслышимым, не оставляя предательских следов.

Вернувшись в свою комнату, Дункан сел на край кушетки и принялся внимательно рассматривать голую стену перед собой. Однажды, когда он долго смотрел на эту стену, на ней явилось видение молодой женщины с янтарными волосами и округлыми сладостными чертами лица. Она смотрела на него со стены и ласково улыбалась. Губы ее двигались бесшумно. Дункан уже давно

научился читать по губам и понимал смысл сказанного: «Дункан, милый мой Дункан».

Была ли это его мать, думал он. Его настоящая мать?

Ведь даже у гхола когда-то была настоящая мать. Когда-то в незапамятные времена, до бродильных чанов, была в мире живая женщина, которая родила… и любила его. Да, любила его, потому что он был ее дитя. Если эта женщина на стене была и правда его матерью, то как она сумела найти дорогу сюда? Он не узнавал лица, но страстно хотел, чтобы это была его мать.

Опыт напугал его, но не мог развеять желания снова увидеть сладостный образ. Кто бы ни была эта молодая женщина, ее облик причинял Дункану сладкую муку. Незнакомец в его теле узнавал женщину. Он точно знал это. Иногда ему хотелось хотя бы на секунду стать этим незнакомцем — этого хватит, чтобы восстановить память, — но он сам пугался этого желания. Он потеряет свою сущность, как только незнакомец вступит в пределы его сознания.

Будет ли это похоже на смерть? — думал он.

Дункан впервые увидел смерть, когда ему не было и шести лет. Его охранники отражали нападение каких-то пришельцев, и в схватке

один из стражников был убит. Погибли также четверо из нападавших. Дункан видел, как в Убежище внесли пять тел — вялые мышцы, безвольно повисшие руки. Из них вышло что-то исключительно важное. Ничто больше не могло воскресить их память — ни свою, ни чужую.

Пятерых убитых унесли куда-то в глубь Убежища. Позже Дункан слышал, как один из охранников говорил, что все четверо были нагружены широм. Так Дункан впервые столкнулся с Иксианским Зондом.

— Иксианским Зондом можно прощупать сознание даже мертвого человека, — объяснила Геаза. — Шир — это лекарство, которое защищает от проникновения Зонда в головной мозг. Клетки мозга успеют погибнуть прежде, чем прекратится действие этого лекарства.

Умение слушать и слышать помогло Дункану понять, что четверых покойников зондировали и другими способами. Ему не объяснили, что это за способы, но он подозревал, что это секретные способы Сестер Бене Гессерит. Он думал о них, как о еще одном дьявольском трюке Преподобных Матерей. Должно быть, они умеют воскрешать мертвую плоть и извлекать из нее нужную информацию. Дункан явственно представил себе,

как по произволу дьявольского экспериментатора начинают двигаться мертвые вялые мышцы.

Этим экспериментатором всегда была Швандью.

Эти образы наполняли воображение Дункана, несмотря на все усилия учителей изгнать из его сознания «глупости, порожденные невежеством». Его учителя утверждали, что эти дикие россказни годились только на то, чтобы сеять страх перед Бене Гессерит среди *не*посвященных. Дункан отказывался верить, что он является одним из посвященных. Глядя на Преподобную Мать, он думал: «Я — не из них!»

В последнее время самой настойчивой из всех стала Луцилла.

— Религия — это источник энергии, — говорила она. — Ты должен распознать эту энергию, и тогда сможешь направить ее по своему усмотрению.

По вашему усмотрению, а не по моему, мысленно отвечал ей Дункан.

В воображении мальчика рисовались картины его триумфа над Общиной Сестер, особенно над Швандью. Он чувствовал, что эти воображаемые проекции суть не что иное, как подсознательная реальность того незнакомца, который обитал на периферии его сознания. Однако он научился, не

возражая, кивать, создавая видимость того, что и он находит такое религиозное легковерие очень забавным.

Однако Луцилла разгадала его двойственность, сказав Швандью:

— Он думает, что мистических сил следует бояться и по возможности избегать. До тех пор пока он будет упорствовать, мы не сможем использовать в его обучении наше самое сокровенное знание.

Они встретились для того, чтобы, как выражалась Швандью, определиться в оценках. Прошло совсем немного времени после легкого ужина. Они сидели вдвоем в кабинете Швандью. Звуки вокруг Убежища говорили о постоянном движении — началось ночное патрулирование. Свободный от дежурств личный состав шумно праздновал короткий отдых. Кабинет был не полностью изолирован от внешнего мира, но сделано это было преднамеренно. Из множества доносившихся сюда звуков Швандью могла извлечь массу полезной информации.

На каждой последующей встрече Швандью чувствовала, что победа ускользает от нее. Луциллу не удалось переманить на сторону оппозиционеров Таразы. Луцилла оказалась также устойчивой

по отношению к манипулятивным уловкам Швандью. Самое ужасное заключалось в том, что и Луцилла, и Тег сообщали Дункану какие-то неуловимые знания. Это было в высшей степени опасно. В дополнение ко всем неприятностям Швандью чувствовала, что начинает против воли уважать Луциллу и считаться с ней.

— Он думает, что мы прибегаем к оккультным силам, чтобы практиковать наше искусство, — сказала Луцилла. — Как он пришел к такой странной идее?

Швандью почувствовала, что теряет господствующую позицию. Луцилла, несомненно, понимает, что это было сделано для того, чтобы ослабить гхола. Смысл слов Луциллы заключался в следующем: «*Непослушание — это преступление против Общины Сестер!*»

— Если он и захочет получить наши знания, то он, вне всякого сомнения, получит их от тебя. — Не важно, насколько это опасно, но Швандью понимала, что это правда.

— Его тяга к знаниям — мой лучший рычаг воздействия на него, — сказала Луцилла, — но мы обе знаем, что одного этого недостаточно.

В тоне Луциллы не было упрека, но Швандью тем не менее его почувствовала.

Проклятье, она пытается меня переиграть! — подумала Швандью.

На ум Швандью пришло сразу несколько вариантов ответа. *«Я не нарушила ни одного приказа».* Ха! Отвратительное извинение! *«Гхола воспитывался согласно стандартам обучения в Бене Гессерит».* Неуклюже и лживо. Этот гхола отнюдь не был стандартным объектом обучения. В нем была такая глубина, справиться с которой могла только потенциальная Преподобная Мать. А это была большая проблема!

— Я совершала ошибки, — признала Швандью.

Вот! Это настоящий обоюдоострый ответ, который должна одобрить любая Преподобная Мать.

— Но ты не делала ошибок, разрушая его, — возразила Луцилла.

— Но я же не могла предвидеть, что другая Преподобная Мать отыщет в нем изъяны, недоступные моему видению, — ответила Швандью.

— Он хочет обладать нашей силой, чтобы убежать от нас, — заговорила Луцилла. — Он думает: «*Однажды я буду знать столько же, сколько они, и тогда я сбегу*».

Швандью не ответила, и Луцилла продолжила:

— Это было умно. Если он сбежит, то нам придется самим поймать и уничтожить его.

Швандью улыбнулась.

— Я не повторю твоих ошибок, — сказала Луцилла. — Я открыто скажу тебе то, что ты и без этого увидишь. Теперь я понимаю, почему Тараза послала импринтера к такому юному гхола.

Улыбка мгновенно испарилась с лица Швандью.

— Что ты собираешься делать?

— Я привяжу его к себе так, как мы привязываем наших послушниц к их учителям. Я буду обращаться с ним с той искренностью и верностью, с какими мы относимся к своим.

— Но он же мужчина!

— Что ж, ему будет отказано в испытании Пряностью, но это единственное ограничение. Я думаю, он ответит на такое обращение.

— Что будет, когда подойдет время заключительной стадии импринтинга? — спросила Швандью.

— Да, это будет весьма деликатная проблема. Ты думала, что это убьет его, и в этом заключался твой план.

— Луцилла, Община Сестер отнюдь не единодушно поддерживает планы Таразы относительно нашего гхола. Ты, без сомнения, знаешь об этом.

То был самый мощный аргумент Швандью, и она не зря приберегла его напоследок. Опасения породить нового Квисатц Хадераха глубоко укоренились в Общине Сестер и вызвали среди них сравнительно резкий раскол.

— Он происходит от первичного, примитивного генетического материала и не может породить Квисатц Хадераха, — возразила Луцилла.

— Но Тлейлаксу изменили его наследственный генетический аппарат!

— Да, по нашему заказу. Они ускорили проведение импульса по нервам и усилили мышечные рефлексы.

— И это все, что они сделали? — язвительно поинтересовалась Швандью.

— Ты же видела результаты клеточного анализа, — напомнила собеседнице Луцилла.

— Если бы мы могли делать то же самое, что и тлейлаксианцы, то нам не нужны были бы их услуги, — с жаром проговорила Швандью. — Тогда у нас самих были бы чаны с аксолотлями.

— Ты думаешь, что они от нас что-то скрывают, — констатировала Луцилла.

— Они прятали его от нашего наблюдения в течение девяти месяцев.

— Я слышала все эти аргументы, — устало про-

изнесла Луцилла.

Швандью в знак капитуляции подняла руки.

— Ну что ж, отныне он твой, *Преподобная Мать*, и все последствия падут на твою голову. Но ты не станешь удалять меня с моего поста независимо от содержания рапорта, который ты отошлешь в Капитул.

— Удалять тебя? Об этом не может быть и речи. Мне не хочется, чтобы твоя клика прислала сюда кого-то незнакомого.

— Есть предел оскорблениям, которые я готова выслушать от тебя.

— Но есть и предел предательства, которое готова простить Тараза, — отпарировала Луцилла.

— Если мы получим в результате нового Пауля Атрейдеса или, не приведи Господи, нового Тирана, то это будет целиком и полностью на совести Таразы, — сказала Швандью. — Можешь передать ей эти слова.

Луцилла поднялась.

— Ты можешь также узнать, что Тараза оставила на мое усмотрение количество меланжи, которое я буду давать нашему гхола. Я уже увеличила дозу.

Швандью с силой ударила по столу обоими кулаками.

— Будьте вы все прокляты! Вы в конце концов погубите нас!

Должно быть, секрет тлейлаксианцев заключается в их сперме. Наши анализы подтвердили, что их сперма не несет прямо распространяющейся генетической информации. Случаются провалы. Каждый тлейлаксианец, которого мы исследовали, прятал от нас свою истинную сущность. В них присутствует естественный иммунитет к Иксианским Зондам на самом глубоком уровне – это их последняя защита и последнее оружие.

Анализ Бене Гессерит, Архивный код: BTXX441WOR

В тот день, когда исполнилось четыре года пребывания Шианы в Убежище священников на Ракисе, их шпионы донесли, что наблюдатели Бене Гессерит проявляют особый интерес к девочке.

— Так ты говоришь, что она была на крыше? — спросила Мать-Комендант ракисского Убежища.

Тамалейн, комендант, раньше служила на Гамму и знала, чего хочет получить Община здесь, на Ракисе. Прибытие шпионов прервало завтрак Тамалейн, состоявший из фруктов и конфитюра, приправленного Пряностью. Посланница стояла возле стола, пока Тамалейн, продолжая есть,

перечитывала рапорт.

— Да, на крыше, Преподобная Мать, — подтвердила посланница.

Тамалейн взглянула на посланницу. Кипуна, местная уроженка, послушница, отличившаяся на службе. С полным ртом конфитюра Тамалейн спросила:

– *«Верните их назад!»* Это были ее доподлинные слова?

В ответ Кипуна коротко кивнула. Она поняла вопрос. Выражалась ли Шиана предсуществующими командами?

Тамалейн снова начала читать рапорт, выискивая в нем что-либо существенное. Как хорошо, что она послала на это задание именно Кипуну. Тамалейн уважала способности женщин Ракиса. У Кипуны было круглое лицо и растрепанные волосы, однако под волосами были отнюдь не растрепанные мозги.

— Шиана была недовольна, — заговорила Кипуна. — Низко над крышей пролетел орнитоптер, в котором она увидела двух заключенных, закованных в кандалы. Она поняла, что этих несчастных везут на смерть в Пустыню.

Тамалейн отложила в сторону рапорт и улыбнулась.

— Значит, она распорядилась вернуть ей заключенных. Я нахожу, что она очаровательно подобрала для этого нужные слова.

– *Верните их назад?* — спросила Кипуна. — Мне кажется, что это просто приказ. Что в нем очаровательного?

Тамалейн восхитила прямота, с которой послушница выразила свой интерес. Кипуна не упустит шанс узнать, как работает разум Преподобной Матери.

— Меня заинтересовала не сама эта часть ее поведения, — ответила Тамалейн. Она склонилась над рапортом и прочла вслух: — «Вы слуги Шайтана, а не слуги слуг», — Тамалейн подняла глаза и снова взглянула в глаза Кипуны. — Ты сама видела и слышала все это?

— Да, Преподобная Мать. Я сочла необходимым сама доставить вам рапорт, чтобы в случае необходимости самой ответить на ваши вопросы.

— Она все еще называет его Шайтаном, — сказала Тамалейн. — Как это, должно быть, их раздражает! Конечно, сам Тиран сказал, что его будут называть Шайтаном.

— Я читала донесения с места раскопок в Дар-эс-Балате, — вставила слово Кипуна.

— И с доставкой обратно двух заключенных,

как я полагаю, не было ни малейшей задержки?

— Это было сделано, как только ее сообщение было получено на орнитоптере, Преподобная Мать. Они вернулись через считаные минуты.

— Итак, они все время наблюдают за ней и слушают, что она говорит. Хорошо. Показала ли Шиана каким-либо способом, что знает этих двух узников?

— Я уверена, что они были ей незнакомы, Преподобная Мать. Это были два обычных человека из низших классов, очень грязные и бедно одетые. От них несло немытыми телами обитателей лачуг периметра.

— Шиана приказала снять с них кандалы и заговорила с этими замарашками. Каковы были ее подлинные слова, что она сказала?

— Вы — мой народ.

— Мило, мило, — сказала Тамалейн. — Потом Шиана приказала, чтобы их увели, искупали, выдали новую одежду и отпустили. Расскажи мне своими словами, что произошло дальше.

— Она вызвала Туэка, который явился с тремя или четырьмя советниками, и между ними состоялась едва ли не ссора.

— Войди, пожалуйста, в транс памяти, — попросила Тамалейн. — Повтори мне их… обмен

мнениями.

Кипуна закрыла глаза, глубоко вдохнула и впала в транс. Потом: «Шиана говорит: Мне не нравится, когда вы скармливаете мой народ Шайтану. Говорит советник Стирос: Они предназначались в жертву Шаи-Хулуду! Шиана говорит: Шайтану! От гнева Шиана топает ногами. Туэк говорит: Довольно, Стирос. Я больше не хочу терпеть этот раздор. Шиана говорит: Когда вы научитесь? Стирос начинает говорить, но Туэк останавливает его одним взглядом и говорит: Мы всему научились, Священное Дитя. Шиана говорит: Я хочу…»

— Довольно, — остановила Кипуну Тамалейн.

Послушница открыла глаза и застыла в ожидании дальнейших приказаний.

Помолчав, Тамалейн заговорила:

— Возвращайся на свой пост, Кипуна. Ты очень хорошо поработала.

— Благодарю вас, Преподобная Мать.

— Между священниками начнется разлад, — сказала Тамалейн.

— Слово Шианы — закон для них, потому что в нее верит Туэк. Они перестанут использовать червей как орудие наказания.

— Для двух заключенных, — сказала Кипуна.

— Да, это ты хорошо подметила. Двое заключенных расскажут, что с ними произошло. История будет искажена слухами и преувеличениями. Люди скажут, что Шиана защищает их от священников.

— Но разве она и действительно не делает этого, Преподобная Мать?

— Да, но подумай, какой выбор остается у священников. Они станут более широко применять альтернативные виды наказаний — порку и различные виды депривации. Страх перед Шайтаном уменьшится, зато возрастет страх перед священниками.

В течение последующих двух месяцев донесения Тамалейн в Капитул полностью подтвердили ее правоту.

«Самой распространенной мерой наказания стало ограничение пищевого рациона, особенно воды», — доносила Тамалейн. Дикие слухи распространяются по Ракису и уже достигли самых отдаленных его уголков. Скоро они появятся на других планетах.

Тамалейн очень умело рассчитала воздействие своего рапорта на Сестер. Эти донесения увидят многие, в том числе и те, кто не слишком доволен Таразой. Каждая Преподобная Мать сможет

представить себе, что может теперь произойти на Ракисе. Многие видели, как Шиана появлялась из глубин Пустыни верхом на черве. Стремление священников к секретности потерпело фиаско с самого начала. Неудовлетворенное любопытство породило свои ответы. Догадки в большинстве случаев опаснее фактов.

В предыдущих рапортах речь шла о детях, которых доставляли Шиане для игр. Многочисленные истории об этих случаях обрастали невероятными слухами и сплетнями, которые Тамалейн аккуратно посылала в Капитул. Двое заключенных, вернувшихся на свою улицу в новых добротных одеждах, подлили масла в огонь творимой на глазах мифологии. Сестры Общины — большие мастера этого жанра — мифотворчества — постепенно получали в свои руки рычаги воздействия на умы и сердца.

«Мы дали населению пищу в виде сбывающихся надежд», — доносила Тамалейн в Капитул. Она размышляла над порожденными Бене Гессерит фразами, перечитывая последний рапорт.

— Шиана — это та, которую мы давно ждем.

Это было достаточно простое высказывание, которое могло распространиться без существенных искажений.

— Дитя Шаи-Хулуда явилось, чтобы примерно наказать священников.

Эти слова имели далекоидущие последствия. В темных аллеях в результате озлобления народа погибли несколько священников. Такой поворот событий повлек за собой усиление корпуса священников и новые несправедливости в отношении населения.

Тамалейн обдумывала визит делегации священников к Шиане. Необходимость этого визита была обусловлена разногласиями между Туэком и его советниками. Семь священников во главе со Стиросом были возмущены тем, что Шиана постоянно обедает в компании уличного ребенка. Зная, что это рано или поздно произойдет, Тамалейн распорядилась записать беседу советников с Шианой полностью — звук и картинку, чтобы потом проанализировать слова и мимику, по которой можно было бы судить об истинных намерениях говоривших. Для наметанного глаза Преподобной Матери это была не слишком сложная задача.

— Мы собирались принести жертву Шаи-Хулуду! — протестовал Стирос.

— Туэк приказал вам не сметь спорить со мной, — сказала Шиана.

Как улыбались жрицы, видя замешательство Стироса и других священников!

— Но Шаи-Хулуд… — начал было Стирос.

— Шайтан! — поправила его Шиана. На ее лице ясно читалось: *Неужели эти тупые священники действительно ничего не понимают?*

— Но мы всегда думали…

— Вы ошибались! — Шиана нетерпеливо топнула ногой.

Стирос притворился, что ему нужна четкая инструкция.

— Следует ли нам верить, что Шаи-Хулуд, Разделенный Бог, есть одновременно и Шайтан?

Господи, какой же он непроходимый глупец, подумала Тамалейн. *Даже такая молоденькая девочка, как Шиана, может поставить его в тупик.*

— Любой уличный ребенок понимает это, как только начинает ходить, — напыщенно произнесла Шиана.

— Откуда ты знаешь, что понимают уличные дети? — лукаво спросил Стирос.

— Ты — воплощение зла, если смеешь сомневаться в моих словах! — обвиняющим тоном заявила Шиана. Она давно научилась пользоваться таким приемом, зная, что ее слова обязательно

дойдут до Туэка и у любого спорщика возникнут проблемы.

Стирос тоже слишком хорошо это знал. Он опустил глаза и слушал, как Шиана терпеливо, словно рассказывая в сотый раз одну и ту же сказку маленькому ребенку, объясняла, что либо Бог, либо дьявол, либо и тот и другой одновременно могут вселиться в червя, и не дело человека вмешиваться в Божий промысел. Смертный может лишь принять это как данность и смириться. Человек не смеет решать таких вещей.

За такую ересь Стирос в свое время отправил в Пустыню на съедение червям не одного человека. Выражение его лица, а оно по просьбе Тамалейн было записано очень тщательно, ясно говорило, что раньше подобные мысли зарождались на самом дне ракийского общества среди его отбросов. Но что происходит теперь! По милости Туэка он, Стирос, стоит, словно мальчишка, перед этой соплячкой и воспринимает ересь, как благовест Божественной истины.

Просматривая запись, Тамалейн решила, что блюдо, пожалуй, скоро будет готово — по крайней мере вода в горшке уже кипит вовсю. Именно так она и написала в своем донесении Капитулу Общины. Стироса обуревают сомнения, сомнения

во всем, кроме того, что население начало боготворить Шиану. Шпионы из окружения Туэка доносили, что он усомнился в мудрости своего решения об устранении историка и стилиста Дорминда.

— Имел ли Дорминд право сомневаться в ней? — то и дело спрашивал Туэк у своего окружения.

— Ни в коем случае! — в один голос кричали льстецы из свиты.

Да и что еще могли они сказать? Верховный Жрец не мог допустить ошибку в столь важном вопросе. Бог не попустит этому. Однако совершенно очевидно, что это Шиана сбила его с толку. Решения многих предыдущих Верховных Жрецов были преданы полному забвению, требовался пересмотр и новое толкование догм.

Стирос не отставал от Туэка:

— Что мы в действительности о ней знаем?

В распоряжении Тамалейн был полный отчет обо всех таких столкновениях. Вот съемки совсем недавнего спора. Апартаменты Туэка. Собеседники вдвоем (точнее, они так думают) разговаривают, удобно расположившись в креслах-собаках при неярком свете единственного плавающего светильника, подвешенного невы-

соко над их головами.

— Возможно, мы провели негодный тест, когда в первый раз оставили ее в Пустыне с тампером, — заговорил Стирос.

Это было очень хитрое высказывание. Туэк не обладал изощренным умом.

— Негодный тест? Что, собственно говоря, ты имеешь в виду?

— Бог может пожелать, чтобы мы провели и другие испытания.

— Ты же видел ее своими глазами! Она множество раз общалась в Пустыне с Богом.

— В этом-то все и дело, — Стирос ухватился за новую возможность. Туэк дал именно такой ответ, на который рассчитывал старик. — Если она способна разговаривать с Богом, оставаясь при этом целой и невредимой, то, возможно, она может научить этому и других.

— Ты же знаешь, как она сердится, когда мы предлагаем ей сделать это.

— Может быть, мы подходим к проблеме не с тех позиций?

— Стирос, но что, если девочка права? Мы служим Разделенному Богу. Я много и серьезно размышлял над этим. Почему Бог разделился? Это последнее испытание Бога?

По выражению лица Стироса стало ясно, что именно такой гимнастики ума его клика боится больше всего. Он попытался увести Верховного с опасной дороги, но Туэк твердо решил увязнуть в дебрях метафизики.

— Последнее испытание, — настаивал на своем Туэк, — заключается в том, чтобы увидеть зло в добре и добро в зле.

На лице Стироса отразился неописуемый ужас. Туэк был Верховным Помазанником Божьим. Ни один священник не имел права сомневаться в сказанном им. Если Туэк вздумает публично выступить с подобными идеями, то будут потрясены самые основы веры и власть священства! Ясно, что Стирос спрашивает себя, не настало ли время *удалить* Верховного Священника.

— Я же никогда не смел даже предполагать, что мне придется обсуждать столь глубокие идеи с моим Верховным Священником, — сказал Стирос. — Но, вероятно, я могу сделать кое-какие предложения, с помощью которых станет возможным разрешить многие сомнения.

— Делай свое предложение, — ответил Туэк.

— В одежду девочки можно вшить маленькое подслушивающее устройство и узнать, о чем она…

— Ты полагаешь, что Бог не узнает, что мы это сделали?

— Такое никогда не приходило мне в голову!

— Я не прикажу отправить ее в Пустыню, — отрезал Туэк.

— Но если это будет ее собственное желание? — Стирос придал своему лицу самое располагающее выражение, на какое был способен. — Она много раз так поступала.

— В последнее время она не ходит в Пустыню. Кажется, ей больше не о чем советоваться с Богом.

— Но разве мы не имеем права просто сделать ей предложение? — спросил Стирос.

— Какое, например?

— «Шиана, когда ты снова будешь говорить со своим Отцом? Не хочешь ли ты снова предстать перед Его лицом?»

— Это не предложение, а подталкивание.

— Я лишь высказываю предположение.

— Я бы не сказал, что дитя Бога такая простушка! Она говорит с самим Богом, Стирос. Бог может сурово наказать нас за такие вольности.

— Но разве не Бог дал нам ее для изучения? — невинно поинтересовался Стирос.

Для Туэка такие речи были тем же, что и ересь

Дорминда. Верховный злобно посмотрел на Стироса.

— Я хочу только сказать, что Бог хочет, чтобы мы чему-то научились у нее, — продолжал плести свою паутину Стирос.

Впрочем, Туэк и сам много раз повторял эти слова, не подозревая, что они звучат любопытным эхом слов Дорминда.

— Ее нельзя подталкивать к испытанию, — заявил Туэк.

— Да не допустят этого небеса! — возопил Стирос. — Я приму все меры предосторожности, я душу отдам за это. Все, что я узнаю от Священного Дитяти, я тотчас доложу вам, Верховный.

Туэк, не говоря ни слова, кивнул. У него были свои способы удостовериться в том, что Стирос не лжет.

Подробный рапорт о готовящемся испытании был направлен в Капитул Преподобной Матерью Тамалейн и ее подчиненными.

«У Шианы очень задумчивый вид», — докладывала Тамалейн.

Для Преподобных Матерей на Ракисе и в Капитуле этот задумчивый вид допускал только одно толкование. Родители Шианы давно покинули этот мир, но вмешательство Стироса заставило

девочку снова пережить тоску по дому. Она хранила мудрое молчание, но по ней было заметно, что в последнее время она часто вспоминает о деревне первопроходцев, где прошло ее детство. Несмотря на все страхи и опасности, это было, очевидно, самым счастливым временем в ее жизни. Она вспоминает смех, игры в песке, охоту на скорпионов, прячущихся в трещинах стен, аромат Пряности в дюнах Пустыни. Видя, что Шиана каждый раз посещает одно и то же место, Сестры сделали правильный вывод о том, что именно там находилась деревня, и поняли, что с ней случилось. Шиана часто рассматривала карту, висевшую на стене в кабинете Туэка.

Как и ожидала Тамалейн, в один прекрасный день Шиана стукнула пальцем по тому месту на карте, куда она неоднократно ездила.

— Отвезите меня туда, — приказала она служанке.

Тотчас был вызван орнитоптер.

Пока священники жадно слушали, что же происходит в орнитоптере, парящем над их головами, Шиана еще раз встретилась в песках со своей Немезидой. Тамалейн и ее советники, подключившись к аппаратуре священников, слушали так же жадно, как они.

На том месте, где Шиана приказала высадить себя, не было ничего, кроме песка и закрученных дюн. Тем временем Шиана привела в действие тампер. Это тоже была хитрость Стироса — именно он снабдил Шиану подробной инструкцией по пользованию тампером.

Червь не заставил себя ждать.

Тамалейн следила за происходящим по экрану своего релейного проектора, отметив, что чудовище было средних размеров — его длина не превышала пятидесяти метров. Шиана стояла в трех метрах перед разверстой огнедышащей пастью. Наблюдателям было хорошо слышно гудение пламени в чреве червя.

— Ты скажешь мне, зачем ты это сделал? — спросила Шиана.

Она стояла, не отклоняясь от жаркого дыхания зверя. Был явственно слышен скрип песка под червем, но ответа не было.

— Отвечай мне, — потребовала Шиана.

Ответа не было, но Шиана стояла, словно прислушиваясь, склонив набок голову.

— Тогда убирайся, откуда пришел, — рассердилась девочка, и червь послушно отполз назад и нырнул в песок. В течение нескольких дней Сестры с нескрываемым удовольствием наблюдали

за священниками, которые оживленно обсуждали скудные результаты этой встречи Шианы с червем. Шиану нельзя было ни о чем спросить, так как в этом случае надо было признаться, что ее прослушивали. Как и раньше, она отказалась обсуждать со священниками любой предмет, касающийся ее отношений с червями.

Стирос продолжал свою политику провокаций. Результат оказался именно таким, какого и ожидали Сестры. Часто без всякого предупреждения Шиана, просыпаясь по утрам, говорила: «Сегодня я хочу отправиться в Пустыню».

Иногда для вызова червей она использовала тампер, иногда просто исполняла призывный танец. Далеко в песках, там, откуда не был виден Кин и где вообще не жили люди, черви приходили на зов Шианы. Шиана, стоя в гордом одиночестве перед червем, говорила с ним на глазах у многочисленных непрошеных слушателей.

Тамалейн, которая просматривала все записи перед тем, как отправить их в Капитул, находила эти беседы очаровательными.

— Я должна ненавидеть тебя!

Какой переполох вызывали эти слова среди священников! Туэк настаивал на открытом обсуждении: «Должны ли и мы, любя Его, одно-

временно ненавидеть?»

Стирос с большим трудом сумел отклонить это предложение, сославшись на то, что воля Божества не была высказана явно.

Шиана спросила своего гигантского собеседника:

— Ты позволишь мне снова прокатиться на тебе?

Когда она приблизилась, червь отступил и не позволил девочке взобраться на себя.

В другой раз она спросила:

— Должна ли я оставаться у священников?

Этот конкретный червь чаще других оказывался объектом самых разнообразных вопросов. Среди прочих были и такие:

— Куда деваются люди, которых ты ешь?

— Почему люди неискренни со мной?

— Должна ли я наказать плохих священников?

Над этим последним вопросом Тамалейн долго смеялась, представляя себе, какую панику он посеял среди жрецов. Шпионы Общины точно доложили Тамалейн о недовольстве людей Туэка.

— Как Он ответил ей? — вопрошал Туэк. — Кто-нибудь слышал ответ Бога?

— Вероятно, Он общается непосредственно с ее душой, — предположил один из советников.

— В том-то и дело. — Туэк с радостью ухватился за эту соломинку. — Мы должны спросить, что велит ей делать Бог.

Однако Шиана не дала втянуть себя в эту полемику.

— Она прекрасно представляет себе свою силу, — докладывала Тамалейн Капитулу. — Сейчас она практически не выходит в Пустыню, несмотря на провокации Стироса. Как можно предположить, эти походы потеряли для девочки свою притягательность. Страх и восторг будут тянуть ее в Пустыню, пока не иссякнут. Однако девочка, кроме всего прочего, научилась пользоваться очень эффективной командой: «Убирайся!»

Сестры оценили это как значительный шаг в ее развитии. Если на эту команду реагирует даже Разделенный Бог, то ни один священник не посмеет оспаривать власть и могущество Шианы, которая может так дерзко и безнаказанно разговаривать с самим Богом.

«Священники начали строить в Пустыне башни, — доносила Тамалейн. — Они хотят обустроить несколько безопасных пунктов, откуда им будет удобно в непосредственной близости наблюдать общение Шианы с червем».

Сестры предвидели такое развитие событий и

старались подтолкнуть их. Каждая башня имела ветровую ловушку, обслуживающий персонал, собственный водный барьер, сады и другие признаки цивилизации. Каждая такая башня была маленьким царством Ракиса, проникающего все дальше и дальше в области, занятые червями.

Деревни первопроходцев сделались ненужными, и произошло это только благодаря Шиане.

— Она — *наша* священница, — говорили про Шиану люди.

Туэк и его советники балансировали на острие ножа: *Шайтан и Шаи-Хулуд в одном теле?* Стирос жил в постоянном страхе, что Туэк вот-вот во всеуслышание объявит об этом факте. Советники самого Стироса отвергли даже мысль о том, что Туэка надо *удалить.* Предложение подстроить катастрофу для Жрицы Шианы было встречено со страхом даже Стиросом, который решил, что это слишком большая авантюра.

— Если мы даже сумеем вырвать эту терновую колючку, то кто может дать гарантию, что Бог не пошлет нам иного, еще более сурового испытания? — сказал он, предупредив: — В самых старых книгах говорится, что нас поведет младенец.

Однако Стирос был одним из последних, кто стал смотреть на Шиану как на существо не

совсем смертное. Можно было ясно видеть, что многие из окружения Шианы, и прежде всего Кания, просто полюбили ее. Девочка была так остроумна, необычна и отзывчива.

Многие отмечали, что эта любовь к Шиане не миновала даже сурового Туэка.

Как люди, причастные к подобной власти, Сестры немедленно распознали явление, которое издревле известно, как «наведенное поклонение». Тамалейн писала в Капитул о тех благотворных изменениях, которые произошли на Ракисе с тех пор, как люди начали молиться Шиане, а не Шайтану или даже Шаи-Хулуду.

«Они видят, что Шиана заступается за слабейших из людей, — доносила Тамалейн. — Это очень знакомый паттерн. Все идет так, как нужно. Когда вы пришлете гхола?»

Наружная поверхность воздушного шара всегда больше, чем внутренняя! В этом заключается главное в Рассеянии!

Ответ Бене Гессерит на иксианское предложение о том, чтобы новые исследовательские зонды были посланы к Заблудшим

Один из самых быстроходных лихтеров Общины Сестер доставил Майлса Тега на орбиту, по которой вокруг Гамму вращался транспорт Гильдии. Майлсу не нравилось покидать Убежище в такие моменты, но в данном случае приоритеты были очевидны и не нуждались в комментариях. Кроме того, он спиной чувствовал, что выйдет из этого предприятия. За свои триста лет Майлс привык доверять своей интуиции. На Гамму дела приняли довольно скверный оборот. Сообщения патрулей, сигналы сенсорных датчиков и отчеты шпионов Патрина — все наполняло Майлса беспокойством.

Своим умом ментата он понимал, что вокруг Убежища и внутри его происходит какое-то нехорошее движение. Безопасность вверенного ему гхола находилась под угрозой. Приказ прибыть на транспорт, подготовленный к отражению нападения, был прислан самой Таразой, о чем

свидетельствовал имевшийся в послании ее секретный личный идентификатор.

Еще на лихтере, доставившем его на транспорт Гильдии, Майлс приготовился к битве. Все приготовления, которые могли быть сделаны, были сделаны. Он предупредил Луциллу. В ней Майлс был уверен на сто процентов. Другое дело — Швандью. Тег твердо вознамерился обсудить с Таразой кое-какие изменения во внутреннем распорядке Убежища. Но сначала надо выиграть битву, а Майлс был уверен, что ему предстоит настоящее сражение. В этом не было ни малейших сомнений.

Когда лихтер подлетал к доку, Майлс взглянул на причал и увидел на теневой стороне транспорта гигантскую эмблему Икса на фоне картуша Гильдии. Это был корабль, который Гильдия полностью превратила в иксианский механизм, заменив Гильд-навигатора автоматической системой. Значит, на борту должны находиться и иксианские техники, обслуживающие оборудование. Гильдия так и не научилась до конца доверять машинам, хотя новые корабли использовались, как внятное послание Ракису и Тлейлаксу.

Вы видите: мы совершенно не нуждаемся в ва-

шей меланже!

Именно такую смысловую нагрузку несла иксианская эмблема на борту космолета Гильдии.

Тег почувствовал легкий толчок касания лихтера о причальную палубу и, успокаиваясь, глубоко вздохнул. Он чувствовал себя так же, как вообще перед любой битвой — полное отсутствие иллюзий. Это была неудача. Переговоры окончились провалом, и наступило время кровопролития, если только… он не сможет победить каким-то другим путем. Современные сражения редко бывают крупными, но смерть и в таком сражении остается смертью. Эта неудача навсегда и на все времена. *Если мы не можем уладить наши разногласия мирно, то это значит, что мы еще не стали людьми.*

Охранник, говоривший с явным иксианским акцентом, проводил Майлса в каюту, где его ждала Тараза. Проходя по коридорам и проезжая по пневмопроводам, Тег вспоминал в мельчайших подробностях послание Верховной Матери, пытаясь найти в нем хоть какое-то предостережение. Все было безмятежно и обыденно, охранник был вежлив и предупредителен к башару.

— Меня зовут Тирег. Под Андиой я был подполковником, — сказал охранник, вспомнив одну из

многих выигранных Майлсом битв.

Через ничем не примечательную овальную дверь они прошли в точно такую же, ничем не примечательную каюту с раскладными креслами, низким столиком и плавающими светильниками, настроенными на желтый свет. Раздвижная дверь с глухим стуком захлопнулась за ним, оставив охранника в коридоре. Послушница Бене Гессерит распахнула тонкую газовую занавеску, прикрывавшую вход в помещение справа от Тега. Послушница кивнула. Его видели, Тараза будет извещена.

Он с трудом унял дрожь в икрах.

Насилие?

Он не мог неправильно понять тайное послание Таразы. Были ли оправданными его приготовления? Слева подвесное кресло, длинный стол, у противоположного конца которого стоит еще одно кресло. Тег прошелся в противоположный конец комнаты и принялся ждать, повернувшись спиной к стене. Только сейчас Тег заметил, что носки его ботинок покрыты густым слоем коричневой пыли Гамму.

В комнате стоял очень необычный запах. Тег потянул носом воздух. Шир! Значит, Тараза и ее люди вооружились против Иксианских Зондов?

Тег тоже принял капсулу шира перед тем, как сесть на лихтер. Слишком много в его голове такого, что может оказаться полезным для врагов. Тот факт, что Тараза не стала скрывать факт приема шира, а, наоборот, афишировала его, говорил о том, что здесь находится человек, присутствия которого Тараза не смогла предотвратить.

Тараза вошла в помещение через вход, прикрытый газовой занавеской. *Она выглядит усталой,* подумал Тег. Это было удивительно, потому что обычно Сестры умели скрывать свое утомление и выглядели бодрыми вплоть до того момента, когда буквально валились с ног от усталости. Была ли она в действительности настолько утомлена или это был прием против ненужного свидетеля?

Войдя в комнату, Тараза остановилась и принялась молча изучать Тега. С тех пор как она видела его последний раз, башар сильно постарел. Служба на Гамму не прошла бесследно, но Тараза почувствовала прилив уверенности. Значит, Тег хорошо делает свое дело.

— Твой быстрый ответ заслуживает похвалы, Майлс, — сказала она.

Слово «похвала» — это условный сигнал, означающий: «За нами следит опасный противник».

Тег кивнул и посмотрел на полупрозрачную занавеску.

Тараза улыбнулась и прошла в глубь комнаты. Если посмотреть внимательно, на лице Майлса не было видно никаких следов пристрастия к Пряности. Хронологическая старость Тега часто возбуждала подозрения, что он пользуется задерживающим старение эффектом Пряности. Ничто в нем не выдавало привычки к меланже, к которой прибегали иногда самые сильные люди, когда чувствовали приближение конца… На Теге была надета старая форма со знаками различия Верховного Башара, но без звезд на воротнике и плечах. Она помнила этот сигнал: «Помните, как я заслужил эти отличия. И сейчас я не подведу вас».

Башар внимательно рассматривал Таразу, но в его глазах не было и намека на осуждение. Он был совершенно спокоен, ожидая сигнала Таразы.

— Наш гхола должен быть пробужден при первой же возможности, — заговорила она. Она взмахнула рукой, видя, что он собирается отвечать. — Я видела доклад Луциллы и понимаю, что он еще слишком юн. Но мы вынуждены действовать.

Он понял, что Верховная Мать говорит для

внешнего наблюдателя. Надо ли принимать всерьез эти ее слова?

— И вот сейчас я даю тебе приказ разбудить его. — И согнула кисть левой руки, подавая ему один из сигналов их тайного языка.

Это было правдой! Тег снова посмотрел в сторону занавески. Кто скрывается там и подслушивает?

Для решения этой загадки Тегу пришлось прибегнуть к своему интеллекту ментата. Правда, в картине не хватало кое-какой информации, но это не остановило Майлса. Иногда бывает достаточно простого наброска, мелкого штриха, полунамека. С их помощью можно восстановить общую форму, в которую потом легко вставить недостающие куски. В распоряжении ментатов редко бывают все данные, которые нужны, но Тег был обучен улавливать цельные паттерны, чтобы распознавать системы в их целостности. Кроме того, Майлс напомнил себе о военной подготовке: рекрута учат навыку владеть оружием, нацеливают на это самого солдата, чтобы он не думал о последовательности действий, сам становясь оружием.

Именно так Тараза нацеливала сейчас Майлса. Его оценка ситуации оказалась верной, и Тараза

подтвердила это.

— До того, как ты пробудишь нашего гхола, будет предпринята отчаянная попытка убить или захватить его, — сказала Тараза.

Он оценил ее тон: она холодно передавала ментату необходимые ему аналитические данные. Значит, она уловила, что он переключился на режим ментата.

В мозгу Майлса начали прокручиваться варианты возможных паттернов событий. Относительно гхола у Сестер существовали обширные планы, подробностей которых Тег не знал, но они были наверняка связаны с некой девочкой на Ракисе, которая подчинила себе червей. Гхола — Дункан Айдахо — очаровательное создание, обладающее, кроме очарования, еще чем-то, что заставляло тлейлаксианцев копировать его для Тирана бесчисленное множество раз. Дунканы направлялись Тирану, как обычный корабельный груз. Какую же службу сослужил гхола Лето Второму, если Тиран не смог позволить Дункану оставаться среди мертвых? Теперь тлейлаксианцы: они продолжали регулярно извлекать живую плоть Айдахо из своих чанов даже после смерти Тирана. Тлейлаксианцы продавали Дунканов Общине Сестер — всего было продано 12 копий, и

за каждую из них Сестры платили очень высокую цену — Пряность из своих бесценных запасов.

Но зачем тлейлаксианцы брали у Сестер Пряность, которую сами производили в больших количествах? Ясно — для того, чтобы истощить запасы Общины Сестер. Специфическая форма жадности. Тлейлаксианцы покупали превосходство. Это игра, ставкой в которой является власть.

Тег внимательно посмотрел на застывшую в спокойном ожидании Верховную Мать.

— Они убивали гхола, чтобы контролировать график наших действий.

Тараза кивнула, но промолчала. Значит, она хочет чего-то еще. Он снова включился в режим работы ментата.

Бене Гессерит был очень ценным рынком для меланжи, производимой на Тлейлаксу, но они не были единственным источником, был еще тонкий ручеек поставок с Ракиса. Было бы неразумно со стороны Тлейлаксу отказываться от ценного рынка, если, конечно, под рукой не было рынка куда более ценного.

Кто еще мог проявлять интерес к деятельности Бене Гессерит? Без сомнения, иксианцы. Но иксианцы не слишком емкий рынок для меланжи.

Само присутствие людей с Икса на корабле говорило об их независимости. Поскольку намечается деловой союз между Иксом и Говорящими Рыбами, то Говорящих Рыб тоже можно исключить из рассмотрения.

Какая власть или объединение властей обладали в этой вселенной…

Тег заморозил эту мысль, словно пустил в пике орнитоптер, ум его пустился в свободное плавание, пока сам Тег прикидывал шансы.

Не в этой вселенной.

Паттерн постепенно обрел форму. *Богатство.* Гамму приобрела новое значение в вычислениях ментата. Когда-то Харконнены, высосав из Гамму все что можно, выбросили планету, как обглоданный скелет. Потом ее подобрали даниане, которые ее восстановили. Были, однако, такие времена, когда надежда покинула даже Гамму. Без надежды не остается места даже мечтам. Выползая из этой ямы, население Гамму пользовалось только голым прагматизмом. *Если это сработает, то все будет хорошо.*

Богатство.

При первом мысленном обзоре Гамму Тег оценил количество банкирских домов, причем некоторые из них служили сейфами Бене

Гессерит. Гамму была средоточием обращения огромных богатств. Банк, который он посетил, чтобы изучить его возможности в случае возникновения неотложных ситуаций, вспомнился сейчас Майлсу. Он еще тогда понял, что дела этого банка не ограничиваются масштабами планеты, нет, это был банк банков.

Это было не просто богатство, это было БОГАТСТВО.

Запускающий паттерн пока не был готов, но Майлс уже мог составить его испытательный проект. Это богатство не нашей вселенной — это богатство Рассеяния.

Для того чтобы это понять, уму ментата потребовалось несколько секунд. Достигнув этого пункта, Тег расслабил нервы и мышцы, потом направился к запертой двери комнаты. Он увидел, что эти его действия нисколько не взволновали Таразу. Откинув в сторону занавеску, Тег столкнулся с человеком в военной форме приблизительно одного с ним роста с перекрещенными копьями в петлицах. Грубое лицо, широкая челюсть, зеленые глаза. Во взгляде готовность и какое-то удивление, карман оттопыривается оружием.

Тег улыбнулся человеку и вернулся в комнату,

где сидела Тараза.

— За нами наблюдают люди из Рассеяния, — сообщил он.

Тараза расслабилась. *Работа Тега впечатляет,* подумала она.

Занавески распахнулись. В помещение вошел высокий незнакомец и остановился в двух шагах от Тега. На лице вошедшего застыла гримаса гнева.

— Я же предупреждал, чтобы вы ничего ему не говорили! — у незнакомца оказался баритон и неизвестный Тегу акцент.

— А я предупреждала вас о его необыкновенных способностях — он ментат, — отпарировала Тараза. Лицо ее исказилось от омерзения.

Мужчина съежился, в глазах его на мгновение мелькнуло выражение страха.

— Досточтимая Матрона, я…

— Не смейте меня так называть! — Тараза приняла боевую стойку. Такого Майлс еще ни разу не видел.

Мужчина наклонил голову.

— Дорогая леди, здесь не вы контролируете обстановку. Должен вам напомнить, что мои приказы…

С Тега было достаточно.

— Мне все же кажется, что она неплохо контролирует обстановку, — сказал он. — Прежде чем прийти сюда, я принял некоторые меры предосторожности. Это… — он обвел глазами помещение, — не корабль-невидимка, но два наших монитора уже давно следят за ним.

— Вы не выйдете отсюда живым, — рявкнул человек.

Тег дружелюбно улыбнулся.

— Отсюда никто не выйдет живым.

Майлс стиснул зубы и включил в мозгу специальный нервный центр, который отвечал за отсчет времени в экстренных ситуациях. Теперь время стало зримым.

— Кроме того, у вас не так уж много времени для принятия решения.

— Расскажи ему, как ты умеешь это делать, — сказала Тараза.

— У нас с Верховной Матерью есть своя особая система коммуникации, — заговорил Тег. — Более того, у нее вообще не было надобности меня предупреждать. Достаточно было того, что она вызвала меня сюда. Верховная Мать на борту корабля Гильдии, да еще в такое время? Это просто невозможно!

— Этот номер не пройдет! — прорычал чело-

век.

— Возможно, — согласился с ним Тег. — Но ни Гильдия, ни Икс не рискнут принять на себя удар всех сил Бене Гессерит под командованием человека, которого готовил я сам. Я говорю о башаре Бурцмали. У вас нет никакой поддержки.

— Об этом я ему ничего не говорила, — сказала Тараза. — Только что вы видели, как работает ментат башар, которому, как я полагаю, нет равных во всей нашей вселенной. Подумайте, что вас ждет, если вы выступите против Бурцмали, человека, которого тренировал этот ментат.

Пришелец посмотрел сначала на Таразу, потом на Тега, потом снова на Таразу.

— Мне кажется, наметился выход из безвыходной ситуации, — сказал Тег. — Верховная Мать Тараза и ее свита покинут корабль вместе со мной. Принимайте решение немедленно. Время на исходе.

— Вы блефуете. — В голосе мужчины не было ни силы, ни решимости.

Тег взглянул на Таразу и низко поклонился.

— Для меня большая честь служить вам, Преподобная Мать. Я желаю вам всего хорошего.

— Возможно, даже смерть не разлучит нас, — ответила Тараза. Это было традиционное прощание

равных по положению Сестер.

— Идите! — человек с каменным лицом распахнул дверь. В коридоре стояли два иксианских охранника с застывшим на лицах выражением крайнего удивления.

— Доставьте их на лихтер, — хриплым голосом приказал человек.

Тег сохранял полное спокойствие и самообладание.

— Зовите своих людей, Верховная Мать. — Потом он повернулся к человеку, стоявшему в проеме двери. — Ты слишком высоко ценишь свою шкуру, чтобы быть хорошим солдатом. Ни один из моих людей не совершил бы такой ошибки.

— На борту этого корабля находятся настоящие Досточтимые Матроны, — раздраженно ответил человек. — Я поклялся их защищать.

Тег скорчил презрительную гримасу и посмотрел на Таразу, которая вывела из смежной комнаты свою свиту — двух Преподобных Матерей и четырех послушниц. Тег узнал одну из Преподобных Матерей — Дарви Одраде. Он видел ее очень давно и издали, но мимо нее нельзя было пройти равнодушно, тем более что овалом лица она очень напоминала Луциллу.

— У нас есть время на взаимные представления? — спросила Тараза.

— Конечно, Верховная Мать.

Тег кивнул и пожал руку каждой женщине из окружения Таразы.

Когда они выходили, Тег еще раз обратился к человеку в форме:

— Надо всегда обращать внимание на красоту, иначе как мы можем называться людьми?

Но лишь когда они оказались на лихтере и уселись рядом на скамью, а свита расположилась поблизости, Тег задал главный вопрос:

— Как они захватили вас?

Лихтер направился к планете. Командир сдержал слово — корабль Гильдии оставался на орбите до посадки лихтера.

Прежде чем Тараза успела ответить, к ним склонилась Одраде.

— Это я уговорила отменить приказ на уничтожение корабля Гильдии, Мать.

Тег повернулся к женщине.

— Но они захватили вас в плен и… — он нахмурился. — Как вы знаете, я…

— Майлс!

В голосе Таразы прозвучал неподдельный упрек. Он виновато улыбнулся. Да, она знала его

не хуже, чем он сам… а в некоторых отношениях даже лучше.

— Они не просто захватили нас, Майлс, — сказала Тараза. — Мы сами позволили им это сделать. Я официально провожала Дар на Ракис. Мы покинули наш корабль-невидимку возле Соединения и вызвали космолет Гильдии. Все мои советники, включая Бурцмали, в один голос говорили, что люди из Рассеяния подменят экипаж и доставят нас прямо к тебе, чтобы разрушить проект гхола.

Тег ужаснулся. Это же страшный риск!

— Мы знали, что ты нас выручишь, — сказала Тараза. — На случай, если бы у тебя ничего не вышло, нас страховал Бурцмали.

— Этот транспорт Гильдии, который вы соизволили пожалеть, — сказал Тег, — подождет помощи и атакует нас…

— Они не осмелятся напасть на Гамму. Слишком много различных сил Рассеяния ставят на Гамму. Они не рискнут пойти на раскол с ними.

— Хотел бы я иметь вашу уверенность, — проговорил Тег.

— Будь спокоен, Майлс. Кроме того, есть и другие причины, по которым они не станут уничтожать корабль Гильдии. Икс и Гильдия находятся в положении берущей стороны, а в

делах это не самая удачная позиция. А им нужно получить от своих дел максимальную выгоду.

— Если только они не найдут покупателя, который предложит им хорошую цену!

— Ах, Майлс, — задумчиво произнесла Тараза. — Мы, Сестры Бене Гессерит нашего времени, стремимся только к миру и равновесию. Ты же это прекрасно знаешь.

Тег считал это правдой, но его смутило признание: «нашего времени».

Тараза словно признавала, что Бене Гессерит клонится к упадку. Прежде чем он успел спросить об этом, Тараза снова заговорила:

— Мы любим решать самые острые проблемы не на поле брани. Должна признать, что за такое отношение к проблемам мы должны благодарить Тирана. Я не думаю, что ты когда-нибудь рассматривал себя как продукт кондиционирования учением Тирана, но это так, Майлс.

Тег принял эти слова без возражения и комментария. Тиран стал мощным фактором воздействия на все человеческое общество в целом. Ни один ментат не может отрицать эту данность.

— Именно это качество в первую очередь и привлекло нас к тебе, — продолжала Верховная Мать. — Иногда ты способен привести в

замешательство, но с этим мы с удовольствием примиримся.

По некоторым модуляциям ее голоса Тег понял, что ее слова обращены не только к нему, но и к свите.

— Ты когда-нибудь задумывался, Майлс, что одна твоя особенность может свести с ума собеседника: ты с равным пылом обрушиваешься на противоположные точки зрения. Это действительно трудно вынести. Но какое это наслаждение видеть замешательство на лицах врагов, которые не имели ни малейшего подозрения о том, что сейчас появишься ты!

Тег позволил себе натянуто улыбнуться. Он мельком взглянул на женщин, сидевших по другую сторону прохода. Почему Тараза говорит эти слова всей своей свите? Дарви Одраде спала. Другие болтали между собой, не обращая ни малейшего внимания на разговор Верховной Матери с Майлсом. Но это ничего не значило. Даже послушницы Бене Гессерит могли следить сразу за несколькими предметами. Он снова обратил свое внимание на Таразу.

— Ты действительно чувствуешь, как твои враги ощущают ситуацию, — говорила Тараза. — Я действительно верю в это. И, естественно, когда

ты пребываешь в такой форме, у тебя просто не может быть равных соперников.

— Да, это так!

— Правильно пойми мои слова, Майлс. Мы никогда не сомневались в твоей верности, но это просто непостижимо, как ты можешь заставить нас видеть такие вещи, которые мы в противном случае просто бы не заметили. Бывают моменты, когда ты становишься нашими глазами.

Тег заметил, что Дарви Одраде открыла глаза и смотрит на него. Какая красивая женщина. В ее внешности есть что-то тревожащее. Как и Луцилла, она напоминала кого-то из далекого прошлого. Но прежде чем Тег успел оформить мысль, Тараза снова заговорила:

— Есть ли у нашего гхола способность найти равновесие в споре противоборствующих сторон? — спросила она.

— Он способен стать ментатом, — ответил Тег.

— Он был ментатом в одном из своих воплощений.

— Вы действительно хотите, чтобы он пробудился в столь юном возрасте?

— Это необходимость, Майлс. Суровая жизненная необходимость.

Крах ОСПЧТ? Причина проста. Они проигнорировали тот факт, что на периферии области их деятельности притаились силы, которые терпеливо ждали своего часа и при первой же возможности смели ОСПЧТ, как бульдозер сметает мусор. В этом заключается главная опасность Рассеяния – для них и для всех нас.

Протоколы заседаний Совета Бене Гессерит, архивный номер SXX9 °CH

Одраде следила за разговором Тега и Таразы частью своего сознания. Лихтер был мал, пассажирский салон — тесен. Для снижения скорости при посадке экипаж использовал силу трения об атмосферу. Одраде, зная это, приготовилась к толчку. Пилот явно собирался сэкономить на амортизаторах, чтобы сберечь энергию.

Она использовала этот момент так же, как она теперь использовала каждую свободную минуту — для подготовки к ожидавшим ее делам. Время поджимало: специальный календарь подгонял, не давая времени на раскачку. Перед отлетом она посмотрела на этот календарь в Капитуле — табло показало ей оставшееся в ее распоряжении время. Интересен язык времени: секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы,

годы… Стандартные годы, чтобы быть вполне точным. Сохранение эффекта времени — весьма неадекватный термин для обозначения данного феномена. Гораздо больше подошло бы слово «нерушимость». Но… традиция. Никогда нельзя ломать традицию. В мозгу всплыли сравнения. В древности течение времени отсчитывали по ходу часов планет, а эти часы тикали не в унисон с примитивными человеческими часами. Семь! Каким могущественным остается это число. Мистическим. Эта мистика, словно в камне, была высечена в словах Оранжевой Католической Библии: «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал».

Как Ему повезло! — подумала Одраде. *Нам всем не мешало бы отдыхать после тяжких трудов.*

Одраде слегка повернула голову и через проход взглянула на Майлса. Он и не подозревал, как много сведений о нем хранится в ее памяти. Одраде могла проследить, как много отметин оставило неумолимое время на этом сильном лице. *Обучение гхола истощило его,* подумала Одраде. Этот ребенок из Убежища Гамму подобен губке, которая впитывает все, что находится рядом.

Догадываешься ли ты, Майлс Тег, как мы ис-

пользуем тебя? — подумала она.

Это была ослабляющая мысль, но Одраде, проявив непокорность, позволила этой мысли задержаться в своем сознании. Как легко было полюбить этого старика! Конечно, не как супруга… но тем не менее полюбить. Она почти физически ощутила узы, сковывающие ее. Тренировка Бене Гессерит не прошла даром, чувство любви угадывалось сразу. Любовь, проклятая, ослабляющая любовь!

Одраде чувствовала эти узы в отношениях со своим первым партнером, которого ей поручили соблазнить. Это было очень любопытное ощущение. Годы подготовки в Бене Гессерит научили Одраде настороженно относиться к появлению такого чувства. Ни один из ее прокторов не позволял ей поддаваться необъяснимому теплу этого роскошного чувства, но только со временем она поняла причины такого воспитания привычки к изоляции. Но в то время, когда селекционные куртизанки послали ее к мужчине и приказали войти с ним в половой контакт, Одраде еще не знала всего. В мозгу девушки были отложены все необходимые клинические данные, она могла читать половое возбуждение партнера, которое возникало именно в тот момент, когда она вызы-

вала возбуждение у себя. К этой роли она была подготовлена мужчинами, которых Община нанимала для обучения женщин. Отбирали таких мужчин Селекционные Куртизанки.

Одраде вздохнула и перестала смотреть на Майлса. Самцы Бене Гессерит специально вели себя так, чтобы не возбуждать у своих студенток чувства привязанности. То был главный изъян полового образования.

Она снова подумала о первом соблазненном ею мужчине. Она была совершенно не готова к ощущению, охватившему ее во время обоюдного оргазма, когда под воздействием силы, которая подавляла все доводы разума, силы, древней, как человечество… нет, более древней, чем человечество, плавились все чувства. Стоило только посмотреть на лицо друга, ощутить сладость поцелуев, почувствовать, что человек отбросил инстинкт самосохранения, — он беззащитен и уязвим. Ни один из тренеров не вел себя так! В отчаянии Одраде принялась перечитывать уроки Бене Гессерит. С помощью этих уроков она уловила сущность этого человека, научилась распознавать ее по выражению его лица, позволила проникнуть этому чувству в свои сокровенные глубины. Только на краткий миг она позволила

себе ответить партнеру тем же и испытала ни с чем не сравнимое, высочайшее чувство экстаза, о котором никогда не говорили ей учителя и о существовании которого она просто не подозревала. Именно в этот момент она поняла, что случилось с леди Джессикой и другими *отступницами* Бене Гессерит.

Это чувство называется любовь!

Ее сила напугала Одраде (Селекционные Куртизанки прекрасно знали, что это произойдет!), и она в панике бросилась назад, под надежную защиту дрессировки Бене Гессерит, надевая маску удовольствия в те мгновения, когда надо было прикрыть естественное выражение лица и прибегая к искусственным ласкам, когда было бы намного легче ласкать естественно (но куда менее эффективно).

Мужчина, как и предполагалось, отвечал совершенно глупо, и это помогало считать его настоящим глупцом.

Второе соблазнение прошло намного легче. Она все еще вспоминала черты своего первого партнера, и иногда это вызывало у нее ощущение бездушного удивления. Иногда это лицо всплывало в ее памяти совершенно спонтанно, и она сразу узнавала его.

Воспоминания о других самцах, с которыми сводила ее судьба, были совершенно иного свойства. Ей приходилось напрягать память, чтобы вспомнить их. Воспоминания о них были не слишком глубоки, не так было с первым!

Такова опасная сила любви.

Стоит только посмотреть, сколько неприятностей принесла эта сила Общине Сестер на протяжении тысячелетий. Леди Джессика и ее любовь к герцогу — это только один пример из бесчисленного множества других. Любовь затмевает разум. Она отвлекает Сестер от исполнения своего долга. Любовь можно терпеть только в том случае, если она не вызывает немедленного разрушения или служит какой-то великой цели. Во всех остальных случаях ее следует безусловно избегать.

Но как бы то ни было, любовь всегда может случиться и к этому надо быть готовой, чтобы встретить ее во всеоружии.

Одраде снова открыла глаза и посмотрела на Тега и Таразу. Верховная Мать заговорила о другом предмете. Какой противный голос бывает иногда у Таразы! Как она раздражает! Одраде снова закрыла глаза, против воли слушая этот разговор.

— Очень немногие люди понимают, насколько

инфраструктура цивилизации является инфраструктурой зависимости, — говорила Тараза. — Мы посвятили ее изучению массу времени и сил.

Любовь и есть такая инфраструктура зависимости, подумала Одраде. Но почему Тараза заговорила об этом именно сейчас? Верховная Мать редко делала что-либо без глубоких причин.

— Инфраструктура зависимости — это термин, который охватывает все вещи, необходимые человеческой популяции для сохранения и умножения численности своего вида, — говорила Тараза.

— Меланжа? — спросил Тег.

— Конечно, но большинство людей смотрит на Пряность и говорит себе: «Как прекрасно, что мы можем ее иметь и жить гораздо дольше, чем наши предки».

— При условии, что этот человек может раздобыть меланжу, — в голосе Тега прозвучали язвительные нотки, не укрывшиеся от внимания Одраде.

— Поскольку торговлю меланжей контролирует не одна сила, то достать Пряность сейчас может подавляющее большинство людей, — произнесла Тараза.

— Я всосал экономику с молоком матери, — сказал Тег. — Еда, вода, пригодный для дыхания воздух, жизненное пространство, не отравленное ядами, — все это разновидности денег, и обмен ценностями происходит согласно зависимости.

Слушая это, Одраде едва не кивнула головой в знак согласия. Она бы ответила точно так же. *Не пережевывай очевидных вещей, Тараза. Переходи к сути дела.*

— Я очень рада, что ты так хорошо усвоил уроки экономики, преподанные твоей матерью, — голос Таразы стал сладким, как мед! Но внезапно Верховная Мать сменила тон и почти рявкнула: — Гидравлический деспотизм!

Она хорошо изобразила этот переход к эмфатическому усилению, подумала Одраде. Память открылась, и данные хлынули из нее, как вода из пожарного шланга. *Гидравлический деспотизм:* централизованный контроль таких жизненно необходимых источников энергии, как вода, электричество, топливо, лекарства, меланжа… Подчинись контролирующей системе или кран будет перекрыт, и ты умрешь!

Тараза снова заговорила:

— Есть еще одно полезное понятие, и я уверена, что твоя мать упоминала о нем, это понятие

ключевого бревна.

Одраде превратилась в слух. Тараза вела разговор к чему-то очень важному. *Ключевое бревно* — истинно древнее понятие из тех времен, когда не было воздушных подвесок и люди рубили деревья и сплавляли их по течению реки к бумажным фабрикам. Иногда бревен было настолько много, что они образовывали завалы и пробки. Такое скопление бревен перекрывало течение реки и застревало на месте. Тогда вызывали специалистов, которые находили то бревно, которое было причиной затора. Вытащи его и ты ликвидируешь затор. Такое бревно и называлось ключевым. Тег имел чисто интеллектуальное представление об этом понятии, но Одраде и Тараза, обладая неограниченной чувственной памятью, сразу же представляли себе потоки воды и горы бревен, перекрывших стремительную горную речку.

— Тиран был таким ключевым бревном, — сказала Тараза. — Он был причиной затора и он же ликвидировал его.

Лихтер начало сильно трясти — он вошел в верхние слои атмосферы Гамму. Одраде почувствовала, как ей в живот врезался ремень безопасности. Потом движение корабля выровнялось. Разговор прервался на это время, потом

Тараза снова заговорила:

— Кроме жизненной, фатальной зависимости, существует еще зависимость религиозная, которая создается психологически. Впрочем, такое основание могут иметь и некоторые виды физической зависимости.

— Факт, который очень хорошо поняла Защитная Миссия, — заметил Тег. И снова в его голосе послышалось глубоко запрятанное негодование. *Несомненно, Тараза тоже его слышит,* подумала Одраде. *Что она делает? Она же ослабит силу Тега!*

— Ах да, — небрежно произнесла Тараза. — Наша Защитная Миссия. Человеческие существа так сильно желают, чтобы системы их убеждений и верований непременно были структурами «истинной веры». Если вера дает тебе ощущение надежности и безопасности *и* если она внедрена в твою систему убеждений, то какую мощную систему зависимости можно создать на таком фундаменте!

Тараза снова замолчала — лихтер вошел в нижележащие слои атмосферы.

— Хотелось бы, чтобы пилот использовал систему амортизаторов! — жалобно произнесла Тараза.

— Он бережет топливо, — проговорил Тег и, не удержавшись, добавил: — Уменьшает зависимость.

Тараза усмехнулась.

— О да, Майлс, ты хорошо усваиваешь уроки. Чувствуется твердая рука твоей матери. Проклятие родительницы, если ее ребенок выбирает для себя опасную дорогу.

— Вы думаете обо мне, как о ребенке? — поинтересовался Тег.

— Я думаю о тебе, как о человеке, который только что пережил первое столкновение с махинациями так называемых Досточтимых Матрон.

Вот оно, подумала Одраде, потрясенная пониманием того, что слова Таразы адресованы не только и не столько Тегу.

Она обращается ко мне!

— Эти Досточтимые Матроны, как они сами себя называют, — заговорила Тараза, — сочетают сексуальный экстаз и поклонение. Я сомневаюсь, что они сознают опасность такого подхода.

Одраде открыла глаза и посмотрела на Верховную Мать. Тараза уставила неподвижный взор в Тега. Лицо совершенно бесстрастно, но глаза горят силой убеждения — она явно хочет, чтобы Тег понял что-то очень важное.

— Опасность, — повторила Тараза. — Большие массы людей часто безошибочно чувствуют свое единство. Такая масса может быть единой. Она способна действовать, как цельный организм.

— Так говорил Тиран, — вставил слово Тег.

— Тиран это показал! Он умел манипулировать Групповым Духом! Бывают времена, Майлс, когда выживание требует соединения с душой, а души, как тебе хорошо известно, всегда ищут выхода.

— Разве в наше время слияние с духом не вышло из моды? — спросил Майлс. Одраде не понравился задиристый тон, каким была произнесена эта фраза. Она почувствовала, что в Таразе этот вопрос тоже возбудил гнев.

— Ты думаешь, что я говорю о религиозных течениях? — спросила Тараза, ее высокий голос стал жестким. — Мы же оба прекрасно понимаем, что любую религию можно создать! Я говорю об этих Досточтимых Матронах, которые, словно обезьяны, позаимствовали некоторые наши приемы, не понимая их глубинного смысла. Они осмелились поставить себя на алтарь поклонения!

— То есть сделали то, чего всегда избегали Бене Гессерит, — сказал Майлс. — Моя мать говорила, что последователи веры и те, за кем они следуют, связаны и объединены верой.

— И их можно разделить!

Одраде заметила, что Майлс переключился в режим ментата, глаза потеряли выражение, лицо стало безжизненным. Теперь замысел Таразы стал ей совершенно ясен. *Ментат продвигается вперед, как римлянин, управляющий колесницей,* — *ноги стоят на разных конях упряжки. Каждая нога покоится на отличной от другой реальности, но поиск смыслового рисунка побуждает ментата двигаться вперед. Он скачет к смыслу на разных реальностях, чтобы достичь единой цели.*

Тег заговорил типичным задумчивым, лишенным всякого выражения тоном работающего ментата:

— Для того чтобы добиться победы в битве, надо разделить силы.

Тараза испустила вздох, полный почти ощутимого удовольствия.

— Инфраструктура зависимости, — сказала она. — Эти женщины из Рассеяния должны руководить раздробленными силами, каждая из частей при этом будет добиваться лидерства. Тот офицер на транспорте Гильдии говорил о своих подопечных Досточтимых Матронах одновременно с благоговением и ненавистью. Я уверена,

что ты тоже понял это по его голосу, Майлс. Я знаю, насколько хорошо учила тебя твоя мать.

— Да, я слышал это, — Тег внимательно слушал слова Таразы. То же самое делала и Одраде.

— Зависимость, — задумчиво произнесла Тараза, — какой она может быть простой и какой сложной. Возьмем для примера кариес зубов.

— Кариес зубов? — потрясенно спросил Тег, отвлеченный от размышлений ментата. Одраде, видя это, поняла, что реакция была именно такой, на которую рассчитывала Верховная Мать. Тараза очень умело играла своим башаром-ментатом.

Я должна видеть это и учиться, подумала Одраде.

— Кариес зубов, — повторила Тараза. — Простая имплантация при рождении избавляет большинство людей от этого бича человечества. Однако мы должны каждый день чистить зубы и ухаживать за ними другими способами. Приспособления, которые мы для этого используем, стали обыденной частью нашей повседневной жизни. Но надо иметь в виду, что приспособления, материалы, из которых они сделаны, стоматологи и врачи Сукк — все это сложная паутина взаимно переплетенных отношений.

— Ментату не следует объяснять сложность

взаимоотношений, — проговорил Майлс. Однако в его голосе явно угадывалось любопытство, смешанное с негодованием.

— Это так, — согласилась с Тегом Тараза. — Разбираться в этом — естественная среда для процессов мышления ментата.

— Тогда зачем вы все это так усердно пережевываете?

— Ментат, оцени все то, что ты увидел в Досточтимых Матронах, и скажи: в чем изъян их подхода?

Тег ответил без колебаний:

— Они могут выжить только в том случае, если будут усиливать зависимость тех, кто поддерживает их. Но зависимость приведет их в тупик, ведущий в никуда.

— Точно. Но в чем заключается опасность?

— Они могут увести с собой большую часть человечества.

— В этом состояла главная проблема Тирана, Майлс. Я уверена, что он сознавал это. А теперь выслушай меня со всем возможным вниманием. И ты тоже, Дар. — Тараза посмотрела в глаза Одраде. — Слушайте меня оба. Мы, Бене Гессерит, внесли в поток человеческой жизни очень мощные… элементы. Может тем не менее обра-

зоваться затор, и Матроны могут способствовать этому. И мы…

Лихтер снова начало бросать из стороны в сторону. Разговор стал невозможен из-за сильной болтанки и оглушительного рева двигателей. Когда все стихло, Тараза, возвысив голос, снова заговорила:

— Если мы останемся живы после этого ужасного полета и благополучно вернемся на Гамму, то ты должен будешь работать бок о бок с Дар, Майлс. Ты уже видел манифест Атрейдесов. Она тебе все расскажет и подготовит тебя. Это все.

Тег обернулся и посмотрел на Одраде. Ее черты снова всколыхнули память: она удивительно похожа на Луциллу, но воспоминание касалось не Луциллы, а кого-то еще. Он отбросил ненужные мысли. *Манифест Атрейдесов?* Он читал его, так как Тараза прислала его вместе с инструкциями. *Подготовить меня? Но к чему?*

Одраде прочла этот немой вопрос в глазах Тега. Теперь она поняла движущие мотивы Таразы. Приказ Верховной Матери обрел иной смысл, так же как и слова Манифеста Атрейдесов.

«*Поскольку вселенная творится с участием сознания, постольку люди, обладающие предзнанием, несут эту творческую способность*

к высочайшим вершинам. Эта сила осталась непонятой, сила, которой обладал бастард Атрейдесов, сила, которую он передал своему сыну, Тирану».

Одраде знала эти слова, как может знать их только автор, но сейчас они прозвучали в ее мозгу так, словно она впервые их слышала.

Будь ты проклята, Тар! — подумала Одраде. *Что будет, если ты ошиблась?*

На количественном уровне нашу вселенную можно рассматривать как место, отличающееся большой неопределенностью, и предсказуемость поведения которого является статистической, при условии, что вы оперируете достаточно большими числами. Между этой вселенной и другой, в которой прохождение планеты в данном месте можно предсказать с точностью до пикосекунды, имеется пространство, в котором действуют силы совершенно иного рода. Для этой промежуточной вселенной, в каковой и протекает наша повседневная жизнь, определяющей силой является то, во что мы верим. Ваша вера разворачивает и определяет порядок развертывания повседневных событий. Если подавляющее большинство из нас верит в одно и то же, то можно создать совершенно новый порядок вещей. Структура веры создает сито, просеиваясь сквозь которое хаос превращается в порядок.

Анализ Тирана, файл Таразы: архивы Бене Гессерит

Тег вернулся на Гамму с корабля Гильдии в

полном смятении. Вступив на черную брусчатку частной посадочной полосы Убежища, он огляделся, словно увидел это место впервые. Почти полдень. Как мало времени прошло, и как сильно все изменилось.

До какой степени дойдет Бене Гессерит в своем стремлении внедрить сущностный урок? Тараза отвлекла его от знакомых процессов мышления ментата. Он чувствовал, что все, что произошло на корабле Гильдии, было отрежиссировано специально для него. От предсказуемости дальнейшего Тега охватила дрожь. Как странно выглядела Гамму, когда через охраняемую зону Тег вступил в ячейку входа.

Майлс видел много планет, знал, как живут на них люди, и понимал, каким образом природа той или иной планеты отражается на образе жизни ее обитателей. Некоторые планеты обращались вокруг больших желтых солнц, которые, находясь вблизи, одаривали людей теплом, а те, в свою очередь, отличались предприимчивостью, теплотой и развитием. Были планеты, солнца которых находились далеко, слабо мерцая с темного неба. На таких планетах было очень мало тепла и жизнь была суровой и холодной. В промежутке было много вариаций — как внешних, так и внут-

ренних. Гамму обращалась вокруг желто-зеленой звезды, день состоял из 31,27 стандартных часа, а год из 2,6 стандартных года. Только сегодня утром Тег полагал, что неплохо понял, что такое Гамму.

Когда Харконнены были вынуждены покинуть эту планету, явились колонисты из Даниан-ской группы и назвали эту планету по имени, предложенному Халлеком при Великом Пере-именовании. В те дни колонисты называли себя каладанцами, но потом название сократилось по моде позднейших тысячелетий.

Тег остановился возле покрытого защитной плиткой перехода, ведущего с взлетной полосы в Убежище. Тараза и ее свита шли позади. Он видел, что Тараза очень оживленно беседует о чем-то с Одраде.

Манифест Атрейдесов, подумал он.

Даже здесь, на Гамму, немногие признавали родство с Харконненами или Атрейдесами, хотя генотип проявлялся весьма очевидно, особенно доминантные черты Атрейдесов — эти длинные, острые носы, высокие лбы и чувственные губы… Очень часто эти черты проявлялись раздельно — один с длинным носом, другой с проницатель-ными глазами, третьи вообще представляли собой невероятную смесь. Иногда, однако, все эти

черты можно было встретить у одного носителя. Тогда в глазах можно было прочесть гордое осознание и внутреннее знание:

Я — один из них!

Уроженцы Гамму узнавали таких людей сразу и уступали им дорогу, правда, явно не обозначая причину.

Основу же генотипа Гамму составляло наследие Харконненов — эту генетическую линию можно было проследить вплоть до греков, патанцев и мамлюков — этих теней древнейшей истории, о которой знали только профессиональные историки и воспитанники Бене Гессерит.

Тараза и ее свита поравнялись с Тегом. Он услышал, как Верховная Мать говорит Одраде:

— Ты должна рассказать все это Майлсу.

Очень хорошо, она мне все расскажет, подумал Тег. Он отвернулся и повел группу мимо стражи под колоннами в переход в само Убежище.

Черт бы побрал этих Бене Гессерит! — подумал он. *Что они вообще делают тут на Гамму?*

На этой планете многое говорило о незримом присутствии Бене Гессерит. Люди носили на себе отпечаток целенаправленного возвратного скрещивания. Здесь и там бросались в глаза соблазнительные взгляды, особенно у женщин.

Тег машинально отдал честь капитану гвардии, продолжая думать о своем. *Да, соблазнительные глаза.* Он заметил их сразу, как только прибыл на Гамму воспитывать гхола и убедился в этом во время первой же инспекционной поездки по планете. Он вглядывался в лица и вспоминал слова, которые много раз повторял ему старый верный Патрин:

— У вас взгляд истинного уроженца Гамму, башар.

Соблазнительные глаза! Они были у женщины капитана, отдавшей ему честь. Это было то общее, что связывало воедино и ее, и Луциллу, и Одраде. *Очень немногие придают в соблазнении большую роль глазам,* подумал Тег. Для того чтобы целиком сосредоточиться на этом пункте, надо иметь выучку Бене Гессерит. Большая грудь у женщин и мощные чресла у мужчин конечно очень важны для сексуального обольщения, но если исключить глаза, то все остальное может не иметь никакой ценности. Самое главное — глаза. Ты можешь буквально утонуть в глазах и перестанешь соображать что-либо до того момента, когда твой член окажется во влагалище.

Он заметил глаза Луциллы сразу же по прибытии и опасался заглядывать в них. Не было

никаких сомнений в том, с какой целью Община использовала ее таланты!

Вот и сама Луцилла, ожидающая их возле проходной у камеры очистки. Она дала ему знак рукой, означавший, что с гхола все в порядке. Тег облегченно вздохнул, наблюдая за встречей Луциллы и Одраде. Несмотря на разницу в возрасте, две женщины были необычайно похожи. У них была разная комплекция — Луцилла выглядела более тяжеловесно по сравнению с легкой и стройной Одраде.

К Тегу подошла капитан гвардии с соблазнительными глазами и встала рядом.

— Швандью только что узнала, кого вы привезли с собой, — сказала она, указывая на Таразу. — Ах, вот и она сама.

Швандью вышла из лифта и направилась к Таразе, одарив Тега горящим ненавистью взглядом.

Тараза хотела преподнести тебе сюрприз, подумал он. *И мы все знаем зачем.*

— Похоже, ты не очень рада меня видеть, — сказала Тараза, обращаясь к Швандью.

— Я просто очень удивлена, Верховная Мать, — ответила Швандью, — у меня и в мыслях не было, что вы приедете.

Она снова взглянула на Тега — глаза ее исто-

чали яд.

Одраде и Луцилла перестали изучающе рассматривать друг друга.

— Я, конечно, слышала о вас, — сказала Одраде, — но это всегда так неожиданно — встретиться лицом к лицу с человеком, о котором много знаешь понаслышке.

— Я тебя предупреждала, — произнесла Тараза.

— Какие будут распоряжения, Верховная Мать? — спросила Швандью. Это было равносильно прямому вопросу о цели приезда Таразы.

— Мне надо поговорить с Луциллой наедине, — ответила Верховная.

— У меня приготовлены для вас апартаменты, — доложила Швандью.

— Не беспокойтесь, — ответила Тараза, — я не собираюсь оставаться здесь. Майлс уже договорился насчет транспорта. Дела обязывают меня срочно вернуться в Капитул. Мы с Луциллой переговорим во внутреннем дворе.

Тараза коснулась пальцем щеки.

— Да, кстати, я хотела бы посмотреть, как ведет себя наш гхола, когда думает, что за ним не наблюдают. Думаю, Луцилла сможет это устроить?

— Когда он остается один, то начинает усиленно упражняться, — сказала Луцилла, когда они с

Таразой направились к лифту.

Тег обернулся к Одраде, попутно отметив, что Швандью по-прежнему смотрит на него с яростью во взгляде. Она даже не пыталась скрыть свою ненависть.

Интересно, подумал Тег, *Луцилла сестра или дочь Одраде?* За таким невероятным сходством, вдруг пришло в голову Тега, могло скрываться целенаправленное действие Бене Гессерит. Да, конечно, ведь Луцилла импринтер!

Швандью между тем смирила свой гнев и взяла себя в руки. Она с любопытством взглянула на Одраде.

— Я как раз собралась пообедать, Сестра, — сказала она. — Не хотите составить мне компанию?

— Мне надо поговорить с глазу на глаз с башаром, — сказала Одраде. — Если можно, я предпочла бы сделать это здесь. Я не хочу, чтобы меня видел гхола.

Швандью скорчила недовольную гримасу, не пытаясь скрыть свое разочарование в Одраде. Они там, в Капитуле, знают, в чем заключается верность! Но никто… никто (!) из них не в состоянии убрать ее с этого наблюдательного поста. У оппозиции есть свои права!

Ее мысли были ясны даже Тегу. Он заметил на-

пряженную спину Швандью, когда она покинула площадку, оставив его наедине с Одраде.

— Очень плохо, когда Сестры начинают выступать друг против друга, — заметила Одраде.

Тег подал знак капитану, приказав ей очистить место от посторонних. *Одни,* сказала себе Одраде. *Такие вещи можно решать только наедине.*

Словно прочитав ее мысли, Тег сказал:

— Это мое секретное место. Сюда не может проникнуть ни один шпион. Никто не сможет за нами следить.

— Я тоже подумала об этом, — сказала Одраде.

— Наверху у нас есть специальная комната. Там есть даже кресла-собаки, если вы предпочитаете их.

— Я ненавижу, когда они пытаются покачать, — ответила она. — Мы не могли бы поговорить здесь?

Она коснулась плеча Тега.

— Может быть, немного пройдемся? У меня все тело занемело от сидения в корабле.

— Так что вы собираетесь мне сказать? — спросил он, когда они не спеша пошли по дорожке.

— Моя память больше не подвергается селективной фильтрации, — ответила она. — Она вся в моем распоряжении. Естественно, только жен-

ская память.

— Вот как? — Тег сжал губы. Это была не та увертюра, которой он ожидал. Одраде при первом же сближении постарается взять с него как можно больше. Отдавать она не собирается.

— Тараза говорит, что вы читали манифест Атрейдесов. Хорошо. Значит, вы понимаете, что он испортит настроение обитателям многих домов.

— Швандью уже сделала его предметом своей гневной филиппики против «вас, Атрейдесов».

Одраде значительно посмотрела на Тега. Все рапорты говорили о том, что Тег был внушительной фигурой. Впрочем, теперь она видела это и сама.

— Мы оба Атрейдесы — вы и я, — сказала она.

Тег насторожился.

— Ваша мать рассказала вам об этом, когда вы после окончания школы первой ступени вернулись в Лерней, — начала Одраде.

Тег остановился и посмотрел на женщину. Откуда она может это знать? Насколько он знал, никаких его встреч с Дарви Одраде никогда не было. Он не мог встречаться с ней раньше. Был ли он сам предметом специального обсуждения в Капитуле Общины Сестер? Он промолчал, вынуждая ее продолжать разговор.

— Я напомню разговор, который состоялся между мужчиной и моей биологической матерью, — сказала Одраде. — Они лежат в постели, и мужчина говорит: «Я успел стать отцом нескольких детей, прежде чем научился избегать тесных уз Бене Гессерит, после этого я снова смог считать себя свободным вступать куда мне угодно и сражаться за то, за что хочу я».

Тег даже не пытался скрыть свое удивление. Это были его собственные слова! Память ментата подсказала ему, что Одраде воспроизвела их с точностью записывающего устройства, сохранив даже исходные интонации!

— Мне продолжить? — спросила она. — Извольте. Мужчина говорит: «Конечно, это было до того, как меня послали учиться в школу ментатов. Она на многое открыла мне глаза! Оказалось, что я всегда был в поле зрения Общины Сестер! Я никогда не был свободным агентом».

— Даже тогда, когда произносил эти слова, — проговорил Тег.

— Именно так, — она взяла его за локоть, идя рядом с ним. — Все дети, которых ты зачал, принадлежали Бене Гессерит. Сестры не могли допустить, чтобы наши гены попали в дикий генетический пул.

— Даже если бы мое тело скормили Шайтану, гены все равно остались бы в распоряжении Бене Гессерит.

— В моем распоряжении, — поправила его Одраде, — ведь я — твоя дочь.

Он снова заставил ее остановиться.

— Я думаю, ты знаешь, кто была моя мать, — сказала она, предостерегающе подняв руку. — Имена произносить не обязательно.

Тег внимательно вгляделся в черты Одраде. Да, черты матери и дочери совпадают. Но что можно сказать о Луцилле?

Словно прочитав его мысли, Одраде сказала:

— Луцилла произошла от параллельной линии скрещивания. Замечательно, не правда ли, каких результатов можно добиться целенаправленной селекцией?

Тег откашлялся. Он не чувствовал никакой эмоциональной привязанности к своей невесть откуда взявшейся дочери. Прежде всего его внимания требовали ее слова и сигналы о ее задаче, которую она призвана здесь выполнить.

— Это не случайный разговор, — сказал он. — Это все, что ты должна была мне открыть? Мне помнится, что Верховная Мать сказала…

— Да, есть еще кое-что, — согласилась Одраде. —

Что касается манифеста, то его автор — я. Да, да, это я написала его. Я написала его по поручению Таразы и следуя ее подробным инструкциям.

Тег оглядел зал, словно опасаясь подслушивания, и заговорил, понизив голос почти до шепота:

— Тлейлаксианцы распространили его по всему миру!

— Именно на это мы и надеялись.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? Тараза сказала, что ты должна подготовить меня к…

— Скоро наступит время, когда ты должен будешь знать нашу цель. Это идея Таразы: она считает, что в тот момент ты должен будешь самостоятельно принять решение, то есть действительно стать свободным агентом.

Говоря это, Одраде увидела, что глаза Майлса подернулись дымкой размышляющего ментата.

Тег глубоко вздохнул. *Зависимость и ключевые бревна!* Чувство ментата подсказывало ему очертания какого-то гигантского паттерна, суть которого была ему недоступна из-за недостатка данных. Не было даже мимолетных сомнений в том, что все эти откровения вызваны отнюдь не чувством дочерней привязанности. Во всех воспитанницах Бене Гессерит преобладали чер-

ты склонности к основательности, догматизму и ритуалам. Одраде — его дочь из какой-то прошлой, почти забытой жизни, она была настоящей воплощенной Преподобной Матерью, полностью контролирующей свои мышцы и нервы и обладающей всей полнотой памяти своих предков по женской линии! Она была особью совершенно особого рода! Она знала о таких способах насилия, о каких не подозревает подавляющее большинство рода человеческого. Но это поразительное сходство, глубинная сущность все же оставались, и ментат всегда это видел.

Чего она хочет?

Подтверждения его отцовства? Она и так уже получила почти все доказательства, в которых нуждалась.

Наблюдая сейчас, как она ждет, когда он разберется со своими мыслями, он думал, что недалеки от истины те, кто утверждает, что Преподобные Матери уже не вполне принадлежат к человеческой расе. Они находятся где-то вне потока обычной жизни, может быть, следуют параллельным курсом, иногда ныряют в этот поток для достижения своих целей, но всегда отстраняются от остального человечества. Они всегда отстраняются. Это было идентификационной картой

любой Преподобной Матери, их сущностью, которая сближала их с Тираном в гораздо большей степени, чем с людьми, от которых они когда-то произошли.

Манипулирование. Вот их отличительная особенность. Они манипулируют всем и вся.

— Итак, я должен быть глазами Бене Гессерит, — сказал Тег. — Тараза хочет, чтобы я за всех вас принимал *человеческие* решения.

Одраде была явно довольна исходом разговора и сильно сжала руку Майлса.

— Какой у меня замечательный отец!

— У тебя и в самом деле есть отец? — спросил он и рассказал ей, что он думает по поводу отчужденности Бене Гессерит от рода человеческого.

— Отчужденность от рода человеческого? — повторила она. — Какая любопытная мысль. Гильд-навигаторы тоже не принадлежат к человеческой расе?

Он задумался. Гильд-навигаторы тоже отклонились в своем развитии от общепринятых человеческих форм. Они рождаются в космосе, всю жизнь проводят в кораблях, наполненных меланжевым газом, и от этого в их телах развиваются нарушения — изуродованные конечности, смещенные органы. Но до того момента, когда

навигатор вступает на свой профессиональный путь, он вполне может зачать нормального ребенка. Это было доказано. Они действительно теряют человеческий облик, но совсем не так, как Сестры Бене Гессерит.

— Навигаторы не являются вашими ментальными родственниками, — сказал он. — Они мыслят, как люди. Управление космическим кораблем даже с помощью предзнания для того, чтобы отыскать верный путь, не чуждо человеческому паттерну мышления.

— Ты не приемлешь наш паттерн?

— Приемлю, насколько это возможно, но в некоторых вещах вы выходите за рамки исходного большого паттерна. Мне кажется, что иногда вы совершенно сознательно заставляете вести себя подобно людям. Именно поэтому ты сейчас держишь меня за руку, словно ты и в самом деле моя дочь.

— Я действительно твоя дочь, но я удивлена тем, что ты так мало думаешь о нас.

— Совсем напротив: я стою здесь и преклоняюсь перед тобой.

— Перед своей собственной дочерью?

— Как перед любой Преподобной Матерью.

— Ты полагаешь, что я существую только для

того, чтобы манипулировать менее значительными людьми?

— Я думаю, что вы больше не испытываете настоящих человеческих чувств. В вас существует какой-то провал, вам чего-то недостает, у вас что-то отнято. Ты больше не одна из нас.

— Спасибо, — сказала Одраде. — Тараза предупреждала, что ты, не колеблясь, скажешь мне правду, но теперь я убедилась в этом сама.

— Для чего вы приготовили меня?

— Ты узнаешь об этом, когда оно произойдет; это все, что я могу сказать… все, что мне позволено сказать.

Опять манипулирование! — подумал он. *Будь они прокляты!*

Одраде откашлялась, прочистив горло. Казалось, она хотела сказать что-то еще, но промолчала, снова взяла отца под руку и повела его к выходу из зала.

Хотя она заранее знала, как Тег отреагирует на ее откровение, ей все равно было больно от его слов и мыслей. Она хотела сказать ему, что как раз она — одна из немногих, кто сохранил способность мыслить и чувствовать по-человечески, но в целом его суждение о Бене Гессерит было верным.

Нас научили отвергать любовь. Мы умеем симулировать ее, но каждая из нас может мгновенно разрушить ее.

Позади них раздался какой-то звук. Они остановились и обернулись. Из малого лифта вышли Луцилла и Тараза, спокойно обмениваясь впечатлениями о гхола.

— Ты абсолютно права, что обращаешься с ним, как с Сестрой, — говорила Тараза.

Тег слышал это, но не стал комментировать, ожидая приближения двух женщин.

Он знает, подумала Одраде. *Он не станет спрашивать меня о моей биологической матери. Не было связи, не было настоящего импринтинга. Да, он знает.*

Одраде закрыла глаза и перед ее мысленным взором возникла огромная картина, висевшая в утреннем кабинете Таразы. Картина была защищена герметической иксианской рамой и покрыта невидимым стеклом. Она часто становилась перед картиной и каждый раз ей казалось, что стоит только протянуть руку и коснешься древнего холста, покрытого новейшим иксианским материалом.

Домики Кордевиля.

Название картины, данное ей художником, и

имя самого художника значились на полированной дощечке, привинченной к нижнему краю рамы: *Винсент Ван Гог.*

Вещь была датирована временем столь древним, что лишь редчайшие остатки его в виде каких-то материальных памятников, подобных этой картине, дошли до нового времени сквозь века и тысячелетия. Одраде не раз силилась представить себе цепь событий, которые привели к появлению чудом сохранившейся картины в кабинете Таразы.

Иксианцы славились своим мастерством в области сохранения и реставрации древностей. Зритель мог нажать на темное пятно в нижнем левом углу рамы, и его сразу поглощало зрелище человеческого гения, гения не только художника — автора картины, но и того иксианца, который сохранил его работу. Это имя тоже значилось на раме — Мартин Буро. Как только человеческий палец касался пятна, тотчас же включался сенсорный проектор, который показывал изумленному зрителю весь процесс восстановления картины. Буро реставрировал не только картину, но и самого художника, который сотворил это чудо, он воссоздал чувства Ван Гога, которые тот испытывал, когда творил. Можно было проследить

нанесение каждого мазка кисти, отражавшего настроение и состояние души художника.

Одраде несколько раз смотрела все это чудесное представление от начала до конца. После этих просмотров ей казалось, что она сама смогла бы написать это полотно.

Она поняла, почему это воспоминание охватило ее сразу после обвинений Тега, поняла она и то, почему это древнее произведение так очаровало ее. Во время показа творения она чувствовала себя человеком, сознавая, что домики были местом, где некогда жили реальные люди, что то была живая цепь, остановленная на мгновение сумасшедшим Винсентом для того, чтобы выразить на холсте себя.

Луцилла и Тараза остановились в двух шагах от Одраде и Тега. От Таразы отчетливо пахло чесноком.

— Мы немного перекусили, — сказала Тараза. — Может быть, ты тоже хочешь поесть?

Вопрос был задан как нельзя более некстати. Одраде высвободила руку из руки Тега, быстро отвернулась и отерла глаза. Когда она снова повернулась к Тегу, то увидела в его взгляде удивление. *Да, да,* мысленно сказала она ему, *это настоящие слезы!*

— Мне кажется, что мы сделали здесь все, что было в наших силах, — сказала Тараза. — Тебе пора отправляться на Ракис, Дар.

— Давно пора, — ответила Одраде.

Жизнь сама по себе не изобретает способов своего поддержания, она не может быть источником достойных взаимоотношений до тех пор, пока каждый из нас не преисполнится решимости вдохнуть в нее эти качества.

Ченоу: «Беседы с Лето II»

Хедли Туэк, Верховный Священник Разделенного Бога, постепенно проникался все большей и большей ненавистью к Стиросу. Хотя последний был слишком стар, чтобы самому претендовать на кресло Верховного, у него были сыновья, внуки и многочисленные племянники. Стирос перенес свои личные амбиции на свое семейство. Какой циничный человек этот Стирос. Он представлял мощную клику священства, так называемое «научное сообщество» — чье влияние было малозаметным, но всепроникающим. Эта группа опасно клонилась к ереси.

Туэк напомнил себе, что не один Верховный Священник временами исчезал в Пустыне из-за нелепых стечений обстоятельств. Несчастные случаи. Стирос и его клика вполне могли быть организаторами таких «случаев».

В Кине наступил полдень. Раздосадованный Стирос только что покинул резиденцию Верхов-

ного Священника. Хитрый старик настаивал на том, чтобы Туэк лично отправился в Пустыню, чтобы наблюдать за общением Шианы с червем. Подозрительный Туэк отклонил это предложение.

Последовал странный спор, полный недомолвок и туманных намеков на поведение Шианы и словесных выпадов в адрес Бене Гессерит. Стирос всегда довольно настороженно относился к Общине Сестер и сразу невзлюбил нового коменданта Убежища на Ракисе, эту… как бишь ее? Ах да, Одраде. Странное имя, да и вообще, эти Сестры частенько выбирают себе очень странные имена. Такая уж у них привилегия. Конечно, Бог сам никогда не выражал своего отрицательного отношения к Бене Гессерит. Против отдельных Сестер — да, такое бывало, но в целом Община Сестер всегда разделяла Божий взгляд на мир и его устройство.

Туэку очень не нравилось, как Стирос говорил о Шиане. Слишком цинично. Верховный заставил Стироса замолчать с помощью слов Бога, которые пришли от Него самого в Святилище на высокий алтарь с изображением Разделенного Бога. С того места, где между двумя колоннами постоянно курилась меланжа, Туэк имел возможность непо-

средственно общаться с Богом, получая от него указания. Туэк знал, что с этого места его слова доходят прямо до Бога.

— Бог воздействует на нас с помощью современной Сионы, — сказал Туэк Стиросу, видя, как на лице старика отразилась растерянность. — Шиана — это живое напоминание о Сионе, живом человеческом инструменте, который переносит Его в настоящее Разделение.

Стирос пришел в ярость и высказал все, что он никогда не посмел бы повторить в присутствии остальных членов Совета. Но ярость копилась годами — Стирос слишком давно знал Туэка.

— Я говорю тебе, что она сидит здесь, окруженная взрослыми, которые стремятся угодить ей и…

— И Богу, — Туэк не мог допустить, чтобы это слово употребили всуе.

Склонившись к Верховному Священнику, Стирос злобно хрипел:

— Она находится в центре системы образования, которая функционирует с единственной целью: удовлетворить все ее запросы, которые только можно вообразить. Мы ни в чем ей не отказываем!

— И не должны.

Было такое впечатление, что Туэк вообще ничего не сказал. Стироса понесло.

— Кания снабдила ее записями из Дар-эс-Балата!

— Я — Книга Судьбы, — Туэк процитировал слова самого Бога, обнаруженные в записях Дар-эс-Балата.

— Вот именно, и она внимает каждому слову!

— Но почему это так тебя беспокоит? — как можно спокойнее спросил Туэк.

— Это не мы испытываем ее знание. Она испытывает наше!

— Должно быть, так угодно Богу.

Глаза Стироса сверкнули неописуемым гневом. Туэк, видя это, спокойно ждал, когда Стирос утишит свою злость и выскажет новые аргументы. Оснований для таких аргументов было больше чем достаточно — это Туэк сознавал и не собирался отрицать. Главное — это толкование аргументов. Но главным толкователем может быть только Верховный Священник. Несмотря на своеобразный взгляд священства на историю (а может быть, благодаря ему), жрецы хорошо знали, каким образом Бог обосновался на Ракисе. В распоряжении священников был Дар-эс-Балат и все, что там нашли археологи. Там находилось

первое в истории хранилище-невидимка. В течение тысячелетий, пока Шаи-Хулуд превращал цветущий Арракис в пустынный Ракис, сокровища Дар-эс-Балата ждали своего часа в глубине песков. В этом Святом Хранилище священники нашли живой голос Бога, его запечатленные слова и даже голографические снимки. Все получило свое объяснение, и теперь священники знали, что пустынная поверхность Ракиса воспроизвела тот ландшафт, который существовал на планете с времен Творения, в те времена, когда Арракис был единственным источником Священной Пряности во вселенной.

— Она задает много вопросов о Святом семействе, — продолжал Стирос. — Зачем она спрашивает о…

— Она проверяет нас. Отводим ли мы Им должные места? Преподобная Мать Джессика, сын ее Муад'Диб и его сын Лето II — это Святой Небесный Триумвират.

— Лето III, — буркнул Стирос. — Что-то все молчат о том Лето, который пал от рук сардаукаров. Что надо говорить о нем?

— Осторожно, Стирос, — предостерегающе произнес Туэк. — Ты же знаешь, что мой прапрадед обсуждал этот вопрос, сидя в этом же кресле. Наш

Разделенный Бог перевоплотился лишь одной своей частью, чтобы взойти на небеса. Та часть стала навеки безымянной, в то время как сущность Бога остается вовеки нетленной.

— О?

— В голосе старика слышался ужасный цинизм. Слова Стироса богохульственно звучали в воздухе, напоенном курениями, взывая к немедленному возмездию.

— Тогда зачем она спрашивает, каким образом наш Лето превратился в Разделенного Бога? — не унимался Стирос.

Стирос ставит под сомнение Священный Метаморфоз? Туэк был потрясен.

— Настанет время, и она просветит нас, — сказал он.

— Наши неуклюжие объяснения вызывают у нее недовольство, — с нескрываемым сарказмом заметил старый священник.

— Ты заходишь слишком далеко, Стирос!

— В самом деле? Ты думаешь, что просвещением можно назвать ее вопрос о том, каким образом песчаные форели инкапсулировали всю воду и снова превратили Ракис в пустыню?

Туэк попытался сдержать рвущийся наружу гнев. Стирос действительно представлял могуще-

ственную клику, но его тон и слова поднимали вопросы, на которые Верховные Священники уже давно ответили. Метаморфоз Лето II породил множество песчаных форелей, каждая из которых несла в себе частицу Его. От песчаных форелей к Разделенному Богу: такова была последовательность и ей поклонялись. Ставить эту последовательность под сомнение означало то же самое, что отрицать существование Бога.

— Ты сидишь здесь и ничего не делаешь! — возбужденно кричал Стирос. — А мы между тем пешки…

— Довольно! — Туэк услышал все, что хотел услышать в цинизме старика. Приняв вид оскорбленного достоинства, Туэк воспроизвел слова Бога.

— Твой Господь знает, что в твоем сердце. Твой дух соблазняет тебя и выступает против тебя. Мне не нужны свидетельства. Ты не слушаешь свою душу, но вместо этого слушаешь свою ярость и свой гнев.

Стирос ушел в полной растерянности.

По зрелом размышлении Туэк оделся в белую, расшитую золотом и пурпуром одежду и направился к Шиане.

Девочка находилась в это время в саду на кры-

ше храмового комплекса в обществе Кании и еще двух человек — молодого священника по имени Бальдик, личного помощника Туэка, и послушницы по имени Кипуна, поведение которой, по мнению Туэка, очень напоминало поведение Преподобной Матери из Бене Гессерит. Конечно, Община Сестер имела здесь своих шпионов, но Туэк не желал ничего знать об этом. Кипуна занималась физической подготовкой Шианы и между ними возникло товарищеское доверие, которое возбуждало ревность Кании. Но даже Кания не могла противиться распоряжениям Шианы.

Все четверо стояли возле каменной скамьи в тени вентиляционной башни. Кипуна держала девочку за руку и совершала какие-то манипуляции с ее пальцами. Туэк заметил, что Шиана заметно выросла. Шесть лет она живет в храме. Под одеждой обозначились выпуклости грудей. Стояла безветренная погода, и от жары Туэку было тяжело дышать.

Он оглядел крышу, чтобы убедиться, что выполнены все его распоряжения по безопасности. Никто не может знать, откуда придет опасность. Четверо гвардейцев храма, хорошо вооруженные, хотя оружие было надежно спрятано под одеждой, несли службу, стоя во всех четырех углах

сада. Парапет, окружавший сад, был высок, над его краем виднелись только головы охранников. Единственным зданием, превосходившим высотой храм, была башня ветровой ловушки Кина, которая располагалась в километре к западу от храма.

Несмотря на то что все меры безопасности были соблюдены, Туэк почувствовал какую-то опасность. Бог предупреждает его? Туэк все еще находился под тягостным впечатлением цинизма Стироса. Можно ли позволять Стиросу такое вольномыслие?

Шиана увидела приближающегося Туэка и прервала свои странные упражнения с пальцами, которые она выполняла под руководством Кипуны. Придав лицу выражение мудрого терпения, Шиана ждала, когда подойдет Верховный Священник, всем своим видом приказывая своему окружению следовать ее примеру.

Шиана нисколько не боялась Туэка. Больше того, она находила его довольно привлекательным, хотя многие его вопросы были путаными и неуклюжими. А какие он давал ответы! Совершенно случайно она открыла, что самым страшным для него вопросом был: «почему?».

Некоторые из молодых священников вслух

трактовали этот вопрос приблизительно так: «Почему вы верите в это?» Шиана немедленно взяла на вооружение этот прием и каждый раз задавала вопрос именно в такой форме:

— Почему вы верите в это?

Туэк остановился в двух шагах от группы и поклонился.

— Здравствуй, Шиана.

Он несколько раз повернул голову — тесный воротник одежды тер ему шею. Солнце палило немилосердно, и Туэк от души удивился тому, что ребенок предпочитает проводить время здесь, на крыше, где жара ощущалась сильнее всего.

Шиана испытующе посмотрела на Туэка. Она знала, что такой взгляд приводит Верховного в замешательство.

Туэк нервно откашлялся. Каждый раз, сталкиваясь с таким взглядом, он думал: «Может быть, это Бог смотрит на меня ее глазами?»

— Сегодня Шиана спрашивала о Говорящих Рыбах, — сказала Кания.

— Это собственная Священная Армия Бога, — елейным тоном ответил Туэк.

— И все солдаты и офицеры были женщины? — спросила Шиана. Она задала вопрос таким тоном, словно не могла в это поверить. Для людей

из низов ракисского общества само название Говорящие Рыбы было пустым звуком, неким термином, имевшим смысл во времена Великого Голода.

Она проверяет меня, подумал Туэк. Говорящие Рыбы. Современные носители этого звания имели на Ракисе одно шпионско-торговое представительство, где работали и мужчины, и женщины. Древнее предназначение не играло никакой роли в их теперешней деятельности. Как правило, они представляли интересы Икса.

— Мужчины всегда служили Говорящим Рыбам в качестве военных советников, — сказал Туэк, внимательно следя за реакцией Шианы.

— Тогда этими мужчинами всегда были Дунканы Айдахо, — вставила слово Кания.

— Да, конечно, это были Дунканы, — подтвердил Туэк, стараясь не морщиться. Эта женщина вечно его перебивает! Туэк не любил напоминаний об этом аспекте присутствия Бога на Ракисе. Повторное появление гхола и его положение в Священной Армии служили практически вечной индульгенцией для Бене Тлейлаксу. Нельзя было, однако, отрицать тот факт, что Говорящие Рыбы оберегали Дунканов, естественно, от лица Бога. Дунканы были священными, но это были люди

особого рода. Бог самолично убивал некоторых из Дунканов, направляя их, естественно, сразу на небеса.

— Кипуна рассказывала мне о Бене Гессерит, — сказала Шиана.

Какой острый ум у этого дитяти!

Туэк откашлялся, продемонстрировав свое двусмысленное отношение к Преподобным Матерям Бене Гессерит. Конечно, требовалось соблюдать определенный пиетет по отношению к «возлюбленным Господа» вроде блаженной Ченоу. Кроме того, первый из Верховных Священников создал историю о том, что Святая Хви Нори, невеста Бога, была Преподобной Матерью. Учитывая эти чрезвычайные обстоятельства, священники несли раздражавшую их ответственность перед Общиной Сестер, снабжая ее Пряностью по ценам в несколько раз ниже, чем тлейлаксианцы.

— Расскажите мне о Бене Гессерит, Хедли, — попросила Шиана самым бесхитростным тоном.

Туэк быстро взглянул на взрослых, стараясь понять, не смеются ли они над ним. Он не знал, как вести себя с Шианой, которая при всех назвала его по первому имени. С одной стороны, это было унижение, но с другой — девочка оказывала ему доверие такой интимностью.

Бог посылает мне тяжкие испытания, подумал Туэк.

— Преподобные Матери хорошие? — спросила Шиана.

Туэк вздохнул. Все записи говорят о том, что Бог берег своих Сестер. Слова Бога тщательно истолковывались и доставлялись для окончательного толкования Верховному Священнику. Бог не позволил Общине угрожать своему Золотому Пути, это было совершенно ясно.

— Среди них очень много хороших, — ответил Туэк.

— Где находится ближайшая Преподобная Мать? — продолжала спрашивать Шиана.

— В посольстве Общины в Кине, — ответил Туэк.

— Вы ее знаете?

— В Убежище Бене Гессерит много Преподобных Матерей Бене Гессерит, — сказал Туэк.

— Что такое Убежище?

— Так они называют свой дом здесь, в Кине.

— Но одна Преподобная Мать должна быть главной, вы ее знаете?

— Я знал ее предшественницу — Тамалейн. Теперь там новый комендант — Преподобная Мать Одраде.

— Какое смешное имя.

Туэк тоже так думал, но сказал другое:

— Один из моих историков говорил мне, что это современная форма имени Атрейдес.

Шиана задумалась над этим. *Атрейдес.* Это та самая семейка, которая вызвала к жизни Шайтана. До Атрейдесов здесь были только фримены и Шаи-Хулуд. Устное Предание, которое продолжало существовать среди простого народа, несмотря на запреты священников, перечисляло родословные самых значительных людей Ракиса. Вечерами Шиана часто слышала эти имена в своей родной деревне.

«Муад'Диб породил Тирана».

«Тиран породил Шайтана».

Было непохоже, что Шиана собирается оспаривать слова Туэка. Сегодня он выглядел очень усталым. Шиана не стала утомлять его лишними вопросами.

— Приведите ко мне эту Преподобную Мать Одраде.

Кипуна, прикрыв руками лицо, злорадно усмехнулась.

Потрясенный Туэк отступил назад. Как отнестись к такой просьбе? Даже Верховные Священники Ракиса не распоряжаются Сестрами

Бене Гессерит! Что будет, если Община откажет в просьбе? Может быть, предложить в обмен дар меланжи? Это будет расценено ими как слабость. Преподобные Матери умели торговаться! Не было больших мастеров поторговаться, чем Преподобные Матери с холодными глазами. Эта новая Мать — Одраде — выглядела в этом отношении хуже всех предыдущих.

Все эти мысли промелькнули в мозгу Туэка в одно мгновение.

В разговор вмешалась Кания, проявив при этом достаточный такт по отношению к Верховному Священнику.

— Может быть, Кипуна сможет передать Одраде наше приглашение?

Туэк метнул быстрый взгляд на молодую послушницу. Многие подозревали (и в их числе Кания), что Кипуна шпионит в пользу Бене Гессерит. Конечно, на Ракисе все шпионили в чью-то пользу. Улыбнувшись как можно лучезарнее, Туэк обратился к Кипуне.

— Вы знакомы с кем-нибудь из Преподобных Матерей, Кипуна?

— Некоторые из них мне известны, мой господин Верховный Священник, — ответила девушка.

По крайней мере она соблюдает формальные приличия!

— Отлично, — сказал Туэк, — так не соблаговолите ли вы передать любезное приглашение Шианы в посольство Общины Сестер?

— Я сделаю все, что в моих слабых силах, мой господин Верховный Священник.

— Я уверен, что вы это сделаете.

Кипуна с гордостью повернулась к Шиане — послушница была уверена, что справится с поручением. Просьбу Шианы было очень легко выполнить, тем более учитывая ту подготовку, которую Кипуна получила в Бене Гессерит. Кипуна улыбнулась и собралась заговорить, но в этот момент ее внимание привлекло какое-то движение в сорока метрах сзади от Шианы, у парапета. Что-то блеснуло в ярком солнечном свете. Что-то маленькое и…

Сдавленно вскрикнув, Кипуна схватила Шиану в охапку, передала ее Туэку и крикнула:

— Бегите!

С этими словами Кипуна бросилась к сверкнувшему невдалеке какому-то оптическому прибору, к которому тянулся тонкий провод шиги.

Когда-то в молодости Туэк неплохо играл в бэтбол. Он инстинктивно схватил Шиану, секун-

ду поколебался, потом осознал, откуда исходит опасность. Сграбастав визжащую девочку, он бросился в открытую дверь башни по винтовой лестнице. Туэк услышал, как позади захлопнулась дверь и по лестнице застучали каблуки догонявшей его Кании.

— Что это? Что это? — кричала девочка, колотя кулачками в широкую грудь священника.

— Тише, Шиана, тише, — ласково уговаривал девочку Туэк, остановившись на первой площадке. Парашют и подвеска позволяли быстро спуститься в подвал здания. Кания остановилась позади Туэка, едва поместившись в тесном пространстве.

— Эта штука убила Кипуну и двоих охранников, — выдохнула Кания. — Отрежьте их! Я их видела. Боже, сохрани нас!

Мозг Туэка заработал быстро и четко. Парашют и подвески были встроены в специальные шурфы в стенах башни. И то и другое может быть выведено из строя злоумышленниками. Нападение на крыше могло быть лишь частью разветвленного заговора.

— Отпустите меня! — кричала Шиана. — Что случилось?

Туэк поставил девочку на пол, но продолжал

крепко держать ее за руку. Он склонился к Шиане:

— Шиана, дорогая, кто-то пытался напасть на нас.

Рот девочки округлился в безмолвном крике.

— Они ранили Кипуну? — с трудом выговорила она.

Туэк посмотрел на дверь, ведущую на крышу. Кажется, слышен шум орнитоптера. Стирос! Заговорщики могли так легко увезти трех безоружных людей в Пустыню!

Кания наконец отдышалась.

— Я слышу орнитоптер, — сказала она. — Не пора ли нам убираться отсюда?

— Мы спустимся по лестнице, — приказал Туэк.

— Но…

— Делай, как я сказал!

Крепко держа за руку Шиану, Туэк двинулся вниз по лестнице, по направлению к следующей площадке. Кроме парашюта и подвески, с той площадки можно было попасть в огибающий зал. Оставалось всего несколько шагов до входа в апартаменты Шианы, когда-то его собственные апартаменты, но в этот момент Туэк снова заколебался.

— Что-то случилось на крыше, — прошептала Кания.

Туэк взглянул вниз, на притихшую в страхе девочку, ладони ее вспотели от волнения.

Да, на крыше творилось что-то невообразимое — шипели огнеметы, раздавались крики, топот множества ног. Распахнулась невидимая отсюда дверь на крышу. Туэк принял решение. Он рывком раскрыл дверь, ведущую в холл, и бросился туда, и тут же попал в окружение группы одетых в черное женщин. Осознав свое поражение, Туэк вдруг узнал одну из них. Одраде!

Кто-то вырвал Шиану из руки священника и переправил ее в гущу женщин. Прежде чем Туэк и Кания смогли произнести хотя бы слово, чьи-то руки заткнули им рты. Другие руки прижали их к стене. Несколько женщин выбежали из коридора на лестницу.

— Ребенок цел, а сейчас это самое важное, — прошептала Одраде и посмотрела в глаза Туэку. — Не вздумайте кричать.

Сильная рука перестала зажимать ему рот. Используя Голос, Одраде приказала:

— Расскажите, что произошло на крыше.

Туэк легко подчинился приказу без всяких возражений.

— Поисковый прибор тянул по крыше проволоку шиги. Он вполз на парапет. Кипуна увидела его и…

— Где Кипуна?

— Она мертва. Кания видела это, — и священник рассказал, как Кипуна храбро бросилась навстречу опасности.

Кипуна мертва! — подумала Одраде. Она подавила в себе гнев, вызванный этой потерей. Какая утрата! Можно восхищаться такой геройской смертью, но какая потеря! Общине всегда были нужны такие храбрость и преданность, но ей нужен был и генетический материал, который безвозвратно пропал по милости этих неуклюжих глупцов!

По знаку Одраде чья-то рука освободила рот Кании.

— Расскажи, что видела ты.

— Поисковый прибор захлестнул проволоку вокруг шеи Кипуны и… — Кания содрогнулась.

Наверху раздался глухой взрыв, потом все стихло. Одраде махнула рукой. Одетые в черное женщины встали вдоль круглой стены холла длинной цепочкой. Две молодые женщины с пронзительными живыми глазами остались возле Кании и Туэка. Шианы нигде не было видно.

— Где-то здесь находятся иксианцы, — сказала Одраде.

Туэк согласно кивнул. *Эта страшная проволока...*

— Куда вы увели ребенка? — спросил он.

— Мы защитим ее, будь спокоен, — ответила Одраде. Наклонив голову, она к чему-то прислушивалась.

Одетые в черное женщины вернулись, и одна из них что-то шепнула на ухо Одраде.

— Все кончено, — сказала она. — Пойдемте к Шиане.

Шиана сидела на мягких подушках кресла в главной комнате своей квартиры. Рядом с ней, охраняя девочку, стояли женщины в черном. Девочка, как показалось Туэку, вполне оправилась после нападения и бегства, но в глазах ее еще читались некоторое возбуждение и невысказанный вопрос. Внимание девочки было приковано к какому-то предмету справа от Туэка. Он остановился и повернул голову. Увидев этот предмет, он едва не задохнулся.

Странно скорчившееся мертвое тело мужчины лежало возле стены. Голова была вывернута вправо. В открытых глазах застыла пустота смерти.

Стирос!

Лохмотья одежды Стироса лежали рядом в полном беспорядке.

Туэк посмотрел на Одраде.

— Он был в этой одежде, — сказала женщина. — С иксианцами были лицеделы.

Священник попытался сглотнуть, настолько сухо стало у него в горле.

За спиной Туэка к телу Стироса проскользнула Кания. Туэк не мог видеть выражения ее лица, но ее присутствие напомнило ему, что между Стиросом и Канией что-то было много лет назад. Туэк инстинктивно встал между девочкой и мертвым телом.

Кания остановилась возле мертвеца только для того, чтобы пнуть его ногой…

— Я хотела только удостовериться, что он мертв, — сказала она.

Одраде оглядела своих товарищей.

— Уберите труп, — приказала она, потом перевела взгляд на Шиану. Наконец у нее появилась возможность лучше рассмотреть ребенка после того, как Сестры явились сюда, чтобы ликвидировать опасность нападения на крышу храмового комплекса.

Стоя за спиной Одраде, Туэк заговорил:

— Преподобная Мать, прошу вас, объясните

мне…

Одраде ответила, не обернувшись:

— Позже.

Во взгляде Шианы мелькнула радость.

— Я так и думала, что вы — Преподобная Мать!

В ответ Одраде просто кивнула. Какое очаровательное дитя. Сейчас Одраде испытывала такое же ощущение, какое охватывало ее, когда она стояла перед древней картиной в кабинете Тарази. Тот огонь, который возникал в душе Одраде при рассматривании картины, загорелся и сейчас. Дикое вдохновение! Это было послание от сумасшедшего Ван Гога. Хаос, превращающийся в порядок. Разве это не часть кодекса Общины Сестер?

Это дитя — мой холст, подумала Одраде. Она почувствовала в руке покалывание, словно ее пальцев коснулась древняя кисть. Ноздри ощутили запах масла и красок.

— Оставьте меня наедине с Шианой, — приказала Одраде. — Выйдите все.

Туэк начал было протестовать, но замолчал, когда одна из женщин схватила его за рукав и потащила к выходу. Одраде посмотрела на священника горящим взглядом.

— Сестры Бене Гессерит служили вам и прежде,

но на этот раз мы спасли ваши жизни.

Женщина снова потащила Туэка к выходу.

— Ответьте на его вопросы, но не здесь, — велела Одраде.

Кания шагнула к Преподобной Матери.

— Этот ребенок — мой…

— Уходи! — рявкнула Одраде во всю силу Голоса.

Кания застыла на месте.

— Вы едва не потеряли ее из-за горстки каких-то неумелых заговорщиков! — воскликнула Одраде, глядя на Канию горящим взглядом. — Мы подумаем, сможете ли вы в будущем общаться с Шианой.

Из глаз Кании потекли слезы, но Одраде была неумолима. Повернувшись, Кания вышла вместе с другими.

Одраде снова принялась внимательно изучать ребенка.

— Мы так долго ждали тебя, — сказала Преподобная Мать. — Больше мы никогда не позволим этим дуракам потерять тебя.

Закон всегда выбирает определенную сторону в основании укрепляющей силы. Мораль и правовая красота имеют очень мало общего с ответом на вопрос: «Кто же забил гвоздь?»

Протоколы Совета Бене Гессерит, архивный номер XOX232

Сразу же по отбытии Таразы и ее спутников с Гамму Тег с головой окунулся в работу. В Убежище пришлось ввести новый порядок соблюдения безопасности, при этом требовалось на пушечный выстрел не подпускать Швандью к гхола.

— Она может смотреть на все, что захочет, но не имеет права ни к чему прикасаться.

Несмотря на невероятную загруженность, Тег временами застывал на месте, уставившись в пространство невидящим взглядом. Спасение группы Таразы с корабля Гильдии и откровения Одраде не вписывались в классификацию данных, которую он создал для себя.

Зависимость… Ключевое бревно…

Тег сидел за своим рабочим столом, просматривая графики и расписания дежурств, когда на какое-то мгновение потерял всякую ориентацию в месте и времени. Потребовалась почти секунда, чтобы прийти в себя.

Утро. Тараза и ее свита отбыли два дня назад. Он остался один. Да, в этот день Патрин взял на себя обязанности по тренировке гхола, освободив Тега для принятия командирских решений.

Сейчас Тег воспринимал знакомый кабинет как совершенно чуждое себе пространство. Хотя, глядя на каждый элемент обстановки, он находил его знакомым. Вот консоль его персональных данных. Вот на спинке стула аккуратно висит его форменный китель. Он попытался переключиться в режим ментата, но ум сопротивлялся. Такого не случалось со времен обучения в школе.

Обучение в школе.

Тараза и Одраде заставили его в каком-то смысле вернуться к дням учения.

Аутотренинг.

Как о чем-то очень далеком, он вспомнил о давнем разговоре с Таразой. Как это было знакомо. Этот разговор тоже был здесь, надежно упрятанный в ловушку памяти.

Тогда он и Тараза чувствовали себя крайне измотанными после принятия решений по улаживанию кровавого конфликта — инцидента в Барандико. Для истории это была мелкая судорога, но тогда решение потребовало от них напряжения всех умственных и физических сил.

Тараза пригласила его в каюту своего корабля-невидимки после того, как на его борту было подписано соглашение о перемирии. Она говорила свободно, восхищаясь его прозорливости, умением использовать слабости сторон в поисках компромиссов.

Они не спали больше тридцати часов кряду, и Тег был просто счастлив посидеть в праздности и выпить густой коричневой жидкости из принесенного высокого стакана.

Тег сразу узнал запах, когда Тараза поднесла ему стакан. Это был прекрасный тонизирующий состав, которым Сестры Бене Гессерит редко угощали посторонних. Однако Тараза больше не считала его посторонним.

Запрокинув голову, Тег с наслаждением сделал глоток густого напитка, взглянув при этом на украшенный орнаментом потолок маленькой каюты. Это был старомодный корабль-невидимка, построенный в те времена, когда больше внимания уделяли декору — резным украшениям, барочным фигурам, вырезанным на каждой поверхности.

Вкус напитка вернул его во времена далекого детства, — то был крепкий настой меланжи…

— Моя мать всегда готовила для меня такой

напиток после тяжелых физических упражнений, — сказал он, рассматривая стакан. Тег уже чувствовал, как по его телу разливается живительное успокаивающее тепло.

Тараза, взяв свой стакан, устроилась на собаке в противоположном углу, эти пушистые создания удивительно хорошо гармонировали с самой хозяйкой, делали ее удивительно знакомой. Для Тега Тараза припасла традиционное, обтянутое зеленой кожей кресло, но она видела, как он неприязненно посмотрел на собаку, и улыбнулась.

— О вкусах не спорят, Майлс, — она отхлебнула из своего стакана и вздохнула. — Боже, как это было тяжело, но мы хорошо сделали эту работу. Был момент, когда казалось, что все пойдет прахом.

Тег был тронут ее спокойствием. Никакой позы, никакой маски на лице, никакого намека на разницу в их положении в иерархии Бене Гессерит. Она была полна дружелюбия без всякого намека на желание соблазнить. Это было то, чем и казалось, — такими должны быть все встречи с Преподобными Матерями.

С некоторым воодушевлением Тег подумал, что научился читать сокровенные чувства Альмы Мавис Таразы, даже если она наденет маску.

— Твоя мать научила тебя большему, чем ей предписывалось, — сказала Тараза. — Мудрая женщина, но немножко еретичка. Кажется, сейчас наша селекция не приводит к появлению других экземпляров.

— Еретичка? — Тега охватило негодование.

— Это шутка для узкого круга Бене Гессерит, — сказала Тараза. — Мы должны с абсолютной точностью следовать приказам Верховной Матери. И мы так поступаем, за исключением тех случаев, когда не соглашаемся с этими приказами.

Тег улыбнулся и сделал еще один большой глоток.

— Странно, — снова заговорила Тараза, — но пока мы занимались этим маленьким конфликтом, я ловила себя на мысли о том, что относилась к тебе как к одной из наших Сестер.

Тег чувствовал, как питье согревает желудок. В ноздрях появился щекочущий запах. Он поставил пустой стакан на столик и сказал:

— Моя старшая дочь…

— Должно быть, это Димела. Ты должен отдать ее нам, Майлс.

— Это не мое решение.

— Но одно твое слово… — Тараза пожала пле-

чами. — Ну ладно, что было, то прошло. Что с Димелой?

— Она часто думает, что я слишком похож на одну из вас.

— Слишком?

— Она очень верна мне, Верховная Мать. Она не понимает сути наших отношений и…

— А какие у нас отношения?

— Вы приказываете, а я подчиняюсь.

Тараза посмотрела на него поверх стакана. Потом поставила его на стол.

— Да, ты никогда не был еретиком, Майлс. Возможно, только изредка…

Он торопливо заговорил, стараясь отвлечь Тразу от подобных мыслей.

— Димела думает, что регулярное употребление меланжи делает людей похожими на вас.

— Разве это так? Разве не странно, Майлс, что гериатрические отвары имеют столько побочных эффектов?

— Я не нахожу это странным.

— Ты, конечно, нет, — она осушила стакан и окончательно отставила его. — Я поняла, что отработанный мною путь удлинения человеческой жизни у некоторых людей, например, у тебя, привел к усилению способности понимать

человеческую природу.

— Чем дольше живешь, тем больше наблюдаешь.

— Не думаю, что все так просто. Некоторые люди так и не обретают способности наблюдать. Для таких жизнь проходит, как некая данность. Они проявляют немного тупого упрямства и с яростью и негодованием отвергают все, что может вырвать их из фальшивой безмятежности.

— Мне никогда не удавалось составить приемлемый для меня баланс потребления Пряности, — сказал Тег, говоря о работе ментата по обработке данных.

Тараза кивнула. Очевидно, что она и сама сталкивалась с подобными трудностями.

— Мы — Сестры Общины придерживаемся одного пути в большей степени, чем ментаты, — сказала она. — У нас есть процедуры ухода с неправильного пути, но эта особенность остается.

— Наши предки в стародавние времена сталкивались с этой проблемой, — сказал он.

— До открытия Пряности все было по-другому, — ответила она.

— Но их жизнь была очень коротка.

— Пятьдесят, сто лет — нам кажется, что это не

очень много, но…

— Они успевали сделать больше за более короткое время, как бы прессуя его.

— Иногда они становились просто фанатиками времени.

Сейчас она делится с ним впечатлениями от прогулок по чужой памяти, догадался Тег. Не в первый раз сталкивался Майлс с этой способностью к познанию древности. Его мать черпала из кладезя памяти от случая к случаю, но каждый раз в виде урока. Тараза сейчас делает то же самое? Хочет его чему-то научить?

— Меланжа — это многорукое чудовище, — сказала Тараза.

— У вас никогда не возникает сожалений о том, что ее вообще открыли?

— Без Пряности не существовала бы Бене Гессерит.

— И Гильдия.

— Но не было бы и Тирана, и Муад'Диба. Пряность дает одной рукой и отбирает всеми другими.

— В какой же руке находится то, чего мы так сильно жаждем? — спросил он. — Не встает ли всегда этот проклятый вопрос?

— Ты есть некое отклонение от нормы, тебе

известно об этом, Майлс? Ментаты очень редко углубляются в недра философии. Думаю, что это одна из твоих сильных сторон. У тебя редкостный талант сомнения.

Он пожал плечами, такой поворот беседы начинал действовать ему на нервы.

— Ты нисколько не удивился, — сказала она. — Но ты держись за свои сомнения. Сомнение — необходимая черта философа.

— В этом нас уверяет Дзенсунни.

— В этом сходятся все мистики, Майлс. Не стоит недооценивать ценности сомнения. Это очень сильный побудительный мотив к размышлению. С'тори считает, что сомнение и уверенность — равные аргументы.

Непритворно удивленный Тег озадаченно спросил:

— Преподобные Матери практикуют Дзенсунни?

Такая мысль раньше никогда не приходила ему в голову.

— Только один раз, — ответила Тараза. — Мы достигаем тотального состояния с'тори. При этом в процесс вовлекается каждая клетка.

— Испытание Пряностью, — сказал Тег.

— Я была уверена, что твоя мать говорила тебе

об этом, — призналась Тараза. — Очевидно, она никогда не объясняла тебе сродство с Дзенсунни.

В горле у Тега возник ком, он с трудом сглотнул слюну. Очаровательно! Она позволила ему по-новому взглянуть на внутреннее устройство Бене Гессерит. Это изменило все его понятия и даже взгляд на собственную мать. Они были удалены от него на недосягаемое расстояние, куда он не мог последовать за ними. Они иногда думали о нем, как о соратнике, но он не мог быть допущен в узкий круг Сестер Бене Гессерит. Он мог только прикидываться своим, но не более того. Он никогда не станет таким, как Муад'Диб или Тиран.

— Предзнание, — произнесла Тараза.

Сказанное слово переключило внимание Тега. Она сменила тему разговора, не отклонившись при этом от сути.

— Я действительно думал о Муад'Дибе, — признался Тег.

— Ты думаешь, он умел предсказывать будущее? — сказала Тараза.

— Так учат ментатов.

— Я слышу сомнение в твоем голосе, Майлс. Он предсказывал или творил? Предзнание может быть смертельно опасным. Люди, которые требуют у оракула предсказаний, обычно хотят узнать

цены будущего года на китовый мех или что-то подобное. Никто из них не хочет, чтобы ему шаг за шагом предсказали развитие его собственной жизни.

— При этом не бывает никаких сюрпризов, — задумчиво произнес Майлс.

— Именно. Если человек вдруг обретет такую способность к такому предсказанию, то его жизнь станет невероятно скучной.

— Вы полагаете, что жизнь Муад'Диба была скучна?

— Да, как и жизнь Тирана. Мы думаем, что вся их жизнь была попыткой разорвать цепи, которые они сами создали.

— Но они верили…

— Помни о своих философских сомнениях, Майлс. Берегись! Ум верующего застаивается. Он не может вырастать в неограниченную, бесконечную вселенную.

Тег мгновение сидел молча. Он снова ощутил усталость, которая отступила под действием тонизирующего напитка. Мысли его были встревожены вторжением новых понятий. Ему говорили, что подобные вещи ослабляют ментатов, но он чувствовал, что они сделали его сильнее.

Она меня учит, подумал Тег. *Это урок, который*

я должен усвоить.

Внутренним взором Тег увидел слова, спроецированные на огненный экран его воображения. То были слова, которым его научили в школе. То было напутствие Дзенсунни:

Своей верой в гранулированную единичность ты отрицаешь всякое движение — эволюционное и деволюционное. Вера делает вселенную зернистой, фиксирует и делает устойчивой. Ничто не может изменяться, поскольку в этом случае созданная тобой вселенная просто перестает существовать. Но она движется сама по себе даже тогда, когда ты сам не движешься. Она развивается помимо тебя и становится недоступной для тебя.

— Самое странное во всем этом, — проговорила Тараза, вливаясь в настроение, самой ею созданное, — заключается в том, что даже ученые Икса не замечают, насколько их собственная вера господствует в их вселенной.

Глядя на Таразу во все глаза, Тег приготовился слушать.

— Вера иксианцев совершенно подчинена выбору, согласно которому они рассматривают свою вселенную, — заговорила Тараза. — Их вселенная не работает сама по себе, но действует согласно

тем экспериментам, которые они для этого отбирают сами.

Неожиданный толчок пробудил Тега от воспоминаний, и он снова оказался на Гамму в своем рабочем кабинете. Он все еще сидел в своем любимом кресле за знакомым столом. Он оглядел комнату и убедился в том, что никто не побывал здесь, пока он путешествовал по глубинам своей памяти. Прошло всего несколько минут, но комната уже не казалась ему чужой. Он мгновенно переключился в режим ментата. *Он восстановился.*

Тег до сих пор чувствовал во рту вкус питья, которым угостила его Тараза, а ноздри щекотал аромат густого напитка. Ментат мигнул, и Тег понял, что сейчас сможет включить всю сцену еще раз — приглушенный свет плавающих светильников, ощущение кресла под ним, звуки их голосов. Все можно было проиграть заново, все было заморожено в ячейке изолированной памяти.

Вызов той старой памяти создал магическую вселенную, в которой его способности были усилены за все мыслимые пределы. Ни один атом не мог существовать в этой волшебной вселенной, только волны и устрашающее своим масшта-

бом движение. Он был вынужден отбросить все барьеры, привитые ему воспитанием и верой. Эта вселенная была прозрачна. Он мог смотреть сквозь нее, не прибегая к помощи интерференционных экранов, на которые было принято проецировать формы мироздания. Магическая вселенная уменьшила в размерах его самого до крошечного воображаемого ядра, где его мнимые способности были только экраном, на котором он ощущал все проекции.

Стало быть, сейчас я одновременно являюсь тем, кто действует, и тем, на кого действуют!

Рабочий кабинет Майлса то сворачивался внутри, то разворачивался вовне чувственной реальности. Тег почувствовал, что его сознание сузилось для выполнения одной-единственной цели, однако эта цель заполнила всю его вселенную. Он был открыт для бесконечности.

Тараза сделала это намеренно, подумал Тег. *Она усилила меня!*

Теперь Тегу угрожало невероятное чувство благоговения. Он понял, откуда его дочь Одраде взяла силы для создания манифеста Атрейдесов для Таразы. В этом огромном паттерне его ментатские силы казались просто мизерными.

Тараза требовала от него страшного действия.

Нужда в таком действии одновременно ужасала его и бросала соблазнительный вызов. Все происходящее очень легко могло стать концом Общины Сестер.

Главное правило заключается в следующем: никогда не помогай слабому; всегда поддерживай сильного.

Кодекс Бене Гессерит

— Как вы можете приказывать священникам? — спросила Шиана. — Ведь они здесь у себя дома.

Одраде ответила небрежным тоном, но тщательно подбирая слова, чтобы не противоречить знаниям, которыми, как она понимала, обладает Шиана.

— Священники имеют фрименское происхождение. И Преподобные Матери всегда были здесь, рядом с ними. И, кроме того, дитя мое, ты и сама неплохо командуешь этими священниками.

— Это совсем другое дело.

Одраде подавила улыбку.

Прошло немногим более трех часов с тех пор, как ее команда отразила атаку на храмовый комплекс. За это время Одраде организовала в апартаментах Шианы командный пункт, произвела оценку обстановки и провела предварительное расследование, все это время не спуская глаз с девочки.

Одновременный поток.

Одраде обвела взглядом комнату, выбранную

под командный пункт. Рваная одежда Стироса до сих пор валялась возле стены. *Небрежность.* Комната имела довольно-таки странный вид. В ней не было попарно параллельных стен. Она принюхалась. В воздухе все еще стоял запах озона — след работы частотных щупов, с помощью которых ее люди обследовали помещение.

Но почему комната имеет такую странную форму? Здание было древнее, его много раз перестраивали и расширяли, но это не объясняло странную планировку. Грубая текстура штукатурки на стенах и потолке. По бокам дверных проемов занавески из волокон Пряности. Наступал вечер, и лучи заходящего солнца отбрасывали на стены полосатую тень, проникая сквозь ажурную решетку. Серебристые светильники, подвешенные под потолком, настроенные на длину лучей солнечного спектра. Приглушенные звуки улицы проникали в комнату сквозь вентиляционные отверстия под окнами. Мягкие оранжевые ковры и серая плитка пола говорили о богатстве и надежности. Но сейчас Одраде почему-то не чувствовала ни надежности, ни безопасности.

Из соседней комнаты, приспособленной под узел связи, вышла высокая Преподобная Мать.

— Мать-комендант, — сказала она, — посланы сообщения в Гильдию, на Икс и Тлейлаксу.

— Благодарю, — думая о другом, ответила Одраде.

Женщина вышла, вернувшись к своим обязанностям.

— Что вы делаете? — спросила Шиана.

— Кое-что изучаю.

В раздумье Одраде сжала губы.

Провожатые провели их по храмовому комплексу — по всему этому хитросплетению переходов, коридоров и лестниц, затем вывели к пневматическим транспортным трубам, по которым на подвесках доставили в другой переход, а там снова лестницы, коридоры… закругленный переход и… эта комната.

Одраде снова оглядела комнату.

— Почему вы так внимательно осматриваетесь?

— Ребенок, не мешай!

В плане комната представляла собой неправильный многоугольник, малая сторона находилась слева. Длина этой стены тридцать пять метров, то есть приблизительно в два раза меньше, чем длина противоположной стены. Вдоль стен расставлены многочисленные диваны и

кресла разной степени комфортабельности. Шиана сидела в роскошном королевском кресле ярко-желтого цвета с мягкими подлокотниками. Нет никаких кресел-собак. Много коричневой, синей и желтой тканевой обивки. Одраде внимательно посмотрела на решетку вентилятора, расположенного над горным пейзажем, висевшим на самой длинной стене.

— Раньше в этой комнате жил Хедли, — сказала Шиана.

— Зачем ты раздражаешь его, называя по первому имени, дитя? — спросила Одраде.

— Разве это раздражает его?

— Не играй со мной в словесные игры, дитя! Ты же прекрасно знаешь, что это его раздражает, и именно поэтому называешь его так.

— Тогда зачем вы об этом спрашиваете?

Одраде проигнорировала вопрос, продолжая тщательно рассматривать комнату. Стена, расположенная напротив картины, образовывала с наружной стеной косой угол. Вот теперь все понятно. Как умно! Комната была устроена таким образом, что каждое, даже произнесенное шепотом слово становилось слышным человеку, стоящему за решеткой вентилятора. Нет сомнений, что под картиной скрывалось другое

отверстие, сквозь которое улавливались звуки. Никакие снуперы и снифферы не уловят такого приспособления. Никакой прибор не подаст сигнал о присутствии подслушивающего или подсматривающего. Такое может обнаружить только человек, тренированный на обнаружении всяческих ловушек.

Одраде жестом подозвала к себе послушницу. Преподобная Мать движениями пальцев передала девушке целое послание. *Выясни, кто подслушивает нас, стоя за вентилятором.* Она кивнула в сторону вентиляционной решетки. *Пусть продолжает подслушивать. Нам надо узнать, кому они передают сведения.*

— Как вы узнали о том, что произошло, и успели спасти меня? — спросила Шиана.

У девочки прекрасный голос, который, впрочем, нуждается в дополнительной тренировке, подумала Одраде. В голосе была твердость, которую можно превратить в мощный инструмент.

— Ответьте мне, — потребовала Шиана.

Повелительный тон ошеломил Одраде, она почувствовала, как в ней закипает гнев, который пришлось подавить. Срочно необходима коррекция!

— Успокойся, девочка, — сказала Одраде. Она

произнесла эти слова высоким свистящим тоном, заметив, что это возымело действие.

И тут Шиана снова удивила Одраде.

— Это еще одна разновидность Голоса, — сказала девочка. — Кипуна рассказывала мне о Голосе. Вы просто пытаетесь меня успокоить.

Одраде резко повернулась и посмотрела Шиане прямо в глаза. Первый порыв горя прошел, но в голосе девочки послышалась злость, когда она произнесла имя Кипуны.

— Я очень занята, мне надо привести все в порядок после этого нападения, а ты меня отвлекаешь. Мне думается, что ты хочешь, чтобы мы наказали виновных.

— Что вы сделаете с ними? Скажите мне! Что вы собираетесь делать?

Какой на удивление мстительный ребенок, подумала Одраде. *Это надо подавить. Ненависть так же опасна, как и любовь. Способность к ненависти — это гарантия способности к ее противоположности.*

— Я направила послания Гильдии, на Икс и на Тлейлаксу. Сообщения, которые мы всегда посылаем, когда бываем раздражены. Три слова: «Вам придется платить».

— И чем они будут платить?

— Настоящее наказание, которое накладывает Бене Гессерит, разрабатывается. Они почувствуют последствия своего поведения.

— Как они будут платить?

— Со временем ты все узнаешь. Может быть, ты даже узнаешь, как именно мы придумываем наказание. Но сейчас тебе нет нужды этого знать.

Ответом на эти слова был угрюмый взгляд.

— Вы даже не разозлились. Вы только раздражены. Именно так вы сказали, — произнесла Шиана.

— Усмири свое нетерпение, дитя! Есть вещи, которые ты пока не понимаешь.

Из узла связи в комнату снова вошла Преподобная Мать и обратилась к Одраде:

— Капитул подтвердил получение вашего сообщения. Они одобряют ваши действия.

Преподобная не уходила.

— Что-то еще? — спросила Одраде.

Взгляд, который Преподобная Мать метнула на Шиану, выдал ее опасения. Одраде подняла кверху раскрытую ладонь, сигнал того, что надо общаться с помощью пальцев.

Волнуясь, связистка начала «говорить»:

Послание Таразы: движущая сила — Тлейлаксу. Заставь Гильдию дорого заплатить за их ме-

ланжу. Прекрати поставки меланжи с Ракиса. Страви Икс и Гильдию. Они выйдут из себя в условиях сокрушительной конкуренции со стороны Рассеяния. Пока не стоит обращать внимание на Говорящих Рыб. Они связаны с Иксом. Мастер Мастеров ответил нам с Тлейлаксу. Он направляется на Ракис. Захватите его.

Одраде мягко улыбнулась, давая знак, что все поняла, потом взглядом проводила женщину, вышедшую в соседнее помещение. Капитул не только одобрил ее действия, но и с поразительной быстротой разработал подходящее наказание в духе Бене Гессерит. Очевидно, Тараза и ее советницы предвидели такое развитие событий.

Одраде облегченно вздохнула. Ее послание в Капитул было кратким: отчет о нападении, список потерь среди Сестер, идентификация нападавших и подтверждение того, что Одраде уже послала требуемые предупреждения виновным: «Вам придется платить».

Да, теперь этим идиотам придется понять, какое осиное гнездо они растревожили. Это породит страх — самый главный элемент наказания.

Шиана съежилась на своем кресле. Ее поведение говорило о том, что она попытается испробовать новый подход.

— Одна из Сестер сказала, что здесь были лицеделы, — она вздернула подбородок, указав в сторону крыши.

Какой сосуд невежества эта девочка, подумала Одраде. *Эту пустоту придется заполнять.* Лицеделы! Одраде подумала о телах, которые они осмотрели. Тлейлаксианцы наконец-то выпустили на арену своих лицеделов. Конечно, для Бене Гессерит это было нешуточное испытание. Эти новые образцы было необычайно трудно распознавать. Но они все равно испускали запах своих врожденных феромонов. Эти сведения Одраде тоже отослала в Капитул.

Главная проблема заключалась в том, чтобы сохранить это открытие Бене Гессерит в тайне. Одраде поманила к себе девушку-послушницу. Указав на вентилятор, Преподобная Мать отдала безмолвный приказ:

Убей того, кто подслушивает!

— Ты слишком сильно интересуешься Голосом, дитя, — сказала Одраде, обращаясь к Шиане. — Гораздо более мощным инструментом является молчание. Вот что стоит изучить.

— Но я смогу научиться Голосу? Я так хочу это сделать!

— Я приказываю тебе молчать и учиться мол-

чанию.

— Я приказываю тебе научить меня Голосу!

Одраде вспомнила рапорты Кипуны. Шиана сама изучила Голос и успешно применяла его для воздействия на свое окружение. Это был средний уровень владения для ограниченной аудитории. Для Шианы это было вполне естественно. Туэк, Кания и другие отчаянно боялись девочку. Конечно, религиозные фантазии сыграли свою роль, но умение Шианы модулировать низкими и высокими звуками Голоса оказывало восхитительное, хотя и подсознательное действие на слушателей.

Ответ был очевиден для Одраде. Надо быть честной. Это самая лучшая приманка и может послужить множеству целей.

— Я здесь для того, чтобы научить тебя многим вещам, — сказала Одраде. — Но я буду делать это отнюдь не по твоей команде.

— Мне подчиняются все! — заявила Шиана.

Она еще не достигла зрелости, но уже находится на уровне аристократа, подумала Одраде. *О наши рукотворные Боги! Кем же может стать этот ребенок?*

Шиана соскользнула с кресла и встала, вопросительно глядя снизу вверх на Одраде. Глаза девочки находились на уровне плеч Преподоб-

ной Матери. Шиана обещала стать высокой, представительной женщиной, подходящей для командных должностей. Если, конечно, выживет.

— Вы ответили на одни мои вопросы, но не ответили на другие, — сказала Шиана. — Вы сказали, что давно ждали меня, но ничего не объяснили. Почему вы меня не слушаетесь?

— Это глупый вопрос, дитя.

— Почему вы все время меня так называете?

— Но разве ты не ребенок?

— У меня уже пришли менструации.

— Но все равно ты еще ребенок.

— Меня слушались священники.

— Они боятся тебя.

— А вы — нет?

— А я — нет.

— Хорошо, а то очень скучно, когда все вокруг тебя боятся.

— Священники думают, что ты явилась от Бога.

— Но вы так не думаете?

— Почему я должна так думать? Мы… — Одраде замолчала, когда в помещение вошла послушница. Пальцы послушницы быстро задвигались, передавая безмолвное сообщение: *«Подслушива-*

ли четыре священника. Они убиты. Все они были миньонами Туэка».

Махнув рукой, Одраде отпустила послушницу.

— Она говорила пальцами, — сказала Шиана. — Как она это делает?

— Ты задаешь очень много неуместных вопросов, дитя. К тому же ты так и не сказала мне, почему я должна считать, что ты явилась от Бога?

— Шайтан пощадил меня. Я выхожу в Пустыню и, когда Шайтан приходит, я разговариваю с ним.

— Почему ты называешь его Шайтан, а не Шаи-Хулуд?

— Все задают этот глупый вопрос!

— Так дай на него свой глупый ответ!

На лице Шианы появилось прежнее угрюмое выражение.

— Все из-за обстоятельств, при которых мы встретились.

— А при каких обстоятельствах вы встретились?

Шиана склонила голову набок и искоса взглянула на Одраде.

— Это тайна.

— А ты умеешь хранить тайны?

Шиана выпрямилась и кивнула, но Одраде уловила неуверенность в жесте девочки. Девочка понимала, что значит попасть в немыслимую ситуацию!

— Превосходно! — сказала Одраде. — Умение хранить тайну — это основа основ учения Преподобных Матерей. Я счастлива, что нам не придется мучиться с этой проблемой.

— Но я хочу научиться всему!

Какая обида прозвучала в ее голосе! Девочка не умеет контролировать свои эмоции.

— Вы должны научить меня всему, — упорствовала Шиана.

Настал момент для порки, решила Одраде. Шиана высказала и показала столько, что сейчас с ней сможет справиться даже послушница пятой ступени.

— Не говори со мной в таком тоне, дитя, — сказала Одраде во всю силу Голоса. — Не говори, если хочешь вообще чему-то научиться!

Шиана оцепенела. Приблизительно минуту она впитывала в себя впечатления сегодняшнего дня, потом расслабилась. Она улыбнулась, и на ее лице появилось теплое открытое выражение.

— О, как я счастлива, что вы пришли! Здесь в последнее время стало очень скучно.

Ничто не может превзойти сложностью человеческий разум.

Лето II: записки из Дар-эс-Балата

До наступления ночи, которая в этих широтах Гамму всегда наступает со зловещей стремительностью, оставалось около двух часов. Убежище пряталось в прохладе — на небо постепенно наползли облака. Дункан по распоряжению Луциллы занимался во внутреннем дворе физической самоподготовкой.

Преподобная Мать наблюдала за ним, стоя возле парапета, на том самом месте, с которого она впервые увидела мальчика.

Дункан передвигался по лужайке резкими скачками, отрабатывая последовательность из восьми элементов боевых искусств Бене Гессерит. Он изгибался, подпрыгивал, перекатывался по траве, вскакивал и снова падал, кувыркался и перемещался из стороны в сторону.

Это было прекрасное показательное выступление. Не было ни одного предсказуемого движения и выполнялись они с головокружительной быстротой. Мальчику только что исполнилось шестнадцать стандартных лет и пора было приобщать его к прана-бинду.

Поразительное владение телом говорило о

многом! Он очень быстро понял, что от него требуется, когда Луцилла впервые велела ему проводить эти вечерние занятия. Первая часть задания, полученного от Таразы, была, таким образом, выполнена. Гхола полюбил ее, в этом не было никаких сомнений. Она стала для него родной матерью. Причем достичь этого удалось, не ослабив юношу, хотя Тег очень волновался по этому поводу.

Моя тень распростерлась над гхола, но он не проситель и не зависимый последователь, уверила себя Луцилла. *Опасения Тега совершенно напрасны.*

Только сегодня утром она сказала Тегу: «Каковы бы ни были сейчас его силы, он совершенно свободно выражает свои чувства».

Тег должен увидеть его прямо сейчас, подумала Луцилла. Многие из трюков, которые выполнял сейчас Дункан, были плодом его собственного творчества.

Преподобная Мать едва удержала вздох восхищения при особенно удачном броске, после которого Дункан оказался практически в центре двора. Гхола достиг такого совершенства в достижении нервно-мышечного равновесия, что скоро достигнет и психологического равновесия,

соперничая в этом с самим Тегом. Культурное воздействие этого достижения сможет поразить воображение. Стоит посмотреть на всех тех, кто инстинктивно отдавал должное Тегу и через него Общине Сестер.

За то, что мы научились это делать, надо сказать спасибо Тирану, подумала она.

До Лето II не существовало распространенной системы культурного регулирования для достижения баланса, который Бене Гессерит всегда считал идеальным. То было равновесие — *скольжение по острию меча* — сам принцип которого восхищал Луциллу. Именно из-за этого восхищения она дала втянуть себя в осуществление проекта, целостный замысел которого был ей неизвестен. Этот проект требовал от нее проведения еще одного мероприятия, которое вызывало у нее инстинктивное чувство протеста.

Дункан еще так молод!

Следующим шагом, который она должна была сделать по приказу Общины Сестер, было завуалированно сформулировано Таразой: *Образование Сексуального Впечатления.* Только сегодня утром, стоя у зеркала, обнаженная Луцилла отработала мимику и движения, которые ей придется использовать для того, чтобы выполнить приказ

Таразы. Искусственно меняя позы, Луцилла вдруг ощутила себя доисторической богиней любви — обильная плоть и обещание мягкости и ласки для жесткого мужского естества, которое войдет в ее лоно.

Во время обучения Луцилла видела статуэтки Первых Времен, маленькие каменные фигурки женщин с толстыми бедрами и обвислыми грудями, которые обещали много молока будущему младенцу. По своему желанию Луцилла могла, возвратив юность, симулировать такие формы.

Тем временем Дункан остановился на мгновение, обдумывая следующее упражнение. Приняв решение, он кивнул, подпрыгнул вверх, перевернулся в воздухе и приземлился, как горный козел, на одну ногу, потом дугой развернулся в движении, которое больше напоминало танец, нежели боевой бросок.

Решившись, Луцилла плотно сжала губы.

Сексуальное Впечатление.

Тайна секса вовсе не является тайной, подумала она. *Корни его накрепко связаны с самой жизнью.* Это объясняло, почему лицо первого мужчины, которого она соблазнила по приказу Общины, до сих пор запечатлено перед ее внутренним взором. Селекционные Куртизанки сказали ей,

что они ожидали именно этого и нисколько этим не встревожены. Но сама Луцилла отчетливо поняла, что Сексуальное Впечатление — это обоюдоострый меч. Ты можешь научиться скользить по острию меча, но он может разрезать тебя. Иногда, когда лицо того соблазненного мужчины внезапно появлялось в памяти, Луцилла чувствовала себя смущенной и беспомощной. Эта память являлась так часто в самые интимные моменты близости с другими, что Луцилле стоило большого труда не выдать ее.

— Эти переживания укрепляют тебя, — уверяли Селекционные Куртизанки.

Правда, иногда бывали моменты, когда она чувствовала, что приземляет то, что должно оставаться великим таинством.

При мысли о том, что ей предстоит сделать, Преподобную охватила боль. Такие вечера, когда она наблюдала за упражнениями Дункана, были самыми любимыми в нынешней жизни Луциллы. Рост мышечной массы у парня сочетался с усилением нервно-мышечных связей, что и являлось чудом прана-бинду, которым так славились воспитанницы Бене Гессерит. Следующий шаг надо было совершить, сделать это могла только она, поэтому надо было решаться и выходить из

состояния задумчивой созерцательности.

Сейчас должен прийти Тег, подумала Луцилла. Он всегда приходил в это время и уводил мальчика в тренировочный зал, где для упражнений было приготовлено куда более смертоносное оружие.

Тег.

Вспомнив о нем, Луцилла в который раз поразилась этому человеку. Он привлекал ее, и это влечение она распознала мгновенно. Тот, кто занимался сексуальным импринтингом Луциллы, видимо, получал удовольствие, допустив некоторую широту ее впечатления, — она могла выбирать партнеров из некоторого множества, притом что она не имела опыта сексуального общения и не получала на этот счет никаких приказов. Тег был стар, но, судя по его досье, оставался полноценным мужчиной. Конечно, она не сможет зачать и выносить ребенка, но уж с этим-то она как-нибудь справится.

Почему нет? — спросила она себя.

План ее был до крайности прост. Завершить выполнение сексуального импринтинга с гхола, а потом испросить разрешения Таразы на зачатие ребенка от доблестного Майлса Тега. Требовалось предварительное искушение, которому Майлс

против ожидания не поддался. Циничный ум ментата сыграл свою роль, и Луцилла получила отказ, когда заговорила с Тегом в раздевалке Оружейной Комнаты.

— Мое селекционное время давно истекло, Луцилла. Община Сестер может быть довольна тем, что я уже дал ей.

Тег, одетый в черный обтягивающий леопардовый костюм, вытер потное лицо полотенцем и произнес, не глядя в сторону Преподобной Матери:

— Вы не будете так любезны оставить меня одного?

Как он сумел разгадать ее предварительную игру?

Впрочем, этого надо было ожидать, зная, кто такой Тег. Однако Луцилла знала, что возможность соблазнить его остается. Ни одна Преподобная Мать с ее подготовкой не может потерпеть неудачу на этом поприще. Ее не остановит даже ментат с уровнем подготовки Тега.

Луцилла мгновение постояла в нерешительности, обдумывая, как можно обойти этот предварительный отказ. Что-то остановило ее. Это был не гнев и даже не осознание возможности того, что и впоследствии он разгадает ее хитрость и

она снова получит отказ. Гордость и урон, который этот отказ сможет причинить ей, не играли никакой роли в чувствах Луциллы.

Достоинство.

В Теге было спокойное достоинство, и кроме того, сама Луцилла знала о его храбрости и доблести, которые Майлс поставил на службу Бене Гессерит. Не понимая до конца, что, собственно говоря, ею двигало, Луцилла в тот раз покинула Тега. Возможно, она преисполнилась чувства благодарности, которую испытывала по отношению к нему Община Сестер. Соблазнить Тега сейчас было бы унижением не только и не столько для него, сколько для нее самой. Она не могла, не имела права этого сделать, если, конечно, не получит прямой приказ Верховной Матери.

Луцилла стояла у парапета, и эти мысли отвлекли ее от происходящего. В дверях, ведущих из Оружейного Крыла, произошло какое-то движение. Наверное, это Тег. Луцилла вспомнила о своих обязанностях и снова обратила все свое внимание на Дункана. Гхола тем временем прекратил свои упражнения и неподвижно стоял посреди двора. Мальчик тяжело дышал, глядя снизу на Луциллу. Она видела его вспотевшее лицо и пятна пота, проступившие на светло-синем

спортивном костюме.

Облокотившись на парапет, она обратилась к юноше:

— Очень хорошо, Дункан. Завтра я научу тебя новым комбинациям.

Эти слова вырвались у нее без всякого контроля, и она прекрасно понимала, почему их произнесла и для кого они предназначались. Она говорила эти слова только для Тега, который появился в проходе, а не для гхола. Этими словами она как бы говорила Тегу: «Смотри, не только ты можешь обучать мальчика смертельным приемам».

При этом Луцилла понимала, что Тег проник в глубины ее души гораздо глубже, чем она могла это допустить. Нахмурившись, она мрачно посмотрела на высокую фигуру, выходящую из перехода. Дункан уже бежал к башару.

Но стоило только Луцилле приглядеться к Тегу, как отработанные рефлексы Бене Гессерит тотчас сказали ей, что что-то не так. Ее окатила горячая волна. В тонкостях можно было разбираться потом, а сейчас надо было действовать. *Что-то действительно не так! Опасность! Это не Тег!* Луцилла отреагировала мгновенно. Во всю силу Голоса она закричала Дункану:

– Дункан! Падай!

Дункан молниеносно распростерся на траве, глядя на вышедшую из Оружейного Крыла фигуру. В руках человека было полевое лазерное ружье.

Лицедел, подумала Луцилла. Как ей помогла повышенная бдительность и готовность. Этот, видимо, из новых!

— Лицедел! — крикнула Преподобная Мать.

Дункан метнулся в сторону, взлетел вверх почти на метр, перевернулся в воздухе и кинулся вперед. Скорость его реакции поразила Луциллу. Она еще ни разу не видела человека, который имел бы такие рефлексы. Первый выстрел попал ниже Дункана, который буквально парил в воздухе.

Луцилла спрыгнула с парапета и ухватилась за ручку окна нижнего этажа. Правой рукой она нащупала рукоятку крана пожарного шланга, который, как она знала, находится здесь. Тело ее выгнулось дугой, когда она перепрыгнула на подоконник следующего уровня. Отчаяние придало ей сил, хотя она понимала, что они оба обречены. Слишком поздно.

Над ее головой раздался какой-то скрежет. Луцилла заметила раскаленную дугу, ударившую в стену ниже парапета. Она кинулась влево, потом

спрыгнула вниз, упав на траву, внезапно увидев все происходящее сразу, как это бывает с людьми, которые действуют за пределами обычных человеческих сил.

Дункан летел навстречу нападающему, делая резкие движения в стороны и затрудняя атакующему прицеливание. Это было устрашающее повторение его упражнений. Но какова скорость!

Луцилла заметила нерешительность на лице поддельного Тега.

Она метнулась к лицеделу, буквально чувствуя, что сейчас думает эта тварь: *Они оба охотятся за мной!*

Однако поражение было неминуемым, и Луцилла знала это, когда бросилась навстречу незваному пришельцу. Лицеделу стоило только включить огонь на самую большую мощность и поразить цель на самом близком расстоянии. Он мог просто прошить огнем пространство перед собой, большего не требовалось. Луцилла двигалась вперед, тщетно придумывая, как убить лицедела, когда вдруг увидела, как из груди лже-Тега повалил красноватый дым. Красные точки чередой прошли по руке, которая держала ружье. Плечо отвалилось, и из сустава брызнула кровь.

Фигура остановилась и рассыпалась в облаках красного дыма. Остались только куски обгорелого мяса, запятнанные кровью.

Луцилла отчетливо почувствовала запах феромонов лицедела. Дункан остановился рядом с ней, глядя куда-то за мертвое тело, лежавшее в проходе.

Вслед за первым Тегом появился второй. На этот раз Луцилла поняла, что это настоящий Майлс.

— Это башар, — сказал Дункан.

Луцилла ощутила радость от того, что мальчик оказался таким способным — он может отличать друзей от врагов, даже если от последних остаются только куски. Она указала на мертвого лицедела:

— Понюхай его.

Дункан втянул носом воздух.

— Да, я знаю этот запах. Я понял, кто это, одновременно с вами.

Тег спустился во двор, держа за цевье лазерное ружье и не отпуская пальцем гашетку. Осмотрев двор, он посмотрел на Дункана, потом на Луциллу.

— Отведи Дункана внутрь, — сказал Тег.

Это был приказ боевого командира, содержание его зависело только от оценки обстановки

и знания того, что надо делать в таких обстоятельствах. Луцилла без колебаний подчинилась приказу.

Дункан не произнес ни слова, пока вел их за руки мимо горелого мяса, которое только что было лицеделом, в свои апартаменты в Оружейном Крыле. Оказавшись в доме, он оглянулся на какую-то мокрую кучу и спросил:

— Кто его сюда пустил?

От внимания Луциллы не укрылось, что Тег спросил именно так, а не: «Как он сюда попал?» Дункан сквозь все несообразности тоже видел суть проблемы.

В спальне Тега пахло горелым мясом и дымом, который, впрочем, не мог одолеть густой смрад барбекю, столь ненавистный Луцилле. Обжаренная человеческая плоть! На полу лицом вниз лежал труп человека, одетого в форму Тега.

Майлс носком ботинка перевернул труп лицом вверх — на лице покойника навеки застыла усмешка. Луцилла узнала одного из охранников периметра, охранника, который прибыл вместе с Швандью. Во всяком случае, так было записано в служебном журнале Убежища.

— Их шпион, — сказал Тег. — Им занимался Патрин. Мы выдали парню мою форму. Этого

оказалось достаточно, чтобы их одурачить, потому что мы не дали им возможности увидеть его лица до атаки. Так что Запечатление оказалось невозможным.

— Ты знал об этом? — Луцилла была поражена.

— Беллонда пишет очень точные донесения!

Внезапно до Луциллы полностью дошло значение того, что сказал Тег. Она почувствовала, как гнев хватает ее за волосы.

— Как ты допустил, что они проникли во двор?

Майлс ответил очень миролюбиво:

— Все произошло так неожиданно. Мне пришлось делать выбор и, как видишь, он оказался правильным.

Она даже не пыталась скрыть злость.

— Выбор оставить Дункана предоставленным самому себе?

— Оставить его на твое попечение или допустить, чтобы внутрь прошли и остальные нападавшие. Мы с Патрином тоже не очень веселились, очищая от них Оружейное Крыло. У нас было полно дел. — Тег взглянул на Дункана. — Кстати, благодаря нашим тренировкам он великолепно выдержал это испытание.

— Оно… оно едва не погубило его!

— Луцилла! — Тег покачал головой. — Я все хо-

рошо рассчитал. Вы вдвоем могли продержаться одну-две минуты. Я знал, что ты попытаешься перекрыть дорогу этой твари и ценой собственной жизни спасти Дункана — это еще двадцать секунд.

При этих словах Тега Дункан поднял на Луциллу сверкающий взгляд.

— Вы бы действительно это сделали?

Луцилла промолчала, и за нее ответил Тег:

— Она просто обязана была это сделать.

Преподобная Мать не стала протестовать. Против воли она вспомнила, с какой головокружительной быстротой двигался Дункан в момент опасности.

— Это было решение для данной боевой обстановки, — сказал Тег.

Луцилла приняла его. Как всегда, Тег сделал правильный выбор. Как бы то ни было, Луцилла знала и еще кое-что — ей придется обо всем доложить Таразе. Ускорение приобщения к прана-бинду у этого гхола вышло за рамки того, что они ожидали. Луцилла напряглась, когда увидела, как выпрямился Тег, приняв боевую стойку. Женщина стремительно обернулась.

В дверях стояла Швандью, рядом с ней Патрин. В руках у старого воина было лазерное ружье,

нацеленное на Швандью.

— Она очень настаивала, — извиняющимся тоном произнес Патрин, хотя на лице его был явно написан сильный гнев.

— В проходе южной колоннады цепочка тел, — сказала Швандью. — Ваши люди не позволили мне выйти, чтобы осмотреть место происшествия. Я приказываю вам немедленно отменить это решение.

— Я не отменю его до тех пор, пока все трупы не будут убраны, — ответил Тег.

— Там все еще убивают людей! Я же слышу! — в голосе Швандью появился яд. Она уставила пылающий взор на Луциллу.

— Мы не только убиваем, мы еще и допрашиваем, — пояснил Тег.

Швандью посмотрела на него.

— Дела могут принять слишком опасный поворот. Этого… ребенка надо препроводить в мои апартаменты.

— Мы не сделаем этого, — отрезал Тег. Голос был негромким, но тон очень решительным.

Швандью оцепенела от злости. У Патрина, сжимавшего приклад ружья, побелели костяшки пальцев. Швандью скользнула взглядом по оружию, потом снова посмотрела на Луциллу

оценивающим взглядом. Две женщины смотрели теперь в глаза друг другу.

Тег позволил этой сцене немного затянуться, потом скомандовал:

— Луцилла, отведи Дункана в мою гостиную, — он повернул голову назад, в сторону двери.

Луцилла подчинилась, демонстративно держась позади Дункана, словно закрывая его от Швандью своим телом.

Уже оказавшись за дверью, Дункан сказал Луцилле:

— Она и сейчас едва не назвала меня гхола. Швандью очень расстроена.

— Швандью позволила этим тварям проскользнуть мимо ее охраны, — сказала Луцилла.

Она окинула взглядом гостиную Тега: убежище башара. Гостиная напомнила ей ее собственные апартаменты. Та же смесь строгости и полного беспорядка. Катушки с записями для чтения были стопкой сложены на небольшом столике, возле которого стояло старомодное кресло, обтянутое серой обивкой. Читающее устройство было отодвинуто в сторону так, словно его пользователь только что встал из-за стола, намереваясь скоро вернуться. На другое кресло была небрежно брошена черная форма башара, на кителе стояла

маленькая коробочка с иголками и нитками. Обшлаг рукава был тщательно заштопан.

Значит, он ухаживает за собой сам.

Это был неизвестный ей аспект частной жизни Майлса Тега. Если бы она знала об этом раньше, то сказала бы, что работу денщика должен исполнять Патрин.

— Швандью сама впустила сюда нападавших, не так ли? — спросил Дункан.

— Это сделали ее люди, — Луцилла не считала нужным скрывать гнев. Она слишком далеко зашла. Заключить пакт с Тлейлаксу!

— Патрин убьет ее?

— Этого я не знаю и не желаю знать!

Между тем Швандью разразилась гневной тирадой:

— Мы собираемся сидеть здесь и ждать, сложа руки, башар?

— Вы можете выйти отсюда в любой момент, — послышался голос Тега.

— Но меня не пускают в южный туннель!

В голосе Швандью прозвучали обида и раздражение. Луцилла понимала, что старуха говорит так вполне намеренно. Что она задумала? Тегу стоит поостеречься. Он, конечно, проявил недюжинный ум, поняв, где были прорехи в охране, но

он не может знать всех уловок, которыми располагает Швандью. Луцилла уже подумывала над тем, чтобы оставить здесь Дункана и вернуться к Тегу.

В это время он снова заговорил:

— Вы можете, конечно, выйти отсюда, но я не советую вам возвращаться в свои апартаменты.

— Почему? — удивленно спросила Швандью. Это удивление было неподдельным, старуха просто не сумела его скрыть.

— Один момент, — извинился Тег.

В отдалении послышались какие-то крики, потом раздался тяжелый глухой удар, потом еще один. Там что-то взорвалось. Сквозь притолоку двери гостиной Тега посыпалась пыль.

— Что это? — излишне громко осведомилась Швандью.

Луцилла встала между стеной и Дунканом.

Мальчик посмотрел на дверь и изготовился к защите.

— Первый взрыв — это то, чего я и ожидал, — ответил Тег. — Но боюсь, что второго взрыва не ожидали *они.*

Раздался пронзительный свист, заглушивший слова Швандью.

— Вот оно, башар, — сказал Патрин.

— Что случилось? — требовательно спросила Швандью.

— Первый взрыв, дорогая Преподобная Мать, был произведен атакующими и уничтожил ваши апартаменты, а второй взрыв произвели мы, уничтожив самих атакующих.

— Я только что получил сигнал, башар, — снова заговорил Патрин. — Мы уничтожили их всех. Они спустились на планету на челноке, выпущенном с корабля-невидимки, как вы и ожидали.

— С корабля? — зло спросил Тег.

— Его уничтожили, как только он прошел искривление пространства. Никто не уцелел.

— Вы идиоты! — вспылила Швандью. — Вы хоть понимаете, что вы натворили?

— Я выполняю приказ охранять мальчика от любого нападения, — сказал Тег. — Кстати, предполагалось, что вы в этот час будете находиться в своих апартаментах.

— Что?

— Они охотились на вас, когда взорвали ваши комнаты. Тлейлаксу очень опасен, Преподобная Мать.

— Я вам не верю!

— Советую вам посмотреть. Патрин, проводи.

Слушая этот спор, Луцилла слышала не только

слова, но и то, что за ними скрывалось. В этой перепалке она больше доверяла башару, и это наполняло ее отчаянием. Это было умно — сказать, что ее апартаменты уничтожены. Тег не зря называется ментатом. Однако Швандью может не поверить и не попасться на приготовленный крючок. Самое главное, что может произойти, — это то, что Швандью поймет, что и Тег, и Луцилла осознают участие престарелой Преподобной Матери в атаке на Убежище. Никаких признаков, что это понимают другие, пока не видно. Хотя, Патрин, конечно, понимает все.

Дункан, напряженно склонив голову, прислушивался к тому, что происходит за закрытой дверью. На его лице было написано такое любопытство, словно он мог видеть сквозь стены и наблюдать за людьми в соседней комнате.

Швандью полностью овладела собой и заговорила совершенно спокойным тоном:

— Я не верю, что взорваны мои апартаменты, — это было сказано специально для Луциллы.

— Есть только один способ в этом удостовериться, — сказал Тег.

Умно! — подумала Луцилла. Швандью ни за что не примет дальнейших решений, пока не удостоверится в измене Тлейлаксу.

— Тогда вы будете ожидать меня здесь! Это приказ, — послышался шелест накидки Швандью, вышедшей из комнаты.

Она очень плохо контролирует свои эмоции, подумала Луцилла. Но что открылось при этом Тегу? Это тоже очень взволновало Луциллу. *Он сделал это для нее!* Тег решил вывести Преподобную Мать из равновесия.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Тег.

— Быстро! — скомандовал он. — Мы должны покинуть Убежище до того, как она вернется.

— Покинуть Убежище? — женщина даже не пыталась скрыть, насколько она потрясена.

— Быстро, я сказал! Патрин уже расчистил путь для нас.

— Но я должна…

— Ничего ты не должна! Иди в чем есть. Следуй за мной или я буду вынужден применить силу.

— Ты что, и в самом деле думаешь, что сможешь… — Луцилла осеклась. Перед ней стоял совершенно незнакомый ей Тег. Она поняла, что он не стал бы угрожать, если бы не был уверен, что приведет в действие свою угрозу.

— Ну хорошо, — она взяла за руку Дункана и последовала за Тегом.

Патрин, глядя направо, стоял в коридоре.

— Она ушла, — сказал старый ординарец и посмотрел на Майлса. — Вы знаете, что надо делать, башар?

— Пат!

Луцилла никогда не слышала, как Тег запросто обращается к своему старому боевому товарищу.

Патрин улыбнулся белозубой улыбкой.

— Простите, башар. Вы понимаете, я волнуюсь. Оставляю вас, у меня есть своя роль, которую я постараюсь достойно сыграть.

Тег жестом поманил Луциллу и Дункана направо. Она подчинилась и повела за собой мальчика. Она почувствовала, что рука Дункана стала мокрой от пота. Он высвободил ладонь и пошел рядом с Преподобной Матерью, не оглядываясь назад.

Подвеска возле шахты лифта охранялась двумя доверенными людьми Тега. Он кивнул им.

— Нас не преследуют.

— Вам направо, башар.

Входя в кабину вслед за Тегом, Луцилла поняла, что выбрала сторону в споре двух сторон, мотивы которых были ей не вполне ясны. Она чувствовала себя так, будто политика Общины Сестер, словно стремительный поток, увлекает ее в неведомую пучину. Обычно этот поток представлялся ласковой волной, которая лениво

облизывает прибрежную гальку, но сейчас это была разрушительная стихия, готовая обрушиться на ее голову.

Когда они вошли под своды колонн южного туннеля, Дункан нарушил молчание:

— Нам надо вооружиться, — сказал он.

— Скоро мы вооружимся, — сказал Тег. — И я надеюсь, что ты готов убить любого, кто попытается остановить нас.

Значительный факт: за пределами защитного ядра планет Бене Тлейлаксу никто никогда не видел женщин Тлейлаксу. (Мулы-лицеделы, имитирующие женщин, в расчет не принимаются. Они не способны размножаться.) Тлейлаксианцы берегут своих женщин, чтобы они не попали в наши руки. Таков наш предварительный вывод. Кроме того, должны существовать яйца, в которые Мастера Тлейлаксу запечатывают свои самые сокровенные тайны.

Анализ Бене Гессерит —, Архивы № ХОХТМ99 041

— Наконец-то мы встретились, — сказала Тараза.

Она внимательно посмотрела в глаза своему собеседнику. Их кресла стояли напротив друг друга, и от Тилвита Ваффа Таразу отделяли какие-то два метра. Анализ подтверждал, что перед ней действительно не кто иной, как Мастер Мастеров Тлейлаксу. В такой маленькой, как у эльфа, фигурке сосредоточена столь огромная власть! В данном случае надо отбросить все предрассудки относительно внешности, решила Верховная Мать.

— Некоторые до сих пор не верят, что такая встреча вообще возможна, — вежливо ответил Вафф.

У него писклявый слабый голос, подумала Тараза; вообще здесь ко многому придется подходить с другими мерками.

Они встретились на нейтральной территории, на корабле-невидимке Гильдии, корпус которого был облеплен, как труп дохлого леопарда стервятниками, мониторами Бене Гессерит и Тлейлаксу. (Гильдия изо всех сил старалась угодить Бене Гессерит. *Вы будете платить.* Гильдия все поняла, и платеж начался.) Небольшая овальная каюта, в которой сидели собеседники, была выложена медными листами и считалась непроницаемой для прослушивания, во что Тараза не верила. Более того, она считала, что узы, связывавшие Гильдию и Тлейлаксу, узы, подкрепленные меланжей, стали только крепче после имевших место событий.

Вафф тоже не заблуждался относительно Таразы. Эта женщина была гораздо опаснее любой Досточтимой Матроны. Если он убьет Таразу, то ее немедленно заменят такой же опасной дамой, которая будет знать все, что до последнего момента своей жизни знала Верховная Мать.

— Мы находим, что ваши новые лицеделы очень интересны, — заговорила Тараза.

Вафф непроизвольно поморщился. Да, гораздо опаснее, чем Досточтимые Матроны, которые пока даже не предъявили Тлейлаксу счет за исчезнувший корабль-невидимку.

Тараза взглянула на цифровые часы с двойным дисплеем, расположенные на столике так, чтобы они оба могли одновременно узнавать при необходимости время. На дисплее, обращенном к Ваффу, отмечалось его внутреннее время. Она заметила также, что показатели внутреннего времени на обоих циферблатах были синхронизированы в пределах десяти секунд от точки произвольно выбранного полудня. Вся прелесть этой встречи заключалась в том, что были заранее оговорены все детали, включая расстояние между креслами.

Собеседники были одни в каюте. Овальное помещение имело в длину приблизительно шесть метров, в ширину в два раза меньше. Кресла были одинаковы — на деревянном каркасе крепились куски оранжевой материи, ни одного металлического предмета в каюте не было. Единственным предметом мебели был столик с часами. Столик был из прозрачного пластика и стоял на трех дере-

вянных ножках. Каждого из участников встречи тщательно прозондировали на предмет наличия оружия. За дверью находились охранники — по три с каждой стороны. Тараза считала, что в данной ситуации тлейлаксианцы вряд ли пойдут на подмену охранников своими лицеделами.

«Вы будете платить!»

Тлейлаксианцы тоже проявили максимальную бдительность, особенно в свете того, что Преподобные Матери сумели проникнуть в тайну новых лицеделов.

Вафф откашлялся.

— Я не надеюсь, что нам удастся прийти к соглашению.

— Тогда зачем вы приехали?

— Я ищу объяснения тому странному посланию, которое мы получили из вашего Убежища на Ракисе. За что мы должны платить?

— Прошу вас, не прикидывайтесь глупцом в этой комнате. Мы оба знаем фактическое положение вещей.

— Какое, например?

— Мы ни разу не получили для селекции ни одной женщины Бене Тлейлаксу, — сказала Тараза и подумала при этом: *Пусть немного попотеет!* Было очень досадно, что у Бене Гессерит нет

доступа к предковой памяти Тлейлаксу, и пусть Вафф знает об этом.

Вафф нахмурился.

— Вы, конечно, не сомневаетесь в том, что я не стану торговаться по поводу жизни… — он осекся и отрицательно покачал головой. — Я не могу поверить, что это та плата, которую вы требуете.

Тараза промолчала, и Вафф снова заговорил:

— Это глупое нападение на Ракисский храмовый комплекс было совершено нашими агентами на месте по их инициативе. Они наказаны.

Это гамбит номер три, которого мы ожидали, подумала Тараза.

Она участвовала в нескольких аналитических конференциях, прежде чем отправиться сюда, если, конечно, эти встречи можно было назвать конференциями. Анализа было, впрочем, больше чем достаточно. Очень мало было им известно об этом Мастере — Тилвите Ваффе. Были доставлены проекции некоторых сообщений, которые, правда, нельзя было с полным основанием считать истинными. Вся проблема заключалась в том, что самые интересные данные поступили из весьма ненадежных источников. Был только один достоверный факт: сидевший напротив карлик был чрезвычайно опасен.

Гамбит Ваффа номер три привлек внимание Таразы. Настало время отреагировать. Она понимающе улыбнулась.

— Именно этой лжи мы от вас и ожидали.

— Мы начнем с взаимных оскорблений? — поинтересовался он совершенно бесстрастным тоном.

— Вы сами обозначили канву. Позвольте мне предупредить вас, что с нами не стоит общаться так же, как вы общались с шлюхами из Рассеяния.

Застывший взгляд Ваффа подсказал Таразе, что настало время начинать ей самой. Вывод Общины касательно исчезновения иксианской невидимки оказался как нельзя более точным. Вооружившись той же улыбкой, она начала говорить о предположении, как о всем известном факте.

— Мне кажется, — начала она, — что шлюхи смогли каким-то образом узнать, что среди них находятся лицеделы.

Вафф с трудом подавил гнев. Чертовы ведьмы! Они знали! Каким-то образом они все пронюхали! Его советники в высшей степени настороженно отнеслись к целесообразности этой встречи. Правда, открыто против было настроено значи-

тельное меньшинство. Ведьмы были просто… какими-то дьяволами. А их возмездие!

Пора направить его внимание на Гамму, подумала Тараза. *Выведи его из равновесия!*

— Даже если вы совратите одну из нас, как вы совратили Швандью, вам все равно не удастся ничего почерпнуть из наших ценностей. Вы не можете воспользоваться ими, — сказала Верховная Мать.

Вафф вспыхнул.

— Она думала, что нанимает нас, как банду убийц! Но мы преподали ей хороший урок!

Ах, какие мы гордые! — подумала Тараза. *Интересно. Надо исследовать скрытые силы, которые стоят за такой гордостью.*

— Вы всегда терпели неудачу, пытаясь проникнуть в наши ряды, — сказала Тараза.

— Но вы тоже никогда не могли проникнуть в тайны Тлейлаксу! — Вафф попытался прикрыть откровенную похвальбу маской спокойствия. Ему нужно время, чтобы успокоиться! Выстроить план!

— Может быть, вам будет интересно узнать цену нашего молчания, — заговорила Тараза. Приняв каменное выражение лица Ваффа за знак согласия, Верховная Мать продолжила: — Во-пер-

вых, вы поделитесь с нами своими знаниями об этих шлюхах из Рассеяния, которые именуют себя Досточтимыми Матронами.

Вафф вздрогнул. Многое подтвердилось после убийства двух таких Матрон. Сексуальное порабощение. Только очень сильная психика может сопротивляться паутине такого экстаза. Потенциал такого инструмента огромен. Но надо ли рассказывать такое этим ведьмам?

— Вы расскажете нам абсолютно все, — продолжала настаивать Тараза.

— Почему вы называете их шлюхами?

— Они пытаются копировать нас, но продают себя во имя власти, и одновременно превращают в пародию то, что делаем мы. Досточтимые Матроны, скажите пожалуйста!

— Они превосходят вас по численности по крайней мере в десять тысяч раз! Мы имеем доказательства.

— Одна из нас может победить их всех!

Вафф молча смотрел на Таразу изучающим взглядом. Было ли это простое хвастовство? Этого никогда нельзя сказать наверняка, когда имеешь дело с Бене Гессерит. Это ведьмы. Они могут очень многое. Они владеют темной стороной царства магии. Больше чем один раз Сестры нарушали и

попирали Шариат. Была ли на то Божья воля, чтобы Его последователи прошли новое испытание?

Тараза намеренно не нарушала молчания, чтобы еще больше усилить напряженность. Она чувствовала смятение Ваффа. Она вспомнила последнюю конференцию Общины перед самой встречей с Мастером. Беллонда тогда задала обманчиво простой вопрос:

— Что мы в действительности знаем о Тлейлаксу?

Тараза видела, какой ответ возник в головах Сестер, сидевших за круглым столом: мы знаем о них только то, что они хотят, чтобы мы знали.

Ни один из ее аналитиков не смог избежать подозрения в том, что Тлейлаксу специально создал маскирующий образ для того, чтобы вводить всех в заблуждение. Интеллект тлейлаксианцев был недюжинным, о чем можно было судить по одному только факту, что во всей вселенной только они могли возрождать живые существа в своих чанах с аксолотлями. Может, это была счастливая случайность, как предположил кто-то? Но тогда почему никто так и не смог повторить этого достижения на протяжении прошедших тысячелетий?

Гхола.

Использовали ли сами тлейлаксианцы процесс изготовления гхола для достижения собственного бессмертия? Она видела соответствующие признаки в наружности Ваффа. В общем, ничего определенного… но было в нем что-то в высшей степени подозрительное.

На конференциях Капитула Беллонда то и дело возвращалась к вопросу, который не давал всем Сестрам покоя.

— Все… буквально все! Все, что есть в наших архивах, — это мусор, который годится только на корм слиньям!

Слиньи!

Это медленно ползающее существо, полученное путем скрещивания свиньи и слизня, могло стать неисчерпаемым источником мяса во вселенной, однако сами эти создания внушали отвращение Сестрам, поскольку были для них воплощением Тлейлаксу. Слиньи стали одним из самых первых предметов бартера с Тлейлаксу, этот продукт был выращен в их чанах и имел форму витой спирали — символа всего живого. Бене Тлейлаксу, создав эту тварь, только подлили масла в огонь своей непристойной репутации. Эти создания, слиньи, ползали везде и съедали любой мусор, мгновенно перерабатывая его в экскременты, которые

имели не только свинский запах, но и слизистую консистенцию.

— Самое вкусное мясо по эту сторону небес, — напомнила Беллонда рекламу ОСПЧТ.

— Все это от непристойности, — добавила тогда Тараза.

Непристойность.

Тараза думала об этом, не отрывая взгляда от Ваффа. По какой причине люди могут поддерживать такую отвратительную репутацию? В этот образ не вписывалась очевидная гордость Ваффа.

Мастер покашлял в кулак. При этом он почувствовал, как в руку врезались швы в том месте, куда в рукава были спрятаны два дротика. Меньшинство советовало: «Так же, как и в случае с Досточтимыми Матронами, победитель этого столкновения с Бене Гессерит будет иметь всю информацию о противнике. Смерть оппонента — это залог успеха».

Я, конечно, могу ее убить, но что потом?

За дверью стоят три полновесные Преподобные Матери. Без сомнения, Тараза приготовила какой-то сигнал о том, что все в порядке, если этого сигнала не будет, то последует насилие и полная катастрофа. Он ни на секунду не верил

в то, что его новые лицеделы способны противостоять Преподобным Матерям. Ведьмы будут начеку. Они сразу распознают природу охранников Ваффа.

— Мы поделимся с вами, — произнес он. Признание неизбежности больно ранило, но другого выхода не было. Заявление Таразы о ее относительных способностях могло быть и неточным, но тем не менее Вафф чувствовал его истинность. Вафф не питал никаких иллюзий относительно того, что будет, если Досточтимые Матроны каким-то образом узнают, что произошло с их посланцами. Пропавший корабль-невидимку нельзя списать за счет Тлейлаксу, но преднамеренное убийство — это совсем другое дело. Досточтимые Матроны постараются ликвидировать такого строптивого оппонента. Хотя бы в назидание другим. Об этом много рассказывали тлейлаксианцы, вернувшиеся из Рассеяния. Познакомившись воочию с Досточтимыми Матронами, Вафф поверил в эти рассказы.

— Вторым пунктом нашего разговора является гхола.

Вафф съежился в кресле.

Тараза почувствовала отвращение к маленьким глазкам Ваффа, его круглому личику и

острым зубкам.

— Вы убивали наших гхола, чтобы управлять продвижением проекта, в котором вы участвовали только как поставщики одного-единственного элемента, — обвиняющим тоном заговорила Тараза.

Вафф еще раз подумал о том, не стоит ли ему все же убить Верховную Мать. Можно ли вообще что-нибудь скрыть от этих ведьм? Нельзя игнорировать и тот факт, что на Тлейлаксу у Бене Гессерит могла быть агентура из местных предателей. Как иначе они могли все это разнюхать?

— Я уверяю вас, Преподобная Верховная Мать, что…

— Не надо меня ни в чем уверять. В том, что нам нужно, мы уверяем себя сами. — Тараза печально покачала головой из стороны в сторону. — Вы еще думаете, что мы не знаем, что вы продаете нам поврежденный товар.

— Этот товар отвечает всем требованиям, заложенным в него контрактом, — поспешно произнес Вафф.

Тараза снова покачала головой. Этот маленький Мастер Тлейлаксу не имел ни малейшего представления о том, как много он ей открыл!

— Вы внедрили в его психику свою схему, —

сказала Тараза. — Я предупреждаю: если ваши изменения помешают нашему замыслу, то мы сумеем ранить вас намного глубже, чем вы думаете.

Вафф провел рукой по вспотевшему лбу. Проклятые ведьмы! Но она все равно ничего не знает. Тлейлаксианцы, вернувшиеся из Рассеяния, и Досточтимые Матроны, которых она так не любит, снабдили Тлейлаксу сексуально заряженным оружием, которым он не поделится, невзирая ни на какие обещания, которые могут быть здесь произнесены.

Тараза, присмотревшись к реакции Ваффа, решилась на отчаянную ложь.

— Когда мы захватили ваш иксианский корабль, то лицеделы умерли недостаточно быстро и нам удалось кое-что узнать.

Вафф почувствовал, что еще немного и он решится на насилие.

В яблочко! — подумала Тараза. Смелая ложь открыла дорогу к открытию, которое предсказали некоторые советники. Тогда эти предположения показались ей абсурдными, но теперь Тараза так не думала. «Амбиции тлейлаксианцев заключаются в создании полной копии прана-бинду».

— Полной?

Все Сестры, присутствовавшие на конференции, были поражены таким предположением. Это предполагало существование копии ментального запечатления, кроме запечатления памяти, о котором Сестры уже знали.

Советница, сделавшая это предположение, Сестра по имени Гестерион, работавшая в архиве, пришла на заседание с тщательно отобранными подтверждающими материалами. «Мы уже знаем, что то, что механические Иксианские Зонды делают механически, тлейлаксианцы могут делать с помощью нервов и плоти. Следующий шаг очевиден».

Наблюдая реакцию Ваффа на ложь, Тараза тщательно следила за его действиями. Сейчас он был наиболее опасен.

На лице Ваффа проступило выражение ярости. То, что знают ведьмы, представляет опасность. Он не сомневался, в чем именно заключается смысл сказанного Таразой. *Я должен убить ее, не задумываясь, какие последствия это повлечет для меня лично! Мы должны убить их всех! Мерзость! Это их слово и оно превосходно описывает их самих.*

Тараза верно истолковала выражение его лица и быстро заговорила:

— Вы находитесь в абсолютной безопасности до тех пор, пока не вздумаете мешать нашему замыслу. Ваша религия, ваш образ жизни — это исключительно ваше внутреннее дело.

Вафф колебался — не столько от слов Таразы, сколько от напоминания о ее могуществе. Что еще она могла знать? Продолжать разговор в подчиненном тоне? После того как был отвергнут союз с Досточтимыми Матронами. И это после столь долгого восхождения, продолжавшегося несколько тысячелетий. Ваффа переполнили горечь и недовольство. В конце концов решительное меньшинство советников были правы: «Не может быть союза между нашими народами. Каждое соглашение с повиндах — это договор, в основе которого лежит зло».

Тараза все еще чувствовала угрозу насилия в его поведении. Не слишком ли далеко она его подтолкнула? Она застыла в готовности защищаться. Ее насторожили подергивания его рук. Оружие у него в рукавах! Возможности Тлейлаксу не следует недооценивать. Ведь ее снуперы не обнаружили ничего подозрительного!

— Мы знаем об оружии, которое вы пронесли сюда, — сказала она. Еще одна ложь оказалась просто необходима. — Если вы сейчас сделаете

эту ошибку, то шлюхи тоже догадаются, как вы использовали это оружие против них.

Вафф затаил дыхание. Овладев собой, он заговорил:

— Мы не станем сателлитами Бене Гессерит!

Тараза ответила спокойным, умиротворяющим тоном:

— Я ни словом, ни действием не предполагаю для вас такой роли!

Она застыла в ожидании. В выражении лица Ваффа не произошло никаких изменений, взор его продолжал гореть тем же пламенем.

— Вы угрожаете нам, — пробормотал он. — Вы требуете, чтобы мы поделились всем, что…

— Именно поделились, — огрызнулась Тараза. — С неравными партнерами не делятся!

— А чем вы поделитесь с нами? — пытливо спросил Вафф.

Она заговорила с ним тоном, которым мать отчитывает неразумное дитя.

— Сер Вафф, спросите себя, могущественного правителя, члена правящей олигархии, почему вы приехали сюда?

Вафф ответил тем же твердым голосом:

— А почему вы, Верховная Мать Бене Гессерит, приехали на эту встречу?

— Для того, чтобы укрепить нас, — мягко ответила она.

— Вы не сказали, чем поделитесь вы, — обвиняющим тоном произнес он. — Вы все еще надеетесь получить преимущество.

Тараза продолжала исподволь наблюдать за собеседником. Ей редко приходилось видеть такую подавленную ярость.

— Спросите меня открыто, что бы вы хотели знать? — сказала она.

— И вы откроете мне это из своей благородной щедрости?

— Я буду вести переговоры.

— Какие это переговоры, если вы просто приказываете мне… — ПРИКАЗЫВАЕТЕ МНЕ! — чтобы я…

— Вы приехали сюда с твердым намерением порвать все соглашения, которые существуют между нами, — сказала она. — Вы ни разу не пытались начать переговоры. Вы сидите перед человеком, который готов с вами торговаться, но ведете себя так, как может вести себя только…

— Торговаться? — Вафф тут же вспомнил, какой гнев вызвало это слово у Досточтимых Матрон.

— Да, я сказала это слово, — подтвердила Тараза. — Торговаться.

Что-то похожее на улыбку коснулось уголков рта Ваффа.

— Вы думаете, что у меня есть полномочия торговаться с вами?

— Возьмите на себя такую ответственность, — проговорила женщина. — Именно вы обладаете верховной и окончательной властью. Она покоится на праве уничтожить любого оппонента. Это не я угрожаю вам, а вы мне, — она выразительно посмотрела на его рукава.

Вафф вздохнул. В какое затруднительное положение он попал. Ведь она — повиндах! Как можно торговаться с повиндах?

— Перед нами проблема, которую нельзя решить посредством разума, — сказала Тараза.

Вафф с трудом скрыл удивление. Это была та же самая фраза, которую произнесла Досточтимая Матрона. Внутренне он поежился от скрытого смысла этих слов. Может ли быть такое, что Бене Гессерит и Досточтимые Матроны делают одно дело? Неприязнь Таразы к Матронам говорит против этого, но разве этим ведьмам можно доверять?

Вафф еще раз подумал, сможет ли он принести себя в жертву ради уничтожения этой ведьмы? Но что это даст и чему послужит? Другие, несомнен-

но, знают то, что знает она. Это лишь навлечет на них катастрофу. Конечно, среди ведьм был диспут, но кто знает, может быть, это просто еще одна уловка.

— Вы просите нас чем-то с вами поделиться, — говорила между тем Тараза. — Кто знает, возможно, я готова поделиться с вами нашими элитными линиями?

Вафф несомненно проявил живейший интерес.

— Зачем нам приходить к вам за этими вещами? — спросил он. — У нас есть лаборатории и мы можем брать генетические образцы практически везде.

— Образцы чего? — спросила она.

Вафф еще раз вздохнул. Никто не сможет избежать этой въедливости Бене Гессерит. Это как удар меча. Он догадался, что сам открыл ей нечто, что направило разговор по нужному ей руслу. Вред уже нанесен. Она правильно вывела (или ей донесли шпионы), что дикий пул генов представляет малый интерес для Тлейлаксу, который овладел гораздо более глубокими механизмами генетической памяти и ее языка. Ни в коем случае нельзя недооценивать ни Бене Гессерит, ни продукты их селекционных программ.

— Что еще вы потребуете в обмен на это? —

спросил он.

— Наконец-то мы начали торговаться! — сказала Тараза. — Мы оба, конечно, знаем, что я предложу матерей линии Атрейдесов. — При этом она подумала: *«Пусть надеется. Они будут выглядеть как Атрейдесы, не будучи ими на деле»*.

Вафф почувствовал, как участился его пульс. Неужели это возможно? Имеет ли она хоть малейшее представление о том, что Тлейлаксу может извлечь из глубин такого источника?

— Мы хотим получить первую селекцию их потомков, — сказала Тараза.

— Нет!

— Тогда измененную первую селекцию?

— Возможно.

— Что вы имеете в виду под словом «возможно»? — Тараза подалась вперед. Напряженность Ваффа подсказала ей, что она нащупала верный след.

— Чего еще вы потребуете от нас?

— Наши селекционные матери получат неограниченный доступ в ваши генетические лаборатории.

— Вы что, сошли с ума? — в отчаянии воскликнул Вафф, тряхнув головой. Она что, думает, что

Тлейлаксу сложит свое сильнейшее оружие таким дурацким образом?

— Потом мы получим чан с аксолотлями.

Вафф в изумлении уставился на собеседницу.

Тараза пожала плечами.

— Но я же должна была хотя бы попробовать?

— Я полагаю, что да.

Тараза откинулась на спинку кресла и попыталась суммировать то, что ей удалось узнать. Реакция Ваффа на пробный шар Дзенсунни была довольно интересной. «Проблема, которую нельзя решить рациональным путем». Эти слова произвели на него тонкий внутренний эффект. Он, кажется, вышел из какого-то своего внутреннего тайника, при этом в его глазах появился вопрос. Боже, сохрани всех нас! Неужели Вафф — тайный Дзенсунни?

Плевать на опасность, это надо проверить. Одраде должна быть вооружена против любой неожиданности.

— Вероятно, сегодня нам не удастся достичь большего, — сказала Тараза. — Пора заканчивать наши переговоры. Только один Бог в Его бесконечной милости дал нам бесконечную вселенную, в которой возможно все.

Вафф, не думая, хлопнул в ладоши.

— Самый большой дар — это дар удивления, — сказал он.

Он не совсем Дзенсунни, подумала Тараза. *Суфи скорее. Суфи!* Она тут же подвергла пересмотру свои взгляды на Тлейлаксу. *Как же долго они оберегали свои секреты?*

— Время само по себе не идет в счет, — сказала Тараза, запуская еще один пробный шар. — Надо только видеть круг.

— Солнца — это круги, — сказал Вафф. — Каждая вселенная — это круг.

Затаив дыхание, он ожидал ответа.

— Круги — это некая замкнутость, — заговорила Тараза, выбрав правильный ответ из своей предковой памяти. — То, что окружает и замыкает, должно распространиться в бесконечность.

Вафф поднял руки, показав Верховной Матери ладони, потом опустил руки на колени. Плечи его несколько подались вперед, он расслабился.

— Почему вы не сказали этого с самого начала? — спросил он.

Мне надо проявлять крайнюю осторожность, предостерегла себя Тараза. Признание в словах Ваффа требовало немедленного обдумывания.

— То, что произошло между нами, ничего не откроет, если мы не станем более откровенными,

да и в этом случае мы сможем пользоваться всего лишь словами, — проговорила Тараза.

Вафф внимательно всматривался в эту маску Сестры Бене Гессерит, пытаясь прочесть в ее словах и поведении сокровенный смысл. Он напомнил себе, что она — повиндах. Этим повиндах ни в коем случае нельзя доверять… но она разделяет Великую Веру…

— Разве Бог не послал Своего Пророка на Ракис, чтобы испытать нас и научить нас? — спросил он.

Тараза снова погрузилась в глубины своей бездонной памяти. *Пророк на Ракисе? Муад'Диб? Нет… это не соответствует ни Суфи, ни Дзен-сунни. Они верят в…*

В Тирана! Тараза сжала губы в тонкую линию.

— С тем, чем не можешь управлять, надо смириться, — сказала она.

— Ибо именно это делает Бог, — подхватил Вафф.

Тараза увидела и услышала достаточно. Защитная Миссия снабдила ее знаниями любой религиозной системы. Чужая память укрепила живость восприятия и наполнила ее чужими воззрениями, которые она смогла высказать. Пора подобру-поздорову выбираться из этой опасной

каюты. Одраде должна быть предупреждена!

— Могу я сделать предложение? — спросила Тараза.

Вафф вежливо кивнул.

— Возможно, существуют гораздо более глубокие основания для нашего союза, чем нам представляется, — сказала она. — Я предлагаю вам гостеприимство в нашем Убежище на Ракисе и услуги нашего коменданта там.

— Она Атрейдес? — спросил Вафф.

— Нет, — ответила Тараза. — Но я, конечно же, подготовлю наших Селекционных Куртизанок, чтобы они пошли навстречу вашим нуждам.

— Я, в свою очередь, подберу то, что необходимо, чтобы отплатить вам, — сказал он. — Зачем нам заканчивать торговлю на Ракисе?

— Чем же это не подходящее место? — спросила Верховная. — Кто посмеет солгать в обиталище Пророка?

Вафф, успокоившись, расслабился в кресле, положив руки на колени. Тараза, несомненно, среагировала правильно. Это было откровение, которого он не ожидал.

Верховная Мать поднялась.

— Каждый из нас слышит голос своего Бога, — сказала она.

Но вместе мы слушаем его в кхеле, подумал он. Он снова посмотрел на нее, напомнив себе, что она — повиндах. Никому из них нельзя доверять. Осторожность и еще раз осторожность! Эта женщина в конце концов всего лишь ведьма Бене Гессерит. О них известно, что они ради своей цели могут просто изобрести религию! *Повиндах!*

Тараза подошла к двери, открыла ее и подала своей охране знак. Она снова повернулась к Ваффу, который продолжал сидеть в кресле. *Он не проник в суть нашего замысла,* подумала Тараза. *Те, кого мы пошлем к нему, должны быть отобраны с величайшим тщанием. Он не должен ни на минуту заподозрить, что является частью нашей приманки.*

Маленькое личико стало собранным. Вафф взглянул в глаза Верховной Матери.

Каким ласковым он выглядит, подумала Тараза. *Но его надо поймать! Союз между Общиной Сестер и Тлейлаксу таит в себе большую привлекательность. Но на наших условиях!*

— До встречи на Ракисе, — сказала она.

Какое социальное наследие вырвалось наружу вместе с Рассеянием? Мы знаем всю подноготную того времени. Известны нам физические и ментальные установки тех людей. Сознание Заблудших было ограничено главным образом верой в силу человека и механических машин. Их гнала отчаянная потребность в жизненном пространстве, потребность, возбуждаемая мифом о Свободе. Большинство их не усвоило глубоких уроков Тирана, который учил, что насилие само воздвигает себе границы. Рассеяние было диким и случайным движением, которое Заблудшие принимали за рост (экспансию). Рассеяние питалось глубинным страхом (часто подсознательным) застоя и смерти.

Рассеяние: Анализ Бене Гессерит (Архивы)

Одраде, вытянувшись во весь рост, лежала в амбразуре арочного окна и, прижавшись щекой к стеклу, смотрела на Большую Площадь Кина. Спиной женщина упиралась в подушку, пахнувшую меланжей (впрочем, на Ракисе многие вещи пахли Пряностью). За спиной ее были три

комнаты, прекрасно обставленные, удобные, хотя и небольшие. Апартаменты находились в удалении от храмового комплекса — таково было требование, налагаемое соглашением между Общиной Сестер и священниками.

— У Шианы должна быть более надежная охрана, — настаивала Одраде.

— Но она не может стать воспитанницей только Общины Сестер, — возражал Туэк.

— Священников тоже, — отрезала Преподобная Мать.

Шестью этажами ниже, на площади вовсю кипел базар, практически не организованный никакими правилами. Серебристо-желтый свет клонящегося к закату солнца омывал площадь сияющим блеском, высвечивая пестрые навесы и отбрасывая от предметов длинные черные тени. В лучах клубилась сверкающая пыль, а кругом возле пестрых зонтиков толпились массы людей, рассматривавших живописные горы разнообразных товаров.

Большая Площадь, строго говоря, не была площадью. Это было длинное, приблизительно с километр пространство, уходившее вдаль от окон Одраде. В ширину площадь имела около двух километров — гигантский прямоугольник,

замкнувший землю и камень — старую брусчатку, истоптанную тысячами ног, превративших площадь в невероятное скопление горькой кремнистой пыли. Люди продолжали толпиться, несмотря на изнуряющую жару, — всем хотелось поторговаться и купить приглянувшуюся вещь подешевле.

С приближением вечера ритм событий, происходивших на площади, убыстрился. Приезжали и приходили новые люди, задавая действу, происходящему на площади, новый импульс.

Склонив голову, Одраде пристально всматривалась в то, что происходило на площади под ее окнами. Многие торговцы сворачивали свои лотки и расходились по домам, чтобы вернуться после короткой еды и сиесты. Надо было воспользоваться вечерними часами, когда людей становится больше и покупают они лучше, поскольку, торгуясь, уже не рискуют опалить себе горло знойным воздухом Ракиса.

Шиана давно созрела, отметила про себя Одраде. Священники не осмелятся больше откладывать. Им надо развить лихорадочную деятельность, обстреливая Шиану вопросами, чтобы побудить ее вспомнить, что она — посланец Бога к Его Церкви. Они станут напоминать Шиане о всяческих

затеях и вымышленных обязанностях, которые Одраде надо вскрыть, выставить в смешном свете в глазах Шианы, и только потом объяснить, зачем это было нужно священникам.

Одраде выгнула спину и сбросила напряжение. Приходилось признаться себе, что Шиана была ей симпатична. Правда, сейчас мысли девочки представляют собой невообразимый хаос. Шиана практически ничего не знала, что ожидает ее после того, как она полностью перейдет под опеку Преподобных Матерей. Во всяком случае, не приходится сомневаться, что ум девочки находится в плену разнообразных мифов и прочих несуразностей.

Впрочем, со мной было то же самое, напомнила себе Одраде.

В такие моменты трудно отделаться от воспоминаний. Непосредственная задача была ясна: изгнание нечистой силы, если можно так выразиться, причем не только из Шианы, но и из себя.

Неотвязная мысль Преподобных Матерей в ее памяти: *Одраде, пяти лет, живет в комфортабельном доме на Гамму. Улица, на которой она живет, застроена так же, как и все улицы среднего класса в прибрежных городах Гамму, — низкие*

одноэтажные дома и широкие улицы. Дома спускаются к берегу, там они больше, чем в городе. Только на берегу моря дома становятся более широкими, потому что у моря не надо экономить на каждом квадратном метре.

Отшлифованная Бене Гессерит память Одраде вернула ее в тот далекий дом, напомнила о его обитателях, о товарищах по играм. В груди появилась необыкновенная легкость — эти воспоминания имели непосредственное отношение к дальнейшим событиям.

Детские ясли Бене Гессерит в искусственном мире Аль Данаба — одной из планет Общины Сестер. (Позже Одраде узнала, что Бене Гессерит вынашивал планы превращения всей планеты в невидимку, но проект не состоялся, поскольку его выполнение требовало слишком много энергии.)

Ясли представляли собой каскад разнообразной деятельности для ребенка с Гамму с его типичными дружескими связями и привычкой к комфорту. Образование Бене Гессерит включало в себя постоянные физические упражнения. Все это сопровождалось наставлениями о том, что нельзя стать Преподобной Матерью, не пройдя через боль и невероятную физическую усталость.

Некоторые подруги сломались именно на этой

стадии. Они стали няньками, служанками, рабочими и объектами случайной селекции. Они заполнили нишу, из которой Бене Гессерит черпали в случае необходимости. Бывали времена, когда Одраде с тоской думала, что такая участь не такой уж плохой исход — меньше ответственности, мелкие цели, удобная жизнь. Но это было до того, как она закончила первую ступень подготовки.

Я думала об этом, как об избавлении, думала, что одержала полную победу, но не помышляла о другой стороне медали.

Закончив первую ступень, она столкнулась с новыми, еще более жесткими требованиями.

Одраде села на подоконник и отбросила в сторону подушку, повернувшись спиной к базару. Проклятые священники! Они затянули дело до совершенно немыслимых пределов.

Я должна вспоминать детство, потому что это поможет мне работать с Шианой, думала Одраде. Да, стоит посмеяться над своей слабостью. *Еще одно самооправдание!*

Некоторым кандидаткам требовалось до пятидесяти лет, чтобы стать Преподобными Матерями. Это им внушали во время обучения второй ступени. То был урок терпения. Одраде

рано показала себя способной к углубленным занятиям. Считалось, что она сможет стать ментатом Бене Гессерит или архивистом. Однако жизнь рассудила по-иному. У нее были выявлены другие способности. Ее нацелили на более сложную работу в Капитуле.

Безопасность.

У Атрейдесов часто встречался этот дикий талант, который надо было только слегка культивировать. При внимании к деталям оказалось, что это то, чем надо заниматься Одраде. Она знала, что многие Сестры могли легко предсказать ее действия просто потому, что глубоко ее знали. Тараза делала это регулярно. Однажды Одраде сама подслушала объяснение Верховной.

— Личность Одраде очень хорошо отражается в выполнении ею своих обязанностей.

В Капитуле даже бытовала шутка: «Куда идет Одраде, когда она не на службе? Она идет на работу».

В Капитуле не было нужды носить маски, которые воспитанницы Бене Гессерит были вынуждены надевать, покидая пределы Ордена. Можно было выказать эмоции, открыто признать ошибки — как свои, так и чужие, не скрывать грусть, радость, горечь, а иногда и счастье. Были

доступны мужчины — не для скрещивания, а для утешения. В Общине было несколько мужчин, они были очаровательны, и некоторые из них даже искренни. Эти последние пользовались наибольшим спросом.

Эмоции.

В мозгу Одраде промелькнуло узнавание.

Я приду к этому, как прихожу всегда.

Одраде почувствовала, как теплое солнце Ракиса греет ей спину. Она понимала, где находится, но мысли ее были далеко, готовясь к встрече с Шианой.

Любовь!

Это было бы так легко и так опасно.

В такие моменты она страшно завидовала стационарным Преподобным Матерям, которые могли жить в браке со своими селекционными партнерами. Такой была, например, мать Майлса Тега. Так же жила леди Джессика со своим герцогом. Даже Муад'Диб выбрал такую форму брачной жизни.

Но это не для меня.

Одраде признавалась в горькой ревности, которую испытывала из-за того, что ей не разрешалось жить так, но где же компенсация за страдания?

«Жизнь без любви может быть более интен-

сивно посвящена Общине Сестер. Мы пытаемся поддерживать посвященных. Не беспокойтесь о сексуальном наслаждении — оно доступно в любой момент, когда вы этого пожелаете».

С очаровательными мужчинами.

Со времен леди Джессики, Тирана и других изменилось так много вещей… включая и Бене Гессерит. Это знает каждая Преподобная Мать.

Все тело Одраде сотряслось от тяжкого вздоха. Она оглянулась через плечо. На площади внизу кипела рыночная жизнь. Никаких признаков Шианы.

Я не должна любить этого ребенка!

Все было сделано правильно. Одраде понимала, что сыграла в мнемоническую игру по всем правилам Бене Гессерит. Она развернулась и села, скрестив ноги на подоконнике. Отсюда хорошо просматривался базар и крыши окрестных домов и водоем. Те несколько холмов представляют собой остатки того, что было некогда Защитным Валом Дюны, который был прорван Муад'Дибом и его легионами, оседлавшими червей.

Жаркое марево, извиваясь в прихотливом танце, поднималось над каналами и арыками, которые защищали Кин от вторжения новых червей. Одраде едва заметно улыбнулась. Свя-

щенники не находят ничего странного в том, что изо всех сил защищают свои общины от соприкосновения со своим Разделенным Богом.

Мы будем поклоняться тебе, Боже, но не тревожь нас. Это наша религия, наш город. Ты видишь, мы больше не называем это место Арракисом. Теперь это Кин. Планета не называется больше ни Дюной, ни Арракисом — теперь это Ракис. Держись от нас подальше, Боже. Ты — это прошлое, а прошлого всегда стыдишься.

Одраде всматривалась в очертания холмов, размытые маревом. Другая Память показывала ей древний ландшафт. Она знала прошлое.

Если священники будут еще тянуть и не доставят Шиану немедленно, то они будут наказаны.

Базар внизу все еще изнывал от жары. Тепло излучалось каменной мостовой и каменными же стенами, которые окружали площадь. В знойном воздухе, усиливая духоту, плавал дым очагов в многочисленных домах и в промежутках между торговыми палатками. День был жаркий, температура не ниже тридцати семи градусов. В резиденции Бене Гессерит, которая в прежние времена принадлежала Говорящим Рыбам, было прохладно — работала иксианская система охлаждения, испарявшая воду из бассейна, рас-

положенного на крыше.

Нам будет здесь очень комфортно.

Здесь будет безопасно настолько, насколько может обеспечить безопасность система охраны Бене Гессерит. Здесь бывают Преподобные Матери, в этом же здании находится представительство священников, но никто из них не проникнет сюда без соизволения Одраде. Шиана будет видеть всех этих людей только от случая к случаю, но эти случаи будут иметь место только по разрешению Одраде.

Так оно и происходит, думала Одраде. *План Тразы выполняется.*

В памяти Одраде было свежо последнее сообщение из Капитула. То, что удалось узнать о Тлейлаксу, переполнило ее душу волнением, которое Одраде с трудом подавила. Этот Вафф, этот Мастер Тлейлаксу оказался очаровательным объектом исследования.

Дзенсунни! И Суфи!

— Ритуальный паттерн, застывший на тысячелетия, — сообщила Тараза.

В сообщении Тразы содержалось и другое послание, которое не было высказано словами. *Верховная Мать возложила на меня полную ответственность, оказав мне полное доверие.* Одно

осознание этого наполнило Одраде силой.

Шиана — точка опоры, а мы — рычаг. Наша сила имеет множество источников.

Одраде расслабилась. Она знала, что сама Шиана не позволит священникам дальше откладывать переезд. Терпение Одраде подвергалось приступам дурных предчувствий. Тем хуже для Шианы.

Они стали конспираторами — Шиана и Одраде. Первый шаг. Для Шианы это была замечательная игра. Самим фактом и обстоятельствами своего рождения и воспитания она была предназначена для того, чтобы не доверять священникам. Какое же для нее счастье, обрести наконец союзника!

Внизу на площади тем временем происходило какое-то движение. Одраде с любопытством присмотрелась к происходящему. Пятеро обнаженных мужчин встали в круг, взявшись за руки. Их одежды и защитные костюмы были сложены в стороне под присмотром юной темнокожей девушки в длинной накидке из волокна Пряности. Волосы ее были повязаны красной косынкой.

Плясуны!

Одраде видела множество донесений об этом феномене, но сама впервые видела его с момента своего прибытия на Ракис. Среди зрителей бы-

ли трое высоких гвардейцев в желтых шлемах, украшенных гребнями. На стражниках были короткие накидки, позволявшие беспрепятственно работать ногами. Одежда была обложена металлическими пластинами.

Танцоры кружились, а толпа, совершенно предсказуемо, вела себя все более и более беспокойно. Одраде знала паттерн и что произойдет дальше. Вскоре толпа начнет скандировать невнятный речитатив, потом начнется свалка. Затрещат головы, польется кровь. Люди начнут кричать и метаться. Потом все стихнет и уляжется само собой без вмешательства властей. Кто-то пойдет домой, обливаясь слезами, а кто-то — смеясь. Священническая гвардия не станет вмешиваться в происходящее.

Бессмысленное помешательство этого танца и его последствия зачаровывали Бене Гессерит на протяжении столетий. Теперь он привлек пристальное внимание Одраде. Процесс упадка этого ритуала проследили люди из Защитной Миссии. Сами жители Ракиса называли этот танец «Танцем расхождения». Были у него и другие названия, из которых самым значительным был «Сиайнок». Вот во что превратился величайший ритуал Тирана, момент, когда он делил свою

сущность с Говорящими Рыбами.

Одраде с трепетом и каким-то странным уважением относилась к энергии этого феномена. Ни одна Преподобная Мать не смогла бы равнодушно пройти мимо такого. Однако Одраде волновал бесполезный расход такой энергии. Такие вещи надо направлять на нужные цели, фокусировать. Ритуал надо использовать с какой-либо внятной и нужной целью. Сейчас же вся энергия рассеивается, и если эту силу не обуздать, то она может оказаться разрушительной для самого Священства.

В ноздри Одраде ударил сладкий фруктовый запах. Она потянула носом воздух и пригляделась к площади. От собравшейся толпы вверх поднимались густые испарения. Эти запахи попадали внутрь помещения через систему труб иксианской вентиляции. Одраде прижалась лбом и носом к стеклу и снова стала смотреть на то, что происходило на площади. Ах, вот в чем дело — танцоры и толпа опрокинули лоток одного из торговцев. Сейчас плясуны топтались по фруктам, превращая их в кашу. Ноги танцоров по самые бедра были перепачканы желтой мякотью.

Узнала Одраде и пострадавшего торговца. Это

был человек со значительным, мудрым лицом, она несколько раз видела, как он выходил на базар из своего собственного дома. Сейчас этот человек находился среди зрителей и, казалось, не заметил своей потери. Все его внимание было устремлено на танцоров. Пятеро обнаженных мужчин двигались без всякого видимого ритма, в танце не было никакого рисунка, если не считать, что время от времени трое средних танцоров замирали, а остальные два взлетали над их головами.

Одраде поняла, откуда взялся этот танец. Это был утрированный почти до неузнаваемости древний фриженский способ пешего движения по пескам Пустыни. Этот любопытный танец был живым ископаемым, уходившим корнями в глубочайшую древность. Несуразные на первый взгляд движения были обусловлены стремлением не вызвать из-под земли червя.

Люди начали собираться вокруг помоста со всех уголков площади, стремясь взглянуть на танцоров, словно дети на игрушки в витрине магазина. Началась давка.

В это время Одраде увидела эскорт Шианы. Он двигался вдалеке с правой стороны площади. Символы, похожие на отпечатки лап животного,

которыми были помечены дома по сторонам широкого проспекта, обозначали Путь Бога. Исторические сведения говорили о том, что именно по этой улице Лето Второй вступал в город, прибывая сюда на Празднество из Сарьира. Город, носивший тогда название Онн, был выстроен на месте прежнего Арракина. Однако некоторые остатки древнего города сохранились — некоторые здания были настолько полезны, что их не стали сносить. Ведь, как известно, не бывает улиц без домов.

Там, где проспект вливался в базарную площадь, эскорт Шианы остановился. Стражники в желтых шлемах проложили дорогу с помощью длинных пик. Стражники отличались высоким ростом. Самый высокий двухметровый обычный человек макушкой доставал только до плеч стражника. В любой толпе можно было безошибочно сразу узнать этих людей, но в Священнической Гвардии служили самые высокие из высоких.

Вот эскорт снова двинулся вперед, ведя Шиану к Одраде. Накидки охранников развевались и при каждом шаге обнажали гладкую серую ткань их лучших защитных костюмов. Их было пятнадцать, окруживших процессию.

Позади охранников двигались священницы вместе с Шианой. Одраде сразу узнала девочку — Шиана выделялась среди прочих своими выгоревшими на солнце волосами, горделивой осанкой и повелительным выражением лица. Однако больше всего Одраде поразили гвардейцы Священства в своих желтых шлемах с гребнями. Зная, что являются лучшими из лучших, что их нельзя ставить на одну доску с простым народом, они шествовали с надменностью, которую впитали буквально с молоком матери. Простые люди тоже все понимали и расступались перед рядом гвардейцев.

Все это происходило настолько просто и естественно, что напоминало выверенный в течение тысячелетий древний ритуал, свидетелем которого и стала Одраде.

Как это часто случалось, Одраде почувствовала себя археологом, но не тем специалистом, который копается в вековой пыли, разыскивая в ней следы прошлого, а как человек, который, наблюдая за людьми, видит, как они несут с собой свое далекое прошлое. Здесь был очевиден замысел Тирана. Приближение Шианы было частью ритуала, заложенного самим Богом-Императором.

Под окнами Одраде между тем пятеро обнажен-

ных мужчин продолжали свой танец. Даже не поворачивая головы в сторону приближающихся гвардейцев, люди чувствовали их присутствие.

Овцы всегда чувствуют, когда приближается пастух.

Возбуждение толпы теперь проявлялось каким-то лихорадочным ритмом. Люди и не думали отказываться от хаоса, который владел их душами! Со стороны крыльев помоста в танцоров полетели комья грязи, однако мужчины и не думали бросать танец, они лишь ускорили темп движений. Длина каждой последовательности танца повторялась с удивительной точностью, что говорило о феноменальной памяти плясунов.

Из толпы вылетел новый ком грязи и ударил в плечо одного из танцоров, но никто из них даже не повернул головы, продолжая танцевать.

Толпа начала кричать и припевать, нараспев повторять какие-то слова. Некоторые выкрикивали ругательства. Некоторые в такт речитативу стали хлопать ладонями, мешая движениям танцующих.

Однако общий рисунок танца не изменился.

Речитатив превратился в грубый ритм, дикий крик толпы отдавался эхом от стен Площади.

Толпа старалась сбить танцоров с ритма. Одраде чувствовала, что под окнами происходит что-то чрезвычайно важное.

Эскорт Шианы прошел уже половину пути по базару. Вот он прошел мимо колонн по широкой дорожке и направился непосредственно к апартаментам Одраде. Самая плотная часть толпы находилась приблизительно в пятидесяти метрах впереди от охраны эскорта. Гвардейцы продолжали идти, не сбивая шага, хотя на них напирала беснующаяся по сторонам толпа. Глаза из-под желтых шлемов были устремлены на толпу, строго вперед. Ни один из гвардейцев не давал повод думать, что его интересует толпа по сторонам или глупое представление плясунов на помосте, что все это может помешать их движению.

Где-то в глубине толпы какая-то женщина грязно выругалась.

Танцоры не подали вида, что они вообще что-то слышат. Толпа продвинулась вперед, уменьшив пространство между собой и танцорами приблизительно вдвое. Одраде потеряла из вида девушку, которая стерегла одежду и защитные костюмы плясунов.

Тем временем фаланга, окружавшая Шиану и ее свиту, продолжала движение.

Справа от Одраде началась свалка. Люди начали бить друг друга. В пятерых плясунов полетели более тяжелые метательные снаряды. Толпа возобновила речитатив, но в более быстром темпе.

В этот момент задняя часть толпы была рассечена надвое гвардейцами. Зрители продолжали так же бесноваться, драться и бросать что попало в танцоров, но при этом послушно очистили путь эскорту.

Шиана шла в окружении жриц. Видя вокруг такое возбуждение, девочка с любопытством оглядывалась по сторонам.

Некоторые люди в толпе, вооружившись палками, принялись избивать окружающих, но никому не пришло в голову замахнуться палкой на священническую стражу или на кого-либо из эскорта Шианы.

Плясуны продолжали свой смертельный танец в тесном кольце зрителей.

Стражники невозмутимо шествовали среди этого хаоса посреди расступавшейся перед ними толпы. Жрицы не смотрели ни направо, ни налево. Стражники в желтых шлемах смотрели только вперед.

Презрение было слишком мягким словом для описания этого представления, решила Одраде.

Нельзя было, однако, сказать, что бурлящая толпа игнорировала присутствие стражи. Нет, обе стороны прекрасно сознавали существование друг друга, но это существование происходило в разных мирах, и стороны строго соблюдали это разделение. Только Шиана по невежеству не соблюдала этот негласный договор и старалась увидеть все сквозь заслон эскорта.

Прямо под окнами Одраде толпа вдруг хлынула вперед. Танцоры разлетелись в стороны, смятые толпой, словно корабли, накрытые в море гигантской волной. Одраде видела только части обнаженных тел, которые передавались с рук на руки сквозь этот кричащий и визжащий хаос. Только высочайшая концентрация внимания позволила Одраде слышать отдельные доносящиеся до нее звуки.

Это было настоящее сумасшествие!

Никто из танцоров и не думал сопротивляться. Их убили? Это было жертвоприношение? Аналитики Общины еще даже не приступали к исследованию данного феномена.

Желтые шлемы расступились, позволив Шиане и ее свите вступить в здание, и снова сомкнули ряды. Стражники развернулись и образовали шеренгу, прикрывшую вход в здание. Солдаты

держали пики горизонтально на уровне пояса, сцепив их между собой.

Хаос внизу начал успокаиваться. Никого из танцоров не было видно, однако в толпе были раненые, люди ползали по земле, другие держались на ногах, но сильно шатались. Видны были окровавленные головы.

Шиана и жрицы были уже в здании, во всяком случае, Одраде не видела их. Одраде отпрянула от окна и попыталась осмыслить то, чему только что стала свидетельницей.

Это было невероятно.

Ни на одном голофото не были запечатлены такие страшные моменты. Частью это были запахи — пыль, пот, человеческие феромоны. Одраде глубоко вдохнула. Внутри у нее все дрожало. Толпа снова распалась на людей. Одни плакали, другие ругались. Находились и такие, кто весело смеялся.

Дверь за спиной Одраде распахнулась. Вошла смеющаяся Шиана. Одраде стремительно обернулась и успела заметить в коридоре свою стражу и жриц, прежде чем Шиана успела закрыть дверь.

Темно-карие глаза девочки сверкали от волнения и возбуждения. Продолговатое лицо, начавшее округляться, и на котором внимательно

ный наблюдатель мог увидеть проступающие взрослые черты, было напряжено — девочка пыталась подавить свои эмоции. Это напряжение исчезло, когда Шиана взглянула на Одраде.

Очень хорошо, подумала Преподобная Мать. *Первый урок единения начался успешно.*

— Вы видели танцоров? — спросила Шиана, скользнув вперед к Одраде. — Разве они не великолепны? Я думаю, что они просто прекрасны! Кания не хотела, чтобы я смотрела на них. Она говорит, что мне очень опасно принимать участие в Сиайноке. Но мне все равно! Шайтан не стал бы есть этих плясунов!

Внезапно на Одраде снизошло озарение. Такое озарение она пережила только однажды, когда проходила испытание Пряностью. Одраде стал ясен весь паттерн того, что она только что видела на Площади. Потребовались только слова Шианы, и все сразу встало на свое место.

Язык!

Внутри коллективного сознания этих людей, этого народа жил язык, он гнездится в бессознательном, и люди не хотят его слышать. На этом языке говорят танцоры. На этом языке говорит Шиана. Все заключается в словах, движениях, запахе феромонов, тональностях — то есть во

всем, что в конечном итоге порождает живой человеческий язык.

Язык порождается необходимостью.

Одраде улыбнулась счастливой девочке, стоявшей перед ней. Теперь Преподобная Мать знала, как поймать в ловушку Тлейлаксу. Теперь она в большей степени понимала замысел Таразы.

Я должна пойти в Пустыню вместе с Шианой при первой же возможности. Мы только подождем прибытия этого Мастера Тлейлаксу, этого Ваффа. Мы возьмем его с собой!

Вольность и свобода – сложные понятия. Они восходят к религиозным идеям свободы и воли и тесно соотносятся с таинством власти, столь присущим абсолютной монархии. Без абсолютных монархий, построенных по образу и подобию правления старых богов, без правления, осуществляемого благодаря вере в религиозное искупление, Вольность и Свобода никогда не приобрели бы своего современного значения. Эти идеалы обязаны самим своим существованием прошлым проявлениям угнетения. Силы, питающие эти идеалы, разрушатся, если их не обновить драматическим учением или новым угнетением. Это основной ключ к разгадке феномена моей жизни.

Лето II, Бог-Император Дюны:, Записи из Дар-эс-Балата

Тег продержал их в палатке, раскинутой в густом лесу в тридцати километрах к северо-востоку от Убежища Гамму, до тех пор, пока солнце не скрылось за западным горизонтом.

— Сегодня ночью мы отправимся в другом направлении, — сказал он.

Третью ночь подряд он вел их по лесным зарос-

лям, демонстрируя при этом безукоризненную память ментата, ни разу не сбившись с пути, проложенного для них Патрином.

— У меня все немеет от такого длительного сидения, — пожаловалась Луцилла. — Кажется, нам предстоит еще одна холодная ночь.

Тег сложил защитное одеяло и положил его в свой мешок.

— Вы двое можете немного подвигаться и размяться, — сказал он. — Но мы не двинемся отсюда до наступления полной темноты.

Тег сел на землю, привалившись спиной к стволу высокой сосны, глядя из глубокой тени, как Луцилла и Дункан разминаются на полянке. Они оба постояли несколько секунд, дрожа от холода, который вступал в свои права вместе с надвигающейся ночью. *Да, сегодня опять будет холодно,* подумал Тег, но у них вряд ли будет возможность об этом думать.

Неожиданность.

Швандью никак не ожидает, что они все еще находятся так близко от Убежища и передвигаются пешком.

Таразе стоило быть более настойчивой в своих предупреждениях относительно Швандью, подумал Тег. Насильственное и открытое непо-

виновение Верховной Матери, проявленное Швандью, ломало все традиции. Логика ментата не могла принять такой поворот событий из-за недостатка данных.

Память услужливо подсказала ему поговорку школьных лет, один из тех предупреждающих афоризмов, с помощью которых ментат мог управлять своей логикой.

«Следуя по пути логики, можно сказать, что если при наличии множества деталей ты все же отложишь в сторону бритву Оккама и как ментат последуешь этой логике, то тебя ждет крах».

Итак, логика в данном случае потерпела фиаско.

Он вспомнил, как вела себя Тараза на корабле Гильдии и сразу после этого. *Она хотела, чтобы я понял, что должен действовать по своему усмотрению. Я должен видеть проблему своими глазами, а не ее.*

Следовательно, угроза со стороны Швандью была реальной угрозой, которую он рассмотрел и устранил самостоятельно.

Тараза не знала, что из-за этого произойдет с Патрином.

В действительности ее не интересовало, ни что произойдет с Патрином, ни со мной, ни даже

с Луциллой.

А гхола?

Это-то должно было волновать Верховную!

По логике, правда, это было совершенно не обязательно… Тег оборвал эту линию рассуждений. Тараза не хотела, чтобы он действовал, исходя из логики. Она хотела, чтобы он сделал то, что сделал, то, что он всегда делал в экстренных ситуациях.

Неожиданность.

Так что специфическая логика во всем этом была, правда, она выбросила всех исполнителей из уютного гнезда на произвол хаоса.

Из которого нам самим предстоит создать порядок.

Горе охватило старого башара. *Патрин! Будь ты проклят, Патрин! Ты понимал, а я нет. Что я буду делать без тебя, Патрин?*

Тег почти физически услышал ответ старого адъютанта — ворчливые интонации сержанта, который отчитывает своего командира.

— Вы сделаете все как нельзя лучше, башар.

Все разумные доводы говорили о том, что Тег никогда больше не увидит Патрина во плоти и не услышит голос старика. Но… голос оставался. Лицо же продолжало существовать в памяти.

— Может быть, нам пора идти?

Перед ним стояла Луцилла. Дункан ждал ответа, приблизившись к ней. Оба уже взвалили на плечи походные ранцы.

Пока он размышлял, на землю спустилась ночь. Яркий свет звезд превратил лес в сказочное царство теней. Тег поднялся на ноги, взял свой ранец, потом, согнувшись, чтобы не задевать ветви, вышел на поляну. Дункан помог Тегу поправить ранец.

— Швандью в конце концов все поймет, — сказала Луцилла. — Ее поисковая группа скоро вцепится нам в хвост, да ты и сам это прекрасно знаешь.

— Это произойдет не раньше, чем они отработают ложный след и не упрутся в тупик, — ответил Тег. — Пошли.

Он направился на запад, лавируя в прогалинах между деревьями.

Три ночи он вел их путем, который сам окрестил «дорогой памяти Патрина». В четвертую ночь Тег посоветовал себе не проецировать в сознание логические последствия поведения Патрина.

Я понимаю всю глубину его верности, но не стал проецировать эту верность на самоочевидный

результат. Мы были вместе так много лет, что я думал, что знаю его душу, как свою. Будь ты проклят, Патрин! Тебе было совершенно не обязательно умирать.

Однако себе Тег признавался, что в этом была нужда и что Патрин ее видел. Ментат не мог позволить себе видеть, а Патрин мог. Логика может быть такой же слепой, как и любая другая способность.

Бене Гессерит собственным примером не раз это показывал.

Итак, мы идем пешком. Швандью этого не ожидает.

Тег был вынужден признаться себе, что ночное путешествие по лесам Гамму открыло ему совершенно новые перспективы. Весь этот район порос лесом за время Великого Голода и Рассеяния. Некому было культивировать землю. Потом лес вывели, а потом еще раз засадили, придав ему дикий вид. В нем появились тайные тропинки и личные опознавательные знаки. Тег мог представить себе, как Патрин в дни своей юности замечает ориентиры — вот валун в свете звезд в прогалине деревьев, вот скала в свете звезд, вот тропинка среди гигантских деревьев.

Они ожидают, что мы попытаемся прорваться

на корабль-невидимку, решили они с Патрином, разрабатывая этот план. *Приманка должна повести преследователей по этому следу.*

Патрин не сказал только одного — что приманкой будет он сам.

Тег с трудом проглотил слюну — в горле у него стоял ком.

Мы не смогли бы сохранить Дункана в Убежище, придумывал себе оправдание Тег.

И это была правда.

Луцилла очень нервничала под защитным покровом в первый день их бегства. Из-под специальной ткани, защищавшей от обнаружения с воздуха, нельзя было высовывать нос, но Луцилла считала, что надо срочно поставить Таразу в известность обо всем происшедшем.

— Мы должны отправить сообщение Таразе!

— Отправим, когда сможем.

— Что будет, если с тобой что-то случится? Я должна знать весь план бегства.

— Если со мной что-то случится, ты не сможешь найти тропинку Патрина. У меня просто нет времени погрузить это в твою память.

В тот день Дункан практически не принимал участия в разговоре. Он либо молча смотрел на взрослых, либо спал, а потом просыпался в пол-

ной физической готовности и со злым огоньком в глазах.

На второй день, отлеживаясь под защитным тентом, Дункан вдруг спросил у Тега:

— Почему они хотят меня убить?

— Для того, чтобы расстроить планы, которые Община Сестер связывает с тобой.

Дункан посмотрел на Луциллу горящим взглядом.

— Что же это за планы?

Поскольку Луцилла промолчала, за нее ответил сам Дункан:

— Она знает. Она знает, потому что предполагалось, что я буду зависеть от нее. Предполагается, что я буду любить ее!

Тег подумал, что Луцилла неплохо скрыла свое недовольство. Было очевидно, что ее планы относительно гхола пришли в полное расстройство из-за неожиданного бегства.

Поведение Дункана выявило новую возможность. Не был ли Дункан скрытым Вещающим Истину? Какие способности внедрили в него хитрые и коварные тлейлаксианцы?

Во вторую ночь их вынужденного путешествия Луцилла обвиняла всех и вся.

— Тараза приказала тебе восстановить его

исходную память. Как ты собираешься делать это здесь?

— Я сделаю это, как только мы достигнем надежного места.

Внезапно рядом с ними появился молчаливый, но на редкость оживленный Дункан. Он все слышал!

Тег ни за что не должен пострадать, решил Дункан. Где бы ни находилось Убежище и когда бы они до него ни добрались, Тег должен дойти до него в добром здравии. *И тогда я узнаю все!*

Дункан не знал, что, собственно говоря, откроет ему Тег, но знал, что в этом откровении содержится великая награда. Эта глушь выведет их к цели. Он вспомнил, как смотрел на эту глушь с крыши Убежища и воображал, как будет там совершенно свободным. Теперь это чувство ничем не запятнанной свободы безвозвратно улетучилось. Глушь оказалась лишь дорогой к чему-то гораздо более важному.

Луцилла держалась в арьергарде, принуждая себя оставаться спокойной и бдительной, принимать то, что она не могла изменить. Часть ее сознания непрестанно повторяла приказ Таразы: «Держись ближе к гхола и, когда настанет подходящий момент, выполни свое задание».

Тег тем временем своим безошибочным чутьем точно отмерял километры. Шла четвертая ночь. Патрин рассчитал, что за четыре ночи они доберутся до цели.

И до какой цели!

В основе плана экстренного бегства лежало открытие Патрина, сделанное им в юности. Он тогда обнаружил одну из тайн Гамму. Тег вспомнил его слова:

— Повинуясь какому-то сентиментальному чувству, я побывал там два дня назад. Оно осталось нетронутым. Я единственный, кто там был.

— Ты уверен в этом?

— Я принял свои меры предосторожности, когда покидал Гамму много лет назад. Я оставил на месте несколько мелочей, которые, несомненно, сдвинул бы с места любой пришелец. Но ничто не изменилось.

— Шар-невидимка Харконненов?

— Очень древний, но помещения нетронуты и сохранились очень хорошо. Для жилья они вполне пригодны.

— А вода, питье…

— Там есть все, что вы пожелаете. Все находится в пространстве с нулевой энтропией в центре пещеры.

Тег и Патрин разрабатывали план, надеясь, что им никогда не придется им воспользоваться, хотя Патрин проиграл своему начальнику весь путь до пещеры, открытой в далеком детстве.

Позади вскрикнула Луцилла — она споткнулась о корень.

Надо было ее предупредить, подумал Тег. Дункан, очевидно, шел по следу Тега по звуку. Луцилла, как было ясно, провела целый день в своих мыслях. Это было столь же очевидно.

Она была просто невероятно похожа лицом на Дарви Одраде, сказал себе Майлс. Тогда в Убежище он видел их рядом, и разница заключалась только в нюансах, связанных с разницей в возрасте. Юность Луциллы проявляла себя в большей округлости форм и большем количестве подкожного жира. Но голоса! Тембр, тональность, паузы между словами, обороты — все изобличало манеры Бене Гессерит. В темноте их было бы невозможно различить по голосу.

Зная о Бене Гессерит не понаслышке, Тег понимал, что это не случайность. Учитывая склонность Сестер дублировать ценный генетический материал, можно было предположить, что эти женщины имеют один и тот же генетический источник.

Все мы Атрейдесы, подумал Тег.

Тараза не посвятила его в свои планы относительно гхола, но поскольку Тег оказался в самом центре выполнения этого плана, то он не мог не понять, что он представляет собой нечто цельное и грандиозное, хотя и не видел всех подробностей этого плана и не вполне понимал его цель.

Поколение за поколением Сестры Бене Гессерит покупали у Тлейлаксу гхола Дунканов Айдахо, воспитывали их, учили здесь, на Гамму и… все это только затем, чтобы их убить. Во все времена они выжидали для этого подходящий момент. Это было похоже на чудовищную игру, которая приобрела такую значимость только потому, что на Ракисе появилась какая-то девчонка, которой подчиняются черви.

Сама Гамму тоже была частью плана. На всей планете сохранились отметины былого Каладана. Данийские следы громоздились тут и там во всей своей первобытной жестокости. Нельзя было назвать населением то, что появилось из Данийского Убежища, в котором жила бабка Тирана, леди Джессика.

Тег видел скрытые и открытые следы, когда совершал ознакомительные поездки по Гамму.

Богатство!

Признаки его были, надо было только их прочесть. Оно проникало всюду, вползало, как амеба, в каждое место этой вселенной, располагаясь всюду, где могло зацепиться. Богатство на Гамму появилось после Рассеяния, Тег знал это. Богатство было таким большим, что только немногие могли подозревать (или воображать), насколько оно велико.

Он резко остановился. Картина окружающего ландшафта требовала повышенного внимания. Впереди лежала продолговатая голая скала, вид которой он запомнил из рассказа Патрина. Этот переход может стать одним из самых опасных.

Здесь ничто не сможет прикрыть нас — ни пещеры, ни заросли. Надо приготовить защитные одеяла.

Тег достал из ранца защитное одеяло и перекинул его через руку, дав знак, чтобы остальные сделали то же, потом двинулся вперед. Темная ткань одеяла со свистом развевалась вокруг Тега — настолько быстро он зашагал вперед.

Луцилла с каждым днем становится все менее загадочной, подумал он. Она надеется на титул леди перед именем. Леди Луцилла. Нет сомнений, что такое обращение звучало бы для нее, как музыка. Теперь появилось несколько таких

Преподобных Матерей, которые принадлежали Большим Домам, вышедшим из небытия после долгого забвения, наложенного на них Золотым Путем Тирана.

Луцилла, Соблазнительница-Импринтер.

Все такие женщины были сексуальными адептами Общины Сестер. Мать Тега учила своего сына, как работает эта система, посылая его к местным женщинам, когда он был еще юн, чтобы он хорошо понимал сигналы, которые возникают при этом как у женщин, так и у него самого. К этим сигналам надо было выработать чувствительность и устойчивость. То было запрещенное знание, но мать Тега слыла еретичкой.

Тебе это пригодится, Майлс.

Тег почувствовал, что куски представлений сложились в его мозгу почти с механическим щелчком. Так что с той молодой женщиной с Ракиса? Луцилла научит технике соблазнения своего ученика и вооружит его для того, чтобы заманить в ловушку ту, которой повинуются черви?

Однако для окончательных выводов нет достаточно полных данных.

Тег остановился у опасной расщелины скалы. Он отложил одеяло и закрыл ранец, Дункан и

Луцилла молча стояли рядом. Тег подавил вздох. Одеяло всегда беспокоило его. Оно не имело отражательной силы настоящего боевого щита, и выстрел из лазерного ружья мог поджечь ткань с фатальными последствиями.

Опасная игрушка!

Именно так Тег всегда оценивал оружие и всякие защитные устройства. Куда лучше полагаться на ум и крепость мышц и на пять Отношений Пути Бене Гессерит, которым его научила мать.

Используй инструменты только тогда, когда они абсолютно необходимы для усиления мышц, — так гласило учение Бене Гессерит.

— Почему мы остановились? — прошептала Луцилла.

— Я слушаю ночь, — ответил Тег.

Дункан, лицо которого выглядело совершенно призрачным в свете звезд, внимательно взглянул на Тега. Выражение лица башара вселило в него уверенность. В недоступной пока памяти хранилось что-то такое, что говорило: этому человеку можно доверять.

Луцилла заподозрила, что Тег остановился, чтобы дать отдохнуть своему старому телу, но не решилась высказать это вслух. Тег сказал, что весь план рассчитан так, чтобы доставить

Дункана на Ракис. Очень хорошо, это было единственное, что сейчас имело значение.

Она уже прикинула, что в Убежище, которое где-то впереди, находится либо корабль-невидимка, либо дом-невидимка. Это единственное, что может быть достаточным в этой ситуации. Ключом ко всему был Патрин. Тег обронил несколько намеков, что именно Патрин — источник их пути к спасению.

Луцилла была первой, кто понял, каким образом Патрин заплатил за их бегство. Но он был слабейшим звеном. Он остался позади, где Швандью могла легко захватить его. Захват приманки был неизбежен и предусмотрен планом. Только дурак мог предположить, что у Преподобной Матери Швандью не хватит сил и власти, чтобы справиться с обычным мужчиной. Ей даже не придется использовать всю силу убеждения. Хватит тонкого воздействия Голоса и болевых способов воздействия, которые оставались монополией Общины Сестер — ящик пыток и сдавливание нервных узлов — этого будет больше чем достаточно.

Какую форму в этой ситуации примет верность Патрина, Луцилле было ясно с самого начала. Неужели Тег настолько слеп?

Любовь!

То был старый, долгий, скрепленный доверием союз двух мужчин. Швандью же будет действовать быстро и жестоко. Патрин знал это. Тег не стал проверять свое определенное знание.

Внезапно в сознание Луциллы ворвался голос Дункана:

— Орнитоптер! Сзади!

— Быстро! — крикнул Тег. Он схватил одеяло и накрыл им всех троих. Они лежали, уткнувшись носами в сырую, напоенную ароматами землю, прислушиваясь к летевшему над ними орнитоптеру. Машина не зависла и не вернулась.

Когда они удостоверились, что их не обнаружили, Тег снова повел их путем Патрина.

— Это была поисковая группа, — сказала Луцилла. — Они заподозрили… или Патрин…

— Прибереги свои силы для марша, — рявкнул Тег.

Она не осадила его за грубость. Они оба понимали, что Патрин мертв. Не может быть никаких споров на эту тему.

Этот ментат глубоко копает, подумала Луцилла.

Тег был сыном Преподобной Матери, и она научила его некоторым вещам, которые выходили

за пределы дозволенного, прежде чем он попал в умелые руки Преподобных Матерей Общины. Гхола был не единственным человеком с неизвестными ресурсами.

Тропинка петляла среди деревьев, не пропускавших свет, потом стала резко подниматься вверх по крутому холму. Только изумительная память ментата позволяла Тегу ориентироваться в полной темноте.

Луцилла ощутила под ногами что-то мягкое. Она прислушалась к движениям Тега, пытаясь сориентироваться.

Как молчалив Дункан, подумала Луцилла. *Как он замкнулся в себе.* Он выполнял приказы, следовал за Тегом по первому знаку. Она чувствовала, чего стоит такое послушание Дункана. Он знал, что делает. Дункан подчинялся только потому, что пока это было ему выгодно. Мятеж Швандью посеял в душе гхола что-то дикое и независимое. И что посеяли в нем тлейлаксианцы?

Тег остановился на маленьком пятачке под деревьями, чтобы восстановить дыхание после долгого подъема. Луцилла слышала, как тяжело он дышит. Она снова вспомнила, что Тег — очень старый человек для таких упражнений. Она спокойно спросила:

— Ты хорошо себя чувствуешь, Майлс?

— Я скажу, если почувствую себя плохо.

— Далеко еще нам идти? — спросил Дункан.

— Теперь осталось совсем немного.

Тег снова зашагал сквозь темноту ночи.

— Нам надо поспешить, — сказал он. — Та седловина — последнее препятствие на пути.

Теперь, когда он смирился с фактом смерти Патрина, Тег переключился на Швандью. Интересно, что она сейчас предпринимает? Она наверняка чувствует себя так, словно вокруг нее обрушился мир. Беглецы отсутствуют четыре дня! Люди, которые способны убежать от Преподобной Матери, способны на все. Конечно, беглецы могли улететь с планеты на корабле-невидимке, но что, если…

Мысли Швандью сейчас полны этих «а что, если…»

Патрин был хрупким звеном, но он был хорошо тренирован в ликвидации слабых звеньев, а тренировал его Великий Мастер — Майлс Тег.

Майлс смахнул движением головы непрошеную слезу. Необходимость заставляет быть честным в таких ситуациях, ее не избежать. Тег никогда не был хорошим лжецом, он не мог лгать даже самому себе. На самых ранних стадиях своей подготовки он понял, что и его мать, и другие

воспитатели обусловили в нем чувство глубокой личной честности.

Приверженность кодексу чести.

Сам по себе этот кодекс, поскольку Тег чувствовал в себе его элементы, привлекал его пристальное внимание и завораживал. Это началось с осознания того, что люди рождаются не равными, что они обладают разными способностями и испытывают в жизни воздействие разных событий. Все это производит людей с разными достижениями и разной ценностью.

Для того чтобы подчиниться этому кодексу, Тег рано понял, что должен занять такое место в потоке доступных наблюдению иерархий, чтобы четко определить, когда он не сможет продвигаться выше.

Обусловливание кодексом проникло глубоко внутрь его существа. Он никогда не мог найти его первоначальных корней. Очевидно, кодекс был неразрывно связан с основами его человеческой сущности. Кодекс диктовал правила поведения для тех, кто находился выше и ниже его на иерархической лестнице.

Ключевой обменный знак: верность.

Верность пронизывала всю иерархию и была везде, где для нее находилось место. Именно

такая верность была присуща ему самому — это Тег знал твердо. У него не было ни малейших сомнений, что Тараза поддержит его во всем, кроме ситуации, в которой он должен будет пожертвовать собой ради Общины Сестер. Само по себе это было правильное решение. Именно здесь находится верность их всех.

Я — башар Таразы. Вот что говорит кодекс.

И этот же кодекс убил Патрина.

Я надеюсь, ты не испытывал боли, старый друг.

Тег еще раз остановился под деревьями. Вытащив из-за голенища нож, он сделал отметку на дереве.

— Что ты делаешь? — спросила Луцилла.

— Это тайная метка, — ответил Тег. — Только люди, которых я обучал, знают о ней. И, конечно, Тараза.

— Но почему ты…

— Я все объясню позже.

Тег двинулся вперед, остановившись у следующего дерева, на котором он тоже оставил крошечную зарубку. Такую отметину вполне мог оставить зверь или птица — царапина на коре ничем не выделялась из ее естественного рисунка.

Прокладывая дорогу, Тег думал, что планы Луциллы относительно Дункана надо непременно расстроить. Все рассуждения ментата, касавшиеся душевного здоровья и безопасности Дункана, говорили в пользу такого решения. Пробуждение исходной памяти Дункана должно предшествовать импринтингу Луциллы. Тег знал, что блокировать ее действия будет очень непросто — для этого надо быть гораздо лучшим лжецом, чтобы успешно ломать комедию для Преподобной Матери.

Все должно произойти якобы случайно, в результате естественного хода вещей. Луцилла ни в коем случае не должна заподозрить противодействие своим планам. Однако Тег не питал иллюзий относительно успешного противостояния возбужденной Преподобной Матери в тесноте Убежища. Лучше ее убить! Он понимал, что вполне может это сделать, но что будет потом? Никто не сумеет заставить Таразу рассматривать такой кровавый акт как выполнение ее же приказа.

Нет, придется дождаться своего часа, набраться терпения, наблюдать и слушать.

Они вышли на маленькую полянку, упершись в высокую стену из вулканической породы. Ко-

лючие кусты и заросли терновника выделялись в свете звезд, как большие темные пятна на скале.

В самом низу виднелось черное отверстие, в которое с трудом мог проползти человек.

— Вот туда мы и поползем на брюхе, — бодро сказал Тег.

— Я чувствую запах золы, — сказала Луцилла. — Здесь что-то жгли.

— Это приманка, — сказал Тег. — Он оставил здесь выжженную зону — она находится слева, чтобы создать впечатление, что отсюда стартовал корабль-невидимка.

Было слышно, как Луцилла шумно перевела дух. *Какая смелость!* Если Швандью осмелится послать сюда поисковую группу с человеком, обладающим предзнанием, который обнаружит следы Дункана (ибо среди них только он не являлся потомком Сионы и не имел никакой защиты от такого обнаружения), то они приведут погоню сюда, где налицо следы взлета корабля-невидимки… правда, при условии, что…

— Но куда ты нас привел? — спросила она.

— Это сфера-невидимка Харконненов, — ответил Тег. — Она просуществовала несколько тысячелетий никому не нужной, но теперь она наша.

Вполне естественно, что власти предержащие желают подавить дикие исследования. Из истории известно, какую нежелательную конкуренцию порождают ничем не ограниченные поиски знания. Сильно желание «безопасной линии исследований», что позволит разрабатывать только те производства и идеи, которые можно взять под контроль, и что еще более важно, позволит принести наибольшую пользу внутренним инвесторам. К несчастью, вселенная полна случайностей и отличается флуктуациями, поэтому не может быть никаких гарантий существования «безопасной линии исследований».

Оценка Икса, Архивы Бене Гессерит

Хедли Туэк, Верховный Священник и титульный правитель Ракиса, почувствовал, что не в силах соответствовать предъявленным ему требованиям.

Душная пыльная ночь опустилась на город Кин, но здесь, в Зале Аудиенций Верховного, ярко горевшие плавающие шары разгоняли тень. Но даже в этих покоях был слышен свист ветра, планету сотрясал очередной шторм.

Аудиенц-зал представлял собой неправильной формы комнату длиной семь метров и шириной (в самом широком месте) около четырех метров. Противоположный конец зала был еще уже. Потолок тоже не был горизонтальным, а спускался к узкому концу зала. Занавеси из волокон Пряности скрывали эту неправильность. Одна из занавесок прикрывала фокусирующий звуковые волны рог, который позволял стоявшему за стеной человеку слышать каждое слово, произнесенное в Зале Аудиенций.

В зале, кроме хозяина, находилась только Дарви Одраде, новый комендант Резиденции Бене Гессерит на Ракисе. Они сидели лицом к лицу, разделенные узким пространством, на удобных зеленых подушках.

Туэк попытался скрыть недовольную гримасу. От этого усилия его обычно бесстрастное лицо превратилось в выдающую его маску. Он потратил массу усилий, готовясь к этой ночной встрече. Портные разгладили накидку, надетую на его высокое статное, начавшее расплываться тело. На длинных ступнях красовались золотые сандалии. Защитный костюм под накидкой играл в данный момент лишь декоративную роль: в нем не было ни водоуловителей, ни насосов, ни

других приспособлений, с которыми было так много возни. Шелковистые седые волосы были аккуратно расчесаны на прямой пробор, красиво ниспадая на плечи и подчеркивая породистое лицо с чувственным ртом и выступающим вперед мощным подбородком. Глаза его выражали непреодолимое благодушие — черта, которую он унаследовал от своего деда. Именно так он выглядел, когда вступил в Аудиенц-зал для встречи с Одраде. В тот момент он чувствовал себя импозантным мужчиной, но теперь ощущал себя голым и взъерошенным.

Он действительно тупой и пустоголовый болван, подумала Одраде.

Туэк в это время тоже напряженно размышлял:

Я не могу обсуждать с ней этот проклятый манифест. Ни с Мастером Тлейлаксу, ни с теми лицеделами, которые притаились в соседней комнате. Какой бес в меня вселился, что я позволил втравить себя в такую историю?

— Это ересь, — сказал он, — простая ересь в чистом виде.

— Но вы же представляете только одну религию из многих, — возразила на это Одраде. Однако с возвращением множества людей из Рассеяния

возможны схизмы и различные верования…

— Мы — носители единственно истинной веры! — заявил Туэк.

Одраде сумела скрыть улыбку. *Он явно произнес отрепетированную реплику. И Вафф, конечно, его слышал.* Туэка было чрезвычайно легко вести. Если Община не ошиблась в своей оценке Мастера Тлейлаксу, то реплика Туэка должна привести его в ярость.

Одраде заговорила проникновенным и напыщенным тоном:

— Манифест поднимает вопросы, которые придется решать всем — и верующим, и неверующим.

— Какое отношение все это имеет к Священному Ребенку? — поинтересовался Туэк. — Вы сказали мне, что мы должны встретиться, чтобы обсудить вопросы, касающиеся…

— Это действительно так! Но вы же не будете отрицать, что в последнее время появилась масса людей, готовых поклоняться Шиане, и в манифесте как раз и подразумевается…

— Манифест, манифест! Это еретический документ, который должен быть попросту уничтожен. Что касается Шианы, то ее надо вернуть под нашу исключительную опеку!

— Нет, — мягко возразила Одраде.

Как же возбужден Туэк, подумала она. Его короткая шея едва двигалась, когда он выразительно поглядывал на занавеску. Он смотрел так целенаправленно, что казалось, что на злосчастную занавеску направлен луч света. Какой прозрачный человек этот Верховный Священник. Он мог с тем же успехом просто сказать, что Вафф стоит за занавеской и подслушивает.

— Следующий пункт: вы сманите ее к отъезду с Ракиса, — сказал Туэк.

— Она остается здесь, — возразила Одраде, — как и обещала вам.

— Но почему она в таком случае не может…

— Постойте! Шиана ясно и недвусмысленно высказала свое пожелание, о чем вам, несомненно, донесли. Она хочет стать Преподобной Матерью.

— Она уже…

— Милорд Туэк! Не пытайтесь со мной хитрить. Она недвусмысленно высказала свое желание, и мы готовы пойти ему навстречу. Почему вам обязательно надо возражать? Преподобные Матери служили Разделенному Богу еще во времена фрименов. Так почему они не могут делать это сейчас?

— Вы в Бене Гессерит умеете заставлять людей

говорить то, что они не хотят говорить, — обвиняющим тоном произнес Туэк. — Нам не следовало обсуждать это в столь интимной обстановке, в приватном порядке. Мои советники…

— Ваши советники только помешали бы нашей дискуссии. То, что содержится в манифесте Атрейдесов…

— Я буду говорить только о Шиане! — Туэк принял позу, которая, по его мнению, была призвана символизировать твердость веры Верховного Священника.

— Мы и говорим только о ней, — уверила его Одраде.

— Тогда дайте мне возможность прояснить этот вопрос — мы требуем, чтобы в ее свите было больше наших людей. Ее надо охранить от всего…

— Вы уже охраняли ее на крыше храма, хотите повторения пройденного? — спросила Одраде.

— Преподобная Мать Одраде! Это священный Ракис. Здесь все ваши права — это наш дар!

— Права? Шиана стала мишенью чьих-то амбиций, а вы говорите о каких-то правах!

— Мои обязанности как Верховного Священника ясны и четко очерчены. Святая Церковь Разделенного Бога будет…

— Милорд Туэк! Я изо всех сил пытаюсь соблю-

сти необходимую вежливость. Все, что я делаю, я делаю только для вашего и нашего блага. Действия, которые мы предприняли…

— Действия? Какие действия? — от волнения Туэк буквально прохрипел эти слова. Эти ужасные ведьмы Бене Гессерит! За его спиной Тлейлаксу, а перед глазами — Преподобная Мать! Чудесно! Туэк чувствовал, что он сейчас похож на мяч, который немилосердно пинают взад и вперед соперники в какой-то страшной, чудовищной игре. Мирный Ракис, надежное место его обыденной жизни, исчез и превратился в арену каких-то ристалищ, правил которых он до сих пор не понял.

— Я послала за башаром Майлсом Тегом. Его передовой отряд скоро прибудет на Ракис. Мы хотим усилить оборону вашей планеты.

— Вы осмеливаетесь предпринимать…

— Мы ничего не предпринимаем. По просьбе вашего собственного отца Майлс Тег в свое время реорганизовал вашу оборону. Соглашение, по которому это было сделано, до сих пор не утратило силу. По настоянию вашего отца систему обороны надо периодически проверять и делать это обязался опять-таки Майлс Тег.

Туэк погрузился в озадаченное молчание. Вафф,

этот зловещий маленький тлейлаксианец, слышал все до последнего слова. Непременно будет конфликт! Тлейлаксианцы хотят добиться заключения секретного соглашения по Пряности. Они не допустят вмешательства Сестер Бене Гессерит.

Одраде упомянула отца, и Туэк от души пожалел, что его давно умерший отец не сидит в этом зале вместо него. Крепкий был орешек. Он умел держать в узде тлейлаксианцев! Туэк вспомнил, как он подслушивал, стоя за занавеской, за которой стоит сейчас Вафф, разговор двух тлейлаксианцев: одного — посланника — звали Воуз, а второго Поок. Ледден Поок. Ну и имена же у них!

В смятенном мозгу Туэка внезапно всплыло другое имя — Тег! Неужели этот старый монстр все еще при деле?

Одраде тем временем продолжала говорить. Туэк, у которого пересохло в горле от волнения, едва соображал, что говорит Преподобная Мать.

— Тег проверит также обороноспособность на самой планете. После того фиаско на крыше…

— Я официально запрещаю такое грубое вмешательство в наши внутренние дела, — сказал Туэк. — В этом нет никакой необходимости. Наши храмовые стражники вполне адекватны…

— Адекватны? Чему? — Одраде печально покачала головой. — Как неадекватно это слово применительно к новым обстоятельствам, существующим на Ракисе.

— Какие новые обстоятельства? — спросил священник. В голосе его прозвучал нескрываемый ужас.

Одраде, не отвечая, молча смотрела в глаза собеседнику.

Туэк попытался привести свои мысли хотя бы в относительный порядок. Знает ли она о том, что их подслушивает тлейлаксианец? Это невозможно! Дрожа, он тяжко вздохнул. Что она имеет в виду, говоря об обороне Ракиса? У нас прекрасная оборона, уверил себя Верховный. У них есть великолепные иксианские мониторы и корабли-невидимки. Более того, независимость Ракиса зиждилась на том, что эта планета оставалась единственным, если не считать Тлейлаксу, источником Пряности.

Это преимущество сводится на нет проклятым Тлейлаксу с его избыточной продукцией меланжи в дьявольских чанах с аксолотлями.

То была удручающая мысль. Мастер Тлейлаксу слышал каждое слово, которое произносилось в этой комнате.

Туэк воззвал к Шаи-Хулуду, Разделенному Богу, чтобы тот помог ему в такую трудную минуту. Тот ужасный человечек за занавеской говорил, что он имел контакты с иксианцами и Говорящими Рыбами. Показывал документы. Неужели это и есть те самые «новые обстоятельства», о которых говорила Одраде? От этих ведьм воистину ничего не спрячешь!

Однако Верховный не мог подавить дрожь, когда думал о Ваффе. Эта круглая маленькая головка, блестящие масленые глаза; этот похожий на пуговицу нос и острые зубки, обнажающиеся в мимолетной колючей улыбке. Вафф производил впечатление несколько переросшего свой возраст ребенка, это впечатление тотчас пропадало, если собеседник заглядывал ему в глаза или слышал писклявый голос. Туэк вспомнил, как его отец жаловался на их голоса: «Тлейлаксианцы говорят ужасные вещи своими детскими голосками».

Одраде поудобнее устроилась на подушке. Она подумала о Ваффе, который подслушивает, стоя за занавеской. Достаточно ли много он слышал? Ее слухачи сейчас должны задать себе тот же вопрос. Преподобные Матери всегда записывали такие беседы, а потом прослушивали их по

нескольку раз, пытаясь понять, какую еще пользу можно извлечь из этого для Общины Сестер.

Вафф услышал достаточно, решила Одраде. *Пора менять игру.*

Самым деловым тоном, на который она была способна, Одраде обратилась к священнику:

— Милорд Туэк, сейчас одна очень важная персона слушает то, что мы говорим. Вежливо ли с нашей стороны заставлять его прятаться?

Туэк закрыл глаза. Она все поняла.

Он открыл глаза и столкнулся с непроницаемым взглядом Одраде. Она выглядела как человек, который готов, если понадобится, ждать ответа целую вечность.

— Вежливо? Я… я…

— Пригласите этого человека сюда, чтобы он сидел вместе с нами. — Туэк провел ладонью по мгновенно вспотевшему лбу. Его отец и дед и все бывшие до них Верховные Священники умели в таких ситуациях отвечать значительными ритуальными словами, но то было не в такие моменты. Пригласить тлейлаксианца к столу? В этом зале с… Туэк внезапно вспомнил, что ему очень не понравился запах, исходивший от Мастера. Отец по этому поводу жаловался: «От них пахнет скверной пищей».

Одраде поднялась с подушки.

— Мне очень хочется взглянуть на того, кто меня подслушивает, — сказала она. — Почему бы мне самой не пригласить…

— Прошу вас, — Туэк остался сидеть, но умоляюще воздел вверх руки, пытаясь остановить женщину. — У меня не было выбора. Он приехал с документами от иксианцев и Говорящих Рыб. Он обещал помочь вернуть Шиану…

— Помочь вам? — Одраде взглянула на потного священника с чувством, очень похожим на жалость. И это ничтожество думает, что управляет Ракисом?

— Он из Бене Тлейлаксу, — сказал Туэк. — Его зовут Вафф и…

— Я знаю, как его зовут и почему он здесь, милорд Туэк. Что меня удивляет, так это то, что вы позволяете ему шпионить за…

— Это не шпионаж! Мы вели переговоры. Я хочу сказать, что появились новые силы, с которыми нам тоже надо уладить свои отношения…

— Новые силы? О да; эти шлюхи из Рассеяния. Неужели этот Вафф привез с собой парочку этих тварей?

Прежде чем Туэк успел ответить, боковая дверь распахнулась и в зал вошел Вафф в сопровожде-

нии двух лицеделов.

Ему же сказали, чтобы он не привозил с собой лицеделов, подумала Одраде.

— Только вы! — сказала она вслух. — Остальных мы не приглашали, не правда ли, милорд Туэк?

Туэк тяжело поднялся на ноги, не выпуская из поля зрения Одраде: он был наслышан о боевых искусствах этих ведьм. Присутствие лицеделов только усилило его смятение. Вечно они впутывают во всякие скверные истории.

Подойдя к двери, Туэк дипломатично улыбнулся и сказал:

— Только посла Ваффа, прошу вас…

Речь Туэка стала прерывистой, спазм сдавил горло. Он чувствовал себя голым и беззащитным перед этими людьми.

Одраде жестом показала на подушку возле себя.

— Это Вафф, не правда ли? Садитесь, прошу вас.

Вафф кивнул с таким видом, словно никогда прежде не видел Одраде. *Какая вежливость!* Сделав знак лицеделам, чтобы они ожидали его за дверью, Вафф подошел к подушке, но не сел, а остался стоять в ожидании.

Одраде показалось, что по телу маленького тлейлаксианца прошла волна какого-то напряжения. Губы тронуло злобное выражение. В рукавах у него и сейчас спрятано оружие. Неужели он готов нарушить их соглашение?

Сейчас наступило время, подумала Одраде, *когда все подозрения Ваффа должны вспыхнуть с новой силой. Он чувствует, что маневры Тараза загнали его в ловушку. Вафф очень хотел заполучить Матерей для селекции. Испарения его феромонов выдавали сильный страх. В уме у него была сейчас его часть соглашения — по крайней мере в части разделения. Не могла же Тараза и в самом деле допустить, что он поделится с нею всеми знаниями, полученными от Досточтимых Матрон.*

— Милорд Туэк сказал мне, что вы… э-э-э… вели здесь переговоры, — заговорила Одраде. *Пусть он запомнит это слово!* Вафф прекрасно знает, где надо вести настоящие переговоры. Произнося эти слова, Одраде опустилась на колени, а потом перекатилась на подушку, готовая при первой же опасности выпрыгнуть из зоны огня тлейлаксианца.

Вафф посмотрел на Преподобную Мать, потом на подушку, которую она ему предложила. Он

тоже медленно опустился на подушку, положив руки на колени, рукава нацелены на Туэка. *Что он делает?* — поразилась Одраде. Действия Ваффа показывали, что он здесь выполняет свой самостоятельный план.

— Я пыталась произвести на Верховного Священника впечатление манифестом Атрейдесов — это важный документ для нашего взаимного…

— Атрейдесов! — выпалил Туэк. Он почти без сил рухнул на подушку. — Он не может принадлежать Атрейдесам.

— Очень убедительный манифест, — сказал Вафф, чем еще больше усилил страх Туэка.

Во всяком случае, хоть это вписывается в план, подумала Одраде.

— Обещание с'тори нельзя игнорировать. Многие люди ассоциируют с'тори с присутствием своего Бога, — сказала Одраде.

Вафф одарил женщину удивленным и одновременно злым взглядом.

— Посол Вафф сказал, что иксианцы и Говорящие Рыбы очень встревожены этим документом, — заговорил Туэк, — но я уверил его, что…

— Я думаю, что мы вполне можем игнорировать мнение Говорящих Рыб, — сказала Одраде. — Им в каждом шорохе слышится поступь Бога.

Вафф сразу уловил в ее тоне иносказание. Неужели она переметнулась на его сторону? Насчет Говорящих Рыб она, конечно, права. Они настолько далеки сейчас от того, чему были посвящены раньше, что лишились практически всякого влияния, а то влияние, которое у них осталось, вполне могли осуществлять и лицеделы, особенно новые, вроде тех, которые приехали сюда с ним.

Туэк попытался улыбнуться Ваффу.

— Вы говорили о том, что можете помочь нам в…

— Об этом позже, — грубо оборвала священника Одраде. Ей надо было во что бы то ни стало задержать внимание Туэка на документе, который его столь сильно тревожил. Она привела слова манифеста: — «Ваша воля и ваша вера — ваша система верований — доминируют в вашей вселенной».

Туэк сразу узнал эти слова. Он читал этот ужасный документ. Бог сказал, что этот так называемый манифест был не чем иным, как творением рук человеческих. Как ему отвечать? Ни один Верховный Священник не должен оставлять такие вещи без достойного ответа. Прежде чем Туэк нашел слова, Вафф посмотрел в глаза Одраде и ответил сам, зная, что она правильно ис-

толкует его слова. Эта женщина не была способна на меньшее, иначе она не была бы Преподобной Матерью.

— Ошибка предзнания, — сказал Вафф. — Не так ли называет документ этот феномен? Не в этом ли месте манифеста говорится о том, что ум верующего подвергается стагнации?

— Именно в этом, — подтвердил Туэк. Он был очень благодарен тлейлаксианцу за вмешательство в разговор. Именно в том отрывке заключалось средоточие опасной ереси документа.

Вафф не смотрел на Туэка, но не отрывал взгляда от Одраде. Неужели Бене Гессерит полагает свой план недоступным для непосвященных? Пусть же она встретится с более мощной силой. Эта женщина думает, что она очень сильна! Но ведьмы Бене Гессерит просто не знают, как всемогущий Бог бережет последователей Шариата!

Туэка уже невозможно было остановить.

— Этот манифест оскорбляет все, что мы считаем священным! Кроме того, его распространили по всему миру!

— Людьми Тлейлаксу, — невозмутимо проговорила Одраде.

Вафф поднял руки, нацелив свое оружие на Туэка. Он не мог решиться только из-за Одраде,

которая частично разгадала его намерения.

Туэк переводил глаза с одного собеседника на другого. Истинны ли обвинения Одраде? Или это еще один трюк Бене Гессерит?

Одраде видела колебания Ваффа и угадывала их причину. Она принялась размышлять в поисках ответа на вопрос о его мотивах. Какое преимущество получат тлейлаксианцы, убив Туэка? Очевидно, Вафф хочет заменить Верховного Священника одним из своих лицеделов. Но что это ему даст?

Выигрывая время, Одраде сказала:

— Вам следует быть очень осторожным, посол Вафф.

— Разве осторожность направляла когда-нибудь великую необходимость? — спросил Вафф.

Туэк поднялся и, ломая руки, тяжело прошелся по комнате.

— Я умоляю вас, ведь есть границы святости. Мы не правы, обсуждая ересь здесь, если только наша цель не заключается в ее искоренении, — он взглянул на Ваффа. — Не правда ли? Ведь не вы же автор этого злосчастного документа?

— Он не наш, — согласился Вафф. *Черт бы побрал этого хлыща от богословия!* Туэк перемещался по залу, представляя собой не что иное,

как движущуюся мишень.

— Я так и знал! — заявил Туэк вышагивая вокруг Ваффа и Одраде.

Женщина пристально посмотрела на Ваффа. Он замыслил убийство! Теперь она была в этом уверена.

Туэк заговорил, стоя за ее спиной.

— Вы сами не понимаете в каком ложном свете выставили нас, Преподобная Мать. Сер Вафф попросил нас об организации меланжевого картеля. Я объяснил, что цена на меланжу для вас должна остаться неизменной, потому что одна из вас была бабкой Бога.

Вафф ждал, склонив голову. Священник скоро вернется на место в зону поражения. Бог не допустит промаха.

Туэк продолжал стоять за спиной Одраде и смотреть на Ваффа. Тлейлаксианцы… такие отталкивающие и аморальные. Им нельзя доверять. Как можно принять отрицание Ваффа за чистую монету?

Нисколько не испугавшись намерений Ваффа, Одраде сказала:

— Но, милорд Туэк, неужели вас не привлекает перспектива роста доходов?

В этот момент Вафф вскинул обе руки и выстре-

лил, стараясь прицелиться в две разные мишени сразу. Прежде чем сработали его мышцы, Одраде оказалась вне зоны досягаемости дротиков. Она услышала свист дротиков, но не почувствовала укола. Левой рукой она ударила по правой руке Ваффа, сломав ее, а правой ногой она сломала ему левую руку.

Вафф дико закричал.

Он не подозревал, что у воспитанниц Бене Гессерит такая быстрая реакция. Она была лучше, чем у Досточтимой Матроны на иксианском корабле. Даже испытывая адскую боль, Вафф подумал о том, что надо сообщить об этом. Преподобная Мать способна произвольно управлять синоптической передачей.

Дверь позади Одраде распахнулась, и в зал ворвались два лицедела. Но Одраде, зайдя Ваффу со спины, сдавила ему горло.

— Остановитесь, или он умрет! — крикнула она.

Двое застыли на месте.

Вафф корчился в руках Одраде.

— Тихо! — снова скомандовала она. Справа на полу неподвижно лежал Туэк. Один дротик нашел свою цель.

— Вафф убил Верховного Священника, — пере-

дала Одраде своим тайным агентам.

Два лицедела продолжали смотреть на нее во все глаза. Их нерешительность легко читалась по их лицам. Никто из них не понимал, как все это играло на руку Бене Гессерит. Тлейлаксианец сам себя загнал в ловушку!

Одраде обратилась к лицеделам:

— Убирайтесь отсюда и уберите тело, закройте дверь. Ваш Мастер сделал непоправимую глупость. Вы понадобитесь позже.

Потом она обратилась к Ваффу:

— Сейчас я нужна тебе больше, чем все твои лицеделы. Вышли их вон.

— Уходите, — прохрипел Вафф.

Лицеделы продолжали стоять, глядя на нее. Одраде повторила:

— Если вы немедленно не выйдете, то я задушу его, а потом разберусь и с вами.

— Делайте это! — крикнул Вафф.

Лицеделы приняли это за команду хозяина и повиновались. Одраде показалось, что она услышала в вопле Ваффа какой-то скрытый смысл. Он сказал свои последние слова, охваченный суицидальной истерией.

Оставшись с ним наедине, Одраде вытащила из рукавов Ваффа оружие, разрядила его и положила

в карман. С ним можно будет разобраться и позже. С переломами мало что можно было сделать, пришлось ограничиться рауш-наркозом и вправить осколки. Шины она изготовила из подушек, а повязку из остатков одежды священника.

Вафф быстро очнулся и застонал, глядя на Одраде.

— Теперь мы с вами союзники, — сказала Одраде. — То, что произошло в этой комнате, видели мои люди и представители клики, которая спала и видела, как бы заменить Туэка своим ставленником.

Все это было сказано слишком быстро для Ваффа. Несколько мгновений он переваривал то, что она сказала. Однако главное он понял сразу.

— Союзники?

— Я представляю, как вам трудно было общаться с Туэком, — сказала она. — Стоит предложить ему дельную вещь, как он сразу топит ее в болтовне. Некоторым священникам вы оказали огромную услугу, убив его.

— Они подслушивают нас? — пискнул Вафф.

— Конечно, но мы сейчас обсудим с вами ваши предложения относительно монополии на Пряность. Покойный Верховный Священник перед своей преждевременной смертью сказал, что вы

упоминали об этом. Позвольте уж и мне посмотреть, смогу ли я оценить размах этой сделки.

— Мои руки, — простонал Вафф.

— Но вы еще живы, — возразила на это Одраде. — Благодарите мою мудрость, ведь я могла и убить вас.

Он отвернулся.

— Это было бы к лучшему.

— Но не для Бене Тлейлаксу и не для Общины Сестер, — сказала она. — Давайте посмотрим. Да, вы обещали снабдить Ракис множеством уборщиков Пряности, новыми уборочными машинами, которые летают по воздуху, касаясь Пряности только своими щетками.

— Вы подслушивали, — укоризненно произнес Вафф.

— Вовсе нет, — возразила Одраде. — Это очень выгодное предложение, поскольку я знаю, что иксианцы поставляют вам эти машины бесплатно по каким-то своим мотивам. Мне продолжать?

— Вы же сказали, что мы — союзники.

— Монополия может заставить Гильдию покупать больше иксианских навигационных машин, — сказала она. — Вы зажмете Гильдию, как орех в клещах.

Вафф поднял голову и устремил на Одраде го-

рящий взгляд. Движение вызвало сильнейшую боль в сломанных руках, и он громко застонал. Несмотря на мучительную боль, он продолжал изучать Одраде сквозь полуприкрытые веки. Неужели ведьмы думают, что только в этом заключается план Бене Тлейлаксу? Он не мог заставить себя поверить, что Бене Гессерит может так заблуждаться.

— Конечно, ваш основной план заключается не в этом, — продолжала Одраде.

Глаза Ваффа широко открылись от неожиданности. Она просто читает его мысли!

— Я обесчещен, — сказал он. — Когда вы спасли мне жизнь, вы спасли никому не нужную вещь.

Он откинулся назад.

Одраде сделала глубокий вдох. *Настало время использовать результаты анализа Капитула.* Она склонилась над Ваффом и прошептала ему в ухо:

— Ты все еще нужен Шариату.

Вафф глубоко вздохнул.

Одраде с облегчением вздохнула и расслабилась. Этот вздох сказал ей все. Анализ оказался верен.

— Вы думали, что найдете более надежных союзников среди людей Рассеяния, — сказала

она. — Всех этих Досточтимых Матрон и прочих гетер того же толка. Но я спрашиваю вас, вступает ли слинья в союз с мусором?

Обычно этот вопрос задавался только в кхеле. Лицо Ваффа побелело, он часто и поверхностно задышал. Какой скрытый смысл содержится в ее словах! Он заставил себя забыть о боли в руках. *Союзники,* сказала она себе. *Она знает о Шариате! Как она может вообще это знать?*

— Как может хоть один из нас не понимать все преимущества союза между Бене Тлейлаксу и Бене Гессерит? — спросила Одраде.

Союз с ведьмами повиндах? Ум Ваффа был в полном смятении. Он был настолько взволнован, что почти не чувствовал боли в сломанных руках. Как хрупок этот момент! Он ощутил горечь желчи на языке.

— Ах, — воскликнула Одраде, — вы вообще слышите меня? Прибыл священник Крутансик и его клика, они ждут за дверью. Они предложат одному из твоих лицеделов принять облик Хедли Туэка. Любой другой поворот событий может вызвать опасное брожение. Крутансик нормальный честный человек, который до сих пор держался в тени. Дядя Стирос хорошо его воспитал.

— Что получит Община Сестер от союза с на-

ми? — с трудом спросил Вафф.

Одраде улыбнулась. Теперь она может сказать ему правду. Это всегда легче, к тому же правда — самый мощный аргумент.

— Мы сможем выжить в той буре, которая разразилась между разными партиями вернувшихся из Рассеяния, — сказала она. — И Тлейлаксу тоже сможет выжить только на этих условиях. Самая дальняя наша цель — это покончить с теми, кто искренне считает, что только его вера самая истинная.

Вафф скорчился от страха. Она говорит с ним так откровенно, потом он все понял. Какая разница, если это даже услышат чужие? Они не смогут разгадать истинный смысл сказанного.

— Наши Селекционные Матери готовы сотрудничать с вами, — сказала она. Она жестко посмотрела в его глаза и сделала знак священникам Дзенсунни.

Вафф почувствовал, как распался обруч, стягивавший его грудь. Неожиданная, немыслимая, невероятная вещь оказалась истиной. Бене Гессерит — не повиндах! Скоро вся вселенная последует за Бене Тлейлаксу путем истинной веры! Бог не допустит ничего другого. Особенно здесь, на планете своего пророка!

Бюрократия подавляет инициативу. Больше всего на свете бюрократ ненавидит инновации, особенно такие, которые приводят к лучшим результатам, чем старая, отжившая рутина. Улучшение всегда выставляет в невыгодном свете тех, кто находится наверху. Но кому же понравится такое положение?

Руководство по методу проб и ошибок для управленцев, Архивы Бене Гессерит

На столе, за которым сидела Тараза, были разложены стопки донесений, сообщений и сводок случайной информации. Капитул давно уснул, бодрствовали только ночные службы и охрана. Из-за двери доносились редкие негромкие звуки — признаки их незаметной деятельности. Два плавающих светильника выхватывали из темноты поверхность стола, заливая теплым желтым светом листы ридулианской бумаги. В темном окне кабинета отражалось убранство помещения.

Архивы!

Голопроектор, мигая, выдавал требуемую информацию непосредственно на поверхность стола — все новые и новые фрагменты сообще-

ний.

Тараза не доверяла архиву, вполне понимая, что такое отношение двусмысленно, ибо сознавала необходимость получения данных. Однако записи Капитула представляли собой невероятно запутанную систему сокращений, примечаний, зашифрованных вставок и сносок. Для интерпретации данных требовались способности ментатов и, что еще хуже, использование ресурсов другой памяти. При этом в таких случаях дело, как правило, не терпело отлагательства, а значит, приходилось пренебрегать усталостью. Все архивисты были ментатами, но это не укрепляло уверенность Таразы и не приносило ей радость. Просто затребовать нужные данные в архиве было невозможно. При оценке их приходилось полагаться на слово тех, кто эти данные интерпретировал или (о, как это отвратительно!) надо было полагаться на механические средства голографического поиска. Такая система делала пользователя рабом тех, кто обслуживал технику. Это давало служащим гораздо больше власти, чем им, по мнению Таразы, было положено иметь.

Зависимость!

Тараза ненавидела зависимость. Это было вынужденное и очень грустное признание, на-

помнившее ей, что лишь немногие ситуации развиваются точно так, как планировалось. Даже в лучших проектах ментатов накапливаются ошибки… Дайте только срок.

Тем не менее каждое действие Общины Сестер требовало просмотра архивов и практически бесконечного анализа найденных сведений. Этого требовала даже элементарная коммерция. Это слишком часто раздражало Верховную Мать. Должны ли мы организовывать вот эту группу? Надо ли подписывать вот это соглашение?

Как часто во время конференций Тараза произносила одну и ту же, ставшую традиционной, фразу:

— Анализ архивиста Гестерион принимается.

Или (что тоже случалось нередко):

— Мнение архивиста отвергается, как неубедительное.

Тараза наклонилась вперед и принялась изучать голографическую проекцию: «Вероятный селекционный план для объекта **Вафф**».

Она прочитывала цифры, характеристики наборов генов, присланных Одраде проб. Конечно, соскоба с ногтей могло не хватить для надежного анализа, но Одраде воспользовалась ситуацией и собрала материал, когда вправляла переломы

Ваффа. Оценивая данные, Тараза могла только покачать головой. Все будет так же, как и при предыдущих попытках Бене Гессерит работать с материалом Тлейлаксу. Женщины совершенно недоступны для ментального зондирования, а о мужчинах и говорить не приходится — это непроницаемый и отталкивающий хаос. Таковы были все потомки скрещиваний, в которых применялся генетический материал Тлейлаксу.

Тараза откинулась на спинку кресла и вздохнула. Когда дело доходило до селекционных журналов, то количество перекрестных ссылок в архиве начинало превышать все мыслимые количества. Официально журнал именовался «Собранием анцестральных связей». Такова терминология архивистов. Среди Сестер список именовался по-другому: «Реестр племенных жеребцов». Это было, конечно, точно, хотя и не передавало всей полноты картины, которая в мельчайших деталях была разнесена по рубрикам архива. Тараза попросила проследить признаки Ваффа в трехстах поколениях, что было вполне посильной и легко решаемой задачей. Всего триста генных линий (например, линии Тега в трехстах поколениях — сам Тег, его предки и их сибсы, побочные линии и т. д.). Все генные

линии надежно сохранялись в течение тысячелетий. Тараза инстинктивно чувствовала, что не стоит тратить больше времени на проекции Ваффа.

Она почувствовала усталость. Положив голову на стол, она некоторое время посидела в таком положении, ощущая лбом прохладу гладкой деревянной столешницы.

Что, если на Ракисе я допустила ошибку?

Аргументы оппозиции не выметешь из архива вместе с архивной пылью. Черт бы побрал эту зависимость от компьютеров! Община Сестер работала с компьютерами даже в дни Джихада Слуг, когда искоренялись даже воспоминания о «думающих машинах». В эти «более просвещенные времена» люди старались не думать о подсознательных причинах той оргии разрушения машин.

Иногда мы принимаем очень ответственные решения, руководствуясь своим подсознанием. Никакой осознанный поиск в Архивах или Другой Памяти не представляет никаких гарантий.

Тараза стукнула ладонью по столу. Она очень не любила иметь дело с архивистами, всегда готовыми дать ответ на любой вопрос. Какие они все высокомерные, исполненные презрения, отпус-

кающие понятные только им шутки. Архивисты сравнивали себя с фермерами, с владельцами ипподромов, разводящими породистых скакунов. Черт бы побрал их плоские шутки! Правильный ответ был сейчас настолько важен, что этой важности не могли себе представить самые изощренные архивисты. В конце концов это были всего-навсего подчиненные Сестры, которые не несли за решения никакой ответственности.

Она подняла голову и посмотрела в нишу, где стоял бюст Сестры Ченоу, женщины, которая в глубокой древности беседовала с Тираном.

Ты же не была Преподобной Матерью, подумала Тараза. *Ты не была, но все же ты знала. Как ты умела принимать правильные решения?*

Просьба Одраде оказать военное содействие требовала немедленного ответа. Времени практически не оставалось. Однако, имея в виду Тега, Луциллу и гхола, приходилось признать, что в игре стало слишком много случайностей.

Будь проклят этот Тег!

Это касалось по большей части его непредсказуемого поведения. Конечно, он не мог оставить гхола в опасности. Да и действия Швандью были вполне предсказуемы.

Как поступил Тег? Ушел ли он в Исаи или какой-

нибудь другой крупный город Гамму? Нет. Если бы это было так, то Тег доложил бы обстановку по одному из секретных каналов связи. Наверняка он увидел какую-то иную возможность во время своих инспекционных поездок по Гамму, иначе Беллонда давно была бы с ним на связи.

Надо, конечно, вызвать Бурцмали и поставить его в известность о случившемся. Бурцмали был лучшим, ведь его обучал сам Тег; Бурцмали — первый кандидат в Верховные Башары. Надо послать его на Гамму.

Я становлюсь подозрительной, подумала Тараза.

Но если Тег решил залечь на дно, то след его все равно начинается на Гамму. Правда, он может закончиться там же. Да, Бурцмали надо отправлять на Гамму. В этом назначении есть много привлекательного. Во-первых, это не насторожит Гильдию. Тлейлаксу и Рассеяние, напротив, проглотят эту приманку и поднимут голову.

Если же Одраде не удалось захватить Тлейлаксу… нет, Одраде не потерпит неудачу. Это можно было сказать почти определенно.

Неожиданность.

Ты видишь, Майлс? Этому я научилась у тебя.

Но никакое из этих действий не может ликви-

дировать оппозицию внутри Общины Сестер.

Тараза плотно прижала ладони к столу, словно стремясь почувствовать, кто из Сестер в Капитуле разделяет взгляды Швандью. Явно открытой оппозиции не было, но это не значит, что в любой момент не могла вспыхнуть тяга к насилию.

Что мне делать?

Предполагается, что Верховная Мать не может проявить нерешительность в критические моменты. Но связи Тлейлаксу вывели ее из равновесия. Некоторые рекомендации Одраде были необходимы и уже посланы по назначению. Этот план в большей части был достойным и простым.

Надо увести Ваффа в Пустыню, подальше от посторонних любопытных глаз. Воспользовавшись экстремальной ситуацией, вызвать у него нужный религиозный опыт, предписанный Защитной Миссией. Следовало проверить, не используют ли тлейлаксианцы технологию производства гхола для обеспечения личного бессмертия. Одраде было вполне по силам привести в действие этот тщательно разработанный план. Однако очень многое зависело и от этой молодой женщины, Шианы.

Неизвестной величиной в этом деле выступал

и сам червь.

Тараза напомнила себе, что червь сегодняшнего Ракиса — это не исходный тип червя. Несмотря на то что Шиана могла командовать этими животными, их поведение в целом оставалось непредсказуемым. Как ей сказали в Архиве, надежных данных на эту тему нет. Тараза практически не сомневалась в том, что Одраде правильно разгадала значение ракисского танца — это был большой плюс.

Язык.

Но мы до сих пор не научились на нем говорить. Это негатив.

Решение я должна принять сегодня!

Тараза отпустила на волю поверхностную часть своего сознания. Память услужливо понесла ее по дороге, связывавшей непрерывную линию последовательности Верховных Матерей. Память принадлежала не только ей, но и еще двум Преподобным — Беллонде и Гестерион. Путешествовать в другой памяти было мучительно трудно, к тому же где-то на периферии памяти постоянно маячил Муад'Диб. Этот бастард Атрейдесов потряс вселенную дважды. Первый раз он завоевал Империю с помощью своих фрименских орд, второй — породил Тирана.

Если в этот раз мы потерпим поражение, то это будет означать наш конец, подумала Тараза. *Нас поглотят эти дьявольские отродья из Рассеяния.* Альтернатива напрашивалась сама собой. Девочку с Ракиса можно будет сопроводить в сердцевину владений Общины Сестер и спрятать в каком-нибудь корабле-невидимке. Какое позорное поражение!

Как много зависит от Тега. Потерпел ли он неудачу и подвел наконец Сестер или нашел неожиданный способ сберечь гхола?

Я должна придумать, как выиграть время. Мы должны дать Тегу время, чтобы связаться с нами. Одраде придется разработать специальный план на Ракисе.

Опасно, но на это надо будет пойти.

Преодолевая внезапно охватившую ее скованность, Тараза встала с кресла-собаки и подошла к окну. Планета Капитула раскинулась перед ней в призрачном свете звезд. Это Убежище, тихая гавань — планета Капитула. Такие планеты не имели даже названий, они числились под номерами астрономических архивов. Эта планета принадлежала Бене Гессерит на протяжении четырнадцати тысяч лет, но продолжала считаться временным пристанищем. Подумала Тараза и

о кораблях-невидимках, находившихся в эту минуту на тайных орбитах. Это была система обороны, разработанная Тегом. Однако Капитул все же остается уязвимым.

Возможная проблема имела свое наименование: «Случайное обнаружение».

Вечная проблема. Там, в Рассеянии, люди распространялись в пространстве по экспоненте, используя бесконечность вселенной. Наконец-то Золотой Путь обеспечен. Но обеспечен ли? Червь Атрейдесов планировал нечто большее, чем простое выживание вида.

Он сделал для нас что-то такое, что мы до сих пор не открыли — несмотря на прошедшие с тех пор тысячелетия. Мне кажется, я знаю, что именно он сделал. Мои оппоненты, правда, утверждают другое.

Преподобным Матерям всегда было очень нелегко спокойно мириться с узами, от которых они страдали в правление Лето II, пока он кнутом гнал вперед свою Империю в течение тридцати пяти столетий царствования.

Мы неизбежно спотыкаемся, когда анализируем то время.

Тараза вгляделась в свое отражение в темном стекле окна. На лице явно видны следы утомле-

ния и мрачного расположения духа.

Я имею полное право быть усталой и мрачной.

Не зря она проходила в свое время интенсивное обучение по системе Бене Гессерит. Именно эта подготовка помогла ей целенаправленно испытывать утомление и горечь. В этом заключается ее защита и сила.

Сейчас она отчуждена от всех человеческих отношений, даже от соблазнов, которые она когда-то широко практиковала по заданию Селекционных Куртизанок Бене Гессерит. Тараза всегда была адвокатом дьявола в Общине и именно это стало главной движущей силой ее восхождения к вершинам власти. Такие условия — изумительная питательная среда для оппозиции.

Как говорят последователи Суфи: *Гниль всегда распространяется от сердцевины к кожуре.*

Правда, они не говорят, что иногда гниение есть признак чего-то благородного и ценного.

Она укрепила свой дух более надежными данными: люди Рассеяния унесли с собой уроки Тирана, изменили их совершенно непредсказуемым путем, но в конце концов это привело к их подчиненности. Они стали легко распознаваемыми. Придет время, и все корабли-невидимки станут видимыми. Тараза не думала, что люди

Рассеяния понимают это. По крайней мере этого нельзя было сказать о тех, кто вернулся из глубин космоса в свои родные места.

Не существовало абсолютно надежного курса, которым можно было следовать, лавируя между противоборствующими сторонами, но им не в чем упрекнуть себя. Община сделала все, что было в ее силах. Проблема была сродни той, с которой сталкивается Гильд-навигатор, которому надо провести свой корабль сквозь искривления пространства и при этом избежать столкновений и ловушек.

Ловушки — вот ключ ко всему, и сейчас Одраде расставляет искусную ловушку для Тлейлаксу.

Когда Тараза думала об Одраде, а в последнее время это случалось довольно часто, воспоминания о подруге придавали Верховной Матери новые силы и уверенность. Было такое впечатление, что она рассматривает старый вытертый ковер, отдельные картины которого все еще играют яркими живыми красками. Самой яркой картиной была необыкновенная способность Одраде анализировать мельчайшие детали и проникать в суть любого конфликта — эта способность и объясняла, почему Одраде оказалась так близко к высшим постам Ордена. То была форма

предзнания Атрейдесов, которая работала в существе Одраде, хотя она сама даже не подозревала об этом. Использование этого скрытого таланта и было главным козырем оппозиции, и Тараза признавала, что этот козырь был самым сильным. То, что работа этого таланта проявлялась иногда вырывавшимися на поверхность протуберанцами, больше всего беспокоило Верховную Мать. В этом заключалась главная проблема!

— Надо использовать ее и быть готовыми ликвидировать ее, — так Тараза всегда спорила с оппозицией. — В нашем распоряжении окажется большинство ее потомков.

Знала Тараза и то, что может положиться на Луциллу… Если, конечно, ей удалось вместе с Тегом и гхола найти надежное убежище на Гамму. Другие убийцы отыщутся, конечно, и на Ракисе, и этим оружием тоже скоро попытаются воспользоваться.

Внезапно Тараза почувствовала какое-то внутреннее беспокойство. Память других настойчиво советовала проявить крайнюю осторожность. Нельзя, ни за что нельзя терять контроль над селекционными линиями! Да, если Одраде удалось избежать попытки устранения, ее надо навсегда отлучить от Ордена. Одраде была полной Пре-

подобной Матерью, и некоторые из них жили в Рассеянии, не принадлежа, конечно, к Досточтимым Матронам, но все же…

Никогда опять! Таков был практический девиз. Не будет больше ни Квисатц Хадераха, ни Тирана!

Надо управлять скрещиваниями: то есть контролировать потомков этих скрещиваний.

Преподобные Матери не умирали, когда заканчивался земной путь их плоти. Они все глубже и глубже погружались в живое ядро Бене Гессерит до тех пор, пока их наставления и даже их бессознательные наблюдения не становились достоянием вечно продолжающегося сообщества Сестер.

Нельзя ошибиться с Одраде!

Ответ Одраде надо обдумать и оформить со всей осторожностью и очень тщательно. Одраде, позволявшая себе чувства и называвшая их «мягким теплом», спорила с Таразой, утверждая, что эмоции позволяют заглянуть в суть любой проблемы. При этом нельзя только позволять им управлять собой. Тараза же видела, что это мягкое тепло делает Одраде открытой и уязвимой, указывая дорогу к ее сердцу.

Я знаю, что ты думаешь обо мне, Дар, с мягким

теплом вспоминая нашу школьную дружбу. Ты думаешь, что я представляю реальную опасность для Общины Сестер, но меня могут спасти заботливые и внимательные «друзья».

Знала Тараза и то, что многие ее советники разделяют мнение Одраде, хотя они внимательно и молча слушают Верховную, и не высказывают вслух свои суждения. Многие из них, подчиняясь Верховной, тем не менее знают о самородном таланте Одраде и разделяют ее сомнения. Только одно обстоятельство держит большинство Сестер в узде, и Тараза отнюдь не заблуждалась на этот счет.

Каждая Верховная Мать действует из искреннего стремления сохранить верность Общине Сестер. Ничто не должно угрожать Бене Гессерит, даже она сама. В своей точной и грубоватой манере Тараза исследовала природу своего отношения к Общине и ее текущей жизни.

Очевидно, что в данный момент не существует острой необходимости устранения Одраде. С другой стороны, Одраде находится слишком близко к разработке плана гхола и все, что делается в этом смысле, вряд ли ускользнет от ее природной наблюдательности. Она поймет и то, что не следует ей открывать. Манифест Атрейдесов

практически представляет собой ставку в азартной игре. Для всех было совершенно очевидно, что именно Одраде была тем человеком, который составил манифест. Именно она могла достичь более глубокого понимания проблем во время написания документа, хотя сами по себе слова были главным барьером на пути к откровению.

Тараза знала, что Вафф это оценит.

Отвернувшись от окна, Тараза вернулась к своему креслу. Момент окончательного решения — быть или не быть? — можно было отложить, но промежуточные шаги придется делать немедленно. Она в уме составила послание, проверила его и послала вызов Бурцмали. Любимый ученик башара будет введен в действие, но вовсе не так, как думает Одраде.

Послание к Одраде было предельно простым.

«Помоги нам в пути. Ты участник действия, Дар. Во всем, что касается безопасности девочки Шианы, можешь положиться на свое суждение. Во всех остальных делах можешь проводить в жизнь свой план, если это не будет противоречить моим прямым приказам».

Вот так. Теперь у Одраде есть инструкции, суть того, что она может расценивать, как некий «план», не понимая всего паттерна этого замысла.

Одраде подчинится. Дар — это великолепный ход. Дар-и-Тар. Это путь к уязвимому «ограниченному теплу». Направление, заданное воспоминанием о Дар-и-Тар, лишит Одраде последнего заслона.

Длинный стол справа предназначен для банкета. На десерт подают жареного зайца под соусом сепеда, далее по часовой стрелке в направлении к дальнему краю стола располагаются овощи в горшочке, сирийский апломаж, чукка глясе, кофе с меланжей (заметьте, что кофейник украшен гербом Атрейдесов) и хрустальный графин с дар-эс-балатским вином. Присмотритесь, и вы увидите индикатор ядов, вмонтированный в старинную люстру.

Дар-эс-Балат; описание музейной экспозиции.

Тег нашел Дункана в маленькой столовой, смежной с блистающей чистотой кухней жилища-невидимки. Задержавшись в переходе в столовую, Тег внимательно присмотрелся к Дункану; прошло уже восемь дней с тех пор, как они пришли сюда, и парень, кажется, оправился от той ярости, которая овладела им, когда они вступили в подземный ход.

Они прошли через мелкую пещеру, обдавшую их запахами, оставленными медведем, который когда-то обитал здесь. Камни у задней стенки берлоги оказались на поверку фальшивыми, хотя

своим видом могли ввести в заблуждение самого внимательного наблюдателя. Небольшие выступы в камне начинали вращаться, если знать, на какой скрытый рычаг нажать. Если нажать правильно, то вся стена сдвигалась в сторону, открывая широкий выход из берлоги.

Проходной туннель, который освещался автоматически, стоило только в него войти и закрыть за собой вход, был украшен геральдическими грифонами Харконненов, изображенными на стенах и потолке. Тег представил себе чувства юного Патрина, впервые попавшего сюда *(Шок! Благоговение! Возбуждение!)*. В тот момент он не распознал, правда, какие чувства обуревают не менее юного Дункана. Он обратил внимание на мальчика, только когда услышал под сводами пещеры глухое рычание.

Это стонал Дункан. Кулаки его были крепко сжаты, взгляд фиксирован на грифонах Харконненов, красовавшихся на правой стене. Подняв обе руки, он изо всех сил ударил одну из фигур, разбив пальцы в кровь.

— Будь они прокляты во веки веков! — крикнул он вне себя от злобы.

Было странно слышать такое взрослое ругательство из уст юноши.

Однако Дункан не только ругался. Все его тело сотрясала страшная дрожь. Луцилла обняла мальчика за плечи и погладила по шее, стараясь успокоить. Дрожь улеглась.

— Почему я это сделал? — прошептал Дункан.

— Ты узнаешь об этом, когда восстановится твоя первоначальная память, — ответила Преподобная Мать.

— Харконнены, — снова прошептал Дункан, и вся кровь бросилась ему в лицо. — Почему я их так ненавижу?

— Этого нельзя объяснить словами, — сказала женщина. — Придется немного подождать.

— Я не хочу памяти! — крикнул Дункан, потом посмотрел на Тега. — Нет, нет, я очень хочу этого!

Позже, когда Дункан смотрел на башара, стоявшего в проходе к столовой, та сцена снова вспомнилась мальчику.

— Когда, башар?

— Скоро.

Тег огляделся. Дункан сидел за столом, перед ним стояла чашка с коричневатой жидкостью. Тег сразу узнал запах. В пещере был довольно большой запас меланжи — ее можно было найти в любом ларе. Эти лари были хранилищами

настоящих раритетов — еды, напитков, оружия и других изделий. Это был музей, коллекции которого просто не было цены. Все было покрыто толстым слоем пыли, но сами вещи нисколько не пострадали от времени, не было видно и следов пришельцев. Вся еда была присыпана шнурами меланжи. Ее было не настолько много, чтобы вызвать пристрастие, если вы, конечно, не были пристрастны к ней до этого, но вполне достаточно. Даже консервированные фрукты были присыпаны Пряностью.

Луцилла проверила качество коричневой жидкости, которую сейчас пил Дункан, и признала ее годной для употребления. Тег не знал, как Преподобные Матери делают это, но знал, что его мать тоже обладала такой способностью. Достаточно было попробовать блюдо на вкус и на запах — Преподобная Мать сразу определяла свойства пищи или напитка.

Тег взглянул на украшенные орнаментом часы, вмонтированные в стену, и понял, что сейчас несколько позже, чем он ожидал, — шел третий час после произвольно выбранного ими полдня. Дункан давно должен был находиться в читальном зале, но его заняла Луцилла, и Тег решил воспользоваться этим, чтобы поговорить с маль-

чиком без свидетелей.

Выдвинув стул, Тег уселся за стол напротив Дункана.

— Ненавижу эти часы, — заговорил Дункан.

— Ты здесь все ненавидишь, — ответил Тег и посмотрел на часы. Это был еще один антикварный антик. Круглый циферблат с двумя аналоговыми стрелками и цифровым счетчиком секунд. От стрелок отдавало чем-то приапическим. Они представляли собой человеческие фигуры: мужчина с огромным членом и женщина с раздвинутыми ногами. Каждый раз, когда стрелки встречались, мужчина попадал членом во влагалище.

— Да, это впечатляет, — согласился с Дунканом Тег. Он показал пальцем на питье. — А это тебе нравится?

— Так точно, сэр. Луцилла говорит, что это надо пить после физических упражнений.

— Моя мать тоже готовила мне подобное питье после тяжелых нагрузок, — сказал Тег. Он наклонился вперед и потянул носом аромат напитка, ощутив знакомый привкус насыщенного раствора Пряности.

— Сэр, как долго мы пробудем здесь? — спросил Дункан.

— До тех пор, пока не найдем подходящих людей или до тех пор, пока не станем уверены в том, что не найдут нас, — ответил Тег.

— Но здесь мы… отрезаны от всего мира. Как же мы узнаем об этом?

— Я сам решу, когда настанет нужный момент. Я возьму с собой защитное одеяло и займу снаружи пост наблюдения.

— Я ненавижу это место.

— Это заметно. Но разве ты еще не научился терпению?

Дункан скорчил гримасу.

— Сэр, почему вы ни на минуту не оставляете меня наедине с Луциллой?

Тег сделал неполный вдох, немного выдохнул, потом задышал нормально. Он, конечно, знал, что парень внимательно за ним наблюдает. Но если это знал Дункан, то Луцилла знала наверняка!

— Думаю, что Луцилла не догадывается, что вы это делаете, сэр, — проговорил Дункан. — Но для меня это совершенно очевидно.

Он оглянулся.

— Это место не слишком привлекает ее внимание… Где же она может быть, где ей больше всего нравится?

— Думаю, что она в библиотеке.

— В библиотеке?

— Я согласен с тобой. Она примитивна.

Тег поднял глаза и принялся изучать витой орнамент потолка. Настало время принимать решение. Не стоит надеяться, что Луциллу и дальше будет отвлекать от дела роскошь пещеры. Тега тоже очаровали все эти сокровища. В такой красоте очень легко забыть обо всем на свете. Все это сооружение достигало в диаметре двухсот метров и представляло собой поистине ископаемое времен Тирана.

Когда Луцилла говорила об этой подземной пещере, в ее голосе появлялись нежная хрипотца и мечтательные интонации.

— Я уверена, что Тиран знал об этом месте.

Ум ментата сразу же уцепился за это предположение. *Почему Тиран разрешил семейству Харконненов так безумно расточать остатки состояния?*

Возможно, именно для того, чтобы окончательно истощить их.

Суммы, пошедшие на взятки и наем кораблей Гильдии, доставивших механизмы с Икса, были, по всей вероятности, просто астрономическими.

— Тиран знал, что однажды нам понадобится это место? — не один раз спрашивала Луцилла.

— Никто не мог избежать силы предзнания Тирана, — соглашался с ней Тег.

Глядя на Дункана, сидевшего напротив, Тег почувствовал, что на его голове зашевелились волосы. В этом подземелье Харконненов было что-то таинственное и зловещее. Было такое впечатление, что где-то здесь прячется и сам Лето. Что произошло с Харконненами, построившими этот подземный дворец? Тег и Луцилла не нашли никаких ключей к разгадке того, почему обитатели покинули Убежище.

Они оба бродили по подземелью и не могли отделаться от чувства, что воочию, во плоти, переживают настоящую историю. Это было очень острое чувство. Тег чувствовал, что на каждом шагу наталкивается на вопросы, не имеющие ответов.

Луцилла тоже говорила об этом.

— Куда они ушли? Мои Памяти ничего не говорят мне об этом. Ни малейшего намека.

— Может быть, Тиран выманил их отсюда и убил?

— Я вернусь в библиотеку. Может быть, сегодня удастся что-нибудь найти.

В первые два дня Луцилла и Тег подвергли подземелье тщательному обследованию. Мол-

чаливый и угрюмый Дункан следовал за ними повсюду, словно тень. Было такое впечатление, что он боится оставаться один. Каждое новое открытие приводило их в восторг или потрясало.

В самом центре подземелья вдоль стены под стеклянным колпаком помещались скелеты — двадцать один скелет. Эти мрачные свидетели видели всех, кто проходил мимо них на протяжении многих тысячелетий к машинам и ларям.

Патрин предупреждал Тега о скелетах. Еще в ранней юности, побывав здесь первый раз, Патрин сумел раскопать какие-то записи, в которых говорилось, что это скелеты строивших подземелье мастеров, убитых Харконненами, чтобы не выдали тайну.

Подземный колокол был тем не менее выдающимся сооружением, полностью изолированным от внешнего мира. После прошествия многих тысячелетий все механизмы работали бесшумно и безупречно, отодвигая в стороны искусственные камни.

— Община Сестер должна сохранить это место в неприкосновенности! — не уставала повторять Луцилла. — Это же настоящая сокровищница! Они даже сохранили книгу своей родословной!

Но это было отнюдь не все, что сохранили

здесь Харконнены. При каждом прикосновении к вещам, находившимся в пещере, Тега тотчас охватывало какое-то смутное чувство. Что-то вроде ощущения, которое появилось после взгляда на стенные часы. Все, начиная от одежды и кончая учебными пособиями, было пронизано характерным для Харконненов чувством превосходства над другими людьми и их образом жизни.

Тег еще раз подумал о том, что должен был испытать юный Патрин, впервые попав в это место. Вероятно, тогда он был не старше, чем их нынешний Дункан. Что побудило Патрина хранить в тайне свою находку? Он не сказал ни слова даже своей жене, с которой прожил много лет. Патрин никогда в жизни не имел дело с тайнами, и Тег вывел кое-какие свои умозаключения. Несчастное детство, необходимость иметь какие-то свои, только свои тайны. Друзья не были настоящими друзьями — все они только ждали момента, чтобы посмеяться над ним. Никто из этих приятелей не мог разделить с ним такое чудо! Оно принадлежало только ему. Это было не только место безопасного уединения. Это было знаком личной победы Патрина.

«Я провел там так много счастливых часов, башар. Все до сих пор работает. Записи древние,

но находятся в прекрасном состоянии, а к их диалекту скоро привыкаешь. Везде так много признаков глубокого знания. Вы поймете много вещей, о которых я никогда не говорил вам».

Античный тренировочный зал был местом, которое Патрин посещал чаще всего. Он переменил некоторые коды оружия, и Тег сразу понял это. Счетчики времени говорили о многих часах изнурительных упражнений. Подземный колпак объяснил Тегу многое об изумительных физических способностях Патрина. Здесь оттачивался его природный талант.

Другое дело — автоматика подземного колокола-невидимки.

Многое здесь говорило о неприятии владельцами древних запретов на умные машины. Более того, некоторые из них были предназначены для удовлетворения удовольствий, о которых были сложены самые невероятные легенды из всех, какие когда-либо приходилось слышать Тегу о Харконненах. Боль как источник удовольствия! Эти приспособления объясняли несгибаемую мораль, которую Патрин увез с собой, покинув Гамму. Отвращение тоже имеет свой неповторимый рисунок.

Дункан сделал большой глоток из своей чашки

и посмотрел на Тега.

— Почему ты спустился сюда один, хотя я просил тебя закончить серию упражнений? — спросил Тег.

— Эти упражнения не имеют никакого смысла. — Дункан поставил чашку на стол.

Ну что ж, Тараза, ты ошиблась, подумал Тег. *Он созрел для полной самостоятельности гораздо раньше, чем ты предсказывала.*

Кроме того, башар сразу отметил, что Дункан вдруг перестал обращаться к нему со словом «сэр».

— Ты отказываешься повиноваться мне?

— Это не совсем так.

— В чем же заключается *совсем* в том, что ты делаешь?

— Я должен *знать*.

— Я не слишком понравлюсь тебе после того, что ты узнаешь.

Дункан ошеломленно взглянул на башара.

— Сэр?

Ах, вот как! «Сэр» вернулся на прежнее место.

— Я готовил тебя к восприятию очень мучительной боли, очень интенсивной боли, — сказал Тег. — Это необходимо сделать, прежде чем вернуть тебе исходную память.

— Боль, сэр?

— Мы не знаем другого способа вернуть тебе память умершего Дункана Айдахо.

— Сэр, если вы сможете это сделать, я не буду испытывать по отношению к вам ничего, кроме благодарности.

— Ты сказал. Но вполне вероятно, что после этого ты будешь смотреть на меня, как на еще один бич в руках тех, кто вернул тебя к жизни.

— Но разве лучше этого не знать, сэр?

Тег провел по губам тыльной стороной ладони.

— Я не стану тебя винить, если ты возненавидишь меня.

— Сэр, что бы вы испытывали сами, если бы были на моем месте? — Все в Дункане — поза, мимика, интонации — изобличали сильнейшую растерянность.

Пока все идет как надо, подумал Тег. Этот процесс должен пройти в несколько стадий, причем каждую реакцию гхола надо будет тщательно оценивать и взвешивать. Сейчас Дункан преисполнен неуверенности. Он хотел чего-то, но страшно боялся этого.

— Я не твой отец, я всего-навсего учитель! — сказал Тег.

Дункан отпрянул, настолько жестким был тон

башара.

— Но разве вы не друг мне?

— Это улица с двухсторонним движением. Изначальный Дункан Айдахо сам ответит на этот вопрос.

Глаза Дункана затуманились.

— Я буду помнить это место, Швандью и?..

— Ты будешь помнить все. На какое-то время у тебя сохранится двойная память, но ты запомнишь все.

Взгляд Дункана стал циничным. Он спросил тоном, исполненным горечи:

— Значит, вы и я станем товарищами?

В свой ответ Тег вложил полную меру своего командного голоса, точно следуя инструкции по процедуре пробуждения.

— Я не очень заинтересован в том, чтобы стать твоим товарищем, — он испытующе взглянул в лицо Дункана. — Ты и сам когда-нибудь станешь башаром. Думаю, что ты годишься для этого. Но к тому времени я давно уже буду мертв.

— Вы вступаете в отношения товарищества только с башарами?

— Патрин был моим товарищем, но он никогда не поднимался выше командира взвода.

Дункан заглянул в свою пустую чашку, потом

снова поднял глаза на Тега.

— Почему вы не попросили что-нибудь попить? — спросил он. — Ведь вы тоже много работаете, а силы надо восстанавливать.

Умный вопрос. Не стоит недооценивать этого юношу. Он знает, что разделить трапезу — это древнейший способ вступить на путь тесного общения.

— Мне хватило запаха твоего напитка, — сказал Тег. — Мне надо было спуститься и поговорить с тобой.

— Почему для этого потребовались такие предосторожности?

Надежда и страх! Пора менять фокус беседы.

— Мне никогда раньше не приходилось тренировать гхола.

Гхола. Это слово, будто камень, повисло между ними, плавая на волнах запаха Пряности, который фильтры подземелья не успели уничтожить. *Гхола!* Слово было опутано испарениями Пряности, поднимавшимися из пустой чашки Дункана.

Мальчик молча подался вперед, с безумной надеждой всматриваясь в лицо башара. На память Тегу пришло наблюдение Луциллы: *«Он понимает, как использовать молчание»*.

Когда Дункан понял, что Тег не собирается объяснять сказанное, он разочарованно откинулся на спинку стула. Уголки его рта опустились, придав лицу грустное, печальное выражение. Все, что он хотел знать, осталось невысказанным.

— Ты спустился сюда вовсе не за тем, чтобы побыть одному, — сказал Тег. — Ты пришел сюда, чтобы спрятаться. Ты все время прячешься здесь и думаешь, что тебя никто не найдет.

Дункан приложил ладонь ко рту. Это был сигнал, которого так долго ждал Тег. Инструкция на этот счет была предельно ясна.

«Гхола очень хочет вернуть себе первоначальную память, но явно этого боится. Это самый высокий барьер, который надо преодолеть. И ты должен это сделать».

— Убери руку ото рта, — приказал Тег.

Дункан отдернул руку так стремительно, словно обжегся. Он смотрел на Тега глазами затравленного зверя.

Говори правду, гласила инструкция. *В этот момент воспламенены все чувства, гхола сможет заглянуть в твою душу.*

— Я хочу, чтобы ты знал, — заговорил Тег, — что отвратительно делать с тобой то, что мне приказали делать в Общине Сестер.

Дункан, казалось, полностью замкнулся в себе.

— Что они приказали вам сделать со мной?

— Те навыки, которым мне приказано тебя обучить, страдают одним изъяном.

— И-изъяном?

— Большей частью это было научение понятиям, интеллектуальной, так сказать, частью. В этом отношении ты получил подготовку, которая позволяет тебе быть полковым командиром.

— То есть превзойти Патрина?

— Кто сказал тебе, что ты можешь превзойти его?

— Разве он не был вашим товарищем?

— Был.

— Но вы сказали, что он никогда не поднимался выше командира взвода.

— Патрин был вполне способен командовать межпланетными силами. Это был гений тактики, и некоторые его приемы я сам использовал неоднократно и с большим успехом.

— Но вы же сказали, что он никогда…

— Это был его выбор. Невысокое звание давало ему доступ в такие сферы, куда я не мог входить. Мы оба находили это положение полезным.

— Полковой командир, — Дункан говорил почти шепотом, уставившись в стол.

— У тебя есть интеллектуальное понимание этой функции, правда, несколько болезненное, но опыт сглаживает такие шероховатости. Оружием же ты владеешь даже слишком хорошо для твоего возраста.

Все еще не глядя на Тега, Дункан спросил:

— Сколько же мне лет, сэр?

В голосе мальчика прозвучало такое горе, что Тег не смог сдержать слез. Об этом его тоже предупреждали. *Не выказывай слишком сильное сочувствие!* Тег выиграл время, откашлявшись якобы для того, чтобы прочистить горло.

— На этот вопрос сможешь ответить только ты сам.

Инструкция была предельно простой и ясной.

Верни вопрос ему! Пусть он заглянет в себя. Эмоциональная боль так же важна для этого процесса, как и боль физическая.

Дункан тяжело вздохнул и зажмурил глаза. Когда Тег подсел к столу, мальчик подумал: *Неужели момент наступил, и сейчас он скажет мне все?* Однако жесткий обвиняющий тон Тега, его словесная атака оказались полной неожиданностью для Дункана. А теперь он ведет себя просто покровительственно.

Он относится ко мне снисходительно!

Дункана охватил неприкрытый гнев. Неужели Тег думает, что он настолько глуп, что его можно взять такими нехитрыми уловками? *Одними интонациями и отношением можно подавить волю.* За покровительственным тоном Тега Дункан почувствовал стальную сердцевину, в которую нельзя было проникнуть. Цельность… Целеустремленность. Видел Дункан и то, как на глаза Тега навернулись слезы.

Мальчик открыл глаза и посмотрел башару в лицо.

— Я не хотел показаться бестактным или неблагодарным, сэр. Но я не могу больше ждать ответа.

Инструкции предусмотрели такое развитие событий. *Ты поймешь, когда гхола охватит отчаяние. Ни один из них не может его скрыть. Это характеристический признак их психики. Ты поймешь это по голосу и положению тела.*

Дункан действительно почти достиг критической точки. Теперь Тегу надо было выдержать характер и молчать. Надо вынудить Дункана задавать вопросы, двигаться своим собственным курсом без подсказок и наводящих вопросов.

Дункан действительно заговорил:

— Вы не знали, что однажды я задумал убить

Швандью?

Тег открыл рот, но тут же закрыл его. *Молчи!* Однако этому парню не занимать серьезности.

— Я боялся ее, — сказал Дункан. — А я очень не люблю испытывать страх.

Он опустил глаза.

— Однажды вы сами сказали мне, что мы ненавидим только то, что представляет для нас реальную опасность.

Он все время ходит вокруг да около, вокруг да около. Жди, когда он бросится.

— Я не испытываю к вам ненависти, — сказал Дункан, снова взглянув на Тега. — Меня возмутило, что вы в лицо назвали меня гхола. Но Луцилла права: нельзя возмущаться по поводу правды, как бы больно ни было ее выслушивать.

Тег провел рукой по сухим губам. Его просто распирало от желания заговорить, но время броска еще не наступило.

— Вас не удивило то, что я собирался убить Швандью? — спросил Дункан.

Тег оставался неприступно молчаливым, как скала. За ответ может быть принято даже едва заметное покачивание головы.

— Я хотел что-нибудь подсыпать в ее питье, — продолжал Дункан. — Но это трусливый способ, а

я не трус. Что угодно другое, но не трус.

Тег оставался недвижим.

— Мне кажется, что вам действительно не безразлично, что со мной происходит, башар, — сказал Дункан. — Но вы правы, мы никогда не будем товарищами. Если я выживу, то превзойду вас. Тогда будет слишком поздно становиться товарищами… Вы сказали правду.

Тег не смог удержаться от глубокого вздоха, переключив психику в режим работы ментата: гхола неизбежно набирается сил. Только что, прямо в этой маленькой столовой юноша перестал быть юношей и стал мужчиной. Осознание этого факта опечалило Тега. Мальчик был практически лишен юности, все произошло слишком стремительно.

— Луцилла, в общем, не так искренне интересуется тем, что случится со мной, как вы, — сказал Дункан. — Она просто следует приказам, которые получает от Верховной Матери Таразы.

Пока нет! — напомнил себе Тег.

— Вы препятствуете выполнению Луциллой этих приказов, — сказал Дункан. — Что она собирается со мной делать?

Момент наступил.

— А как ты сам думаешь, что она собирается с

тобой делать? — жестко спросил Тег.

— Я не знаю!

— Истинный Дункан Айдахо должен это знать.

— Вы знаете! Почему вы не хотите мне сказать?

— Я должен просто помочь тебе восстановить первоначальную память Дункана Айдахо.

— Так сделайте это!

— Только ты один сможешь это сделать.

— Я не знаю как!

Тег подался вперед, сидя на краешке стула, но не проронил ни слова. *Момент броска?* Но отчаянию Дункана чего-то не хватало.

— Вы знаете, что я могу читать по губам, сэр, — продолжал Дункан. — Однажды я поднялся в обсерваторию на башне и увидел, как внизу беседуют Луцилла и Швандью. Швандью сказала: «Не обращай внимания на его молодость. У тебя есть четкий приказ». Все еще настороженно молча, Тег посмотрел на Дункана, тот, не отворачиваясь, вернул башару напряженный взгляд. Было похоже, что Дункан постоянно бродил по Убежищу, следил за его обитателями, стремясь обрести знание. Сейчас он не выходил за пределы своего сознания, но… сам того не сознавая, продолжал высматривать и вынюхивать… но несколько

иным путем.

— Не думаю, что ей предлагали убить меня, — говорил между тем Дункан. — Но вы знаете, что она хочет сделать, потому что мешаете ей.

Дункан стукнул кулаком по столу.

— Отвечайте же, черт побери!

Ах, вот это уже полное отчаяние!

— Я могу сказать, что ее намерение противоречит данным мне приказам. Тараза велела мне охранять тебя и оберегать от любой опасности.

— Но вы сказали, что моя подготовка грешит одним… изъяном.

— Это необходимость! Тебя надо подготовить к восстановлению первоначальной памяти.

— Что мне надо делать?

— Ты уже знаешь.

— Говорю вам, нет! Пожалуйста, научите меня!

— Ты и так делаешь множество вещей, которым тебя не учили. Например, кто учил тебя неповиновению?

— Пожалуйста, помогите мне! — в голосе прозвучало неподдельное отчаяние и мольба.

Тег принудил себя изобразить ледяное спокойствие.

— А что, по-твоему, я делаю?

На этот раз Дункан обрушил на стол оба кулака.

От удара подпрыгнула чашка. Мальчик уставил на Тега пылающий взор. Внезапно в глазах Дункана появилось странное выражение. Он что-то схватил.

— Кто вы? — прошептал Дункан.

Вот он, ключевой вопрос!

Тег ответил — словно обрушил удар хлыста на беззащитную жертву.

— Как ты сам думаешь: кто я?

Лицо Дункана исказилось от мучительного отчаяния. Он произнес, заикаясь:

— Вы… вы…

— Дункан, прекрати болтать этот вздор! — Тег вскочил на ноги и посмотрел на Дункана сверху вниз, напустив на себя притворную ярость.

— Вы…

Ладонь Тега описала в воздухе дугу. Башар влепил Дункану оглушительную затрещину.

— Как ты смеешь не слушаться меня? — Левой рукой Тег дал юноше другую пощечину. — Как ты смеешь?

Быстрота реакции Дункана поразила Тега. *Какова скорость!* Хотя атака Дункана состояла из нескольких элементов, казалось, что он совершает их одновременно. Юноша вскочил на кресло, повернулся вместе с ним и, используя момент

этого движения, обрушил на плечо Тега парализующий руку удар.

Повинуясь натренированным рефлексам, Тег увернулся в сторону и ударил левой ногой Дункана в пах. Сам Тег не смог полностью ускользнуть от удара. Ребро ладони Дункана с силой коснулось колена Тега. Нога мгновенно онемела.

От страшного удара Тега Дункан распростерся на столе, но не прекратил атаку. Тег фиксировал корпус левой рукой, ухватившись за стол, а правой ударил Дункана по основанию позвоночника, которое было намеренно ослаблено упражнениями последних нескольких дней.

Дункан застонал от боли и слабости, охвативших всю нижнюю часть его тела. Другой на его месте застыл бы в неподвижности и кричал от боли, но Дункан продолжал попытки наступать.

Проявляя излишнюю безжалостность, Тег продолжал причинять своей жертве боль, не забывая при каждом ударе смотреть в глаза Дункану.

Смотри ему в глаза! — гласила инструкция. Беллонда, которая готовила его к миссии, тоже предупреждала: *Тебе покажется, что он смотрит на тебя, но он будет называть тебя Лето.*

Много позже Тег с трудом вспоминал детали процедуры пробуждения гхола и точно ли он

следовал инструкциям. Он знал, что поступал, как предписано, но память на время покинула его и плоть действовала самостоятельно. Как это ни странно, но память в тот момент перенесла его во времена цербольского мятежа. Тег был еще не стар, но уже носил звание башара и имел устрашающую репутацию. В тот день он надел свою лучшую форму, не нацепив, впрочем, ни одной медали (тонкий штрих, не правда ли) и совершенно безоружный вышел навстречу наступавшим мятежникам.

Многие среди атакующих были обязаны ему жизнью. Некоторые некогда выказывали ему преданность. Но теперь они проявляли невиданное неповиновение. Присутствие Тега должно было сказать взбунтовавшимся солдатам:

«Я не надел медали, которые скажут вам, сколь много я сделал для вас, когда вы были моими боевыми товарищами. Я не стану говорить, что я — один из вас. Нет, я просто надел форму, чтобы вы видели, что я все еще башар и вы можете убить меня, если так далеко зашло ваше неповиновение».

Большинство мятежников побросали оружие и пошли ему навстречу, а некоторые командиры преклонили перед ним колени. Старый башар не

был этим доволен. «Вам никогда не приходилось кланяться мне или становиться передо мной на колени! Ваши новые командиры привили вам дурные привычки».

Позже он говорил мятежникам, что разделяет некоторые их обиды. Цербольский гарнизон пребывал в ужасном состоянии. Но Тег предупредил солдат: «Одна из самых опасных вещей во вселенной — это настоящая обида невежественного человека. Но эта опасность не идет ни в какое сравнение с той опасностью, которую создает интеллектуальное информированное общество, пораженное обидой. Вы не можете себе представить тот вред, который может причинить охваченный местью интеллект. Тиран показался бы благонравным отцом семейства по сравнению с теми монстрами, которых вы могли бы вызвать к жизни».

Все это, конечно, было верно, но действовало лишь в контексте условий Бене Гессерит и очень мало помогало в том, что ему следовало сделать с гхола Дункана Айдахо, — создать невероятные душевные и телесные муки у практически беззащитной жертвы.

Легче всего было вспомнить взгляд Дункана. Глаза его смотрели в одну точку, прямо в лицо

Тега. Он смотрел на башара даже в тот момент, когда кричал:

— Будь ты проклят, Лето! Что же ты делаешь?

Он называл меня Лето.

Тег, с трудом переступая ослабевшими ногами, отошел на два шага назад. Левая нога пульсировала болью в том месте, куда пришелся удар Дункана. Тег вдруг осознал, что его шатает и что он находится на пределе своих возможностей. Он слишком стар, чтобы выдерживать такие нагрузки. Кроме того, содеянное наполнило его ощущением, что он по уши извалялся в грязи. Тем не менее процедура пробуждения четко отпечаталась в его мозгу. Он знал, что гхола, которые пробуждаются вследствие подсознательного кондиционирования, в момент пробуждения пытаются убить человека, которого любят. Психика гхола, которой приходится воссоздаваться заново, приобретает в этот критический момент рубец. Новая техника пробуждения оставляет рубцы только в психике того, кто проводит процедуру.

Медленно, преодолевая боль в мышцах, Тег отошел от стола и, вытянувшись, встал возле кресла, глядя на Дункана. Все тело старого башара дрожало от напряжения.

Инструкция гласила: *Ты должен стоять очень*

спокойно. Не двигайся. Пусть он смотрит на тебя, как хочет.

Тег застыл на месте, как того требовала инструкция. Воспоминания о цербольском мятеже испарились из его памяти. Башар хорошо помнил, что он сделал тогда и сейчас. Каким-то непостижимым образом эти два эпизода были в чем-то похожи. Он не сказал мятежникам всей правды (если таковая вообще существует), он лишь заманил их в ловушку повиновения. Боль и ее предсказуемые последствия. *«Все это делается для твоего же блага».*

Но было ли благом то, что они сделали для гхола Дункана Айдахо?

Тегу было очень любопытно знать, что именно происходит сейчас в сознании Дункана. Тегу рассказывали все, что было известно о таких состояниях, но теперь, видя поведение пробуждающегося гхола воочию, Тег Майлс понимал, что все слова, которые он слышал, были неадекватными. В глазах и на лице Дункана отражалось полное смятение — были видны судорожные подергивания мимических мышц и хаотично направленные движения глаз. Было такое впечатление, что Дункан кого-то ищет.

Медленно, очень медленно лицо Дункана

приняло умиротворенное выражение. Тело его, однако, продолжала сотрясать дрожь. Правда, пульсирующая боль во всех членах куда-то отступила и воспринималась как чужая. Дункан был здесь — как бы он ни воспринимал это место. Память не была нарушена. Единственное, что его смущало, — так это тело, слишком молодое для всей той памяти, которой обладал Дункан Айдахо, существовавший до воплощения в гхола. Вся дрожь и смятение переместились внутрь сознания.

Инструкторы говорили Тегу: *В первый момент сработают присущие гхола фильтры, которые пропустят в сознание старую память прежнего Айдахо. Другие виды памяти вернутся позже. Никакой путаницы не будет вплоть до того момента, когда он вспомнит момент своей первой смерти.* Беллонда рассказывала Тегу об обстоятельствах того фатального момента.

— Сардаукар, — прошептал Дункан. Он осмотрелся и снова взглянул на символику Харконненов, которой был напичкан подземный колоколневидимка. — Императорская гвардия в форме Харконненов, — он по-волчьи улыбнулся. — Как же они, должно быть, это ненавидели!

Тег молча продолжал наблюдать.

— Они убили меня, — сказал Дункан. Это высказывание было произнесено совершенно бесстрастным тоном, просто как положительная констатация факта. По телу прошла судорога, потом дрожь улеглась.

— Их было около двенадцати в той маленькой комнате, — он смотрел прямо на Тега. — Один из них бросился на меня с огромным тесаком и ударил меня в голову.

Он поколебался, мышцы шеи свела судорога. Взгляд оставался устремленным на Тега.

— Я дал Паулю время бежать?

— Да, он бежал.

Теперь наступило время испытания. Следовало узнать, что привнесли тлейлаксианцы в клетки мозга Айдахо? Тест, выполненный Общиной Сестер, показал, что все в норме, но подозрения оставались. Тлейлаксианцы добавили к характеристикам гхола что-то свое. Ключом к разгадке может стать его память.

— Но Харконнены… — произнес Дункан. В память вплелись воспоминания об Убежище. — О да, да!

Он расхохотался и испустил боевой клич по поводу победы над давно почившим бароном Владимиром Харконненом.

— Я отплатил тебе, барон! О, я отплатил за всех, кого ты уничтожил!

— Ты помнишь Убежище и то, чему тебя учили? — спросил Тег.

Дункан озадаченно наморщил лоб. Эмоциональное напряжение соперничало с болью физической. Наконец он кивнул. У него было две жизни — одна в чанах генетических лабораторий Тлейлаксу, другая… другая… Вот относительно этой другой жизни Дункан был не уверен. Оставалось что-то неизвестное, что угнетало его. Пробуждение было не завершено. Он сердито посмотрел на Тега. Было ли что-то еще? Тег вел себя довольно жестоко. Это была необходимая жестокость? Неужели именно так восстанавливают память гхола?

— Я… — Дункан помотал головой, словно раненое крупное животное перед лицом подстрелившего его охотника.

— Ты сохранил всю свою память? — продолжал настаивать Тег.

— Всю? — переспросил Дункан. — Ну конечно. Я помню Гамму, когда она еще называлась Гьеди Один — она была пропитана нефтью и кровью. О, то был ад Империи. Да, башар. Я был твоим прилежным учеником. Полковым коман-

диром. — Дункан оглушительно расхохотался, запрокинув назад голову. Этот взрослый жест не вязался с его юношеским телом.

Тег испытал в это время чувство глубочайшего освобождения и удовлетворения, гораздо более глубокого, чем простое облегчение. Все сработало так, как ему говорили.

— Ты ненавидишь меня? — спросил Майлс.

— Ненавижу тебя? Разве не я говорил, что буду благодарен тебе за все?

Дункан резко поднял вверх руки и внимательно посмотрел на свои ладони. Потом перевел взгляд на свое юношеское тело.

— Какое искушение! — пробормотал он. Он уронил руки и посмотрел в глаза Тегу, на лице Айдахо отразилось узнавание.

— Атрейдес, — произнес он. — Вы все чертовски похожи друг на друга!

— Не все, — возразил Тег.

— Я говорю не о внешности, башар, — глаза Дункана затуманились.

— Я спрашивал о возрасте. — Последовало долгое молчание. — О боги! Сколько же времени прошло с моего рождения!

Тег сказал то, что должен был сказать, следуя инструкции.

— Ты нужен Общине Сестер.

— В таком незрелом теле? Что я должен делать?

— Честно говоря, я этого не знаю. Тело созреет, а после этого Преподобная Мать все тебе объяснит.

— Луцилла?

Дункан порывисто огляделся, посмотрел на украшенный лепниной потолок и барочные часы. Он помнил, что прибыл сюда с Тегом и Луциллой. Место было тем же, но одновременно стало каким-то другим.

— Харконнены, — прошептал он, взглянув на Тега горящим взглядом. — Ты знаешь, сколько моих родственников замучили и убили Харконнены?

— Одна из архивисток Таразы давала мне список.

— Список? Ты думаешь, все это можно выразить словами?

— Нет, но это мой единственно возможный ответ на твой вопрос.

— Будь ты проклят, башар! Почему все вы, Атрейдесы, такие честные и благородные?

— Наверно, это заложено в нас генетически.

— Это верно, — раздался за спиной Тега голос

Луциллы.

Майлс не обернулся. Как много она успела услышать?

Луцилла встала рядом с Тегом, но глаза ее были устремлены на Дункана.

— Я вижу, что ты сделал это, Майлс.

— Это был буквальный приказ Таразы.

— Ты оказался очень умен, Майлс, — сказала Луцилла. — Намного умнее, чем я могла предполагать. Надо было примерно наказать твою мать за ее воспитание.

— Ах, Луцилла-соблазнительница, — сказал Дункан. Он взглянул на Тега, потом снова на Преподобную Мать. *Да, теперь я могу ответить на свой вопрос: «Что она собирается делать со мной?»*

— На самом деле они называются не соблазнительницами, а импринтерами, — проговорил Тег.

— Майлс, — вкрадчиво сказала женщина, — если ты вздумаешь помешать мне выполнить мой приказ, то тебя изжарят на решетке.

От ее бесстрастного тона Тега бросило в дрожь. Он понимал, что угроза является метафорой, но сама возможность наказания была вполне реальной.

— Банкет наказания! — воскликнул Дункан. — Как это мило.

Тег обратился к Дункану:

— В том, что мы сделали с тобой, Дункан, нет ничего романтического. Я помогал Сестрам из Бене Гессерит выполнить не одно задание, и каждый раз чувствовал себя извалявшимся в грязи. Но никогда такое чувство не было столь сильным, как в этот раз.

— Молчать! — рявкнула Луцилла. Голос был использован в полной мере.

Тег, вспомнив уроки матери, пропустил Голос через себя. Она учила его: «Те из нас, кто проявляет истинную верность Бене Гессерит, имеют только одну заботу: выживание Общины Сестер. Не выживание отдельных индивидов, но Ордена в целом. Обман, нечестность — все это пустые слова, когда речь идет о судьбе Общины».

— Черт бы побрал твою мать, Майлс! — в сердцах крикнула Луцилла. Это был комплимент, хотя женщина даже не пыталась скрыть свою ярость.

Дункан воззрился на Преподобную Мать. Кто она? Луцилла? Он чувствовал, что в его памяти все смешалось. Луцилла была совсем не той личностью… совсем не той, и, однако… фрагменты те

же. Ее голос. Ее черты. Внезапно в его мозгу эта женщина соединилась с той, кого он столько раз видел в Убежище, стоящей у парапета.

Дункан, мой милый Дункан.

Из глаз Дункана потекли слезы. Его родная мать пала жертвой Харконненов. Ее… замучили. Кто вообще знает, что еще с ней сделали? Она так и не увидела больше своего милого Дункана.

— Боже, как бы мне хотелось, чтобы в мои руки попался хоть один из ее мучителей, — простонал Айдахо.

Он снова внимательно посмотрел на Луциллу. От слез взор его затуманился и сходство стало от этого еще более явным. Лицо Луциллы слилось с лицом леди Джессики, возлюбленной Лето Атрейдеса. Дункан посмотрел на Луциллу, потом на Тега, потом снова на Луциллу. Лица растворились, Дункан снова видел перед собой только лицо настоящей Луциллы. Подобие… да, подобие, но ничто на свете никогда не повторяется.

Импринтер.

Он угадывал значение слова. Дикость исходного Дункана Айдахо вскипела в глубине его души.

— Ты хочешь зачать от меня ребенка, импринтер? Я знаю, что вас неспроста называют матерями.

— Мы обсудим этот вопрос позже, — холодно заметила Луцилла.

— Давайте обсудим это в подходящем месте, — сказал Дункан. — Возможно, я спою вам песню… но, конечно, не так хорошо, как Гурни Халлек, но достаточно прилично, чтобы подготовиться к постельным утехам.

— Ты находишь это забавным? — спросила она.

— Забавным? Нет, но я напомнил себе о Гурни. Скажи мне, башар, его вы тоже воскресили из мертвых?

— Этого я не знаю, — ответил Тег.

— Ах, как пел этот человек! — произнес Дункан. — Он мог убить человека, исполняя песню, и не сфальшивить ни единую ноту.

— В Бене Гессерит нас учат избегать музыки. Она вызывает так много ненужных, сбивающих с толку эмоций. Эмоций памяти, я хочу сказать, — не меняя ледяного тона ответила Луцилла.

Это было сказано для того, чтобы привести Дункана в замешательство упоминанием о могучей силе чужой памяти, которой владели Преподобные Матери. Однако Дункан в ответ только рассмеялся.

— Какой стыд, — сказал он. — Вы так много

теряете в жизни.

Он принялся напевать припев одной из песен Гурни Халлека.

— Прощайся с воинством друзей, ушедших так давно…

Однако его ум, обогащенный новой памятью, блуждал где-то далеко. Дункан чувствовал, что в нем погребена неведомая сила, которая ждет только своего часа. Сила эта была направлена против Луциллы, импринтера. В своем воображении он видел ее мертвой, лежащей в луже крови.

Люди всегда хотят чего-то большего, нежели немедленного удовольствия или более глубокого чувства, именуемого счастьем. Это одна из тайн, посредством которых мы придаем окончательную форму своим замыслам. Это нечто большее дает нам в руки власть над людьми, которые либо не могут четко обозначить это «что-то», либо (и таких большинство) даже не подозревают о его существовании. Как правило, люди реагируют на воздействие этого феномена подсознательно. Таким образом, наша задача заключается в вычленении параметров этого «что-то», придании ему сущностной формы и его определении. За таким знаменем охотно последует множество людей.

Секреты лидерства Бене Гессерит

Вафф шел впереди. Отстав на двадцать шагов, по дорожке, увитой вьюном, по двору хранилища Пряности шли Одраде и Шиана. Все трое были одеты в новые пустынные накидки и блестевшие на солнце защитные костюмы. В стыках серых стеклянных плит забора виднелись спутанные побеги травы и хлопковые коробочки. Глядя

на эти коробочки, Одраде подумала о них, как о жизни, которая пробивается на свет вопреки вмешательству человека.

Позади них, опаленные знойными лучами полуденного солнца, высились солидные здания Дар-эс-Балата. Стоило сделать слишком торопливый вдох, как сухой жаркий воздух обжигал горло. У Одраде слегка кружилась голова от нервного возбуждения. Она чувствовала, что попала на войну. Очень хотелось пить. Равновесие при ходьбе давалось сегодня с большим трудом. Ситуация, которую она создала по прямому указанию Таразы, могла взорваться в любой момент.

Уж очень хрупкое получилось положение!

Сложился неустойчивый баланс трех сил, которые в действительности не собирались поддерживать друг друга. Интересы могли измениться в мгновение ока и тогда с таким трудом созданный непрочный союз неминуемо рухнет. Солдаты, присланные Таразой, не придавали Одраде уверенности. Где Тег? Где Бурцмали? Кстати, где гхола? Он давно должен быть здесь. Почему ей приказано тянуть время?

Сегодняшнее предприятие несомненно послужит этой цели, время будет оттянуто! Оно было затеяно с благословения Таразы, и действи-

тельно, эта экскурсия в Пустыню червей может очень надолго затянуть решение проблем, если не навсегда. Кроме того, был еще Вафф. Если он останется жив, останется ли для него роль в этом действе?

Несмотря на применение самых мощных лекарств, имевшихся в распоряжении Общины, Вафф все еще жаловался на боли в сломанных руках. Он не хныкал, просто констатировал факт. Он, казалось, принял все условия шаткого союза, даже те его условия, которые ракисские священники сделали попросту кабальными. Нет сомнения, что Вафф надеялся на своего лицедела, который под маской Туэка занял скамью Верховного Священника. Вафф уверенно требовал «матерей для скрещивания», но при этом не спешил платить по своим счетам по условиям сделки.

— Это всего лишь небольшая отсрочка, — объясняла Одраде новому союзнику. — Община должна обсудить новое соглашение. А пока…

Сегодня как раз наступило это «пока».

Одраде отложила на потом свои сомнения и начала проникаться духом их сегодняшнего предприятия. Поведение Ваффа было просто очаровательным, особенно его реакция на зна-

комство с Шианой. Это была смесь небольшого страха и преклонения.

Он слуга своего Пророка.

Одраде скосила глаза в сторону и посмотрела на девочку, которая послушно шагала рядом с ней. Она — это тот рычаг воздействия, с помощью которого Бене Гессерит удастся осуществить свой замысел.

Впечатлял и прорыв Сестер в реальность, лежавшую за внешними проявлениями поведения тлейлаксианца. Фанатичная «истинная вера» Ваффа обретала окончательную и понятную форму с каждым его ответом на некоторые ситуации. Одраде была просто счастлива, что ей выпала возможность оказаться здесь и изучать религиозные установки Мастера Тлейлаксу. Даже скрип песка под ногами Ваффа давал ключи к пониманию поведения Мастера.

Мы должны все правильно оценить, подумала Одраде. *Манипуляции нашей собственной Защитной Миссии должны пролить свет на то, каким образом тлейлаксианцы оказались способными держаться друг за друга и блокировать любую попытку проникновения в свое сообщество на протяжении всех этих бурных тысячелетий.*

Было непохоже, что в своих действиях они

копировали структуру Бене Гессерит. Но какая сила могла воспроизвести такое общество? Ответ таился в религии: Великая Вера!

Если только тлейлаксианцы не используют свою систему воспроизведения гхола для достижения личного бессмертия.

Возможно, Тараза права. Последовательное перевоплощение Мастеров Тлейлаксу не повторяло систему Другой Памяти Преподобных Матерей — у тлейлаксианцев не было чужой памяти, была своя, но практически бесконечная.

Это завораживает!

Одраде посмотрела на шедшего впереди Ваффа. *Это тяжкое трудолюбие.* Такое определение очень шло ему. Одраде вспомнила, как он назвал Шиану: «Альяма». Это еще один лингвистический прорыв в религиозный мир Ваффа с его Великой Верой. «Благословенная». Тлейлаксианцы не только сохранили в обиходе свой древний язык, они умудрились сохранить его неизменным.

Разве Вафф не знал, что такое могут творить только очень мощные силы, такие, как религия?

У нас в руках корни твоей одержимости, Вафф, подумала Одраде. *Это не очень отличается от того, что удалось создать нам. Мы знаем, как манипулировать такими вещами в своих интере-*

сах и для достижения наших целей.

Сообщение Таразы пылало в мозгу Одраде, словно огненные письмена: «План Тлейлаксу совершенно прозрачен: Восхождение. Человеческая вселенная должна признать примат вселенной Тлейлаксу. У них нет надежды достичь этой цели без помощи Рассеяния. Последствия ясны».

От рассуждения Верховной Матери нельзя было просто отмахнуться. С ними соглашалась даже оппозиция, грозившая разрушить единство Общины Сестер. Одна только мысль о массах людей из Рассеяния, которые размножались по экспоненте, вселила отчаяние в сердце Одраде.

По сравнению с нами их так много!

Шиана наклонилась и подобрала с земли камешек. Рассмотрев его, девочка бросила камень в забор. Камень пролетел сквозь заросли травы, не задев ее.

Одраде постаралась взять себя в руки. В наступившей тишине звуки их шагов по песку, который нанесло в эту часть малопосещаемого двора, гулко отдавались от забора. Извилистая мощеная дорожка вела за пределы защитной канавки и рва и обрывалась в Пустыне в двухстах шагах впереди.

— Я делаю это только по вашему приказу, Преподобная, но сама не понимаю зачем, — заговорила Шиана.

Мы делаем это потому, что должны испытать Ваффа и через него придать Тлейлаксу новую форму!

— Это демонстрация, — ответила Одраде.

Одраде сказала правду. Не всю правду, но вполне достаточную.

Шиана шла, опустив голову и внимательно глядя себе под ноги. Она всегда так приближается к Шайтану? В раздумьях и отстраненно?

В отдалении послышалось хлопанье крыльев. В небе, позади них на приличном расстоянии летел орнитоптер. Много глаз будет наблюдать за их *демонстрацией.*

— Я буду танцевать, — сказала Шиана, — обычно на танец приходит большой червь.

Одраде почувствовала, как забилось ее сердце. Будет ли «большой» подчиняться Шиане в присутствии двух незнакомцев?

Это самоубийственное сумасшествие!

Но таков был приказ Верховной и его надо выполнить.

Одраде оглядела двор хранилища Пряности, и место показалось ей до странности знакомым.

Это было нечто большее, чем простое дежавю. Память предков говорила ей, что это очень древнее место, сохранившееся на протяжении тысячелетий практически неизменным. Конструкции хранилищ меланжевого силоса были древними, как сам Ракис. Овальные чаны на длинных ножках. Стеклометаллические насекомые, готовые накинуться на любого пришельца. Одраде показалось, что в такой конструкции таилось подсознательное предупреждение: меланжа — это награда и наказание.

Под чанами с силосом находилась пустынная почва, на которой ничего не росло. Кроме того, вокруг стояли глинобитные дома — отростки древнего Дар-эс-Балата, расширившего свои границы до канала и канавки. Долго просуществовавший тайник Тирана породил существование религиозного объединения, жизнь которого протекала вдали от посторонних глаз — за толстыми стенами без окон и в подземельях.

Такова тайна воздействия на наши подсознательные желания!

— Туэк стал каким-то другим, — сказала вдруг Шиана.

Одраде заметила, как при этих словах Вафф резко вскинул голову. Он все слышал и, должно

быть, думал: *Можем ли мы скрыть хоть что-то от посланца Пророка?*

Слишком много людей знает о том, что роль Туэка исполняет лицедел, подумала Одраде. Священники, войдя в этот заговор, думали, конечно, что наконец-то сплели хитроумные сети, в которые попадет не только Бене Тлейлаксу, но и Община Сестер.

Одраде уловила горьковатый запах гербицидов, с помощью которых уничтожались сорняки на дворе хранилища Пряности. Запах вернул ее к действительности. Сколько всего необходимо сделать. Сейчас у нее нет никакого права на умственные блуждания. Как легко может Община попасть в расставленные ею же силки.

Шиана споткнулась, издав крик скорее раздражения, чем боли. Вафф обернулся и внимательно посмотрел на Шиану, прежде чем возобновить свой путь в Пустыню. *Дитя просто споткнулось о стык плит в дорожке,* подумал он. Трещины были присыпаны песком и стали невидимыми. Мощеная дорожка, конечно, не подходила для выхода в Пустыню посланца Пророка, но годилась для такого молящегося человека, готового пересечь Пустыню.

Вафф думал о себе, прежде всего, как о таком

пилигриме-просителе.

Я выхожу, как нищий, в землю посланца твоего, Боже.

По отношению к Одраде Вафф продолжал испытывать некоторые подозрения. Преподобная Мать ведет его в Пустыню, чтобы, выпытав его знания, убить. *С помощью Бога. Но я могу, однако, преподнести ей сюрприз.* Он знал, что его организм надежно защищен от проникновения Иксианских Зондов, хотя, с другой стороны, у Одраде нет с собой этого коварного приспособления. Но Ваффа поддерживали воля и вера в милость Божью.

Но что, если они совершенно искренне протягивают нам руку?

Но и это будет только лишь промысел Божий.

Альянс с Бене Гессерит; контроль за тем, что происходит на Ракисе. Да это же золотая мечта! Наконец-то восходит Шариат, а Сестры станут его миссионерами.

Когда Шиана снова споткнулась и вскрикнула, Одраде одернула девочку:

— Не потакай своим слабостям, дитя!

Преподобная Мать заметила, как напряглись плечи Ваффа. Ему не нравилось такое хозяйское обращение с Благословенной. Однако у этого

тщедушного человечка есть воля и становой хребет. Это была сила фанатизма, поняла Одраде. Если даже червь вознамерится его сожрать, Вафф не уклонится от своей судьбы. Вера в волю Бога поведет его навстречу смерти. Он с радостью примет его, если до этого не пошатнется его вера.

Одраде подавила улыбку. Ей было легко следовать за процессами мышления Ваффа. *Скоро сам Бог откроет Его Цель.*

Однако Вафф в это время думал о своих клетках, которые сейчас медленно растут в лабораториях Бандалонга. Неважно, что произойдет здесь, его клетки все равно послужат Бене Тлейлаксу… или Богу — серийный Вафф всегда служит Великой Вере.

— Ты знаешь, я могу чувствовать запах Шайтана, — сказала вдруг Шиана.

— Сейчас? — Одраде посмотрела на Ваффа, который уже достиг дугообразного конца дорожки.

— Нет, только когда он приближается, — ответила Шиана.

— Конечно, можешь, дитя. Это смог бы каждый.

— Я чувствую его запах очень издалека.

Одраде потянула носом воздух, напоенный запахами раскаленного кремния и едва замет-

ным ароматом меланжи… озона и чего-то очень едкого. Она приблизилась к Шиане и пошла по дорожке впереди нее. Вафф по-прежнему шел впереди, четко соблюдая дистанцию в двадцать шагов. В шестидесяти метрах перед ним дорожка ныряла в песок.

Я понюхаю песок при первой же возможности, подумала Одраде. *Эти запахи расскажут мне многое.*

Переходя через канавку, она бросила взгляд на юго-запад, в сторону низкого барьерного вала, протянувшегося вдоль горизонта. Одраде внезапно столкнулась с памятью предков, которая без предупреждения овладела ее сознанием. В образах не было привычной четкости — это была какая-то беспорядочная толпа, вышедшая из глубинных источников в сознании Преподобной Матери.

Проклятье, подумала она. *Только не сейчас!*

Но выхода не было. Такие вторжения имели свою цель, это требование мобилизации сознания.

Предупреждение!

Она снова скосила взгляд на горизонт и позволила памяти наложить на него старое изображение. Высокий вал, по гребню которого движутся

люди. Это было волшебное, нереальное, но чудесное зрелище. Две части вала соединялись мостом, под которым протекала река Айдахо. Айдахо! Картинка продолжала двигаться. Вот с моста начали падать люди. Все происходило очень далеко, но память делала свое дело, и Одраде смогла понять, что происходит перед ее взором.

Волшебный мост обрушился! Его обломки падают в реку.

Это было вовсе не случайное разрушение. Это была классическая диверсия, память о которой сохранилась и которую Одраде не раз переживала во время мук Пряности. Теперь Одраде видела мельчайшие детали происходящего. Тысячи ее предков видели эту сцену в зрительном воспроизведении. Это было не живое впечатление, а память от просмотра записей.

Так вот где это произошло!

Одраде остановилась и принялась рассматривать проекцию движущейся картинки более пристально, пропуская ее в свое сознание. *Предупреждение!* В этой картине надо было идентифицировать какую-то опасность. Она не пыталась сознательно извлечь значимую информацию. Если она станет это делать, то картина распадется на множество фрагментов, каждый из которых

может быть важен сам по себе, но полнота картины при этом исчезнет.

То, что она видела, было подробно отражено в анналах истории Атрейдесов. Лето II, Тиран, рассыпался на песчаные форели именно здесь, после падения с волшебного моста. Великий червь Ракиса, Тиран Бог-Император рухнул с этого моста во время своего свадебного путешествия.

Вот! Именно здесь, в водах реки Айдахо под рухнувшим мостом, принял Тиран свои последние муки. Именно здесь возник Разделенный Бог. Все началось именно здесь.

Но почему это предупреждение?

Мост и река давно исчезли с лица земли. Высокий вал, окружавший пустынный заповедник Тирана Сарьир давно превратился в линию камней на сияющем знойном горизонте.

Если сейчас явится червь, несущий в себе дремлющую память Тирана, то будет ли опасным этот приход? Именно об этом спорила Тараза с оппозицией.

Он проснется!

Тараза и ее советники начисто отрицали саму возможность этого.

Однако этот предупреждающий сигнал памяти нельзя было просто отбросить в сторону.

— Преподобная Мать, почему мы остановились?

Одраде почувствовала, что ее сознание вернулось в непосредственную реальность, требующую повышенного внимания. В предупреждающем видении Одраде рассмотрела место, где начался бесконечный сон Тирана, но в это вмешались другие сны. Шиана стояла перед ней с озадаченным выражением лица.

— Я смотрела туда, — Одраде показала рукой на горизонт. — Именно там началась жизнь Шаи-Хулуда, Шиана.

Вафф остановился в сорока метрах впереди от Шианы и Одраде в том месте, где кончалась дорожка и начиналась Пустыня. Голос Одраде заставил его напрячься, однако Мастер не обернулся. В его позе Преподобной почудилось раздражение. Вафф не позволил бы себе даже намека на цинизм в отношении к своему пророку. Напротив, он всегда подозревал в цинизме Преподобных Матерей. Особенно в том, что касалось религиозных установлений. Вафф до сих пор не был готов принять тот факт, что отвратительный Бене Гессерит примет Великую Веру. Это надо делать медленно и тщательно, как советует делать это Защитная Миссия.

— Говорят, что здесь была большая река, — сказала Шиана.

В голосе девочки послышались озорные веселые нотки. Однако этот ребенок быстро обучается!

Вафф обернулся и скорчил недовольную мину. Он тоже услышал реплику. Интересно, что он сейчас подумал о Шиане?

Обняв Шиану за плечи одной рукой, Одраде другой показала на вал.

— Там был мост. Защитный Вал Сарьира проходил там, по нему можно было пересечь реку Айдахо, через которую и был перекинут мост.

Шиана вздохнула.

— Настоящая река, — прошептала она.

— Это была не канава и даже не канал, — сказала Одраде.

— Я никогда не видела реку, — горестно произнесла Шиана.

— Именно мост был взорван, и Шаи-Хулуд упал в реку, — продолжала свой рассказ Одраде. Она указала налево. — На той стороне, за много километров отсюда, он построил свой дворец.

— Теперь там нет ничего, кроме песка, — сказала Шиана.

— Дворец был разрушен во время Великого

Голода, — сказала Одраде. — Люди думали, что в нем окажется клад Пряности. Но они, конечно, ошиблись. Шаи-Хулуд был слишком умен, чтобы оставить эту драгоценность в подобном месте.

Шиана прижалась к Одраде и зашептала:

— Но есть же клад Пряности. Об этом говорят легенды и заклинания. Я слышала их много раз. Да! Это находится в пещере.

Одраде улыбнулась. Шиана говорит об Устном Предании.

— Мой отец… — начала было она, имея в виду настоящего отца, который погиб в этих песках. Одраде уже выпытала эту историю у девочки.

Шиана продолжала шептать в самое ухо Одраде:

— Почему с нами идет этот маленький человечек? Он очень мне не нравится.

— Это необходимо для нашей демонстрации, — ответила Преподобная Мать.

Вафф осторожно, но без видимых колебаний сделал первый шаг, ступив на пологий песчаный склон. Сделав это, он обернулся, глаза его блеснули в лучах жаркого солнца. Он посмотрел сначала на Шиану, потом на Одраде.

Все то же поклонение в глазах, когда он смотрит на Шиану, подумала Одраде. *Как он надеется*

открыть здесь что-то великое. Он восстановит свою власть… и престиж.

Шиана, прикрыв ладонью глаза, рассматривала Пустыню.

— Шайтан любит жару, — сказала Шиана. — Люди прячутся от нее, но именно в это время приходит Шайтан.

Не Шаи-Хулуд, отметила про себя Одраде, *а Шайтан. Ты правильно все предсказал, Тиран. Что еще знал ты о нашем времени?*

Неужели это Тиран спит до поры до времени в своих потомках-червях?

Ни в одном из аналитических обзоров, которые читала Одраде, она так и не смогла найти объяснение того, зачем человеческое существо превратило себя в симбиота с автохтонным червем Арракиса. Что происходило в сознании этого человека в течение этой ужасной тысячелетней трансформации? Сохранились ли хотя бы мельчайшие фрагменты этих мыслей в современных червях Ракиса?

— Он близко, Преподобная. Ты чуешь его? — спросила Шиана.

Вафф оценивающе посмотрел на Шиану.

Одраде сделала вдох: густой запах корицы на фоне запаха опаленного солнцем силиката.

Огонь, сера — признаки дьявольской машины великого червя. Она остановилась и положила щепотку песка на язык. В песке было все — воспоминание о древней Дюне и знаки современного Ракиса.

Шиана показала рукой налево, откуда из Пустыни внезапно подул ветер.

— Это там, нам надо поспешить.

Не ожидая разрешения Одраде, Шиана побежала в указанном направлении мимо Ваффа до первой дюны. Там она остановилась, подождав, когда спутники присоединятся к ней. С этой дюны она повела их на другую, потом они с трудом, увязая в песке, взобрались на бархан, с гребня которого ветер срывал султаны песка и пыли. Вскоре они были приблизительно в километре от безопасного Дар-эс-Балата.

Шиана снова остановилась.

Вафф, шатаясь, тоже остановился прямо за спиной Шианы. Там, где защитный костюм нависал над глазами, появились капли пота.

Одраде остановилась в одном шаге позади Ваффа. Сделав несколько глубоких, успокаивающих вдохов, она стала смотреть туда, куда вперила свой взор Шиана.

Огромный клуб песка пронесся мимо дюны,

на которой они стояли, гонимый шквальным ветром. Обнажилась скальная порода, лежащая узкой полосой между огромными камнями, напоминавшими строительные блоки, разбросанные здесь безумным Прометеем. По этому дикому руслу тек песок, забиваясь в трещины и обрушиваясь на камни, спускаясь в расщелины и останавливаясь, образовывая новые дюны.

— Туда, — сказала Шиана, показав на полосу скальной породы. Она бросилась с дюны, временами скользя по песку. Внизу она остановилась у валуна, который был в два раза выше ее.

Вафф и Одраде остановились возле нее.

Склон гигантского бархана впереди, казалось, уходил прямо в серебристую синеву неба.

Одраде использовала эту остановку, чтобы восстановить кислородный баланс. Такое путешествие предъявляло плоти очень высокие требования. Она заметила, что у Ваффа покраснело лицо и дышит он довольно тяжело. В ограниченном пространстве запах кремния и корицы казался удушающим. Вафф принюхался и потер переносицу тыльной стороной ладони. Шиана приподнялась на цыпочки, сделала поворот и десять танцевальных шагов по каменистому дну. Поставив одну ногу на язык песка у подножия

дюны, она воздела вверх руки. Поднимаясь по склону дюны, девочка начала танцевать, постепенно ускоряя ритм.

Приблизился звук летящего орнитоптера.

— Слушайте! — крикнула Шиана, не прекращая танца.

Но девочка привлекла их внимание вовсе не к орнитоптеру. В мелкой долине возник совершенно новый звук. Одраде повернулась в его направлении.

Это было идущее из-под земли свистящее шипение, усиливающееся с устрашающей быстротой. Оттуда шел нестерпимый жар, наполнивший долину зноем. Вдоль камней подул горячий ветер. Свист стремительным крещендо перерос в дикий рев. Внезапно из песка над Шианой возникла обрамленная кристаллами кольцевидная пасть червя.

— Шайтан! — закричала девочка, не прерывая танца. — Я здесь, Шайтан!

Изогнувшись над дюной, червь склонил пасть к Шиане. Вокруг ее ног заклубился песок, ей пришлось остановиться. Запах корицы заполнил долину. Червь тоже застыл, нависая над людьми.

— Посланец Бога, — выдохнул Вафф.

Жар высушил потное лицо Одраде, было слыш-

но, как, пыхтя на полную мощность, заработали системы защитного костюма. Она сделала глубокий вдох, стараясь преодолеть вторжение резкого удушающего запаха. Воздух вокруг был перенасыщен озоном и кислородом. Чувства были обострены до предела. Одраде впитывала ощущения, чтобы сохранить их.

Если я выживу, подумала она.

Да, это были очень ценные данные. Настанет день, когда ими смогут воспользоваться другие.

Шиана отступила с песка на обнажившуюся скалу и снова начала танцевать, вращая головой в разные стороны. Волосы разметались, закрывая лицо. Каждый раз, поворачиваясь к червю, девочка кричала:

— Шайтан!

Неуверенно, как ребенок, оказавшийся в незнакомой обстановке, червь двинулся вперед. Он скользнул по гребню дюны и застыл, свернувшись на камне, приподняв пасть в двух шагах от Шианы.

Когда червь остановился, Одраде услышала рев и рокот работавшей в чреве зверя тоаки. Она не могла оторвать взор от отблесков пламени в пасти червя. То была пещера таинственного мистического огня.

Шиана прекратила танец. Прижав кулачки к бокам, она вперила взор в чудовище, которое сама вызвала.

Одраде расчетливо дышала, стараясь взять в руки свои чувства по лучшим рецептам Бене Гессерит. Она собрала все силы. Если это конец, то, что ж, все-таки она выполнит приказ Верховной Матери. Пусть в таком случае Тараза черпает информацию от наблюдателей в орнитоптере.

— Привет, Шайтан, — сказала Шиана. — Я привела с собой Преподобную Мать и человека с Тлейлаксу.

Вафф опустился на колени и согнулся в низком поклоне.

Одраде проскользнула мимо него и встала рядом с Шианой.

Девочка тяжело дышала. Лицо ее пылало ярким румянцем.

Одраде слышала пощелкивание в защитных костюмах, работавших с большой перегрузкой. Жаркий, насыщенный корицей и озоном воздух наполняли звуки этой странной встречи. Все покрывало гудение пламени в чреве отдыхающего червя.

Вафф тоже подошел к Одраде. Его взор выражал лишь транс.

— Я здесь, — прошептал он.

Одраде мысленно обругала его. Любой неожиданный звук мог спровоцировать нападение чудовища. Однако она понимала, о чем сейчас думает Вафф. Ни один тлейлаксианец не стоял так близко к посланцу своего Пророка. Этого никогда не делали даже священники Ракиса.

Правой рукой Шиана вдруг сделала приглашающий жест.

— Иди к нам, Шайтан!

Червь опустил пасть, и нестерпимый зной заполнил всю долину.

Шиана понизила голос до шепота:

— Ты видишь, Шайтан слушается меня, Преподобная, — сказала она Одраде.

Одраде и сама чувствовала эту власть девочки над чудовищем. Одраде ощущала биение пульса языка, который связывал ребенка и червя. Такое невозможно было подделать.

В голосе девочки появилась бесстыдная надменность.

— Я попрошу Шайтана прокатить нас! — сказала Шиана.

По склону дюны она вскарабкалась поближе к телу чудовища.

Червь повернул пасть вслед за ней.

— Стой там! — крикнула девочка.

Червь остановился.

Он повинуется не ее словам, подумала Одраде. *Это что-то еще… что-то еще…*

— Преподобная, подойди ко мне, — позвала Шиана.

Одраде повиновалась и пошла к червю, подталкивая перед собой Ваффа. По осыпающемуся песчаному склону они забрались к Шиане. Перед ними оказался плоский хвост червя. От боков чудовища в долину сыпался песок. Червь ждал. Шиана повела их к началу длинного тела зверя. Там она взялась за первое кольцо и взобралась на спину пустынной бестии.

За ней медленно последовали Одраде и Вафф. Тело червя казалось Одраде каким-то неорганическим, чем-то сродни иксианским изделиям.

Шиана скользнула к пасти, туда, где кольца были толще и тверже всего.

— Вот так, — сказала Шиана. Она ухватилась за кольцо и приподняла его, обнажив нежную розовую плоть.

Вафф подчинился сразу, но Одраде действовала медленнее, стараясь сохранить впитанное впечатление. Кольцо было очень твердым и имело поверхность словно инкрустированную мелки-

ми камешками. Одраде пощупала мягкую плоть под кольцом, ощутив пульсацию. Плоть поднималась и опускалась в каком-то трудно уловимом ритме. При каждом таком движении раздавался едва слышный шорох.

Шиана пнула червя ногой.

— Вперед, Шайтан! — сказала она.

Червь не отреагировал.

— Ну прошу тебя, Шайтан, — ласково попросила девочка.

В голосе Шианы Одраде услышала отчаяние. Ребенок был совершенно уверен в Шайтане, но Одраде знала, что Шиане было позволено прокатиться на черве только в тот первый раз, когда ею владело желание умереть. Одраде знала всю историю, но никто не мог сейчас сказать, что последует дальше.

Червь внезапно начал движение. Он резко поднялся, повернул налево, развернулся и понесся в направлении от Дар-эс-Балата в открытую пустыню.

— Мы едем с Богом! — восторженно крикнул Вафф.

Звук его голоса неприятно поразил Одраде. Какая дикость! Она почувствовала всю силу его веры. Сверху раздавались квохчущие звуки

орнитоптера. Ветер обдувал лицо. Воздух был наполнен озоном, жаром и запахами горящей печи. При этом раздавался шорох от движения страшного бегемота, ползущего по песку с поражающей воображение скоростью.

Одраде оглянулась через плечо и посмотрела на орнитоптеры и подумала, что в данный момент очень легко освободить планету от причиняющих ей столько хлопот девочки, Преподобной Матери и тлейлаксианца. Всех можно уничтожить в дикой Пустыне, не оставив никаких следов. *Священники могут составить такой заговор,* подумала Одраде, надеясь, что ее собственные шпионы опоздают и не сумеют вмешаться.

Удержит ли их любопытство и страх от необдуманных действий?

Одраде призналась себе, что ею тоже движет не меньшее любопытство.

Куда он несет нас?

Определенно не в Кин. Она подняла голову и посмотрела на Шиану. Впереди виднелись остатки моста, с которого некогда рухнул в реку Тиран.

Именно об этом месте предупредили ее предки, живущие в памяти.

Внезапно Одраде явилось запечатленное до поры откровение. Она поняла смысл предупре-

ждения. Тиран умер в том месте, которое выбрал сам. На этом месте погибли многие, но его смерть была самой грандиозной. Тиран выбрал маршрут своего свадебного путешествия не случайно. Шиана не говорила зверю, куда он должен следовать. Магнетическая сила вечного сна Тирана притянула червя к тому месту, где начался этот сон.

Своей верой в единичность, в раздробленный абсолют вы отрицаете движение, даже эволюционное движение! Пока вы понуждаете гранулированную, раздробленную вселенную существовать в вашем сознании, вы слепы к движению. Когда изменяется порядок вещей, ваша абсолютная вселенная исчезает, не имея больше доступа к вашему, вами же ограниченному, восприятию. Вселенная проходит мимо вас.

Первый вариант манифеста Атрейдесов, Архивы Бене Гессерит

Тараза прижала ладони к вискам, закрыв уши, и сильно сдавила голову. Даже ее пальцы ощущали усталость: прямо между пальцами она чувствовала утомление. Короткое движение ресницами — и она впала в релаксационный транс. Руки, приложенные к вискам, — это единственное, что соединяло ее с чувственным миром.

Сто ударов сердца.

Тараза практиковала эту методику расслабления еще с детства, то был ее первый навык, усвоенный в школе Бене Гессерит. Именно сто ударов сердца — не больше и не меньше. После стольких лет тренировок ее тело было способно

войти в бессознательный ритм этого естественного метронома.

Она действительно почувствовала себя лучше, когда открыла глаза на счет «сто». В голове исчезло противное ощущение усталости. Тараза надеялась, что этого прилива сил хватит еще на пару часов работы до того, как усталость снова овладеет ею. Она вспомнила детство, Сестру Проктора, которая по ночам ходила по проходам между кроватями и смотрела, все ли воспитанницы, как положено, спят в своих кроватках.

Сестра Барам, Ночной Проктор.

Тараза много лет не вспоминала это имя. Сестра Барам была низкорослой и толстой. Из нее так и не вышла Преподобная Мать. Тому не было каких-то видимых причин, но медицинские сестры и доктора Сукк нашли у нее какие-то отклонения. Барам так и не разрешили пройти муки Пряности. Она и сама заранее знала, что в ее здоровье есть какой-то дефект. Еще с подросткового возраста ее тревожила какая-то нервная дрожь, которая начиналась при засыпании. Это был симптом чего-то более глубокого, заставившего врачей решиться на стерилизацию. Приступы дрожи заставляли Барам просыпаться по ночам, этим и было обусловлено ее назначение Ночным

Проктором.

Были у Барам и другие слабости, о которых не знало высшее руководство. Любая девочка, которой не спалось, могла приползти в туалет и вовлечь Сестру Барам в тихий разговор. Наивные вопросы в большинстве своем порождали наивные ответы, но иногда Барам могла сообщить очень важное знание. Это она научила Таразу технике релаксационного транса.

Как-то раз одна из старших девочек нашла Барам в туалете мертвой. Приступы дрожи Сестры Проктора оказались симптомом какого-то серьезного заболевания, факт, важный, главным образом, для Селекционных Куртизанок, которые вели какие-то свои подробные записи на этот счет.

Поскольку Бене Гессерит не открывал своим воспитанницам полную схему «образования одиночной смерти» до достижения послушания, Барам стала первым человеком, которого она видела мертвым. Сестра Проктор лежала головой под раковиной, прижавшись щекой к плиткам пола, а рукой схватилась за трубу раковины. Она пыталась встать, и смерть застигла ее во время этой попытки. Последнее движение запечатлело ее, как насекомое, закованное в янтарь.

Когда тело перевернули, чтобы погрузить на тележку и вывезти, то на щеке обнаружилось красное пятно. Дневной Проктор объяснила появление этого пятна с научной точки зрения. Любой опыт в этом отношении был полезен для потенциальных Преподобных Матерей, которые включили этот опыт в свои послушнические «Беседы со смертью».

Способность жить после смерти.

Сидя теперь за своим столом в Капитуле, спустя столько лет после события, Тараза потратила довольно много сил, чтобы избавиться от этой так не нужной сейчас памяти. Перед ней лежат бумаги, требующие неотложного внимания. Ей предстоит очень большая работа, и ничто не должно ее отвлекать. Как же много уроков прошлого. Как устрашающе полна ими ее память. Сколько хранится в ней чужих жизней. Эти воспоминания утвердили Таразу в решимости заняться живыми делами. Дела надо делать. Она еще нужна Ордену. Тараза с новыми силами взялась за работу.

Будь проклята эта необходимость тренировать гхола именно на Гамму!

Но для этого гхола такой подход необходим. Знакомство со всеми нечистыми обстоятельства-

ми дела диктовали такую необходимость.

Посылка Бурцмали на Гамму была мудрым шагом. Если бы Майлс нашел место, где спрятать гхола, если бы он нашел выход… то получил бы всю необходимую помощь. Тараза еще раз подумала, не стоит ли подключить к игре способность к предзнанию. Это так опасно! Кроме того, тлейлаксианцы знают, что может потребоваться замена гхола.

Подготовить его к доставке.

Она снова подумала о проблемах на Ракисе. Надо было тщательнее наблюдать за этим дураком Туэком. Как долго сможет лицедел играть его роль? Правда, в решениях Одраде пока не заметно никаких погрешностей. Она сумела поставить тлейлаксианца в совершенно беззащитное положение. Лицедела могут раскрыть, что немедленно погрузит Бене Тлейлаксу в пучину ненависти.

Игра по воплощению замысла Бене Гессерит стала очень тонкой. В течение поколений Орден держал священство на привязи приманкой союза. Но что теперь! Тлейлаксианцы могут подумать, что их избрали вместо Ракисских священников. Одраде решила построить тройственный союз, пусть священники думают, что Преподобные

Матери готовы принять клятву верности Разделенному Богу. От такой перспективы члены Совета Священников будут заикаться, выступая на своих заседаниях. Тлейлаксианцы, конечно же, увидели шанс монополизировать торговлю меланжей, избавившись наконец от одного неподконтрольного им источника Пряности.

Из динамика на двери раздался голос, оповестивший Таразу, что пришла послушница с чаем. Это был постоянно действующий приказ — послушницы всегда приносили чай, если Верховная Мать допоздна засиживалась за работой. Тараза посмотрела на иксианские часы, отставшие только на секунду за столетие. Было 1.23.11 ночи.

Она велела впустить послушницу. Вошла девушка — светлая блондинка с холодными наблюдательными глазами — и поставила поднос с едой на стол Таразы.

Тараза проигнорировала появление послушницы, сосредоточившись на работе. Так много надо сделать. Работа важнее, чем сон. Однако голова сильно болела, мозг отказывался работать, и она подумала, что чай принесет ей небольшое облегчение. Она доработалась до психического истощения и надо поправить дело, пока она еще держится на ногах. В плечах и спине пульсирова-

ла тупая боль.

Послушница собралась уходить, но Тараза остановила ее.

— Помассируй мне спину, Сестра.

Тренированные пальцы девушки начали растирать уплотнения в мышцах. *Отличная девочка.* От этой мысли Верховная Мать довольно улыбнулась. Конечно, она отличная. Это она сама отличная девочка. Только такую могли назначить Верховной Матерью.

Когда девушка ушла, Тараза погрузилась в глубокие раздумья. *Как мало времени.* Она скупилась на каждую минуту сна. *Но совсем сна не избежать,* подумала она. У тела тоже есть свои непререкаемые требования. Надо сделать это, чтобы к наступающему дню восстановить силы. Не притронувшись к чаю, Тараза встала и направилась вниз, в холл, где находилась ее спальня, больше похожая на келью. Там она оставила сообщение ночной страже с приказом разбудить ее в 11 часов и, не раздеваясь, прилегла на узкую жесткую кушетку.

Она восстановила ровное дыхание, отключаясь от набегавших мыслей, и впала в промежуточное состояние.

Сон не приходил.

Она проделала все, что могла, но сна не было.

Тараза пролежала довольно долго, прежде чем поняла, что никакая техника, бывшая в ее распоряжении, не позволит ей уснуть. Промежуточное состояние постепенно само перейдет в сон. Между тем мысли ее продолжали работать.

Священство Ракиса, которое прежде никогда не принималось в расчет. Они сами поймали себя в тенета своей религии и манипулировать ими можно только с помощью религии. В Бене Гессерит они видели только силу, способную усилить их догмы. Пусть продолжают так думать. Эта приманка ослепит их, и они останутся в подчинении.

Черт бы побрал этого Майлса Тега! Три месяца молчания и никаких обнадеживающих сведений от Бурцмали. Горелая земля, явные признаки отлета корабля-невидимки. Куда мог деться Тег? Возможно, гхола мертв. Тег никогда прежде не делал таких вещей. Старый надежный Тег. Именно поэтому она и выбрала его. Все говорило в пользу такого выбора — надежность, военная выучка и поразительное сходство с герцогом Лето, все признаки, которые сформировали в нем.

Тег и Луцилла — превосходная команда.

Но если гхола жив, то находится ли он в преде-

лах их досягаемости? Может быть, его захватили тлейлаксианцы, нападавшие из Рассеяния? Сколько всего возможно. Старый и надежный. Молчит. Не является ли само его молчание сообщением? Если так, то что он пытается ей сказать?

Патрин и Швандью мертвы. Все это очень похоже на заговор. Может быть, Тега давно пестовали враги Общины? Это невозможно! Его семья была вне подозрений на этот счет и сама не допускала такой возможности. Дочь Тега была в таком же недоумении, как и все остальные.

Три месяца — и никаких известий.

Осторожность. Она сама предупредила Майлса и просила его соблюдать величайшую осторожность при защите гхола. Тег увидел на Гамму большую опасность. Это ясно из последних сообщений Швандью.

Куда могли Луцилла и Тег увезти гхола?

Где они взяли корабль-невидимку? Это конспирация? Заговор?

Тараза постаралась обдумать свои глубинные подозрения. Не стоит ли за этим Одраде? Луцилла? Одраде и Луцилла не были знакомы до той короткой встречи на Гамму. Или они все же были знакомы? Кто был ближе всех к Одраде и нашеп-

тывал ей всяческие слухи, витавшие в воздухе? Она ничего не говорила по этому поводу, но это не доказательство. Не приходилось, впрочем, сомневаться в верности Луциллы. Они обе всегда работали безупречно. Но так поступают все заговорщики.

Факты! Тараза жаждала фактов. Кровать скрипела, мозг отказывался отдыхать — этому мешали сами мысли и скрип кровати от ее движений. Возмутившись собственным безволием, Тараза попыталась собраться и заставить себя уснуть.

Расслабиться и только потом уснуть.

В воображении Таразы сквозь пространство летели корабли, переполненные заблудшими душами из Рассеяния. Бесчисленные кораблиневидимки. Может быть, Тег раздобыл корабль у них? Преподобные Матери исследовали эту возможность как на Гамму, так и в других вероятных местах. Она попыталась пересчитать эти корабли, но и от этого сон и расслабление не шли. Тараза продолжала беспрестанно ворочаться на своей кушетке.

В глубине разума она пыталась все же разгадать эту сложную загадку. Утомление блокировало способность к анализу — она села на кушетке в состоянии полного бодрствования.

Тлейлаксианцы вошли в сговор с людьми, вернувшимися из Рассеяния. С этими шлюхами — Досточтимыми Матронами и тлейлаксианцами, вернувшимися на родину. Тараза чувствовала за этими событиями чей-то цельный замысел. Заблудшие возвращались, движимые отнюдь не любопытством к своей исторической родине и корням. Жизнерадостное стремление воссоединить человечество — недостаточный повод для возвращения. Досточтимые Матроны явно явились сюда с целью завоевания.

Но что, если ушедшие в Рассеяние тлейлаксианцы не взяли с собой тайну чанов с аксолотлями? Что тогда? Меланжа? Оранжевоглазые шлюхи явно воспользовались негодным заменителем. Люди Рассеяния не смогли, по всей вероятности, решить проблему генетических восстановительных чанов. Они, несомненно, знали о существовании таких лабораторий и не могли не пытаться их воссоздать. Но если они не сумели сделать этого, то пустили в ход другой козырь — меланжу!

Она начала исследовать эту проекцию.

У Заблудших кончились запасы меланжи, которую они взяли с собой. Какой источник был у них в распоряжении? Черви с Ракиса и Бене Тлейлаксу. Шлюхи вряд ли осмелились открыть

свои истинные намерения. Их предки не думали, что червей можно переселить на другие планеты. Возможно ли, чтобы Заблудшие нашли планету, подходящую для обитания на ней червя? Конечно, это возможно. Они могли начать торговаться с Тлейлаксу для отвода глаз. Главной целью стал Ракис. Хотя могло быть и наоборот.

Передвижное богатство.

Тараза читала сообщения Тега о накопленных на Гамму богатствах. Некоторые из вернувшихся имели монеты и другие виды денег. Но все это могло быть результатом обычной банковской деятельности.

Но есть ли более ценная валюта, чем Пряность?

Богатство, недвижимость? Конечно, да. Но только там, где появляются деньги, там начинаются настоящие сделки.

До слуха Таразы донеслись возбужденные приглушенные голоса. Послушница, охраняющая сон Верховной, спорила с кем-то. Говорили довольно тихо, но Тараза мгновенно окончательно проснулась.

— Она приказала разбудить себя поздно утром, — протестовала стражница.

— Она велела немедленно оповестить себя о

моем приезде, когда бы я ни появился, — отвечал ей кто-то сдавленным шепотом.

— Я же говорю вам, что она очень устала. Она нуждается…

— Она нуждается в том, чтобы выполняли ее приказы! Скажите, что я вернулся.

Тараза села и свесила ноги с кушетки. Поставила ноги на пол. Боги! Как болят колени! Но еще больнее было то, что она никак не могла понять, кто спорит с послушницей за дверью.

О чьем возвращении я?.. Бурцмали!

— Я не сплю, — сказала Тараза.

Дверь отворилась, и в щель просунулась голова послушницы.

— Верховная Мать, с Гамму вернулся Бурцмали.

— Пусть немедленно войдет! — Тараза зажгла плавающий шар. Желтый свет в мгновение ока рассеял темноту.

Вошел Бурцмали и закрыл за собой дверь. Не говоря ни слова, он нажал на кнопку звукового изолятора, и все посторонние звуки, доносившиеся снаружи, стихли.

Тайна? Значит, он привез плохие новости.

Она внимательно посмотрела на Бурцмали. Это был невысокий стройный парень с треугольным

лицом, суживающимся к узкому подбородку. На высокий лоб ниспадали пряди светлых волос. Широко расставленные зеленые глаза изобличали живость и наблюдательность. Он выглядел слишком молодо для звания башара, но Тег тоже не был похож на старика на Арбелуфе. *Все мы стареем, будь оно проклято!* Она расслабилась и заставила себя доверять этому человеку так же, как ему доверял Тег.

— Говори свою плохую новость, — приказала она.

Бурцмали откашлялся.

— На Гамму нет никаких следов башара и его людей, Верховная Мать, — у него был сильный низкий голос.

Это еще не самое худшее, подумала Тараза. Она увидела, что Бурцмали сильно нервничает.

— Выкладывай все, — приказала Верховная. — Очевидно, ты полностью обследовал развалины Убежища.

— Не уцелел никто, — сказал он. — Нападавшие знали свое дело.

— Тлейлаксианцы?

— Возможно.

— У тебя есть сомнения?

— Нападавшие использовали новейшую икси-

анскую взрывчатку, 12-Ури, я… я думаю, что ею воспользовались, чтобы пустить нас по ложному следу. В черепе Швандью мы нашли отверстия от зондов.

— Что ты можешь сказать о Патрине?

— Только то, что сообщила Швандью. Он подорвал себя на корабле-приманке. Его опознали только по двум пальцам и одному уцелевшему глазу. Там нечего было зондировать.

— Но у тебя есть сомнения! Переходи к ним!

— Швандью оставила сообщение, прочитать которое могли только мы.

— Проволочные следы на мебели?

— Да, Верховная Мать, и…

— Значит, она знала, что на нее нападут, и имела время для того, чтобы подготовить сообщение. Я читала твое послание об опустошении, причиненном нападением.

— Оно было стремительным и осуществлено подавляющими силами. Нападавшие даже не пытались брать пленных.

— Что она сказала в послании?

— Шлюхи.

Тараза попыталась скрыть свое потрясение, хотя и ожидала, что услышит это слово. Попытка сохранить спокойствие едва не лишила ее

последних сил. Это было очень плохо. Тараза позволила себе тяжело вздохнуть. Оппозиция Швандью продолжалась до самого конца. Однако, видя надвигающуюся катастрофу, она все же приняла правильное решение. Зная, что умрет, не сумев передать свою память другой Преподобной Матери, она решила действовать, исходя из верности основам. Если ты ничего не можешь сделать, то предупреди Сестер и введи в заблуждение противника.

Так поступали Досточтимые Матроны!

— Расскажи о своих поисках гхола, — приказала Тараза.

— Мы были там не первыми, Верховная Мать. В том месте, где все ищут, множество обгоревших деревьев и выжжена земля.

— Но это был корабль-невидимка?

– *Следы* корабля-невидимки.

Тараза кивнула своим мыслям. Это молчаливое послание от надежного старого служаки?

— Насколько внимательно вы осмотрели место?

— Я пролетал над ним во время своей инспекционной поездки.

Тараза жестом предложила Бурцмали сесть в кресло, стоявшее возле кушетки.

— Сядь и успокойся. Я хочу, чтобы ты немного подумал и порассуждал.

Бурцмали медленно и осторожно опустился в кресло.

— Порассуждать?

— Ты был его любимым учеником. Я хочу, чтобы ты вообразил себя Майлсом Тегом. Ты знаешь, что должен увезти гхола из Убежища. Ты не доверяешь никому в своем окружении, даже Луцилле. Что ты будешь делать?

— Это неожиданный вопрос.

— Конечно.

Бурцмали потер свой узкий подбородок. Наконец он заговорил:

— Я доверяю Патрину. Доверяю полностью и безоговорочно.

— Ладно, ты и Патрин. Что ты делаешь?

— Патрин — уроженец Гамму.

— Я сама очень много размышляла по этому поводу.

Бурцмали сосредоточенно уставился в пол.

— Мы с Патрином задолго до событий разработали план действий в нештатной ситуации. Я всегда готовлю запасные способы решения могущих возникнуть проблем.

— Очень хорошо. Теперь план. В чем он заклю-

чается?

— Почему Патрин убил себя? — спросил Бурцмали.

— Ты уверен, что он это сделал?

— Вы сами видели доклад. Швандью и некоторые другие были уверены в этом. Я принимаю их точку зрения. Патрин был верен настолько, что мог сделать это ради своего башара.

— Для тебя! Ты сейчас — Майлс Тег. Какой план вы составили с Патрином?

— Я не стал бы обдуманно и с намерением посылать Патрина на смерть.

— Если только не…

— Патрин сделал это по собственной воле. Он мог решиться на это, если план был составлен им, а не… мной. Он мог сделать это, чтобы защитить меня, чтобы быть уверенным, что никто не сможет раскрыть план.

— Как мог Патрин раздобыть корабль-невидимку втайне от нас?

— Патрин — уроженец Гамму. Его семья живет там с времен, когда планета называлась Гьеди Один.

Тараза закрыла глаза и отвернулась от Бурцмали. Итак, Бурцмали идет по тому же следу, по которому пошла она сама. *Мы знаем проис-*

хождение Патрина. Какая связь может быть между планом и его корнями? Ее ум отказывался отвечать на этот вопрос. Вот до чего довело ее утомление. Она снова взглянула на Бурцмали.

— Не делал ли Патрин попыток установить тайную связь с семьей или старыми друзьями?

— Мы попытались установить это всеми доступными нам способами.

— Подумайте об этом: вы не могли установить их все.

Бурцмали пожал плечами.

— Конечно нет. Я не действовал, исходя из последних соображений.

Тараза глубоко вздохнула.

— Возвращайся на Гамму. Возьми с собой столько людей, сколько позволит служба безопасности. Скажи Беллонде, что это мой приказ. Ты должен всюду внедрить своих агентов. Найди знакомых Патрина. Остались ли на Гамму его живые родственники? Друзья? Выяви их.

— Это может вызвать нездоровое возбуждение и интерес к нам, как бы осторожно мы ни действовали. Об этом узнают посторонние.

— С этим все равно нельзя ничего поделать. И вот что еще, Бурцмали!

Он уже был на ногах.

— Слушаю, Преподобная Мать.

— Это касается других поисковых партий. Ты должен опередить их.

— Могу я воспользоваться услугами Гильд-навигатора?

— Нет!

— Тогда каким образом…

— Бурцмали, что, если Майлс, Луцилла и гхола все еще на Гамму?

— Я уже доложил вам, что не разделяю уверенность некоторых в том, что они покинули планету на корабле-невидимке.

Тараза долго изучала стоявшего перед ней мужчину. Он тренирован Майлсом Тегом. Любимый ученик старого башара. Был ли Бурцмали обучен инстинктивному предположению?

— Да? — тихим голосом спросила она.

— Гамму, которая раньше называлась Гьеди Один, — это вотчина Харконненов.

— О чем это говорит тебе?

— Они были богаты, Верховная Мать. Очень богаты.

— И что?

— Они были богаты настолько, что могли позволить себе устроить на Гамму помещение-невидимку или целый дворец…

— Но об этом нет никаких записей. Икс никогда не намекал на такую поставку. Они не занимались на Гамму…

— Взятки, покупки через третьих лиц, многочисленные смены транспортных кораблей, — сказал Бурцмали. — Времена Великого Голода славились своей коррупцией, а перед тем были тысячелетия владычества Тирана.

— В то время Харконнены ушли на дно, а те, которые этого не сделали, были просто уничтожены. Однако я вполне допускаю такую возможность.

— К тому же записи могли быть утрачены, — произнес Бурцмали.

— Но не нами или другими правительствами, которые уцелели. Что можно сказать об этой линии рассуждений?

— Патрин.

— Аааа-га.

Бурцмали торопливо заговорил:

— Если бы такое действительно имело место, то об этом можно узнать у коренных жителей Гамму.

— Многие ли из них могут это знать? Неужели ты думаешь, что они могли хранить эту тайну столько… Да! Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Если это была тайна семьи Патрина, то…

— Я не отважился спросить их об этом.

— Конечно нет. Но где можно поискать, не возбуждая, естественно, постороннего…

— В том месте, где найдены следы взлета корабля-невидимки.

— Ты должен отправиться туда лично!

— Это будет очень трудно скрыть от шпионов, — сказал Бурцмали. — Если только я не отправлюсь туда с малыми силами и якобы с другой целью.

— С какой именно?

— Для установления погребального знака на могиле моего старого башара.

— Откуда следует, что мы якобы уверены в его смерти? Да!

— Вы ведь уже попросили тлейлаксианцев начать изготовление нового гхола.

— Это была простая предосторожность и не несет… Бурцмали, это очень опасно. Мне кажется, что мы не сумеем пустить по ложному следу всех, кто следит за нами на Гамму.

— Скорбь моя и моих людей будет выглядеть искренней и неподдельной.

— Искренность не всегда убеждает настороженного наблюдателя.

— Вы не доверяете моей верности и верности людей, которых я возьму с собой?

Тараза в раздумье сжала губы. Она напомнила себе, что фиксированная верность — это то, что они пытались развить, улучшая наследственные признаки Атрейдесов. Как производить людей, которые обладают таким врожденным признаком? Бурцмали и Тег были превосходными образчиками.

— Это может сработать, — согласилась Тараза. Она задумчиво посмотрела на Бурцмали. Возможно, любимый ученик Тега прав!

— Тогда я пойду, — сказал Бурцмали и собрался покинуть спальню.

— Один момент, — остановила его Верховная Мать.

Бурцмали обернулся.

— Накачайте себя широм. Все. Если вы увидите, что вас могут пленить лицеделы — эти новые образцы, — то сожгите свои головы или разбейте их вдребезги. Позаботьтесь об этом.

Трезвое выражение лица Бурцмали вселило в Таразу уверенность. Молодой башар возгордился. Надо было умерить его гордыню. Незачем проявлять излишнюю отвагу и бесшабашность.

Мы уже давно знаем о влиянии, которое оказывает выбор – сознательный или бессознательный – на объекты нашего чувственного восприятия. Фактически показано, что не требуется, чтобы заключенная в нас вера в некую силу являлась на поверхности сознания и вступала во взаимодействие с окружающей нас вселенной. Я разработала прагматический подход к оценке взаимоотношений между верой и тем, что мы считаем «реальным». Все наши суждения несут на себе тяжкое бремя верований наших предков, к которым особенно чувствительны мы – Сестры Бене Гессерит. Недостаточно того, что мы знаем об этом и принимаем меры предосторожности. Объектом нашего пристального внимания должны быть альтернативные интерпретации.

Верховная Мать Тараза: Дискуссии в Совете

— Здесь нас рассудит Бог, — злорадствовал Вафф.

Он постоянно говорил это все время их непредсказуемого путешествия через Пустыню. Шиана не замечала этих высказываний, но они начали

всерьез действовать на нервы Одраде.

Жаркое солнце Ракиса склонилось к западу, но червь продолжал неутомимо нестись к окраине бывшего Сарьира Тирана, к остаткам Защитного Вала.

Почему именно это направление? — спрашивала себя Одраде.

Она так и не смогла найти удовлетворительный ответ. Фанатизм и очевидная опасность, исходившие от Ваффа, требовали, однако, немедленной реакции. Она вспомнила ритуальную фразу из Шариата и вслух произнесла ее:

— Пусть судит нас Бог, но не люди.

Вафф скорчил недовольную гримасу, уловив саркастические нотки в голосе Одраде. Он посмотрел на горизонт впереди, потом перевел взгляд на орнитоптер, сопровождавший их.

— Люди воплощают дела Бога, — процедил он сквозь зубы.

Одраде не ответила. Вафф был погружен в свои сомнения и теперь, должно быть, спрашивал себя: «Действительно ли эти ведьмы из Бене Гессерит разделяют нашу Великую Веру?»

Мысли Одраде вернулись на прежнюю стезю, она пыталась ответить на тот же вопрос, но каждый раз наталкивалась на непреодолимое пре-

пятствие, обойти которое не помогали никакие знания о червях и Ракисе. Данные собственной и предковой памяти сплетались в какой-то чудовищный клубок. Она видела одетых в накидки фременов, которые ездили верхом на червях, больших, чем этот, стоя на их спинах и держась за палку с крюком, зацепленным за кольцо зверя. Так же она сейчас держалась за такое кольцо — только рукой. Она чувствовала, как знойный ветер обдувает ее щеки, а накидка трепещет на ветру, хлопая ее по бокам. Их поездка, равно как и поездки древних фременов, показались ей до странности знакомыми.

Прошло много лет с тех пор, как Атрейдесы так ездили на червях.

Был ли это ключ к загадке их возвращения в Дар-эс-Балат? Как это вообще могло произойти? Но эти мысли не получали развития, поскольку было очень жарко, а ум Одраде был занят тем, что может выйти из этого приключения в Пустыне. Она оказалась неподготовленной к такому повороту событий.

Так же как и другие общины Ракиса, Дар-эс-Балат съеживался с наступлением полуденной жары, уходя внутрь от своих границ. Одраде вспомнила, как неуютно чувствовала она себя в

защитном костюме, когда стояла сегодня утром в ожидании в тени домов Дар-эс-Балата на западной окраине городка. А ждала она охрану, чтобы вывести Ваффа и Шиану из безопасных домов, в которых она их разместила.

Какую прекрасную мишень они собой являли. Но приходилось полагаться на покорность Ракиса. Эскорт Бене Гессерит задерживался намеренно.

— Шайтан любит жару, — сказала Шиана.

Жители Ракиса прячутся в то время, когда на поверхность Пустыни выходят черви. Не это ли является важным фактом, который может вскрыть причину движения червя именно в данном направлении?

Мой ум бьется об эту загадку так же беспомощно, как бьется об стену мяч, брошенный неумелой рукой ребенка.

Что может означать тот факт, что в то время, когда обитатели Ракиса попрятались в прохладе домов, маленький тлейлаксианец, Преподобная Мать и диковатая девчонка отправились неизвестно куда верхом на черве? Это был старый паттерн древнего Ракиса. Собственно говоря, если брать во внимание историческую перспективу, то ничего необычного не произошло. Правда,

древние фримены вели в основном ночной образ жизни. Но их нынешние потомки еще больше чувствительны к жаре и днем прячутся в домах.

В какой же безопасности чувствуют себя священники, укрывшиеся за своими рвами с водой!

Каждый обитатель Ракиса знал, что стены его города окружают канавки, по которым медленно течет вода, испарения которой немедленно попадают в ветровые ловушки.

— Нас хранят наши молитвы, — говорили они, прекрасно зная, что их хранит в действительности.

«Его священное присутствие мы видим в Пустыне».

Святой червь.

Разделенный Бог.

Одраде посмотрела на кольца червя. *И вот он здесь, подо мной!*

Она подумала о священниках, которые были среди наблюдателей на орнитоптере. Как они любят шпионить за другими! Она спиной чувствовала, как они следили за ней, когда она в Дар-эс-Балате ожидала прибытия Шианы и Ваффа. Глаза и уши прятались за высокими решетками балконов. Следили и прислушивались сквозь щели в стенах. В тенистых местах за ней

следили сквозь тонированные стекла специальных укрытий.

Одраде заставила себя не обращать внимания на опасность и сосредоточилась на времени, которое она отмечала по движению тени по стене дома напротив. Это было нормально для планеты, где большинство жителей продолжало ориентироваться по солнечным часам.

Напряжение тем не менее росло, усиливаясь от того, что надо было прикидываться совершенно беззаботной. Нападут ли они? Осмелятся они, зная, что она предприняла беспрецедентные меры безопасности? Насколько разгневаны были священники тем, что их принудили вступить в тайный триумвират с Тлейлаксу? Преподобные Матери — советники из Убежища считали такую игру слишком опасной. Им не нравилось, что Одраде ведет слишком опасную игру, заманивая священников.

— Пусть приманкой будет одна из *нас*!

Одраде проявила твердость.

— Они не поверят в такой маскарад. Подозрения оттолкнут их от нас. Кроме того, они уверены, что пошлют Альбертуса.

Обуреваемая такими мыслями, Одраде стояла в тени домов Дар-эс-Балата в ожидании Шианы

и Ваффа. Подняв глаза, она разглядывала линию тени на шестом этаже, там, где на зарешеченных ажурных балконах росли зеленые, оранжевые, красные и синие цветы. Над черепицей виднелся четкий квадрат серебристого ракисского неба.

И спрятанные за решетками глаза!

Вот какое-то движение у двери справа! Во двор вышел священник в своем пурпурно-золотисто-белом одеянии. Одраде внимательно присмотрелась — не лицедел ли это? Нет, это был настоящий человек, священник Альбертус, старейшина Дар-эс-Балата.

Именно так, как мы ожидали.

Альбертус величаво прошествовал по двору, направившись к Одраде. Не может ли он угрожать ей? Не подаст ли он сигнал убийцам? Она взглянула на балкон. За плитками ей почудилось какое-то движение. Священник был не один.

Но я тоже не одна!

Альбертус остановился в двух шагах от Одраде и взглянул на нее, оторвав взгляд от золотистых и пурпурных плиток, которыми был выложен двор.

У него очень тонкая кость, подумала Одраде.

Она не подала виду, что узнала его. Альбертус был один из немногих, кто знал о подмене Вер-

ховного Священника лицеделом.

Альбертус прерывисто вздохнул и откашлялся.

Тонкая кость, слабая плоть!

Эта мысль позабавила Одраде, но не уменьшила ее бдительность. Преподобные Матери всегда подмечали такие нюансы. Всегда ищешь признаки породы. В родословной Альбертуса были изъяны, которые надо было исправлять в его потомстве, если бы когда-нибудь возникла необходимость включить священника в селекционный план. Надо будет рассмотреть такую возможность. Альбертус незаметно, но очень целенаправленно сумел добиться власти, и это можно будет использовать при отборе генетического материала. Правда, Альбертус малообразован. С ним может потягаться послушница первого года. Подготовка священников на Ракисе сильно деградировала с тех пор, как отсюда ушли Говорящие Рыбы.

— Зачем вы здесь? — вопрос прозвучал как обвинение.

Альбертус задрожал.

— Я принес вам сообщение от ваших людей, Преподобная Мать.

— Так говорите!

— Произошла маленькая задержка, вызванная выбором маршрута.

Это была история, которую сочинили священники. Такая манера поведения была вообще их отличительной чертой. Все остальное легко читалось по выражению лица Альбертуса. Доверять секреты такому человеку очень опасно — он легко их раскрывает.

— Я почти жалею, что не приказала убить вас, — сказала Одраде.

Альбертус отпрянул на два шага. Глаза его стали пустыми, как будто он действительно умер. Одраде распознала природу такой реакции. Альбертус достиг такой степени страха, когда ужас хватает мужчину за мошонку. Он знал, что эта Преподобная Мать может походя вынести ему смертный приговор или даже убить его собственноручно. Ничто из сказанного или сделанного им не ускользнет от ее страшного внимания.

— Вы сами вынашивали планы моего убийства и уничтожения нашего Убежища в Кине, — угрожающе произнесла Одраде.

Альбертус задрожал еще сильнее.

— Зачем вы говорите такие слова, Преподобная Мать? — мужчина почти плакал.

— Не пытайтесь это отрицать, — сказала она. — Мне интересно, сколько еще людей может так же легко читать ваши сокровенные мысли, как я?

Предполагается, что вы умеете хранить тайны, но вы ходите по двору и эти тайны ясно написаны на вашем лице!

Альбертус упал на колени. Она подумала, что он сейчас вообще падет ниц.

— Но меня послали к вам ваши люди!

— И вы пошли, полные счастья от того, что решите, убить меня или нет.

— Зачем нам…

— Молчать! Вам очень не нравится, что мы опекаем Шиану. Вы боитесь Тлейлаксу. Руководство вырвано из ваших рук, и течение событий вселяет в вас страх.

— Преподобная Мать! Что мы должны делать? Что мы должны делать?

— Вы будете подчиняться нам! Более того, вы будете повиноваться Шиане! Вы боитесь нашего сегодняшнего предприятия? Но вы не знаете многого, чего вам действительно следует бояться!

Она покачала головой в притворном негодовании, зная, какое воздействие это окажет на Альбертуса. Он съежился под тяжестью ее гнева.

— Встаньте! — приказала она. — И помните, что вы священник и обязаны быть правдивым!

Альбертус, шатаясь, поднялся на ноги, но голова его оставалась опущенной. Одраде видела, что

он всем своим существом отказался от всякого сопротивления. Каким удовольствием было бы судить такого! Послушание по отношению к Преподобной Матери, которая может читать в его сердце, означает для него теперь послушание по отношению к его Богу. Он столкнется с парадоксом всех религий:

Бог знает!

— Ты не скроешь ничего от меня, от Шианы и от Бога, — сказала Одраде.

— Простите меня, Преподобная Мать.

— Простить тебя? Не в моей власти сделать это и не тебе просить меня об этом, ведь ты — священник!

Он поднял голову и взглянул в рассерженное лицо Одраде.

Парадокс поразил его именно в эту минуту. Бог действительно здесь! Но он всегда далеко, и встреча с ним отложена на неопределенный срок. Завтра наступит новый день жизни. И вполне приемлемо, если ты позволишь себе пару мелких грехов — например, по мелочи солгать. Поскольку существует лишь время. Можно позволить себе и тяжкий грех. Боги обычно лучше понимают и прощают закоренелых грешников. Кроме того, грехи можно замолить.

Одраде смотрела на священника анализирующим взглядом по методике Защитной Миссии.

Ах, Альбертус, думала она. *Вот ты стоишь перед таким же человеческим существом, каков ты сам, и оно знает все, что ты считал тайной, которую знал только твой Бог.*

Что касается Альбертуса, то его нынешнее положение мало чем отличалось от смерти и окончательного подчинения конечному суду его Бога. Именно так можно было бы описать ту бессознательную установку, согласно которой проявлял теперь священник свою силу воли. Все его религиозные страхи всплыли наружу и сконцентрировались на персоне Преподобной Матери.

Сухо, не прибегая даже к Голосу, Одраде произнесла:

— Я хочу, чтобы этому фарсу немедленно был положен конец.

Альбертус попытался судорожно сглотнуть. Он понимал, что не сможет солгать. Он знал, каковы отдаленные благоприятные последствия лжи, но не мог к ней прибегнуть. Он взглянул на капюшон защитного костюма, надвинутый на самые глаза Одраде, и заговорил чуть ли не шепотом:

— Преподобная Мать, дело только в том, что

мы чувствуем себя лишенцами. Вы и тлейлаксианец уходите в Пустыню с нашей Шианой, вы оба научитесь у нее чему-то и… — его плечи ссутулились. — Почему вы берете с собой тлейлаксианца?

— Так хочет Шиана, — солгала Одраде.

Альбертус открыл рот, но тут же закрыл его, не сказав ни слова. Одраде почувствовала, что он принял ее условия.

— Ты вернешься к своим товарищам с моим предупреждением, — сказала Одраде. — Выживание Ракиса и священников зависит от того, насколько хорошо вы будете повиноваться мне. Вы ни в чем не станете нам препятствовать. Это же касается ваших подростковых заговоров. Шиана открывает нам все ваши мысли!

В этот момент Альбертус немало удивил ее. Он покачал головой и сухо усмехнулся. Одраде давно заметила, что эти священники находили какое-то странное удовольствие от неудобств, но она не подозревала, что они могут находить смешными свои провалы.

— Я нахожу твой смех непристойным, — сказала она.

Альбертус пожал плечами и снова надел на себя привычную маску. Одраде уже видела на его

лице несколько масок. Он всегда выставлял на своем лице нужный фасад! Он носил их слоями. Далеко внизу, под всеми этими масками находилось его подлинное лицо, которое ей сегодня удалось так легко открыть. У этих священников был очень опасный обычай пускаться в цветистые рассуждения в ответ на серьезные вопросы.

Я должна восстановить его настоящее лицо, подумала Одраде. Она жестом приказала ему замолчать, видя, что он собирается заговорить.

— Ни слова больше! Ты дождешься, пока я вернусь из Пустыни, а до тех пор ты будешь моим вестником. Передавай мои послания точно и ты получишь такую награду, о которой не смел и мечтать. Но попробуй ослушаться, и тебя накажет Шайтан!

Альбертус бросился прочь со двора, ссутулившись и наклонив вперед голову. Словно ему не терпелось передать слова Одраде своим товарищам.

В целом все прошло хорошо, подумала Одраде. Это был рассчитанный риск, правда, очень опасный для нее лично. Она была уверена, что на балконе находились убийцы, которые ждали сигнала от Альбертуса. Но теперь он ушел, унося с собой свой страх, который Сестры Бене Гессерит

научились чувствовать за тысячелетия своей практики манипуляции людьми. Этот страх заразителен, как чума. Учителя Ордена называли это направленной истерией. Эта истерия была теперь направлена (лучше сказать, нацелена) в самое сердце Ракисского священства. Эту истерию можно поддержать, если привести в движение нужные силы. Священники наверняка подчинятся. Теперь надо опасаться только нескольких невосприимчивых еретиков.

Такова ошеломляющая вселенная магии: нет атомов, только волны и движение, больше ничего. Здесь вы разрушаете все барьеры на пути к пониманию. Вы отбрасываете и само понимание. Эта вселенная не может быть увидена или услышана. Ее нельзя обнаружить никаким фиксированным чувственным восприятием. Это конечная пустота, где нет заранее приготовленных экранов, на которые проецируются мертвые формы. Здесь у вас остается только одно сознание – экран магии: ваше воображение! Здесь и только здесь вы учитесь быть человеком. Вы – создатель порядка, прекрасных форм и систем, организатор превращения хаоса в порядок.

Манифест Атрейдесов, Архивы Бене Гессерит

— То, что ты делаешь, очень опасно, — сказал Тег. — Мои приказы призваны защитить и укрепить тебя. Я не могу допустить, чтобы это продолжалось.

Тег и Дункан стояли вдвоем в обшитом деревянными панелями коридоре, у выхода из тренировочного зала. Часы показывали полдень.

Луцилла только что убежала к себе в ярости после ожесточенного спора с Дунканом.

Каждая встреча Луциллы с Дунканом в последнее время напоминала битву. Только что она стояла здесь, массивная фигура, которая могла бы показаться толстой, если бы не мягкая округлость форм, и принимала соблазнительные позы к явному неудовольствию обоих мужчин.

— Луцилла, прекрати! — приказал Дункан.

Голос выдал гнев внешне спокойной Луциллы.

— Как долго прикажешь мне ждать до того, как я смогу выполнить данный мне приказ?

— До тех пор, пока ты или кто-то другой скажут мне, что я…

— Тараза требует от тебя и меня таких вещей, о значении которых мы не можем даже догадываться, — ответила Луцилла, не дав Дункану закончить фразу.

Тег постарался сгладить ситуацию.

— Прошу тебя. Разве не достаточно того, что Дункан постоянно совершенствует свою физическую форму? Через несколько дней я начну нести постоянную караульную службу снаружи. Мы сможем…

— Ты можешь и сейчас перестать вмешиваться в мои дела, — огрызнулась Луцилла. Она резко

развернулась и ушла к себе.

Заметив на лице Дункана решительное выражение, Тег ощутил прилив непонятной ярости. Он понял, что их изоляция начинает губительно действовать на их отношения, загоняя их в тупик. Его интеллект, хваленый интеллект ментата, не мог работать здесь, будучи отчужденным от изобилия данных внешнего мира. Если бы он мог утишить свой разум, привести все в порядок, то тогда несомненно ему стало бы ясно, как поступить дальше.

— Почему ты затаил дыхание, башар?

От этого вопроса Тег побледнел. От него потребовалась вся воля, чтобы восстановить нормальное дыхание. Он чувствовал, что эмоции двух его товарищей по добровольному заточению ведут себя, как приливные волны, ускользнувшие до поры от воздействия других сил.

Другие силы.

Сознание ментата может стать сознанием полного идиота в присутствии сил, которые беспощадно пронизывают вселенную. Возможно, в мире живут такие люди, жизнь которых пронизана силой, которую он не мог себе даже вообразить. Перед лицом таких сил он становился утлым суденышком, несущимся по воле

бурных волн.

Кто может с головой броситься в такой ревущий поток и остаться невредимым?

— Что реально может сделать Луцилла, если я буду по-прежнему сопротивляться ее натиску? — спросил Дункан.

— Она пробовала на тебе Голос? — спросил в свою очередь Тег. Его собственный голос показался ему чужим.

— Один раз.

— И ты устоял? — в голосе Тега прозвучало легкое удивление.

— Этому искусству я научился у самого Пауля Муад'Диба.

— Она может парализовать тебя и…

— Думаю, что насилие противоречит полученным ею приказам.

— Что есть насилие, Дункан?

— Я хочу принять душ, башар. А ты?

— Через несколько минут, — Тег сделал глубокий вдох, чувствуя, что находится на грани истощения. Этот полдень в тренировочном зале и произошедшая потом сцена измотали его. Он проводил взглядом уходящего Дункана. Где Луцилла? Что она задумала? Как долго она еще может ждать? Это был ключевой вопрос и виной

всему была их изоляция от Времени в этом дворце-невидимке.

Он снова почувствовал силу приливов и отливов, которые влияли на жизнь всех троих беглецов. *Я должен поговорить с Луциллой. Куда она делась? Библиотека? Нет! Сначала мне надо сделать еще кое-что.*

Луцилла сидела в комнате, которую выбрала под свои апартаменты. Это была маленькая спальня с роскошной украшенной орнаментом кроватью, находящейся в глубоком алькове. Явные и неявные признаки говорили о том, что это была спальня любимой гетеры Харконнена. Ткань покрывал была окрашена во все оттенки синего цвета — от небесно-голубого до темно-синего. Несмотря на барочную резьбу на стойках кровати, эротические картины в алькове, на потолке и на стенах, Луцилла была в состоянии отключиться и спокойно размышлять в этой комнате. Она лежала на спине, закрыв глаза, чтобы не видеть любовной сцены, изображенной на потолке, и думала.

С Тегом надо что-то делать.

Это надо сделать так, чтобы не нанести урон Таразе и не причинить вред гхола. Тег представлял собой сложную проблему со многих точек зрения,

тем более что его мышление могло достигать глубин, доступных, пожалуй, только Сестрам Бене Гессерит.

Ах да, конечно, ведь его родила Преподобная Мать!

Естественно, такой ребенок многое унаследовал от такой матери. Этот процесс начался в утробе и продолжался, видимо, даже после того, как они были разлучены. Он никогда не подвергался трансмутации, которая может привести к Мерзости… нет, нет, только не это. Но этот человек обладает как явной, так и скрытой властью. Эти дети, рожденные Преподобными Матерями, могут то, что недоступно всем прочим.

Тег прекрасно знал, как и под каким ракурсом Луцилла рассматривает любовь. Она видела его отношение по выражению его лица еще тогда, во время достопамятного разговора в Убежище.

Расчетливая ведьма!

С равным успехом он мог бы произнести это вслух.

Она вспомнила, как пыталась соблазнить его ласковой улыбкой и надменным поведением. Это была ошибка, которая принесла непоправимый вред им обоим. В таких случаях она испытывала какую-то затаенную симпатию к Тегу. Несмотря

на воспитание, полученное в Бене Гессерит, в ее панцире были трещины. Ее учителя не раз предупреждали об этом.

— Для того чтобы индуцировать настоящую любовь, ее надо испытать самой, но только временно. Одного раза будет вполне достаточно!

Реакция Тега на Дункана Айдахо говорила о многом. Тег испытывал влечение и одновременно неприязнь к их юному подопечному.

Так же, как и я.

Возможно, это была ошибка, что она не соблазнила Тега.

В ее сексуальном образовании главным было учиться черпать силу в половом сношении, а не растворяться в нем. Ее учителя особенно подчеркивали исторические факты и сравнения, подтверждением которых были воспоминания Преподобных Матерей из хранилищ чужой памяти.

Луцилла сосредоточилась на присутствии мужчины — Тега. Сделав это, она могла теперь сконцентрироваться и на женском ответе — с тем чтобы вызвать возбуждение самца и довести его до сексуального пика — до готовности совершить таинство.

Смутное удовольствие достигло сознания

Луциллы. Это не был оргазм. Не надо никаких научных ярлыков! Это был чистейший жаргон Бене Гессерит: *момент таинства,* наивысшая способность импринтера. Погружение в непрерывность Бене Гессерит требовало введения такого понятия. Ее крепко научили дуализму: научные знания, которыми руководствовались в своих действиях Селекционные Куртизанки, но в то же время момент таинства, перед которым бледнели все науки. История и наука Бене Гессерит утверждали, что нельзя выхолостить из психики влечение к претворению. Без него ставится под угрозу существование вида.

Надежная сеть.

Луцилла собрала в кулак всю свою сексуальную силу, как это умеют делать только импринтеры Общины Сестер. Она начала фокусировать мысли на Дункане. Сейчас он в душе и думает о вечерних сеансах обучения со своей преподавательницей — Преподобной Матерью.

Сейчас я отправлюсь к своему ученику, подумала она. *Важный урок должен быть преподан, иначе мы не сможем подготовить его к тому, что произойдет на Ракисе.*

Таковы были инструкции Таразы.

Луцилла полностью переключила свои мысли

на Дункана. Она словно воочию видела его, стоящего обнаженным под струями душа.

Как мало он понимает то, чему его надо научить!

Дункан в одиночестве сидел в раздевалке возле тренировочного зала, испытывая глубокую печаль. Он вспоминал боль старых ран, которую не помнило его юное тело.

Некоторые вещи не меняются! Снова Община Сестер ведет свою старую-престарую игру.

Он оглядел темные стены этого помещения, некогда принадлежавшего Харконненам. В стенах и потолке были высечены арабески, странным был и рисунок пола. В хитросплетении линий угадывались чудовища и сплетенные в объятиях тела мужчин и женщин. Отличить одну фигуру от другой можно было только при некотором напряжении внимания.

Дункан опустил глаза и принялся рассматривать тело, которым одарили его тлейлаксианцы в своих генетических чанах с аксолотлями. Временами он испытывал странное чувство, ощущая себя в этом теле. Он был мужчиной, обремененным многими воспоминаниями, но самым сильным было воспоминание последнего момента перед тем, когда он стал гхола. Он от-

четливо помнил сражение с сардаукарами, когда Дункан Айдахо дал возможность бежать своему молодому герцогу.

Его герцог! Пауль был тогда не старше, чем его нынешнее тело. Хотя он был воспитан, как и все Атрейдесы, для которых превыше всего были Верность и Честь.

Именно так они воспитали меня после того, как спасли от Харконненов.

Что-то внутри его не давало ему избавиться от этого чувства долга. Он знал источник этого чувства. Он мог даже очертить процесс, в результате которого этот долг был буквально высечен в его психике, как в камне.

Это осталось навеки.

Дункан продолжал разглядывать выложенный плиткой пол. Вдоль плинтуса были выбиты слова. Это были древние письмена, которые воспринимались как реликты времен Харконненов, но, с другой стороны, написаны они были на его родном галахском наречии.

«ЧИСТОТА СЛАДОСТЬ ЧИСТОТА ЯСНОСТЬ ЧИСТОТА ОЧИЩЕНИЕ ЧИСТОТА»

Древние письмена образовывали своеобразный орнамент по периметру раздевалки, выражая идеи, которые по понятиям Дункана были чужды

Харконненам его времени.

Над дверью в душ виднелась еще одна надпись.

«ИСПОВЕДУЙ СВОЕ СЕРДЦЕ И ОБРЕТИ ЧИСТОТУ»

Религиозные напутствия в логове Харконненов? Неужели Харконнены изменились за столетия, прошедшие после его смерти? В это трудно было поверить. Видимо, это были слова, которые строители сочли подходящими и выбили их на стенах.

Он скорее почувствовал, чем услышал, как в раздевалку вошла Луцилла. Дункан быстро встал и застегнул тунику, которую извлек из ларя Харконненов, предварительно содрав с одежды номограммы ненавистного семейства.

— Что еще, Луцилла? — спросил он, не оборачиваясь.

Сквозь тунику она погладила Дункана по левой руке.

— У Харконненов был роскошный вкус.

Дункан ответил ледяным тоном, соблюдая полное спокойствие:

— Луцилла, если ты еще раз притронешься ко мне так, как сейчас, то я попытаюсь убить тебя. Причем я сделаю это не шутя, так что тебе при-

дется убить меня, чтобы не погибнуть самой.

Она отпрянула.

Дункан обернулся и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Я не жеребец для потехи всяких ведьм.

— Ты думаешь, что тебя готовят именно на эту роль?

— Никто ничего не говорил мне о моей роли, но твои действия не нуждаются в комментариях — они очевидны.

Он стоял, приподнявшись на носках. То, что оставалось неразбуженным в его душе, заставляло бешено колотиться сердце.

Луцилла внимательно разглядывала Дункана. *Будь проклят этот Майлс Тег!* Она не предполагала, что сопротивление примет такую форму. В искренности Дункана не приходилось сомневаться. Слова не помогут. Он невосприимчив к Голосу.

Правда.

Это было единственное оружие, оставшееся в ее распоряжении.

— Дункан, я не знаю точно, чего ждет от тебя Тараза на Ракисе, могу только гадать, и мои суждения могут оказаться неверными.

— Гадай.

— На Ракисе есть девочка. Она еще подросток. Черви Ракиса повинуются ее командам. Община Сестер хочет каким-то образом перенести этот талант в свою сокровищницу.

— Что я могу, вероятнее всего…

— Если бы я знала, то обязательно бы сказала тебе это.

Дункан понял, что женщина говорит вполне искренне. Отчаяние сорвало с нее маску.

— Какое отношение ко всему этому имеет твой *талант*?

— Об этом знает только Тараза и ее советницы.

— Они связывают со мной какие-то свои надежды, и я не могу избежать этого предназначения!

Луцилла уже давно пришла к такому заключению, но не ожидала, что он так быстро поймет это сам. Ум Дункана, скрытый юной внешностью, иногда ставил Луциллу в тупик. Мысли Луциллы пришли в смятение.

— Управление червями и тобой сможет возродить старую религию. — От дверей за спиной Луциллы раздался голос Тега.

Я не слышала, как он пришел!

Она резко обернулась. Тег стоял в проходе, прицелившись в Луциллу из одного из лазерных ружей Харконненов.

— Это для того, чтобы убедить тебя выслушать меня со всем возможным вниманием, — сказал Тег.

— И долго ты стоял здесь, подслушивая?

Тег не обратил на ее гнев никакого внимания.

— С того момента, когда ты призналась, что не знаешь, чего Тараза ждет от Дункана, — ответил Тег. — Я этого тоже не знаю. Но я могу сделать несколько проекций ментата — это ненадежно, но весьма предположительно. Скажешь мне, если я ошибусь.

— В чем?

Он взглянул на Дункана.

— Самое главное — ты должна была сделать его неотразимым для большинства женщин.

Луцилла попыталась скрыть свое недовольство. Тараза предупреждала, что это надо скрывать от Тега до последнего момента. Теперь ей стало ясно, что скрывать это больше невозможно. Этот проклятый Тег прочел ее мысли с проницательностью, достойной его проклятой матери.

— На Ракис направлена большая энергия, — сказал Тег и твердо посмотрел на Дункана. — Неважно, что нового запечатлели в нем тлейлаксианцы, все равно он остается носителем древнего штамма человеческих генов. Именно в этом нуж-

даются Селекционные Куртизанки, не так ли?

— Им нужен жеребец, будь они прокляты! — крикнул Дункан.

— Что ты хочешь делать с этим оружием? — спросила Луцилла, кивнув в сторону древнего лазерного ружья в руках Тега.

— С этим? Я его даже не зарядил, — ответил Тег и поставил ружье к стене.

— Майлс Тег, вы будете наказаны, — угрожающим тоном произнесла Луцилла.

— С этим придется подождать, — ответил он. — На улице почти ночь. Я пробыл там довольно долго, накрывшись защитным одеялом. Здесь побывал Бурцмали. Он оставил знак, который говорит о том, что он прочел мои сообщения. Это те знаки, которые я оставил на деревьях.

В глазах Дункана появилась готовность к действию.

— Что ты будешь делать? — спросила Луцилла.

— Я оставил новые отметки, договорившись о встрече. Прямо сейчас мы все соберемся в библиотеке. Надо изучить карты. Мы запомним их наизусть. По крайней мере нам надо будет знать, где мы находимся и в каком направлении нам следует бежать.

Луцилла удостоила его коротким кивком.

Дункан отметил ее движение лишь частью своего сознания. Умом он уже находился там, среди древнего оборудования библиотеки Харконненов. Он показал Луцилле и Тегу, как правильно обращаться с этими механизмами, продемонстрировав им древние карты Гьеди Один, датированные тем временем, когда строили дворец-невидимку.

Пользуясь памятью прежнего Дункана, как путеводителем, и своими, более современными знаниями о планете, Тег надеялся составить более современные карты.

«Пост охраны леса» стал «Убежищем Бене Гессерит».

— Часть этого леса была охотничьими угодьями Харконненов, — сказал Дункан. — Они охотились за людьми, специально кондиционированными для этой цели.

Тег сравнивал данные, и постепенно с карты исчезали целые города. Некоторые, правда, сохранились, но давно поменяли названия.

Например, город Исаи, самый ближний крупный город, раньше назывался Барония.

Глаза Дункана стали жесткими.

— Именно в этом городе они пытали меня.

Когда Тег исчерпал свою память, на карте стали

появляться надписи: «Название неизвестно», но косыми символами Бене Гессерит были обозначены места, где Тег и его люди могли найти временный приют.

Именно такие места Тег и хотел сохранить в памяти.

Когда они поднимались в библиотеку, Тег предупредил всех, что сотрет карту, как только они выучат ее наизусть.

— Неизвестно, кто придет сюда после нас и сделает обыск, — добавил он.

Луцилла стремительно обогнала Тега.

— Ты отвечаешь за все, Майлс!

— Ментат говорит тебе, что я сделал все, что от меня требовалось, — отозвался ей вслед Тег.

— Как это логично, — язвительно ответила женщина, не обернувшись.

Этот зал музея воспроизводит кусочек Пустыни древней Дюны. Вездеход, который находится прямо перед вами, относится к временам Атрейдесов. Далее по кругу в направлении часовой стрелки находятся маленький трактор, погрузчик, примитивная фабрика Пряности и поддерживающее оборудование. На каждом экспонате представлены подробные объяснения. Обратите внимание на слова, высвеченные на дисплее: «ИБО БУДУТ ОНИ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ОТ ИЗОБИЛИЯ МОРЕЙ И ОТ СОКРОВИЩ ПЕСКОВ». Эту цитату из древних религиозных книг часто повторял знаменитый Гурни Халлек.

Объявление гида, Музей Дар-эс-Балат

Червь продолжал свое безостановочное продвижение по пескам до самых сумерек. Одраде с неменьшим упорством продолжала обдумывать свои вопросы, на которые не было внятных ответов. Каким образом Шиана управляет червями? Шиана же говорила, что ее Шайтан сам выбрал направление движения. Что это за таинственный язык, на который реагирует пустынное чудовище? Одраде понимала, что Сестры-наблюдательницы, которые следуют за ними на

орнитоптере, мучаются теми же вопросами, не считая еще одного: «Почему Одраде не прекратит это опасное путешествие?»

Можно было даже рискнуть и сделать кое-какие предположения. *Она не зовет нас на помощь, потому что не хочет тревожить зверя. Она не верит, что можно снять их со спины червя во время его бега.*

Правда была куда проще: причиной было обыкновенное любопытство.

Свистящий звук, с которым несся червь, делал его похожим на стремительное судно, которое своим форштевнем рассекает волны моря. Но горячий, напоенный запахом кремниевого песка воздух убеждал в противоположном. Это не было море. Впечатление Пустыни усиливал знойный ветер, обжигавший щеки невольных странников. Вокруг простиралась лишь Пустыня, километр за километром которой поглощал червь в своем броске. Лишь дюны напоминали океанские волны.

Вафф долго молчал. Его скрюченная возле кольца фигура в миниатюре копировала позу Одраде. Он смотрел вперед и только вперед.

— Бог сохранит верных в годину нашего испытания! — это было его сравнительно недавнее

высказывание, произнеся которое он надолго примолк. Глаза смотрели на горизонт без всякого осмысленного выражения.

Глядя на Ваффа, Одраде вдруг поняла, что сильный фанатизм может в течение эпох держать людей в своих стальных объятиях. Дзенсунни и старый суфизм уцелели на Тлейлаксу во всей своей первозданной красе. Это — смертельно опасный микроб, который до поры до времени дремлет, но просыпается, как только позволяют условия, и в полной мере проявляет свою вирулентность.

Интересно, какие всходы даст посеянное мною среди священников Ракиса? — подумала Одраде. *Наверняка канонизируют Шиану. Святая Шиана.*

Девочка между тем сидела верхом на Шайтане, держась за первое кольцо, накидка ее задралась, обнажив худые ноги.

Шиана рассказывала, что во время ее первой поездки на черве Шайтан отвез ее прямиком в Кин. Но почему? Неужели червь просто отвез девочку к людям?

У того, который вез их сейчас, цель, очевидно, была совершенно иная. Шиана перестала задавать вопросы, и Одраде приказала ей впасть в состояние умеренного транса. Теперь можно

было быть уверенным, что все подробности сегодняшнего путешествия можно будет без труда извлечь из памяти девочки. Можно будет, кстати, узнать, не пользуется ли она при общении с червями каким-то тайным языком. Но это можно сделать и позже.

Одраде вгляделась в горизонт. До остатков основания древнего вала Сарьира оставалось всего несколько километров. Длинные тени, которые отбрасывали на песок дюн эти руины, говорили о том, что в действительности развалины были выше, чем можно было думать. Теперь эти остатки Защитного Вала представляли собой изломанную гряду, усеянную крупными камнями. Провал в стене, в котором протекала река Айдахо, куда рухнул Тиран, находился справа, приблизительно в трех километрах в сторону от их маршрута. Теперь здесь, естественно, не было никакой реки.

Оживился Вафф.

— Внимаю зову Твоему, Господи, — заговорил он. — Это я, Вафф из рода Энцио, кто молится в Святом Месте.

Одраде, не поворачивая головы, скосила глаза на Ваффа. В ее сокровищнице Чужой Памяти хранились сведения о некоем Энцио — племенном

вожде, который жил задолго до эпохи Дюны, во времена переселения Дзенсунни. Что это? Какие воспоминания живут в душе этого тлейлаксианца?

Шиана нарушила молчание:

— Шайтан стал двигаться медленнее.

Остатки древней стены перегородили их путь. Остатки вала возвышались над самой большой дюной не менее чем на пятьдесят метров. Червь, не спеша, повернул направо и прополз между двумя гигантскими валунами; потом зверь остановился. Длинное тело вытянулось параллельно нетронутой части стены.

Шиана встала и посмотрела на этот барьер.

— Что это за место? — спросил Вафф. Ему пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум орнитоптера, кружившего над их головами.

Одраде отпустила кольцо и несколько раз согнула и разогнула онемевшие пальцы. Все еще стоя на коленях, она огляделась. Четко очерченные тени от огромных камней ложились на разбросанные повсюду камни помельче и песок. Совсем близко в стене находились трещины и разломы, которые вели в древнее основание вала.

Вафф встал, потирая руки.

— Почему он привез нас сюда? — спросил Вафф

неожиданно жалобным голосом.

Червь вздрогнул.

— Шайтан хочет, чтобы мы слезли, — сказала Шиана.

Как она это поняла? — изумилась Одраде. Движение червя было не настолько грубым, чтобы они просто попадали с него. Может быть, это вообще был какой-то рефлекс, который всегда проявляется после долгого перехода.

Но Шиана, посмотрев на стену, перекинула ногу через спину червя и соскользнула на песок, мягко приземлившись на четвереньки.

Одраде и Вафф, подавшись вперед, как зачарованные, смотрели на Шиану, которая, утопая в песке, обошла червя и встала перед его пастью. Огонь, бушевавший в чреве чудовища, освещал оранжевым цветом юное личико.

— Шайтан, почему мы здесь? — спросила Шиана, уперев руки в бока.

Червь снова вздрогнул.

— Он хочет, чтобы и вы слезли с него, — крикнула Шиана.

Вафф посмотрел на Одраде.

— Если Бог желает, чтобы ты умер, то Он Сам направит твои стопы к месту твоей смерти.

Одраде ответила ему строкой из Шариата:

— Во всем повинуйся вестнику Бога Твоего.

Вафф вздохнул. На его лице было написано сомнение. Однако он мужественно первым спустился с червя, оказавшись на земле раньше Одраде. После этого они оба последовали примеру Шианы, встав перед зияющей пастью зверя. Одраде во все глаза рассматривала Шиану, стараясь проследить за каждой мелочью в ее внешности и поведении.

Перед пастью червя было намного жарче, чем на его спине. Воздух на много метров вокруг был наполнен запахом меланжи.

— Мы здесь, Боже, — смиренно произнес Вафф.

Одраде, которую изрядно утомило религиозное рвение Ваффа, отвернулась и осмотрела разбросанные камни и уходящий в небо барьер, песок, струившийся сквозь расщелины в камнях. В чреве чудовища беспрерывно гудела страшная топка.

Но где именно здесь? — подумала Одраде. *Чем замечательно это место, почему червь доставил нас именно сюда?*

Над их головами зависли четыре орнитоптера. Шум реактивных двигателей и шум лопастных вентиляторов заглушили рокот пламени.

Надо ли позвать их сюда? — подумала Одраде.

Надо только подать сигнал, но вместо этого она подняла вверх обе руки — сигнал того, что наблюдателям следует оставаться в воздухе.

На Пустыню опустился вечерний холод. Одраде зазнобило, пришлось переключать обмен веществ, приспосабливаясь к новым требованиям. Преподобная Мать почувствовала уверенность в том, что червь не проглотит их, пока рядом находится Шиана.

Шиана повернулась к чудовищу спиной.

— Он хочет, чтобы мы оставались здесь, — сказала девочка.

Словно восприняв ее слова как команду, червь повернулся и с шипящим свистом устремился обратно в Пустыню.

Одраде принялась рассматривать основание древней стены. Скоро должна была наступить темнота, но света было еще вполне достаточно, чтобы поискать объяснения тому, почему зверь привез их именно сюда. Почему бы, например, не исследовать эту длинную трещину, проходящую по всей высоте стены. Эта трещина ничем не хуже остальных. Оставив часть внимания для Ваффа, Одраде направилась к стене, и по песчаной насыпи взобралась к ее основанию. За ней пошла и Шиана.

— Преподобная, зачем мы здесь?

Одраде покачала головой. За ними увязался и Вафф.

Узкая трещина при ближайшем рассмотрении оказалась широким провалом, воротами в темноту. Одраде остановилась и прижала Шиану к себе. Дыра в стене была около метра в ширину и приблизительно четыре метра в высоту. Поверхность камня была такой гладкой, словно ее специально полировали к их приходу. В провале было много песка. Свет заходящего солнца окрашивал этот песок в золотистый цвет.

Сзади раздался голос Ваффа:

— Так что это за место?

— Здесь много старых пещер, — ответила Шиана. — Фримены прятали Пряность в таких пещерах. — Она потянула воздух носом. — Ты чувствуешь, Преподобная?

Одраде согласилась, что в провале действительно явственно пахло меланжей.

Вафф прошел мимо Одраде и шагнул в пещеру. Он осмотрелся, взглянул вверх, где под острым углом смыкались нависшие над входом в пещеру камни. Пятясь задом и по-прежнему глядя на Одраде и Шиану, Вафф прошел еще дальше в пещеру. Одраде и Шиана последовали за ним.

Внезапно раздался шорох песка, и Вафф исчез из вида. Одновременно песок начал осыпаться, увлекая женщину и девочку внутрь пещеры. Одраде схватила Шиану за руку.

— Матушка! — жалобно крикнула Шиана.

Звук ее голоса эхом отдался от невидимых в темноте каменных стен. В эту темноту и попали они, вынесенные песком. Волна его остановилась. Одраде, стоя по колено в песке, вытащила Шиану на твердую поверхность.

Девочка начала было что-то говорить, но Одраде заставила ее замолчать.

— Тсс! Слушай!

Слева раздался какой-то скрип и шорох.

— Вафф?

— Я увяз в песке по пояс, — в голосе Ваффа прозвучал ужас.

Одраде ответила без всяких сантиментов:

— Видно так было угодно Богу. Вылезай постепенно, не спеша и очень аккуратно. Похоже, что у нас под ногами надежная скальная порода. Осторожно и не спеши! Не хватало нам еще обвала!

Когда ее глаза привыкли к темноте, Одраде посмотрела вверх. Провал, в который они вошли, чтобы попасть в пещеру, был виден отсюда, как тускнеющая золотистая полоска далеко вверху.

— Матушка, — прошептала Шиана. — Я боюсь.

— Произнеси Литанию против страха, — приказала Одраде. — И стой спокойно. Наши друзья знают, что мы здесь, и выручат нас в случае необходимости.

— Бог доставил нас в это место, — произнес из темноты Вафф.

Одраде не ответила. Сложив губы, она свистнула и прислушалась к эху. Ей стало ясно, что позади них находится довольно обширное пространство с низкими сводами. Повернувшись спиной к провалу, она снова свистнула.

В сотне метров от них располагался низкий барьер.

Одраде высвободила ладонь из руки Шианы.

— Прошу тебя, стой здесь. Вафф!

— Я слышу шум орнитоптера, — сказал он.

— Мы все его слышим, — ответила Одраде. — Они приземляются. Сейчас мы получим помощь. А пока стойте на месте и молчите. Мне нужна тишина.

Время от времени Одраде свистела и осторожно продвигалась в глубь пещеры, обследуя это таинственное место. Вытянутая рука столкнулась с шероховатой каменной поверхностью. Она ощупала препятствие. Высота этой стены — при-

близительно до пояса. За стеной не было ничего. Эхо от свиста сказало ей, что это сравнительно небольшое ограниченное помещение.

Откуда-то сверху раздался голос:

— Преподобная Мать, вы здесь?

Одраде обернулась, сложила ладони рупором и крикнула:

— Не подходите близко к входу — там зыбучий песок. Приготовьте фонарь и длинную веревку.

В проеме наверху появился крошечный силуэт человека. Небо стало почти темным. Одраде понизила голос и сказала:

— Шиана, Вафф. Подойдите ко мне на десять шагов и ждите.

— Где мы, матушка? — спросила Шиана.

— Терпение, дитя.

Со стороны Ваффа донеслись какие-то низкие, нечленораздельные звуки. Одраде узнала слова древнего исламиата. Вафф молился. Он отбросил все попытки скрыть свое происхождение от Одраде. Это хорошо. Верующий — это очень вместительный сосуд, который можно наполнить чем угодно из арсенала Защитной Миссии.

Между тем Одраде очень волновали возможные находки в пещере, куда их доставил червь. Ощупывая одной рукой каменный барьер, она

двинулась вперед. Гребень барьера был гладок, как дубовые перила. Она заметила наклонное пологое углубление, и внезапно на экране хранилища памяти вспыхнула проекция.

— Бассейн-ловушка!

Это же фрименский бассейн-ловушка. Одраде глубоко вздохнула, надеясь уловить запах влаги. Но нет, в воздухе только кремниевая пыль.

Сверху, от расщелины в пещеру упал луч яркого света, разогнавший темноту. От провала раздался голос знакомой Одраде Сестры:

— Мы вас видим!

Одраде отошла от барьера и, повернувшись, снова огляделась. Вафф и Шиана стояли метрах в шестидесяти от Одраде и с интересом оглядывались. Помещение имело форму круга диаметром двести метров. Каменный потолок имел форму высокого купола. Она присмотрелась к барьеру. Да, несомненно, это фрименский бассейн-ловушка. Она рассмотрела даже возвышение посередине, где помещали захваченного червя, прежде чем столкнуть его в воду. Хранилище памяти услужливо нарисовало картину этой мучительной смерти червя, в результате которой вырабатывалась Пряность, без которой была немыслима традиционная фрименская оргия.

Высокая арка на противоположной стороне бассейна несколько сгущала мрак. Виден был сток, по которому в бассейн стекала вода из ветровой ловушки. Где-то недалеко должны быть другие бассейны, система которых помогала древнему племени сохранять влагу. Теперь Одраде знала, как называется это место.

— Сиетч Табр, — прошептала она.

Само это слово буквально затопило ее волнами полезной памяти. Это было место Стилгара, жившего во времена Муад'Диба. *Почему этот червь привез нас в сиетч Табр?*

Некий червь привез Шиану в Кин. Что другие могли знать о ней? Но что этот червь знал о Шиане? Нет ли в этой темноте людей? Но Одраде не чувствовала в этой пещере никаких признаков жизни.

Течение мыслей Одраде было прервано голосом той же Сестры, которая прокричала от проема:

— Мы попросили, чтобы из Дар-эс-Балата доставили длинную веревку! Люди из музея говорят, что это место раньше, вероятно, называлось сиетчем Табр! Они думали, что этот Табр давно разрушен.

— Спустите сюда свет, чтобы я могла все осмотреть!

— Священники просят, чтобы вы все оставили нетронутым.

— Спустите сюда свет, — настаивала Одраде.

Наконец в склон песка мягко ткнулось что-то темное и твердое. Одраде видела, как Шиана метнулась к этому предмету. Нажатие кнопки — и яркий луч света выхватил из темноты стены и барьеры перегородок. Да, действительно, в помещении были еще бассейны. Рядом с ближайшим бассейном находилась ведущая наверх вырубленная в скале лестница.

Одраде наклонилась к уху Шианы и прошептала:

— Внимательно следи за Ваффом. Если он увяжется за нами, крикни.

— Хорошо, матушка. Куда мы идем?

— Я должна осмотреть это место. Червь целенаправленно привез сюда меня, — она повысила голос и обратилась к Ваффу: — Вафф, останься здесь и прими веревку.

— О чем это вы шептались? — капризно спросил Вафф. — Почему я должен ждать? Вообще, что вы собираетесь делать?

— Я помолилась, — сказала Одраде. — Дальше я должна совершать паломничество в одиночку.

— Но почему одна?

Одраде ответила на древнем языке исламиата:

— Так сказано в Писании.

Только это остановило его.

Одраде быстрым шагом направилась к каменным ступеням.

Шиана бежала рядом с Преподобной Матерью.

— Мы должны рассказать людям об этом месте. В старых фрименских пещерах можно надежно спрятаться от Шайтана.

— Успокойся, дитя, — сказала Одраде, направив свет на ступени. Извиваясь под острым углом, лестница круто уходила вверх. Одраде заколебалась. К ней вдруг вернулось острое чувство надвигающейся опасности. Сейчас это чувство было настолько сильным, что, казалось, его можно было пощупать пальцами.

Что находится там, наверху?

— Жди меня здесь, Шиана, — сказала Одраде. — Не давай Ваффу идти за мной.

— Как я смогу остановить его? — Девочка опасливо оглянулась и посмотрела в глубину зала, где стоял Вафф.

— Скажи ему, что Бог хочет, чтобы он остался внизу. Скажи это так… — она наклонилась к уху Шианы и прошептала несколько слов на древнем наречии. — Больше не говори ничего. Стой на

его пути и повторяй эти слова, если он все же попытается пройти.

Одраде видела, что Шиана мгновенно заучила новые слова. У девочки был острый ум и отличная память.

— Он боится тебя, — сказала Одраде, — и не станет пытаться причинить тебе вред.

— Хорошо, матушка, — сказала Шиана. Она повернулась, сложила руки на груди и стала наблюдать за Ваффом.

Направляя впереди себя луч фонаря, Одраде стала подниматься по каменным ступеням. *Сиетч Табр! Чем ты хочешь удивить нас, старый червь?*

В длинном коридоре, которым заканчивался последний лестничный марш, Одраде увидела первые мумифицированные трупы. Их было пять — двое мужчин и три женщины — все без одежды и без всяких опознавательных знаков. Трупы были высушены пустынным зноем. Обезвоживание привело к тому, что высохшая кожа плотно обтягивала кости. Тела были аккуратно уложены в ряд, вдоль коридора. Одраде пришлось преодолеть отвращение и переступить через эти мрачные препятствия.

Она осветила фонарем каждый труп. Все пятеро были убиты практически одинаково. След от

удара клинком ниже грудины.

Ритуальное убийство?

Высушенная сморщенная плоть, свернувшись, обнажила раневые поверхности, которые чернели, как темные пятна на светлой коже. *Трупы лежат здесь отнюдь не с фриженских времен,* подумала Одраде. Фримены сжигали тела, чтобы получить из них драгоценную воду.

Одраде посветила фонарем и остановилась, раздумывая, как поступить дальше. Обнаружение трупов обострило чувство опасности. *Надо было взять с собой оружие.* Но это возбудило бы ненужные подозрения у Ваффа.

Однако предупреждающий внутренний голос не умолкал. Этот реликт сиетча Табр таил в себе опасность.

Луч света выхватил из темноты другую лестницу, ведущую наверх. Одраде осторожно двинулась вперед. Сначала она направила луч фонаря кверху. Невысокие ступени. Короткая лестница. Камни. Дальше снова довольно обширное пространство. Одраде повела фонарем вдоль коридора. Выщербленные участки и следы огня бросились ей в глаза. Она снова осмотрела лестничный марш.

Что здесь происходило?

Ощущение опасности стало нестерпимым.

Одраде начала медленно подниматься по лестнице — шаг, остановка, снова шаг, снова остановка. Она вступила в проход, вырубленный в коренной скале. Там ее снова приветствовали трупы. Эти были брошены в полном беспорядке и лежали в положениях, в которых их застигла смерть. И здесь тоже лежали только раздетые, высушенные, полностью мумифицированные трупы. В этом широком проходе насчитывалось около двадцати тел. Одраде лавировала между покойниками, медленно продвигаясь вперед. Некоторые из этих людей были убиты так же, как пятеро несчастных на нижнем уровне. Некоторые были сожжены огнем лазерных ружей. Один был обезглавлен, и голова лежала около стены, как мяч, забытый на поле после страшной игры.

Следующий коридор вел в два боковых маленьких помещения. В этих комнатках она не нашла ничего достойного внимания: там было немного Пряности, спекшиеся куски расплавленной породы на полу и на стенах.

Что за насилие здесь происходило?

На стенах были видны пятна, похожие на запекшуюся кровь. В одной из каморок в углу небольшой горкой была свалена одежда. Под ноги

Одраде то и дело попадали куски рваной ткани.

Пыль. Пыль была кругом. Каждым шагом Одраде взметала в воздух тучу пыли.

Проход закончился сводчатой аркой с высоким порогом. Заглянув за этот порог, Одраде увидела там огромное помещение. Сводчатый потолок был так высок, что заканчивался, видимо, на уровне основания скальных пород стены. От порога низкие ступени вели в зал. Опасливо озираясь, Одраде начала спускаться по ступеням. Из зала были выходы в другие коридоры. Некоторые из них были завалены камнями.

Одраде потянула носом воздух. Вокруг стоял отчетливый запах меланжи, смешанный с густым запахом пыли. Запах усилил чувство опасности. Она решила уйти и заторопилась назад. Но опасность была, как маяк, и Одраде должна была понять, о чем предупреждает этот маяк.

Теперь она понимала, где находится. Это был зал собраний сиетча, место бесчисленных фрименских оргий и советов племени. Здесь председательствовал наиб Стилгар. Здесь бывали Гурни Халлек, леди Джессика, Пауль Муад'Диб, Чани, мать Ганимы. Здесь Муад'Диб тренировал своих воинов. Здесь бывали настоящий Дункан Айдахо и первый гхола Айдахо!

Почему нас доставили сюда? Где опасность?

Она была здесь! Именно здесь!

Здесь, в этом самом месте создал Тиран самый большой тайник Пряности. Записи Бене Гессерит говорят о том, что все эти залы и проходы были заполнены Пряностью доверху.

Одраде повернулась и посветила себе фонарем. Впереди был трон наибов, а дальше должен располагаться королевский трон Муад'Диба.

Там, где я стою, находится арка.

Одраде посветила фонарем вокруг. Везде были следы поисков — выжженные камни, пробитые штольни. Ненасытные грабители хотели полностью очистить сказочный клад Тирана. Говорящие Рыбы забрали большую часть сокровищ, и они были открыты гхола Айдахо, супругом славной Сионы. Хроники утверждают, что даже после этого многие авантюристы находили дополнительные количества меланжи за фальшивыми стенами и под настилами пола. Тому было множество подтверждений в хранилище чужой памяти. Во времена Великого Голода здесь разыгрывались кровавые стычки между поисковыми партиями, которые проникали сюда. Это могло быть объяснением такого количества трупов со следами насильственной смерти. Не-

которые воевали за саму возможность попасть сюда, в сиетч Табр.

Как ее учили в Бене Гессерит, Одраде попыталась использовать чувство опасности, как руководство к действию. Прилипли ли миазмы массового убийства к этим камням на протяжении прошедших тысячелетий? Но не это было предупреждением. Предупреждение было непосредственным. Ногой Одраде почувствовала какую-то неровность в полу. Луч высветил темную линию в пыли. Она разгребла ногой пыль и увидела букву, а затем и слово, выжженное в полу.

Одраде прочитала слово сначала мысленно, а потом вслух:

— Арафель.

Она знала это слово. Оно запечатлевалось в сознании Преподобных Матерей времен Тирана. Его значение выводилось из многих древних корней.

— Арафель — темная туча на краю вселенной.

Одраде почувствовала, что предостерегающие импульсы буквально сотрясают ее нервную систему. Все ее сознание сосредоточилось на этом сигнальном слове.

— Это святое суждение Тирана, — толковали

это слово священники. — Темная туча священного суждения!

Одраде проследила написание слова на полу и заметила, что оно заканчивается небольшим завитком, переходящим в короткую стрелку. Кто-то уже видел эту стрелку и пытался выжечь скалу, находившуюся в указанном направлении. Одраде посмотрела на след, оставленный лучом лазера в оплавленной породе помоста.

Наклонившись, Одраде посветила фонарем в каждое отверстие: ничего. Она почувствовала азарт охотника, замешанный на страхе-предостережении. Количество богатства, которое вмещали некогда эти залы, потрясало воображение. В самые худшие времена одного чемоданчика такой Пряности вполне хватило бы на то, чтобы купить целую планету. Говорящие Рыбы растранжирили это богатство, потеряв его в ссорах, заблуждениях и сварах, слишком мелких, чтобы попасть в анналы истории. Они были рады заключить союз с Иксом, когда Тлейлаксу удалось нарушить монополию на меланжу.

Неужели грабители отыскали все? Тиран был слишком умен для этого.

Арафель.

В конце вселенной.

Не является ли это посланием, направленным сквозь тысячелетия Общине Сестер наших дней?

Она снова посветила себе фонарем и осмотрелась.

Потолок представлял собой почти идеальный шарообразный объем. Так и было задумано. Весь купол должен был изображать звездное небо таким, каким его видно от ворот сиетча Табр. Однако даже ко времени Лиет Кинеса — легендарного планетолога, многие звезды, нарисованные на искусственном своде, уже не были видны. Камни не вечны, и кусочки потолка с изображенными на них звездами были безвозвратно утрачены из-за землетрясений и человеческой деятельности. Время стирает любые следы.

Дыхание Одраде участилось. Никогда еще ощущение опасности не было столь велико. Маяк опасности горел уже внутри ее! Она быстро поднялась по ступенькам, по которым только что спускалась. Она заглянула в хранилище памяти, чтобы запомнить картину. Чужая память проникала в ее сознание медленно, ее персонажи двигались с неторопливостью обреченных. Направив луч света вверх, Одраде разместила на сцене сиетча персонажи, пришедшие в ее сознание.

Кусочки отраженного блеска!

Персонажи начали размещаться в зале. Вот на искусственном небосклоне появились индикаторы недостающих ныне звезд. Вот желтовато-серебристый полукруг арракинского солнца. Это был символ заката.

Фрименский день начинался ночью.

Арафель!

Удерживая луч на отметке захода солнца, Одраде заняла место на помосте, которое указали ей персонажи другой памяти.

Ничего не осталось от той древней солнечной дуги.

Грабители прожгли дыру именно в этом месте. Блестели полукружья оплавленного камня. В своде были проделаны отверстия, но ни одно из них не достало до коренной скальной породы.

По тому, как трудно стало дышать, Одраде поняла, что находится на грани очень опасного открытия. Маяк привел ее сюда!

Арафель… на краю вселенной. Рядом с заходящим солнцем!

Она повела фонарем справа налево. Слева открылся еще один проход. На пороге лежали камни, блокирующие вход. Сердце Одраде заколотилось. Одраде скользнула в проход и оказалась в

маленьком помещении, один угол которого был завален мелкой галькой. Справа, непосредственно под тем местом, где некогда было изображение заходящего солнца, она нашла совсем маленькую комнату, в которой стоял сильный запах меланжи. В этой комнатке стены и потолок были оплавлены и обожжены сильнее, чем где бы то ни было в сиетче. Чувство страха стало подавлять. Одраде произнесла Литанию против страха. Произнося литанию, она освещала комнату фонарем. Комната представляла собой почти квадратное помещение с длиной стен приблизительно по два метра. Запах корицы бил в ноздри. Потолок находился буквально в полуметре над ее головой. Она чихнула и в этот момент увидела, что пол возле порога немного обесцвечен.

Еще одна отметина древнего грабежа?

Наклонившись и направив луч света под острым углом, Одраде поняла, что видит лишь тень какого-то знака, вырубленного глубоко в камне. Пыль скрывала рисунок. Одраде встала на колени и смела пыль. Зарубки узкие и очень глубокие. Что бы это ни было — это знак, переживший эпохи. Последнее послание от давно ушедшей Преподобной Матери? Такое практиковалось в истории Бене Гессерит. Чувствительными паль-

цами Одраде пощупала зарубки, восстановив в воображении их исходную форму.

Жар узнавания разлился по жилам Одраде. Она прочитала слово «здесь», написанное на древнем наречии чакобса.

Это не было простым словом «здесь», которое означает просто местонахождение какого-то предмета. Нет, на древнем языке это слово в данном контексте имело несколько иной, более глубокий смысл: «Ты нашла меня!», сердце Одраде отчаянно забилось от волнения.

Поставив фонарь на пол возле правого колена, она принялась пальцами ощупывать пол в месте, где обнаружила ключевую надпись. Камень казался монолитным глазу, но пальцы обнаружили в нем крошечные трещины и нарушения непрерывности. Она тщательно исследовала поверхность, пытаясь придать смысл тончайшим трещинкам, изменяя направление ощупывания и степень давления. Все тщетно.

Ничего.

Усевшись на пятки и выпрямив корпус, Одраде принялась размышлять над ситуацией.

«Здесь».

Чувство предостережения еще больше усилилось. Дыхание участилось, а это был надежный

признак.

Вытянувшись, Одраде улеглась на пол и стала присматриваться к основанию порога. *Здесь!* Может быть, надо просунуть под порогом около слова «здесь» рычаг и попытаться поднять камень порога? Нет, здесь не показано применение инструментов. Это пахло Тираном, а не Преподобной Матерью. Она попыталась сдвинуть порог вбок. Ничего не получилось.

Чувствуя, что чувство страха усиливается от ощущения разочарования и неудачи, Одраде встала и просто пнула порог. Он сдвинулся с места! Песок угрожающе зашуршал над ее головой.

Одраде успела отпрянуть, впереди нее с потолка на пол просыпался водопад песка. Глухой рокот заполнил тесное пространство. Под ногами дрогнули камни. Пол перед ней слегка опустился, открыв проход между дверью и стеной.

Одраде снова понесло навстречу неизвестности по наклонному полу. Фонарь полетел вниз вместе с ней. Впереди маячило что-то красновато-коричневое. В нос ударил резкий запах корицы.

Она мягко упала на кучу меланжи. Отверстие, откуда она летела, виднелось над головой на высоте пяти метров. Одраде схватила фонарь и осветила помещение. Вверх вели широкие,

вырубленные в скале ступени. На ступенях виднелись какие-то надписи, но сначала Одраде увидела, что ступени ведут к выходу, и ее паника несколько улеглась. Чувство опасности, однако, оставалось. Чтобы нормально дышать, требовалось изо всех сил напрягать грудные мышцы.

Посветив направо и налево, Одраде увидела, что находится в длинном помещении как раз под тем проходом, по которому она пришла к загадочной двери. Все пространство вокруг было завалено меланжей. Одраде направила вверх луч фонаря и увидела, почему все предыдущие грабители не сумели найти это хранилище. Потолок был подперт огромными скрепами, и при простукивании пол вышележащего помещения издавал глухой звук.

Женщина еще раз посмотрела на залежи Пряности. Даже сейчас, принимая во внимание обесценивание меланжи, можно было сказать, что она стоит на сокровище. Здесь было много тонн меланжи.

В этом ли заключается опасность? Предостерегающее чувство не отпускало, а, наоборот, становилось сильнее. Но ей можно было не бояться Пряности Тирана. Триумвират разделит это богатство, и все тем и кончится. Прекрасный

бонус за участие в проекте гхола.

Оставалась какая-то другая опасность, Одраде никак не могла отделаться от дурного предчувствия.

Она снова осветила фонарем залежи меланжи. Ее внимание привлекла полоска стены над Пряностью. Это были слова! Написанные вязью тонким резцом на камне слова и фразы на языке чакобса.

«ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ ПРОЧТЕТ ЭТИ СЛОВА!»

По спине Одраде пробежал холодок. Это был императорский выкуп за меланжу. Было тут и еще одно сообщение.

«Я ЗАВЕЩАЮ ВАМ СВОЙ СТРАХ И СВОЕ ОДИНОЧЕСТВО. ВАМ Я ХОЧУ СООБЩИТЬ УВЕРЕННОСТЬ В ТОМ, ЧТО ТЕЛО И ДУША БЕНЕ ГЕССЕРИТ ПРЕТЕРПЯТ ТО ЖЕ, ЧТО ДОЛЖНЫ ПРЕТЕРПЕТЬ ЛЮБОЕ ТЕЛО И ЛЮБАЯ ДУША».

Следующий раздел послания находился справа от последних слов. Она пробралась поближе по куче меланжи и, остановившись, принялась читать.

«ЧТО ТАКОЕ ВЫЖИВАНИЕ, ЕСЛИ НЕ МОЖЕШЬ ВЫЖИТЬ ЦЕЛИКОМ? СПРОСИТЕ ОБ ЭТОМ БЕНЕ ТЛЕЙЛАКСУ. ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ВЫ НЕ СЛЫШИТЕ БОЛЬШЕ МУЗЫКУ ЖИЗНИ? ПАМЯТИ

НЕДОСТАТОЧНО, ЕСЛИ ОНА НЕ ПРИЗЫВАЕТ ВАС К ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ!»

На узкой торцевой стене были и другие надписи. Одраде проползла по меланже, встала на колени и прочитала:

«ПОЧЕМУ
ВАША ОБЩИНА СЕСТЕР НЕ ПОСТРОИЛА ЗОЛОТОЙ ПУТЬ? ВЫ ОСОЗНАВАЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ ЭТОГО. ВАША НЕУДАЧА ОБРЕКЛА МЕНЯ, БОГА-ИМПЕРАТОРА, НА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ МОЕГО ЛИЧНОГО ОТЧАЯНИЯ».

Словосочетание Бог-Император было написано не на чакобса, а на исламиате, и означало буквально следующее для всякого, кто владел этим языком: «Ваш Бог и Ваш Император, поскольку это вы сделали меня Им».

Одраде мрачно усмехнулась. Эти слова повергли бы Ваффа в религиозный экстаз. Чем выше он восходит, тем легче разбить его «я».

Она не находила ничего странного в предсказаниях Тирана. Они были точны, кроме того, никто не сомневался в том, что Бене Гессерит может прийти конец. Чувство опасности безошибочно привело ее к этому месту, но дело было не только в этом. Черви Ракиса все еще подчинялись в своей деятельности пульсу, заложенному в них Тира-

ном. Он мог сколько угодно покоиться в вечном сне, но его мелкие перлы, разбросанные в телах червей, продолжали свою чудовищную жизнь.

Что он сам говорил Сестрам еще при жизни? Она припомнила эти слова: «Когда я уйду, меня должны будут называть Шайтаном, Императором Геенны. Колесо должно вращаться и вращаться, катиться и катиться по Золотому Пути».

Да — и именно это имела в виду Тараза: *Разве вы не видите? Простые люди Ракиса зовут его Шайтаном уже больше тысячи лет!*

Итак, Тараза все знала. Даже не видя этих слов, она знала все.

Я вижу твой замысел, Тараза. Теперь и я знаю гнет страха, который был с тобой все эти годы. Я чувствую его теперь так же хорошо, как и ты.

Одраде знала, что это чувство предостережения теперь останется с ней до конца ее дней. Или до скончания века Общины Сестер, или до того момента, когда минует опасность.

Одраде подняла фонарь, встала на ноги и побрела по кучам меланжи к широким ступеням, чтобы выбраться наружу. Взойдя на ступени, она отпрянула назад. На каждом подъеме ступени были высечены слова Тирана.

Дрожа, она прочитала все до самого верха.

МОИ СЛОВА — ЭТО ВАШЕ ПРОШЛОЕ
МОИ ВОПРОСЫ ПРОСТЫ
КТО ВАШИ СОЮЗНИКИ?
ИДОЛОПОКЛОННИКИ ТЛЕЙЛАКСИАНЦЫ
БЮРОКРАТИЯ МОИХ ГОВОРЯЩИХ РЫБ?
БРОДЯГИ ИЗ КОСМИЧЕСКОЙ ГИЛЬДИИ?
НАДЕЕТЕСЬ НА ОБРЕЧЕННОСТЬ ВАШЕГО ТВОРЕНИЯ?
КАК ВЫ ВСТРЕТИТЕ СВОЙ КОНЕЦ?
КАК ОБЫЧНОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО?

Одраде прошла мимо вопросов, прочтя их второй раз. *Благородная цель?* Это очень хрупкая вещь. Как легко ее извратить. Но любая власть в этом отношении подвергается ежечасной опасности. Все это было написано на стенах, ступенях и потолке хранилища. Тараза не нуждалась ни в каких объяснениях. Призыв Тирана был ясен и понятен.

— Присоединяйтесь ко мне!

Выбравшись в маленькую комнату, через которую можно было выйти из сиетча, Одраде оглянулась на найденную ею сокровищницу меланжи. Она покачала головой, дивясь мудрости Таразы. Так вот чем может закончиться существование Общины Сестер. Замысел Таразы был прост, все его куски имели свое место. Ничего

определенного, неважно, богат ты или имеешь власть, тебя ждет тот же самый конец, который ждет всех. Было начато воплощение благородного замысла, и он должен быть доведен до конца, даже если это грозит гибелью Общине Сестер.

Но какие жалкие инструменты мы выбрали для этого!

Девочка, которая ждет в пещере ее возвращения, и гхола, которого приготовили для Ракиса.

Теперь я говорю с тобой на твоем языке, старый Червь. В этом языке нет слов, но я чувствую его сердцем.
Наши отцы ели манну в пустыне,
В знойных полях, где жестокие вихри дуют.
Господи, спаси нас от этой страшной земли!
Спаси нас, о-о, спаси нас
От сухой и безводной земли!

Песни Гурни Халлека; Музей Дар-эс-Балата

До зубов вооруженные Дункан и Тег вместе с Луциллой покинули дворец-невидимку в самую холодную часть ночи. Воздух был чист и прозрачен, над головой сияли похожие на булавочные головки звезды.

Тег очень остро чувствовал кислый запах снега. Запах пропитывал воздух и пар, который клубами валил изо рта при каждом выдохе.

От холода из глаз Дункана потекли слезы. Прежде чем они покинули дворец-невидимку, Дункан много думал о старине Гурни, о том рубце, который оставил на его лице кнут Харконненов. Сейчас нужны были верные товарищи, на которых можно положиться, думал Дункан. Луцилла

ненадежна, а Тег слишком стар. Айдахо видел, как блестят на морозе глаза Тега.

Повесив на плечо лазерное ружье, Дункан, чтобы согреться, засунул руки глубоко в карманы. Он уже забыл, как холодно бывает иногда на этой планете. Луцилла шла как ни в чем не бывало — наверное, греется за счет какой-нибудь хитрости, на какие горазды Сестры Бене Гессерит.

Глядя на нее, Дункан думал, что никогда не доверял этим ведьмам, даже леди Джессике. Было очень легко и соблазнительно думать о них, как о предателях, которые хранят верность только своему Ордену. Но сколько у них было тайных уловок! Луцилла, правда, оставила всякие попытки соблазнить его. Она поняла, что он действительно сделает так, как обещал. Он чувствовал, как в ней исподволь закипает гнев. Ничего, пусть покипит.

Тег шел совершенно спокойно, внимание его было направлено вовне. Он внимательно прислушивался. Правильно ли было довериться плану, который он разработал единолично, и Бурцмали? У них не было никакой поддержки, никаких резервов; они разработали план только восемь дней назад. Казалось, что прошло гораздо больше времени, но это из-за множества приготовлений

и предосторожностей. Он снова посмотрел на Дункана и Луциллу. Дункан нес старое лазерное ружье, добытое в доме Харконненов, — древнюю полевую модель. Тяжелы были и зарядные картриджи этого длинноствольного ружья. Луциллу удалось уговорить взять легкое ружье, которое уместилось под накидкой. В ружье был только один заряд. Игрушка наемного убийцы.

— Мы — Сестры Бене Гессерит — ходим в бой, имея только боевые навыки, — сказала она. — Это наше лучшее оружие. Для меня унизительно таскать какое-то ружье.

Правда, кроме ружья, у нее за голенища сапог были заткнуты ножи. Тег их видел, наверняка отравленные.

Сам Тег был вооружен тоже длинноствольным, но современным ружьем, которое он прихватил с собой из Убежища. На плече висело еще одно ружье — точь-в-точь такое же, как и у Дункана.

Мне придется положиться на Бурцмали, уже не в первый раз повторял себе Тег. *Я тренировал и учил его. Я знаю его качества. Если он сказал, что мы можем поверить этим новым союзникам, то мы им поверим.*

Сам Бурцмали был счастлив, что нашел своего старого товарища живым и невредимым.

Но с момента их последней встречи выпал снег — tabula rasa, на котором отчетливо виден каждый след. Они не рассчитывали, что снег выпадет так скоро. Неужели в Управлении погодой нашлись предатели?

Тег дрожал от холода. Воздух был страшно морозным. Было впечатление космического холода, когда кажется, что звезды непосредственно светят на заледенелый лес, сверкающий инеем. Тусклый сумеречный свет отражался от снежного покрова дороги и снежных шапок, покрывших скалы. Хорошо были видны покрытые снегом лапы хвойных и голые ветви лиственных деревьев. Все остальные части крон прятались в густой тени.

Луцилла подула на пальцы и, прижавшись к Тегу, прошептала:

— Он не должен быть сейчас с нами?

Тег понимал, что в действительности Луцилла спрашивает совершенно о другом: *Можно ли доверять Бурцмали?* Она задавала его в разных вариациях несколько раз с тех пор, как Тег восемь дней назад объяснил ей свой план.

Что он мог ей ответить?

— Ставкой в этом деле является моя голова.

— Но и наши головы тоже.

Тег очень не любил, когда накапливались неопределенности, но выполнение любого плана упирается в конечном счете в умение людей, которые его выполняют.

— Именно ты больше всех настаивала, что нам надо уходить отсюда и отправляться на Ракис, — напомнил ей Тег. Он надеялся, что она увидит его улыбку и оценит юмор, с помощью которого он хотел убрать сарказм из своего довольно язвительного ответа.

Но Луциллу невозможно было купить никакими улыбками. Тег никогда не видел, чтобы Преподобная Мать так нервничала. Она нервничала бы еще больше, если бы узнала о новых союзниках. Кроме того, ее очень угнетает мысль, что она не смогла полностью выполнить приказ Таразы. Она же просто исходит желчью.

— Мы дали клятву, что защитим гхола, — напомнила она ему.

— Бурцмали дал такую же клятву.

Тег посмотрел на Дункана, который молча остановился между ними. Было такое впечатление, что он не слышал спора, да и вообще ни о чем не волновался. Древняя собранность придала его лицу полнейшую неподвижность. *Он слушал ночь,* вдруг дошло до Тега. Он один делает то, что

сейчас должны делать они втроем, не отвлекаясь на всякие мелочи. В юных чертах гхола проступала вневременная зрелость опытного мужчины.

Никогда еще мне не были так нужны товарищи, которым я мог бы полностью доверять, подумал Дункан. Умом он блуждал по Гьеди Один, такой, какой он помнил ее еще с тех времен, когда не был гхола. Именно такие ночи они называли ночами Харконненов. Сохраняя тепло под специальными доспехами, бароны Харконнены в такие ночи любили охотиться на людей. Раненые беглецы обычно умирали от холода. *Харконнены знали толк в таких вещах! Да будут прокляты их души!*

Луцилла остановилась и посмотрела на Дункана. Взгляд ее был вполне предсказуем и говорил: *Мы с тобой не закончили одно дело*.

Дункан поднял глаза к небу, чтобы она увидела его улыбку, которая заставляла ее съеживаться, как от удара. Он снял с плеча ружье и, словно проверяя, щелкнул затвором. Положив ствол на левую руку, правой он взялся за приклад и положил палец на спусковой крючок.

Луцилла отвернулась от мужчин и стала рассматривать склоны холма, пробуя их своими сильно развитыми зрением и слухом. С той сторо-

ны доносились какие-то резкие звуки. Вот один донесся справа, другой с вершины холма. Вот раздался какой-то рокот, словно скатившийся со склона вниз.

При первых же разрывах они укрылись среди скал невдалеке от дворца-невидимки.

Те звуки, которые они слышали сейчас, не имели для них никакого смысла. Треск, шумы, шорохи, стоны, вой животных. Под ногами сотрясалась земля от каких-то невидимых толчков.

Тег знал, что это за звуки. Там шла битва. Он мог даже отсюда расслышать шипение огнеметов и лучи лазерных ружей, перекрещенные в небе.

Над головами их что-то разорвалось красными и синими искрами. Земля содрогнулась. Тег потянул носом воздух. Пахло горелой кислотой и чесноком.

Корабли-невидимки! Много кораблей!

Они заходили на посадку недалеко от дворца Харконненов.

— Все внутрь! — скомандовал Тег.

Выкрикивая команду, Тег понял, что уже поздно. К ним бежали какие-то люди. Тег поднял ружье и направил его вниз по склону холма. Туда, откуда доносился самый громкий шум. Внизу раздавались крики множества людей.

Среди наступавших плавали яркие светильники. Пляшущие огоньки приближались снизу. Светильники поднимались кверху с током холодного воздуха. В этом ярком освещении появились первые фигуры.

— Лицеделы! — гаркнул Тег, узнав атакующих. Через несколько секунд они выйдут из лесных зарослей, а еще через минуту будут на его позиции.

— Нас предали! — крикнула Луцилла.

Снизу раздался крик.

— Башар! — кричали сразу несколько голосов.

Бурцмали?! — спросил себя Тег. Он снова посмотрел в сторону нападавших лицеделов. Времени на размышление нет. Он склонился к Луцилле.

— Над нами Бурцмали! Бери Дункана и бежим!

— Но что, если…

— Это твой единственный шанс!

— Ты — дурак! — воскликнула она, выполняя приказ.

«Да» Тега отнюдь не рассеяло ее опасений. Вот что значит зависеть от чужих планов! У Дункана были на этот счет другие мысли. Он понял, что Тег собирается пожертвовать собой, чтобы они двое успели спастись. Дункан заколебался, глядя

на цепи атакующих внизу.

Видя его колебания, Тег набросился на него:

— Это боевой приказ! Здесь я твой командир!

Впервые в жизни Луцилла слышала какое-то подобие Голоса в исполнении мужчины. Она, раскрыв рот, уставилась на Тега.

Дункан видел перед собой лицо старого герцога, который требовал повиновения. Это было слишком. Он схватил Луциллу за руку, но прежде чем потащить ее вверх, он сказал: «Мы должны отойти и прикрыть его огнем!»

Тег никак не отреагировал на это. Пока Луцилла и Дункан карабкались вверх по склону, он занял позицию за большим, присыпанным снегом камнем. Он понимал, что должен продать свою жизнь подороже. Но было и кое-что еще: *неожиданное. Последняя подпись старого башара.*

Передовые цепи быстро приближались, перекрикиваясь на ходу.

Поставив ружье на максимальное поражение, Тег нажал на спуск. Огненная дуга ударила по склону холма. Деревья вспыхивали и раскалывались. Кричали раненые. В таком режиме ружье не могло долго стрелять, но эффект был поразительным.

Тег сменил позицию и снова открыл огонь, сме-

тая лучом нападавших и деревья. Уцелели только немногие светильники, остальные потухали между расколотыми деревьями и расчлененными телами.

После второго выстрела крики усилились. Тег вскочил и переместился на другую сторону входа в дворец-невидимку. Опять выстрел, опять крики, опять огонь и горящие деревья.

Ответного огня не было.

Они хотят взять нас живыми.

Тлейлаксианцы могут положить сколько угодно лицеделов, но дождаться, пока не разрядится его ружье.

Тег снял с плеча ружье Харконненов и, поставив его на боевой взвод, приготовился к бою на новой позиции. Он перезарядил свое новое ружье и принялся ждать нового нападения. Он очень сомневался, что успеет еще раз перезарядить оружие. Пусть они думают, что у него кончились заряды. Однако на поясе у него висели два ручных пистолета Харконненов. Они хороши как оружие ближнего боя. Пусть только к нему подойдут Мастера Тлейлаксу!

Осторожно подняв ружье, Тег отошел за ближний камень, переместившись вверх и вправо. Потом он дважды выстрелил, делая вид, что

экономит боезапас. Не было никакого смысла скрывать свои маневры. Они давно следят за ним с помощью специальной аппаратуры и отслеживают каждое его движение. Кроме того, он оставляет четкие следы на снегу.

Неожиданность! Может ли он использовать их в ближнем бою?

Чуть выше входа в пещеру Харконненов он увидел углубление в холме, дно этого углубления было заполнено снегом. Тег отошел с последней позиции и, устроившись на новом месте, восхитился секторами обстрела, который можно было вести с новой позиции. С трех сторон его защищали склоны холма. Он осторожно высунул голову и осмотрелся.

Однако вокруг стояла мертвая тишина.

Может быть, это кричали люди Бурцмали? Как бы то ни было, не было никаких гарантий, что Луцилла с Дунканом смогут бежать даже в таких обстоятельствах. Теперь все зависит от Бурцмали.

Действительно ли он такой изобретательный, как я о нем думал?

Впрочем, времени не было не только на размышления, но и на изменение решения. Он вступил в бой. Тег глубоко вздохнул и снова вы-

глянул из своего укрытия.

Да, противник привел себя в порядок и возобновил атаку. Теперь не было никаких светильников, выдающих местоположение противника. Никаких криков для воодушевления. Тег положил ствол ружья на камень и повел им из стороны в сторону, выжигая ряды нападавших. На этот раз заряд кончился по-настоящему.

Тег снял с плеча ружье Харконненов, взвел курок и привел в боевое положение. Они думают, что он побежит вверх по склону. Он выполз из укрытия, надеясь, что выше его достаточно движущихся объектов, чтобы сбить с толку следящую аппаратуру. Он все еще слышал, что там, внизу, где он только что прошелся огненной дугой, все еще копошатся люди. Он залег и принялся выжидать, зная по опыту, сколько времени потребуется атакующим, чтобы войти в зону его огня. Зная боевые порядки тлейлаксианцев, он ожидал услышать команды, поданные высокими голосами. Они последовали!

Мастера находились ниже по склону, чем он рассчитывал. Какие боязливые создания! Тег поставил старое ружье на максимальное поражение и внезапно поднялся во весь рост.

Он увидел цепь наступающих лицеделов, осве-

щенных пламенем горящих деревьев. Писклявые команды доносились откуда-то снизу и со стороны пылающего леса.

Прицелившись над головами наступающих, Тег поднял дуло под острым углом к верхушкам горящих деревьев и нажал спуск. Две долгие вспышки — туда и обратно. Он поразился убойной силе этого антикварного оружия. Это был образец оружейного искусства и жаль, что его нельзя было испытать в пещере-невидимке.

Теперь крики раздались — высокие и протяжные!

Тег опустил дуло и направил огонь на ряды нападавших лицеделов, показав нападающим, что у него несколько ружей. Он водил смертоносной дугой в разные стороны, давая нападающим шанс в последний момент убедиться в силе противника.

Вот! Теперь они истощились и будут проявлять осторожность. Теперь у него появился шанс присоединиться к Дункану и Луцилле. Тег повернулся и принялся карабкаться вверх по склону. На пятом шаге он словно наткнулся на горячую стену. Полный заряд бластера прожег ему лицо и грудь. Выстрел раздался с вершины холма, куда он послал Дункана и Луциллу. *Какая досада!*

Это была последняя мысль Майлса Тега. Тьма поглотила его.

И другие способны на коварство!

Все организованные религии сталкиваются с одной общей проблемой: все они имеют уязвимые места, сквозь которые мы можем проникнуть в их святая святых и изменить их догматы по нашему желанию. Кто сможет отличить спесь от откровения?

Защитная Миссия, Внутреннее Учение

Одраде намеренно отвела взгляд от зеленого четырехугольника во дворе, где находилась Шиана с новой Сестрой-учительницей. Эта Сестра идеально подходила для своей роли в новой фазе образования Шианы. Вообще Тараза очень тщательно подбирала кадры.

Мы выполняем твой план, Верховная Мать, но могла ли ты предполагать, какую отметину сделает в наших душах случайное открытие, сделанное нами на Ракисе?

Но было ли оно случайным?

Одраде окинула взглядом крыши близлежащих домов — цитадель Общины Сестер здесь, на Ракисе. Радужные плитки черепицы ярко сияли в лучах полуденного солнца.

Все это наше.

Это было самое большое посольство в священном городе Кине и принадлежало оно именно

Общине Сестер, а ее, Одраде, присутствие в этом комплексе зданий было нарушением соглашения между ней и Туэком. Но… соглашение было заключено задолго до открытия, сделанного в сиетче Табр, да и самого Туэка, строго говоря, уже не существовало. Тот Туэк, который правил теперь в церкви Ракиса, был весьма сомнительной персоной.

Мысли Одраде вновь вернулись к Ваффу, который в компании двух Сестер-охранниц, стоя позади Одраде, ожидал своей очереди возле двери из тонированного стекла, ведущей в покои Преподобной Матери на верхнем этаже центрального здания. Посетитель, пришедший на верхний этаж, мог видеть сквозь стекло двери лишь смутные очертания фигуры Преподобной Матери. Лицо ее выделялось на фоне темной накидки бесформенным светлым пятном.

Правильно ли она обработала Ваффа? Все было сделано в полном соответствии с учением Защитной Миссии. Достаточна ли брешь, пробитая в броне фанатизма Ваффа? Скоро он будет вынужден заговорить; тогда все станет ясно.

Вафф стоял сзади и вел себя довольно спокойно. В тонированном стекле отражалась вся его тщедушная фигурка. Он не подавал вида, что по-

нимает, что две высокие темноволосые Сестры, стоящие рядом с ним, имеют задание предотвратить малейшее проявление насилия с его стороны. Определенно, он хорошо это понимал.

Охрана моя, а не его.

Он стоял, склонив голову, чтобы скрыть от Одраде выражение лица, но она и так знала, что чувствует себя Вафф очень и очень неуверенно. В этом она была твердо убеждена. Сомнения — это голодное животное, а она и так уже достаточно много колебалась, утоляя ненасытное чудовище сомнения. Он был уверен, что путешествие в Пустыню закончится для него смертью, и теперь в нем окрепла вера, что великий Бог Дзенсунни и Суфи сохранил его жизнь.

Более чем вероятно, что теперь Вафф заново оценивает свое соглашение с Бене Гессерит, поняв наконец, что вредит своему народу, что ставит цивилизацию Тлейлаксу под страшный удар. Да, он собран и почти непроницаем, но трудно скрыть сомнения от наметанного глаза Преподобной Матери. Скоро настанет время восстанавливать его сознание в нужном для Бене Гессерит ключе, а пока пусть поварится в собственном соку.

Одраде вновь принялась рассматривать крыши

зданий посольства, стараясь чем-то занять себя и потянуть время. Орден выбрал именно это место, потому что здесь, в северо-восточном районе столицы, шло интенсивное строительство, преобразившее лицо этой части города. Можно было построить посольство по своему вкусу и сообразно своим целям. Древние дома, к которым можно было легко подойти пешком или подъехать на экипаже по широким подъездным дорожкам, были снесены и заменены новыми.

Все было сделано в духе нового времени.

Новые здания располагались гораздо ближе к широким зеленым проспектам, вдоль которых росли большие деревья, поглощавшие неимоверное количество воды. На крышах некоторых домов были оборудованы посадочные площадки для орнитоптеров. К подъездам вели узкие пешеходные дорожки, а двери лифтовых шахт были снабжены монетоприемниками, замками и ладонными идентификаторами. Излучающие энергию лифтовые шахты, выполненные из тонированного стекла, окрашивались в темный цвет, чтобы уменьшить излучение. Эти темные шахты резко выделялись на фоне серых стен и светлых окон. Люди, видневшиеся в прозрачных кабинах, перемещавшиеся вверх и вниз по кишкам шахт,

производили впечатление нечистоты, кричащего диссонанса между живым несовершенством и механической безупречностью.

Все во имя модернизации.

Вафф откашлялся, подав признаки жизни.

Одраде не обернулась. Две Сестры-охранницы понимали ее игру и не говорили ни слова. Нарастающая нервозность Ваффа была верным признаком того, что все идет хорошо.

Вид, открывающийся из окна, служил еще одним тревожным свидетельством тех событий, которые происходили на этой беспокойной планете. Одраде припомнила, что Туэк всегда выступал против модернизации своего города. Он постоянно настаивал на том, что Кин должен сохранить свое историческое лицо. Этот спор продолжал и лицедел, заменивший Верховного Священника.

Этот лицедел вообще был похож на старого Туэка как две капли воды. Интересно, думают ли лицеделы сами или просто выполняют волю своих хозяев? Бесплодны ли они, эти новые модели? Насколько отличаются лицеделы от обычных людей?

Одраде очень беспокоила возможность обмана.

Советники фальшивого Туэка, полностью введенные в курс дела, которое они сами единодушно называли «заговором Тлейлаксу», рьяно поддерживали модернизацию, открыто радуясь, что наконец-то обрели некое подобие самостоятельности. Обо всем этом Одраде ежедневно докладывал Альбертус. Его сообщения с каждым днем все больше и больше тревожили Одраде, да и покорность самого Альбертуса внушала большие опасения.

— Естественно, они вовсе не имеют в виду действительную поддержку, — говорил Альбертус.

Она могла только согласиться с этим выводом. Поведение советников говорило о том, что они пользуются широкой поддержкой среди той массы священников среднего звена, которые позволяли себе шутить по поводу истинности Разделенного Бога на субботних вечеринках… среди тех, кто был страшно доволен находкой клада в сиетче Табр.

Девяносто тысяч тонн! Это половина годового урожая Пряности со всех месторождений Ракиса. Одна треть этого количества даже при современных ценах представляет собой громадное богатство.

Как жаль, что я познакомилась с тобой, Аль-

бертус.

Она очень хотела бы восстановить в его душе искреннего последователя, убежденного сторонника. То, что она сделала в действительности, легко угадал бы любой, кто прошел подготовку в Защитной Миссии.

Она создала пресмыкающегося лизоблюда!

Теперь не имело ни малейшего значения то, что его послушание было вызвано абсолютной верой в ее священный союз с Шианой. До сих пор Одраде не придавала особого значения тому, что учение Защитной Миссии с такой легкостью лишало людей независимости. Конечно, цель состояла именно в этом: *Сделать из них бездумных последователей, выполняющих нашу волю и служащих нашим нуждам.*

Слова Тирана, высеченные в пещере сиетча Табр, сделали большее, чем разожгли в Одраде страх за будущность Общины Сестер.

Я передаю вам свой страх и свое одиночество.

Сквозь тысячелетия он сумел вселить сомнение точно так же, как она сумела вселить его в Ваффа.

Вопросы Тирана запечатлелись перед ее внутренним взором, словно огненные письмена.

КТО ВАШИ СОЮЗНИКИ?

Выходит, что мы не более чем обычное тайное общество? Как мы встретим свой конец? В догматических миазмах нашего собственного творения?

Слова Тирана врезались в ее сознание. Где «благородная цель» в том, что делает Община Сестер? Одраде почти явственно слышала язвительный ответ Таразы.

Выживание, Дар! Это единственная благородная цель, стоящая перед нами. Выживание! Это знал даже Тиран!

Вероятно, это знал и Туэк. И что принесло ему это знание?

Одраде часто ловила себя на симпатиях к покойному Верховному Священнику. Туэк являл собой великолепный образчик того, что может произвести на свет тесно спаянная семья. Само его имя говорило об этом. Это имя имело форму, не изменившуюся со времен Атрейдесов. Первый известный предок этой семьи был контрабандистом, доверенным лицом первого Лето. Туэк происходил из семьи, которая хранила искреннюю верность своим корням, и часто повторял: «Есть что-то очень ценное в сохранении нашего прошлого». Этот пример не пропал даром для Преподобной Матери.

Но ты проиграл, Туэк.

Новые кварталы, которые Одраде видела из окна, были и свидетельством поражения Туэка, и подачкой новым элементам власти Ракиса, тем элементам, которые так долго питали и пестовали Сестры Бене Гессерит. Туэк рассматривал эти перемены, как предвестник тех дней, когда он станет слишком слаб политически, чтобы воспрепятствовать изменениям, которые неизбежно грядут вместе с внешней модернизацией.

Короткие выхолощенные обряды.

Новые песни в новом духе.

Изменения танцев. (Старые танцы слишком медленны и длинны!)

Кроме того, юные претенденты на высокие посты из знатных семейств все реже и реже будут самостоятельно выходить в Пустыню, чтобы принять послушание.

Одраде вздохнула и оглянулась на Ваффа. Тот стоял неподвижно, но от нетерпения кусал себе губы. Отлично!

Будь ты проклят, Альбертус! Лучше бы ты оказался мятежником!

За закрытыми дверьми храма шли жестокие дебаты о должности Верховного Священника. Новые ракисцы говорили о необходимости «идти в

ногу со временем». В переводе на общепринятый язык это означало: «Дайте нам больше власти!»

Так было всегда, подумала Одраде. *Даже в Бене Гессерит.*

Но ее все равно преследовала неотвязная мысль: *Бедный Туэк.*

Альбертус докладывал, что незадолго до своей смерти и до замещения его лицеделом Туэк говорил одному своему родственнику, что после его смерти семья может утратить свое влияние на Ракисе. Туэк был намного тоньше и глубже, чем предполагали его враги. Его семья уже начала собирать долги, создавая основу сохранения власти.

Да и лицедел многого достиг своим перевоплощением. Семья Туэка не догадывалась о подмене, настолько хорошо играл лицедел свою роль. Наблюдения за ним открывали фальшь только опытному взгляду Преподобной Матери. Именно это не давало покоя Ваффу.

Одраде резко повернулась и направилась к Мастеру Тлейлаксу. *Пора заняться им!*

Она остановилась в двух шагах от Ваффа и принялась сверлить его горящим взглядом. Вафф мужественно встретил ее взгляд.

— У тебя было достаточно времени, чтобы об-

думать свою позицию, — обвиняющим тоном заговорила она. — Почему ты молчишь?

— Мою позицию? Вы думаете, что оставили нам какой-то выбор?

— Человек — это всего лишь камень, брошенный в пруд, — Одраде процитировала слова самого Ваффа, которые тот часто повторял, демонстрируя свою веру.

Вафф прерывисто вздохнул. Она говорит правильные слова, но что она при этом думает и что стоит за этими словами? Ему больше не казалось, что такие слова могут исходить из уст женщины-повиндах.

Вафф молчал, а Одраде продолжила цитату:

— И если человек всего лишь камень, то не могут и дела его быть выше камня.

При этих словах Одраде непроизвольно вздрогнула, что не укрылось от взглядов Сестер. Эта дрожь не входила в сценарий того представления, какое предстояло разыграть Преподобной Матери.

ТЕЛО И ДУША БЕНЕ ГЕССЕРИТ ВСТРЕТЯТСЯ С ТОЙ ЖЕ СУДЬБОЙ, С КАКОЙ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ТЕЛА И ДУШИ.

Это жалящее острие вошло в ее душу.

Как я стала такой уязвимой? Ответ напраши-

вался сам собой: *Манифест Атрейдесов!*

Составление этого документа под пристальным наблюдением Таразы вскрыло во мне какие-то изъяны.

Не было ли это целью Таразы: сделать Одраде уязвимой? Как могла знать Тараза, что они найдут на Ракисе? Верховная Мать не только сама не пользовалась предзнанием, но избегала людей, обладающих им. В тех редких случаях, когда она требовала от Одраде проявить ее способности, от тренированного взгляда любой Сестры не ускользнула бы та неохота, с которой это делалось.

Но все же она сделала меня уязвимой.

Было ли это случайностью?

Одраде быстро прочитала Литанию против страха. Прошло всего несколько секунд, но за это время Вафф принял решение.

— Вы попытаетесь меня принудить, — сказал он, — но вы не знаете, какую силу мы приберегли для этого момента.

Он показал на рукава, в которых раньше были смертоносные дротики, и сказал:

— Это покажется детскими игрушками по сравнению с тем оружием, которое у нас есть.

— Община никогда в этом не сомневалась, —

ответила Одраде.

— Значит, между нами начнется вооруженный конфликт? — спросил он.

— Если вы сделаете такой выбор, — произнесла Одраде.

— Почему вы так не хотите конфликта?

— Есть люди, которые от души порадуются, когда Бене Гессерит и Бене Тлейлаксу вцепятся друг другу в горло, — объяснила Одраде. — Наши враги не упустят шанса подобрать те щепки, которые полетят, когда начнется смертельная схватка между нами.

— Вы выставляете аргумент за аргументом, но не даете моему народу пространства для переговоров. Может быть, ваша Верховная Мать не снабдила вас полномочиями для таких переговоров!

Какое искушение передать все дело в руки Таразы, как, впрочем, она сама того хотела. Одраде взглянула на Сестер. Лица их были ничего не выражающими масками. Они что-то поняли? Поймут ли они, если она поступит вопреки приказам Таразы?

— У вас есть такие полномочия? — упорно стоял на своем Вафф.

Благородная цель, подумала Одраде. *Во всяком*

случае, Золотой Путь Тирана показал хотя бы одно качество такой цели.

Одраде решилась на плодотворную правду.

— У меня есть такие полномочия, — сказала она. Ее собственные слова сделали это правдой. Приняв на себя полномочия, она лишила Таразу возможности отрицать их. С другой стороны, она понимала, что ее слова заставят ее действовать собственным путем, нарушая стройный и последовательный план Таразы.

Независимое действие. Именно этого *она* сама желала от Альбертуса.

Одраде обратилась к Сестрам:

— Прошу вас, оставайтесь здесь и проследите, чтобы нас никто не беспокоил. — Потом Ваффу: — Нам будет удобно.

Она показала рукой на два кресла-собаки, стоявшие под прямым углом друг к другу.

Они сели, и только после этого Одраде приступила к разговору:

— Для полноценных переговоров нам нужна та степень искренности, какую редко позволяют себе дипломаты. Слишком велики ставки, чтобы мы погрязли в мелких увертках.

Вафф посмотрел на Одраде странным взглядом.

— Мы знаем, что в вашем Высшем совете существуют разногласия. Нам делались тонкие намеки. В этой части…

— Я верна делу Общины Сестер, — поспешила заверить собеседника Одраде. — Даже те, кто сообщал вам о разногласиях, сохраняли такую верность.

— Это еще один трюк…

— Никаких трюков!

— У Бене Гессерит не бывает без трюков, — в голосе Ваффа прозвучало неприкрытое обвинение.

— Что в нас пугает вас? Скажите конкретно.

— Возможно, я слишком много узнал от вас, чтобы вы могли оставить меня в живых.

— Но разве я не могу сказать то же самое о вас? — спросила Одраде. — Кто еще знает о нашем сближении? С вами говорит сейчас не женщина-повиндах.

Она произнесла это слово не без внутреннего трепета, но эффект не мог бы быть более ошеломляющим. Было видно, что Вафф потрясен. Некоторое время он приходил в себя. Сомнения оставались, и это она сама посеяла их в нем.

— Что доказывают ваши слова? — спросил он. — Вы сможете забрать у нас вещи, о которых узнали, и не дать ничего взамен моему народу.

Вы все еще приберегаете против нас кнут.

— Я не ношу оружия в рукавах, — жестко ответила Одраде.

— Но в вашей голове знание, которое может уничтожить нас! — Он оглянулся туда, где стояли Сестры из охраны.

— Они часть моего арсенала, — сказала Одраде. — Мне отослать их?

— В их головах останется все, что они услышали, — сказал Вафф. Он встревоженно посмотрел на Одраде. — Было бы очень хорошо, если бы вы все полностью потеряли свою память.

Преподобная Мать придала своему голосу самые убедительные интонации.

— Чего мы достигнем, если вы приметесь со всем пылом за свою миссионерскую деятельность, не будучи готовыми к движению? Неужели послужит благой цели очернение вашей репутации, когда откроется, кем вы заменили Верховного Священника? О да, мы знаем об Иксе и Говорящих Рыбах. Когда мы изучили ваши новые образцы лицеделов, мы стали их активно выявлять.

— Вот видите! — в голосе Ваффа появились опасные ноты.

— Я не вижу другого пути скрепить наши узы,

кроме как открыть вам то, что представляет для нас реальную опасность, — сказала Одраде.

Вафф молчал.

— Мы поселим червей Пророка на бесчисленных планетах Рассеяния, — продолжала она. — Что подумают и сделают священники Ракиса, если вы откроете им это?

Сестры смотрели на Одраде с плохо скрытым замешательством. Они были уверены, что Преподобная Мать лжет.

— У меня нет охраны, — сказал Вафф. — Если один человек знает опасную правду, то такого человека очень легко отправить в страну вечного молчания.

Одраде показала собеседнику свои пустые рукава.

Он, в свою очередь, посмотрел на охранниц.

— Очень хорошо, — произнесла Одраде. Успокоив Сестер тайным знаком, она сказала: — Сестры, я прошу вас выйти.

Когда дверь за охранницами закрылась, Вафф снова высказал свои сомнения:

— Мои люди не осматривали эту комнату. Откуда я знаю, может быть, здесь есть подслушивающие устройства?

Одраде перешла на исламиат:

— Тогда, может быть, нам стоит говорить на том языке, который известен только нам двоим?

Глаза Ваффа блеснули. Он ответил на том же языке:

— Очень хорошо. Я поддерживаю вашу игру и прошу открыть мне истинную причину несогласия с… Бене Гессерит.

Одраде позволила себе улыбнуться. С переходом на новый язык манера поведения Ваффа разительно изменилась. Более внушительной стала даже его внешность. Он вел себя так, как она и ожидала. В *его* языке не было места сомнениям!

Она ответила в таком же доверительном тоне:

— Простаки думают, что мы можем привести в мир нового Квисатц Хадераха! Именно за это ратуют некоторые Сестры, но их меньшинство.

— Нет никакой нужды в таком человеке, — горячо заговорил Вафф. — Тот, кто может одновременно присутствовать во многих местах, уже был. Он ушел, но оставил на земле своего Пророка.

— Бог не посылает такой вести дважды, — поддержала Ваффа Одраде.

Именно такие откровения чаще всего слышал Вафф на этом языке. Он не удивлялся больше тому, что эта женщина может произносить та-

кие слова. Достаточно было языка и знакомых мыслей.

— Смерть Швандью восстановила согласие среди Сестер? — спросил Вафф.

— У нас общий враг.

— Досточтимые Матроны!

— Ты был настолько мудр, что убил их, кое-что узнав от них.

Мастер подался вперед, захваченный звуками родного языка и всем содержанием разговора.

— Они правят с помощью секса, — выкрикнул он. — У них замечательная техника оргазмического усиления! Мы… — с некоторым опозданием он осознал, кто именно сидит перед ним, и осекся.

— Мы уже давно знаем эту технику, — уверила его Одраде. — Будет интересно сравнить наши подходы, но есть очевидные причины, по которым мы никогда не пытались овладеть властью с помощью такого опасного средства. Эти шлюхи оказались настолько тупы, что решились совершить такую ошибку!

— Ошибку? — он был явно озадачен.

— Они держат вожжи в собственных руках! — сказала Одраде. — По мере усиления власти им приходится усиливать контроль над ней. Их ме-

ханизм разлетится от собственного вращения.

— Власть, одна только власть, — пробормотал Вафф. Его внезапно поразила другая мысль. — Вы хотите сказать, что именно от этого пал Пророк?

— Он знал, что делает, — ответила Одраде. — Тысячелетия насильственного мира после Великого Голода и Рассеяния. Весть имела прямой результат. Помните! Он не разрушил ни Бене Гессерит, ни Бене Тлейлаксу.

— Чего вы ждете от союза между нашими двумя народами?

— Я надеюсь только на одно — на выживание, — ответила Одраде.

— Вы, как всегда, прагматичны, — с упреком произнес Вафф. — Наверное, некоторые из вас боятся, что вы можете восстановить на Ракисе Пророка во всей его первозданной силе?

— Разве я не говорила этого? — Исламиат очень подходил для беседы, состоящей из таких вопросов. Было так легко возложить бремя доказательств на Ваффа.

— Итак, они отрицают Божью длань в создании вашего Квисатц Хадераха, — сказал он. — Но не сомневаются ли они в Пророке?

— Что ж, давайте раскроем наши карты, — сказала Одраде и пустилась в заранее обдуманный

обман. — Швандью и те, кто поддерживал ее, порвали с истинной верой. Мы не держим зла на тех тлейлаксианцев, которые убили их. Они избавили нас от многих хлопот.

Было видно, что Вафф проглотил наживку. Учитывая обстоятельства, это было как раз то, чего следовало ожидать. Он понимал, что очень многое открыл этой женщине, но многое еще оставалось скрыто, но зато что он узнал о Бене Гессерит!

Дальше последовало новое, еще более сильное потрясение.

— Вафф, если вы думаете, что потомки тлейлаксианцев вернулись из Рассеяния такими же, какими были раньше, то воистину глупость стала вашим образом жизни, — проговорила Одраде.

Вафф смолчал.

— Все куски картины в ваших руках, — сказала она. — Ваши бывшие компатриоты сейчас состоят на службе у шлюх Рассеяния, и если вы думаете, что хотя бы кто-то из них будет соблюдать соглашения, то ваша глупость просто не поддается описанию!

Реакция Ваффа показала Одраде, что она взяла его с потрохами. Куски с щелчком сложились в цельную картину. Она сказала ему правду в тот

момент, когда он в ней больше всего нуждался. Его сомнения были теперь направлены в нужное русло — против людей Рассеяния. И сделано это было на его родном языке!

Он попытался заговорить, преодолевая спазму в горле.

— Что мы можем сделать?

— Это же очевидно. Заблудшие положили на нас глаз. Они смотрят на нас, как на объект очередного завоевания. Они хотят оставить от нас мокрое место. Здравый смысл, простонародная мудрость.

— Но их так много!

— Если мы не объединимся и не выработаем план борьбы с ними, то они сжуют нас, как слиньи жуют свою поганую трапезу.

— Мы не можем подчиниться повиндахскому отребью. Бог не допустит этого!

— Кто говорит о подчинении?

— Но Бене Гессерит всегда имел под рукой древнее извинение своим действиям: «Если не можешь их побить, то объединись с ними».

Одраде мрачно улыбнулась.

— Бог не допустит, чтобы вы подчинились! Неужели вы думаете, что он допустит наше подчинение?

— И в чем заключается ваш план? Что вы сможете сделать с этой ордой?

— Наши планы совпадают с вашими — обратить их. Когда вы скажете свое слово, Сестры присоединятся к Истинной Вере открыто.

Вафф ошеломленно замолчал. Итак, она знает сущность плана тлейлаксианцев. Знает ли она о том, как они собираются его подкрепить?

Не скрываясь, Одраде уставила на Ваффа оценивающий взгляд. *Если надо, хватай противника за яйца,* подумала она. Но что, если аналитики Общины ошиблись? В таком случае все эти переговоры не что иное, как невинная, но очень плохая *шутка.* Розыгрыш. В глубине глаз Ваффа таится мудрость, которая намного древнее его плоти. Она заговорила с уверенностью, которой вовсе не испытывала.

— За то, чего вы достигли, выращивая в своих чанах гхола, другие отдали бы все на свете.

Ее слова были достаточно завуалированы (может быть, их все-таки подслушивают?), но теперь Ваффу было окончательно ясно, что Бене Гессерит известно даже это.

— Вы потребуете, чтобы мы поделились с вами и этим? — спросил он хрипло. В горле у него внезапно пересохло.

— Всем! Вы поделитесь с нами всем!

— Что вы дадите за это нам?

— Просите.

— Все ваши журналы скрещиваний.

— Они ваши.

— Селекционные Матери по нашему выбору.

— Назовите их имена.

У Ваффа захватило дух. Это было гораздо больше, чем предлагала ему Верховная Мать. В его сознании словно расцвел чудесный цветок. Конечно, она была права — относительно Досточтимых Матрон и тлейлаксианцев, вернувшихся из Рассеяния. Он никогда не доверял им. Никогда!

— Конечно, вы захотите иметь неограниченный доступ к меланже, — сказал он.

— Конечно.

Он в изумлении смотрел на женщину, сам не веря свалившемуся на него счастью. Чаны с аксолотлями дадут бессмертие только тем, кто разделит Истинную Великую Веру. Никто не осмелится напасть, поскольку будет знать, что Тлейлаксу уничтожит гораздо больше, чем утратит. Вот оно! Он получил в свое распоряжение самую мощную и устойчивую Общину из всех известных. Конечно, здесь видна рука Бога.

Сначала Вафф почувствовал благоговение, потом воодушевление. Он мягко заговорил с Одраде:

— А вы, Преподобная Мать, как вы сами назвали бы наше соглашение?

— Благородная цель, — ответила Одраде. — Вы ведь уже знаете слова Пророка из сиетча Табр. Вы ведь не сомневаетесь в их истинности?

— Никогда! Но… но есть еще одна вещь. Что вы предполагаете сделать с гхола Дунканом Айдахо и девочкой Шианой?

— Мы скрестим их между собой. И их потомки будут говорить со всеми потомками Пророка.

— На всех тех планетах, куда вы их переселите?

— На всех тех планетах, — согласилась Одраде.

Вафф откинулся на спинку кресла. *Ты в моих руках, Преподобная Мать!* — подумал он. *Мы будем править этим союзом, а не вы. Гхола не ваш, он — наш!*

Одраде заметила неискренность в глазах Ваффа, но не стала дальше продолжать разговор. Она и так осмелилась на слишком многое. Кроме того, лишний разговор может возродить сомнения. Как бы то ни было, она сейчас определила курс стратегии Общины Сестер. Тараза тоже не избежит этого союза.

Вафф расправил плечи. Этот юношеский жест не вязался с выражением вековой мудрости в его глазах.

— Да, вот еще что, — перед Одраде сидел Мастер Мастеров Тлейлаксу, привыкший, чтобы окружающие внимали каждому его слову. — Не поможете ли вы распространить этот… этот манифест Атрейдесов?

— Почему нет? Ведь это я написала его.

Вафф рывком подался вперед.

— Вы?

— А вы думали, что его мог написать кто-то, обладающий меньшими способностями, чем я?

Он согласился без дальнейших споров. Одраде убедила его. Вафф уже обдумывал очертания и задачи будущего союза. Мощный ум Преподобных Матерей надо использовать по назначению! Они станут советниками Тлейлаксу на каждом опасном повороте истории. И что за беда, что так много этих шлюх из Рассеяния? Кто сможет устоять против единства мудрости и всесильного оружия?

— Название манифеста тоже соответствует действительности, — сказала Одраде. — Я — настоящий потомок Атрейдесов.

— Вы не станете одной из участниц скрещива-

ния? — отважился спросить Вафф.

— Я уже почти вышла из подходящего возраста, но я могу приказать сделать это любой Сестре по вашему выбору.

Я помню всех своих товарищей по прошлым войнам,
Частица крови каждого из них взывает стоном.
Те стоны запечатлены в каждом, пулей сраженном.
Остались битвы позади, их не хотели мы в пылу никчемном.
Что мы приобрели и потеряли мы в тех войнах?

Песни Рассеяния

Бурцмали разработал свой план, учтя практически все, что он смог узнать от башара, обдумав многочисленные варианты и позаботившись о запасных позициях. Это была прерогатива его как командира! Оценил он и театр предстоящих военных действий.

В эпоху Старой Империи и еще раньше — во времена Муад'Диба местность вокруг Убежища на Гамму представляла собой холмы, покрытые лесом. В бывших владениях Харконненов сохранился заповедник такой лесистой местности. В этом заповеднике росло совершенно замечательное свайное дерево, древесина которого всегда ценилась очень высоко и пользовалась спросом среди самых богатых. С древнейших времен

эти люди, знавшие толк в удобствах, окружали себя предметами обихода из естественных материалов, пренебрегая такими синтетическими заменителями, как поластин, полаз и в новейшие времена пормабат (в самое последнее время эти материалы стали называть сокращенно — тин, лаз и бат). Со времен Старой Империи сохранилось пренебрежительное наименование для представителей Малых Домов, которые тоже узнали о настоящем свайном дереве.

Тех, кто окружал себя подделками, выглядевшими, как изделия из настоящего дерева, презрительно называли свайниками. Такую же кличку получали скупердяи из богатых семейств, которые, имея несколько подделок, старались замаскировать их предметами из великолепной древесины настоящего растения.

Все это было известно Бурцмали, который послал свою разведку, предупредив людей, чтобы они искали стратегически выгодно расположенные заросли свайного дерева вблизи дворца-невидимки. Растение имело древесину, очень привлекательную в глазах ремесленника: свежесрубленное дерево отличалось мягкостью и легкостью в обработке, выдержанная древесина не уступала в твердости металлу. Материал легко

впитывал красители, принимая почти естественную зернистую окраску разных оттенков. Что еще более важно, свайное дерево не поражалось грибами и древоточцами. И наконец, оно не горело. У старых деревьев молодые побеги отрастали от пустого ствола.

— Мы сделаем нечто неожиданное, — пообещал своим людям Бурцмали.

Он заметил светлую зелень листьев свайного дерева, еще когда впервые облетал планету. Оно росло не только в этом районе. Правда, в разросшихся лесах Гамму было много второсортных деревьев, но среди прочих вечнозеленых пород ценных деревьев по приказу Общины Сестер были высажены и свайные деревья, за которыми довольно неплохо ухаживали лесники.

Разведчики Бурцмали нашли рощу свайных деревьев на гребне холма, в котором располагался дворец-невидимка. Широкие листья царственных растений покрывали площадь почти в три гектара. В двенадцать часов назначенного дня Бурцмали расставил приманки на некотором расстоянии от своих позиций и открыл туннель в пустом стволе свайного дерева. Там он оборудовал свой командный пункт и сделал все необходимые приготовления к бегству.

— Дерево — это живая форма, — объяснил он своим людям, — поэтому следящие приборы нас не обнаружат.

Неожиданное.

В своих планах Бурцмали не предполагал, что его действия можно будет полностью скрыть. Поэтому он не стал усиливать позиции, понимая, что чем больше людей он задействует, тем более уязвимым станет его положение.

Когда началась атака, он понял, что она развивается по плану, который он и предсказывал. Он предвидел, что нападающие используют корабли-невидимки и численное преимущество, как и при нападении на Убежище Гамму. Аналитики из Общины Сестер уверили Бурцмали, что большинство нападавших составят силы Рассеяния — потомки тлейлаксианцев, которых используют невиданно жестокие женщины, именующие себя Досточтимыми Матронами. Это была не отвага, а скорее самоуверенность. Настоящая отвага была в арсенале выучеников старого башара. Помогло и то, что теперь сам Майлс мог импровизировать в пределах утвержденного Бурцмали плана.

Через расставленные посты Бурцмали обеспечивал беспорядочный отход Луциллы и Дункана. Патрульные в шлемах, оснащенных приборами

ночного видения, создали видимость активности у позиций-приманок, в то время как сам Бурцмали и его резервные силы старались ничем не обнаружить своего присутствия. Действия Тега, яростно отражавшего нападение, было видно издалека, и его передвижения было легко проследить.

Бурцмали с одобрением отметил, что Луцилла не стала останавливаться, когда до нее донеслись звуки сражения. Однако Дункан попытался вернуться и этим едва не погубил весь план. Луцилла спасла положение, ударив его по чувствительному нерву и рявкнув:

— Ты ничем ему не поможешь!

Услышав ее голос сквозь усилители шлема, Бурцмали тихо выругался. Ее же услышат! Несомненно, ее уже засекли!

Бурцмали неслышно отдал приказ через ларингофон, прикрепленный к шее, и приготовился к отходу с позиции, внимательно следя за приближающимися Луциллой и Дунканом. Если все пойдет по плану, то беглецов скоро препроводят в безопасное место, в то время как два его бойца с непокрытыми головами и без защитных костюмов продолжали, не прячась, бежать к ложным позициям.

Между тем Тег продолжал обороняться, пробивая среди нападавших огромную брешь.

К Бурцмали подбежал ординарец.

— Двое атакующих зашли в тыл к башару!

Бурцмали отмахнулся от подчиненного. Ему некогда было оценивать шансы Тега. Все должно быть брошено на решение одной задачи: спасти гхола. Военачальник внимательно следил за беглецами, мысленно подгоняя их: *Вперед, быстрее, быстрее, будьте вы прокляты!*

Луцилла думала то же самое, подгоняя Дункана вперед и прикрывая его сзади своим телом. Все ее силы были сосредоточены на этом последнем усилии, все ради сопротивления. Вся ее селекционная подготовка проводилась, собственно говоря, только ради таких моментов. *Никогда не сдаваться!* Сдаться значило передать свою память в памяти других Сестер или предать ее забвению. Даже Швандью перед смертью раскаялась и умерла в лучших традициях Бене Гессерит, защищаясь до последнего. Ее смерть была достойна восхищения. Бурцмали рассказал об этом через Тега; собрав все свои бесчисленные жизни в кулак, Луцилла подумала: «Я должна сделать не меньше!»

Они с Дунканом спустились в мелкую боло-

тистую низину рядом с громадным дуплом в свайном дереве. Когда из этого дупла показались люди с явным намерением препроводить их внутрь, в Луцилле проснулся берсерк, но в этот момент чей-то голос на чакобса шепнул ей прямо в ухо:

— Это друзья!

Это задержало ее сопротивление на мгновение, и в этот миг она увидела две фигуры, бегущие в сторону ложных позиций. Именно это раскрыло Луцилле план, она поняла, что это за люди, окружающие ее на площадке, пахнущей листьями свайного дерева. Когда Дункана буквально втолкнули в туннель в стволе дерева и велели бежать быстрее, она поняла, что такое храбрость Тега.

Дункан тоже понял это. Возле мрачного входа в туннель Дункан поймал руку Луциллы и передал ей на боевом языке Атрейдесов: «Пусть они ведут нас».

Сама форма этого сообщения потрясла Луциллу, хотя до нее тут же дошло, что кто-кто, а гхола просто обязан знать этот способ общения.

Не говоря ни слова, люди в форме отобрали у Дункана массивное старинное ружье и втолкнули беглецов в люк неизвестного Луцилле транспортного средства. В темноте вспыхнул

яркий красный огонь и тотчас погас.

Бурцмали безмолвно приказал своим людям:

Вот они!

Двадцать восемь летающих вездеходов и одиннадцать боевых орнитоптеров взлетели с ложной позиции. *Настоящий отвлекающий маневр,* подумал Бурцмали.

Давление на барабанные перепонки усилилось, и Луцилла поняла, что люк захлопнулся. Снова на мгновение вспыхнул красный огонь и наступила темнота.

Реактивная тяга и система электромагнитных подвесок подняли в воздух летающий вездеход, теперь Луцилла поняла, где они находятся. Луцилла могла проследить их маршрут только по вспышкам пламени и звездам, которые иногда становились видимыми через иллюминатор. Окружающее вездеход магнитное поле сделало движение каким-то призрачным, ощущаемым только глазами. Они сидели на пластитовых сиденьях, в то время как экипаж швыряло из стороны в сторону при движении вниз вдоль склона и просеки, которую прожег в лесу Тег. Плоть не чувствовала этого хаотичного перемещения, поле лишило тела пассажиров вездехода привычного веса. Перед глазами плясали обожженные

деревья и звезды на темном небе.

Они летели над самыми вершинами деревьев, искореженных лазерным ружьем Тега! Только сейчас до Луциллы дошло, что они, кажется, свободны! Вездеход внезапно замедлил движение. Звезды пропали из виду. Сила гравитации вернулась и прижала их к сиденьям. Луцилла увидела, как Бурцмали распахнул левый люк.

— Все из машины, живо! — резко скомандовал он.

Дункан выскочил первым, за ним Бурцмали вытолкнул Луциллу, потом схватил Дункана за руку и потащил его подальше от вездехода.

— Быстро, туда!

Сквозь низкорослый кустарник они продрались к узкой вымощенной дорожке. Бурцмали, обхватив за плечи Луциллу и Дункана, силком уложил их в какую-то мелкую канаву, накрыл их защитным одеялом и оглянулся в ту сторону, откуда они прилетели.

Луцилла посмотрела в ту же сторону и увидела освещенный звездами склон холма. Рядом беспокойно переминался с ноги на ногу Дункан.

Над склоном, поднимаясь вверх на столбе красного огня, появился вездеход. Он, словно преодолевая тяжесть, медленно поднимался вверх,

вверх, потом резко качнулся вправо.

— Наши? — прошептал Дункан.

— Да.

— Как же он поднялся, не показавшись на…

— Он прошел по заброшенному подземному акведуку, — прошептал Бурцмали. — Машина запрограммирована на автоматическое передвижение. Он продолжал наблюдать за розовым шлейфом огня. Внезапно из-под машины вывалился сноп синего огня. Вспышка сопровождалась глухим тяжелым ударом.

— Ах-х-х, — выдохнул Бурцмали.

Дункан высказал свои соображения:

— Мне кажется, машина была перегружена.

Бурцмали удивленно уставился на призрачное в свете звезд юношеское лицо гхола.

— Дункан Айдахо был одним из лучших пилотов на службе у Атрейдесов, — сказала Луцилла. Это было почти эзотерическое знание, и оно возымело действие. Бурцмали понял, что он не просто охранник, отвечающий за жизнь двух дрожащих от страха беглецов. Каждый из них обладал способностями и навыками, которые можно было использовать в экстренной ситуации.

В том месте, где взорвался усовершенствованный вездеход, продолжали взлетать к небу

красные и синие искры. Корабли-невидимки кружили над этим местом, словно принюхиваясь к облаку раскаленного газа вблизи дворца-невидимки. Что решили разведчики? Искры, падая, гасли среди громоздившихся холмов.

Бурцмали обернулся на звук раздавшихся сзади шагов. Дункан выхватил пистолет настолько быстро, что Луцилла ахнула от неожиданности. Она схватила Дункана за руку, но он стряхнул ее ладонь с плеча. Разве он не видит, что Бурцмали не встревожился при виде приближающегося человека?

Сверху до них донесся приглушенный голос:

— Следуйте за мной. Поторопитесь.

Говоривший, темный силуэт которого выделялся на фоне еще более глубокой темноты, спрыгнул вниз и быстрым шагом направился в просвет между кустами. Под рядом кустов на фоне снежного покрова склона холма выделялись еще несколько вооруженных фигур. Пятеро окружили Дункана и Луциллу и повели их по снежной дороге вдоль кустов. Остальные солдаты, не скрываясь, побежали по склону к деревьям, темневшим вдалеке.

Приблизительно через сто метров пятерка перестроилась, образовав цепочку, — двое впе-

реди, потом Дункан, в спину которого упиралась Луцилла, и еще трое сзади. Возглавлял движение Бурцмали. Они подошли к расщелине скалы и остановились, видя, как сзади появился еще один модифицированный вездеход.

— Приманка на приманке, — прошептал Бурцмали. — Мы перегрузили их приманками. Они *знают*, что мы будем бежать в панике как можно быстрее. Ну а мы переждем здесь, в укрытии, а потом уберемся отсюда не спеша и пешком.

— Неожиданность? — прошептала Луцилла.

— Что с Тегом? — чуть слышно спросил Дункан.

Бурцмали склонился к уху Дункана.

— Думаю, что его убили, — в голосе начальника послышалась неподдельная грусть.

Одетый в темное солдат из сопровождения произнес:

— Теперь нам надо быстро спуститься вниз.

Их провели сквозь узкую расщелину. Рядом раздался скрипучий звук. Чьи-то руки втолкнули беглецов в темный проход. На этот раз скрип раздался сзади.

— Заприте дверь, — сказал кто-то.

Вспыхнул свет.

Дункан и Луцилла с удивлением принялись

оглядывать большую комнату, очевидно, вырубленную в скале. Пол и стены были покрыты красновато-золотистыми коврами со светло-зеленым зубчатым орнаментом. Возле стола, на котором было кучей свалено какое-то тряпье, сидел Бурцмали и вполголоса разговаривал с одним из сопровождающих — светловолосым человеком с высоким лбом и проницательными зелеными глазами.

Луцилла прислушалась. Слова были понятны (речь шла о расстановке сторожевых постов), непонятен был акцент зеленоглазого — отрывистая, словно спотыкающаяся речь с массой гортанных звуков.

— Это комната-невидимка? — спросила Луцилла.

— Нет, — ответ прозвучал сзади и был произнесен с таким же акцентом. — Нас защищают водоросли.

Она не обернулась, а посмотрела на стены и потолок, увешанные длинными толстыми связками желто-зеленых водорослей. Скальная порода была видна только в нескольких местах у пола.

Бурцмали прервал разговор.

— Здесь мы в безопасности. Эти водоросли выращены специально для прикрытия от обна-

руживающих живое устройств. Сканеры жизни говорят только о присутствии растений, не способных проникнуть сквозь экран водорослей.

Луцилла повернулась на пятках, стараясь рассмотреть детали убранства. Грифоны Харконненов на хрустальных табло, на креслах и кушетках накидки из экзотической ткани. На стойках вдоль стен стояли в два ряда длинноствольные полевые лазерные ружья, которых Луцилла никогда в жизни не видела. Каждое из них имело колоколообразное расширение у дула и золотой щиток возле спускового крючка.

Бурцмали возобновил разговор с зеленоглазым. На этот раз они начали спорить о маскировке. Она слушала вполуха, одновременно рассматривая двоих людей из сопровождения. Трое других вышли из комнаты через проход рядом с ружейным стеллажом. Дверной проем был занавешен длинными серебристыми сверкающими нитями. Дункан внимательно следил за действиями Луциллы, не снимая руки с пистолета, висевшего на поясе.

Люди из Рассеяния? — подумала Луцилла. *Кому они присягнули на верность?*

Будто случайно, она незаметно переместилась поближе к Дункану и, используя язык пальцев,

рассказала Айдахо о своих подозрениях. Они оба, не сговариваясь, посмотрели на Бурцмали. *Измена?*

Луцилла вновь принялась со скучающим видом рассматривать комнату. Интересно, наблюдают ли за ними невидимые глаза?

Освещали комнату девять светильников, вокруг которых освещение было наиболее интенсивным. Свет особенно сильно падал на то место, где Бурцмали все еще разговаривал со своим зеленоглазым собеседником. Кроме плавающих шаров, других светильников не было, а шары располагались под потолком в ряд и были богато изукрашены золотом. Свет мягко отражался от водорослей. В результате в комнате почти не было тени, даже возле кресел, столов и кушеток.

Серебристые нити внутреннего дверного проема разошлись в стороны. В комнату вошла старуха. Луцилла в недоумении уставилась на незваную гостью. Морщинистое лицо старухи напоминало старый потемневший палисандр. Длинные седые волосы, обрамляя узкое лицо, ниспадали почти до плеч. Одета старая женщина была в черную накидку, расшитую золотыми драконами. Она остановилась возле дивана и положила на его спинку опутанные венами руки.

Бурцмали и его товарищ прервали разговор.

Луцилла посмотрела на свою накидку. Если не считать драконов, то накидки были похожи как две капли воды, даже откинутые капюшоны были совершенно одинаковыми. Отличались только застежки.

Женщина молчала, и Луцилла посмотрела на Бурцмали, ожидая объяснений. Бурцмали в свою очередь с напряженным вниманием вгляделся в лицо Преподобной Матери. Старуха тоже рассматривала Луциллу.

Такое повышенное внимание к ее особе вызвало у Луциллы некоторое беспокойство. Дункан, кажется, тоже разволновался. Он уже судорожно сжимал в ладони рукоятку пистолета. Молчание затянулось, неловкость усилилась. Во внешности старухи было что-то от Бене Гессерит.

Дункан первый нарушил молчание, обратившись к башару:

— Кто это?

— Я спасу ваши головы, — ответила старая женщина. У нее был тихий скрипучий голос и тот же странный акцент.

Луцилла напрягла память, призвав на помощь хранилище Чужой Памяти, чтобы сравнить накидку с другими образцами. Так и есть, это

накидка, которую носили в древности проститутки.

Луцилла едва не покачала головой. Конечно, эта женщина не могла быть гулящей. Но как же быть с драконами, вышитыми золотом по черной ткани? Луцилла вновь присмотрелась к старческим чертам увядшего лица. Глаза слезятся от множества возрастных болезней. В местах, где веки отделены от носа морщинами, притаилась сухая корка. Нет, она слишком стара, чтобы быть гулящей.

Старуха заговорила с Бурцмали:

— Думаю, что для нее подойдет эта одежда, она сможет ее носить.

Женщина начала снимать с себя накидку с драконами и произнесла, обращаясь на этот раз к Луцилле:

— Это для тебя. Носи ее с достоинством, нам пришлось пойти на убийство, чтобы раздобыть эту накидку.

— Кого же вы убили? — спросила Луцилла.

— Послушницу Досточтимых Матрон! — в хриплом голосе женщины прозвучала гордость.

— Почему я должна надеть эту накидку? — жестко спросила Луцилла.

— Ты поменяешься со мной одеждой, — сказала

старуха.

— Я не сделаю этого без объяснений, — Луцилла оттолкнула протянутую ей накидку.

Бурцмали шагнул вперед.

— Вы можете ей доверять, — сказал он.

— Я друг ваших друзей, — проговорила старуха. Она тряхнула накидкой перед Луциллой. — Вот, возьми ее.

Преподобная Мать снова заговорила с Бурцмали:

— Я должна знать твой план.

— Мы оба должны это знать, — согласился с Луциллой Дункан. — На каком основании нас просят доверять этим людям? Кто уполномочил вас на это?

— Тег, — ответил Бурцмали. — И я.

Он посмотрел на старуху.

— Можешь все рассказать им, Сирафа. У нас много времени.

— Ты наденешь эту накидку и пойдешь в ней вместе с Бурцмали в Исаи, — сказала Сирафа.

Сирафа, подумала Луцилла. Имя звучит очень похоже на имена представителей чистых линий Бене Гессерит.

Сирафа внимательно посмотрела на Дункана.

— Да, он еще слишком мал. Мы замаскируем

его, и он пойдет отдельно.

— Нет! — отрезала Луцилла. — Мне приказано его охранять.

— Не будь дурой, — грубо ответила Сирафа. — Они будут искать женщину твоей наружности с молоденьким мальчиком. Они не станут придираться ни к воительнице Досточтимых Матрон, идущей под руку со своим ночным кавалером… ни к Мастеру Тлейлаксу и его свите.

Луцилла облизнула языком внезапно пересохшие губы. Сирафа говорила, как настоящий Домашний Проктор.

Сирафа бросила накидку на спинку дивана. Женщина осталась в леопардовом обтягивающем костюме, который позволял видеть стройное тело, с округлостями, которые выдавали тело более молодое, чем лицо. Сирафа провела рукой по лицу и морщины сразу стали мельче, открылось почти молодое лицо.

Лицедел?

Луцилла уставила в женщину тяжелый взгляд. Никаких других признаков, что это лицедел, не было. Однако…

— Снимайте свою накидку, — приказала Сирафа. Теперь и голос ее стал более молодым, в нем появились командные нотки.

— Вы должны это сделать, — вмешался в разговор Бурцмали. — Сирафа займет ваше место в качестве приманки. Это единственный способ проскочить.

— Проскочить куда? — поинтересовался Дункан.

— К кораблю-невидимке.

— И куда он доставит нас? — спросила Луцилла.

— В безопасное место, — ответил Бурцмали. — Мы получим шир, но больше я ничего не могу сказать. Шир тоже выветривается со временем.

— Но каким образом я сойду за тлейлаксианца? — спросил Дункан.

— Верьте нам и все будет сделано, — ответил башар. Он снова посмотрел на Луциллу. — Преподобная Мать?

— Вы не оставляете мне выбора, — призналась Луцилла. Она расстегнула застежку и сбросила накидку, потом сняла с корсажа кобуру с пистолетом и положила оружие на диван. На ней был надет серый леопардовый костюм, и Луцилла заметила, что Сирафа обратила внимание на ножи, заткнутые за голенные ремни.

— Иногда мы носим и черные костюмы, — сказала Луцилла, надевая накидку с драконами.

Выглядела эта одежда тяжелой, но в действительности оказалась на удивление легкой. Одежда пришлась настолько впору, что казалась пошитой специально для Преподобной Матери. Сзади на шее было какое-то шероховатое пятно. Луцилла пощупала его пальцами.

— В этом месте ее поразил дротик, — пояснила Сирафа — мы все сделали очень быстро, но кислота немного разъела ткань. Глазом этот дефект не виден.

— С внешностью все в порядке? — спросил Бурцмали у Сирафы.

— Очень хорошо. Но мне надо ее проинструктировать. Они не должны делать ошибок, иначе их прихлопнут, как мух, — Сирафа как-то по-особому хлопнула в ладоши.

Где я видела этот жест? — спросила себя Луцилла.

Дункан коснулся плеча Луциллы и сообщил ей на тайном языке: *Хлопок руками! Это меньеризм Гъеди Один.*

Хранилище Чужой Памяти подтвердило это сообщение. Значит, эта женщина член сообщества, которое хранит старые обычаи этой планеты?

— Парню пора идти, — сказала Сирафа. Она сделала знак двоим сопровождавшим. — Ведите

его к месту.

— Мне это не очень нравится, — не удержалась от реплики Луцилла.

— У нас нет выбора! — рявкнул Бурцмали.

Луцилле осталось только согласиться. Она понимала, что надо положиться на клятву верности, которую Бурцмали дал Общине Сестер. Да и Дункан вовсе не ребенок, напомнила она себе. Его реакции прана-бинду кондиционированы в нем старым башаром и ею самой. У гхола были такие способности, что соперничать с ним мог далеко не всякий. Она молча посмотрела, как Дункан вышел в сопровождении двух мужчин.

Когда они ушли, Сирафа обошла диван и встала перед Луциллой, упершись руками в бедра. Их взгляды встретились.

Бурцмали нервно откашлялся и потрогал кучу одежды, брошенной на стол.

В глазах Сирафы было что-то повелительное и одновременно притягательное. Глаза были светло-зеленые с белыми склерами. Никаких контактных линз или других искусственных заслонов.

— Выглядишь ты очень правдоподобно, — сказала Сирафа. — Помни, что ты совершенно особая представительница этой профессии, а Бурцмали

твой клиент. Ни один обычный человек не должен тебе мешать.

В тоне женщины Луцилла уловила какой-то скрытый намек.

— А есть такие, которые могут помешать?

— На Гамму сейчас съехались посольства великих религий, — ответила Сирафа. — С некоторыми из них ты никогда не сталкивалась. Они явились сюда из так называемого Рассеяния, как вы это называете.

— А как называете их вы?

— Ищущие, — Сирафа подняла руку в умиротворяющем жесте. — Не бойся, у нас один враг.

— Досточтимые Матроны?

Сирафа отвернулась и с отвращением сплюнула на пол.

— Посмотри на меня, Бене Гессерит! Меня учили только одному — убивать их! Это моя единственная функция и единственная цель!

— Из того, что мы узнали, можно заключить, что ты очень прилежно училась, — осторожно произнесла Луцилла.

— В некоторых отношениях я, вероятно, несколько более искусна, чем ты, а теперь слушай! Ты — сексуальный адепт. Понимаешь?

— Но почему нам должны мешать священ-

ники?

— Ты называешь их священниками? Ну ладно… пусть так. Они могут помешать по любой причине, которую ты даже не можешь себе представить. Секс для удовольствия, враг религии, а?

— Я не принимаю подделок в священной радости, — сказала Луцилла.

— Да защитит тебя Тантрус, женщина! Есть много разных *священников* среди Ищущих, есть и такие, которые не прочь предложить немедленный экстаз вместо обетованного потом.

Луцилла чуть не улыбнулась. Неужели эта самодеятельная киллерша Досточтимых Матрон воображает, что может давать советы Преподобной Матери, как вести себя с представителями религии?

— Здесь есть люди, которые только маскируются под священников, — сказала Сирафа. — Они очень опасны. Самые опасные из них те, кто исповедует религию Тантруса, и объявляют, что секс — это исключительная форма поклонения, которую принимает их Бог.

— Как их распознать? — Луцилла уловила искренность в тоне Сирафы и восприняла ее слова как предостережение.

— Это не главное. Надо действовать так, словно

ты не видишь никакой разницы. Первая забота — это удостовериться, что тебе заплатят. Ты, как я полагаю, стоишь пятьдесят соляри.

— Ты так и не сказала мне, чем они могут помешать, — Луцилла обернулась и посмотрела на Бурцмали. Она заметила, что он снимает с себя боевое снаряжение. Она снова посмотрела на Сирафу.

— Некоторые из них следуют древнему обычаю, согласно которому они имеют право отобрать тебя у Бурцмали. В действительности некоторые из них попытаются попробовать тебя.

— Слушай внимательно, — сказал башар. — Это очень важно. Бурцмали будет одет, как сезонный рабочий. Иначе как объяснить, что у него на руках мозоли от постоянного употребления оружия? Ты будешь называть его Скар — это распространенное в этих местах имя.

— Но как мне вести себя, если в дело вмешается священник?

Сирафа достала из кармана маленький кошелек и протянула его Луцилле, которая зажала его в ладони.

— Здесь двести восемьдесят три соляри. Если подойдет кто-то, кто идентифицирует себя с Божеством… Ты запомнишь это, Луцилла? С

Божеством?

— Как я могу это забыть? — в голосе Преподобной Матери появились насмешливые нотки.

— Если привяжется такой, то ты вернешь пятьдесят соляри Бурцмали и выскажешь ему свое сожаление. В этом же кошельке находится твоя карточка на имя Пиры. Ну-ка произнеси свое имя!

— Пира.

— Нет. Ударение надо ставить на последнее «а».

— Пира!

— Так подойдет. Теперь слушай меня очень внимательно. Ты и Бурцмали будете идти по улице поздно ночью. Предполагается, что у тебя уже были клиенты. Должны быть свидетельства. Следовательно, ты… э-э-э-э… отдашься Бурцмали перед тем, как вы выйдете отсюда. Ты понимаешь?

— Какие тонкости! — сказала Луцилла.

Сирафа восприняла эти слова как комплимент и улыбнулась, но улыбка вышла какой-то слишком натянутой. Какая чуждая у нее реакция!

— Еще один вопрос, — сказала Луцилла. — Если мне придется ублажать Божество, то как я после этого найду Бурцмали?

— Скара!

— Да, как я потом найду Скара?

— Он будет ждать тебя поблизости. Скар отыщет тебя, когда ты выйдешь.

— Понятно, значит, если в дело вмешивается Божество, то я возвращаю Скару сто соляри и…

— Пятьдесят!

— Думаю, что нет, Сирафа, — Луцилла медленно покачала головой. — После того, когда я ублажу это *Божество,* оно поймет, что пятьдесят соляри — это слишком маленькая сумма.

Сирафа поджала губы и посмотрела на Бурц-мали.

— Ты предупреждал меня, но я не предполагала, что…

Луцилла слегка воспользовалась Голосом:

— Ты не можешь ничего предполагать, пока я сама тебе этого не скажу!

Сирафа нахмурилась. Ее несколько озадачил Голос, но она тем не менее не утратила своей надменности, когда снова заговорила:

— Ты хочешь сказать, что не нуждаешься в советах по сексуальному разнообразию?

— Это верное допущение, — сказала Луцилла.

— И мне не надо объяснять тебе, что твоя накидка — это отличительный признак адепта

пятой ступени Ордена Горму?

Теперь настала очередь Луциллы нахмуриться.

— А что, если я продемонстрирую способности, превосходящие эту пятую ступень?

— Ах, вот как, — протянула Сирафа. — Скажи, ты собираешься прислушиваться к моим словам?

Луцилла коротко кивнула.

— Очень хорошо, — продолжила Сирафа. — Ты можешь вызывать у себя вагинальные биения?

— Могу.

— В любой позиции?

— Я прекрасно владею любой своей мышцей.

Сирафа взглянула на Бурцмали.

— Это правда?

Башар стоял сзади очень близко от Луциллы.

— Иначе она бы этого не говорила.

Сирафа снова заговорила, сосредоточенно глядя куда-то на подбородок Преподобной Матери.

— Мне кажется, что это осложнит все дело.

— Пока ты не усвоишь, что мои способности воспитывались отнюдь не для продажи. У них совершенно другая цель.

— Я уверена в этом, — быстро согласилась Сирафа. — Но сексуальная живость есть сексу-

альная…

— …живость! — в тон ей подхватила Луцилла. В ее голосе проявился полный гнев Преподобной Матери. Неважно, чего добивается Сирафа, но ее надо поставить на место.

— Так ты говоришь: живость? Я могу изменять вагинальную температуру. Я знаю пятьдесят одну точку, в которой можно возбудить любого мужчину. Я…

— Пятьдесят одну? Но их же только…

— Пятьдесят одну! — рявкнула Луцилла. — Кроме того, я знаю последовательности плюс две тысячи восемьдесят сочетаний. Кроме того, двести пять сексуальных позиций…

— Двести пять? — Сирафа была ошеломлена. — Но ты же не хочешь сказать…

— На самом деле их больше, если учитывать мелкие нюансы. Я — импринтер, а это значит, что я владею тремястами ступенями оргазмической амплификации!

Сирафа откашлялась и облизнула губы.

— Тогда должна тебя предупредить, чтобы ты сдерживалась. Не проявляй свои способности в полную меру или… — она снова взглянула на Бурцмали. — Почему ты не предупредил меня?

— Я предупреждал.

В его голосе послышались насмешливые нотки, но Луцилла не обернулась, чтобы убедиться в этом.

Сирафа сделала два глубоких вдоха.

— Если возникнут какие-то вопросы, то скажешь, что проходишь испытания на высшую ступень. Это может снять подозрения.

— А если меня спросят о самом испытании?

— О, это очень легко. Загадочно улыбайся и молчи.

— А что мне говорить, если они спросят об Ордене Горму?

— Пригрози, что доложишь своему руководству о таком любопытстве. Все расспросы тотчас прекратятся.

— А если нет?

Сирафа пожала плечами.

— Сочини любую подходящую, на твой взгляд, историю. Твоя уклончивость может привести в замешательство даже Вещающего Истину.

Лицо Луциллы разгладилось. Она обдумывала ситуацию, в которую попала. В это время она услышала, что сзади к ней вплотную подошел Бурцмали-Скар! В этом обмане она не видела особых сложностей. Это будет даже забавной интерлюдией, которую можно будет потом внести

в записи Капитула. Сирафа улыбнулась Бурц… Скару! Луцилла обернулась и посмотрела на своего клиента.

Бурцмали стоял позади нее совершенно голый. Его форма, шлем и оружие были аккуратно сложены возле кучи тряпья.

— Я вижу, Скар не возражает против вашей подготовки к бегству, — сказала Сирафа, указывая рукой на восставший член башара. — Я удаляюсь.

Луцилла слышала, как Сирафа вышла сквозь серебристую занавеску. Внезапно Луциллой овладела злоба.

— Здесь сейчас должен был стоять гхола!

Ваша судьба – забывчивость; главный урок вашей жизни – это потери и обретения; вновь потери и вновь обретения.

Лето II, Голос из Дар-эс-Балата

«Именем нашего Ордена и его нерушимой Общины Сестер это донесение признается надежным и заслуживающим внесения в Хроники Капитула».

Тараза смотрела на слова, появившиеся на ее настольном дисплее с чувством непреодолимого отвращения. Лучи утреннего солнца отбрасывали желтоватые блики на экран, придавая фразе какой-то туманный и мистический вид.

Сердито выпрямившись, Тараза встала из-за стола и направилась к южному окну. На улице занимался новый день, и деревья на внутреннем дворе отбрасывали длинные темные тени.

Надо ли мне прибыть туда лично?

Все в ней сопротивлялось такому решению. Эти апартаменты казались такими… такими надежными. Но это была глупость, и Тараза чувствовала всю безвыходность положения всеми фибрами души. Бене Гессерит присутствовал на планете Капитула уже больше четырнадцати столетий, но все же это пристанище считалось лишь временным.

Левой рукой она оперлась о гладкий прохладный подоконник. Из каждого окна комнаты открывался великолепный вид. Сама комната — ее пропорции, мебель, цвета — все было подобрано архитекторами и строителями так, чтобы создать максимум комфорта и поддержки для обитателей.

Тараза попыталась погрузиться в этот уют и комфорт, но на этот раз попытка не удалась.

Спор, который только недавно отзвучал в этой комнате, оставил в душе горький осадок, хотя стороны говорили вежливые слова, ни на йоту не повышая голоса. Советницы проявили упорство и (она согласилась с ними практически безоговорочно) привели разумные и основательные доводы.

Самим превратиться в миссионеров? И как быть с Тлейлаксу?

Она прикоснулась к панели управления и открыла окно. В помещение проник теплый ветерок, напоенный ароматом цветущего яблоневого сада. Сестры не без основания гордились садами, которые они насадили здесь, в цитадели своей власти и силы. Такого сада, как здесь, не было ни в одном Убежище и ни в одном зависимом Капитуле, которые опутали все планеты, населенные

людьми со времен Старой Империи.

Узнаете их по плодам их, подумала она. *Некоторые из старых религий проявляли великую мудрость.*

С высоты своего кабинета Тараза могла видеть весь квартал зданий Капитула. Тень высокой сторожевой башни неровной линией пролегала по крышам и пересекала двор.

Подумав об этом, она решила, что все строение Капитула слишком мало, чтобы вместить такую великую власть, как у Бене Гессерит. За кольцом садов находились частные владения, эти резиденции были, в свою очередь, окружены богатыми плантациями. Эти поместья занимали вышедшие в отставку Сестры и особенно верные семьи, заслужившие такую милость. На западном горизонте высились зубчатые вершины гор, покрытые иногда сверкающими снегами. В двадцати километрах к востоку простиралось взлетно-посадочное поле космопорта. На открытых пространствах, окружавших Капитул, паслись стада особых животных, которые были весьма чувствительными к посторонним запахам. Эти парнокопытные начинали метаться и дико мычать, если к ним приближался человек, не отмеченный специальным запахом. Внут-

ренние дома, окруженные заборами с колючей проволокой, были расположены тогдашним башаром так, чтобы никто, пересекший вьющиеся по земле каналы, не остался незамеченным.

На первый взгляд все носило характер случайного нагромождения, но в действительности здесь царил железный порядок. И именно это олицетворяло Общину Сестер, думала Тараза.

Позади раздалось вежливое покашливание. Оно напомнило Таразе о тех, кто вчера до хрипоты спорили с ней в Совете, а теперь терпеливо ждали, когда она их примет.

Ждут моего решения.

Преподобная Мать Беллонда хотела убить Одраде, «и делу конец». Но решение по этому поводу так и не было принято.

На этот раз ты все-таки сделала это, Дар. Я ждала, что ты проявишь независимость, но такое!

Беллонда, старая, рыхлая и толстая, с холодными глазами и славившаяся своей природной порочностью требовала, чтобы Одраде осудили, как изменницу.

— Тиран сокрушил бы ее немедленно! — стояла на своем Беллонда.

Неужели это все, чему мы у него научились? —

удивлялась Тараза.

Беллонда говорила, что Одраде не только Атрейдес, но и Коррино. В ее роду было множество императоров, вице-регентов и могущественных администраторов.

Это подразумевает неуемную жажду власти.

— Ее предки пережили Салуса Секундус! — не переставала повторять Беллонда. — Неужели мы никогда ничему не научимся после наших скрещиваний?

Мы научились создавать таких, как Одраде, подумала Тараза.

После того как Одраде пережила муки Пряности, ее послали на планету Аль Данаб, эквивалент Салуса Секундус. Там ее намеренно тренировали для дальнейшей посылки на Ракис. Природа на Аль Данабе была суровой, почти как на прежней Дюне, — высокие скалы и русла пересохших рек, холодные ветры, сменявшиеся знойными пустынными бурями, засухи, чередующиеся с обильными ливнями. Это считалось достаточной испытательной площадкой для тех, кто отправлялся на Ракис. Те, кто выживал в этих условиях, выходили из испытания крепкими, стройными и мускулистыми. Одраде оказалась крепче, чем многие другие.

Как мне разрешить ситуацию?

Самое последнее донесение Одраде гласило, что любой мир, даже такой принудительный, какой был создан Тираном, создает ложную ауру, которая может оказаться смертельной для тех, кто слишком сильно в нее поверит. В аргументах Беллонды были как сильные, так и слабые стороны.

Тараза посмотрела на Беллонду, которая стояла в дверном проеме. *Как она безобразно разжирела! И все еще красуется впереди всех нас!*

— Мы имеем не больше возможностей ликвидировать Одраде, чем возможностей ликвидировать гхола, — сказала Тараза.

Беллонда ответила тихим, спокойным голосом:

— Они оба сейчас слишком опасны для нас. Посмотрите, как ослабила нас Одраде своим рассказом о словах, которые она обнаружила в сиетче Табр!

— Разве послание Тирана ослабило меня, Белл?

— Ты знаешь, о чем я говорю. У Бене Тлейлаксу нет морали.

— Не меняй тему разговора, Белл. Твои мысли мечутся из стороны в сторону, словно мухи вокруг цветов. Что ты действительно здесь учуяла?

— Тлейлаксианцы! Они сделали этого гхола для

своих целей. А теперь Одраде хочет, чтобы мы…

— Ты повторяешься, Белл.

— Тлейлаксианцы изготовляют ярлыки. Их подход к генетике — это не наш подход. Это вообще не человеческий подход. Они фабрикуют монстров.

— Они действительно их фабрикуют?

Беллонда вошла в комнату и, подойдя к Таразе, закрыла от Верховной Матери нишу со статуэткой Ченоу.

— Союз со священниками Ракиса — да, но не с Тлейлаксу! — накидка Беллонды зашелестела, когда она взмахнула сжатыми кулаками.

— Белл! Верховный Священник Ракиса — подделка. Его роль исполняет лицедел. Ты хочешь сказать, что согласна на союз с ним?

Беллонда сердито покачала головой.

— Верующих в Шаи-Хулуда — легион! Ты найдешь их везде. Какова будет их реакция, если всплывет наш обман?

— Нет, ты не права, Белл! Мы поняли, что в этом деле уязвимы только тлейлаксианцы. В этом Одраде права.

— Нет, не права! Если мы заключим с ними союз, то они останутся уязвимыми, а вместе с ними и мы. Нам придется служить планам тлейлакси-

анцев. Это будет похуже, чем наше многовековое подчинение Тирану.

Тараза видела порочный блеск в глазах Беллонды. Ее реакция была вполне понятной. Ни одна Преподобная Мать не могла вспомнить без содрогания те притеснения, которые испытывал Орден во время правления Тирана. Он бил их так, что Сестры не знали сегодня, уцелеют ли они завтра.

— Ты думаешь, что таким глупым союзом мы обеспечим себе вечные поставки Пряности? — спросила Беллонда.

Это был опять все тот же старый как мир аргумент, поняла Тараза. Без Пряности и мук ее трансформации не может существовать институт Преподобных Матерей. Шлюхи из Рассеяния наверняка имеют целью захват меланжи. Они хотят отнять Пряность у Бене Гессерит и наложить на нее лапу.

Тараза подошла к столу и села на кресло-собаку, которое приняло очертания ее фигуры. Это была проблема. Присущая только Бене Гессерит проблема. Хотя Сестры непрерывно искали и экспериментировали, им так и не удалось до сих пор найти подходящий заменитель Пряности. Космическая гильдия нуждалась в Пряности не меньше, чем Сестры, но они могли заменить ее

иксианскими машинами. У Гильд-навигаторов была альтернатива.

У нас ее нет.

— И мы до сих пор не знаем, что тлейлаксианцы сделали с нашим гхола!

— Одраде откроет эту тайну.

— У нас нет достаточных оснований прощать ей измену!

Тараза заговорила, не повышая голоса:

— Мы ждали этого момента много поколений, а ты предлагаешь уничтожить весь проект одним махом, — она стукнула ладонью по столу.

— Блистательный ракисский проект больше не принадлежит нам, — заявила Беллонда, — и, наверное, никогда уже не будет принадлежать.

Сосредоточившись, Тараза попыталась снова оценить этот набивший оскомину аргумент. Он уже обсуждался во время последней встречи, состоявшейся вчера и закончившейся ничем.

Был ли проект гхола запущен первоначально Тираном? Если так, то что они могут сделать? Что они должны сделать?

За время долгого обсуждения мнение меньшинства было знакомо всем. Швандью мертва, но ее сторонники живы, и, кажется, Беллонда примкнула к ним. Не связала ли себя Община

Сестер фатальными обязательствами? Сообщение Одраде о надписях в сиетче Табр можно расценивать как грозное предупреждение. Одраде подчеркнула это, рассказав, что эти надписи вызвали у нее обострение чувства опасности. Ни одна Преподобная Мать не могла бы легко пройти мимо такого сигнала.

Беллонда выпрямилась и скрестила руки на груди.

— Мы никогда не ускользаем из-под влияния наших учителей из раннего детства и от тех образцов, которые они нам преподали, не правда ли?

Это был типичный аргумент для диспутов Бене Гессерит. Он напоминал Сестрам об их особенной восприимчивости к образцам.

Мы внутренние аристократы, и власть унаследуют наши отпрыски. Да, мы восприимчивы и блестящее подтверждение тому — Майлс Тег.

Беллонда выбрала свободное кресло и села, не отрывая взора от лица Таразы.

— На пике Рассеяния мы потеряли около двадцати процентов наших неудачниц, — сказала она.

— Я не считаю неудачницами тех, кто вернулся к нам.

— Но Тиран наверняка знал, что это произойдет!

— Рассеяние было его целью, Белл. Это его Золотой Путь выживания человечества.

— Но мы же знаем, как он относился к Тлейлаксу! И тем не менее он не уничтожил его!

— Он желал разнообразия.

Беллонда стукнула кулаком по столу.

— Он наверняка предвидел все это!

— Мы уже набили мозоль на языке, споря об этом, — устало возразила Тараза. — И все же я не вижу способа избежать того, что сделала Одраде.

— Это небывалое унижение!

— Вовсе нет. Разве мы когда-нибудь были в униженном положении при императорах до Тирана? Нет, даже при Муад'Дибе!

— Мы все еще находимся в ловушке Тирана, — обвиняющим тоном сказала Беллонда. — Скажи мне, почему тлейлаксианцы продолжали производить его любимых гхола? Проходят тысячелетия, а этот гхола продолжает выпархивать из их чанов, как пляшущая кукла.

— Ты думаешь, что тлейлаксианцы продолжают следовать приказам Тирана? Если так, то ты споришь не со мной, а с Одраде. Она создала блестящие условия для того, чтобы проверить это.

— Ничего он не приказывал! Он просто сделал этого гхола чрезвычайно привлекательным для Бене Тлейлаксу.

— Но не для нас?

— Верховная Мать, сейчас мы должны любой ценой вырваться из ловушки Тирана! Причем прямым способом.

— Окончательное решение за мной, Белл. Я склоняюсь к союзу, хотя и мягкому.

— Тогда давайте убьем хотя бы гхола. Шиана может иметь детей. Мы могли бы…

— Это будет не сейчас, и вообще Шиана предназначена не для программ скрещивания!

— Но такой момент может наступить, и тогда мы будем обсуждать такую возможность. Что, если ты ошибаешься относительно силы предзнания Атрейдесов?

— Все твои предложения, Белл, направлены на отчуждение нас от Ракиса и Тлейлаксу.

— Община Сестер выдержала пятьдесят поколений на нашем запасе меланжи. По большей части за счет рационального поведения.

— Ты полагаешь, что пятьдесят поколений — это достаточно длинный срок, Белл? Ты понимаешь, что такое отношение — это причина того, что не ты сидишь в моем кресле?

Беллонда гневно выпрямилась, кресло заскрипело под ее тяжестью. Тараза видела, что ей не удалось убедить оппонента. Беллонде нельзя больше доверять. Видимо, именно ей придется умереть. Но где здесь благородная цель?

— Это приведет нас в никуда, — произнесла Тараза. — Оставь меня.

Оставшись одна, Верховная Мать снова обдумала послание Одраде. Зловеще. Было совершенно ясно, почему Беллонда и другие с такой яростью отреагировали на него. Но это, кроме всего прочего, говорило о том, что власть ускользает из ее, Таразы, рук.

Нет, не настало еще время Общины высказывать последнюю волю и писать завещание.

Странно, но и Беллонда, и Тараза испытывали один и тот же страх, который, правда, привел их к диаметрально противоположным решениям. Интерпретация Одраде надписей на камнях Ракиса содержала в себе старинное предупреждение.

И это тоже пройдет.

Погибнем ли мы сейчас, раздавленные бесчисленными ордами, явившимися из Рассеяния?

Но… тайна чанов с аксолотлями почти в руках Общины.

Если мы добьемся этого, то добьемся всего!

Тараза оглядела убранство комнаты. Власть все еще не ускользнула из рук Бене Гессерит. Капитул остается сокрытым от всех любопытных за оградой из кораблей-невидимок, и никто не знает местоположения Капитула, кроме Сестер, знание которых запечатлено в их головах. Они невидимы. Но… ведь бывают и случайности. Так что пока невидимы.

Тараза расправила плечи. Прими меры предосторожности, но не живи в их тени, испытывая постоянный страх. В этом деле очень полезна Литания против страха.

Если бы это предупреждение исходило не от Одраде, то не было бы так страшно продолжать идти по Золотому Пути, не было бы так боязно потревожить тень Тирана.

Этот проклятый талант Атрейдесов!

Не более чем обыкновенное тайное общество?

В отчаянии Тараза заскрипела зубами.

Чужая память — ничто, если она не ведет к благородной цели.

Но что, если это правда, и Орден больше не слышит музыку жизни?

Будь он проклят! Этот Тиран достает их даже из могилы.

Что он пытается сказать нам? Его Золотой

Путь вне опасности. Рассеяние было предусмотрено. Люди распространились на множество планет во множестве направлений. Человечество выбросило свои побеги в разные стороны, как иглы ежа.

Видел ли он возвращающихся из Рассеяния своим внутренним взором? Видел ли он безобразное бородавчатое пятно на своем Золотом Пути?

Он знал, что мы будем подозревать, что его власть над нами сохранилась. Он знал это!

Тараза подумала о бесчисленных посланиях Заблудших, которые теперь стремились вернуться к своим корням. Замечательное разнообразие людей и их изделий сочеталось с не менее замечательной степенью секретности и интриг. Корабли-невидимки, оружие и невероятно сложные приборы — разные народы и разные способы.

Некоторые из этих достижений необычайно примитивны, по крайней мере на первый взгляд.

Но они хотели чего-то большего, чем меланжа. Тараза понимала тот мистический порыв, который гнал этих людей назад.

«Мы хотим знать ваши старые секреты».

Послание Досточтимых Матрон было еще более недвусмысленным: «Мы возьмем то, что хотим».

Одраде все рассудила очень правильно, подумала Тараза. *У нее в руках Шиана. Скоро, если верить Бурцмали, туда прибудет и гхола. У нее в руках Мастер Мастеров Тлейлаксу. Скоро она покорит весь Ракис!*

Если бы только она не была Атрейдес.

Тараза вновь бросила взгляд на слова, продолжавшие мерцать на ее настольном проекторе. Сравнение нынешнего Дункана Айдахо со всеми предыдущими, которые были убиты. Каждый следующий гхола немного, но отличался от своих предшественников. Это было вполне ясно. Тлейлаксианцы что-то совершенствовали в своих системах. Но что? Очевидно, мастера Тлейлаксу искали способ улучшения лицеделов, имитировать других людей не просто, как копии с той же памятью, а всю личность, с ее идентификацией, мышлением и чувствами. Это будет форма бессмертия, более притягательная, чем та, которой тлейлаксианцы достигли в настоящее время. Вот почему тлейлаксианцы так послушно делали гхола.

Ее собственный анализ и анализ советниц говорили о том, что такие копии просто станут теми людьми, которых копируют. Сообщения Одраде по поводу Туэка позволяют сделать в этой связи

далеко идущие предположения. Даже мастера Тлейлаксу в этом случае не смогут выбить из копии исходные мысли, чувства и поведение скопированного человека.

И его веру.

Будь проклята эта Одраде! Она загнала своих Сестер в угол. У них нет теперь другого выбора, кроме как следовать ее курсом, и Одраде знала это!

Как она смогла это узнать? Или это снова проявление ее дикого таланта?

Я не могу действовать слепо, я должна знать и понимать.

Тараза проделала специальное упражнение, чтобы вернуть себе спокойное расположение духа. Нельзя принимать важные решения в подавленном состоянии. Помогла статуэтка Ченоу, один взгляд на которую успокоил Тразу. Поднявшись с кресла, Тараза вернулась к своему любимому окну.

Ей захотелось есть.

Я поем сегодня с послушницами.

Очень помогало иногда собрать вокруг себя молодых и возрождать обычай совместных трапез — утренних, дневных и вечерних. Это цементировало Общину, к тому же общение с

молодежью доставляло радость. Можно было в непринужденной беседе коснуться глубоких тем о силах, которые существовали, потому что Бене Гессерит нашел способ движения в потоке этого существования.

Эти мысли помогли Таразе восстановить душевное равновесие. Изводящие проблемы можно на время отложить. С ними надо разбираться беспристрастно.

Одраде и Тиран правы: *Без благородной цели мы — ничто.*

Но нельзя было отмахнуться от факта, что решения на Ракисе принимал человек, не свободный от пороков, присущих Атрейдесам. Одраде всегда проявляла слабости этого рода. Проявляла снисходительность к ошибкам послушниц. Такое поведение порождало привязанность.

Опасную и затуманивающую ум привязанность.

Это ослабляло и остальных, которым потом приходилось расплачиваться за расслабление. Приходилось призывать более компетентных Сестер и передавать Заблудших в их руки, чтобы исправить ошибки и победить слабость. Конечно, поведение Одраде выявляло недостатки послушниц, и она именно так мотивировала свои

поступки. Это надо честно признать.

Размышляя таким образом, Тараза заметила, что в ее душу прокралось что-то едва осязаемое и мощное. Пришлось подавить глубокое чувство одиночества. Какое мучительное чувство. Меланхолия могла также затуманивать разум, как и привязанность… или даже любовь. Тараза и обитатели ее памяти единодушно утверждали, что такая меланхолия является следствием осознания неизбежности смерти. Она вынуждена постоянно противостоять мысли о том, что настанет день, и от нее останется только набор воспоминаний, который будет достоянием живой плоти других Сестер.

Память и случайные открытия, думала Тараза, делали ее уязвимой. А ведь именно сейчас от нее требуется величайшая собранность.

Но я еще не умерла.

Тараза знала, как восстановить себя. И знала последствия такого шага. После таких приступов меланхолии у нее появлялась неимоверная жажда жизни, усиливалось осознание цели. Отклонения в поведении Одраде были источником силы Верховной Матери.

И Одраде знала это. Власть Преподобной Матери над Сестрами становилась крепче после

припадков меланхолии. Другие тоже видели это, но только Одраде делала верные выводы.

Вот так!

Тараза поняла, что открыла дурные семена своей подавленности.

По нескольким случаям Одраде знала, что лежало в основе поведения Верховной Матери. Из ее жизни Одраде сделала крик ярости, направленной против использования других в своих целях. Сила этой подавленной ярости могла быть использована, хотя ярость никогда не выражалась способом, который ее спровоцировал. Эту ярость невозможно утишить. Как же это больно! И знание Одраде делало эту боль еще сильнее.

Такие поступки достигали своей цели. Нелегкие обязанности, наложенные руководством Бене Гессерит, развили у Верховной некие ментальные мускулы. Вокруг болевых точек нарастали мозоли, которые препятствовали проникновению посторонних в эти точки. Любовь — одна из самых опасных сил во всей вселенной. От нее надо защищаться всеми доступными способами. Преподобная Мать не должна проявлять интимность в отношениях, даже ради службы Бене Гессерит!

Симуляция: мы по необходимости играем спа-

сительную для себя роль и этим уцелеет Бене Гессерит!

Сколько времени на этот раз продлится их подчиненное состояние? Еще три с половиной тысячи лет? Ну пусть, черт бы их всех побрал! Все равно это будет лишь временное отступление.

Тараза отвернулась от окна. Ее равновесие восстановилось полностью. В душу и тело влились новые силы. Эти силы были достаточны, чтобы преодолеть грызущее чувство сопротивления принятию окончательного решения.

Я отправлюсь на Ракис.

Нельзя больше поддаваться своему нежеланию.

Возможно, мне придется сделать то, чего так хочет Беллонда.

Выживание индивида, вида и окружающей среды – вот что движет людьми. Можно наблюдать, как шкала ценностей претерпевает изменения в течение жизни. Что является самым важным в данном возрасте? Погода? Состояние пищеварения? Заботы человека? Все это различные виды голода, который чувствует живая человеческая плоть и всякий раз надеется удовлетворить. Что еще может иметь хоть какое-то значение?

Лето II, Хви Нори, Голос из Дар-эс-Балата

Майлс Тег очнулся в темноте. Его несли на ременных подвесках, опутанных тусклыми лампочками, едва рассеивавшими мрак.

Во рту стоял противный кислый вкус рвоты, руки были скручены за спиной, но глаза остались незавязанными.

Значит, им все равно, что я увижу.

Кто были эти *они*, Тег не знал. Лежа в раскачивающихся носилках и видя рядом переваливающиеся при ходьбе фигуры, Тег мог лишь сказать, что его несут вниз по склону холма. Полозья? Носилки мягко покачивались на ременных подвесках и двигались очень ровно, без толчков.

Он слышал, как едва слышно скрипнули ремни, когда носилки остановились, а сопровождающие обсудили между собой, как преодолеть трудный перевал.

Впереди то и дело мелькал какой-то свет. Вот они достигли освещенного участка и остановились. Приблизительно в трех метрах над землей плавал светильник, привязанный к шесту и колыхавшийся от дуновений холодного ветра. В желтом свете Тег разглядел черную хижину и множество следов на утрамбованном снегу. Поляна была окружена редким кустарником и несколькими деревьями. Чья-то рука поднесла к его лицу яркий фонарь. Никто не произнес ни слова, но Тег уловил повелительный жест руки и его понесли к хижине. Никогда еще не приходилось Тегу видеть такой развалюхи. Казалось, что строение вот-вот рассыплется от малейшего прикосновения. Можно было держать пари, что крыша протекает.

Люди снова пошли, перенося своего пленника в хижину. При неярком свете он успел рассмотреть лица конвоиров. На лицах были маски, закрывавшие рот и нос, оставляя свободными только глаза. Верхняя часть лица была прикрыта капюшонами. Одежда была массивная и скрывала

практически все тело за исключением рук и ног.

Привязанный к шесту светильник погас.

Дверь открылась, и из хижины хлынул яркий свет. Тега внесли внутрь и носильщики покинули хижину, закрыв за собой дверь.

После непроглядной тьмы свет в хижине показался ослепительным. Он несколько раз моргнул, привыкая к свету. Со странным чувством нереальности происходящего он огляделся. Он ожидал, что внутреннее убранство хижины соответствует ее внешнему виду, но ошибся. Он находился в опрятной комнате, где стояли несколько кресел, стол и… Иксианский Зонд. Они что, не чувствуют запах шира? Он же весь пропитан этим снадобьем!

Если они настолько невежественны, то пусть их пробуют свой зонд. Для него это будет страшное мучение, но они все равно ничего не узнают.

Сзади что-то щелкнуло, и этот щелчок показался Тегу очень знакомым. В комнату вошли три человека и выстроились вокруг носилок, разглядывая Тега. Тег тоже принялся их рассматривать. В хижине царило тягостное молчание. Один из троих был одет в темный комбинезон с отворотами. Мужчина. У него было квадратное лицо — Тег часто встречал такие у уроженцев Гамму

— маленькие, как бусинки, глазки внимательно рассматривали пленника. Это было лицо инквизитора, которого не остановят крики пытаемой жертвы. Этот тип людей — прямые наследники Харконненов. Эти люди способны причинять страшную боль и при этом не меняться в лице. Узколобые негодяи.

Второй, стоявший у ног Тега, был одет в серое с черным обмундирование и мало чем отличался от людей, доставивших Майлса в хижину. Вкрадчивое, почти ласковое выражение лица, коротко остриженные волосы. Лицо ничего не выражало, да и одежда скрывала фигуру. Трудно было даже сказать, мужчина это или женщина. Тег хорошо запомнил лицо: широкий лоб, квадратный подбородок, большие зеленые глаза над узким носом, маленький рот, скривившийся в гримасе отвращения.

На третьем участнике группы Тег задержал свое внимание дольше всего. Длинный, сшитый на заказ черный комбинезон, сверху накинута черная куртка. Прекрасно пригнана по фигуре и очень дорогая. Никаких украшений или знаков различия. Определенно, мужчина. Человек не испытывал ничего, кроме скуки, это было его единственное чувство, и Тег пристально при-

смотрелся к нему. Узкое, надменное лицо, карие глаза, тонкие губы. Скука, скука, скука. Было ясно, что для него это пустая и непонятная трата времени, его оторвали от более важного занятия. Он занят чем-то очень важным и не здесь. Два подчиненных должны были это хорошо усвоить.

Этот, подумал Тег, *официальный наблюдатель.*

Этот скучающий тип прислан сюда хозяевами планеты, чтобы доложить, что здесь произойдет. Где его кейс с данными? Ах да: вон он, стоит возле стены. Для таких функционеров кейс — это своего рода удостоверение личности, бляха с номером. Во время своих инспекционных поездок Тег часто встречал на улицах этих людей. Их кейсы были похожи как две капли воды — тонкие, узкие чемоданчики. Чем выше пост чиновника, тем меньше чемоданчик. В таком кейсе едва ли поместится несколько катушек с данными и одна телекамера. Без этой камеры мы не можем — еще бы, как же нам иначе немедленно связаться с начальством? Кейс у нашего героя тонкий — очень большой начальник, важная птица.

Тегу вдруг стало интересно, что ответит функционер, если он вдруг спросит: «Что вы расскажете им о моем самообладании?»

Правда, ответ был ясно написан на этом сытом холеном лице. Он просто не удостоит Тега ответом. Он здесь не для того, чтобы отвечать на всякие дурацкие вопросы. Уходя, он пойдет, как журавль, не сгибая ног и делая длинные шаги. Все его внимание будет устремлено вдаль, туда, где ждут его очень могущественные люди, которым он служит. Он будет постукивать кейсом по ноге, напоминая себе и тем, кто его окружает, что он очень важная персона.

Массивная фигура в ногах заговорила. Судя по вибрирующим интонациям голоса, это несомненно была женщина.

— Смотрите, как он держится и как наблюдает за нами? Молчание не сломит его. Я говорила вам об этом. Вы теряете время, а у нас не так его много, чтобы переводить попусту на всякий вздор.

Тег уставился на нее во все глаза. Что-то в поведении женщины показалось ему знакомым. Такое всепобеждающее убеждение исходит только от Преподобных Матерей. Неужели это возможно?

Уроженец Гамму — тип с квадратным лицом — кивнул.

— Вы правы, Матерли. Но здесь распоряжаюсь не я.

*Матерли? — у*дивился Тег. *Имя или титул?*

Оба посмотрели на функционера. Тот повернулся и взял свой кейс, достал оттуда видеоглаз и включил его. Вспыхнул зеленоватый индикатор, осветивший фигуру наблюдателя. Улыбка сбежала с его лица, он сосредоточенно заговорил очень тихим голосом, едва шевеля губами. Его понимал только тот, кто находился на противоположном конце канала связи.

Тег скрывал свою способность читать по губам. Всякий, прошедший школу Бене Гессерит, мог это делать, причем под любым углом зрения. Мужчина говорил на старом галахском наречии.

— Можно считать точно установленным, что это башар Тег, — сказал он. — Я провел идентификацию.

Зеленый огонек заплясал на лице функционера, пока он смотрел в экран прибора. Видимо, тот, кто с ним разговаривал, был в сильном возбуждении, если степень мигания огонька о чем-то говорила.

Губы функционера снова задвигались.

— Никто из нас не сомневается, что он кондиционирован к боли, кроме того, от него пахнет широм. Он будет…

Мужчина замолчал, на его лице снова заплясал

блик огонька.

— Я не ищу извинений, — мужчина тщательно произносил древние галахские слова. — Вы же знаете, что мы сделаем все, что в наших силах, но я настаиваю, чтобы мы применили другие меры воздействия, чтобы скорее получить гхола.

Огонек погас.

Функционер прицепил прибор к поясу, повернулся к своим товарищам и энергично кивнул.

— Т-проба, — сказала женщина.

Они приложили датчики к голове Тега.

Итак, это называется Т-пробой, подумал Тег. Он посмотрел на капюшон, который набросили на его голову. На капюшоне не было клейма Икса.

Тег испытал странное чувство *deja vu.* Было такое чувство, что этот захват в плен случался в прошлом много раз. Это было не просто единичное дежавю, нет это было давно знакомое, привычное ощущение. Плен, допрос, эти трое… зонд, датчики. Он чувствовал себя опустошенным. Откуда он может знать все это? Он никогда не пробовал работать с зондом, но тщательно изучал литературные данные о его использовании. В Бене Гессерит при допросах часто использовались болевые воздействия, но следователи

больше полагались на показания Вещающего Истину. Более того, многие Сестры полагали, что использование при допросах сложной техники может поставить Общину в подчиненное положение по отношению к Иксу. Это было признанием слабости, неспособности обойтись без презренных машин. По мнению Тега, в этом содержался отголосок Джихада Слуг, похода против машин, способных проникнуть в мышление и память человека.

Дежавю!

Логика ментата требовала понять: *Откуда мне известно это ощущение?* Он знал, что никогда не был в плену. Какое забавное смещение ролей! Великий башар Тег — военнопленный? На это можно только улыбнуться. Но странное чувство пережитого сохранялось.

Следователи надели ему на голову капюшон и начали по одному прикреплять к коже головы датчики, похожие на медуз. Функционер следил за работой своих товарищей; изредка на его бесстрастном лице выражалось нетерпение.

Тег сконцентрировал внимание на трех лицах. Кто из них будет играть роль «друга»? Ах да, вот эта очаровашка, Матерли. Это что, тип Досточтимой Матроны? Однако никто из этих людей не

обращался к ней так, как обращаются к Матронам, судя по рассказам Заблудших.

Это были люди из Рассеяния, вероятно, за исключением мужчины с квадратным лицом в коричневом комбинезоне. Тег внимательно рассмотрел женщину: шапка седых волос, спокойствие широко расставленных зеленых глаз, слегка выдвинутый вперед подбородок, создающий впечатление надежности и солидности. Она и была довольно удачно подобрана на роль «друга». Лицо Матерли было маской респектабельности, лицом человека, которому можно доверять. Однако Тег заметил в ней и некоторую отчужденность. Она будет внимательно наблюдать за ним, чтобы точно определить момент, когда надо вмешаться. Совершенно очевидно, что она если не принадлежит Бене Гессерит, то прошла там подготовку.

Или ее готовили Досточтимые Матроны.

Следователи закончили с приготовлениями. Все датчики были наложены. Уроженец Гамму нажал кнопку на консоли и развернул ее так, чтобы всем троим был виден дисплей. Экран зонда был скрыт от Тега.

Женщина вытерла лицо Тега от рвотных масс, тем самым подтвердив свою роль в предстоя-

щем спектакле. От нее должно исходить чувство комфорта. Тег поворочал языком, ощупывая губы. Чувствительность восстановилась. Лицо и грудь все еще ничего не чувствовали после удара, свалившего его наземь. Когда это случилось? Однако, если верить движениям губ начальника, Дункану удалось бежать.

Уроженец Гамму выжидательно посмотрел на наблюдателя.

— Можете начинать, Иар, — разрешил функционер.

Иар? — удивился Тег. Очень любопытное имя. Звучит, как имя тлейлаксианца. Но Иар не лицедел… и не Мастер Тлейлаксу. Слишком рослый, к тому же нет стигм. В этом Тег был уверен, выучка в Бене Гессерит не прошла для него даром.

Иар коснулся ручки управления на консоли зонда.

Тег услышал, как он сам вскрикнул от боли. Он не был готов к такой сильной боли. Должно быть, они включили свою адскую машину с первого раза на полную мощность. В этом нет никаких сомнений! Они же знают, что он ментат, а ментат может отключить крик плоти. Но это было настоящее мученичество! И этого нельзя было избежать. Мука прошла сквозь все тело, грозя

выключить сознание. Защитит ли шир от этого зонда?

Боль стала проходить, потом совсем исчезла, оставив только вызывающие дрожь воспоминания.

Опять!

Он вдруг подумал, что нечто подобное испытывают воспитанницы Бене Гессерит, проходя муки Пряности. Нет, более сильной боли просто не может быть. Он сопротивлялся изо всех сил, стараясь не кричать, но ничего не вышло. Он хрипел и стонал. Он пустил в ход все, чему его учили в Бене Гессерит, в школе ментатов — он использовал все и сумел не произнести ни слова, не попросить о прекращении пытки и не пообещать рассказать им все, лишь бы кончилась эта боль.

Боль утихла, потом вернулась с новой силой.

— Хватит! — это произнесла женщина. Тег с трудом вспомнил ее имя: *Матерли?*

Иар угрюмо произнес:

— В нем столько шира, что хватит, пожалуй, на год. — Он показал рукой на консоль. — Ничего, пусто.

Тег часто и поверхностно дышал. Какая мука! Боль еще усилилась, несмотря на протесты Матерли.

— Я же сказала: «Хватит!» — крикнула она.

Какая искренность, подумал Тег. Он почувствовал, что боль возвращается. Она была настолько сильна, что Тегу казалось, что из его тела по одному вытягивают все нервы.

— Мы все делаем неправильно, — заговорила женщина. — Этот человек…

— Он такой же, как и всякий другой человек, — возразил Иар. — Может быть, мне стоит приложить пару электродов к его члену?

— Нет, пока я здесь, — сказала Матерли.

Тег был почти тронут ее искренностью. Остатки боли покинули его плоть, и Тег чувствовал себя так, словно его подвесили над поверхностью, на которой он лежал. Чувство дежавю сохранялось. Он был здесь и одновременно где-то в другом месте. Он был и одновременно его не было.

— Им не понравится, если у нас ничего не получится, — сказал Иар. — Ты готова предстать перед ними с еще одной неудачей?

Матерли отрицательно покачала головой. Она наклонилась и взглянула в глаза Тегу сквозь путаницу проводов.

— Башар, простите нас за то, что мы делаем. Поверьте мне, нам очень жаль, что приходится этим заниматься. Но это не я придумала. Прошу

вас, я нахожу это отвратительным. Скажите нам все, что нам надо, и мы не будем причинять вам страдания.

Тег улыбнулся женщине. Она была хороша! Он перевел взгляд на функционера.

— Скажите своим хозяевам, что вы удачно подобрали эту женщину. Она прекрасно справляется со своей ролью.

Кровь бросилась в лицо функционеру. Он скорчил недовольную мину.

— Дайте ему по максимуму, Иар.

У него оказался высокий отрывистый тенор, лишенный всяких следов тренировки, которую демонстрировала Матерли.

— Прошу вас! — сказала Матерли, выпрямившись, но не отрывая взгляда от глаз Тега.

Учителя в Бене Гессерит учили Тега: «Следи за глазами! Наблюдай, как изменяется фокус. Когда взор устремлен вдаль, человек смотрит в себя».

Он намеренно стал смотреть на ее нос. Лицо не показалось ему безобразным. Интересно, какая у нее фигура?

— Иар! — это был голос функционера.

Иар подкрутил какие-то верньеры на консоли и нажал кнопку.

Мучение, которое при этом испытал Тег, ска-

зало ему, что предыдущий уровень боли был, пожалуй, ниже. С новым приступом боли внезапно пришла ясность. Тег почувствовал, что может отстраниться от вмешательства следователей. Вся эта боль обрушилась на кого-то другого. Он нашел гавань, в которой его ничто больше не волновало и не трогало. Боль была. Даже мучительная боль. Он как бы принимал сообщения об этой боли. Конечно, частично такое отношение к боли можно было объяснить действием шира, спасибо ему за это!

До его сознания донесся голос Матерли:

— Думаю, что мы его теряем. Уменьши силу.

Женщине ответил другой голос, но что он сказал, Тег не успел расслышать, потому что мир погрузился в тишину. Он вдруг понял, что сознание сорвалось с якоря и понеслось по воле следователей. Тишина! Ему казалось, что он слышит, как часто бьется от страха его сердце, но не был в этом уверен. Все было тишина, покой и неподвижность. Кроме этого в мире не было больше ничего!

Я еще жив?

Он услышал сердцебиение, но не был уверен, что это бьется именно его сердце. *Тук-тук! Тук-тук!* Было ощущение движения, но не было

звуков. Он не мог уловить источник этого движения.

Что со мной происходит?

Слова вспыхивали, словно яркие белые огни на фоне черноты сознания:

— Я снизил до одной трети.

— Оставь так. Может быть, мы сможем что-то прочитать по физическим реакциям.

— Он все еще слышит нас?

— Только подсознательно.

Инструкторы никогда не говорили Тегу, что эта дьявольская машина может работать в присутствии шира. Но эти ублюдки назвали прибор Т-зондом. Могут ли физические реакции на боль стать ключом к подавлению мышления? Могут ли физические реакции выдать мысли?

Перед зрительными центрами Тега вновь замелькали огненные слова.

— Он все еще изолирован?

— Совершенно точно. Погрузи его еще немного глубже.

В своем сознании Тег пытался подняться над страхом.

Я должен во что бы то ни стало владеть собой!

Что может открыть им его тело, если он пере-

станет им владеть? Он представлял себе, что они делают, и его ум регистрировал панику, но плоть не чувствовала вообще ничего.

Изолировать субъект. Его идентичность должна оказаться нигде, чтобы он забыл, кто он.

Кто это сказал? Кто-то. Чувство дежавю вернулось в полной силе.

Я — ментат, напомнил он себе. *Мой ум и его работа — это мой центр.* У него есть опыт и память, на которые центр может опереться.

Боль вернулась. Звуки. Громкие. Очень громкие!

— Он опять слышит нас, — это Иар.

— Как такое может быть? — тенор функционера.

— Может быть, воздействие очень слабое, — предположила Матерли.

Тег попытался открыть глаза, но веки не повиновались. Потом он вспомнил. Это называется Т-зонд. Это не иксианское приспособление. Это какая-то штука из Рассеяния. Он мог сказать, в какой момент это адское устройство парализовало его нервы и мышцы. Было похоже на то, что кто-то влез в его плоть и забрал его реагирующие паттерны. Он позволил себе отдаться на волю работы этой машины. Какая дьявольская

машина! Она могла велеть ему мигать, пукать, вздыхать, ссать, срать — все, что угодно. Она могла распоряжаться им так, словно у него не было центральной нервной системы, которая призвана решать все эти вопросы. Ему в этом деле была предоставлена теперь роль стороннего наблюдателя, в нос ударили запахи — отвратительные запахи. Он не мог поморщиться, но подумал, что неплохо было бы сделать это. Этого было достаточно. Запахи продуцировались зондом. Он играл с его ощущениями, изучал их.

— Ты прочел то, что нужно? — тенором спросил функционер.

— Он все еще слышит нас! — это Иар.

— Черт бы побрал этих ментатов! — Матерли.

— Дит, Дат, Дот, — произнес Тег, называя имена кукол, которых не раз видел в Зимнем Шоу в далеком детстве в Лернее.

Тенор: «Он разговаривает!»

Тег почувствовал, что машина вновь блокировала его сознание. Иар что-то изменил на консоли. Однако Тег понял, что его логика ментата подсказала ему нечто жизненно важное: *Эти трое были куклами.* Важны только хозяева кукол. По тому, как двигаются куклы, можно сказать, чего хотят их хозяева.

Зонд продолжал буравить его психику и тело. Несмотря на все усилия троицы, Тег чувствовал, что вполне контролирует свое сознание. Машина изучала его, но и он изучал машину.

Теперь он понял: машина скопировала весь спектр его чувств на этот Т-зонд и идентифицировала их, выдав на дисплей. Теперь Иар может прочитать все, что там написано. В теле Тега функционируют цепи органических физиологических ответов. Машина может проследить эти цепи и скопировать их, сделать их дубликат. Шир и тренировка ментата позволили увести из-под контроля память, но все остальное открывалось следователям, как на ладони.

Машина не может думать, как я, успокаивал себя Тег.

Машина не может повторить все хитросплетения его нервов и их связей с плотью. Это будет не опыт Тега и не его память. Машина не родилась от женщины. Она не проходила по родовому каналу и не оттуда вышла в нашу удивительную вселенную.

Часть сознания Тега восприняла эти рассуждения, как маркер памяти, эти наблюдения открыли ему кое-что о гхола.

Дункан появился на свет в чане с аксолотлями.

На языке появился противный кислый вкус.

Опять этот Т-зонд!

Тег позволил себе окунуться в поток параллельного сознания. Он одновременно следовал за действиями Т-зонда, размышлял о гхола и прислушивался к тому, что говорят Дит, Дат и Дот. Три куклы, как это ни странно, молчали. Ах да, они ждут, что скажет им Т-зонд.

Гхола: *Дункан есть продукт размножения клеток организма, который когда-то появился на свет естественным путем — от женщины, оплодотворенной мужчиной.*

Машина и гхола!

Наблюдение: *Машина не может разделить опыт рождения человека, не считая отдаленного сравнения с отчетами о таком опыте, но при этом будут упущены важные личностные нюансы.*

Так же, как сейчас, они упускают его личностные нюансы.

Т-зонд начал воспроизводить запахи. Каждый запах будил в сознании Тега определенные воспоминания. Он чувствовал, что машина работает с большой скоростью, но Тег мог обыгрывать вызванную память сколько хотел, не обращая внимания на быстрый машинный поиск ассо-

циаций.

Вот!

Это был горячий воск, который он пролил на левую руку в возрасте четырнадцати лет. Он тогда учился в школе Бене Гессерит. Он так живо вспомнил классы и лабораторию, словно опять побывал там. *Здание школы примыкало к зданию Капитула.* Тег знал, что его приняли в эту школу только потому, что в его жилах текла кровь Сионы. Никакое предзнание не могло привести его сюда.

Он видел лабораторию и вдыхал запах воска — сложное соединение искусственных эфиров и натурального продукта пчел, который хранился у проваливших экзамены Сестер и у их помощниц. Он живо вспомнил, как наблюдал за пчелами и людьми, работавшими в яблоневом саду.

Деятельность Общины Сестер могла показаться стороннему наблюдателю очень сложной, но только до тех пор, пока он не начинал понимать, что она направлена на удовлетворение простейших и насущных потребностей: еда, питье, одежда, тепло, сообщение, обучение, защита от врагов (побуждение к выживанию). Надо было привыкнуть к пониманию слова *выживание*, принятому в Бене Гессерит, и тогда все становилось

на свои места. Они творили отнюдь не ради всего человечества в целом. Никакого неуправляемого расового вмешательства! Они творили только с одной целью — распространить власть Ордена, продолжить Бене Гессерит, делая вид, что все это творится ради рода человеческого. Вероятно, так оно и было. Творческий импульс был глубок, а Община Сестер отличалась добросовестностью.

Его поразил новый запах.

Он узнал запах мокрой одежды, в которой он влез в свой командирский транспортер после битвы при Понциарде. Запах бил в ноздри вместе с запахом озона, который источало оружие, и запахом пота находившихся вместе с ним в транспортере. *Шерсть!* Община всегда находила несколько странным, что он предпочитал все естественное любой синтетике и избегал искусственных тканей, которые делали на тюремных фабриках.

Не любил он и кресла-собаки.

Ненавижу запах угнетения в любой форме.

Знали ли эти куклы — Дит, Дат и Дот, насколько они угнетены?

Логика ментата смеялась над его доводами. Разве шерстяные ткани не делают на тюремных фабриках?

Но это были совершенно разные вещи.

Часть его сознания, однако, пускалась в спор. Синтетическую ткань можно хранить практически вечно. Посмотри, как она сохранилась в ларях Харконненов.

— И все же я предпочитаю хлопок и шерсть!

Пусть так и будет!

— Но как я пришел к такому предпочтению?

Это предрассудок Атрейдесов, который я унаследовал.

Тег пропускал мимо себя запахи, концентрируя внимание на продвижении в его тело и психику чужеродного зонда. Он понял, что может предвидеть следующие действия машины. Это была какая-то новая мышца. Он мог сгибать ее, продолжая исследовать индуцированную память в поисках ценных инсайтов.

Я сижу у дверей материнского дома в Лернее.

Тег отдалил от себя часть сознания и наблюдал сцену: ему одиннадцать лет. Он разговаривает с маленькой послушницей Бене Гессерит, которая приехала участвовать в свите некоей Важной Персоны. Послушница — крошечное создание с медно-рыжими волосами и кукольным личиком. Вздернутый носик и серо-зеленые глаза. Важная персона — Преподобная Мать весьма преклонно-

го возраста, одетая в черную накидку. Она прошла в дом вместе с матерью Тега. Послушница, которую зовут Карлана, пробует свои зачаточные способности на юном сыне хозяйки дома.

Карлана не успевает произнести и двадцати слов, как Тегу становится ясен весь ее нехитрый замысел. Она хочет выпытать у него информацию. Это был первый урок разрушительной педагогики его матери. В конце концов всегда могли найтись люди, которые стали бы выспрашивать мальчика о доме Преподобной Матери, надеясь получить по крохам сведения, которые можно выгодно продать. Такие сведения о Преподобных Матерях всегда высоко ценились на информационном рынке. Мать объясняла: «Рассуди, чего хочет спрашивающий и отвечай сообразно его восприимчивости». Такая тактика была бесполезной против полной Преподобной Матери, но против неоперившейся послушницы, да еще такой, как эта!

Против Карланы он придерживался маски застенчивого упрямца. Девочка была очень высокого мнения о своей привлекательности. Он позволил ей преодолеть свое упрямство, хорошенько измотав ее силы. Она получила в ответ на свои вопросы пригоршню лжи, и если она потом

пересказала ее Важной Персоне, то, несомненно, была примерно наказана.

Дит, Дат и Дот заговорили:

— Кажется, теперь он у нас в руках.

Это был голос Иара; усилием воли Тег изгнал его из памяти. *«Отвечай сообразно его восприимчивости».* Вспоминая эти слова, Тег слышал голос матери.

Куклы.

Кукловоды.

Теперь заговорил функционер:

— Спроси у копии, куда они дели гхола.

Последовало короткое молчание, потом какое-то жужжание.

Иар: «Я ничего не получил».

Тег слышит их голоса болезненно отчетливо. Он силится открыть глаза, сопротивляясь приказу машины.

— Смотрите! — говорит Иар.

Три пары глаз вперивают свой взгляд в Тега. Как медленно они двигаются. Дит, Дат и Дот: глаза медленно мигают — раз, раз, раз. Между миганиями не меньше минуты. Иар что-то поправляет на своей консоли. Если он будет так двигаться, то достанет до кнопок только через неделю.

Тег исследует вязки на предплечьях и кистях.

Обычные веревки! Пользуясь передышкой, он дотягивается пальцами до узлов. Они поддаются, сначала медленно, потом быстро развязываются. Тег начинает заниматься ремнями, которыми он привязан к носилкам. Это еще проще: обычные скользящие узлы. Иар все еще не дотянулся до консоли.

Раз… раз… раз…

Тег освобождается от спутанных, как голова медузы, проводов. Хлоп! Захваты разлетаются в разные стороны. С удивлением он замечает, что на тыльной стороне ладони выступила кровь — в этом месте он сильно провел по проволоке и порезался.

Проекция ментата: *Я действую слишком быстро.*

Но он уже соскочил с носилок. Функционер пытается сунуть руку в оттопыренный карман, но движется он медленно-медленно. Тег ребром ладони ломает функционеру хрящи гортани. Никогда больше этот солидный мужчина не воспользуется лазерным пистолетом, который он носит в кармане. Иар все еще тянет руку к консоли. Однако перед его глазами происходит нечто удивительное. Тег думает, что этот человек даже не разглядел руку, которая сломала ему шею.

Матерли движется немного быстрее своих товарищей. Левая нога ее бьет то место, где только что находился Тег. Но слишком поздно. Слишком медленно! Голова Матерли запрокинута, горло открыто, и Тег обрушивает на это горло удар.

Как медленно они падают!

Все тело Тега покрывается потом, но ему некогда обращать на это внимание, время дорого!

Я знал об их движениях до того, как они начинали их выполнять! Что со мной произошло?

Проекция ментата: *Муки зонда подняли меня на новый уровень способностей.*

Сильное чувство голода напомнило Тегу, что он потратил очень много энергии. Он подавил в себе это ощущение, чувствуя, что вернулся в реальный масштаб времени. Раздался глухой стук: три мертвых тела упали на пол практически одновременно.

Тег осмотрел консоль: эта штука явно изготовлена не на Иксе. Хотя панель управления похожа. Он стер данные из памяти машины.

Свет в помещении?

Контрольные лампы у входной двери. Он потушил свет и сделал три глубоких вдоха. Стремительно движущийся клубок вывалился на улицу.

Те, кто принес его сюда, одетые в неуклюжие зимние одежды, так и не поняли, что за клубок, вывалившись из хижины, со страшной силой обрушился на них.

На этот раз Тег вернулся к нормальному темпу движений гораздо быстрее. Звездный свет указал путь вниз по склону сквозь густой кустарник. Он скользнул по снежному месиву, выбрался на открытое пространство и устремился вперед, сохраняя равновесие, и замедлил бег, когда почувствовал, что впереди открывается равнина. Каждый шаг был точно выверен, так как Тег знал заранее, куда надо поставить ногу, чтобы не упасть на страшной скорости. Вот он уже в долине.

Огни города и прямоугольники зданий возле городского центра. Он знал, что это за место: Исаи. Здесь живут кукловоды.

Я свободен!

Жил один человек, который каждый день сидел возле высокого дощатого забора и смотрел сквозь узкую длинную щель на месте выломанной из забора доски. Каждый день мимо забора пробегал дикий осел Пустыни, и человек видел его сквозь вертикальную щель. Сначала нос, потом голову, передние ноги, длинную коричневую спину, задние ноги и, наконец, хвост. Однажды этот человек вскочил на ноги, глаза его сияли озарением, и он закричал так, чтобы его слышали все соседи: «Это же очевидно! Нос тянет за собой хвост!»

Истории Тайной Мудрости из Устного Предания Ракиса

Несколько раз с момента приезда на Ракис Одраде ловила себя на том, что ей на память приходит древняя картина, которую она столько раз видела в кабинете Таразы. Когда оживала эта память, то Одраде чувствовала покалывание в руках, словно она держала кисть. Ноздри начинали ощущать запахи масла и красок. Эмоции выплескивались на холст. Одраде пробуждалась от этих воспоминаний с мыслью: была ли Шиана ее холстом.

Кто из нас кого пишет — я ее или она меня?

Воспоминания о картине нахлынули с новой силой сегодня утром. За окнами пентхауса в ракисском Убежище было еще темно, когда пришла послушница, чтобы разбудить Одраде и сказать ей, что скоро прибудет Тараза. Одраде посмотрела на мягко освещенное лицо темноволосой девушки, и видение картины Ван Гога снова всплыло в ее памяти.

Так кто из нас кого в действительности создает?

— Пусть Шиана поспит еще немного, — сказала Преподобная Мать, отпуская послушницу.

— Вы позавтракаете до приезда Верховной Матери? — спросила девушка.

— Мы подождем, надо доставить Таразе удовольствие.

Поднявшись с постели, Одраде быстро привела себя в порядок и надела свою лучшую черную накидку. Одевшись, она подошла к восточному окну гостиной пентхауса и посмотрела в сторону космопорта. Движущиеся по взлетной полосе огни отражались в затянутом пылью небе. Она усилила мощность плавающих светильников, чтобы смягчить резкий вид из окна. Светящиеся шары звездными вспышками отражались в армированных оконных стеклах. В них отражалось и

лицо Одраде, на котором, несмотря на смутность отражения, были заметны следы усталости.

Я знала, что она приедет, подумала Одраде.

Не успела она подумать это, как над пыльным горизонтом Ракиса поднялось солнце — словно оранжевый детский мячик весело вспрыгнул в мутное от пыли небо. Тут же землю опалило зноем — этот феномен отмечали все наблюдатели, впервые попавшие на Ракис. Одраде отвернулась от окна и в ту же секунду отворилась дверь, и в комнату, шурша накидкой, вошла Тараза.

Чья-то рука закрыла дверь, и две женщины остались наедине. Верховная Мать стремительно приблизилась к Одраде. Капюшон надвинут, лицо исказила недовольная гримаса. Весь облик Верховной не предвещал ничего хорошего.

Увидев, что Одраде взволнована, Тараза решила сыграть на этом.

— Ну что ж, Дар, я вижу, что мы наконец встретились, как чужие люди.

Эффект этих слов был поразителен. Одраде правильно истолковала слова Таразы, но страх исчез, словно вода, вылившаяся из кувшина. Впервые в своей жизни она сумела распознать момент, когда можно переступить границу дозволенного. Это была грань, о существовании которой вряд

ли подозревали многие Сестры. Когда же граница была пересечена, Одраде поняла, что ступила в пустоту и теперь находится в свободном плавании. Теперь она была совершенно неуязвима. Она могла погибнуть, но не могла потерпеть поражение.

— Значит, мы больше не Дар и Тар, — констатировала Одраде.

Тараза правильно расценила ясный, неподавленный тон Одраде, но решила, что это признак доверия.

— Видимо, Дар и Тар вообще не существовали, — сказала она ледяным тоном. — Мне кажется, что ты всегда воображала себя чересчур умной.

Битва началась, подумала Одраде. *Но я не буду спокойно стоять и ждать, когда она меня атакует.*

— Альтернативы союзу с Тлейлаксу неприемлемы, — сказала Одраде, — особенно в свете того, что ты искала в нем для нас.

В ту же минуту Тараза почувствовала усталость. Это было нелегкое и длинное путешествие, несмотря на то, что корабль-невидимка двигался по складкам пространства. Плоть всегда чувствует, когда ее вырывают из привычного ритма

жизни. Она решила присесть и опустилась на мягкий диван. Сидеть на нем было очень удобно и Тараза с наслаждением вздохнула.

Одраде заметила, насколько утомлена Верховная Мать и мгновенно испытала к ней сострадание. Она вдруг поняла, что они — равные Преподобные Матери, которых обуревают одни и те же проблемы.

Несомненно, Тараза почувствовала это. Она похлопала по мягкой подушке дивана и дождалась, когда Одраде тоже села.

— Мы должны сохранить Общину Сестер, — сказала Тараза. — Это единственное, что действительно важно.

— Конечно.

Тараза внимательно вглядывалась в знакомые черты Одраде. *Да, она тоже очень устала.*

— Ты была здесь, контактировала с людьми, глубоко проникла в проблему, — сказала Тараза. — Я хочу… нет, Дар, мне очень нужно знать твой взгляд на эти вещи.

— Тлейлаксианцы, по всей видимости, проявляют полную готовность к сотрудничеству, — сказала Одраде. — Но здесь есть некоторая несогласованность. Я начала задавать себе некоторые очень тревожные вопросы.

— Например, какие?

— Например, что, если чаны с аксолотлями это… вовсе не чаны?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вафф демонстрирует поведение, характерное для семей, которые скрывают от всех уродливого ребенка или слабоумного дядюшку. Клянусь тебе, он был очень смущен, когда я завела разговор о чанах.

— Но что они могут вероятнее всего…

— Суррогатные матери.

— Но тогда они должны были бы… — Тараза замолчала, пораженная возможностями, которые породил этот открытый вопрос.

— Кто видел женщин Тлейлаксу? — спросила Одраде.

В уме Таразы были уже готовы возражения.

— Но точный химический контроль, необходимость ограничить число переменных… — Она отбросила назад капюшон и, тряхнув головой, рассыпала волосы по плечам. — Ты права: мы должны разузнать все. Однако это… это чудовищно.

— Он до сих пор не говорит полной правды о гхола.

— А что он говорит?

— Не больше того, о чем я уже докладывала: вариации по сравнению с исходным Дунканом Айдахо и соответствие всем требованиям пранабинду, о которых мы просили.

— Это не объясняет, почему они убивали или пытались убивать наши предыдущие заказы.

— Он клянется всеми святыми клятвами Великой Веры в том, что они делали это из стыда перед тем, что те гхола не оправдывали возложенных на них надежд.

— Откуда они могут это знать? Он хочет сказать, что у них есть здесь шпионы?

— Он клянется, что нет. Я пыталась выведать у него это, но он говорит, что настоящий гхола, который отвечает всем необходимым параметрам, должен произвести видимое волнение среди нас.

— Что это за видимое волнение? Что он…

— Не говорит. Каждый раз он возвращается к одному и тому же: у них есть конкретные контрактные обязательства. Где гхола, Тар?

— Что? О, он на Гамму.

— До меня дошли слухи, что…

— Бурцмали овладел ситуацией, — Тараза плотно сжала губы, надеясь, что сказала правду. Последние рапорты не внушали особого опти-

мизма.

— Вы наверняка обсуждали вопрос о том, не стоит ли убить этого гхола, — сказала Одраде.

— Не только гхола!

Одраде усмехнулась.

— Значит, правда, что Беллонда постоянно говорит о необходимости моей ликвидации.

— Как ты могла…

— Подчас дружба — очень ценное имущество, Тар!

— Ты вступила на очень опасную тропу, Преподобная Мать Одраде.

— Но я ни разу не споткнулась, Верховная Мать Тараза. Я постоянно думаю о том, что мне рассказал Вафф об этих Досточтимых Матронах.

— Расскажи мне о своих мыслях, — непреклонно потребовала Тараза.

— Не хотелось бы сделать здесь ошибку, — заговорила Одраде. — По своей сексуальной квалификации они превзошли наших импринтеров.

— Шлюхи!

— Да, и они используют свои навыки способом, который приведет к гибели их и всех остальных. Они ослеплены своим могуществом.

— Куда привели тебя твои тяжкие мысли?

— Скажи мне, Тар, почему они атаковали и уничтожили наше Убежище на Гамму?

— Очевидно, они охотились за гхола Айдахо, чтобы захватить или убить его.

— Почему это так важно для них?

— Говори, куда ты клонишь?

— Не могли ли шлюхи действовать по информации, полученной от тлейлаксианцев? Тар, что, если Вафф сообщил шлюхам, что тлейлаксианцы вложили в гхола какие-то способности, которые делают его мужским эквивалентом Досточтимых Матрон?

Тараза прижала ладонь к губам, но тут же уронила руку, поняв, что с головой выдала себя этим жестом. Но было поздно. Это уже не имело никакого значения. В комнате снова сидели две единомышленницы, две Преподобные Матери.

— И мы приказали Луцилле сделать его неотразимым для большинства женщин, — сказала Одраде.

— Как долго контактируют тлейлаксианцы с этими шлюхами? — жестко спросила Тараза.

Одраде пожала плечами.

— Лучше спросить о другом: как долго они контактировали со своими Заблудшими, вернувшимися из Рассеяния? Когда разговаривают

тлейлаксианец с тлейлаксианцем, то, видимо, открывается множество тайн.

— С твоей стороны это блестящая проекция, — сказала Тараза. — Какова, по твоим оценкам, вероятность такого поворота событий?

— Ты знаешь об этом не хуже, чем я. Это сможет объяснить очень много вещей.

— Что ты теперь думаешь о своем союзе с Тлейлаксу? — с горечью в голосе спросила Тараза.

— Он более необходим, чем когда бы то ни было. Мы должны следить за всем изнутри. Мы должны иметь возможность контролировать действия тех, кто соперничает с нами.

— Мерзость! — прорычала Тараза.

— Что?

— Гхола — это что-то вроде записывающего устройства в образе человека. Они внедрили его в нашу среду. Если тлейлаксианцы наложат на него лапу, то они очень многое узнают о нас из того, что им вовсе не следовало бы знать.

— Это было бы очень неуклюже.

— И очень типично для них!

— Я согласна, что наше положение можно трактовать по-разному, — сказала Одраде. — Но такие аргументы только лишний раз убеждают меня в том, что гхола нельзя убивать до тех пор, пока мы

сами не исследуем его.

— Но может быть слишком поздно! Будь проклят твой союз, Дар! Ты дала им ухватиться за нас… а нам — за них, но ни мы, ни они, не дадим друг другу сдвинуться с места.

— Разве это не замечательный союз?

Тараза вздохнула.

— Как скоро мы должны предоставить им допуск к нашим книгам скрещиваний?

— Скоро. Вафф очень торопит.

— И тогда мы увидим их чаны с аксолотлями?

— Это, конечно, рычаг, который я активно использую. Он дал мне свое согласие, правда, я не могу сказать, что он сделал это охотно.

— Мы стремимся все глубже залезть в карманы друг к другу, — проворчала Тараза.

— Это превосходный союз, как я уже сказала, — невинным тоном произнесла Одраде.

— Проклятие, проклятие, проклятие, — повторяла Тараза. — И Тег уже пробудил исходную память гхола!

— Но Луцилла…

— Я не знаю! — воскликнула Тараза. Она мрачно посмотрела на Одраде, вспомнив последние донесения с Гамму.

Обнаружены Тег и его команда, но не было по-

чти никаких сведений от Луциллы. Составлялся план спасения.

Ее собственные слова породили в голове Таразы весьма безрадостные мысли. Кто вообще такой этот гхола? Всегда было известно, что Дунканы Айдахо были не простыми гхола. Но теперь, с новыми нервно-мышечными способностями, с неизвестными свойствами, введенными в него тлейлаксианцами, гхола превратился в обоюдоострое оружие — держать его стало опасно, как горящую дубину. Можно использовать ее для самозащиты, но огонь распространяется по ней с ужасающей быстротой.

Одраде задумчиво произнесла:

— Ты никогда не старалась представить себе, каково приходится гхола, когда пробуждается их исходная память?

— Что? Что ты…

— Каково знать, что твоя плоть выращена из клеток трупа, — продолжала Одраде. — Он же помнит свою собственную смерть.

— Айдахо никогда не были ординарными людьми, — возразила Тараза.

— То же самое можно сказать и о Мастерах Тлейлаксу.

— В чем ты пытаешься меня убедить?

Собираясь с мыслями, Одраде потерла лоб. Как трудно общаться с людьми, которые начисто отрицают преданность, которые обрушивают на мир только свою ярость. У Таразы не было… *simpatico*. Плоть и чувства других людей были для нее отвлеченными логическими категориями.

— Пробуждение гхола — потрясающее его психику переживание, — сказала Одраде, опустив руки. — Это могут пережить только люди с очень устойчивой психикой.

— Мы допускаем, что Мастера Тлейлаксу — это нечто большее, чем представляется на первый взгляд.

— А Дунканы Айдахо?

— Тоже, конечно. Иначе зачем бы Тиран стал покупать их у Тлейлаксу?

Одраде стало ясно, что спор беспредметен.

— Айдахо известны своей верностью Атрейдесам, и не следует забывать, что и я тоже Атрейдес.

— Ты думаешь, что он будет верен тебе?

— Да, особенно после того, как Луцилла…

— Это может быть очень опасным.

Одраде выпрямилась, сидя в углу дивана. Тараза требовала определенности, но жизни Дунканов были подобны меланже — они имели

разный вкус в зависимости от обстоятельств. Как можно было быть уверенным в гхола на все сто процентов?

— Тлейлаксианцы вмешиваются в силу, которая позволила нам создать Квисатц Хадераха, — процедила сквозь зубы Тараза.

— Ты думаешь, что для этого им нужны наши журналы скрещиваний?

— Не знаю, будь ты проклята, Дар! Ты что, не видишь, что ты натворила?

— Думаю, что у меня просто не было выбора, — ответила Одраде.

Тараза холодно усмехнулась. Действия Одраде были безупречны, но ее следовало все же поставить на место.

— Ты полагаешь, что на твоем месте я поступила бы точно так же? — осведомилась Тараза.

Она так и не поняла, что со мной произошло, подумала Одраде. Тараза ожидала, что ее мягкая и покладистая Дар проявит независимость, но не предполагала, что эта независимость произведет такой переполох в Высшем Совете. Тараза отказывалась признать, что все происшедшее было в конечном счете делом ее рук.

— Обычная практика, — сказала Одраде.

Эти слова подействовали на Таразу, как поще-

чина. Только выучка Бене Гессерит позволила ей не наброситься на Одраде с кулаками.

Обычная практика!

Как много раз Тараза сама обнаруживала в себе этот источник раздражения, этот вечный стимул скрытой ярости? Одраде часто слышала это.

Между тем Одраде цитировала Верховную Мать:

— Застывший обычай опасен. Враги могут определить его особенность и использовать против вас.

Тараза нехотя выдавила:

— Да, это признак слабости.

— Наши враги думают, что знают наши привычки, — продолжала говорить Одраде. — Даже вы, *Верховная Мать*, думали, что знаете границы, в пределах которых я буду действовать. Я была, как Беллонда. Еще до того, как Беллонда открывала рот, ты уже знала, что она скажет.

— Мы сделали ошибку, не поставив тебя выше меня? — спросила Тараза. Она сказала это из чувства глубочайшей привязанности.

— Нет, Верховная Мать. Мы вступили на очень опасный путь, но обе знаем, куда должны прийти.

— Где сейчас Вафф? — спросила Тараза.

— Спит под надежной охраной.

— Вызови Шиану. Мы должны решить, не стоит ли оборвать эту часть проекта.

— И получить причитающиеся нам шишки.

— Как скажешь, Дар.

Шиана выглядела немного заспанной и протирала глаза, когда появилась в гостиной, хотя и успела ополоснуть лицо и надеть чистую белую накидку. Волосы были еще влажными.

Тараза и Одраде стояли у окна спиной к свету.

— Это Шиана, Верховная Мать, — сказала Одраде.

Шиана мгновенно пришла в себя и выпрямилась. Она слышала об этой могущественной женщине, этой Таразе, которая железной рукой правила Общиной Сестер из дальней крепости под названием Капитул. Яркий свет, на фоне которого выделялись силуэты обеих женщин, слепил девочке глаза, сбивал с толку. В контражуре лиц Преподобных Матерей было почти не видно, казалось, что темные контуры окружены сияющим ореолом.

Послушница тщательно проинструктировала Шиану на этот случай.

— Стой перед Верховной Матерью почтительно и говори с уважением. Говори только тогда, когда

тебя спросят.

Шиана в точности последовала этому наказу.

— Мне сказали, что ты можешь стать одной из нас, — произнесла Тараза.

Обе женщины видели, какое действие произвели эти слова на ребенка. К этому времени Шиана уже немного знала о достижениях Преподобной Матери. Ее душу озарил луч истины. Она начала приобщаться к тому бездонному источнику знаний, которые накопила Община Сестер в течение тысячелетий. Ей рассказывали о селективной передаче памяти, о памяти других, о муке Пряности. И вот сейчас она стоит перед самой могущественной из всех Преподобных Матерей, перед той, от кого нельзя скрыть ничего.

Шиана не ответила, и Тараза повысила голос:

— Тебе нечего сказать, дитя?

— Зачем здесь слова, Верховная Мать? Вы и так уже все сказали.

Тараза послала Одраде многозначительный взгляд.

— У тебя есть еще какие-нибудь маленькие сюрпризы для меня, Дар?

— Я же говорила, что она великолепна, — ответила Одраде.

Тараза снова обратила свое внимание на Ши-

ану.

— Ты гордишься таким мнением о себе, дитя?

— Оно устрашает меня, Верховная Мать.

Изо всех сил стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, Шиана напомнила себе: *Говори только самую глубокую правду, которую ты чувствуешь.* После такого напоминания ей стало несколько легче дышать. Эти слова — слова предупреждения — приобрели сейчас для девочки совершенно новое значение. Она опустила голову и смотрела в пол перед двумя женщинами, не поднимая на них глаз. Шиана чувствовала, что у нее сильно бьется сердце, и это не ускользает от внимания Преподобных Матерей.

— Но оно и должно тебя устрашать, — согласилась с девочкой Тараза.

— Ты поняла, что было тебе сказано, Шиана? — спросила Одраде.

— Верховная Мать желает знать, полностью ли я предана делу Общины Сестер, — ответила Шиана.

Одраде посмотрела на Таразу и пожала плечами. Им троим было больше нечего обсуждать. Такое бывает между членами семьи, а Бене Гессерит и был одной большой семьей.

Тараза продолжала молча изучать Шиану.

Взгляд Верховной Матери был тяжелым, лишающим Шиану энергии, но девочка понимала, что надо терпеть, молчать и не реагировать на этот беспощадный осмотр.

Одраде не испытывала сочувствия. Шиана вела себя очень естественно, как и должна вести себя юная девушка. У нее был всеобъемлющий интеллект, который, расширяясь, занимал всю возможную поверхность, как надутый воздушный шар. Одраде вспомнила, как этим свойством в свое время восхищались ее учителя. Но следовало проявлять настороженность в той же мере, в какой Тараза казалась беспечной. Одраде проявляла такую настороженность, когда была даже моложе, чем Шиана. Не было сомнения, что Шиана все понимает. Ее интеллект нашел себе достойное применение.

— Мм-м-м, — неопределенно протянула Тараза.

Одраде слышала этот нечленораздельный звук и поняла, что Верховная Мать находится сейчас в параллельных потоках сознания. Память Одраде перенесла ее в прошлое. Когда она, будучи послушницей, допоздна засиживалась в учебной комнате, Сестры, приносившие ей еду, имели обыкновение задерживаться и наблюдать за ней

точно так же, как сейчас Тараза наблюдала за Шианой. Одраде познакомилась с этой системой наблюдения в раннем возрасте. Именно это и было главной приманкой Бене Гессерит. Тебе тоже хотелось обладать такими эзотерическими способностями. И у Шианы тоже есть это желание. Такова мечта каждого неофита.

Все это когда-нибудь смогу и я!

После долгого молчания Тараза заговорила:

— Так как ты думаешь, дитя, чего ты хочешь от нас?

— Того же, чего, как мне кажется, хотели в моем возрасте вы, Верховная Мать.

Одраде с трудом подавила улыбку. Независимость Шианы в этот момент почти дошла до степени недопустимой дерзости, и Тараза определенно заметила это.

— Ты думаешь, что для этого можно пожертвовать даром жизни? — спросила она.

— Это единственная цель, которая мне известна, Верховная Мать.

— Твоя самоотверженность похвальна, но я хочу предупредить тебя: будь осторожна в использовании этого дара, — сказала Тараза.

— Хорошо, Верховная Мать.

— Ты сильно восхищаешься нами и будешь

восхищаться еще больше, — пообещала Тараза. — Помни это. Наши дарования стоят очень и очень недешево.

Шиана не имеет ни малейшего представления о том, чем ей придется расплачиваться за наши дары, подумала Одраде.

Община Сестер никогда не скрывала от неофитов, что они становятся должниками и должны будут дорого платить. Воздаяние несовместимо с любовью. Любовь опасна, и Шиана уже знала это. *Дар жизни?* По телу Одраде пробежала дрожь, и она откашлялась, чтобы унять волнение.

Я еще жива? Наверное, я умерла, когда меня отобрали у мамы Сибии. Я была жива, когда жила там, в ее доме, но умерла, когда меня взяли Сестры.

— Теперь ты можешь оставить нас, Шиана, — сказала Тараза.

Девочка круто развернулась и пошла к двери, но прежде чем она вышла, Одраде успела заметить натянутую улыбку на лице девочки. Шиана поняла, что первый экзамен сдан.

Когда дверь закрылась, Тараза заговорила:

— Ты говорила о ее естественной способности модулировать Голосом. Я, конечно, услышала. Это просто замечательно.

— Она смиряет себя и старается не применять его в разговорах с нами.

— Итак, что мы здесь имеем, Дар?

— Возможно, со временем из нее получится Верховная Мать с необычайными способностями.

— Не слишком ли необычайны эти способности?

— Нам придется подождать, чтобы это увидеть.

— Как ты думаешь, ради нас она способна на убийство?

Одраде была ошеломлена и не пыталась это скрыть.

— Сейчас?

— Да, конечно.

— Гхола?

— Тег не станет этого делать, — сказала Тараза. — Я сомневаюсь даже в Луцилле. Их доклады говорят о том, что он способен выковывать узы привязанности и некоего родства душ.

— Так же, как я?

— Даже Швандью не избежала этого обаяния.

— Но где благородная цель такого акта? — спросила Одраде. — Разве не об этом предупреждал Тиран…

— Гм, он сам убивал много раз!

— И платил за это.

— Мы тоже платим за все, что берем, Дар.

— Даже за жизнь?

— Никогда не забывай о том, что ради выживания Общины Сестер Верховная Мать может принять любое, я подчеркиваю, любое решение.

— Да будет так, — произнесла Одраде. — Итак, что ты хочешь сделать и за что заплатить?

Это был правильный ответ, но он одновременно укрепил новые силы в Одраде, ту свободу отвечать на вызовы по-своему, завоевывая новую, незнакомую вселенную. Откуда взялась такая твердость? Явилась ли она результатом жесткого кондиционирования Бене Гессерит? Было ли это наследием Атрейдесов? Она даже не пыталась дурачить себя байками о том, что отныне будет руководствоваться в своих действиях только своей моралью, а не чужой. Внутренняя стабильность, на которую она теперь опиралась, не была чисто моральной. Это была и не бравада — ее одной всегда оказывается недостаточно.

— Ты очень похожа на своего отца, — сказала Тараза. — Обычно мужество получают от матери, но в данном случае это не так. Думаю, что свое мужество ты получила от отца.

— Майлс Тег очень мужественный человек, но

думаю, что ты слишком упрощаешь, — возразила Одраде.

— Возможно. Но я всегда верно судила о тебе, даже тогда, когда мы с тобой обе были послушницами.

Она все знает, подумала Одраде.

— Нам не надо этого объяснять, — сказала Одраде, подумав: *Причина в том, какой я родилась, как меня воспитывали и обучали, какой я была… какими мы были обе: Дар и Тар.*

— В Атрейдесах есть что-то, не поддающееся нашему анализу, — сказала Тараза.

— Это не может быть генетической случайностью?

— Иногда мне кажется, что после Тирана с нами вообще не происходит никаких случайностей, — сказала Тараза.

— Мог ли он тысячи лет назад прозреть все, что произойдет вплоть до нынешнего момента, сидя в своей Цитадели?

— Как далеко ты можешь проследить свои корни? — спросила Тараза.

— Что в действительности происходит, когда Верховная Мать приказывает Селекционным Куртизанкам: «Скрестите этих двух человек», — вопросом на вопрос ответила Одраде.

Тараза холодно улыбнулась.

Одраде внезапно ощутила себя на гребне волны, несущей ее в неизведанное. *Тараза хочет моего мятежа! Она желает, чтобы я стала ее противником!*

— Ты не хочешь встретиться с Ваффом? — спросила она.

— Сначала я хочу выслушать твою оценку.

— Он рассматривает нас как инструмент «Возвышения Тлейлаксу». Ты — Божий дар для его народа.

— Долго же они этого ждали, — сказала Тараза. — Так искусно притворяться столько тысячелетий!

— Они смотрят на время так же, как мы, — согласилась Одраде. — Самое трудное было убедить его в том, что мы разделяем их Великую Веру.

— Но почему они притворяются такими неуклюжими? — спросила Тараза. — Они ведь вовсе не глупы.

— Это отвлекало наше внимание от истинных целей изготовления гхола, — ответила Одраде. — Кто же поверит, что такие вещи могут делать тупицы?

— А что они создали? — поинтересовалась Тараза. — Только имидж злобности и тупости?

— Если долго притворяться тупым, то в конце концов действительно станешь глупцом, — сказала Одраде. — Усовершенствуй мимикрию лицеделов и…

— Как бы то ни было, но мы должны их наказать, — решила Тараза. — Я отчетливо это вижу. Пусть его сейчас же доставят сюда.

Одраде отдала распоряжение, пока они ждали, Тараза сказала:

— Последовательность, которой мы придерживались в обучении гхола, стала негодной еще до того, как они скрылись из Убежища на Гамму. Он шел впереди своих учителей, схватывая на лету то, о чем не должен был даже догадываться. Он делал это с потрясающей скоростью. Это тревожный знак. Интересно, каким он стал сейчас?

Историки пользуются мощными рычагами власти, и некоторые из них знают это. Они воссоздают прошлое, изменяя его, согласно своим собственным концепциям, меняя, таким образом, и будущее.

Лето II, Его Голос из Дар-эс-Балата

Светало. Дункан едва поспевал за своим проводником. Этот старый на вид человек оказался неутомимым, словно газель. Казалось, он не знал, что такое усталость.

Всего несколько минут назад они сняли с глаз приборы ночного видения, и Дункан был несказанно рад, что избавился от них. Все, что не попадало в поле зрения очков, казалось черным и туманным в тени густых ветвей лесных зарослей. Мир сузился. В поле зрения какими-то рывками попадали предметы — то желтые кусты, то каменная стена с пластиловыми воротами, то пара причудливо-серебристых деревьев, то мост, вырубленный из монолитного камня, позеленевшего от времени, то арка, выложенная белым известняком. Сооружения казались древними и очень дорогими, ручная работа высоко ценилась во все времена…

Дункан не имел ни малейшего понятия, где они находятся. Местность ничем не напоминала ту

Гьеди Один, какую он помнил.

С рассветом стало видно, что они идут по лесной звериной тропе вверх по склону холма. Подъем стал круче. Слева в промежутках между деревьями мелькала долина. Небо было затянуто густым туманом, скрадывающим расстояние и прикрывшим путников от посторонних глаз. Тот мир, в котором они оказались, был, казалось, совершенно оторван от вселенной.

Во время короткой остановки — не для отдыха, а для того, чтобы «послушать» лес, — Дункан присмотрелся к ограниченному туманом пространству. Неба не было — сплошной туман. Простора не было, Дункан потерял чувство связи с другими мирами и планетами. Космос исчез, остался узкий маленький мирок их бегства.

Маскировка оказалась несложной: теплое белье тлейлаксианца, подушечки за щеки, чтобы придать лицу округлость. Курчавые черные волосы выпрямили с помощью какой-то горячей химической дряни и осветлили белилами. Сверху пришлось надеть прибор ночного видения. Волосы на лобке сбрили, и когда Дункан взглянул на себя в зеркало, то не узнал глянувшего на него человека.

Грязный тлейлаксианец!

Это чудесное превращение стало делом рук старухи с блестящими серо-зелеными глазами.

— Теперь ты Мастер Тлейлаксу, — сказала она. — Твое имя Возе. Проводник доведет тебя до следующего места. При встрече с чужими обращайся к нему, как к лицеделу. В остальном беспрекословно выполняй все его требования.

Ночью его вывели из пещеры, провели по длинному узкому, скрытому от посторонних пучками водорослей проходу в скалах и вытолкнули в холод темной ночи и в руки незнакомого рослого человека в толстой зимней одежде.

Позади Дункана раздался приглушенный шепот: «Вот он, Амбиторм, бери его».

Проводник заговорил с тем же гортанным выговором:

— Следуй за мной.

Амбиторм пристегнул к поясу Дункана короткий шнур, другой конец которого пристегнул к собственному поясу. После этого проводник помог Дункану поправить очки прибора ночного видения, и они двинулись в путь. Шнур натянулся.

Дункану сразу стало ясно назначение шнура: он был нужен не для того, чтобы не потерять друг друга, — нет, видимость была прекрасной.

Шнур нужен был для того, чтобы без промедления свалить Дункана на землю при появлении опасности. Не придется даже отдавать команду.

За время долгого пути они не один раз пересекали замерзшие ручейки и речки равнины. Сквозь густую растительность скупо проникал свет лун Гамму. Наконец они вышли на открытое дикое место, земля была покрыта серебрящимся в свете луны снегом. Проводник вел Дункана по звериной тропе, окаймленной высоким, в два человеческих роста, кустарником. Эта дорога была даже шире, чем тот проход, с которого началось их путешествие. Свет почти не проникал к земле, покрытой мягким ковром сгнившей растительности. Дункан полной грудью вдохнул грибной дух разлагающейся растительной жизни. В окулярах прибора ночного видения эта растительность казалась бесконечной. Шнур, пристегнутый к поясу Дункана, казался воплощением призрачной связи с чуждым миром.

Амбиторм был не склонен к разговорам.

Он сказал «да», когда Дункан уточнил его имя, добавив: «Не разговаривай».

Долгое ночное путешествие действовало Дункану на нервы. Ему не нравилось вынужденное возвращение к собственным мыслям. От старой

Гьеди Один не осталось ничего. Расстилавшаяся вокруг местность ничем не напоминала планету его ранней юности, когда он еще не был гхола. Удивительно, как Амбиторм мог выучить этот маршрут и запомнить его. Все эти звериные тропы так похожи друг на друга.

От монотонного бега мысли Дункана начали блуждать.

Должен ли я разрешать Сестрам Общины использовать себя? Что я им должен?

Он вспомнил о Теге, храбреце, который позволил спастись им с Луциллой.

Я сделал то же самое для Пауля и Джессики.

Это связывало его с Тегом и наполняло душу невыразимым горем. Тег был верен Общине Сестер. *Он купил и мою верность им ценой своего мужественного поступка.*

Черт бы побрал этих Атрейдесов!

Благодаря ночной нагрузке Дункан многое узнал о своей новой плоти. Как же молодо его новое тело! Еще один крен в воспоминания и снова Дункан вспомнил тот последний в своей настоящей жизни момент: топор сардаукара, врезающийся в его череп, — боль и сильная вспышка света перед глазами. Осознание смерти, а потом… потом ничто, вплоть до жизни с Тегом

во дворце-невидимке Харконненов.

Дар другой жизни. Больше ли это, чем дар чего-то менее значимого? Атрейдесы требовали за это платы.

Непосредственно перед рассветом Амбиторм привел Дункана к ручью и повел по руслу. Холод обжег ноги Дункана, обутые в водонепроницаемые тлейлаксианские ботинки. В холодной воде отражались серебристые в лучах предрассветной луны кусты.

День застал их выходящими на крутой склон холма по широкой звериной тропе. Тропа привела их к широкому каменному уступу возле зубчатой скалы. Амбиторм провел Дункана через увядшие сухие кусты, покрытые снежными шапками. Он отцепил шнур от пояса Айдахо. Прямо перед ними открывалась расщелина в скале — это не была настоящая пещера, но здесь можно было спрятаться от холодного, пронизывающего ветра, сдувшего снег с уступа.

Амбиторм подошел к расщелине и, очистив площадку от грязи и плоских камней, освободил вход в небольшое углубление. Вытащив из углубления какую-то вещь, он принялся колдовать над ней.

Присев на корточки под навесом, Дункан,

пользуясь случаем, стал рассматривать своего проводника. У Амбиторма было круглое лицо, туго обтянутое темно-коричневой, словно продубленной, кожей. Да, это вполне мог быть и лицедел. В углах глаз виднелись глубокие морщины. Отметины времени покрывали все лицо — углы рта, брови и лоб, плоский нос и подбородок.

От черного предмета в руках Амбиторма начали распространяться аппетитные запахи.

— Сейчас мы перекусим и снова пойдем, — сказал проводник.

Он говорил на старогалахском, но со странным гортанным выговором, которого Айдахо не слышал раньше. Откуда Амбиторм — из Рассеяния или он уроженец Гамму? Со времен Муад'Диба прошло много времени, и язык мог измениться. Во всяком случае, тот галахский язык, на котором говорили Луцилла и Тег, отличался от языка, которым в свое время пользовался сам Дункан.

— Амбиторм, — произнес Дункан. — Это имя Гамму?

— Можешь называть меня Тормса, — отозвался проводник.

— Это кличка?

— Так ты будешь меня называть.

— Но почему люди в пещере называли тебя Амбиторм?

— Потому что я так им представился.

— Но почему ты…

— Ты жил при Харконненах и так и не научился маскироваться?

Дункан замолчал. Что это? Еще одна маска? Амби… Тормса не менял свою внешность. Тормса. Это имя тлейлаксианца?

Проводник предложил Дункану дымящуюся чашку.

— Это питье восстановит твои силы, *Возе*. Пей быстро. Это сохранит твое тепло.

Дункан принял чашу обеими руками. *Возе. Возе и Тормса — Мастер Тлейлаксу и его товарищ-лицедел.*

Дункан отсалютовал попутчику чашей по древнему боевому обычаю Атрейдесов, потом поднес ее к губам. Горячо! Однако напиток действительно быстро согрел его. Резкий овощной запах и едва заметный сладковатый аромат. Он подул на горячую жидкость и выпил, подражая Тормса.

Странно, но мне даже в голову не пришло, что питье может быть отравлено или в него подмешано какое-то сильное средство, подумал Дункан. Однако в этих людях было что-то от

башара. Они вели себя очень естественно, как товарищи по оружию.

— Почему ты так легко рискуешь жизнью? — спросил Дункан.

— Ты спрашиваешь, зная башара?

Дункан замолчал. Ему стало неловко.

Тормса подался вперед и снова наполнил чашу Дункана. Вскоре все следы их завтрака были надежно спрятаны под грязью и камнями.

Наличие запаса пищи в тайнике говорило о тщательно разработанном плане, подумал Дункан. Он повернулся и присел на корточки на холодную землю. Голые ветви рассекали вид на странные мозаичные куски. Туман начал рассеиваться, обнажая смутные очертания города, расположенного в дальнем конце долины.

Тормса присел рядом с Дунканом.

— Это очень старый город, — сказал проводник. — Родовое гнездо Харконненов. Смотри, — с этими словами он протянул Дункану маленькую подзорную трубу. — Сегодня ночью мы придем туда.

Айдахо приложил окуляр к левому глазу и начал настраивать фокус. Система была незнакомой — она отличалась от старинных и тех, обращаться с которыми его учили в Убежище.

Он оторвал прибор от глаза и принялся изучать трубу.

— Иксианская? — спросил он.

— Нет, мы сами их делаем. — Тормса протянул руку и показал Дункану две крохотные кнопки на черной трубке. — Быстро, медленно. Левая приближает, правая удаляет.

Дункан снова поднес прибор к глазам.

Прикосновение к кнопке — и город словно впрыгнул в фокус. По улицам передвигаются маленькие точки. Это люди. Он усилил разрешение. Люди превратились в маленьких куколок. Этот масштаб позволил Айдахо оценить размеры самого города. Он был просто чудовищно огромен… и располагался гораздо дальше, чем казалось невооруженным глазом. В центре располагалось прямоугольное здание, крыша которого терялась в облаках. Это была фантастическая, гигантская картина.

Теперь Дункан узнал это место. Пригороды изменились, но центр остался нетронутым, а здание прочно зафиксировалось в памяти Айдахо.

Сколько наших людей навсегда исчезло в этой проклятой адской дыре и не вернулось оттуда, подумал он.

— Девятьсот пятьдесят историй, — произнес

Тормса, увидев, куда смотрит Дункан. — Сорок пять километров в длину, тридцать километров в ширину. Пластил и армированное стекло.

— Знаю, — сказал Дункан. — Это место называется Барония.

— Исаи, — поправил его Тормса.

— Да, теперь оно называется так, но я могу припомнить еще несколько названий.

Дункан сделал глубокий вдох, чтобы притушить старую ненависть. Те люди давно мертвы. Остались только здания. И память. Весь город представлял собой скопление особняков. Зеленые лужайки, окруженные высокими стенами. По некоторым из них расхаживала вооруженная стража. Это были, судя по рассказам Тега, частные парки.

Тормса презрительно сплюнул.

— Место Харконненов.

— Они строили такие дома, чтобы все остальные чувствовали себя маленькими.

— Маленькими и бессильными.

Проводник стал почти красноречивым, подумал Айдахо.

В течение предыдущей ночи Дункан, вопреки приказу придержать язык, временами пытался все же завязать разговор.

— Какие животные протоптали эти тропы?

Вопрос казался совершенно логичным, коль скоро они шли именно по звериной тропе. Чувствовался даже мускусный запах какого-то живого существа.

— Не разговаривать, — огрызнулся Тормса.

Позже Дункан поинтересовался, почему они не воспользовались каким-нибудь транспортным средством. Даже вездеход мог здесь пригодиться, ведь все звериные тропы похожи одна на другую.

Тормса даже остановился в круге лунного света, посмотрев на своего подопечного, как на умалишенного.

— Транспортное средство можно начать преследовать.

— Но разве нельзя преследовать пешеходов?

— Тогда преследователи тоже будут вынуждены передвигаться на ногах, и тогда мы бы убили их. Они понимают это.

Что за зловещее и примитивное место!

Дункан, живя под защитой прочных стен Убежища Бене Гессерит, просто не понимал, что представляла собой Гамму. Позже, во дворце-невидимке, у него вообще не было никаких контактов с внешним миром. Он имел о Гамму

представления своей юности, но какими же неадекватными они оказались! Размышляя теперь на эту тему, он понимал, что некоторые намеки все же были, просто он не обращал на них внимания. Было очевидно, что на Гамму существует примитивный контроль погоды. Тег говорил, что у Гамму самая лучшая система слежения за летающими объектами.

Все для обороны и почти ничего для комфорта! В этом отношении Гамму очень напоминала Арракис.

Ракис, мысленно поправился он.

Тег. Выжил ли старик? Его взяли в плен? Во времена Харконненов это означало бы жесточайшее рабство. Бурцмали и Луцилла… Он посмотрел на Тормса.

— Мы встретим Бурцмали и Луциллу в городе?

— Да, если они пройдут.

Дункан осмотрел свою одежду. Достаточная ли это маскировка? Мастер Тлейлаксу и его спутник? Конечно, люди будут думать, что спутник лицедел. Лицеделы опасны.

Мешковатые брюки были пошиты из неизвестного Дункану материала. На ощупь он был похож на шерсть, но Дункан понимал, что это синтетика. Когда он плюнул на брюки, плевок не пристал

к ткани и не запахло шерстью. Пальцами Дункан определил, что текстура ткани была однородна. Такой однородности нельзя добиться ни в одном природном материале. Длинные мягкие ботинки и шапка были изготовлены из того же материала. Одежда была свободного покроя и плотно облегала только лодыжки. Одежда не была тканой, хотя изготовитель ухитрился создать ткань, в которой скапливался воздух. Одежда прекрасно хранила тепло. Цвет был камуфляжный, пятнистый серо-зеленый оттенок.

Тормса был одет точно так же.

— Как долго мы будем ждать здесь? — спросил Дункан.

Тормса молча покачал головой. Проводник сидел, скрестив ноги, обняв их руками и положив голову на колени. Глаза блуждали далеко, где-то в долине.

Во время ночного перехода Дункан оценил удобство одежды. Исключая погружения в ледяную воду, ноги не чувствовали холода, и им не было слишком жарко. Брюки, рубашка и куртка были свободны и позволяли легко двигаться. Нигде не тянуло и не давило.

— Кто делает эту одежду? — спросил Айдахо.

— Мы, — ответил Тормса. — Молчи.

Никакой разницы с тем, как с ним обращались в Убежище до пробуждения памяти.

Тормса постоянно повторял: «Тебе нет нужды это знать».

Вот и сейчас Тормса с видимым удовольствием вытянул ноги и посмотрел на Дункана.

— Наши друзья в городе сообщили, что над нами находятся разведчики.

— Орнитоптеры?

— Они.

— Что мы будем делать?

— Ты будешь делать то же, что и я, и ничего больше.

— Но ты просто сидишь.

— Сейчас. Скоро мы спустимся в долину.

— Но как…

— Когда ты пересекаешь такую страну, как эта, то превращаешься в животное. Посмотри на эти следы, на места их лежбищ.

— Но разве разведчики не могут отличить…

— Если животное рыщет, то должны рыскать и мы. Когда появляются разведчики, надо продолжать делать то, что ты делал до их появления. Разведчики высоко в воздухе. Они не могут отличить человека от животного, в этом и состоит наше счастье. Для того чтобы разобраться, им

надо спуститься на землю.

— Но они…

— Они доверяют своим машинам и считают, что правильно оценивают движение внизу. Они ленивы. Им нравится высоко летать. Поиск таким способом осуществляется быстрее. Они доверяют только своему разуму и думают, что с помощью машин могут отличить животное от человека.

— То есть они просто пролетят мимо, если подумают, что мы — животные.

— Если они засомневаются, то просканируют нас еще раз. При этом мы не должны ни в коем случае как-то менять рисунок нашего поведения.

Это была необычно длинная тирада для столь молчаливого человека. Тормса внимательно посмотрел на Дункана.

— Ты все понял?

— Но как я узнаю, что меня сканируют?

— Появятся неприятные ощущения в кишках. В желудке ты почувствуешь такое, словно проглотил нечто совершенно несъедобное.

Дункан понимающе кивнул.

— Иксианские сканеры.

— Пусть это тебя не тревожит, — сказал Тормса. — Местные животные уже привыкли к ма-

шинам. Иногда они, правда, замирают, но спустя мгновение ведут себя так, словно ничего не произошло. Собственно говоря, они правы. С ними ничего не может случиться… в отличие от нас.

Тормса встал.

— Мы идем в долину. Следуй за мной на близком расстоянии. Делай только то, что я, и ничего больше.

Дункан двинулся за проводником след в след. Вскоре они оказались под покровом деревьев. Иногда, уже во время ночного перехода, Дункан начинал понимать, какое место этот город и его окрестности занимают в планах других людей. Новое терпение овладело его сознанием. Было еще и волнение, порожденное любопытством.

Что за мир получился в результате событий времен Атрейдесов? *Гамму.* Каким странным местом стала Гьеди Один.

Медленно, но очень отчетливо все вещи стали обретать смысл, становясь на свои места. Каждая новая вещь открывала новые перспективы видения. Паттерн начал приобретать определенные очертания. *Настанет день,* подумал Дункан, *когда я разгляжу единый паттерн и пойму, зачем его с таким завидным постоянством воскрешают из мертвых.*

Да, это похоже на открывание дверей, думал он. Ты открываешь дверь и попадаешь в помещение, в котором есть другие двери. Ты выбираешь одну из них и смотришь, что скрывается за ней. Бывают моменты, когда приходится пробовать открывать несколько или все двери, и чем больше дверей ты открываешь, тем больше становится знание того, какую дверь открыть следующей. Наконец ты открываешь дверь и узнаешь место. Тогда ты сможешь сказать: «Вот и объяснение».

— Разведчик приближается, — произнес Торм-са. — Теперь мы рыщущие животные, объедающие ветви.

С этими словами он подошел к ближнему кусту и притянул к себе ветку, обрывая побеги.

Дункан последовал его примеру.

Я правлю глазом и когтем, как и подобает ястребу среди мелких пичужек.

Рассуждения Атрейдесов (Ссылка из Архивов БГ)

На рассвете Тег вышел из лесополосы на главную дорогу. Магистраль была широкой, с твердым покрытием, очень ровная и совершенно лишена растительности. Десять полос, как прикинул Тег, пригодных как для транспортного, так и пешеходного движения. Последнее в этот час явно преобладало.

Тег счистил пыль с одежды и избавился от всех знаков различия. Поправить прическу не удалось, хотя он и привык аккуратно причесываться, но для этого в его распоряжении сегодня были только пальцы.

Вдоль долины по всей дороге тянулись люди по направлению к Исаи. Утро было ясное, небо безоблачное. Свежий ветер дул в лицо Тегу и летел дальше к морю, которое находилось где-то позади.

За ночь Тег вполне освоился с новым состоянием своего сознания. Второе заранее было вездесущим: оно предупреждало Майлса о событиях, которые должны были произойти, предупреждало о том, куда поставить ногу при следующем

шаге. За всем этим лежала сверхъестественная способность молниеносно реагировать на все за пределами возможностей обычной человеческой плоти. Разум отказывался объяснять такие вещи. Тег чувствовал, что беспечно шагает по острию ножа.

Как ни пытался Тег, он так и не смог понять, что же случилось с ним во время Т-зондирования. Было ли это похоже на то, что испытывают Преподобные Матери во время мук Пряности? Но Тег не чувствовал присутствия посторонней памяти прошлого. Кроме того, он был уверен, что Сестры не способны делать то, что теперь мог делать он. Двойное зрение, позволявшее предвидеть события в каждый момент восприятия, казалось новым видом истины.

Учителя, которые готовили его как ментата, говорили, что есть такая форма жизни-истины, которую невозможно испытать с помощью обычного рационального анализа фактов.

— Эта форма жизни — самая трудная для восприятия ментатом, — говорили учителя.

У Тега было свое суждение на этот счет, но сейчас приходилось принимать случившееся, как факт. Т-зондирование вытолкнуло его за порог обычных ощущений в новую реальность.

Например, сейчас он не понимал, что заставило его выйти на дорогу из укрытия, кроме того, что ему захотелось влиться в общий поток движения.

Большая часть людей на дороге — садовники и огородники, везшие на рынок фрукты и овощи в корзинах. Корзины были погружены на дешевые самодвижущиеся подвески. Стоило Тегу увидеть эти горы еды, как его охватило мучительное чувство голода, но он заставил себя игнорировать это дикое желание есть. Пройдя долгую службу Бене Гессерит, Майлс бывал на многих примитивных планетах, и здесь увидел знакомую до боли картину — крестьяне ведут по дороге вьючных животных, передвигаясь пешком. Это пешее движение поразило его странной смесью древности и современности — крестьянин идет пешком, а его продукция плывет следом по воздуху на обычном техническом приспособлении. Если бы не подвески, то такую сцену можно было бы наблюдать на заре человеческой цивилизации — вьючное животное остается вьючным животным. Если даже его изготовили на конвейерах иксианских заводов.

Пользуясь вторым зрением, Тег выбрал одного из фермеров, приземистого смуглого человека с

мозолистыми руками. Человек этот шествовал по дороге с видом полной независимости. За ним плыли восемь корзин, груженных дынями. Запах этих фруктов наполнил слюной рот Тега, живот свело от голода. Тег зашагал рядом с крестьянином. Несколько минут они шли молча, потом Тег заговорил:

— Это самая лучшая дорога на Исаи?

— Это очень длинная дорога, — гортанным голосом ответил фермер. В его тоне прозвучала настороженность.

Тег оглянулся и посмотрел на полные корзины.

Фермер же искоса рассматривал самого Тега.

— Мы идем в рыночный центр, — пояснил крестьянин. — В Исаи нашу продукцию повезут другие.

Тег заметил, что, пока они разговаривали, фермер подвел его (почти оттеснил) к самому краю дороги. Человек резко оглянулся, потом движением подбородка указал направление вперед. К этому фермеру подошли еще трое, они окружили Тега и так расположили свои корзины, что те полностью скрыли Майлса от других пешеходов.

Тег напрягся. Что они задумали? Он не чувствовал угрозы, в действиях крестьян не было намерения проявить насилие.

Мимо проследовал тяжело груженный экипаж. Тег понял это только по запаху выхлопных газов, по колыханию корзин, стуку двигателя и по внезапному напряжению, охватившему его случайных попутчиков. Высокие корзины совершенно заслоняли от Тега дорогу и то, что на ней происходило.

— Мы давно ждем тебя, башар, чтобы прикрыть, — сказал фермер, шедший рядом. — Здесь много охотников за твоей головой, но среди нас таких нет.

Тег уставил на крестьянина изумленный взгляд.

— Мы служили с тобой в Рендитаи, — сказал фермер.

Тег взволнованно сглотнул. *Рендитаи?* Это был лишь маленький эпизод в цепи битв и переговоров.

— Мне очень жаль, но я не помню твоего имени, — сказал Тег.

— Радуйся, что ты не знаешь наших имен, так будет лучше.

— Но я очень благодарен вам, — возразил Тег.

— Это очень небольшое одолжение, которые мы счастливы сделать тебе, башар.

— Я должен попасть в Исаи, — сказал Тег.

— Там очень опасно.

— Сейчас везде опасно.

— Мы так и думали, что ты пойдешь в Исаи. Скоро придут люди, и ты пойдешь туда под прикрытием. Ага, вот и он. Мы тебя не видели, башар. Тебя здесь не было.

Один из фермеров взял у первого поводья подвески, а тот, проведя Тега под поводьями, втолкнул его в темный экипаж. Тег успел разглядеть только сверкающий пластил и тонированные стекла машины, которая на мгновение замедлила скорость, чтобы подобрать пассажира. Дверца захлопнулась, и Тег очутился на мягком сиденье в заднем отсеке машины. Экипаж набрал скорость и вскоре оставил позади фермеров. Окна были затемнены, и окружающий пейзаж воспринимался довольно смутно. Так же плохо было видно водителя.

Тега потянуло в сон. Он не чувствовал угрозы. Тело гудело от усталости и мучений, причиненных Т-зондом.

Однако он приказал себе бодрствовать.

Водитель подался к нему и произнес, не оборачиваясь:

— Они ищут вас уже два дня, башар. Некоторые думают, что вас уже нет на планете.

Два дня?

Оказывается, то, что они с ним сделали, как бы это ни называлось, погрузило его в долгое беспамятство. От этого голод только усилился. Он попытался понять, что за шутку с восприятием времени они внедрили в его организм, но зрительные центры просто продолжали выдавать быстрое мерцание, как это началось с зондирования. Чувство времени и все отношение к нему полностью и необратимо изменились.

Итак, некоторые думают, что его уже нет на планете.

Тег не стал спрашивать, кто охотится за ним. В нападении и в пытке участвовали тлейлаксианцы и люди из Рассеяния.

Тег оглядел кабину и салон. Это была одна из лучших моделей, которые изготавливали на заводах Икса еще до Рассеяния. Клеймо Икса было видно на стене салона. Ему ни разу не приходилось ездить на таких машинах, но он много о них слышал. Реставраторы делали чудеса, и машины выходили из их рук обновленными, дыша древним отменным качеством. Тегу говорили, что такие машины часто находят брошенными в очень странных местах — в старых зданиях, в дренажных штольнях, на складах и на фермер-

ских полях.

Водитель снова склонился набок и заговорил:

— У вас есть адрес, куда вы бы хотели попасть в Исаи, башар?

Тег мобилизовал память о пребывании в Исаи и назвал место.

— Вы знаете это место?

— Это заведение, где люди назначают свидания и выпивают, башар, — ответил водитель. — Но там могут и неплохо накормить, если есть деньги. Вход в это заведение свободный.

Тег и сам не понимал, почему он выбрал именно это место.

— Давайте попробуем это заведение.

Он не стал говорить водителю, что в этом ресторане есть отдельные, скрытые от посторонних глаз кабинеты.

Упоминание о пище снова вызвало мучительное чувство голода. Руки Майлса задрожали и ему пришлось потратить несколько минут на то, чтобы унять эту дрожь. События прошлой ночи истощили его, признался себе Тег. Он обвел глазами салон, надеясь, что в нем могут быть пища и питье. Бар был отделан очень любовно, но был совершенно пуст.

Он знал, что в некоторых кварталах такие

машины не редкость, но все они говорили о богатстве владельца. Кто владеет этой машиной? Естественно, не водитель. Этот человек по всем признакам был наемным профессионалом. Но если поступил приказ доставить машину, то кто-то знал о пребывании Тега в лесу и о его бегстве.

— Эту машину могут остановить для обыска? — спросил Тег.

— Эту машину — нет, башар. Она принадлежит «Планетарному Банку Гамму».

Тег выслушал ответ молча. Этот банк был одним из его контактных пунктов. Во время инспекционных поездок он посещал практически все филиалы этого банка. Мысли о банке напомнили башару о его главной обязанности — спасти гхола.

— Мои товарищи, — заговорил Тег. — Они…

— Ими занимаются другие люди, башар. Я не имею права говорить об этом.

— Можно ли передать…

— Когда минует опасность, башар.

— Конечно, конечно.

Тег откинулся на подушки сиденья. Эти машины строились из армированного стекла и практически вечного пластила; разрушались в них другие вещи — обивка, электроника, подвес-

ки, трубы газовых турбин. Клей старел, что бы люди ни делали, чтобы предотвратить такое старение. Реставраторы делали с машинами чудеса — автомобиль выглядел так, словно только что сошел с конвейера завода: блеск металла, роскошная обивка салона, сверкающие полдинги, прихотливые формы. И запах: этот неотразимый аромат новизны, дорогой полировки, роскошных тканей и едва уловимый запах озона от работающей электроники. В этой гамме не хватало только одного аромата — аромата пищи.

— Далеко еще до Исаи? — спросил Тег.

— Еще полчаса, башар. Вы хотите прибавить скорость? Но мне не хотелось бы привлекать внимание…

— Я очень голоден.

Водитель посмотрел направо, потом налево. Вокруг не было видно фермеров. Дорога была пуста, если не считать двух машин — трактора на правой полосе и уборочного комбайна на левой.

— Надолго останавливаться опасно, — произнес водитель, — но я знаю недалеко одно место, где вам нальют чашку супа.

— Подойдет все, что угодно. Я не ел два дня, а поработать мне пришлось изрядно.

Подъехав к перекрестку, водитель свернул

налево, на узкую дорогу в лесополосе. Они поехали по однополосной дороге среди деревьев. В конце этой дороги располагалось низкое здание, сложенное из темного камня с крышей из тонированного стекла. Сверкающие окна были защищены огнеметами.

— Одну минуту, сэр, — сказал водитель.

Он вышел из кабины, и Тег внимательно всмотрелся в его лицо — узкое, с длинным носом и маленьким ртом. На щеках видны следы пластических операций. Глаза были прикрыты серебристыми контактными линзами. Мужчина направился в дом. Вернувшись, он открыл дверь салона.

— Прошу вас, поторопитесь, сэр. Для вас уже греется суп. Я сказал, что вы банкир. За суп уплачено.

Под ногами хрустели подмерзшие лужицы. Проходя в дверь заведения, Тег был вынужден наклониться. Войдя, он оказался в коридоре, отделанном деревянными панелями. В конце коридора виднелось ярко освещенное помещение. Запах пищи притягивал, как магнит. У окна, выходившего на маленький крытый сад, стоял накрытый стол. Кусты с яркими цветами скрывали каменную стену сада. Желтый свет

имитировал жаркое летнее солнце. Испытывая чувство благодарности, Тег уселся за стол. Белая льняная скатерть с аккуратно подшитыми краями создавала впечатление роскоши.

Слева скрипнула дверь, и на пороге появилась приземистая фигура. Человек нес в руках дымящуюся чашу. Немного поколебавшись, человек подошел к столу и поставил чашу перед Тегом. Встревоженный нерешительностью официанта, Тег не стал набрасываться на еду и принялся внимательно разглядывать человека.

— Это очень хороший суп, сэр. Я сам его приготовил.

Голос искусственный, заметил Тег. На сторонах челюсти были видны шрамы. Вообще человек производил впечатление жертвы древних операций тотального протезирования. Шеи практически не было, голова переходила непосредственно в массивные плечи, руки с какими-то странными сочленениями в плечевых и локтевых суставах, ноги, которые сгибались только в тазобедренных суставах. Сейчас человек стоял неподвижно, но вошел он неестественной раскачивающейся походкой, столь характерной для людей, передвигающихся на искусственных конечностях. Невозможно было не заметить страдальческого

выражения его глаз.

— Я понимаю, что неважно выгляжу, сэр, — прохрипел человек. — Но я был полностью разрушен во время взрыва в Аладжори.

Тег не имел ни малейшего понятия, что за взрыв был в неведомом Аладжори, но человек явно был уверен, что гость знает это. «Разрушен» — какое интересное обвинение в адрес Судьбы.

— Мне кажется, я вас не знаю, — сказал Тег.

— Здесь никто никого не знает, — произнес человек. — Ешьте свой суп, сэр.

Официант показал на аппарат, улавливающий ядовитые запахи.

— Еда тут не отравлена, можете есть спокойно.

Тег взглянул на густую коричневую жидкость в чаше. В супе плавали куски настоящего мяса. Тег схватил ложку, но не смог поднести ее ко рту, суп выливался, настолько судорожно Майлс держал ложку.

Сильная рука взяла Тега за запястье и помогла поднести полную ложку ко рту. Искусственный голос проскрипел в ухо:

— Я не знаю, что они сделали с вами, башар, но здесь никто не причинит вам вреда. Для этого ему придется перешагнуть через мой труп.

— Вы меня знаете?

— Здесь многие готовы умереть за вас, башар. Мой сын остался в живых только благодаря вам.

Тег позволил официанту помочь себе. Иначе он никогда не проглотил бы эту проклятую первую ложку супа. Жидкость была густой, горячей и вкусной. Рука стала слушаться, и Тег кивнул человеку, давая знать, что тот может отпустить его запястье.

— Хотите еще, сэр?

Тег не заметил, как опустошил чашу. Было большое искушение сказать «да», но водитель наверняка уже нервничает.

— Спасибо, но мне надо спешить.

— Вас здесь не было, — сказал на прощание официант.

Когда машина уже мчалась по дороге, Тег откинулся на сиденье и принялся размышлять. Некоторые вещи, сказанные *разрушенным* человеком, вызвали странные ассоциации. Например, они с фермером употребили совершенно одинаковый оборот — «вас здесь не было». Это говорило об общей ответственности и об изменениях, происшедших на Гамму с тех пор, когда Тег был здесь в последний раз.

В это время машина въехала в пригороды Исаи, и Тег подумал, что надо замаскироваться. Во вся-

ком случае, разрушенный узнал его сразу.

— Где теперь разыскивают меня Досточтимые Матроны? — спросил Тег.

— Всюду, башар. Мы не можем гарантировать вашу безопасность, но кое-какие меры приняли. Я все расскажу, когда доставлю вас на место.

— Они объясняют, зачем я им нужен?

— Они никогда ничего не объясняют, башар.

— Давно ли они на Гамму?

— Слишком давно, сэр. Они прибыли, когда я был ребенком, а ведь при Рендитаи я был унтер-офицером.

Значит, они здесь уже почти сто лет. За это время можно собрать достаточно сил… если верить страхам Таразы.

Тег верил.

Не верьте никому, на кого могут влиять эти шлюхи.

Однако сейчас Тег не чувствовал никакой непосредственной угрозы. Надо было только соблюдать секретность и конспирацию, которыми его окружили. Он не стал настаивать на подробностях.

Тем временем они уже въехали в Исаи. Сквозь промежутки в стенах частных особняков Тег видел массивное здание Баронии Харконненов.

Машина свернула на улицу, застроенную дешевыми заведениями с блеклыми вывесками. Интуиция подсказала Тегу, что в этих магазинах и мастерских можно найти вещи потрясающего качества.

Не то чтобы Исаи был разрушен или опустошен, подумал Тег. Рост благосостояния выродился в создание чего-то настолько отвратительного, что для описания происшедшего у Тега не было слов. Кто-то очень позаботился о том, чтобы сделать это место отталкивающим. В этом был ключ к пониманию того, что происходило в городе.

Время здесь не остановилось, оно потекло вспять. Исаи не был современным городом с яркими машинами на улицах и стандартно-красивыми домами. Нет, все здесь носило налет древности — стоявшие по отдельности разностильные особняки, отражавшие индивидуальные вкусы владельцев. Некоторые дома были построены с приспособлениями, в которых уже давно не было необходимости. Казалось, еще немного и в городе должен наступить полный хаос. Силой, которая удерживала Исаи на грани распада, подумалось Тегу, были магистрали, которые соединяли в единое целое это нагромождение частностей. Хаоса удавалось избегать, но было видно, что застройка

улиц не следует никакому плану. Улицы перекрещивались под произвольными углами, площади были редкостью. С высоты птичьего полета Исаи производил впечатление дикого узора, с черным прямоугольником Баронии в центре. Это было единственное упорядоченное место, говорившее о древнем плане города. Все остальное можно было смело назвать архитектурным мятежом.

Тег внезапно понял, что этот город был напластованием лжи. Один слой ее прикрывал другой и так до бесконечности. Лжи было так много, что было бы совершенно безнадежно пытаться разгрести эту ложь, чтобы докопаться до первоначальной истины. Вся планета была поражена лживостью сверху донизу. С чего началось это безумие? С Харконненов?

— Мы прибыли, сэр.

Водитель припарковал машину к тротуару возле дома без окон. Фасад был украшен черным пластилом, на уровне земли находился один вход. Тег узнал это место. Он сам дал водителю этот адрес. Неясные образы замелькали перед вторым видением Тега, но он не почувствовал непосредственной угрозы. Водитель открыл дверь и отступил в сторону.

— В этот час здесь не слишком оживленно, сэр.

Прошу вас поспешить.

Тег, не оглядываясь, стремительно вошел в дверь и оказался в ярко освещенном вестибюле с горящими глазками телекамер. Он скользнул в лифт и набрал код, который хорошо помнил. Лифт должен был доставить его на пятьдесят седьмой этаж, в помещение с окнами. Он помнил эту уютную столовую, выполненную в красных тонах, обставленную темной солидной мебелью, и женщину с жестким взглядом. Наверняка она была воспитанницей Бене Гессерит, хотя и не принадлежала к сословию Преподобных Матерей.

Лифт выпустил его в той самой комнате, но там его никто не ждал. Тег оглядел старинную коричневую мебель, четыре окна в дальней стене были прикрыты тяжелыми темно-бордовыми занавесями.

Тег понимал, что за ним наблюдают. Он принялся терпеливо ждать. Двойное видение позволяло ему предвидеть возможные неприятности. Не было никаких признаков готовившегося нападения. Он встал возле входа в лифт и тоже стал наблюдать.

У Тега была целая теория взаимоотношений помещения и окон. Количество последних, их

расположение, высота подоконника, отношение размеров окон к площади помещения, высота расположения комнаты в здании, занавеси или жалюзи на окнах — все это давало пищу интеллекту ментата для суждения о соответствии окон функциональному назначению помещения. Сами помещения могут отличаться большой сложностью убранства. Все, что здесь находилось, можно было в случае необходимости выбросить из окон, хотя в остальном помещение выглядело вполне надежным.

Отсутствие окон в помещении, находящемся над землей, тоже говорило о многом. Если это помещение было жилым, то отсутствие окон вовсе не обязательно говорило о необходимости сохранения какой-то тайны. Например, без ошибки можно было сказать, что отсутствие окон в школьном классе говорит о стремлении изолировать класс от внешнего мира и о нелюбви к детям.

Однако эта комната говорила о другом: необходимость соблюдать определенную секретность и возможность время от времени наблюдать за внешним миром. Защитная секретность в случае необходимости. Его мнение подтвердилось, когда Тег пересек комнату и отодвинул одну из

занавесей. Тройное армированное стекло. Так! Наблюдение за внешним миром могло спровоцировать внешний мир на атаку. Таково было мнение тех, кто заказывал отделку этого помещения.

Тег еще раз отодвинул занавеску. В углу что-то сверкнуло всеми цветами радуги. Призматические отражатели позволяли видеть стену дома от земли до крыши.

Отлично!

Во время предыдущего посещения он не успел ознакомиться с этими приспособлениями, но сейчас время вполне позволяло. Очень интересное помещение. Тег закрыл занавеску и обернулся. В комнату вошел высокий мужчина. В этом человеке таилась скрытая угроза. Он был потенциально опасен. Это был, без сомнения, военный — выправка и видимая наблюдательность в отношении деталей — признак хорошо обученного офицера. Было в его поведении еще что-то, что заставило Тега насторожиться. Это был предатель! Такого можно купить, если не постоять за ценой.

— Они довольно паршиво обошлись с вами, — приветствовал мужчина Тега. Он говорил глубоким баритоном, в котором проскальзывала сила. Такого акцента Тег еще никогда не слышал. Это

человек из Рассеяния! Чин — не ниже башара.

Однако признаков немедленного нападения Тег не чувствовал.

Тег молчал, и мужчина снова заговорил:

— О, прошу прощения: Муззафар. Джафа Муззафар, региональный командующий силами Дура.

Тег никогда в жизни не слышал о таких силах. У него появилось множество вопросов, но он молчал, чтобы не показать свою слабость.

Где люди, которые встречали его здесь в прошлый раз? *Почему я выбрал именно это место?* Ведь решение было принято мною с такой внутренней уверенностью.

— Прошу вас, чувствуйте себя как дома, — сказал Муззафар, указывая рукой на удобный диван, перед которым стоял низенький столик. — Уверяю вас: в том, что случилось с вами, нет моей вины. Я попытался положить этому конец, но вы уже… покинули место действия.

Теперь в голосе Муззафара появились новые интонации: это была осторожность, граничащая со страхом. Итак, этот человек либо слышал о хижине, либо сам участвовал в том, что в ней происходило.

— Вы очень умны, — продолжал Муззафар. — Приберегли свою ударную силу до того момента,

когда захватившие вас люди сосредоточили свои усилия на том, чтобы извлечь из вас информацию. Интересно, они чему-нибудь научились?

Тег молча покачал головой. Он чувствовал, что вот-вот взорвется и нападет на собеседника, но… реальной опасности применения силы пока не было. Чего хотят эти Заблудшие? Муззафар и его люди сделали совершенно ложные выводы из того, что случилось во время проведения Т-пробы. Это было очевидно.

— Пожалуйста, сядьте, — произнес Муззафар.

Тег присел на диван.

Муззафар сел в кресло по другую сторону стола. В позе Муззафара чувствовалась готовность. Он явно ожидал атаки со стороны Тега.

Башар с интересом рассматривал собеседника. Муззафар не назвал своего чина, только должность — командующий. Высокий парень с широким лицом и большим носом. Серо-зеленые глаза смотрели куда-то на плечо Тега, кто бы из них ни говорил. Когда-то Тег знал шпиона, который точно так же смотрел на собеседника.

— Ну, ну, — произнес Муззафар. — Я много слышал и читал о вас, прежде чем прийти сюда.

Тег продолжал внимательно его рассматривать. Волосы коротко острижены, над левой бровью

багровый шрам длиной несколько миллиметров. Одет в зеленую куртку и такие же брюки — это, конечно, не форма, но одежда хорошо пригнана и выглажена — сказывается привычка к порядку. Об этом же говорили и ботинки. Они были вычищены до такого блеска, что Тег мог бы увидеть в них свое отражение, если бы наклонился пониже.

— Никогда не думал, что встречусь с вами лично, — продолжал между тем Муззафар. — Это большая честь для меня.

— Я очень мало о вас знаю — только то, что вы командуете силами Рассеяния, — сказал Тег.

— М-м-м-м, да, это немного, — произнес Муззафар.

Тег снова почувствовал сильный голод. Он скосил глаза на кнопку возле шахты лифта, нажав которую, как он помнил, можно было вызвать официанта. В этой комнате все было сделано с применением автоматики — оправдание необходимости держать наготове множество людей.

Муззафар неправильно истолковал этот взгляд.

— Прошу вас, не думайте о том, чтобы уйти. Сейчас придет мой личный врач и осмотрит вас. Он явится с минуты на минуту. Было бы хорошо,

если бы вы дождались его.

— Вообще-то я хотел заказать что-нибудь поесть, — признался Тег.

— Все же я советую сначала дождаться доктора. Станнеры характерны своими нехорошими последствиями.

— Так вы все знаете.

— Мне все известно об этом пренеприятнейшем фиаско. Вы и Бурцмали — это сила, с которой надо считаться.

Тег не успел ответить, как дверь лифта открылась и оттуда вышел высокий мужчина в красном комбинезоне. Человек был настолько худ, что одежда буквально болталась на нем. На лбу было клеймо доктора Сукк — тавро в виде бриллианта. Правда, знак был не привычного черного, а оранжевого цвета. Глаза доктора были скрыты за оранжевыми контактными линзами.

Токсикоман? — подумал Тег. Правда, от мужчины не пахло никакими известными Майлсу наркотиками и даже меланжей. От врача исходил слабый, но явственный фруктовый запах.

— Вот и ты, Солиц! — воскликнул Муззафар, указывая на Тега. — Обследуй его хорошенько. Его здорово тряхнуло станнером позавчера.

Солиц достал из чемоданчика знаменитый

сканер Сукк. Работая, сканер издавал тихое жужжание.

— Так вы доктор Сукк, — произнес Тег, разглядывая оранжевое клеймо.

— Да, башар, и в своем ремесле я являюсь самым видным знатоком древнего искусства.

— Никогда не видел знака такого цвета, — сказал Тег.

Доктор поднес сканер к голове башара.

— Цвет не играет никакой роли, башар. Главное — это то, что скрывается под ним.

Он опустил сканер и провел им по плечам Тега, потом провел им вдоль тела.

Тег терпеливо ждал, когда закончится противное жужжание.

Доктор встал и обратился к Муззафару:

— Он совершенно здоров, фельдмаршал. Замечательная физическая форма, учитывая возраст. Правда, его следует хорошо накормить.

— Хорошо, хорошо, Солиц. Позаботься об этом. Башар — наш гость.

— Я закажу необходимую для него пищу, — сказал Солиц. — Ешьте ее медленно, башар.

Доктор поклонился, отчего захлопала его одежда на тощем, как швабра, теле. Кабина лифта поглотила его.

— Фельдмаршал? — спросил Тег.

— На Дуре возродили древние звания, — пояснил Муззафар.

— На Дуре? — переспросил Майлс.

— Какой же я глупец! — воскликнул Муззафар. Он достал из кармана тоненькую папку. Тег вспомнил, что во время службы сам носил такую в кармане кителя. В ней лежали семейные голограммы. Муззафар поставил папку ребром на стол и нажал кнопку.

Возникло цветное изображение зеленых кустов на фоне панорамы джунглей.

— Это мой дом, — сказал Муззафар. — В центре — фреймбуш. Это мои первые подчиненные. Люди смеялись надо мной за такой выбор и постоянно дразнили меня.

Тег всмотрелся в голограмму, уловив печальные нотки в голосе Муззафара. Кусты представляли собой веретенообразные побеги, на концах которых, густо переплетаясь, располагались яркие синие луковицы.

Фреймбуш?

— Это очень тонкая материя, я понимаю, — сказал Муззафар, опустив руку. — Он совсем не безопасен. Первые месяцы мне самому приходилось защищаться от него. Но я очень привязался

к этим кустам. И вы знаете, они ответили мне взаимностью. Для меня это самый родной дом — Вечная скала Дура!

Муззафар заметил озадаченный взгляд Тега.

— Проклятье! У вас же нет фреймбуша. Вы должны простить мне мое поразительное невежество. Мы можем многому поучиться друг у друга.

— Вы назвали это домом, — напомнил Муззафару Тег.

— О да. При правильном обращении они могут научиться повиновению. Фреймбуш тогда вырастает и сам становится прекрасным зданием. На это требуется четыре или пять стандартов.

Стандартов, подумал Тег. Значит, Заблудшие тоже пользуются в своем календаре стандартными годами.

Прошелестела кабина лифта и оттуда вышла молодая женщина в синем платье официантки. Она внесла в комнату подвеску с горячим мармитом и принялась расставлять тарелки перед Тегом. Одежда была такой же, какую Тег видел в прошлый раз, но приятное круглое лицо женщины было ему незнакомо. Голова была выбрита, и на скальпе четко выделялись вены. Глаза были водянисто-голубого цвета, а во всей осанке и поведении было что-то коровье. Женщина откры-

ла супницу, и комната наполнилась пряными ароматами.

Тег насторожился, но реальной угрозы не почувствовал. Он видел, как есть эту пищу без видимого вреда для себя. Официантка расставила ряды тарелок и положила на стол приборы.

— У меня нет снупера, — сказал Муззафар, — но я сам попробую всю пищу, чтобы у вас не было ни малейших подозрений.

— В этом нет необходимости, — отказался Тег. Он понимал, что это вызовет массу вопросов, но чувствовал, что надо вести себя так, чтобы они заподозрили в нем Вещающего Истину. Тег отдал должное еде. Не рассуждая больше, он наклонился вперед и принялся есть. Будучи знакомым с реакциями ментата на еду, он был немало удивлен своим теперешним отношением к ней. Ментат отмечал, что он поглощает калории с неимоверной быстротой, что чувство голода, подгоняющее его, необычайно сильно. Есть — значило выжить. Суп, который он ел у разрушенного, не вызвал таких реакций.

Доктор Сукк подобрал мне правильное питание, думал Тег. Пища была подобрана на основании показаний сканера.

Молодая официантка продолжала ставить на

стол все новые и новые блюда.

В середине трапезы Тег был вынужден встать из-за стола и облегчиться в туалете, понимая, что там тоже есть камера, с помощью которой за ним продолжают следить. Стало ясно, что его кишечник работает в соответствии с новыми энергетическими потребностями организма. Вернувшись к столу, он чувствовал себя так, словно ничего не ел.

Официантка сначала удивилась, а потом встревожилась, видя такое поведение Тега. Однако продолжала по его требованию ставить на стол все новые и новые тарелки.

Муззафар следил за гостем с возрастающим интересом, но не говорил ни слова.

Тег чувствовал, что по своему качеству пища идеально подходит для замещения потерь энергии, единственное, чего не учел доктор Сукк, так это количества. Девушка покорно продолжала менять тарелки, всем своим видом демонстрируя ужас и потрясение.

Муззафар наконец нарушил молчание:

— Должен сказать, что никогда не видел человека, способного съесть так много за один присест. Не вижу ни как вы это делаете, ни зачем.

Тег, наконец насытившись, откинулся на спин-

ку дивана, зная, что возбудил массу вопросов, на которые не мог ответить правду.

— Это ментатские штучки, — солгал он. — У меня были слишком большие нагрузки в последние дни.

— Удивительно, — сказал Муззафар, поднимаясь.

Тег тоже встал, но Муззафар жестом предложил ему остаться.

— В этом нет надобности. Для вас приготовлены апартаменты в соседнем помещении. Безопаснее оставить вас здесь.

Официантка собрала пустую посуду и вышла.

Тег принялся внимательно рассматривать фельдмаршала. Что-то явно изменилось в его поведении за то время, пока Тег ел. Сейчас у Муззафара был холодный оценивающий взгляд.

— У вас есть имплантированный коммуникатор, — сказал Тег. — И сейчас вы получили новый приказ.

— Я бы не советовал вашим друзьям даже пробовать атаковать этот дом, — произнес в ответ Муззафар.

— Вы думаете, что в этом состоит мой план?

— А в чем он состоит, башар?

В ответ Тег только улыбнулся.

— Очень хорошо, — в глазах Муззафара исчезало всякое выражение, когда он начинал слушать, что ему говорят по коммуникатору. Когда он снова осмысленно взглянул на Тега, в его взгляде появилось хищное выражение. Майлса неприятно поразил этот взгляд — он понял, что сейчас в эту комнату войдет еще кто-то. Фельдмаршал считал, что этот визит очень опасен для его гостя, но Тег не видел кого-либо, кто мог противостоять его новым способностям.

— Вы полагаете, что я пленник, — сказал Тег.

— Клянусь вечными скалами, башар, вы совсем не тот, кого я ожидал увидеть!

— А чего ожидает от меня Досточтимая Матрона, которая сейчас явится сюда?

— Башар, я предупреждаю вас: не разговаривайте с ней таким тоном. Вы просто не имеете ни малейшего представления о том, что может с вами случиться.

— Случится встреча с Досточтимой Матроной, — простодушно сказал Тег.

— Я желаю вам всего самого хорошего!

Муззафар четко повернулся кругом и исчез в лифте.

Тег посмотрел ему вслед. Второе видение просканировало шахту лифта. Досточтимая Матрона

уже близко, но войдет немного погодя. Сначала она поговорит с Муззафаром. Но фельдмаршал не сможет сообщить этой опасной даме ничего важного о своем госте.

Память никогда не восстанавливает реальность. Память реконструирует. Реконструкция же изменяет оригинал, становясь внешней формой, содержание которой неизбежно страдает изъянами.

Руководство ментата

Луцилла и Бурцмали вошли в Исаи с юга и попали в бедный квартал со скупо освещенными улицами. До полуночи оставался всего час, но по городу слонялись толпы народа. Некоторые спокойно гуляли, некоторые оживленно болтали, подогретые какими-то наркотиками, некоторые оцепенело наблюдали за происходящим. Они стояли в темных углах и, как зачарованные, смотрели вслед Луцилле.

Бурцмали заставил ее идти быстрее, поскольку нашлось бы немало любителей стать ее клиентом и остаться с ней наедине. Луцилла исподволь и с большим интересом присматривалась к окружающим.

Что они здесь делают? Эти мужчины, застывшие в ожидании у дверей подъездов. Чего они ждут? Рабочие в фартуках, выползающие неизвестно из какой тьмы при приближении Луциллы и Бурцмали. Стоял густой запах дешевой одежды и немытых, потных тел. Рабочие приблизительно

поровну делились на мужчин и женщин. Все высокие, кряжистые, с толстыми руками. Луцилла не могла даже вообразить, чем они занимаются, но они представляли собой однородный типаж, и Преподобная Мать осознала, сколь мало знает она Гамму.

Рабочие то и дело харкали и плевали на панель. *Избавляются от грязи?* Бурцмали приложился к уху Луциллы.

— Эти рабочие — борданос.

Она украдкой посмотрела на лица рабочих. Борданос? Ах да. Эти люди делают компрессоры для сточных труб. Это была специальная порода, вбирающая в себя отвратительные запахи. Их плечи и руки специально были увеличены путем искусственного генетического отбора. Бурцмали вывел ее на другую улицу, где не было борданос.

Из темного подъезда выпорхнули пятеро ребятишек и последовали за Луциллой и Бурцмали. Луцилла заметила, что дети сжимают в ручках какие-то маленькие предметы. Они шли за взрослыми с каким-то маниакальным упорством. Бурцмали внезапно остановился и обернулся. Дети тоже остановились, глядя на него. Луцилле стало ясно, что дети приготовились к нападению.

Бурцмали хлопнул в ладоши и поклонился детям.

— Гульдур! — крикнул он.

Когда Бурцмали снова повел Луциллу вдоль по улице, дети не возобновили преследование.

— Они собирались забросать нас камнями, — сказал он.

— Почему?

— Это дети членов секты, поклоняющейся Гульдуру, — так здесь называют Тирана.

Луцилла оглянулась, но детей уже не было видно. Они направились искать себе новую жертву.

Они обогнули еще один угол. Здесь в основном правили бал мелкие торговцы, продающие с тележек всякую мелочь — еду, питье, одежду, инструменты и ножи. Торговцы оглушительно и вразнобой кричали, стараясь привлечь покупателей. Их голоса были приподнятыми — как это всегда бывает в конце рабочего дня — мечты окрашиваются в радужные оттенки, кажется, что они вот-вот сбудутся, хотя в действительности все знают, что жизнь никогда не изменится для них к лучшему. Луцилле показалось, что обитатели этой улицы бегут за текучей мечтой, за потоками сновидения. Они хотят даже не воплощения мечты, нет, они хотят воплощения мифа, гнаться

за которым их приучили точно так же, как приучают гнаться за движущейся приманкой собак, которые развлекают публику на стадионах, бегая по кругу за механическим зайцем.

Прямо впереди них рослый плотный человек в длинном пальто громко ругался с продавцом фруктов — в плетеной корзине лежали аппетитно пахнущие плоды.

Торговец жалобно вопил:

— Ты вынимаешь эти фрукты изо рта моих детей!

Великан отвечал высоким свистящим голосом, который показался Луцилле знакомым. При одном воспоминании о нем, по ее спине пробежал холодок.

— У меня тоже есть дети!

Луцилла с трудом сумела сохранить спокойствие.

Когда они покинули торговую улицу, Луцилла прошептала, обращаясь к Бурцмали:

— Тот человек в толстом пальто — Мастер Тлейлаксу!

— Не может быть, — возразил Бурцмали. — Слишком уж он высок.

— Их там двое — один на плечах другого.

— Ты уверена?

— Я уверена.

— Я уже видел тут таких, но мне и в голову не пришло, кто они такие.

— Здесь, на этих улицах, полно соглядатаев, — сказала она.

Луцилла поняла, однако, что ничего не знает о повседневной жизни зловонных обитателей этого зловонного города. Она больше не доверяла тем объяснениям, которыми оправдывали доставку сюда гхола. Почему из всех планет, на которых можно было бы воспитать драгоценного гхола, Сестры выбрали именно Гамму? Да и был ли гхола действительно драгоценным? Может быть, он просто служил приманкой?

Сзади них какой-то человек играл на устройстве, переливавшемся всеми цветами радуги.

— Живые картины! — кричал этот человек. — Живые картины!

Луцилла замедлила шаг и посмотрела на прохожего, который вошел в аллею, приблизился к владельцу аттракциона и дал ему монетку, сунув после этого лицо в ярко освещенный таз. Владелец аттракциона тоже уставился на Луциллу. Это был мужчина с узким темным лицом, похожий на уроженца древнего Каладана. Ростом он был чуть выше Мастера Тлейлаксу. Монету зрителя

он принял с каким-то вызовом.

Клиент вынул голову из таза и пошел дальше, шатаясь из стороны в сторону. Глаза его горели нездоровым огнем.

Луцилла поняла, что это за устройство. Аттракцион назывался гипнобонг и был запрещен на других, более цивилизованных, планетах.

Бурцмали, потеряв терпение, буквально силой потащил Луциллу прочь от владельца гипнобонга.

Они свернули на широкую боковую улицу. Напротив, в углу большого дома черной пастью зиял подъезд. Кругом полно пешеходов. Машин вообще не было видно. На ступенях подъезда сидел человек, упершись подбородком в поднятые колени. Длинными руками, сцепив пальцы, он обнимал колени. На голове человека была шляпа с широкими полями, заслонявшая от него свет, но из-под этих полей сверкнули такие глаза, что Луцилла поняла, что в ее, полученном в Бене Гессерит, образовании есть пробел. С такими экземплярами им не приходилось сталкиваться в жизни. О них только размышляли, считая несуществующими.

Бурцмали выждал, когда они удалились на достаточное расстояние от этого человека, и удо-

влетворил любопытство Луциллы.

— Это футар, — прошептал он. — Так они сами себя называют. Такие образчики появились на Гамму совсем недавно.

— Эксперимент тлейлаксианцев, — догадалась Луцилла и подумала: *Ошибка, занесенная к нам из Рассеяния.*

— Что они здесь делают? — спросила она.

— Торговая колония. Так, во всяком случае, объясняют род их деятельности аборигены.

— Не верь этому. Это хищные животные, скрещенные с человеком.

— Ага, вот мы и пришли, — сказал Бурцмали.

Он провел Луциллу в узкую дверь скудно освещенной забегаловки. Это было частью их маскарада. Луцилла поняла: *Делай то же, что делают в этом квартале другие.* Но есть то, что подавали здесь, она все же не отважилась.

Заведение было забито до отказа, но как только они вошли, столики мгновенно опустели.

— Нам очень рекомендовали посетить эту забегаловку, — сказал Бурцмали, когда они сели за столик и стали ждать, когда автомат выбросит им меню.

Луцилла смотрела на уходящих посетителей. Ночные смены с близлежащих заводов и

учреждений, решила она. Они очень спешили, видимо, опасаясь жестокого наказания за возможное опоздание.

В какой же изоляции мы жили в Убежище, подумала Луцилла. Ей совершенно не понравилось то, что она узнала о подлинной Гамму. В какое ужасное заведение они попали! Стулья у их столика были исцарапаны и изрезаны. Поверхность стола так усердно терли абразивами, что пыль теперь невозможно было убрать даже пылесосом, носик которого торчал тут же слева. Не было даже самых дешевых ультразвуковых очистителей. В трещинах скапливались остатки пищи и прочая грязь. Луцилла содрогнулась. Она никак не могла отделаться от мысли, что сделала ошибку, разлучившись с гхола.

Вот появилась проекция меню, и Бурцмали начал его просматривать.

— Я сделаю заказ, — сказал он.

Бурцмали не хотел, чтобы Луцилла сделала ошибку, заказав пищу, которую запрещено есть женщинам, исповедующим Горму.

Он хотел заставить ее почувствовать свою зависимость. Ее, Преподобную Мать! Она была обучена сама отдавать приказы, быть хозяйкой своей судьбы. Как же это утомительно. Она

показала на окно, за грязными стеклами которого были видны прохожие, спешащие по узкой улице.

— Я теряю клиентов, пока мы с тобой тут любезничаем, Скар.

Вот это настоящий характер!

Бурцмали едва сумел подавить вздох. *Наконец,* подумал он, *она снова ведет себя как настоящая Преподобная Мать.* Он никак не мог понять, почему она так отстраненно ведет себя на улице и в общественных местах.

Из щели, расположенной над столом, появились две порции молочного напитка. Бурцмали выпил свою порцию одним глотком. Луцилла попробовала питье на язык. Все ясно. Искусственный кофеин и ароматизированный ореховый сок.

Бурцмали сделал знак подбородком — пей быстрее! Она подчинилась, едва подавив гримасу отвращения. Бурцмали смотрел куда-то поверх правого плеча Луциллы, но она не отважилась обернуться. Это будет вне образа.

— Пошли.

Он положил на стол монету, и они поспешили на улицу. Бурцмали во весь рот улыбался улыбкой довольного жизнью клиента, но в глазах его

была настороженность.

Темп движения на улицах резко изменился. Людей стало заметно меньше. Темные закрытые двери подъездов были готовы в любую минуту ощериться опасностью. Луцилла несколько раз напоминала себе, что она — представительница высшей касты, которая защищена от насилия этого сброда. Несколько человек действительно уступили ей дорогу, с ужасом глядя на драконов, которыми была расшита ее накидка.

Бурцмали остановился возле одного из подъездов.

Он был похож на многие другие и так же находился в неглубокой арке. Проем был очень высоким и из-за этого подъезд казался уже, чем был в действительности. Старинный лучемет обеспечивал безопасность жилища. Никакие новые изобретения, очевидно, не проникали в это городское дно. Свидетельством тому были сами улицы и их вид. Они были построены в расчете на наземные экипажи. Сомнительно, чтобы во всей этой округе можно было найти посадочную площадку на крыше. В небе не было видно и слышно орнитоптеров и флиттеров. Была, правда, слышна музыка — какое-то подобие семуты. Что-то новое в пристрастии к семуте? Здесь такое

место, что пристрастие к наркотикам должно было войти в плоть и кровь обитателей.

Луцилла подняла голову и всмотрелась в фасад, лишенный окон. На древнем пластиле видна пара наблюдающих глазков. Это были очень древние камеры, заметила она, гораздо большие по размерам, чем современные.

Дверь бесшумно отворилась внутрь.

— Сюда, — Бурцмали отступил назад и пропустил Луциллу, поддержав ее под локоть, чтобы женщина не споткнулась в темноте.

Они вошли внутрь, вдохнув запах экзотической пищи и горьких приправ. Некоторые запахи оказались знакомыми. Меланжа. Она безошибочно уловила густой аромат корицы. Да, и семута. Был здесь и жженый рис, и хигетова соль. Так маскировали другое *варево.* Здесь делали взрывчатку. Она хотела было предупредить Бурцмали, но передумала. Ему не надо этого знать, да кроме того, в доме могут быть чужие, жадные до тайн, уши.

Бурцмали провел Луциллу вверх по скупо освещенному лестничному пролету и включил свет, нажав кнопку, спрятанную под одной из заплат на много раз чиненной и перечиненной стене. Когда вспыхнул свет, в доме не произошло никакого движения. Стояла тишина. Однако Луцилла

шестым чувством ощущала какое-то движение. Это была совершенно неведомая Преподобной Матери тишина — в доме готовились к нападению или бегству.

На лестнице было холодно, и Луцилла дрожала, но вовсе не от холода. На лестнице зазвучали чьи-то шаги.

Седая старуха в желтом халате открыла дверь и взглянула на них своими широко посаженными глазами.

— Это вы, — сказала она дрожащим голосом. Она посторонилась, давая им пройти.

Услышав, что дверь захлопнулась, Луцилла бегло оглядела комнату. На первый взгляд помещение могло показаться убогим, но только на первый взгляд. Во всем чувствовалось высочайшее качество. Нищета была маской, в действительности помещение могло удовлетворить самый требовательный вкус. «Это есть только у нас и больше ни у кого!» Мебель и безделушки были несколько потрепанными, но некоторые любят это, находя в старых вещах некий шарм. Такая старина шла комнате. Таков был ее стиль.

Кто владелец этих апартаментов? Старуха? Она с трудом ковыляла к двери.

— Нас не следует беспокоить до утра, — прика-

зал Бурцмали.

Старуха остановилась, потом медленно обернулась.

Луцилла внимательно присмотрелась к ней. Это опять искусственный возраст? Нет. Возраст на этот раз был настоящий. Достаточно было увидеть неуверенную походку, дрожащую шею, неуклюжесть тела, которая неизбежно развивается с годами.

— Даже если пожалует кто-то очень важный? — спросила старуха надтреснутым дрожащим голосом.

Глаза ее дергались. Рот едва открывался, чтобы только едва слышно произнести нужный звук. Слова выходили откуда-то из глубины ее старого тела. Плечи, привыкшие к согбенному положению за много лет работы, связанной с наклонным положением, так и не смогли выпрямиться, чтобы старуха могла посмотреть Бурцмали в глаза. Она постаралась поднять взгляд, но мешали кустистые брови — взгляд вышел неуклюжим и каким-то пугливым.

— Каких важных персон вы ждете? — спросил Бурцмали.

Старая женщина вздрогнула и принялась обдумывать вопрос.

— Здесь бывают очень важные люди, — сказала, заикаясь, старуха.

Луцилла все поняла по жестам и языку тела. Это Бурцмали должен знать. Луцилла заговорила:

— Она с Ракиса!

Старуха вперила полный любопытства взор в Луциллу. Древний голос проскрипел:

— Да, я была жрицей, леди Горму.

— Конечно, она с Ракиса, — сказал Бурцмали. По его тону Луцилла поняла, что ей следует воздержаться от вопросов.

— Я не причиню вам никакого вреда, — плачущим голосом пролепетала старуха.

— Ты все еще служишь Разделенному Богу?

Опять наступило довольно долгое молчание.

— Многие служат Великому Гульдуру.

Луцилла поджала губы и снова осмотрела комнату. В ее глазах старуха потеряла всякую значительность.

— Я очень рада, что не должна тебя убить, — сказала Преподобная Мать.

Челюсть старой ведьмы упала, словно от удивления. Из угла рта стекала струйка слюны.

И это наследница фрименского племени? Отвращение Луциллы было столь велико, что она вздрогнула. После этого стало немного легче.

Эта попрошайка произошла от народа, который ходил по земле гордо и прямо, а умирал мужественно. Эта старуха умрет, хныкая.

— Прошу вас, верьте мне, — жалобно сказала старая карга и вышла из комнаты.

— Зачем ты это сделала? — жестко спросил Бурцмали. — Ведь эти люди доставят нас на Ракис!

Она посмотрела на него, понимая, что в его вопросе сквозит страх. Это был страх за нее!

Но ведь я не провела с ним импринтинг!

С чувством внезапного потрясения она осознала, что Бурцмали понял, что она испытывает ненависть. *Я их ненавижу! Я ненавижу народ этой планеты!*

Для Преподобной Матери это очень опасное чувство. Но ненависть продолжала жечь ей душу. Эта планета изменила ее в нежелательном направлении. Она не хотела понимать такие вещи, их просто не должно быть. Но одно дело интеллектуальное понимание, и совсем другое — личный опыт.

Будь они прокляты!

Но они и так уже прокляты.

Луцилла ощутила боль в груди. Как она подавлена! Нет никакого исхода этому новому

сознанию. Что случилось с этими людьми?

Людьми?

Да, оболочка еще сохранилась, но их уже нельзя было назвать живыми. Это, однако, опасно. В высшей степени опасно.

— Нам надо отдохнуть, — сказал Бурцмали.

— Я не должна отработать свои деньги? — спросила Луцилла.

Бурцмали побледнел.

— То, что мы сделали, было необходимо! Нам просто повезло и никто нас не остановил, но это могло произойти!

— Здесь безопасно?

— Да, насколько я мог об этом позаботиться. Здесь все проверили мои люди.

Луцилла выбрала себе диван, пахнувший старинными духами, и прилегла, продолжая бичевать себя за ненужные эмоции, которые следовало немедленно подавить. Вслед за ненавистью могла прийти любовь! Бурцмали устроился на другом диване, и скоро Луцилла услышала его глубокое дыхание. Но ей не спалось. Перед ее внутренним взором продолжали мелькать улицы и лица, люди, освещенные ярким солнечным светом. Вмешалась и чужая память. Она вдруг поняла, что видит все это под определенным углом

зрения — словно кто-то баюкает ее на руках. Это была ее личная память. Она знала, кто баюкает ее, и была готова, прижавшись теплой щекой к груди этого человека, услышать его сердцебиение.

Луцилла ощутила на губах солоноватый вкус собственных слез.

Гамму тронула ее сильнее, чем весь опыт, полученный ею с первых дней пребывания в школах Бене Гессерит.

Окруженное прочными барьерами сердце становится ледяным.

Дарви Одраде, споры в Совете

Вся эта разнородная компания испытывала чувство величайшего напряжения: Тараза (под ее накидкой был надет бронежилет, приняла она и другие меры предосторожности), Одраде (она была уверена, что произойдет столкновение, что очень ее настораживало), Шиана (которую проинструктировали обо всем, что может здесь произойти. Девочка находилась под охраной трех Сестер из службы безопасности, которые ходили с ней, как живой щит), Вафф (который страшно боялся, что его доводы будут не услышаны с помощью каких-нибудь уловок Бене Гессерит), подставной Туэк (который делал вид, что вот-вот взорвется от ярости) и девять советников Туэка (каждый из которых искал привилегий или повышения для себя или членов своей семьи).

Кроме того, рядом с Таразой неотлучно находились пять послушниц, специально натренированных для боевых схваток. Вафф пришел с таким же количеством лицеделов нового образца.

Все собрались на верхнем этаже музея в Дарэс-Балате. Это была длинная комната, одна стена которой, выполненная из армированного стекла,

выходила на крышу, покрытую ажурной зеленью висячего сада. Интерьер украшали мягкий диван и вещи из помещения-невидимки Тирана.

Одраде возражала против участия Шианы, но Тараза проявила неслыханную твердость. Неотразимое действие, которое девочка оказывала на Ваффа и некоторых священников, было большим преимуществом Бене Гессерит, которым надо было воспользоваться.

Окно было прикрыто солнцезащитным экраном. Солнце близилось к закату, а идея выбрать для встречи именно западную комнату принадлежала Одраде. Окна выходили на сумеречную Пустыню, в которой принял свое упокоение Шаи-Хулуд. Это было помещение, напоминавшее о прошлом и о смерти.

Экраны были просто восхитительными. Они представляли собой пленку толщиной всего в десять молекул, взвешенную в жидкости. С помощью иксианской автоматики можно было таким образом регулировать поток света, что при этом не уменьшалась видимость сквозь прозрачный экран. Художники и торговцы антиквариатом предпочитали такие экраны системам с поляризацией света, поскольку иксианские экраны не меняли спектральный состав света. Установка

их говорила о том, для каких целей собираются использовать данное помещение, — это была визитная карточка лучших из воинства Бога-Императора. Именно из такого материала было сшито свадебное платье его невесты.

В противоположном конце комнаты громко спорили священники, не обращая ровным счетом никакого внимания на подставного Туэка. Тараза прислушивалась к их ругани, и на ее лице было ясно написано, что она считает священников полными тупицами и дураками.

У входа остановились Вафф и его лицеделы. Он внимательно следил за Таразой, Шианой и Одраде. То, что делали священники, его почти не интересовало. Каждое движение Ваффа выдавало его неуверенность. Поддержит ли его Бене Гессерит? Смогут ли они общими усилиями мирно подавить оппозицию Ракиса?

Шиана и ее живой щит стояли возле Одраде. Мышцы девочки, как отметила Одраде, были еще слишком жилистыми, но тренировки Бене Гессерит уже начали придавать им более благородную форму. Выступающие скулы стали мягче, кожа приобрела оливковый оттенок, глаза стали живее, только в волосах все еще были выгоревшие на солнце пряди. То внимание, с которым она

прислушивалась к спору священников, говорило о том, что предварительный инструктаж не пропал даром.

— Они действительно могут подраться? — шепотом спросила она.

— Слушай их внимательно, — ответила Одраде.

— Что будет делать Верховная Мать?

— Внимательно следи и за ее действиями.

Обе они смотрели на Таразу, стоявшую в окружении мускулистых послушниц. Тараза все еще забавлялась, слушая перебранку священников. Они тяжело дышали, что-то мямлили, потом внезапно повышали голос, переходя на крик. Они что, не видят, как смотрит на них мнимый Туэк?

Одраде принялась смотреть на горизонт, простиравшийся за висячим садом: в Пустыне не просматривалось никаких признаков жизни. Куда бы ты ни смотрел с крыши Дар-эс-Балата — повсюду были видны только мертвые пески. Люди, которые родились и выросли в Пустыне, видели планету совсем не такой, какой ее видели советники Верховного Священника. Это не был Ракис зеленых поясов и водных оазисов, которых было такое множество в высоких широтах и которые, словно пальцы, указывали на Пустыню. Нет,

здесь Пустыня была всюду, она, словно обруч, протянулась по меридиану через всю планету.

— Довольно, я уже по горло сыт всем этим вздором, — взорвался наконец Туэк. Он оттолкнул одного из советников и вышел в середину их группы, вглядываясь в каждое лицо и спрашивая каждого по очереди:

— Ты что, сошел с ума?

Один из священников (богам было угодно, чтобы это оказался Альбертус) крикнул Ваффу:

— Сер Вафф! Будьте так добры, утихомирьте вашего лицедела!

Вафф, мгновение поколебавшись, направился к группе спорщиков. Свита последовала за ним.

Подставной Туэк резко повернулся и уставил палец в Ваффа.

— Ты! Оставайся, где стоял! Я не потерплю вмешательства тлейлаксианцев! Ваш заговор мне абсолютно ясен!

Одраде следила за выражением лица Ваффа, пока Туэк произносит свою гневную филиппику. Вот это сюрприз! Никогда еще ни один миньон не осмеливался так обращаться к Мастеру Бене Тлейлаксу. Какое потрясение! Ярость исказила его черты. Он начал издавать какие-то жужжащие звуки, которые, несомненно, были звуками

какого-то неведомого языка. Лицеделы свиты застыли на месте, но поддельный Туэк просто отвернулся к своим советникам.

Вафф прекратил жужжать. Какой ужас! Его лицедел Туэк не проявил должного повиновения. Он еще ближе подошел к группе священников. Мнимый Туэк, увидев его, снова поднял руку и воздел указующий перст. Палец дрожал от ярости.

— Я говорю тебе, не вмешивайся! Ты можешь со мной разделаться, но тебе не удастся наполнить меня твоей тлейлаксианской дрянью!

Это было уже через край! Вафф остановился. Он все понял. Тараза смотрела на него так, словно знала, что эта неприятность произойдет. Теперь у него была новая мишень для ярости.

— Вы знали!

— Я подозревала.

— Вы… Вы…

— Вы слишком хорошо его сделали, — сказала Тараза. — Это же ваше детище.

Советники уже успели забыть о Ваффе. Они принялись орать на Туэка, веля ему замолчать и убираться, обзывая при этом «проклятым лицеделом».

Одраде внимательно следила за мишенью этого

натиска. Неужели запечатление оказалось таким глубоким? Неужели он действительно убежден, что он — настоящий, подлинный Туэк?

В наступившей тишине мнимый Верховный Священник вдруг поднял руку в знак глубокого праведного негодования и уставил гневный взгляд на своих обидчиков.

— Вы все меня знаете, — сказал он. — Вы все знаете, сколько лет я служил Разделенному Богу, Который есть Единый Бог. Я пойду к Нему, если ваш заговор распространится, но помните: Он знает, что в сердцах ваших!

Священники, как один, посмотрели на Ваффа. Никто из них не видел, как заменяли Верховного. Никто не видел труп. Все свидетельства основаны на словах обычных людей, но человек слаб и может солгать. С некоторым опозданием все посмотрели на Одраде. Именно она сумела в конечном счете убедить всех.

Вафф тоже уставился на Одраде.

Она улыбнулась и обратилась к Мастеру Тлейлаксу:

— Это полностью отвечает нашим целям, чтобы священники именно сейчас не попали в другие руки.

Вафф сразу понял, какие преимущества сулит

предубеждение священников. Какой клин можно вбить между священниками и Бене Гессерит! Таким образом можно ослабить мощную хватку, которой Община Сестер вцепилась в горло Тлейлаксу.

— Это отвечает и моим целям, — сказал он.

Священники снова стали громко и сердито кричать. Тараза решила, что ей пора вступить в игру.

— Кто из вас хочет нарушить наше согласие? — гневно спросила она.

Туэк оттолкнул в сторону еще двух священников и направился к Верховной Матери. Остановившись в двух шагах от нее, он заговорил:

— Что это за игра?

— Мы поддерживаем вас против тех, кто хочет вашего смещения, — ответила она. — Бене Тлейлаксу присоединился к нам. Это наш способ показать, что и мы тоже играем роль в выборах Верховного Священника.

Несколько священников разом закричали:

— Так он лицедел или нет?

Тараза доброжелательно посмотрела на человека, стоявшего перед ней.

— Вы лицедел?

— Конечно нет!

Тараза взглянула на Одраде, которая произнесла:

— Кажется, произошла досадная ошибка.

Одраде поискала взглядом Альбертуса и посмотрела ему в глаза.

— Шиана, — заговорила она, — что должна теперь сделать церковь Разделенного Бога?

Шиана, как ее научили, выступила вперед из-за своего живого щита и сказала со всей возможной для ее возраста надменностью:

— Они будут продолжать свое служение Богу!

— Вопросы, подлежавшие обсуждению на нашей встрече, можно считать решенными, — сказала Тараза. — Если вам нужна защита, Верховный Священник Туэк, то взвод наших гвардейцев ожидает в холле. Они в вашем распоряжении.

В глазах Туэка можно было прочесть благодарность и понимание. Он начисто забыл о своем происхождении.

Когда священники и Туэк ушли, Вафф обратился к Таразе на исламиате:

— Объяснитесь!

Тараза отошла от своей охраны, показав свою незащищенность. Это был заранее подготовленный ход, который обсуждался в присутствии

Шианы. Тараза заговорила на том же языке:

— Мы отпускаем на свободу Бене Тлейлаксу.

Преподобные Матери ждали, когда Вафф взвесит эти слова. Тараза напомнила себе, что на своем языке тлейлаксианцы называли себя «не подлежащими наименованию». Это был эвфемизм, который применялся обычно только по отношению к богам.

Этот же *бог* не распространил свое открытие на то, что может в самом ближайшем будущем произойти с его лицеделами среди иксианцев и Говорящих Рыб. Ваффу и без того хватало потрясений. Он выглядел озадаченно.

Было так много вопросов без ответов. Вафф был крайне недоволен донесениями с Гамму. Теперь он вел там очень опасную двойную игру. Делают ли Сестры нечто подобное? Но Заблудших тлейлаксианцев нельзя вывести из игры, не подвергнувшись нападению Досточтимых Матрон. Тараза сама предупреждала его об этом. Представляет ли еще старый башар силу, с которой стоит считаться?

Этот последний вопрос он произнес вслух.

Тараза ответила на него своим вопросом.

— Как вы изменили нашего гхола? Чего вы хотели этим добиться?

Она понимала, что знает ответ, но надо было прикинуться невежественной.

— Гибели Бене Гессерит, — хотел ответить Вафф. Они стали очень опасны. Однако их ценность невозможно вычислить, настолько она велика. Он погрузился в угрюмое молчание, мрачно глядя на Преподобных Матерей, отчего черты его лица стали казаться еще более инфантильными.

Какой обидчивый ребенок, подумала Тараза. Пришлось напомнить себе, что ни в коем случае нельзя недооценивать Ваффа. Можно разбить одно яйцо оболочки тлейлаксианца, под ним найдешь еще одно и так до бесконечности. Мысли постоянно возвращались к Одраде с ее подозрениями, что соперничество в этой комнате может в конечном счете обернуться кровавым столкновением. Действительно ли тлейлаксианцы открыли то, что узнали от шлюх и других Заблудших из Рассеяния? Был ли гхола единственным оружием тлейлаксианцев?

Тараза решила пойти ва-банк и поддеть его на крюк, используя советы девяти. На языке исламиат она спросила:

— Неужели ты хочешь обесчестить себя в земле Пророка? Ты не поделился с нами своими тайна-

ми открыто, как обещал.

— Мы говорили, что наши половые…

— Ты не открыл нам многое! — перебила она его. — Все это из-за гхола, и мы хорошо это знаем!

Тараза видела его реакцию. Он был как загнанный в угол зверь. Такие животные становятся исключительно опасными. Однажды она видела, как вела себя монгрельская овчарка — одичавший потомок домашних собак Каладана — существо, передвигающееся с вечно поджатым хвостом, когда ее загнали в угол какие-то юнцы. Собака бросилась на них с совершенно несвойственной ей яростью и проложила себе путь к свободе. Двое парней боролись после этого за жизнь, и лишь один остался невредимым. Сейчас Вафф очень напоминал это животное. Она видела, как его руки подсознательно ищут оружие, но Бене Гессерит и Бене Тлейлаксу обыскали друг друга перед этой встречей. Она была уверена, что оружия у него нет, хотя…

Вафф заговорил, стараясь скрыть свою неуверенность:

— Вы думаете, нам неизвестно, что вы собираетесь управлять нами!

— А вы упиваетесь гнилью, которую принесли

Заблудшие из Рассеяния, — сказала Тараза. — Гниль, которая поразила их суть!

Вафф изменил манеру поведения. Он не мог игнорировать глубоко скрытые намеки Бене Гессерит. Она что, пытается посеять раздор?

— Пророк снабдил часами, которые тикают в мозгу, всех — Заблудших или нет, — снова заговорила Тараза. — Он собрал их здесь со всей их гнилью.

Вафф заскрипел зубами. Что она делает? На минуту ему явилась сумасшедшая мысль, что Сестры затуманили его разум каким-то неведомым лекарством. Они знали о вещах, знать о которых запрещалось другим! Он переводил взгляд поочередно то на Таразу, то на Одраде. Он знал, что стар, поскольку пережил несколько возрождений в виде гхола, но он не был стар с точки зрения Сестер Бене Гессерит. Вот эти люди действительно были стары! Они редко выглядели старыми, но в действительности все они — глубокие старики, возраст которых даже страшно себе представить.

Тараза думала сейчас о том же. Она видела признаки углубленного сознания в глазах Ваффа. Необходимость открыла путь разуму. Как далеко в своих раскопках пойдет этот тлейлаксианец? У него такие старые глаза! У нее было такое чувство,

что там, где некогда был мозг Мастера Тлейлаксу, теперь помещалось устройство, из которого были стерты все ослабляющие эмоции. Это был уже не мозг, а голографический отпечаток мозга. Она вполне понимала и разделяла его недоверие к эмоциям. Будет ли это невыносимым бременем — пойти на союз с ними?

Взаимное притяжение общих мыслей.

— Вы сказали, что отпустили нас, но я чувствую, как ваши пальцы сдавливают мне горло, — злобно прорычал Вафф.

— Но вы тоже держите нас за глотку, — возразила Тараза. — К вам вернулись некоторые из ваших Заблудших. Преподобные Матери еще ни разу не возвращались к нам из Рассеяния.

— Но вы сказали, что знаете все…

— У нас есть другие способы добывания информации. Как вы думаете, что случилось с Преподобными Матерями, посланными в Рассеяние?

— Массовая катастрофа? — он отрицательно покачал головой. Это была абсолютно новая информация. Никто из вернувшихся тлейлаксианцев никогда даже не касался этой темы. Такая несогласованность возродила подозрения Ваффа. Кому верить?

— Они были совращены, — подсказала Тараза.

Одраде, услышав слова Таразы, сразу ощутила, какую скрытую силу заключали они в себе, сколько власти таилось в этом простом высказывании. Одраде была не на шутку напугана. Она знала ресурсы, планы на случай непредвиденных обстоятельств, импровизации, с помощью которых Преподобные Матери умели возводить защитные барьеры. Но что еще могло бы остановить *это*?

Вафф не ответил, и Тараза снова заговорила:

— Вы пришли к нам с грязными руками.

— И вы осмеливаетесь это говорить? — спросил Вафф. — Вы, которые продолжаете истощать наши ресурсы, следуя советам матери вашего старого башара?

— Мы знали, что вы сможете восстановить ваши силы, если воспользуетесь ресурсами Рассеяния, — сказала Тараза.

Вафф прерывисто и тяжко вздохнул. Значит, в Бене Гессерит знали и это. Частично он понимал, как они этого добились. Что ж, надо будет найти способ вернуть под свой контроль поддельного Туэка. Ракис был той наградой, которую так жаждало Рассеяние, он может потребоваться и Тлейлаксу.

Тараза, уязвимая и беззащитная, еще больше

приблизилась к Ваффу. Она заметила, как напряглись ее охранницы. Шиана тоже сделала шаг к Верховной, но Одраде оттащила ее назад.

Одраде с большим вниманием смотрела на Верховную Мать, нежели на потенциальных нападающих. Неужели тлейлаксианцы были убеждены в том, что Сестры Бене Гессерит будут служить им? Тараза хотела измерить пределы этого убеждения, в этом не было никаких сомнений. Причем на языке исламиата. Но она выглядит такой беззащитной вдали от своей охраны перед людьми Ваффа. Как далеко заведут Мастера Тлейлаксу его подозрения?

Тараза задрожала.

Одраде ясно это видела. Верховная Мать была всегда очень худа, на ней никогда не было ни унции лишнего жира. Она была поэтому очень чувствительна к перепадам температуры. Не выносила холод, но сейчас в комнате было довольно тепло. Тараза приняла опасное решение, настолько опасное, что ее тело выдало ее вопреки ее воле. Естественно, это было решение, не опасное для нее лично, но опасное для всей Общины Сестер. *Это* было самым ужасным преступлением для Сестры: несоблюдение верности Ордену Бене Гессерит.

— Мы готовы служить вам любым способом, кроме одного, — сказала Тараза. — Мы никогда не станем приемниками спермы ваших гхола!

Вафф побледнел как полотно.

Тараза продолжала:

— Ни одна из нас никогда не была… и никогда не станет… чаном с аксолотлями.

Вафф начал поднимать правую руку — все Преподобные Матери знали, что это сигнал лицеделам атаковать неприятеля.

Тараза указала на его руку.

— Если вы закончите этот жест, то Тлейлаксу потеряет все. Посланец Бога, — Тараза через плечо кивнула головой в сторону Шианы, — повернется к вам спиной, и слова Пророка станут прахом на ваших устах.

Произнесенные на языке исламиат, эти слова слишком много значили для Ваффа. Он опустил руку, но продолжал сверлить Тразу горящим взглядом.

— Мой посол сказал, что мы поделимся с вами всем, что знаем, — сказала Тараза. — Вы обещали ответить нам тем же. Посланец Бога слушает вас ушами Пророка! Что выльет ей в ухо Абдель Тлейлаксу?

Плечи Ваффа опустились.

Тараза повернулась к нему спиной. Это было артистично исполнено, но и она сама, и все присутствовавшие при этом Преподобные Матери знали, что в данный момент она не подвергается ни малейшей опасности. Взглянув на Одраде, Тараза едва заметно улыбнулась, понимая, что Преподобная правильно истолкует эту улыбку. Настало время для небольшого наказания в духе Бене Гессерит!

— Тлейлаксу хочет получить для скрещивания Атрейдесов, — сказала Тараза. — Я даю вам Дарви Одраде. Потом будут следующие.

Вафф принял решение.

— Вероятно, вы многое знаете о Досточтимых Матронах, — сказал он, — но вы…

— Шлюхи! — не удержавшись, выругалась Тараза.

— Как вам угодно. Но есть одна вещь, которой вы, судя по вашим словам, не знаете. Я заключу с вами сделку и поэтому расскажу вам об этом. Эти женщины могут усилить чувствительность оргазмической платформы, передавая свое ощущение мужчине. Они добиваются тотального чувственного вовлечения мужчины. Создаются множественные оргазмические волны, которые женщина может передавать в течение неопреде-

ленно долгого периода времени.

— Полное вовлечение? — Тараза даже не пыталась скрыть, насколько она поражена.

Одраде тоже слушала Ваффа с полным вниманием, потрясенная до глубины души. Это чувство разделяли все Сестры, присутствовавшие в зале, даже послушницы. Одна Шиана осталась спокойной, так ничего и не поняв.

— Я говорю вам, Верховная Мать Тараза, — сказал Вафф, злорадно улыбнувшись, — что мы создали дубликат такой Матроны из наших людей. Мы попробовали это на наших мужчинах… Даже на мне самом! От гнева я сделал так, что все лицеделы, которые… которые играли женщин… уничтожили сами себя. Ни один… я утверждаю это с полной ответственностью… ни один человек никогда не имел надо мной такой власти!

— Какой власти?

— Если бы это была одна из этих… этих шлюх, как вы их называете. То я бы без рассуждений выполнил любое ее приказание. — Он содрогнулся от одного воспоминания. — Я едва нашел в себе силы уничтожить… — Он покачал головой в полном изумлении от того, что тогда произошло. — Меня спас гнев.

У Таразы пересохло в горле. Она с трудом выда-

вила из себя одно слово.

— Как…

— Как это делается? Очень хорошо! Но прежде чем рассказать об этом, я хочу предупредить вас о следующем: если хоть одна из вас использует такую власть в отношении нас, то последует кровавая бойня! Мы приготовили Домель, и все наши люди будут убивать всех Преподобных Матерей, где бы они им ни встретились.

— Никто из нас не станет этого делать, но не потому, что вы нам угрожаете. Мы ограничены нашими знаниями о том, что такое поведение губительно для нас. Так что ваша кровавая бойня просто не понадобится, в ней нет никакой необходимости.

— Вот как? Тогда почему оно не губительно для этих… этих шлюх?

— Оно губительно и для них! Мало того, оно уничтожает всех, кто с ним соприкасается.

— Но оно не уничтожило меня!

— Бог хранит вас, мой Абдель, — сказала Тараза. — Так же, как Он хранит всех верующих в Него.

Эти слова убедили Ваффа. Он оглядел комнату и обратился к Таразе:

— Пусть все знают, что я исполняю свои обеты

в Земле Пророка. Это делается так… — Он махнул рукой, подозвав к себе двух охранников-лицеделов. — Мы вам это продемонстрируем.

Много позже, оставшись одна в верхнем этаже музея, Одраде размышляла, было ли мудро позволить Шиане смотреть все представление. Ну а почему нет? Шиана уже приобщена к Сестрам. К тому же, если бы ее отослали, то это возбудило бы подозрения у Ваффа.

Было заметно, что Шианой владело чувственное возбуждение, когда она смотрела показ лицеделов. Проктору надо подумать, не стоит ли призвать к Шиане мужчину раньше, чем к другим. Что будет она делать потом? Будет ли пробовать свои силы на других мужчинах? Чтобы этого не случилось, надо воспитать в ней привычку к подавлению. Она сама должна учиться чувствовать опасность.

Сестры и послушницы, присутствовавшие на представлении, хорошо владели собой, твердо запомнив все, что увидели. На этом наблюдении и должно строиться образование Шианы. Другие могут владеть своими внутренними силами.

Другие лицеделы, находившиеся в комнате, были абсолютно бесстрастны, чего не скажешь о Ваффе. Он сказал, что уничтожит обоих ли-

целелов, но что он сделает сначала? Поддастся ли искушению? Какие мысли появлялись в его мозгу, когда лицеделы на виду у всех корчились в невообразимом экстазе?

По какой-то ассоциации это представление напомнило Одраде о танце, который она видела на Большой Площади Кина. Коротко говоря, танец был обдуманно неритмичным, но вся последовательность составляла длинный ритм, состоявший из двухсот… шагов. Танцоры сильно и умело растягивали этот ритм.

То же самое показали и лицеделы.

Сиайнок стал сексуальной ловушкой для бесчисленных миллиардов жертв Рассеяния.

Одраде вспоминала: танец, длинный ритм которого сменился хаотичным насилием. Сиайнок, который славился концентрацией религиозной энергии, выродился в совершенно другой вид энергетического обмена. Она вспомнила и о взволнованной реакции Шианы на тот танец на Большой Площади. Одраде тогда спросила девочку:

— О чем они говорили толпе там, внизу?

— Танцовщики занимались какой-то глупостью!

Такой ответ был недопустим.

— Я уже предупреждала тебя о таком тоне, Шиана. Ты что, хочешь узнать, как Преподобная Мать может наказать тебя?

Эти слова сейчас звучали, как призрачное воспоминание в мозгу Одраде. За окном она видела сумерки, сгущавшиеся над Дар-эс-Балатом. На нее навалилось чувство тяжкого одиночества. Все ушли.

Осталась только одна наказанная.

Какие ясные глаза были тогда у Шианы, когда она задавала свои детские вопросы в комнате над Большой Площадью!

— Почему вы все время говорите о боли и наказаниях?

— Ты должен научиться дисциплине. Как ты сможешь руководить другими, если не можешь руководить собой?

— Мне не понравился этот урок.

— Никому из нас он особенно не понравился… но потом мы сможем извлечь из него пользу.

Как и предполагалось, этот ответ долго отравлял сознание Шианы. В конце концов она рассказала все, что поняла в этом танце.

— Некоторые из танцоров смогли убежать. Другие отправились прямиком к Шайтану. Священники говорят, что они ушли к Шаи-Хулуду.

— Что ты можешь сказать о тех, кто уцелел?

— Когда они поправятся, то смогут поучаствовать в великом танце в Пустыне. Если Шайтан придет, то они умрут, а если нет, то получат свою награду.

Одраде уловила связный смысл в этом рассказе. Шиана не всегда владела словом, поэтому иногда промахивалась мимо смысла, хотя ее рассказ можно было продолжить. Какая горечь сквозила в голосе девочки!

— Они получат место на базаре, деньги и все в таком духе. Священники скажут, что они доказали, что они люди.

— А как быть с теми, кто не смог этого доказать?

Одраде подняла руку и принялась рассматривать ее в сумрачном свете заката, вспоминая комнату испытания Пряностью. К шее был приставлен отравленный гом джаббар, готовый убить ее при попытке закричать или уклониться.

Шиана не закричала. Но она знала ответ, даже не пройдя еще испытания Пряностью.

— Они тоже люди, но другие.

Одраде говорила вслух в тишине комнаты, уставленной экспонатами из сокровищницы

Тирана.

— Что ты сделал с нами, Лето? Ты только Шайтан, который говорит с нами? Что ты теперь хочешь заставить нас сделать?

Должен ли был твой ископаемый танец стать ископаемым сексом?

— С кем вы разговариваете, Преподобная?

В дверях стояла Шиана в серой накидке начинающей послушницы. В полумраке ее смутный силуэт казался неправдоподобно большим.

— Верховная Мать послала меня за вами, — сказала девочка, приблизившись к Одраде.

— Я разговаривала сама с собой, — ответила Одраде. Она посмотрела на странно притихшую Шиану и вспомнила тот волнующий момент, когда ей был задан ключевой вопрос: *Ты хочешь быть Преподобной Матерью?*

— Почему вы разговариваете сама с собой? — в голосе Шианы слышалась искренняя забота, а так стараются учителя-прокторы, стремясь избавить детей от этих вредных эмоций.

— Я вспомнила, как спросила тебя, хочешь ли ты стать Преподобной Матерью, — ответила Одраде. — Это всколыхнуло другие мысли.

— Вы говорили тогда, что я должна отдать всю себя, чтобы идти в одном с вами направлении, не

оглядываясь назад, ни о чем не жалея и во всем подчиняясь вам.

— А ты спросила: «И это все?»

— Я не очень много понимала тогда, правда, я и сейчас ничего не понимаю.

— Все мы очень мало понимаем, дитя. Кроме того, что нам приходится сообща исполнять один танец. И Шайтан непременно явится, если даже самый малый из нас не сможет этого делать.

При встрече с незнакомцем надо сделать скидку на разницу в обычаях и воспитании.

Леди Джессика, «Мудрость Арракиса»

Бурцмали дал сигнал к выступлению, когда зеленоватое солнце начало садиться. Было уже темно, когда они достигли окраины Исаи и вышли на дорогу, которая должна была привести их к Дункану. Огни города, отражаясь от низких облаков, освещали жалкие трущобы, сквозь которые пробирались Бурцмали и Луцилла, ведомые проводниками.

Эти проводники очень беспокоили Луциллу. Они то и дело менялись, появляясь из боковых переулков или внезапно открывающихся дверей, и шепотом сообщали направление движения.

Слишком уж много людей знало о двоих беглецах и цели их предстоящего свидания.

Преподобная Мать сумела обуздать свою ненависть, но осталось недоверие ко всем, населявшим этот проклятый город. Ей было очень трудно скрывать это чувство за беспечностью проститутки, занятой ловлей клиентов.

Тротуары были забрызганы грязью от проезжавших по дороге машин. Они не успели пройти и полкилометра, как у Луциллы замерзли ноги

и ей пришлось тратить энергию на усиленное кровообращение в конечностях.

Бурцмали молча шел впереди, опустив голову, очевидно, погруженный в собственные невеселые мысли. Луциллу было трудно обмануть — на самом деле он все слышал, от его внимания не ускользал ни один проезжавший мимо автомобиль. Он предусмотрительно отводил женщину в сторону, когда приближалась очередная машина. Пролетавшие мимо экипажи на подвесках выдавливали фонтаны грязи из-под своих гидравлических юбок. Эта грязь повисала на растущих вдоль дороги кустах, придавая всему шутовской неопрятный вид. Бурцмали в таких случаях ложился в снег, прикрывая собой Луциллу и терпеливо ждал, когда очередной экипаж скроется из виду. Правда, пассажиры этих машин вряд ли слышали что-то, кроме рева двигателей.

Они шли безостановочно более двух часов, прежде чем Бурцмали остановился, стараясь сориентироваться на перекрестке нескольких дорог. Целью их похода была община на периметре города, которую им рекомендовали как «абсолютно безопасную». Но Луциллу не проведешь. Она понимала, что на Гамму нет абсолютно безопасных мест.

Местоположение общины выдавало отражение желтого света от облаков. Они прошли по туннелю, проложенному под периметром, и поднялись по холму, склоны которого были засажены каким-то подобием сада. В сумеречном свете вырисовывались голые ветви.

Луцилла взглянула вверх. Облака начали редеть. У Гамму было много лун, превращенных в крепости-невидимки. Тег определил местоположение некоторых из них, а Луцилла открыла сейчас еще несколько новых. Эти луны были в четыре раза больше обычных звезд и давали довольно сильный свет, так как перемещались по небосводу группами. Движение их было стремительным — они пересекали небо в считаные часы. Сейчас над горизонтом мелькнули шесть таких спутников — часть оборонительного пояса Гамму.

Луцилла подумала о слабости осадного менталитета, который породил такую систему обороны. В этом Тег прав. Ключ к военному успеху лежит в мобильности войск. Но Тег вряд ли имел в виду пешее передвижение.

На снегу было трудно укрыться и Луцилла чувствовала, как нервничает Бурцмали. Что они будут делать, если заметят погоню? Слева от них

простиралась покрытая снегом низина, ведущая к поселку, куда они шли. Дороги не было, но к общине вела едва заметная тропинка.

Они двинулись вперед, утопая в снегу по икры.

— Надеюсь, что этим людям можно доверять, — сказала Луцилла.

— Они ненавидят Досточтимых Матрон, — ответил Бурцмали. — Для нас этого вполне достаточно.

— Лучше бы гхола был здесь! — она постаралась подавить гнев, но не удержалась и добавила: — Для меня одной ненависти недостаточно.

Надо рассчитывать на худшее, подумала она.

Лучше думать о Бурцмали — это вселяло в нее уверенность, настолько молодой башар был похож на Тега. Ни один из них не поведет по дороге в тупик, если, конечно, сможет хоть что-то предпринять. Луцилла была убеждена, что в кустах прячутся люди, готовые помочь, если они попадут в трудное положение.

Засыпанная снегом тропинка перешла в мощеную дорогу, очищенную от снега с помощью отопительной системы. В середине дороги вился желобок, в котором скапливался растаявший снег. Сделав несколько шагов по дороге, Луцилла поняла, что это за желобок. Это был магшут,

магнитная лента транспортера, по которому еще в древности доставляли по дорогам товары. Но это было еще до Рассеяния, когда в Исаи работали заводы и фабрики.

— Сейчас начнется крутой подъем, — предупредил женщину Бурцмали. — В нем вырублены ступени, но будь осторожна — они не очень глубокие.

Тем временем они дошли до конца магшута. Перед ними возвышалась ветхая стена, сложенная по древним образцам, — пластил, обложенный кирпичом. В тусклом свете звезд, усеявших прояснившееся небо, были видны очертания какой-то кирпичной коробки производственного назначения времен Великого Голода. Стена поросла вьюном и грибами. Эта буйная растительность была не в силах скрыть трещины и проломы в стене, которые пытались, без всякого, впрочем, успеха, залатать штукатуркой. Со стены на то место, где магшут безнадежно запутывался в густом кустарнике, смотрел ряд подслеповатых окошек. В трех окнах горел синий электрический свет, сопровождавшийся тихим потрескиванием.

— Когда-то здесь был завод, — сказал Бурцмали.

— У меня самой есть глаза и кое-какая па-

мять, — огрызнулась Луцилла. Этот самец, видно, вообразил, что у нее вообще нет ни капли разума.

Слева что-то громко скрипнуло. В стене, приподняв сплетения повилики, открылась дверь, и чья-то рука осветила проход желтым светом.

— Живо! — крикнул Бурцмали. Он схватил Луциллу за руку и потащил ее за собой по ступеням лестницы, ведущей вниз от открывшейся в стене двери. Сработал какой-то скрипучий механизм, и дверь закрылась за их спинами.

Луцилла опомнилась, только когда очутилась в большом помещении с низким потолком. Комната освещалась рядом ламп, плавающих под потолком. Пол был чисто выметен и вымыт, но изобиловал царапинами и выбоинами, следами стоявших здесь когда-то станков. У дальней двери Луцилла уловила какое-то движение. К ним направлялась молодая женщина в такой же, как на Луцилле, накидке с драконами.

Преподобная Мать принюхалась. Пахло кислотой и чем-то тухлым.

— Здесь была фабрика Харконненов, — сказал Бурцмали. — Хотел бы я знать, что здесь делали.

Женщина остановилась перед Луциллой. Накидка облегала стройную подвижную фигуру.

Кожа на лице просвечивала розовым, что говорило о хорошей физической форме и крепком здоровье. Однако зеленые глаза были холодны, взгляд жесткий и оценивающий.

— Итак, я вижу, что они послали больше, чем двоих из нас, чтобы охранять это место, — сказала она.

Луцилла предостерегающе подняла руку, видя, что Бурцмали собрался ответить. Эта женщина была совсем не той, какой хотела казаться. *Не более чем я!* Луцилла прикрыла глаза.

— Мы всегда узнаем друг друга.

Женщина улыбнулась.

— Я следила за вашим приближением и не могла поверить своим глазам, — она насмешливо посмотрела на Бурцмали. — Этот должен был играть роль клиента?

— И проводника, — ответила Луцилла. На лице Бурцмали отразилось недоумение, и Луцилла взмолилась Богу, чтобы он не начал задавать лишних вопросов. Эта молодуха кажется очень опасной.

— Нас никто не ждал? — поинтересовался Бурцмали.

— Ах, оно еще и говорит, — смеясь, произнесла женщина. Смех был таким же холодным, как

и глаза.

— Я бы предпочел, чтобы вы не называли меня «оно», — попросил Бурцмали.

— Сброд Гамму я называю так, как мне заблагорассудится, — отпарировала женщина. — И не говорите мне о своих предпочтениях!

— Как вы меня назвали? — Бурцмали устал и мог взорваться от малейшего пустяка.

— Я буду называть тебя, как захочу, дерьмо!

Бурцмали и так достаточно настрадался. Он издал низкий рык и нанес удар.

Удар не достиг цели.

Луцилла, как зачарованная, следила за происходящим. Женщина сделала профессиональный нырок, уклонилась от удара, схватила Бурцмали за рукав и стремительно провела прием. Бурцмали в мгновение ока оказался на полу, а женщина занесла ногу для завершающего удара.

— Сейчас я его убью, — сказала она.

Луцилла, не зная, что последует дальше, решила действовать без промедления. Она скользнула в сторону, чтобы не попасть под удар вытянутой ноги и нанесла свой удар в живот женщине. Та сложилась пополам и упала на пол.

— Ваше предложение убить не проходит, — спокойно сказала Луцилла.

Молодая женщина, приходя в себя, судорожно глотнула воздух и произнесла, делая паузы между словами:

— Меня зовут Мурбелла, Великая Досточтимая Матрона. Мне стыдно, что вы уложили меня таким медленным ударом. Зачем вы это сделали?

— Тебе надо было преподать урок, — ответила Луцилла.

— Я только недавно ношу эту накидку, Великая Досточтимая Матрона. Прошу вас, простите меня. Я благодарю вас за этот урок и буду счастлива каждый раз, когда вы удостоите меня своим вниманием. Нынешний урок я навсегда сохраню в памяти. — Она склонила голову и легко вскочила на ноги. На лице ее играла злобная улыбка.

Луцилла холодно осведомилась:

— Ты знаешь, кто я?

Краем глаза она заметила, что Бурцмали с трудом поднимается на ноги. Он остался стоять, но в глазах его бушевала неукрощенная ярость.

— Судя по вашей способности преподавать уроки, вы та, кто вы есть — Великая Досточтимая Матрона. Я прощена? — злобная улыбка сошла с лица Мурбеллы. Она низко склонила голову.

— Ты прощена. Прилетает ли корабль-невидимка?

— Говорят, что да. Мы готовы его принять, — Мурбелла бросила взгляд на Бурцмали.

— Он может еще принести мне пользу, поэтому будет и дальше меня сопровождать.

— Хорошо, Великая Досточтимая Матрона. Ваше прощение включает ваше имя?

— Нет!

Мурбелла вздохнула.

— Мы захватили гхола, — сказала она. — Он пришел сюда под видом тлейлаксианца с юга. Я почти уложила его в постель, но в это время явились вы.

Бурцмали дернулся вперед. Луцилла видела, что он понял, откуда грозит опасность. Это «совершенно безопасное» место, как выяснилось, кишело врагами. Правда, эти враги мало знали.

— Гхола не пострадал? — спросил Бурцмали.

— Оно все еще разговаривает? — язвительно поинтересовалась Мурбелла. — Как странно.

— Ты не положишь гхола в постель, это мой особый подопечный, — заявила Луцилла.

— Игра должна быть честной, Великая Досточтимая Матрона. Я первая захватила его. Он уже почти созрел.

Она снова рассмеялась с бездушной отчужденностью, которая потрясла Луциллу.

— Вот так. Здесь есть место, откуда все будет хорошо видно.

Чтоб тебе умереть на Каладане!

Древний тост

Дункан попытался вспомнить, куда он попал. Он знал, что Тормса мертв, помнил, как из глаз этого человека хлынула кровь. Да, это он помнил очень отчетливо. Они вошли в темное помещение, в котором вдруг вспыхнул яркий свет. Дункан почувствовал боль в затылке. Удар? Он попытался пошевелиться, но мышцы отказались повиноваться.

Нахлынули другие воспоминания. Вот он сидит на краю обширного луга. Идет игра в боулинг — шары с эксцентриком бросают без всякой видимой системы. Игроки — молодые люди в форме… Гьеди Один!

— Они учатся быть стариками, — сказал он. Дункан помнил, что произнес именно эти слова.

Его собеседница, молодая женщина, удивленно взглянула на него.

— Только старики играют в игры на свежем воздухе, — сказал он.

— О?

На этот бессловесный вопрос у него не было ответа. Она уложила его на лопатки одним вербальным восклицанием.

А в следующий момент выдала меня Харкон-

ненам.

Это была память из времен, когда он еще не был гхола.

Гхола!

Он вспомнил Убежище Бене Гессерит на Гамму. Библиотека: голофото и трифотограммы герцога Атрейдеса, Лето Первого. Сходство с ним Тега не было случайным: Тег немного повыше, но в остальном они были точными копиями — это удлиненное продолговатое лицо, нос с высокой спинкой — знаменитая харизма Атрейдесов…

Тег!

Он вспомнил последний доблестный бой старого башара в ту ночь на Гамму.

Где я?

Сюда его привел Тормса. Они шли по заросшей дороге в пригороде Исаи. *Баронии.* Когда они прошли по дороге около двухсот метров, с неба начал падать снег. Мокрый снег прилипал к одежде. Через минуту промозглая сырость пронизала их до мозга костей, оба стучали зубами от холода. Они остановились, надели капюшоны и застегнули непроницаемые куртки. Стало лучше. Но скоро должна была наступить ночь. Ночью станет намного холоднее.

— Впереди что-то вроде укрытия, — сказал

Тормса, — мы сможем переждать ночь там.

Дункан не ответил, и Тормса продолжал:

— Там не тепло, но зато сухо.

Дункан увидел это строение, когда до него оставалось около трехсот шагов. Это был двухэтажный дом, резко выделявшийся на фоне грязного снега. Он сразу узнал этот дом — передовой пост Харконненов. Наблюдатели, сидевшие на этом посту, считали, а иногда и убивали проходивших мимо людей. Здание было выстроено из местной глины, которую потом обжигали с помощью огнемета, превращая стены в один сплошной обожженный кирпич.

Когда они подошли ближе, Дункан разглядел остатки защитного экрана полного поля, нацеленного на любого пришельца. Кто-то давным-давно уничтожил эту систему. Зияющие дыры с неровными краями заросли густым кустарником. Жерла огнеметов оставались, впрочем, открытыми. О да — через эти отверстия было легко видеть, кто подходит к строению.

Тормса остановился и прислушался, тщательно осмотрев окрестность.

Дункан тоже посмотрел на счетную станцию. Он хорошо ее помнил. Сейчас это сооружение было похоже на уродливый побег, выросший

на месте брошенного здесь трубчатого семени. Поверхность спеклась с образованием стекловидной гладкой массы. Выросты и выпячивания указывали на места, где случился перегрев. Неумолимое время оставило на стенах выбоины и трещины, но общие контуры остались неизменными. Он посмотрел вверх и увидел остатки подвесок древнего лифта. Кто-то соорудил на месте лифта временное аварийное устройство с блоком, перекинутым через балку.

Да, эти отверстия в защитном экране были проделаны совсем недавно.

Тормса исчез в отверстии.

В этот момент перед внутренним взором Дункана словно повернули выключатель. Появились новые яркие воспоминания. Вот он в библиотеке дворца-невидимки вместе с Тегом. Проектор показывает одно за другим изображения современной панорамы Исаи. Сама идея современного приобрела странный оттенок. Да, Баронию можно было считать современным городом, но по меркам давно ушедшей древности. Вся цивилизация была основана на применении подвесок. Их применяли для транспортировки высоко над землей материалов и людей. Управлялись подвески с помощью лучей. Не было никаких наземных

входов, все они располагались на верхних этажах зданий. Все это Дункан рассказал Тегу.

На плане было ясно видно, что в городе каждый квадратный метр вертикальной и горизонтальной плоскости был использован с величайшей экономией. Управляемые лучами движущиеся подвесные экипажи требовали только приемного помещения и боковых коридоров для приема транспортных средств.

Тег не соглашался с этим.

— Идеальная форма должна быть трубчатой с плоскими крышами для посадки орнитоптеров.

— Харконнены предпочитали плоские поверхности и прямые углы.

Это была правда.

Дункан помнил старую Баронию с устрашающей ясностью. Траки подвесных путей пронизывали город насквозь под всевозможными углами в разных направлениях. Если не считать прямоугольного градостроительного каприза Харконненов, другим законом жизни было следующее: максимум плотности населения при минимуме материальных затрат.

— Плоская крыша была единственным местом, по-настоящему приспособленным для жилья! — Он помнил, что говорил это и Тегу, и Луцилле.

Там наверху располагались роскошные квартиры, охранные посты, посадочные площадки для орнитоптеров и парки. Люди, жившие наверху, могли забыть о массе живой человеческой плоти, которая копошилась на нижних этажах непосредственно под ними. Снизу не проникали ни запахи, ни звуки. Персонал, работавший на верхних этажах, прежде чем попасть туда, мылся в душе и менял одежду.

Тег тогда задал недоуменный вопрос:

— Почему все эти люди соглашались жить в таких скотских условиях?

Ответ был очевиден, и Дункан дал его. Улица была очень опасным местом. Городские власти сделали все, чтобы еще больше сгустить краски этой опасности. Кроме того, очень немногие знали о том, что вне Баронии люди живут гораздо лучше. Единственным местом, где живут хорошо, считали верхние этажи домов. Единственным путем наверх было абсолютное послушание и преданность.

— Это произойдет, и вы ничего не сможете поделать!

То был иной голос, прозвучавший под сводом черепа Дункана.

Пауль!

Как странно, подумал Дункан. В этих словах прозвучала надменность, свойственная ментатам, когда они попадают на поле своей логики.

Я никогда прежде не видел Пауля таким надменным.

Дункан посмотрел на свое отражение в зеркале и понял, что это воспоминание тоже относится к тому времени, когда он еще не был гхола. Внезапно перед его внутренним взором возникло другое зеркало, и лицо тоже было другим. Округлое юношеское лицо становилось более четко очерченным, словно созревая на глазах. Он заглянул в собственные глаза. Да, это были его глаза. Кто-то когда-то определил его глаза, как «бездонные пещеры». Да, они сидели глубоко под нависшими бровями, прячась за выступающими скулами. Говорили, что трудно сказать, серые у него глаза или зеленые, если на них не направлен прямой свет.

Это сказала женщина, но он помнил эту женщину.

Он постарался дотронуться до своих волос, но рука не повиновалась ему. Он помнил, что его волосы были обесцвечены. Кто это сделал? Старуха. Его волосы не были больше шапкой упрямых завитков.

Вот на него смотрит герцог Лето, стоящий в дверях своего дома на Каладане.

— Сейчас мы будем есть, — говорит он. Пряча свою природную надменность, Лето мягко улыбается. — Должен же был кто-то это сказать!

Что происходит с моей головой?

Он вспомнил, как Тормса сказал, что они идут туда, где их ждет корабль-невидимка.

Это было большое здание, неясной массой громоздящееся в темноте. Около него было несколько строений поменьше. Кажется, все они были обитаемы. Были слышны голоса и шум работающих машин. В узких окнах не видно ни одного лица. Не открылась ни одна дверь. Когда они проходили мимо одного из флигелей, Дункан почуял запах пищи. Тогда он вспомнил, что с утра они ели только завтрак путешественника — какие-то жесткие сухие жилы.

Они вошли в темное здание.

Вспыхнул свет.

Из глаз Тормса брызнула кровь.

Наступила тьма.

Дункан смотрит на лицо женщины. Он уже видел когда-то это лицо на одной из трифотограмм среди прочих таких же карточек. Где это было? Где он ее видел? Лицо было узкое, немного

расширенное у висков, что придавало ему еще большее очарование.

Она заговорила:

— Меня зовут Мурбелла. Ты не запомнишь меня, но сейчас я буду с тобой, потому что я заметила тебя. Я тебя выбрала.

Я помню тебя, Мурбелла.

Первое, что бросалось в глаза на этом лице, были широко расставленные зеленые глаза, потом только всплывали подбородок и маленький рот. Губы были полными, и он понимал, что в другие моменты они могут быть капризно надутыми.

Зеленые глаза смотрели на него в упор. Какой холодный у нее взгляд. В нем чувствуется сила.

Что-то коснулось его щеки.

Он открыл глаза. Это была не память. Это происходило с ним сейчас!

Мурбелла! Она была здесь и оставила его. Теперь она вернулась. Он вспомнил, как просыпался обнаженный на мягких подушках. Его руки узнали это. Раздетая Мурбелла над ним, зеленые глаза смотрят на него со страшным напряжением. Она трогает его одновременно во многих местах. Мягкое жужжание исходит из ее уст.

Он чувствует болезненную эрекцию.

В нем не остается никаких сил сопротивляться.

Ее руки движутся вдоль его тела. Ее язык. Какое жужжание! Она целует все его тело, касается его губами. Соски ее грудей прикасаются к щекам, груди. Он видит ее глаза и видит в них осознанную цель.

Мурбелла вернулась и опять делает с ним то же самое.

За ее плечом он видит панель армированного стекла — за этим барьером Луцилла и Бурцмали. *Это сон?* Бурцмали прижал ладони к стеклу. Луцилла сложила руки на груди, ее взгляд — смесь ярости и любопытства.

Мурбелла шепчет ему в ухо:

— Мои руки — огонь.

Ее тело заслоняет стекло. Он чувствует огненные прикосновения ее рук.

Внезапно этот огонь охватывает его разум. Оживают самые потаенные места. Он видит красные шарики, которые, как цепочка нанизанных на веревку сосисок, проходят перед его внутренним взором. Его охватывает лихорадка. Он похож на раздутый шарик, страшное волнение пронизывает все его сознание. Эти шарики! Он же знает их! Они — это он сам… они были…

Все Дунканы Айдахо — исходный и серийные — чередой всплыли в его памяти. Они были,

как взрывающиеся на сковороде зерна, которые отрицают чье-либо существование, кроме своего собственного. Он видит, как его давит червь с лицом человека.

Будь ты проклят, Лето!

Давит, давит, давит, снова и снова, снова и снова.

— Будь ты проклят! Будь ты проклят! Будь ты проклят!..

Он умирал под мечом сардаукара. Боль, вспышка света и полная темнота.

Он умирал в катастрофе орнитоптера. Он умирал под ножом убийцы — Говорящей Рыбы. Он умирал, умирал и умирал.

И он жил.

Память продолжала переполнять его, и Дункан изумился: как он может вмещать так много? Сладость новорожденной дочери, которую он держит на руках. Мускусный запах страстной подруги. Ароматы данийского вина. Упражнения в тренировочном зале.

Чан с аксолотлями!

Время от времени он появлялся снова, вспоминая, как именно это происходило. Яркий свет и механические руки. Эти руки то и дело поворачивали его. Смутное воспоминание но-

ворожденного — огромное устье, окруженное женской плотью, соединенной какими-то трубочками с металлической конструкцией.

Чан с аксолотлями?

Он едва не задохнулся от нахлынувшей памяти. *Все эти жизни! Все эти жизни!*

Теперь он вспомнил, что ввели в него тлейлаксианцы, — потаенное сознание, которое ждало только своего часа. Когда он соединится с импринтером Бене Гессерит.

Но это была Мурбелла, а она не принадлежит Бене Гессерит.

Однако она была здесь, готовая к действию, и замысел тлейлаксианцев взял верх над его реакциями.

Дункан тоже зажужжал что-то нечленораздельное и принялся двигаться вместе с Мурбеллой, попадая с ней в такт. *Он не должен так отвечать! Не так!* Правой рукой он касался ее половых губ, а левой ласкал ее поясницу. Его губы касались ее носа, губ, плеч…

Все это время его ласковое жужжание усыпляло ее, баюкало, ослабляло…

Она попыталась оторваться от него, но он лишь усилил ее ответ.

Откуда он знает, в каком месте надо меня

трогать и в какой момент? Здесь! И здесь! О, священная скала Дура, откуда он это знает?

Дункан почувствовал, как набухли ее груди, как потемнели от прилива крови ореолы, как заложило ее нос. Она застонала и раздвинула ноги.

О, Великая Матрона, помоги мне!

Но единственная Великая Матрона, на чью помощь она могла рассчитывать, была отделена от нее надежным барьером и дверью, запертой на щеколду.

В Мурбелле бушевала громадная энергия. Она отвечала на ее воздействие единственным известным ей способом — лаской, прикосновениями, — используя всю технику, которой ее столь тщательно обучали за долгие годы ученичества.

Но на каждое ее движение Дункан отвечал своим не менее стимулирующим.

Мурбелла поняла, что не может больше контролировать все свои реакции. Она действовала сейчас так, как велел ей инстинкт, спрятанный гораздо глубже, чем то, чему ее учили в школах. Вагинальные мышцы напряглись. Она почувствовала, что на стенках влагалища появилась смазка. Когда Дункан вошел в нее, Мурбелла услышала свой стон. Все ее существо — руки, ноги, все тело — двигалось, подчиняясь единому

ритму. Она все больше и больше осознавала свои истинные потребности.

Как ему удалось сделать это со мной?

Где-то внизу живота начались ритмичные сокращения гладкой мускулатуры. Она почувствовала, что Дункан вздрогнул и ощутила биение спермы о стенки свода. Это подстегнуло ее собственный ответ. Это биение заставило сократиться влагалище… еще… еще… еще… Каждый мускул дрожал от экстаза, который она никогда раньше не могла себе даже представить.

Влагалище опять сократилось.

Снова и снова…

Она потеряла счет этим сокращениям.

Когда Дункан застонал, она ответила ему таким же стоном, и по ее телу прошла судорожная горячая волна.

И опять…

Она потеряла чувство времени, не понимала, где находится. Было одно только погружение в экстаз.

Она хотела, чтобы он продолжался вечно, и одновременно страстно желала, чтобы он наконец кончился. Этого не должно было случиться с женщиной! Досточтимая Матрона не должна чувствовать ничего подобного. Именно из-за

этого в мире правят мужчины.

Дункан пробудился от того паттерна, каким должен был реагировать на женщину. Он должен был сделать что-то еще, но не помнил, что именно.

Луцилла?

Он представил ее мертвой. Но эта женщина не была Луциллой, это Мурбелла.

Он так обессилел. Он приподнялся над женщиной и ухитрился встать на колени. Ее руки дрожали от непонятного возбуждения.

Мурбелла старалась оттолкнуть от себя Дункана, но его уже не было над ней. Она стремительно открыла глаза.

Дункан стоит над ней на коленях. Она не имеет ни малейшего представления, сколько времени прошло с тех пор, как она вошла сюда. Она постаралась сесть, но у нее ничего не получилось. Разум постепенно возвращался к ней.

Она уставилась на Дункана, наконец осознав, кем должен быть этот мужчина. Мужчина? Это всего-навсего юноша, но он сделал такое… такое… Об этом предупредили всех Досточтимых Матрон. Это был гхола, которого тлейлаксианцы снабдили запретными знаниями. Этого гхола надо убить!

По ее мышцам прошла судорога, но не любовная

— это возвращалась энергия. Она приподнялась на локтях. Глотнув воздуха, она постаралась скатиться из-под него на пол, но снова без сил упала на постель.

Именем Священной скалы Дура! Этот гхола не должен жить! Он всего-навсего гхола и должен делать только то, что позволяют делать Досточтимые Матроны. Ей хотелось ударить его и одновременно снова прижаться к его телу. *Экстаз!* Она знала, что, если он сейчас попросит ее о чем угодно, она сделает, сделает для него.

Нет! Я должна его убить!

Она еще раз приподнялась на локтях и на этот раз смогла сесть. Она расслабленно взглянула на стекло, за которым стояли Великая Матрона и ее проводник. Они все еще стояли там. Лицо Великой Досточтимой Матроны было неподвижно, как скала Дура.

Как она может стоять и спокойно смотреть на это? Она должна немедленно убить этого гхола!

Мурбелла поманила Луциллу к себе и скатилась с подушек к замку. Она едва успела открыть дверь и снова от слабости повалилась на подушки. Ее взгляд скользнул по обнаженному телу Дункана, стоявшего на коленях. Тело его блестело

от пота. Любимое тело…

Нет!

От отчаяния она упала на пол. С большим трудом, призвав на помощь все свое самолюбие, она встала. Энергия постепенно возвращалась, но ноги все еще дрожали от слабости.

Я сделаю это сама без всяких раздумий. Я должна сделать это.

Ее шатало из стороны в сторону. Она попыталась придать удару, направленному в горло, хоть какую-то твердость. Этот удар, ломающий гортань, был у нее очень хорошо поставлен и отработан, жертва умирает от удушья.

Дункан легко отразил удар, но он был такой медленный… медленный.

Мурбелла едва не упала, но руки Великой Досточтимой Матроны поддержали ее.

— Убей его! — прохрипела Мурбелла. — Он — тот, о ком нас предупреждали. Это именно он!

Она почувствовала, что рука Матроны коснулась ее шеи и сильно нажала на нервный пучок чуть пониже уха.

Последнее, что услышала Мурбелла перед тем, как потерять сознание, были слова Великой Матроны:

— Мы никого не убьем. Этот гхола будет достав-

лен на Ракис.

Самым худшим из возможных конкурентов для любого организма является существо близкого к нему рода. Биологический вид питается необходимыми веществами. Рост ограничен тем веществом, которое представлено наименьшим количеством. Наименее благоприятное условие контролирует скорость роста. (Закон минимума).

Из «Уроков Арракиса»

Здание стояло вдали от широкого проспекта, закрытое от посторонних взглядов деревьями и тщательно ухоженной живой изгородью. Изгородь высотой в человеческий рост ограничивала засаженное пространство. Экипаж мог въехать сюда или выехать отсюда только на черепашьей скорости. Старый вояка Тег сразу понял это, когда машина подвезла его к фасаду. Фельдмаршал Муззафар, сопровождавший Тега, заметил это.

— Сверху мы защищены системой лучеметов.

Солдат в камуфляжной форме с длинным лазерным ружьем, висевшим на плече, открыл ворота и вытянулся, пока Муззафар выходил из машины. Следом за ним вышел и Тег.

Он узнал это место. То был один из «безопасных» адресов, которыми снабдили его в Бене

Гессерит. Очевидно, что информация Общины Сестер устарела. Причем устарела совсем недавно, потому что Муззафар ничем не показывал, что Тег должен знать этот дом.

Когда они входили в дверь, Тег понял, что со времени его последнего визита сюда в системе защиты ничего не изменилось. Было только небольшое изменение в схеме постов по периметру изгороди. Эти пункты наблюдения сканировали периметр из комнат, расположенных где-то в здании. Выполненные в форме бриллиантов датчики сканировали пространство между собой и домом. Если просто нажать кнопку в пункте охраны, то сканирующий анализатор превратит в мелко нарезанное мясо любого незваного пришельца.

В дверях Муззафар оглянулся и посмотрел на Тега.

— Досточтимая Матрона, с которой вы сейчас встретитесь, — это самая могущественная из них, кто когда-либо бывал здесь. Она не приемлет иного поведения, кроме полного повиновения.

— Я принимаю это, как предупреждение.

— Я думал, что вы должны понять. Называйте ее Досточтимая Матрона и никак иначе. Мы идем. Я позволил себе взять для вас комплект

новой формы.

Комната, куда Муззафар проводил Тега, была последнему незнакома. Он не был здесь ни разу. Помещение было мало, двоим в нем было тесно. Все свободное пространство было заставлено какими-то тикающими ящичками, покрытыми черными панелями. Помещение освещалось желтым плавающим шаром. Муззафар скромно примостился в углу, пока Тег снимал с себя грязную поношенную униформу, которую он не снимал с момента выхода из дворца-невидимки.

— Прошу прощения, что не могу предложить вам ванну, — извинился Муззафар. — Но дело не терпит отлагательства. Она уже проявляет нетерпение.

Еще один человек принес Тегу новую форму. Она оказалась знакомой — черная униформа даже с пылающими звездами в петлицах. Итак, он предстанет пред очи Досточтимой Матроны как башар Общины Сестер. Интересно. Он опять башар с ног до головы, правда, это чувство не покидало его в любом наряде. Но форма есть форма. В ней не надо особо подчеркивать, кто ты есть на самом деле.

— Так-то лучше, — сказал Муззафар, выводя башара в коридор и подводя к знакомой двери.

Да, именно здесь его ждал «надежный» контакт. Он узнал назначение комнаты, в которой с тех пор ровным счетом ничего не изменилось. Ряды контрольных глазков на потолке и стенах, замаскированные под серебристые полоски управления плавающими светильниками.

Тот, за кем наблюдают, ни о чем не догадывается, подумал Тег. *А у наблюдающих — миллион глаз.*

Двойное зрение предупреждало об опасности, но немедленного насилия не предвиделось.

Эта комната, длиной около пяти метров и около четырех шириной, предназначалась для решения весьма важных дел. Торговля — это не умение трясти кошельком. Здесь люди демонстрировали то, что может заменить любую валюту — меланжу или молочные камни размером с глаз, идеально круглые, гладкие и мягкие. Эти камни светились всеми цветами радуги при любом падающем на них свете и при прикосновении к любой живой плоти. Меланжа или камни воспринимались в этой комнате как нечто само собой разумеющееся. Цена планеты может быть уплачена здесь — достаточно легкого кивка, движения глаз, невнятного бормотания. Здесь никогда не видят кошельков с деньгами. Самое

большее, чем здесь оперировали, — это тонкими листами ридулианской бумаги, на которых были выдавлены цифры — очень большие цифры.

— Это банк, — сказал Тег.

— Что? — Муззафар напряженно смотрел на дверь в противоположной стене. — О да. Она скоро явится.

— Она, конечно, давно наблюдает за мной.

Муззафар ничего не ответил, но взгляд его заметно помрачнел.

Тег оглянулся. Не изменилось ли что-нибудь со времени его последнего визита сюда? Ничего существенного на первый взгляд. Такая обстановка обычно не меняется на протяжении эпох. Ковер, мягкий, как гагачий пух, и белый, как брюхо шерстистого кита. Ковер казался влажным. Но только казался. Если ступишь на него босой ногой (правда, здесь вряд ли ступала чья-то босая нога), то почувствуешь приятную сухость.

В центре комнаты стоял стол длиной около двух метров. Столешница имела толщину не более двадцати миллиметров. Тег узнал данийскую джакаранду. Темно-коричневая поверхность была отполирована до идеального блеска и под ней просвечивали древесные жилки. Вокруг стола стояли четыре адмиральских кресла, сделанные

тем же мастером из того же дерева, что и стол. Кожа обивки соответствовала цвету полировки.

Только четыре кресла — больше уже перебор. Он ни разу не сидел в этом кресле и пока не собирался садиться, но представлял себе это ощущение — так же удобно, как на противной собаке. Конечно, сидеть на собаке удобнее, она принимает форму тела. Однако все продумано, слишком удобное сиденье располагает сидящего к расслаблению. Убранство этой комнаты говорило: «Располагайся с удобствами, но будь начеку».

Здесь не только надо было иметь свидетеля рядом, но и большую силу за спиной. Он понял это в прошлый раз и с тех пор его мнение не изменилось.

Здесь не было окон, но и те, которые видны снаружи, окружены цепочками огней — энергетическим барьером, чтобы никто не подсмотрел и не удрал через окно. В этих барьерах таилась опасность. Тег знал это, но роль их была столь важна, что на них расходовалась энергия, которой хватило бы на освещение целого города в течение жизни одного поколения, никак не меньше.

В этой демонстрации богатства не было ничего случайного.

Дверь, за которой так внимательно наблюдал Муззафар, открылась с легким щелчком.

Опасность!

В комнату вошла женщина в переливающемся золотистом платье.

Она стара!

Тег не ожидал, что она окажется такой древней. Лицо представляло собой сплошную морщинистую маску. Глаза были похожи на два кусочка зеленоватого льда. Длинный, острый, как клюв, нос нависал над подбородком, повторявшим очертания носа. Черная шапочка прикрывала седые волосы.

Муззафар поклонился.

— Оставь нас, — приказала женщина.

Не говоря ни слова, он вышел через ту дверь, через которую вошла Матрона. Когда дверь закрылась, Тег произнес вместо приветствия:

— Досточтимая Матрона.

— Итак, ты понял, что здесь банк, — голос ее слегка дрожал.

— Конечно.

— Всегда находятся средства, чтобы передать большие суммы или продать кусочек власти, — сказала она. — Я говорю не о той власти, которая управляет фабриками, а о той, которая правит

людьми.

— И эта власть обычно прячется под маской правительства, или общества, или самой цивилизации, — проговорил Тег.

— Я подозревала, что ты окажешься очень умен, — сказала она. Женщина выдвинула из-под стола кресло и опустилась на него, но не предложила сесть Тегу. — Я и считаю, что я — банкир. Это избавляет от всяких грязных и досадных околичностей.

Тег не ответил. Казалось, что в этом нет необходимости. Он продолжал внимательно рассматривать ее.

— Почему ты так на меня смотришь? — недовольно спросила она.

— Я не ожидал, что вы окажетесь так стары.

— Ха, ха, у нас для тебя много сюрпризов, башар. Позже юная Досточтимая Матрона, возможно, промурлычет тебе на ухо, что отметила тебя. Хвала Дуру, если это произойдет.

Он кивнул, не вполне понимая, о чем идет речь.

— Это очень старое здание, — продолжала она. — Я наблюдала за тобой, когда ты пришел. Это тоже удивляет тебя?

— Нет.

— Этот дом стоит без всяких изменений уже несколько тысяч лет. Он построен из таких материалов, что простоит еще столько же.

Он взглянул на стол.

— О, это не относится к дереву. Но под деревом поластин, полаз и пормабат. Никакие аристократы не осмелятся смеяться над этим, когда нужда позовет их сюда.

Тег промолчал.

— Нужда, — повторила она. — Ты не возражаешь против некоторых необходимых вещей, которые мы с тобой сделали?

— Мои возражения в счет не идут, — ответил он. *Чего она хочет?* Конечно, она его изучает. Так же, как и он ее.

— Как ты думаешь, другие люди возражали против того, что с ними делал ты?

— Несомненно.

— Ты прирожденный командир, башар. Думаю, что ты будешь очень ценной находкой для нас.

— Я всегда полагал, что самая главная моя ценность — для меня самого.

— Башар! Посмотри мне в глаза!

Он подчинился, увидев мелькающие в глазах Матроны оранжевые искры. В нем обострилось чувство угрозы.

— Если увидишь, что мои глаза стали полностью оранжевыми, берегись! — сказала она. — Это будет значить, что ты оскорбил меня настолько, что у меня истощилось терпение.

Он кивнул.

— Мне нравится, что ты можешь командовать, но ты не можешь командовать мной! Ты будешь командовать хламом, и это единственная функция, для которой нам нужны такие, как ты.

— Хлам?

Она пренебрежительно махнула рукой.

— Те, там, внизу. Ты их знаешь. Их любопытство — это узкий кран. Ничто великое никогда не проникает в их сознание.

— Я так и понял, что вы имеете в виду.

— Мы хотим сохранить такой миропорядок и работаем для этого, — продолжала Матрона. — Все, что они должны знать, проходит сквозь мелкое сито, через которое проходит только то, что имеет отношение к непосредственной возможности выжить.

— Это не слишком великая премудрость.

— Ты снова оскорбляешь меня, но это не имеет никакого значения, — сказала она. — Для тех, кто внизу, самая главная премудрость заключается в следующих вопросах: «Буду я сегодня есть или

нет?», «Не вломятся ли в мое жилище грабители и не проникнут ли паразиты?» Роскошь? Роскошь заключается в приеме наркотика или обладании представителем противоположного пола — это позволяет некоторое время создавать иллюзию, что зверь далеко.

И этот зверь — ты, подумал Тег.

— Я трачу на тебя столько времени, башар, потому что понимаю, что для нас ты более ценен, чем даже Муззафар. А он очень ценен. Даже сейчас мы обязаны ему тем, что он доставил тебя сюда без особых хлопот и в приемлемом состоянии.

Тег молчал, и женщина усмехнулась.

— Ты не думаешь, что ты еще приемлем?

Усилием воли Тег сдержался. Они что, подмешали ему в пищу какое-то зелье? Он заметил, что двойное зрение стало мигать, но движение улеглось, поскольку в глазах Досточтимой Матроны продолжали мелькать только оранжевые пятна. Однако надо держаться подальше от ее ног. Это смертельное оружие.

— Ты неправильно думаешь о хламе, — сказала она. — К счастью, большинство из них сами ограничивают свои потребности. Они, может быть, сознают это где-то в глубине души, но не могут найти время для того, чтобы выйти за пределы

примитивного выживания.

— И никак нельзя улучшить эту породу?

— Их ни в коем случае нельзя улучшать! Мы позаботимся о том, чтобы стремление к самосовершенствованию осталось для них преходящей причудой, фантазией. Ничего такого в реальной жизни, конечно, не должно произойти!

— Им должно быть отказано в других видах роскоши, — сказал он.

— Никакой роскоши! Ее для них просто не существует. Она должна остаться для них тайной за семью печатями. Это называется защитной стеной невежества.

— То, чего не знаешь, не может причинить боль.

— Мне не нравится твой тон, башар.

В ее глазах снова заплясали оранжевые огоньки. Однако предчувствие силового столкновения уменьшилось, когда Матрона снова рассмеялась.

— То, что ты так оберегаешь, есть нечто противоположное тому, что называется *то-чего-не-знаешь*. Мы учим тому, что новое знание может быть опасным. Ты выведешь отсюда естественное заключение: всякое новое знание противоречит выживанию!

Дверь за спиной Досточтимой Матроны отво-

рилась, и в комнату вернулся Муззафар. Это был не прежний Муззафар. Лицо его пылало пятнами, глаза горели. Он почтительно остановился за спинкой кресла Матроны.

— Однажды и ты получишь право стоять вот так, за спинкой моего кресла, — сказала она. — Это вполне мне по силам.

Что они сделали с Муззафаром? Этот человек был, очевидно, полностью лишен своей воли.

— Так ты видишь, что я обладаю властью? — спросила она.

Тег откашлялся.

— Это очевидно.

— Я — банкир, ты помнишь? Ты только что сделал свой депозит вместе с нашим верным Муззафаром. Ты благодарен нам, Муззафар?

— Да, Досточтимая Матрона, — хрипло ответил фельдмаршал.

— Я уверена, что ты понимаешь природу такой власти, башар, — сказала она. — Тебя хорошо готовили в Бене Гессерит. Они талантливы, но, боюсь, не столь талантливы, как мы.

— Говорят, что вы очень многочисленны, — произнес Тег.

— Основа нашего могущества заключается не в численности, башар. Власть, такая, как наша,

может осуществляться и малым количеством людей.

Она очень похожа на Преподобную Мать, подумал он. *Она умеет дать ответ, по существу, уклонившись от него.*

— По сути своей, — продолжала Матрона, — такая власть, как наша, становится источником выживания для многих людей. Теперь для того, чтобы править, достаточно пригрозить людям лишить их этого источника. — Она оглянулась через плечо. — Ты не хочешь, чтобы мы лишили тебя своей милости, Муззафар?

— Нет, Досточтимая Матрона. — Этот мужчина дрожал, как женщина!

— Вы нашли новый наркотик, — сказал Тег.

Она громко, почти озорно рассмеялась.

— Нет, башар, это очень старый наркотик.

— Вы хотите, чтобы и я пристрастился к нему?

— Как и все, кого мы контролируем, башар, ты имеешь выбор — либо повиноваться, либо умереть.

— Это действительно очень древний выбор, — согласился Тег. В чем заключается непосредственная угроза? Он не чувствовал признаков готовящегося силового нападения. Как раз наоборот. Второе зрение показывало ему весьма

чувственные намеки. Они что, хотят запечатлеть его?

Она улыбнулась Тегу, хотя взгляд ее оставался ледяным.

— Он будет хорошо служить нам, Муззафар?

— Думаю, что да, Досточтимая Матрона, — ответил фельдмаршал.

Тег размышлял, наморщив лоб. В этой парочке было что-то глубоко порочное. Они действовали вопреки морали, которой он всегда руководствовался в своем поведении. Хорошо, что они не знают о его способности к сверхбыстрой реакции.

Кажется, они очень радовались тому затруднительному положению, в какое он попал.

Некоторую уверенность Тегу придало сознание того, что эти двое начисто разучились радоваться жизни. Будучи воспитанником Бене Гессерит, он видел это совершенно отчетливо. Досточтимая Матрона и Муззафар забыли или, что более вероятно, сознательно оставили все, что составляет основу существования жизнерадостного человека. Они не были в состоянии находить источник радости в собственном теле. Они добровольно приняли на себя роль постороннего свидетеля, вечного наблюдателя, который тем не менее

всегда помнит, каким он был до своего превращения. Даже когда они делают то, что когда-то было для них удовольствием, они вынуждены доходить в этом удовольствии до крайностей, чтобы затронуть хотя бы края своей памяти о прошедших и утраченных радостях.

Досточтимая Матрона широко улыбнулась, обнажив ряд ослепительно-белых зубов.

— Посмотри на него, Муззафар. Он не имеет ни малейшего представления о том, что мы можем сделать.

Тег слышал все сказанное, но видел и другое взглядом, натренированным в школах Бене Гессерит. В этих людях не осталось ни миллиграмма природной наивности. Их нельзя ничем удивить. Для них не существует ничего нового. Поэтому они плетут заговоры, изобретают махинации, надеясь, что это возбудит их и они испытают былое потрясение от какой-то новизны. Конечно, в глубине души они понимали, что это не произойдет, что из запланированного действия они выйдут, охваченные еще большей досадой от неудачи, и чем больше будет эта досада, тем с большей яростью они снова попытаются достичь недостижимого. Таким стало их мышление.

Тег состроил для них фальшивую улыбку,

призвав на помощь все свои недюжинные способности. Это была улыбка, полная истинной страсти, понимания и удовольствия от собственного существования. Это было самым тяжким оскорблением, которое он мог им нанести, и, как видел Тег, оружие подействовало. Муззафар уставился на него пылающим взглядом. В глазах Матроны перестали плясать оранжевые огоньки, и кратковременное удивление сменилось блеском удовольствия. Она этого не ожидала! Это было что-то новенькое!

— Муззафар! — Оранжевые блики окончательно исчезли. — Приведите Досточтимую Матрону, которая положит глаз на нашего башара.

Второе зрение Тега немедленно уловило опасность. Он наконец понял, в чем она состоит. В нем начала нарастать необыкновенная сила, которая, как он знал, сейчас выплеснется наружу яростной волной. Эти дикие изменения в нем не закончились! Он чувствовал, как по телу течет небывалая энергия. Вместе с ней пришло понимание своего выбора. Тег видел, как он, словно яростный вихрь, проносится по зданию — позади него остаются мертвые тела (среди них Муззафар и Досточтимая Матрона), а весь комплекс превратится в груду развалин после того, как он

отсюда выйдет.

Должен ли я это делать?

Если он не убьет их, то трупов будет гораздо больше. Он видел необходимость такого поступка, и одновременно до него полностью дошел весь план замысла Тирана. Он едва не закричал от боли, какую испытывал, но сумел сдержаться.

— Да, приведите ко мне эту Досточтимую Матрону, — сказал он, зная, что искать ее нет никакого смысла. Гораздо важнее позаботиться о сканирующем анализаторе и отключить его.

О вы, знающие, как мы страдаем здесь,
не забудьте нас в своих молитвах.

Надпись на посадочной полосе Арракиса (Исторические записки: Дар-эс-Балат)

Тараза задумчиво смотрела, как на фоне серебристого ракисского неба с деревьев опадают белые как снег цветы. Настало утро. Небо было затянуто опалесцирующей дымкой, которую Тараза не ожидала увидеть, несмотря на большую подготовительную работу по ознакомлению с условиями жизни на этой планете. Запах карликовых апельсинов был очень силен, он перебивал все другие ароматы здесь, на крыше музея Дар-эс-Балата.

Никогда не думай, что сможешь проникнуть в сокровенные тайны какого-то места… или человека, подумала она.

Разговор был окончен, но в ушах Верховной Матери все еще эхом звучали мысли, которые были высказаны здесь всего несколько минут назад. Однако все согласились с тем, что настало время действовать. Вскоре Шиана исполнит танец червя и еще раз продемонстрирует свою власть над ним.

Вафф и новый представитель священников

будут участвовать в этом «святом событии», но Тараза была уверена, что никто из них не понимает истинной природы того, чему им суждено стать свидетелями. Вафф, конечно, страшно скучал от этих дебатов. Он все еще был преисполнен раздражительного недоверия ко всему, что он видел и слышал. Это недоверие составляло странный контраст с его благоговейным отношением к самому пребыванию на Ракисе. Катализатором раздражения было, конечно, его убеждение в том, что этой планетой управляют дураки.

Из зала встреч вернулась Одраде и встала за спиной Таразы.

— Я очень обеспокоена сообщениями с Гаммы, — заговорила Тараза. — Ты принесла что-то новое?

— Нет, там происходит какой-то беспорядок.

— Скажи мне, Дар, как ты думаешь, что нам надо делать?

— Я вспоминаю слова, сказанные Тираном сестре Ченоу: «Бене Гессерит очень близок к тому, чем он должен быть, но одновременно очень далек».

Тараза указала на Пустыню, простершуюся за каналом, окружавшим город-музей.

— Он все еще там, Дар. Я уверена в этом, — сказала Тараза. Она повернулась лицом к Одраде. — И

Шиана говорит с ним.

— Он очень много лгал, — возразила Одраде.

— Но он не лгал относительно своего перевоплощения. Помнишь, что он говорил: «Каждая исходящая из меня часть понесет часть моего сознания, беспомощные и слепые, эти частицы будут скитаться в Пустыне, застигнутые вечным сном».

— Ты ставишь слишком многое на свою веру в силу этого сна, — сказала Одраде.

— Мы должны возродить замысел Тирана. Весь — от начала до конца.

Одраде в ответ только вздохнула, но промолчала.

— Никогда не следует недооценивать силу идеи, — продолжала Тараза. — Атрейдесы в своем правлении всегда были философами. Философия опасна, потому что порождает новые идеи.

Одраде продолжала хранить молчание.

— Червь несет все это в себе, Дар! Все силы, которые следует привести в движение, находятся в нем.

— Кого ты пытаешься убедить — себя или меня? — спросила Одраде.

— Я наказываю тебя, Дар, так же, как Тиран до сих пор наказывает всех нас.

— За то, что мы не такие, какими должны быть? Ага, вот идут Шиана и остальные.

— Язык червя. Вот что сейчас самое важное.

— Да, если вы так считаете, Верховная Мать.

Тараза метнула сердитый взгляд на Одраде, которая направилась навстречу вновь прибывшим. В настроении Одраде чувствовались беспокойство и обреченность.

Присутствие Шианы, однако, вернуло Таразе чувство осознания цели. Какое бдительное маленькое создание — эта Шиана. Очень хороший материал. Предыдущим вечером Шиана демонстрировала свой танец в большом зале музея на ковре на фоне занавесок, сплетенных из волокон Пряности и украшенных изображениями Пустыни и червей. Она казалась частью этого изображения, фигурой, спроецированной на живописные дюны и на тщательно выписанных на волокнах червей. Тараза вспомнила, как в диком вращении волосы Шианы взметнулись вверх неукротимой дугой. Боковой свет подчеркнул рыжие пряди в волосах Шианы. Глаза были закрыты, но в лице не было умиротворения и успокоенности. Волнение передавалось в движениях рта, в подрагивании ноздрей, резких движениях подбородка. Движения говорили о

мудрости, которая лишь прикрывалась юной оболочкой.

Танец — это ее язык, подумала Тараза. *Одраде права. Поняв танец Шианы, мы поймем язык Тирана.*

У Ваффа в это утро был какой-то отчужденный вид. Было непонятно, куда смотрят его глаза — внутрь или на окружающий мир.

Рядом с Ваффом стоял Тулушан, высокий красивый ракисец — новый представитель священников, выбранный для сегодняшнего похода в Пустыню. Тараза, которая внимательно наблюдала за этим человеком во время показательного танца, заметила в нем поразительную способность никогда не произносить «но», хотя в каждом его высказывании подразумевался именно этот союз. Ярко выраженный бюрократ. Он наверняка надеялся, что пойдет очень далеко, но Тараза знала, что этим надеждам не суждено было сбыться, и не испытывала к Тулушану ни малейшей жалости по этому поводу. Тулушан — юноша с мягким лицом, прожил на свете слишком мало стандартных лет, чтобы быть облеченным столь высоким доверием. В нем было больше того, что было доступно глазу, но и одновременно меньше.

Вафф отошел в боковую аллею сада, оставив Одраде и Шиану наедине с Тулушаном.

Молодой священник не был, конечно, незаменимым. Это объясняло тот факт, что именно он был выбран для сегодняшнего дела. Такой выбор священников сказал Таразе, что замыслы насильственных действий дозрели до готовности к действию. Тараза не думала, однако, что какая-либо клика священников решится причинить Шиане вред.

Мы будем стоять близко к Шиане.

Неделя, прошедшая после демонстрации сексуальных достижений шлюх, была занята всевозможными делами. Очень беспокойная была неделя. Если уж быть честной, Одраде занималась с Шианой. Конечно, Тараза предпочла бы, чтобы на месте Одраде оказалась Луцилла, но приходилось выбирать из того, что есть, а лучше Одраде в данной ситуации не было никого, во всяком случае, на Ракисе.

Тараза обернулась и посмотрела на безбрежный океан Пустыни. Все ждали прибытия орнитоптера с Очень Важными Наблюдателями (ОВН). Эти ОВН пока не опаздывали, но, как и все такого рода люди, создавали ненужную сутолоку.

Шиана воспринимала сексуальное воспитание

на редкость хорошо, хотя на Ракисе не найдешь хорошего мужчины-инструктора. В первую же ночь на Ракисе Тараза вызвала одного из таких мужчин, но он доставил ей весьма немного радости и забвения. Кроме того, что значит забвение? Забыть — значит стать слабой.

Никогда ничего не забывать!

Именно это, кстати говоря, делали шлюхи. Они торговали забвением. Они не имеют никакого понятия о том, что Тиран продолжает держать, словно в тисках судьбы, человечество и главной задачей является уничтожение этих тисков.

Тараза тайно подслушала разговор между Одраде и Шианой.

Зачем я подслушивала?

Девочка и учительница сидели на скамьях в саду, глядя друг на друга, иксианский глушитель скрывал их слова от всех, кто не имел специального транслятора, настроенного на код глушителя, который нависал над собеседницами, как большой черный зонт, искажавший звуки и движения губ.

Таразе, стоявшей в зале встреч с крошечным транслятором в ухе, этот разговор казался каким-то искажением собственной памяти.

Когда я училась этим вещам, мы еще не знали,

на что способны шлюхи из Рассеяния.

— Почему мы говорим, что это сложности секса? — спрашивала Шиана. — Мужчина, которого ты прислала мне прошлой ночью, все время повторял это.

— Многие полагают, что понимают это, Шиана. Но, вероятно, этого не понимает никто, поскольку такие слова требуют от плоти большего, чем она может понять.

— Почему я не должна применять те трюки, которые нам показывали лицеделы?

— Шиана, одна сложность всегда предопределяет другую и скрывает ее в себе. Сексуальная сила проявляется великими и низкими деяниями. Мы говорим «сексуальная сила» и «сексуальная энергия» и произносим такое словосочетание, как «чрезвычайное побуждение желания». Я не отрицаю, что такие вещи можно наблюдать и в обыденной жизни. Но то, что вы видели, — это сила настолько мощная, что она может разрушить и тебя, и все, что ты считаешь ценным.

— Именно это я и пытаюсь понять. Что шлюхи делают неправильно?

— В своих действиях они игнорируют интересы вида, Шиана. Думаю, что ты уже это чувствуешь. Об этом, несомненно, знал и Тиран. Что такое

его Золотой Путь, как не видение сексуальной силы, как силы, бесконечно воссоздающей род человеческий?

— А шлюхи не воссоздают?

— Они стараются управлять своим миром с помощью этой силы.

— Да, кажется, именно это они и делают.

— Да, но какие противодействующие силы они при этом приводят в действие?

— Этого я не понимаю.

— Ты знаешь, что такое Голос и как с его помощью можно управлять некоторыми людьми?

— Но с его помощью нельзя управлять всеми.

— Точно так. Цивилизации, на которые долго воздействовали Голосом, вырабатывают способы приспособления к его силе для того, чтобы избежать его воздействия.

— То есть существуют люди, которые могут сопротивляться шлюхам?

— Мы видим неопровержимые свидетельства этому. И именно поэтому мы сейчас на Ракисе.

— Шлюхи придут сюда?

— Боюсь, что да. Они хотят подчинить себе ядро Старой Империи и считают нас легкой добычей.

— А ты не боишься, что они победят?

— Они не победят, Шиана. Положись в этом

на меня. Но для нас очень хорошо, что они существуют.

— Как это понять?

В тоне Шианы словно отразилось то потрясение, которое в этот момент испытала сама Тараза. Как много подозревает Одраде? В следующий момент Тараза все поняла, спрашивая себя, поймет ли это юная девочка?

— Ядро статично, Шиана. Мы находились в застое несколько тысяч лет. Жизнь и движение протекают там, в Рассеянии, где люди активно противодействуют шлюхам. Что бы мы ни делали, но мы должны еще более усилить это сопротивление.

Звук приближающихся орнитоптеров прервал воспоминания Таразы. Из Кина прибыли ОВН. Они были еще довольно далеко, но звук легко распространялся в чистом утреннем воздухе.

Тараза подумала, что у Одраде хороший метод преподавания, призналась себе Верховная Мать, глядя на показавшийся вдалеке первый орнитоптер. Очевидно, машины шли на малой высоте, обходя здание сбоку. Они, кажется, несколько отклонились от курса, но, возможно, пилот решил дать своим пассажирам осмотреть остатки древней стены Тирана. Очень многие проявляли

любопытство к тому месту, где Одраде нашла клад Пряности.

Шиана, Одраде, Вафф и Тулушан вернулись в зал встреч. Они тоже услышали звук приближающихся орнитоптеров. Шиане не терпелось показать свою власть над червями. Тараза тем не менее проявляла нерешительность. Звук двигателей орнитоптеров был каким-то натужным. Почему машины перегружены? Сколько же там наблюдателей?

Первый орнитоптер показался над крышей, и Тараза посмотрела на бронированный колпак кабины. Она поняла, что это предательство, еще до того, как первый луч полоснул из машины, прошив ее ноги ниже колен. Она тяжело упала на дерево, растущее в кадке. От ног ниже колен практически ничего не осталось. Следующий луч ударил в бедро. Орнитоптер с ревом пролетел мимо и взял влево.

Тараза приподнялась, привалившись к дереву, стараясь не обращать внимания на боль. Ей удалось остановить кровотечение, но боль оставалась такой же сильной, правда, не такой, как при муках Пряности. Это помогло, но она понимала, что обречена. Над музеем разнеслись громкие крики и звуки борьбы.

Я победила, подумала Тараза.

Одраде выскочила из комнаты верхнего этажа и склонилась над Верховной Матерью. Они не говорили ни слова, но обе все поняли. Одраде прижалась виском ко лбу Таразы. Это был вековой ритуал Бене Гессерит. Тараза начала изливать в мозг Одраде свою память, надежды, страхи… все.

Одна из них могла еще спастись.

Шиана смотрела на эту сцену из комнаты пентхауса, стоя там, где ей приказала ждать Одраде. Она знала, что происходит на крыше. Это последнее таинство было известно каждой послушнице Общины Сестер.

Вафф и Тулушан, которые вышли на крышу раньше, не возвращались.

Шиана содрогнулась от понимания происходящего.

Одраде резко встала и побежала под крышу пентхауса. Глаза ее дико блуждали, но действовала она обдуманно и целенаправленно. Рванувшись вперед, она схватила шнуры нескольких плавающих светильников. Несколько шнуров она буквально впихнула в руку Шианы, и девочка почувствовала, что ее тело стало легче, его потянуло вверх полем, создаваемым светильниками. Собирая по дороге другие светильники,

Одраде поспешила в узкий конец комнаты, где в стене была видна решетка. Именно она и нужна была Одраде. С помощью Шианы она выдвинула решетку по направляющим, вскрыв глубокую вентиляционную шахту. Свет шаров освещал шероховатые стены этого глубокого колодца.

— Держи шары как можно ближе к себе, чтобы эффект поля был наибольшим, — крикнула Одраде. — Отталкивай их, чтобы снижаться. Лезь в шахту!

Шиана сжала связку шнуров потной рукой и скользнула в шахту через порог. Она начала падать, потом в страхе притянула поближе к себе связку шаров. Сверху лился свет — Одраде не оставила ее одну.

Оказавшись на дне, они нырнули в насосную. Шум вентиляторов смешивался со страшными звуками, доносившимися сверху.

— Нам надо попасть в комнату-невидимку, а оттуда в Пустыню, — сказала Одраде. — Все эти технические помещения сообщаются между собой. Здесь где-то должен быть проход.

— Она умерла? — спросила Шиана.

— Да.

— Бедная Верховная Мать.

— Теперь я — Верховная Мать, Шиана. По

крайней мере временно. — Она указала рукой наверх. — На нас напали шлюхи, надо спешить.

Мир создан для живых. Но кто они?
Мы испытали мрак, чтобы достичь тепла и света.
Она стала ветром, когда ветер мне путь преградил.
Жив я был в полдень, но погиб в ее обличье.
Кто поднимается от плоти к духу, падения ведал:
Слово рождает слово; но свет превыше всего.

Теодор Ретке (Исторические заметки: Дар-эс-Балат)

От Тега потребовалось небольшое усилие воли, чтобы в мгновение ока превратиться в вихрь. Наконец он полностью осознал природу опасности Досточтимых Матрон. Это понимание усилилось от новых способностей ментата, которые появились у него вместе со способностью молниеносно двигаться.

Чудовищная угроза требовала чудовищного противодействия. Тег покрылся кровью с ног до головы, прокладывая себе путь по зданию штаба Досточтимых Матрон и убивая всех, кто встречался ему на этом пути.

Как он узнал когда-то от своих учителей из Бене

Гессерит, самая главная проблема человеческой вселенной заключается в овладении управлением претворения. Он явственно слышал голос своего первого учителя, успевая при этом крушить все и вся.

— Ты можешь понимать под этим обычную сексуальность, но мы предпочитаем более основополагающий термин: претворение. Он имеет множество граней и отростков и обладает поистине неисчерпаемой энергией. Эмоция, которая называется *любовью*, есть лишь небольшой аспект претворения.

Тег поразил в горло человека, вставшего на его пути, и ворвался в комнату, где располагалась панель управления защитой здания. Там сидел только один человек, его правая рука уже почти дотянулась до консоли с кнопками, когда его настиг разящий удар Тега.

Левой рукой башар практически обезглавил противника. Тело медленно сползло на пол, кровь хлынула из зияющей раны на шее.

Сестры правы, что называют их шлюхами!

Вы можете завлечь человечество куда угодно и во что угодно, манипулируя великой силой претворения. Вы можете вовлечь людей в такие действия, о которых они никогда не помышляли

и не считали возможными. Один из учителей говорил об этом прямо:

— Энергия должна находить выход. Закупорь ее — и она станет смертельно опасной. Направь ее в нужное русло — и она сметет все на своем пути. В этом заключается главный секрет всех религий.

Тег оставил за собой более пятидесяти трупов, покидая здание. Последней жертвой пал солдат в камуфляже.

Тег пробегал мимо неподвижных людей и машин, а его возбужденный выше всяких мыслимых пределов ум размышлял над тем, что он оставляет позади себя. Было ли утешением, думал он, например, что последним выражением в глазах Досточтимой Матроны было искреннее удивление? Мог ли он поздравить себя с тем, что Муззафар никогда больше не увидит свой дом из фреймбуша?

Необходимость того, что он сделал в течение нескольких мгновений, была очевидной для того, кто был воспитан в Ордене Бене Гессерит. Тег знал его историю. В Старой Империи было много райских планет, вероятно, их еще больше на просторах Рассеяния. Люди всегда были склонны ставить эти дурацкие эксперименты. Население таких планет постепенно превращалось в

лентяев. Хитроумные аналитики объясняли это удобными условиями жизни и хорошим климатом. Но Тег знал, что это вопиющая глупость. Все происходило оттого, что сексуальная энергия в таких местах освобождается очень легко. Если бы миссионеры Разделенного Бога или любого другого вероисповедания подобного толка появились в таком раю, то не избежать бы страшного кровопролития.

— Мы, члены Бене Гессерит, знаем, — говорил еще один учитель Тега. — Мы не раз воспламеняли этот фитиль с помощью нашей Защитной Миссии.

Тег не прекращал бег, пока не оказался на аллее в пяти километрах от места учиненной им бойни. Он знал, что прошло очень мало времени, однако надо было подумать и о более важных вещах. Во-первых, он не убил всех обитателей дома старой шлюхи. За ним сейчас следили люди, которые знали, что он будет делать дальше. Они видели, что он убил Досточтимую Матрону. Они видели, как Муззафар принял смерть из его рук. Наличие тел и видеозапись расскажут все остальное.

Тег прислонился к стене. На левой ладони была глубокая ссадина. Глядя, как из ссадины течет насыщенно алая кровь, Тег приостановил бег

времени. Кровь была необычайно алого цвета.

В моей крови стало больше кислорода?

Он, конечно, очень глубоко и часто дышал, но не настолько, чтобы так изменить состав крови.

Что со мной произошло?

Причина — в наследии Атрейдесов, это Тег знал точно. Кризис перевоплощения переместил его в другое измерение человеческих возможностей. Какая бы это ни была трансформация, она оказалась чрезвычайно глубокой. Теперь он мог совершать некоторые необычные, но иногда столь необходимые действия. Когда он пробегал по аллее, ему казалось, что идущие по ней люди неподвижны, словно статуи.

Захочу ли я когда-нибудь думать о них?

Это могло происходить только по его желанию. Это он знал твердо. Но в этом было некое искушение, и он на секунду почувствовал жалость к Досточтимым Матронам. Великое Искушение, впрочем, повергло их самих в этот кровавый хаос.

Что делать теперь?

Главное направление было открыто. Здесь, в Исаи, был один человек, который наверняка знал все, что хотел знать Тег. Тег огляделся. Да, это недалеко.

Откуда-то с конца аллеи потянуло ароматом цветов и трав. Он двинулся на запах, зная, что никаких столкновений больше не будет и он спокойно доберется до цели. Это будет спокойная гавань.

Тег быстро шел, ориентируясь на цветочный аромат. Впереди, в стене, Тег увидел дверь под голубым тентом, на котором были написаны два слова: «Персональная служба».

Тег вошел и сразу же увидел то, что искал. Такие заведения разбросаны повсюду в Старой Империи: столовые, оборудованные древними автоматами, передающими блюда с кухни в зал. Многие из них были заведениями для завсегдатаев. Открывая такое место, обычно говорят друзьям, чтобы они никому не рассказывали о нем, иначе «там постоянно будет толпа».

Эта идея всегда очень забавляла Тега. Ты разбалтываешь всем о местонахождении кафе, но при этом делаешь вид, что свято хранишь тайну.

С кухни доносились запахи, от которых текли слюнки. Мимо прошел официант, несший поднос с дымящимися блюдами, обещавшими райское наслаждение.

К Тегу подошла молодая женщина в коротком черном платье и белом переднике.

— Пожалуйста сюда, сэр. У нас есть свободный столик в углу.

Она поставила стул так, чтобы Тег сел спиной к стене.

— Вас обслужат сию же минуту, сэр.

Она положила перед ним сложенный вдвое лист бумаги.

— Наше меню напечатано на бумаге, надеюсь, вы не будете сильно возражать.

Он проследил, как женщина отошла от его столика. Официант, которого он заметил, войдя в заведение, прошел в обратном направлении. Поднос был пуст.

Ноги Тега принесли его сюда словно по проторенной дорожке, и человек, которого он искал, сидел рядом и ел.

Официант остановился у его столика и заговорил с тем человеком, при этом Тег знал, что отвечает человек и какие действия он предпримет в следующий момент. Тег осмотрелся. Были заняты только три столика. В дальнем углу сидела какая-то пожилая женщина и ела сладости. Одета она была, как показалось Тегу, в очень модное платье с низким вырезом у шеи. Туфли были подобраны под цвет платья. Справа за отдельным столиком сидела молодая парочка. Эти никого,

кроме друг друга, не замечали. Еще один столик занимал пожилой человек в тесной рубашке. Он ел зеленые овощи, тупо уставившись в тарелку.

Человек, говоривший с официантом, громко рассмеялся.

Тег пристально уставился в затылок официанту. Светлые волосы косицами, похожими на жухлую траву, ниспадали на шею официанта. Тег опустил глаза. Ботинки стоптаны на пятках. Пиджак заштопан и довольно небрежно. Было ли это маркой бережливости? Бережливость или просто нехватка средств? Запахи на кухне не говорили о бедности. Столовые приборы сияли. Не было ни одной треснутой тарелки. Однако красная скатерть была заштопана в нескольких местах, причем цвет заплаток был тщательно подобран.

Тег еще раз обратил внимание на остальных посетителей. Они выглядели достаточно состоятельными. Здесь не было места убогим нищим. Тег принял это к сведению. Это было не просто местом для завсегдатаев; кто-то специально придал ему такой имидж. Это заведение держали очень умные люди. Этот ресторан наверняка принадлежал молодому человеку, который работал с перспективными клиентами, либо с высшими,

которым нравился такой приземленный антураж. Тег понял, что инстинкт не подвел, приведя его сюда. Он склонился над меню, дав себе вспомнить о чувстве голода. Это был такой же зверский голод, который так поразил покойного фельдмаршала Муззафара.

Появился официант — на подносе стояли маленькая раскрытая коробочка и флакон с мазью.

— Я вижу, вы поранили руку, башар, — сказал человек. Он поставил поднос на стол. — Позвольте я перевяжу вам рану, прежде чем вы сделаете заказ.

Тег поднял руку и официант умело перевязал ее.

— Ты меня знаешь? — спросил Тег.

— Да, сэр. И после того, что я слышал, мне странно видеть вас в полной форме. Все, — он закончил перевязку.

— Что же ты слышал? — тихо спросил Тег.

— Что за вами охотятся Досточтимые Матроны.

— Я только что убил некоторых из них и их… Как можно назвать этих людей?

Человек побледнел, но ответил твердым голосом:

— Лучше всего назвать их рабами, сэр.

— Ты был у Рендитаи?

— Да, сэр. Многие из нас поселились здесь после службы.

— Мне надо поесть, но я не могу заплатить.

— Ни один из тех, кто был при Рендитаи, не возьмет с вас денег, башар. Они знают, что вы пришли сюда?

— Не думаю.

— Сейчас здесь одни завсегдатаи. Никто из них вас не выдаст. Я предупрежу вас при малейшей опасности. Что вы будете есть?

— Мне надо много еды. Выбор за тобой. Углеводов приблизительно в два раза больше, чем белка, и никаких стимуляторов.

— Что вы имеете в виду под словом «много», сэр?

— Носи еду, пока я не скажу «хватит» или пока не почувствуешь, что я переступил границы твоей щедрости.

— Несмотря на такую обстановку, это небедное заведение, сэр. Чаевые сделали меня богатым человеком.

Один — ноль в мою пользу, подумал Тег. Нищета действительно оказалась показной.

Официант отошел и остановился возле центрального столика, за которым сидел человек,

с которым он только что разговаривал. Тег, не таясь, принялся рассматривать этого человека, когда официант вышел в кухню. Да, это тот самый человек. Блюдо на его тарелке было густо полито какой-то приправой.

В человеке не было заметно женского ухода. Воротник был засален, шнурки рубашки спутаны. На левом рукаве старые пятна от зеленоватого соуса. Он был правша, но когда ел, то постоянно разливал что-то левой рукой. Манжеты на брюках потрепаны. Одна из манжет совершенно распустилась, и брючина запиналась пяткой. Носки были разного цвета. Один голубой, второй светло-желтый. Однако эта неопрятность нисколько не беспокоила человека. Никакая женщина — ни мать, ни жена — никогда не кричала на него, чтобы он стал презентабельным. Его отношение к одежде было написано на его внешности.

— То, что вы видите, есть сама воплощенная презентабельность.

Человек внезапно посмотрел на Тега и резко дернулся, словно его внезапно укололи. Он оглядел помещение своими карими глазами, задерживая взгляд на каждом лице, словно выбирая подходящий для себя типаж. Сделав это, он снова вернулся к еде.

Вернулся официант, неся бульон, в котором плавали яйцо и зеленые овощи.

— Ешьте, сейчас будут готовы основные блюда, сэр.

— Ты приехал сюда сразу после Рендитаи? — спросил Тег.

— Нет, сэр. Я служил под вашим началом и при Аклине.

— Шестьдесят седьмая Гамму, — уточнил Тег.

— Так точно, сэр!

— Мы уберегли там много жизней, — сказал Тег. — И их и наших.

— Вам нужен снупер, сэр? — холодно осведомился официант, видя, что Тег не притрагивается к пище.

— Нет, потому что меня обслуживаешь ты, — ответил Тег. Он говорил совершенно искренне, хотя и чувствовал себя немного мошенником, поскольку второе зрение говорило ему, что еда не отравлена.

Довольный официант отошел от стола.

— Один момент, — остановил его Тег.

— Да, сэр?

— Тот человек за центральным столиком — это один из завсегдатаев?

— Профессор Дельнаи? Да, сэр!

— Дельнаи? Я так и думал.

— Профессор боевых искусств, сэр. И их истории.

— Я знаю. Когда у меня дело дойдет до десерта, попроси профессора присоединиться ко мне.

— Мне сказать, кто вы, сэр?

— Ты не думаешь, что он уже догадался об этом?

— Скорее всего так, сэр, но все же…

— Беречься надо там, где надо беречься, — сказал Тег. — Неси еду.

Интерес Дельнаи пробудился еще до того, как официант передал ему приглашение Тега. Первыми словами профессора, когда он сел за столик Тега, были:

— Это было самое потрясающее гастрономическое представление, какое я когда-либо видел. Вы уверены, что сможете съесть десерт?

— Я смогу съесть два или три таких десерта, — ответил Тег.

— Поразительно!

Тег попробовал медовую конфету, проглотил ее и сказал:

— Это место — настоящая находка.

— Я хранил это заведение в строжайшем секрете, — сказал Дельнаи, — сделав, конечно,

исключение для нескольких самых близких друзей. Так почему вы решили оказать мне честь своим приглашением?

— Скажите, вы когда-нибудь были объектом внимания Досточтимых Матрон?

— Боги преисподней, нет! Я не слишком важная фигура для этого.

— Я надеялся попросить вас рискнуть жизнью, Дельнаи.

— Каким образом? — в голосе не было ни малейших колебаний. Это придало Тегу уверенности.

— В Исаи есть место, где встречаются мои старые солдаты. Я хочу отправиться туда и увидеться с ними.

— Вы хотите пройти по улицам при всех своих регалиях?

— Вы это устроите каким-то образом.

Дельнаи приложил палец к губам, откинулся на спинку стула и некоторое время молча рассматривал Тега.

— Вас не слишком-то легко замаскировать. Но, однако, есть один способ.

Он задумчиво покачал головой.

— Да! — он улыбнулся.

— Боюсь, правда, вам не понравится этот маскарад.

— Что вы задумали?

— Немного подушек и грима. Мы проведем вас по городу под видом борданос. От вас, конечно, будет пахнуть нечистотами. Но вам придется делать вид, что вы этого не замечаете.

— Вы думаете, это пройдет? — спросил Тег.

— О, сегодня будет буря. Обычное явление в это время года. Недавно состоялся полив будущего урожая. А наполнение резервуаров в нагретых полях… ну вы понимаете.

— Я не совсем понимаю, но когда я съем еще одну конфету, мы с вами примемся за дело.

— Вам понравится место, где мы укроемся от бури, — сказал Дельнаи. — Я просто схожу с ума при мысли об этом. Но владелец заведения сказал, что если я не помогу вам, то мне больше нечего тут делать.

Через час после захода солнца, когда он вместе с Дельнаи шел к месту свидания с ветеранами, Тег, одетый в кожаный фартук, изо всех сил старался игнорировать идущий от него запах. Друзья Дельнаи забрызгали Тега нечистотами с ног до головы, а потом высушили феном, чтобы закрепить летучие запахи.

Дистанционный счетчик погоды на дверях места встречи сказал Тегу, что температура на улице

упала на пятнадцать градусов за прошедший час. Дельнаи проскользнул внутрь первым и сразу бросился в общий зал, где стоял неумолчный гомон и звон стаканов. Тег остановился, чтобы еще раз взглянуть на прогноз погоды. Ветер достиг ураганной силы. Барометр продолжал падать. Он посмотрел на надпись над входной дверью:

«К услугам наших клиентов».

Может быть, тут есть и бар? Уходящие посетители могли взглянуть на показания погодного датчика и вернуться назад в тепло и обстановку братства и товарищества.

В большом камине горел настоящий огонь. Приятно пахло сухим деревом.

Дельнаи вернулся, сморщил нос, принюхавшись к Тегу, и повел его сквозь толпу к задней комнате и ванне. Там в кресле лежала выстиранная и выглаженная форма Тега.

— Я буду у камина, когда вы выйдете.

— При всех регалиях, э? — спросил Тег.

— Они опасны только на улице, — ответил Дельнаи и направился поближе к огню.

Тег вымылся и вышел в каминный зал сквозь толпу. Люди замолкали, узнавая его. В залах возник тихий ропот.

«Это же сам старый башар». «Да, это Тег. Я слу-

жил под его началом. Я сразу узнал его фигуру и выправку».

Посетители начали сходиться поближе к огню, повинуясь древнему инстинкту человека. Пахло мокрой одеждой и перегаром.

Неужели только буря согнала сюда этих людей? Тег смотрел на закаленные в битвах солдатские лица, думая, что это не просто дружеская вечеринка, как сказал об этом Дельнаи. Эти люди хорошо знали друг друга и знали, что встретятся здесь именно сегодня.

Дельнаи сидел на одной из скамей возле камина, держа в руке стакан с янтарной жидкостью.

— Ты сдержал слово и привел меня сюда, — сказал Тег.

— Разве вы не этого хотели, башар?

— Кто вы, Дельнаи?

— Я владелец зимней фермы в нескольких кликах отсюда, у меня есть несколько друзей банкиров, которые изредка одалживают мне свои машины. Если хотите, чтобы я сказал что-то более конкретное, то могу поделиться с вами, что я, как и большинство присутствующих в этом зале, хочу скинуть Досточтимых Матрон с нашей шеи.

Человек, стоявший сзади Тега, спросил:

— Это правда, что вы сегодня убили сотню этих

тварей?

— Это большое преувеличение, — сухо ответил Тег. — Я не мог бы что-нибудь выпить?

С высоты своего роста Тег оглядывал комнату, когда кто-то протянул ему стакан. Как он и ожидал, это оказался голубоватый данийский маринет. Эти старые солдаты знали о его пристрастиях.

Возлияния в зале продолжались, но пыл пьющих заметно поутих. Люди ждали, когда командир поставит перед ними боевую задачу.

Жизнелюбивая натура человека требует естественного подогрева в такую ненастную ночь, подумал Тег. Собравшиеся в пещере возле огня — соплеменники! Никакую опасность не пропустят эти люди, а звери не сунутся к огню. *Сколько подобных сборищ было на Гамму в такие ночи?* — подумал он, отхлебывая напиток. Плохая погода может скрыть от постороннего наблюдения истинную причину собрания. Погода позволяла удержать тех людей, которые в хорошую погоду не придут сюда.

Он узнал несколько лиц — офицеры и сержанты. О некоторых из них он сохранил самые приятные воспоминания — надежные ребята. Некоторым из них сегодня придется умереть.

Шум усиливался по мере того, как люди привыкали к его присутствию. Никто не вынуждал его объясниться. Они, конечно, знали, зачем он пришел. Тег, однако, терпеливо дожидался нужной минуты.

Звуки голосов и смех были такими же, какими они были с незапамятных времен. Когда люди впервые начали собираться вместе для того, чтобы сообща защититься от опасности. Звон стаканов, внезапные взрывы смеха, несколько смешков. Эти, которые смеются тихо, сознают свою внутреннюю силу. Спокойный смех говорит о том, что ты оценил шутку, но не собираешься представать перед другими смешливым дураком. Дельнаи смеялся тихо.

Тег посмотрел вверх и увидел, что потолочные балки были расположены низко. Это придавало помещению уют, увеличивая площадь и создавая интимную обстановку. Учет человеческой психологии. Такие залы были во многих местах на этой планете. Это была забота о том, чтобы придавить ненужное осознание. Людям должно быть надежно и удобно. Конечно, в действительности они постоянно подвергались опасностям и не были защищены, но совершенно незачем лишний раз напоминать им об этом.

Через несколько минут Тег заметил, что опытные официанты разнесли по залу напитки: темное местное пиво и дорогое светлое импортное. На столах, освещенных неярким светом, стояли блюда с хрустящими поджаренными местными овощами, круто посоленными по здешнему обычаю. Такая повышенная жажда никого здесь не оскорбляла. Пиво тоже было соленым. Таким оно было здесь всегда. Пивовары знали, как усилить жажду.

Некоторые группы стали вести себя очень шумно. Напиток начал оказывать свое древнее, как мир, магическое действие. Бахус пожаловал на эту сходку! Тег знал, что если предоставить этим людям веселиться, как обычно, то шум усилится крещендо до некоторого пика, а потом, к утру, начнет постепенно, очень постепенно стихать. Некоторые пойдут к двери узнавать, что с погодой. Если погода улучшится, то заведение мигом опустеет, если же нет, то люди побудут здесь еще некоторое время. Он понимал, что у бармена найдется способ испортить показания метеорологического прибора. Такой бар никогда не упустит свою выгоду.

Впустить их сюда и держать любыми способами, против которых они не станут возражать.

Люди, которые держат такие заведения, не моргнув глазом, споются и с Досточтимыми Матронами.

Тег отставил в сторону свой стакан.

— Могу я попросить вашего внимания?

Наступила тишина.

Замолчали и прекратили хождение даже официанты.

— Пусть некоторые встанут у дверей, — сказал Тег. — Никто не должен выйти отсюда до тех пор, пока я не прикажу. Эти боковые двери тоже возьмите под охрану.

Когда все было исполнено, Тег внимательно всмотрелся в лица, своим вторым зрением выбирая тех, кто имел наибольший военный опыт и которым он мог доверять больше других. Ему было совершенно ясно, что надо делать. Бурцмали, Луцилла и Дункан были где-то здесь, на периферии поля зрения, он ясно видел, в чем они нуждаются.

— Я полагаю, что вы сможете очень быстро взять в руки оружие, — сказал он.

— Мы пришли сюда подготовленными, башар! — выкрикнул кто-то. Тег слышал, что говоривший был пьян, но чувствовалось, что в жилах этого человека плещет адреналин старого

вояки, которые были столь дороги его сердцу.

— Мы захватим корабль-невидимку, — сказал Тег.

Эта идея задела их за живое. Никакое другое творение цивилизации не охранялось так тщательно. Эти корабли садились только на специальные площадки, с которых потом и взлетали. Их борта буквально щетинились оружием. Экипажи охраняли самые уязвимые места. Хитрость могла иметь успех, но прямое нападение было почти наверняка обречено на неудачу. Но здесь, в этом баре Тег вдруг обрел какое-то новое сознание, ведомое чувством необходимости и дикими генами своего происхождения от Атрейдесов. Он прекрасно видел, где находятся на Гамму стоянки кораблей-невидимок. Яркие точки на карте были ясно видны его второму зрению. Цветные нити связывали их воедино, как шнурок связывает лампочки на гирлянде. Второе зрение должно провести их по этому запутанному лабиринту.

О, как я не хочу туда идти, подумал он.

Но нельзя отбрасывать причины, приведшие его к этому тяжелому решению.

— Конкретно мы захватим корабль-невидимку сил Рассеяния, — сказал он. — У них лучшие образцы. Ты, ты, ты и ты, — он указал рукой на

людей, — останетесь здесь. Никого не выпускать. Думаю, вас атакуют, держитесь. Сколько сможете. Все остальные, берите оружие и за мной!

Справедливость? Кому нужна справедливость? Мы сами творцы нашей справедливости. Мы делаем нашу справедливость здесь, на Арракисе – побеждаем или умираем. Давайте не будем хныкать по поводу справедливости, пока у нас есть оружие и свобода им пользоваться.

Лето I: Архивы Бене Гессерит

Над песками Ракиса корабль-невидимка начал снижение. Он сел на дюну, подняв тучу пыли, которая вихрем окружила шар корабля, на несколько минут скрыв его от глаз. Серебристо-желтое солнце медленно садилось за дьявольски раскаленный за знойный день горизонт. Корабль, скрипнув песком, застыл, сверкая в лучах заходящего солнца своими круглыми стальными боками, видимый глазу, но недоступный предзнанию и приборам. Второе зрение Тега подсказало ему, что никто не видел посадки корабля.

— Я хочу, чтобы орнитоптеры и машины были здесь не менее чем через десять минут, — сказал он.

Люди в корабле зашевелились, готовые к действию.

— Вы уверены, что они здесь, башар? — голос принадлежал человеку из пьяной компании,

собравшейся в баре на Гамму, верному офицеру, воевавшему с башаром при Рендитаи. Однако этот офицер нисколько не походил на человека, который хочет пощекотать нервы юношескими потрясениями. Этот старый воин совсем недавно видел гибель своих товарищей на Гамму. Вместе с другими, оставшимися в живых после этого кровопролитного сражения, он оставил семью, не зная, что с ней сталось. В его голосе явно чувствовалась горечь человека, который почувствовал, что его обманом вовлекли в авантюру.

— Скоро они будут здесь, — уверенно сказал Тег. — Они приедут сюда на спине червя.

— Откуда вы это знаете?

— Так мы договорились.

Тег закрыл глаза. Ему не требовалось смотреть, чтобы знать, что делается вокруг. Помещение было так похоже на командный пункт, к которым он привык за много лет службы на начальствующих должностях: овальный стол с инструментами и офицеры, готовые исполнять приказы.

— Что это за место? — спросил кто-то.

— Вон скалы к северу от нас, — ответил Тег. — Знаете, что это? Когда-то это были высокие скалы. И назывались они Ветровой Ловушкой. Там был фрименский сиетч, теперь от него осталась одна

маленькая пещера. В ней теперь живут ракисские первопроходцы.

— Фримены, — прошептал кто-то. — Боги! Хотел бы я посмотреть на этого червя. Никогда не думал, что увижу что-то подобное.

— Еще одно из ваших неожиданных домашних заготовок, — сказал тот же офицер с еще большей горечью.

Что бы он сказал, если бы я открыл всем свои новые способности? Он мог бы подумать, что я скрываю цель, которая не выдержит близкого рассмотрения. И он был бы прав. Этот человек на грани бунта. Останется ли он лояльным, если открыть ему глаза? Тег покачал головой. У этого офицера был слишком узкий выбор. Никто из них не имел иного выбора, кроме того, чтобы сражаться или умереть.

Это верно, продолжал размышлять Тег, что подготовка и развертывание конфликтов очень напоминают надувательство масс. Как легко в этой ситуации начать действовать подобно Достоточтимым Матронам.

Сброд!

Надувательство народных масс — не такая уж сложная вещь, как можно предположить. Большинство людей хотят, чтобы их вели. Этот

офицер раньше тоже хотел этого. Для такого поведения существуют основательные причины, коренящиеся в древних родовых и племенных инстинктах. Но есть и естественная реакция любого нормального человека: когда он понимает, что его просто вели, как барана на убой, то он начинает искать козла отпущения. Этот офицер сейчас хочет найти такого козла.

— Вас хочет видеть Бурцмали, — сказал кто-то.

— Не сейчас, — отрезал Тег.

Бурцмали может подождать. Скоро он возьмет на себя командование, а пока он только отвлекает. Позже для него наступит свое время, и он сам пройдет в опасной близости от роли козла отпущения. Тег решил громко сказать об этом среди присутствующих солдат и офицеров.

— Ищите надувательство! Тогда вы поймете истинные намерения!

Офицер связи, стоявший слева от Тега, проговорил:

— Та Преподобная Мать, которая находится вместе с Бурцмали, настаивает, чтобы вы разрешили им прийти сюда.

— Скажите Бурцмали, что я приказываю ему неотлучно находиться с Дунканом, — сказал Тег. — Пусть заодно присмотрит за Мурбеллой.

Луцилла может войти.

Так, видно, должно быть, подумал Тег.

Луцилла все больше подозревала, что в нем что-то изменилось. В такой наблюдательности Преподобной Матери по поводу перемены можно было не сомневаться.

Луцилла вошла настолько стремительно, что ее накидки развевались. Она была страшно зла, хотя и пыталась это скрыть.

— Я требую объяснений, Майлс!

Это хорошее начало, подумал Тег.

— Каких объяснений и по поводу чего? — делано удивился Тег.

— Почему мы не можем просто войти в…

— Потому что Досточтимые Матроны и их дружки тлейлаксианцы из Рассеяния захватили большинство узловых пунктов Ракиса.

— Как… как ты…

— Ты пойми, что они убили Таразу, — сказал он.

Это остановило Луциллу, но ненадолго.

— Майлс, я настаиваю, чтобы ты сказал мне…

— У нас мало времени, — ответил Майлс. — Следующий проход патрульного спутника — и нас можно считать обнаруженными.

— Но оборона Ракиса…

— Так же уязвима, как и любая другая оборона, когда она становится статичной, — сказал он. — Семьи защитников здесь, внизу. Захвати семьи — и защитники в твоих руках.

— Но почему мы здесь, в открытой…

— Для того, чтобы подобрать Одраде и девочку, которая с ней. Ах да, и еще червя.

— Что мы будем делать с…

— Одраде знает, что делать с червем. Она теперь Верховная Мать.

— Итак, ты хочешь убрать нас в Пустыню…

— Вы уберетесь сами! Мои люди и я останемся и совершим отвлекающий маневр.

Эти слова отозвались мертвой тишиной на командном пункте.

Отвлекающий маневр, подумал Тег. *Какое неадекватное понятие.*

Сопротивление, которое он задумал, должно было вызвать шок у Досточтимых Матрон, что гхола здесь. Они не только начнут контратаку, они прибегнут и к стерилизации. Весь Ракис может превратиться в груду обугленных развалин. Мала вероятность того, что после нападения Досточтимых Матрон на Ракисе уцелеют люди, черви и песчаные форели.

— Досточтимые Матроны уже пытались за-

хватить червя, но тщетно, — сказал Тег. — На самом деле я не понимаю, как можно быть таким слепым, чтобы не видеть, каким образом вы пересадили одного из них.

— Пересадили? — с трудом переспросила Луцилла. Тег редко видел Преподобную Мать в такой растерянности. Она с трудом переваривала то, что он ей говорил. У членов Общины Сестер были некоторые из способностей ментатов, это Тег наблюдал уже давно. Ментат может прийти к убедительным заключениям, не имея при этом достаточного количества данных. Тег подумал, что будет вне пределов досягаемости Луциллы, как, впрочем, и любой другой Преподобной Матери, до того, как они успеют найти такие данные и собрать их воедино. Вот тогда начнется свалка из-за его отпрыска! Они найдут, конечно, Димелу для своих Селекционных Куртизанок. И Одраде. Она не сумеет ускользнуть.

У них, кроме того, есть ключи к чанам тлейлаксианцев. Это лишь вопрос времени, когда Бене Гессерит доберется до технологии изготовления Пряности. Ее может продуцировать человеческий организм!

— Значит, здесь мы в опасности, — сказала Луцилла.

— Да, некоторая опасность существует. Вся беда с Досточтимыми Матронами состоит в том, что они очень богаты. Они делают обычную ошибку богатых.

— Развратные шлюхи, — процедила сквозь зубы Луцилла.

— Предлагаю тебе приготовиться к выступлению, Одраде скоро будет здесь.

Она вышла, не сказав более ни слова.

— Вооружение снято с борта и развернуто, — доложил офицер связи.

— Скажите Бурцмали, что он будет командовать здесь, — приказал Тег. — Мы выступаем без промедления.

— Вы надеетесь, что мы все присоединимся к вам, — язвительно сказал офицер, ищущий козла отпущения.

— Я выступаю. Причем я сделаю это один, а присоединятся ко мне только добровольцы.

После этого они все присоединятся ко мне, подумал он. Суть товарищеского принуждения плохо понимают те, кто не проходил подготовку в Бене Гессерит.

На командном пункте воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим жужжанием и пощелкиванием аппаратуры. Тег принялся размышлять

о развратных шлюхах. Да, иногда сверхбогатые становились развратными. Это проистекает из убеждения, что деньги могут купить все и всех. А почему бы им и не верить в это? Они видят, что это происходит, и происходит ежедневно. Очень легко поверить в абсолют.

Это становится другой верой. Деньги могут купить невозможное.

Потом приходит распутство.

Но у Досточтимых Матрон происходит нечто другое. Они, если можно так выразиться, находились по ту сторону разврата. Они прошли через него. Это было ясно видно. Теперь они так далеко уклонились от разврата, что Тег не отважился бы назвать их теперешнее состояние, да и не хотел этого делать.

Однако знание было, было в его новом сознании. Ни одна из этих женщин не колебалась бы ни секунды предать всю планету огню, мечу и пыткам ради достижения личной выгоды. Платой могло быть получение какого-то мыслимого удовольствия. Или если пытки могли хотя бы на несколько минут продлить их собственную жизнь.

Что доставляло им удовольствие? Что вызывало благодарность? Они были как наркоманы.

Если что-то доставляло им удовольствие, то в следующий раз требовалось увеличение дозы.

И они знали это!

В какой же ярости они сейчас, должно быть, пребывают. Попасться в такую ловушку. Они видели все, но им было мало — и добра, и зла. Они просто утратили чувство умеренности.

Поэтому они и были так опасны. Возможно, он ошибся только в одном. Вероятно, они уже не помнили, какими были до своего ужасного превращения, вызывавшего появление в их организме стимулятора, окрашивающего радужку глаз в дикий оранжевый цвет. Память о памяти подвергается искажениям. Этим страдают и ментаты.

— Смотрите, червь! — крикнул офицер связи.

Тег резко повернулся и посмотрел на голографическое изображение юго-западного ландшафта. Червь, слегка извиваясь, двигался по песку. На его спине виднелись две маленькие точки.

— Когда прибудет Одраде, приведите ее сюда одну. Шиана, девочка, которая едет с ней, должна приготовить червя для препровождения в загон. Он послушается Шиану. Пусть Бурцмали находится рядом наготове. У нас не будет времени на дальнюю передачу приказов.

Когда Одраде вошла в комнату командного пункта, от нее пахло Пустыней — меланжей, песком и потом. Тег, отдыхая, сидел в кресле. Глаза его были закрыты.

В первый момент Одраде показалось, что она застигла Тега в минуту несвойственной для него печали или помешала его отдыху. Башар открыл глаза, и Одраде увидела изменение, о котором Луцилла успела сообщить очень сумбурно и кратко. Она сказала о трансформации гхола. Так что же случилось с Тегом? Он почти позировал, заставляя ее смотреть на себя. Подбородок был приподнят в несколько самоуверенном жесте. Узкое, покрытое морщинами лицо не потеряло своего обычного внимания и готовности к действию. Длинный тонкий нос, столь характерный для Атрейдесов и Коррино, вырос несколько длиннее обычного, поскольку Тег побил все рекорды долголетия по сравнению со своими предками. Однако седые волосы оставались густыми и плотными, а небольшое возвышение на лбу все так же привлекало взгляд наблюдателя.

А его глаза!

— Как ты догадался, что мы прибудем именно сюда? — спросила Одраде. — Мы не знали, куда нас вывезет червь.

— Здесь очень мало населенных мест, — солгал Тег. — Это была ставка азартного игрока. Оказалось, что мы не ошиблись.

— Ставка игрока? — Да это было выражение из лексикона ментатов, но она не понимала его смысла.

Тег поднялся с кресла.

— Берем этот корабль и летим в то место, которое ты знаешь лучше.

Капитул? Что скажет Капитул? Она почти сказала это вслух, но удержалась, опасаясь присутствия всех этих иностранных военных, которых собрал здесь Тег. Кто они? Объяснения Луциллы ее не удовлетворили.

— Мы немного изменили замысел Таразы, — сказал Тег. — Гхола не останется здесь, а поедет с нами.

Она все поняла. Новые таланты Дункана Айдахо понадобятся для борьбы с шлюхами. Он теперь не просто приманка для уничтожения Ракиса.

— Естественно, он не сможет покинуть запертую каюту корабля-невидимки, — сказал Тег.

Она согласно кивнула. У Дункана не было защиты от разведчиков, обладающих предзнанием, например, Гильд-навигаторов.

— Башар! — раздался голос офицера связи. —

Нас засек спутник!

— Отлично! Ну, земляные кроты, все наверх! Бурцмали, ко мне!

Дверь в задней стенке пункта открылась. В каюту влетел Бурцмали.

— Башар, что мы…

— Нет времени! Принимай командование! — Тег поднялся со своего командирского места и уступил его Бурцмали. — Одраде скажет, куда надо идти.

Повинуясь импульсу, который был отчасти обусловлен местью, Тег взял Одраде за руку, наклонился к ней и поцеловал в щеку.

— Делай, что должна, дочка, — прошептал он. — Этот червь в загоне скоро может остаться единственным на всем белом свете.

Одраде поняла: Тег знает весь замысел Таразы и хочет до конца выполнить ее последний приказ.

Делай, что должна. Этим было сказано все.

Мы смотрим не на новое состояние материи, но на новое познанное нами отношение между сознанием и материей, что означает более глубокое проникновение в работу предзнания. Оракул формирует проекцию внутренней вселенной человека, чтобы создать новые внешние вероятности, подоплека которых остается непонятной самому оракулу. Нет нужды понимать сущность этих сил, чтобы использовать их для построения физической вселенной. Древние металлурги не знали сложного молекулярного состава стали, бронзы, меди, золота и олова. Они изобретали мистические теории для описания непознанного, но при этом продолжали раздувать мехи и стучать молотами.

Верховная Мать Тараза, Спор в Совете

Древние здания, в которых располагались Капитул, Архив и другие святая святых Общины Сестер, по ночам издавали непростые звуки. Эти шумы больше напоминали сигналы. Одраде выучилась читать эти сигналы много лет назад. Вот раздалось особое поскрипывание. Это говорит деревянный брус, положенный в основание

пола восемьсот лет назад. По ночам он сжимался, издавая свой неповторимый звук.

В памяти Таразы тоже сохранился этот звук. Память погибшей Верховной Матери еще не интегрировалась полностью — прошло слишком мало времени. Сидя в бывшем кабинете Таразы глубокой ночью, Одраде пользовалась каждой свободной минутой для продолжения интеграции.

Дар и Тар — теперь они наконец стали едины.

Таков был полностью идентифицируемый комментарий Таразы.

Овладеть Другой Памятью означало существовать одновременно в нескольких планах бытия, некоторые из этих планов были довольно глубоки, но Тараза все время оставалась где-то возле поверхности. Одраде позволила себе чуть глубже погрузиться в Чужую Память. Сейчас она поняла сущность человека, который дышал, но был отчужден, потому что другие требовали, чтобы она погрузилась во все свернутые пространства, наполненные запахами, прикосновениями, эмоциями — всем, что останется нетронутым в ее сознании.

Это расстраивает — видеть чужие сны.

Это опять Тараза.

Тараза, которая умела сохранять хрупкое равновесие, играя будущим Общины Сестер. Как расчетливо выбрала она время для того, чтобы шлюхи якобы случайно узнали о тех новых способностях, которые тлейлаксианцы имплантировали в нового гхола. Атака на Гамму означала, что информация вернулась к своему источнику. Жестокий характер этого нападения показал Таразе, что времени остается очень мало. Шлюхи собрали все свои силы, чтобы уничтожить всю планету Гамму ради того, чтобы убить одного гхола.

Так много зависело от Тега.

Она видела башара в связи с Другой Памятью; своего отца, которого она никогда не знала.

Я не узнала его и в конце.

Она могла ослабнуть, если увязнет в этой памяти, но не могла избежать притяжения этого манящего к себе резервуара.

Одраде вспомнила слова Тирана: «Ужасно поле моего прошлого! Ответы затмевают неизбежностью память, словно тучи, затмевающие небо».

Меня, скорее всего, заменят и, скорее всего, обвинят во всех грехах. Беллонда наверняка не согласится с ее назначением. Это, впрочем, не имеет значения. В этом деле считается только

выживание Общины Сестер.

Одраде оторвалась от Чужой Памяти и подняла взгляд на темную нишу, в которой стоял бюст женщины, черты лица которой можно было разглядеть в неярком свете желтого светильника. Одраде хорошо знала это лицо: Ченоу, символ-хранитель Капитула.

«Никак, кроме как по милости Божьей…»

Каждая Сестра, прошедшая муки Пряности, которых, кстати говоря, не проходила Сестра Ченоу, повторяли эти слова, не всегда задумываясь над их смыслом. Тщательно спланированное скрещивание и подготовка помогали производить во все возрастающих количествах успешных особей. Но где здесь рука Божья? Естественно, Бог — это не червь, которого они привезли с Ракиса. Может быть, присутствие Бога проявляется только в смене поколений и успехе Общины Сестер?

Я пала жертвой претензии моей собственной Защитной Миссии.

Она понимала, что точно такие же мысли и вопросы витали в этой комнате в бесчисленном количестве случаев. Бесполезно! Но она не могла убрать отсюда этот бюст-хранитель, где он простоял столь много лет.

Я не суеверна, говорила она себе. *Я не импуль-*

сивная личность. Это вопрос традиций. Такие вещи имеют ценность, известную только нам.

Определенно можно сказать только одно — мой бюст никогда не будет предметом почитания.

Она подумала о Ваффе и его лицеделах, погибших на Ракисе во время ужасной схватки. Но не стоит задерживаться на неприятностях, которые пережила Старая Империя. Лучше вспомнить о силах восстановления, которые были вызваны к жизни слепым и бездумным насилием Досточтимых Матрон.

Тег знал!

Недавно закончившийся Совет умер тихой смертью, так и не придя ни к какому решению. Одраде была счастлива, что сумела отвлечь Сестер решением мелких, но дорогих каждой из них проблем.

Наказания: эта тема тоже занимала их некоторое время. Исторические прецеденты, обретшие плоть и кровь трудами аналитиков Архива, оказались вполне удовлетворительными. Сообщества людей, предавшихся Досточтимым Матронам, были привлечены, и их ожидало немалое потрясение.

Икс, несомненно, слишком много на себя

взял. Иксианцы просто не имели ни малейшего представления, каким сокрушительным может оказаться для них соперничество с Рассеянием.

Гильдию можно было отодвинуть в сторону и заставить дорого платить за меланжу и машины. Гильдия и Икс, попав в одну упряжку, вместе и должны пасть.

Говорящих Рыб можно попросту игнорировать. Сателлиты Икса, эти общины, уже исчезали, и скоро человечество начисто забудет о них.

И Бене Тлейлаксу. Ах да, еще Тлейлаксу! Вафф предался Досточтимым Матронам. Он никогда не признавался в этом, но его истина была проста и упряма: *Всего один раз и то с лицеделом.*

Одраде мрачно улыбнулась, вспомнив горький поцелуй отца.

Я прикажу выбить другую нишу и установлю там еще один бюст: Великий Еретик, Майлс Тег!

Очень беспокоили подозрения Луциллы относительно Тега. Обладал ли он в конце жизни предзнанием и мог ли действительно видеть корабль-невидимку? Ну что ж, Селекционные Куртизанки проверят эту возможность.

— Мы окружили себя повозками! — обвиняла всех Беллонда.

Все понимали значение этих слов: будто древ-

ние буры, они отступили в лагерь, окруженный стеной из телег, для того, чтобы пережить ночь нашествия шлюх.

Одраде поняла, что не слишком большое значение придает словам Беллонды, которая часто смеялась, чтобы показать крупные зубы. Очень долго обсуждалась проблема, надо ли взять образцы тканей у Шианы для длительного хранения. Здесь крылась надежда найти «доказательство Сионы». Шиана обладала защитой от предзнания и поэтому ее выпустили с корабля-невидимки.

Дункан оставался тайной за семью печатями.

Одраде подумала о гхола, который до сих пор находился на борту корабля-невидимки. Встав с кресла, она подошла к темному окну и посмотрела в направлении отдаленного летного поля.

Неужели они отважатся выпустить Дункана из-под защиты корабля? Исследования клеток показали, что генетически он является смесью материала многих Дунканов Айдахо, прямым потомком Сионы. Но чем он заражен по сравнению с оригиналом?

Нет, он должен оставаться в заточении.

Что делать с Мурбеллой? Беременной Мурбеллой, обесчещенной Досточтимой Матроной?

— Тлейлаксианцы рассчитывали, что я убью

импринтера, — сказал Дункан.

— Ты попробуешь убить шлюху?

— Она — не импринтер, — ответил Дункан.

Совет обсудил возможные варианты связи между Дунканом и Мурбеллой. Луцилла утверждала, что между ними нет связи, а только соперничество и неприязнь.

— Лучше не рисковать и не позволять им жить вместе.

Сексуальное мастерство шлюх, однако, требовало самого пристального изучения. Вероятно, можно было рискнуть, организовав встречу Мурбеллы и Дункана на корабле-невидимке. Естественно, придется принять некоторые меры предосторожности.

Наконец подумала Одраде и о черве, который жил в клетке корабля в ожидании скорого метаморфоза. Маленький, ограниченный земляными стенками бассейн, наполненный Пряностью, ожидал этого червя. Когда настанет подходящий момент, Шиана выманит червя в бассейн, наполненный Пряностью и водой. В результате песчаные форели начнут долгий цикл своей трансформации.

Ты был прав, отец. Было так просто, когда ты ясно смотрел на мир.

Нет никакой нужды искать для червя пустынную планету. Песчаные форели сами создадут подходящие экологические условия для Шаи-Хулуда. Не очень приятно думать, что планета Капитула может в скором времени превратиться в Пустыню, но это была суровая необходимость.

«Последняя воля и завещание Майлса Тега», которую он вмонтировал в субмолекулярный слой стенки корабля, должна была быть безусловно использована. С этим соглашалась даже Беллонда.

Капитул затребовал полной описи всех исторических записей и выработки нового взгляда на то, что Тег заметил у Заблудших — шлюх Рассеяния.

«Вы редко видите по-настоящему богатых и могущественных. Чаще вы имеете дело с их представителями. Политическая арена редко представляет исключения из этого правила и не открывает полной структуры власти».

Философия ментатов была глубоко присуща всему, что они принимали, хотя он отвергал многое, что согласовалось с архивной зависимостью от «наших не осквернённых решений».

Мы знали это, Майлс, но не решались взглянуть этому в лицо. Нам придется основательно порыться в нашей коллективной памяти в течение не одного поколения.

Нельзя доверять фиксированной системе хранения данных.

«Если вы уничтожите большинство копий, то об остальных позаботится время».

Какую ярость испытывали Сестры из Архива, слыша эти слова башара!

«Написание истории — это процесс, очень напоминающий отвлекающий маневр. Большинство историков отвлекают внимание читателя от действительных причин происшедших событий».

Этот пункт Беллонда приняла без возражений. Она приняла его на свой счет и признала: «Мало исторических сочинений избежали такого урезания, а те, которым повезло, исчезли по другим причинам».

Тег перечислил некоторые из таких процессов: «Уничтожение как можно большего количества копий, выставление в смешном свете откровенных высказываний, игнорирование их в учебном процессе, недостаточное цитирование и в большинстве случаев уничтожение автора».

Не говоря уже о поиске козла отпущения. Этот поиск стал причиной смерти стольких вестников, принесших властителям неприятные известия, подумала Одраде. Она вспомнила об одном древнем правителе, который всегда имел

при себе посох, которым убивал вестников, приносящих дурные вести.

— У нас есть хорошая информационная база, на основе которой можно построить лучшее понимание прошлого, — спорила Одраде. — Мы всегда знали, что во всех конфликтах ставкой было определение того, кто будет владеть богатством или его эквивалентом.

Конечно, это не благородная цель, но в настоящее время и это может служить в качестве таковой.

Я избегаю называть центральный пункт, подумала она.

Что-то надо было делать с Дунканом Айдахо, и это понимали все.

Подавив вздох, Одраде вызвала орнитоптер и приготовилась к краткому визиту на корабль-невидимку.

Заключение Дункана было по крайней мере вполне комфортабельным, подумала Одраде, войдя в каюту Майлса Тега, которую теперь занимал Айдахо. Здесь все осталось, как при прежнем хозяине, на столе стоял даже голостатический проектор с видами Лернея, солидного старинного дома, длинной лужайки и реки. На прикроватном столике остался лежать набор швейных принад-

лежностей Тега.

Гхола сидел в плетеном ременном кресле и не повернул головы, когда вошла Одраде.

— Вы просто оставили его там умирать, не правда ли? — спросил Дункан.

— Мы делаем то, что должны делать, — сказала она. — Я подчинилась его приказу.

— Я знаю, зачем ты здесь, — сказал Дункан. — И ты не изменишь моего к вам отношения. Я не стану племенным жеребцом на службе у ведьм. Ты меня поняла?

Одраде оправила складки накидки и присела на кровать лицом к Дункану.

— Ты слышал запись, которую мой отец оставил для нас?

— Твой отец?

— Майлс Тег был моим отцом. Я очень рекомендую тебе выслушать его последние слова. В конце жизни он стал нашими глазами. Он должен был увидеть смерть Ракиса. Сознание в его зарождении требует зависимости и знания ключевых бревен.

Дункан озадаченно посмотрел на Одраде, и она пояснила:

— Мы слишком долго находились за оракульской оградой Тирана.

Она заметила, что он грациозно выпрямился, что говорило о мышцах, которые привыкли к нападению.

— Ты не сможешь покинуть этот корабль живым, — сказала она. — И ты знаешь почему.

— Сиона.

— Ты опасен для нас, но мы бы предпочли, чтобы ты жил, особенно если ты будешь жить полезной жизнью.

— Я тем не менее не хочу участвовать в ваших скрещиваниях, особенно с этой хвастунишкой с Ракиса.

Одраде улыбнулась, думая, насколько точно Шиана отвечает такому описанию.

— Ты находишь это смешным? — спросил Дункан.

— Нет, в действительности я вовсе не нахожу это смешным. Но мы все же сохраним ребенка Мурбеллы. Мне кажется, что это вполне удовлетворит нас.

— Я говорил с Мурбеллой, — сказал Дункан. — Она думает, что станет Преподобной Матерью и что вы примете ее в Бене Гессерит.

— А почему нет? Ее клетки прошли испытание Сионы. Я думаю, что из нее получится великолепная Сестра.

— Она что, действительно вам подходит?

— Ты имеешь в виду, что она решила примкнуть к нам и идти с нами до тех пор, пока ей станут ведомы наши секреты, а потом она сбежит? О, это мы знаем и без тебя, Дункан.

— Вам не кажется, что она сможет просто обвести вас вокруг пальца и сбежать?

— Когда мы берем их, то мы их никогда не теряем.

— Вам не кажется, что вы потеряли леди Джессику?

— Она вернулась к нам перед смертью.

— Зачем ты вообще приехала ко мне?

— Думаю, что ты заслужил знать замысел Верховной Матери. Этот замысел был направлен на разрушение Ракиса. Она хотела уничтожения практически всех червей.

— Господи, а это-то зачем?

— Это были своеобразные оракулы, которые держали нас в зависимости. Жемчужины сознания Тирана усугубляли этот гнет. Он не предсказывал события, он их создавал.

Дункан показал рукой на корму корабля.

— Но что…

— Об этом черве? Он пока только один. До тех пор, пока он достигнет достаточной численности

и снова станет влиятельным, человечество пойдет по истории своим путем, без него. Мы к тому времени будем достаточно многочисленными, и сможем делать множество разнообразных вещей. Не будет больше такого положения, чтобы миром правила только одна сила. Никогда не будет.

Она встала.

Дункан молчал, тогда Одраде снова заговорила:

— В определенных пределах, которые не покажутся тебе узкими, ты сможешь вести ту жизнь, какую пожелаешь. Я обещаю, что помогу тебе.

— Зачем тебе это нужно?

— Потому что тебя любили мои предки. Потому что тебя любил мой отец.

— Любовь? Вы, ведьмы, не можете чувствовать любви!

Она смотрела на него почти минуту. Высветленные волосы потемнели у корней и снова стали виться колечками, особенно на шее.

— Я чувствую то, что я чувствую, — сказала она. — А твоя вода — наша, Дункан Айдахо.

Заметив, что это фрименское напутствие возымело свое действие, она пошла к выходу.

Перед тем как покинуть корабль, она зашла в отсек, где на подушке из ракисского песка непо-

движно лежал червь. Она смотрела на червя с высоты около двухсот метров. Одраде почувствовала, как в ее памяти смеется Тараза.

Мы были правы, а Швандью и ее люди ошибались. Мы знали, что он хочет уйти. Он должен был этого хотеть после того, что он сделал.

Она говорила вслух, громким свистящим шепотом, больше себе, нежели наблюдателям, которые размещались здесь, чтобы не пропустить момент, когда начнется метаморфоз.

— Теперь мы знаем твой язык, — сказала она.

Это был язык без слов, только жесты и танцы, настоящий язык нашей танцующей и жестикулирующей вселенной, наречие которой не может быть переведено, на нем можно только говорить. Для того чтобы понять значение, надо испытать этот язык, но и то, смысл сказанного может измениться в следующую же минуту. Благородная цель — это непереводимый опыт. Но, глядя вниз на грубое теплоизолирующее укрытие червя из Ракисской Пустыни, Одраде поняла, что перед ней лежит воплощенная благородная цель.

Она мягко окликнула червя:

— Эй, старый червь! Ты замышлял именно это?

Ответа не последовало, да Верховная Мать и не

ожидала никакого ответа.